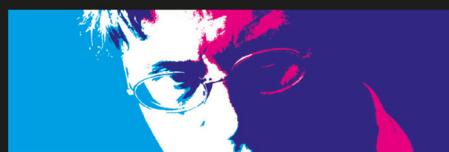
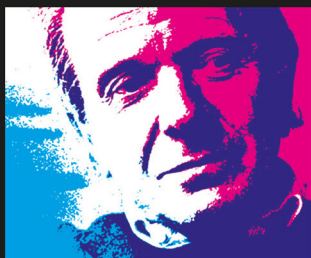

Франсуа Досс

...ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ

ФЕЛИКС ГВАТТАРИ ПЕРЕКРЕСТНАЯ БИОГРАФИЯ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

François Dosse

Gilles Deleuze
et
Félix Guattari

Biographie
croisée

Франсуа Досс

Жиль Делёз и Феликс Гваттари

Перекрестная биография

Перевод с французского
Инны Кушнарёвой

Под научной редакцией
Михаила Маяцкого

| ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО |
Москва | 2021

УДК 17
ББК 87.3
Д70

Досс, Франсуа

Д70 Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография / Перевод с французского И. Кушнарёвой, под научной редакцией М. Маяцкого. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 672 с. (Интеллектуальная биография). — ISBN 978-5-85006-347-4

Жиль Делёз был философом. Феликс Гваттари — психоаналитиком. Жизнь и совместное творчество этих важнейших фигур французской интеллектуальной жизни второй половины XX века — яркий пример политического и интеллектуального расцвета в период мая 1968 года. Делёз (1925–1995) преподавал философию в экспериментальном университете Венсена и, опираясь на глубокое осмысление истории философии, взялся за уникальную работу по созданию концептов. Феликс Гваттари (1930–1992) был профессиональным психоаналитиком и одним из первых учеников Лакана. Участник многочисленных левых движений, он вел практику в психиатрической клинике Ла Борд и создал в 1966 году самоуправляемый научно-исследовательский коллектив — Центр институциональных исследований и образования. Их знакомство друг с другом в 1969 году положило начало большой дружбе и беспрецедентным интеллектуальным приключениям. Начиная с «Анти-Эдипа» и заканчивая «Тысячей плато» и «Что такое философия?», они напишут вдвоем произведения, не имеющие аналогов по своей концептуальной изобретательности и многообразию отсылок, направленные на борьбу с психоанализом и капитализмом.

В этой двойной биографии Франсуа Досс, опираясь на работу с неизданными архивными материалами и длительные беседы с многочисленными свидетелями, выявляет логику работы, соединяющей теорию и эксперимент, создание концептов, критическую мысль и общественную практику. Досс исследует секреты уникального совместного творчества, образующего отдельную страницу нашей интеллектуальной истории, до сих пор не утратившую актуальности.

УДК 17
ББК 87.3

ISBN 978-5-85006-347-4

“Gilles Deleuze et Felix Guattari: Biographie croisée” by François Dosse
© Editions LA DÉCOUVERTE, Paris, France, 2007, 2009
© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021

Содержание

Слова благодарности · 9

Пролог. «Мы двое», или Между двоими · 12

ЧАСТЬ I. СКЛАДКА: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

Глава 1. Феликс Гваттари. Психополитический маршрут:
1930–1964 · 35

«Есть такая вкусная Банания» · 35; Травматическая сцена · 38;
Выход из войны · 41; Троцкизм · 46; Феликс: лаканианец
первого призыва · 54

Глава 2. Ла Борд: между мифом и реальностью · 58

Преемственность с институциональной психотерапией · 59;
Новый строитель: Жан Ури · 62; Нашествие «варваров» · 69

Глава 3. Повседневная жизнь в Ла Борд · 77

Многочисленные институциональные связи · 77; Рабочая группа
по институциональной психотерапии и социотерапии · 83;
Трансверсальности · 86; Семья Гваттари и ее распад · 88;
Доказательство от Лакана · 96; Линии блуждания · 98

Глава 4. Критические исследования проходят испытание
на деле · 102

Трансдисциплинарность в действии · 102;
«Левая оппозиция» · 106; В поисках программы · 112

Глава 5. Жиль Делёз: брат героя · 117

Первые уроки · 119; «Новый» Сартр · 121; Остров Сен-Луи · 130;
Пробуждать философские призвания · 132

Глава 6. Искусство портрета · 141

Возвращение к Юму · 144; Латентная фаза · 150;
Неминуемый Кант · 159; Пруст в поисках истины · 161

Глава 7. Ницше, Бергсон, Спиноза: триада
для виталистской философии · 166

Один из трех учителей сомнения: Ницше · 166; Бергсон:
жизненный порыв · 174; Философия утверждения: Спиноза · 184;

Глава 8. Делезианство: онтология различия · 194
Ниспровержение платонизма и гегельянства · 194; Различие как таковое · 196; Расколотое когито · 204; Реабилитация побежденных · 207; Другая метафизика · 213

Глава 9. Май 1968-го: учреждающий разрыв · 219
Как рыба в воде · 219; Делёз прислушивается к 1968 году · 227

ЧАСТЬ II. СКЛАДКИ РАЗГЛАЖИВАЮТСЯ, БИОГРАФИИ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ

Глава 10. Огонь по психоанализу! · 233
Лакан в Лионе у Делёза · 236; Лакан-Делёз в непосредственной близости · 237; Рабочий диспозитив на два голоса · 244; Попытка исторической антропологии · 254; За шизоанализ · 259

Глава 11. Анти-Эдип · 262
Линия ускользания, позволившая избежать рифов терроризма · 262; Громкий издательский успех · 264; Дискуссии у аналитиков · 266; Поддержка Жирара, Лиотара, Фуко... · 271; «Анти-Эдип» по прошествии времени · 277

Глава 12. Машина против структуры · 283
Машина войны против структурализма · 283; Свергнуть структурализм посредством гуманитарных наук · 292; Свергнуть структуралистскую семиологию · 293; Шизоанализ против психоанализа · 297; Политическая антропология против структуралистской антропологии · 300

Глава 13. «Малая» литература под двойным прицелом · 305
«Это ризома, нора» · 305; Событие Кафка · 311

Глава 14. «Тысяча плато»: геофилософия политики · 315
Пространственные логики · 325; Случай народа без земли: палестинцы · 327; Политическая прагматика в мировом масштабе · 330

Глава 15. CERFI в своих сочинениях · 338
Самоуправляемый научный коллектив · 339; Прояснять государственные решения · 342; Искусство скандала · 345; Солидный издательский успех · 349; Слушать участников событий · 356

Глава 16. «Молекулярная революция»:
Италия, Германия, Франция · 359
Итальянский май 1968 года: 1977 · 359; Ответный удар Болоньи · 367; Германия под гнетом · 369; Свинцовые годы в Италии · 373; От королевского шута к свободному эфиру · 380

Глава 17. Делёз и Фуко: философская дружба · 385
История Группы информирования о тюрьмах · 389; Момент расколов · 394; Истина · 400; Зеркальные отражения · 404; Два философа события · 405; Делёз, читатель Фуко · 410; Кончина · 412

- Глава 18. Альтернатива психиатрии? · 417
Антипсихиатрия · 417; «Сеть — Альтернатива психиатрии» · 422;
Обвинения в педофилии · 425; Захват поместья Гурга · 427;
Интернационализация сети · 428
- Глава 19. Делёз в Венсене · 432
Венсенский котел · 432; Внутренняя борьба · 435; Делёз-педагог · 444
- Глава 20. 1977: год сражений · 453
«Картофельный фашизм» · 457; Новые философы:
«проходняк» · 468

ЧАСТЬ III. СВЕРХСКЛАДКИ: 1980–2007

- Глава 21. Гваттари между культурным активизмом
и экологией · 475
Коридоры власти · 476; Сумбур в отношениях · 478;
Экологическая революция · 481; Хаосмос · 487;
Крушение мира: 1989 год · 490
- Глава 22. Делёз идет в кино · 493
Попутчик *Cahiers du cinéma* · 493; Новая бергсоновская
метафизика · 504; Критика семиологии кино · 508;
Первопроходцы изучения кино в университете · 511;
Буря 1939–1945 годов · 515; От образа-движения к образу-
времени · 518; Мысль-образ · 520
- Глава 23. Гваттари и эстетика, или Компенсация
за зимние годы · 525
Жозефина · 528; Писательство · 531
- Глава 24. Делёз в диалоге с художественным
творчеством · 539
Работа с художниками · 539; Музыка прежде всего · 550;
Складки имманентности · 559
- Глава 25. Художественная философия · 567
Философствовать значит создавать концепты · 568; Аффекты
и перцепты · 573; Эстетика жизни · 575
- Глава 26. Завоевание Запада · 579
Лотренже как проводник · 579; Курс на Дикий Запад · 584;
Университетская эстафета · 586; Американское
помешательство · 596
- Глава 27. На всех широтах · 600
Земля обетованная: Япония · 602; Бразилия: страна надежд · 606;
Мексиканские границы · 610; Чилиец, бежавший
от Пиночета · 612; Еще одна заповедная страна: Италия · 613
- Глава 28. Две смерти · 617
Траур по другу · 620; Кислородное голодание до самой
смерти · 624

Глава 29. Дело завершено, дело продолжается · 630
Первые комментаторы · 630; Эстафета, принятая новым
поколением · 632; Новая культурная и политическая
радикальность · 636; Критики критики · 639; Современная
машинная мысль · 642; Рост актуальности · 647

Заключение · 652

Список сокращений · 658

Указатель имен · 660

Слова благодарности

Я благодарю всех тех, кто великодушно поделился со мной своими свидетельствами в ходе интервью, проводившихся с 2004 по 2006 год. Их вклад неоценим. Он стал частью основного материала, позволившего написать эту совместную биографию Жюль Делёза и Феликса Гваттари.

Это Альфред Адлер, Эрик Алье, Дадли Эндрю, Бернар Андриё, Манола Антониоли, Ален Аптекман, Оливье Апрель, Филипп Артьер, Зафер Аракагёк, Франсуа Обраль, Даниэль Офре, Жак Омон, Костас Акселос, Ален Больё, Раймон Беллур, Тома Бенатуй, Реда Бенсмайя, Дени Берже, Джузеппе Бьянко, Пьер Бланшо, Паскаль Бонитцер, Джулиан Бург, Кристиан Бургуа, Константин Бундас, Кристин Бюси-Глюксман, Бернар Каш, Мишель Картри, Паскаль Шабо, Пьер-Антуан Шардель, Ноэль Шатле, Жан Шено, Мишель Симан, Паскаль Критон, Эндрю Катрофелло, Фанни Делёз, Кристиан Декам, Марк-Ален Декам, Жак Донзло, Жан-Мари Дубле, Жан-Клод Дюмонсель, Эли Дюринг, Корин Энодо, Жан-Пьер Фай, Пьеретт Флётю, Франсуа Фурке, Даниэль Франко, Жерар Фроманже, Морис де Гандийяк, Роже Жанти, Фернандо Гонсалес, Фредерик Гро, Лоренс Гросберг, Брюно Гваттари, Эмманюэль Гваттари, Жан Гваттари, Ален и Даниэль Гийерм, Николь Гийе, Сюзанн Эм де Лакотт, Юджин Холланд, Мишель Изар, Элеанор Кауфман, Лоуренс Крицман, Кристина Куллберг, Давид Лапужад, Клод Лемуан, Жан-Луи Лётра, Силвен Луазо, Сильвер Лотренже, Ив Мабен, Норман Мадараш, Робер Маджори, Жозе Маненти, Жан-Поль Манганаро, Патрис Манилье, Мишель Марье, Жан-Кле Мартен, Эрве Мори, Филипп Манг, Ален Мениль, Катрин Мийо, Оливье Монжен, Пьер Монтебелло, Лиан Мозер, Лион Мюар, Жан-Пьер Мюяр, Стефан Надо, Жан Нарбони, Тони Негри, Мигуэль Норамбуэна, Жан Ури, Франсуа Пэн, Доминик Паини, Жо Панаже, Тьерри Пако, Андре Де Суза Паренте, Джорджо Пассероне, Пол Паттон, Флоранс Петри, Ришар Пина, Рафаэль Пивидаль, Жан-Клод Полак, Матьё Потт-Бонвиль, Дэниэл Прайс, Джон Протеви, Оливье Керуй, Анн Керьян, Давид Рабуэн, Жак Рансьер, Франсуа Реньо, Оливье Рево д'Аллон, Жюдит

Ревель, Ален Роже, Жакоб Рогозенски, Сули Рольник, Элизабет Рудинеско, Жан-Мишель Салански, Элиас Санбар, Анн Сованьярг, Рене Шерер, Доминик Сеглар, Гийом Сибертен-Блан, Даниэль Сивадон, Жерар Сулье, Хиденобу Судзуки, Жан-Батист Тьере, Саймон Торми, Серж Тубианá, Мишель Турнье, Мишель Тубианá, Ги Трастур, Куниичи Уно, Жанна Ваанен, Поль Вен, Арно Виллани, Тициана Виллани, Дж. Макгрегор Вайз, Фредерик Вормс, Крис Юнес, Дорк Забунян, Франсуа Зурабишвили.

Я также выражаю живейшую благодарность Виржини Линар за переданные мне тексты интервью, которые она взяла в ходе подготовки своего исследования жизни Феликса Гваттари. Она щедро подарила мне эти исключительные материалы интервью, взятых в 2000 году. Среди тех, кого она проинтервьюировала, были: Эрик Алье, Раймон Беллур, Франко «Бифо» Берарди, Дени Берже, Жаки Берройе, Новелла Бонелли-Басано, Жак Бриер, Бриветт Бюканан, Мишель Бютель, Мишель Картри, Габи Кон-Бендит, Мари Депюссе, Жизель Донар, Жан-Мари Дубле, Элен Дюпюи Де Лом, Мони Элькаим, Патрик Фарбиа, Жан-Пьер Фай, Франсуа Фурке, Жерар Фроманже, Жервез Гарно, Саша Гольдман, Брюно Гваттари, Эмманюэль Гваттари, Жан Гваттари, Николь Гийе, Татьяна Кекоевич, Жан-Жак Лебель, Сильвер Лотренже, Пьер Манар, Люсьен Мартен, Рамондо Матта, Жинетт Мишо, Жан Марко Монтесано, Ян Мулье-Бутан, Лион Мюар, Тони Негри, Жан Ури, Пьер Паше, Франсуа Пэн, Жо Панаже, Жан-Клод Полак, Анн Керьян, Жак Робен, Мишель Ростен, Доминик Сеглар, Жерар Сулье, Изабель Стенгерс, Масааки Сугимура, Поль Вирилио, Клод Вивьен.

Я также хочу от всего сердца поблагодарить моего друга Жан-Кристофа Годдара за приглашение на двухдневную конференцию по «Анти-Эдипу» 2 и 3 декабря 2005 года в университете Пуатье.

Я также благодарю Анн Сованьярг и Гийома Сибертена-Блана за организацию семинара «Чтение „Тысячи плато“ Делёза и Гваттари» (2005–2006) в рамках рабочей группы «Делёз, Спиноза и социальные науки» на базе Центра исследования риторики, философии и истории идей (CERPHI).

Я также благодарю Эмманюэль Гваттари за поддержку замысла этой книги и Жозе Руиса Фюнеса, помогавшего мне с доступом к архиву Гваттари в IMES (Институт современных издательских архивов).

Я также благодарю Фанни Делёз, Эмманюэль и Брюно Гваттари за разрешение опубликовать фотографии из личного архива.

Наконец, я хочу очень тепло поблагодарить тех, на кого я возложил тяжелую задачу быть моими первыми критическими читателями и кто помог мне существенно улучшить мою первоначальную рукопись.

Это были Манола Антониоли, Раймон Беллур, Франсуа Фурке, Юг Жаллон, Тьерри Пако, Гийом Сибертен-Блан и Даниэль Сивадон. И конечно же, я должен поблагодарить ту, кому пришлось на время пожертвовать своими собственными исследованиями, потому что я не мог обойтись без ее качеств стилиста — Флоранс Досс.

Пролог

«Мы двое», или Между двоими

В ЧЕТЫРЕ руки. Творчество Жиль Делёза и Феликса Гваттари до сих пор остается загадкой. Кто писал? Делёз или Гваттари? Делёз и Гваттари? Что именно? Каким образом с 1969 по 1991 год могла разворачиваться эта интеллектуальная конструкция, при таких различных типах чувствительности и столь разительно контрастирующих стилях? Как можно было быть настолько близкими и в то же время всегда поддерживать дистанцию, отразившуюся в том, что они обращались друг к другу на «вы»? Как описать это приключение, уникальное по своему драйву и способности породить своего рода «третьего» как плод союза двух авторов? В их общих текстах трудно понять, что кому принадлежит. По всей видимости, говорить о гипотетическом «третьем» значило бы слишком поспешить, поскольку на всем протяжении своего совместного приключения и тот и другой смогли сохранить свою идентичность и следовать своему уникальному пути.

В 1968 году Жиль Делёз и Феликс Гваттари вращались в совершенно разных кругах. Ничто не предвещало их встречи. С одной стороны, признанный философ, уже опубликовавший значительную часть своих работ, с другой — политический активист, работающий в сфере психоанализа и социальных наук, руководитель психиатрической лечебницы и автор всего нескольких статей. Если, не впадая в исторический телеологизм, согласиться с идеей журналиста Робера Маджори о том, что это была «судьбоносная» встреча¹, то каким образом смогли вступить в контакт эти два универсума? Мы увидим, что события мая 1968 года стали моментом такой интенсивности, что сделали возможными самые невероятные встречи. Но начнем с более прозаических вещей. У истоков этой встречи стоял посредник, скрытный, переменчивый и очень важный персонаж: доктор Жан-Пьер Мюяр, работавший в клинике Ла Борд. Об этом сви-

1. Робер Маджори, интервью с автором.

детельствует подпись, сделанная Феликсом Гваттари на их первой с Делёзом совместной книге, «Анти-Эдипе»: «Жан-Пьеру, истинному виновнику, катализатору, инициатору этого губительного предприятия».

Жан-Пьер Мюяр изучал медицину в Лионе в конце 1950-х годов. Активист левого крыла Национального союза французских студентов (UNEF), активно выступавшего против войны в Алжире, в 1960 году он становится председателем лионского отделения этой организации. Он знакомится с Жан-Клодом Полаком, тогдашним президентом Генеральной ассоциации студентов-медиков Парижа. Параллельно с изучением психиатрии, на которой он специализируется, Мюяр изучает в Лионе социологию на гуманитарном факультете. Помимо прочего, он увлеченно слушает лекции философа Анри Мальдине. В 1965 году Мюяр становится вице-президентом Национальной страховой организации французских студентов (MNEF) и активно участвует в создании Бюро психологической помощи в университетах (BAPU). Он впервые встречается Гваттари на семинаре «Левой оппозиции», проходившем в 1964 году в Пуаси, на который его пригласил Полак:

Мне вспоминается, если так можно выразиться, физиологическое впечатление, которое произвел на меня Гваттари, от него исходило что-то вроде вибраций, напоминавших процесс подключения. Именно там у нас с ним возник контакт, и меня больше притягивало это движение энергии, чем личность и человек. У него был исключительный ум, того же типа, что у Лакана, поистине люциферовская энергия. Если считать Люцифера ангелом света².

В 1966 году Николь Гийе просит Мюяра перебраться в Ла Борд: больнице не хватает врачей, и она не справляется с наплывом пациентов. На какое-то время он туда переедет и останется до 1972 года. Его участие в политике и профессиональная деятельность в Ла Борд делают Мюяра полноправным членом «шайки Феликса».

Обучаясь в Лионе, Мюяр слышал, с каким энтузиазмом его сокурсники с гуманитарного факультета отзывались о лекциях Делёза. У него сохранились контакты в Лионе, он ездит туда время от времени. В 1967 году его восхитило «Представление Захер-Мазоха», опубликованное Делёзом³. Они подружились,

2. Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

3. Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха», Л. фон Захер-Мазох, *Венера в мехах*, Москва: Культура, 1992.

и у Делёза, желавшего поближе познакомиться с миром психотиков, произошел с Мюяром следующий разговор: «Он сказал мне: я говорю о психозе, о безумии, но совершенно не знаю их изнутри. В то же время он страшно боялся сумасшедших. Он и часа не мог пробыть в Ла Борд»⁴.

В 1969 году Мюяру надоедает бурная деятельность Гваттари в Ла Борд, где тот без конца распускает сложившиеся группы, чтобы создавать новые: «Это как тот препарат, который сегодня дают гиперактивным детям, Риталин. Нужно было его каким-то образом успокоить. Он говорил, что хочет писать, и ничего не писал»⁵. У Мюяра родился хитроумный план: он решил свести Гваттари с Делёзом. В июне он посадил в машину Гваттари и Франсуа Фурке и отвез их в Лимузен, в Сен-Леонар-де-Нобла. Взаимная очарованность Гваттари и Делёза возникла мгновенно. У Гваттари полно историй на темы, интересовавшие Делёза: безумие, Ла Борд и Лакан — он подготовил доклад «Машина и структура», предназначенный первоначально для «Парижской школы фрейдизма»⁶. В своей аргументации он использует концепты, предложенные Делёзом в «Различии и повторении» и «Логике смысла».

Это важный текст. До сих пор Гваттари находился в положении ученика Лакана и начал выступать в качестве собеседника, претендующего на место излюбленного партнера мэтра. Неоднозначное отношение к нему Лакана и выбор в пользу клана альтюссеррианцев-маоистов с улицы Ульм, Миллера и Мильнера, по сути дела, оттеснили Гваттари на задний план:

Когда я в 1969 году познакомился с Делёзом, я буквально набросился на представившуюся возможность. Я продвинулся в споре с лаканизмом по двум пунктам: эдипов треугольник и редукционистский характер тезиса Лакана об означающем. Все остальное начало рушиться как зуб, пораженный кариесом, как прогнившая стена⁷.

Со своей стороны, Делёз переживает поворотный момент в творчестве. Посвятив несколько книг истории философии, Юму, Канту, Спинозе, Ницше, он публикует в 1969 году две более личные книги — свою диссертацию «Различие и повторе-

4. Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

5. Там же.

6. Félix Guattari, «Machine et structure», *Change*, №12, Paris: Seuil, 1972; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, Paris: Maspero, 1972; rééd. Paris: La Découverte, 2003, p. 240–248; см. главу 12 настоящего издания.

7. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 27 октября 1984 года, ГМЕС.

ние»⁸ и «Логику смысла»⁹. Но в тот момент философия подвергается резкой критике со стороны структурализма и его передового крыла, лаканизма. Повсеместный «психоанализм», повальное увлечение Лаканом воспринимаются как вызов, брошенный философу. Встреча с Гваттари даст Делёзу прекрасную возможность на него ответить.

В момент своего знакомства с Гваттари Делёз проходит реконвалесценцию. За год до этого после обострения туберкулеза он перенес тяжелую операцию по удалению легкого, из-за которой будет до конца жизни страдать хронической дыхательной недостаточностью. Изнуренный операцией, он вынужден целый год отдыхать в тиши в Лимузене. Но это изнурение также оказывается преддверием чего-то нового, как Делёз показывает на примере Беккета¹⁰. Это состояние располагает к встрече. Тем более что Делёз очутился на краю еще одной пропасти, о которой говорит в «Алфавите»: алкоголизма. Встреча с Гваттари сыграла ключевую роль в том, чтобы выбраться из этого тупика.

Чтобы продолжить и расширить этот диалог с Делёзом от психиатрии, Мюяр предлагает Делёзу и Гваттари встретиться в замке Дюизон, который Гваттари снимает поблизости от Ла Борд. Именно там трио, состоящее из Делёза, Мюяра и Гваттари, постоянно обсуждает содержание будущей книги, которой предстоит стать «Анти-Эдипом». Письмо Франсуа Фурке его другу Жерару Лаборду от 19 августа 1969 года так описывает атмосферу, царящую в Дюизоне:

Контекст здесь презабавный. Присутствие Делёза в Дюизоне вызвало целую серию явлений, и, полагаю, эта серия будет продолжаться долго. Здесь полно народу: помимо Феликса и Арлетт, присутствуют Ростен, Лиан, Эрве, Мюяр, Элда и т. д., и все они водят хороводы вокруг первичной сцены, повторяющейся каждое утро: Феликс и Делёз творят, очень интенсивно, Делёз делает заметки, поправляет, критикует, соотносит придумки Феликса с историей философии. Короче говоря, это работает, хотя и не без неприятного осадка в семействе (куда входим и мы с Женеьевой), тем более что один из младших братьев допущен до битвы титанов: Мюяр, исторически стоявший у истоков знакомства Делёза с Феликсом¹¹.

Мюяр еще некоторое время играет роль посредника, а затем полностью самоустраниется:

-
8. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, СПб.: Петрополис, 1998.
 9. Жиль Делёз, *Логика смысла*, Москва: Академический проект, 2011.
 10. Gilles Deleuze, Postface à Samuel Beckett, *Quad*, Paris: Minuit, 1999.
 11. Франсуа Фурке, письмо Жерару Лаборду, 19 августа 1969 года, передано Франсуа Фурке.

Я сделал свое дело, и теперь Мефистофель может уходить. Я интуитивно почувствовал, что нахожусь не на своем месте, хотя Делёз хотел со мной работать и хотел, чтобы я присутствовал на сессиях, но я ощущал, что стесняю Феликса. Алхимическая реакция произошла и продолжалась еще долго¹².

Перед своей первой встречей Делёз и Гваттари обменялись весной 1969 года несколькими письмами, которые свидетельствуют о зарождающейся дружбе.

Дорогой друг, я все-таки должен найти способ выразить, до какой степени был тронут вниманием, оказанным вами статьям, которые я вам послал. Медленное, пристальное чтение «Логики смысла» навело меня на мысль, что между нами есть глубокая гомология «точек зрения». Встреча с вами, когда у вас появится возможность встретиться, образует для меня уже сейчас ретроактивно присутствующее событие, исходящее из нескольких истоков¹³.

Так пишет Гваттари 5 апреля 1969 года, рассказывая Делёзу о своих трудностях с письмом и нехватке времени на него из-за деятельности в Ла Борд. Зато «Логика смысла» заставляет его поверить, что он общается с Делёзом как будто при помощи ультразвука. В предыдущем письме, которое он послал одной из своих бывших студенток, Айяле, Делёз сообщил, что хочет собрать все тексты, которые ему передал Гваттари. Феликс скептичен: «Но разве это не просто наброски, эскизы?»¹⁴

Некоторое время спустя, в мае 1969 года, Делёз написал Гваттари:

У меня тоже было такое чувство, что мы стали друзьями еще до того, как познакомились. Поэтому прошу прощения за мою настойчивость касательно следующего пункта. Очевидно, что вы придумываете и используете целый ряд новых, очень сложных концептов, родившихся из вашей практики в Ла Борд: например, фантазия группы или же ваш концепт трансверсальности, который, как мне кажется, способен преодолеть старый, но неумирающий дуализм «индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного»¹⁵.

Делёз считает, что эти концепты нуждаются в теоретической проработке, и не соглашается с Гваттари, когда тот пытается утверждать, что его нынешняя бурная жизнь — не самый подходящий момент для письма. В таком случае это означало бы,

12. Жан-Пьер Мюяр, интервью с автором.

13. Феликс Гваттари, письмо Жилье Делёзу, 5 апреля 1969 года, I МЕС.

14. Там же.

15. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 13 мая 1969 года, I МЕС.

что «писать можно только тогда, когда всё хорошо, тогда как в письме следует видеть скромный, но активный и действенный фактор, помогающий на время отстраниться от гущи событий и почувствовать себя лучше»¹⁶. Делёз пытается убедить Гваттари, что час этой теоретической проработки настал. В конце концов, «другое решение — публиковать статьи как есть — становится желательным и наилучшим»¹⁷. Результатом станет сборник «Психоанализ и трансверсальность», вышедший в 1972 году с предисловием Делёза¹⁸.

1 июня 1969 года Гваттари признаётся Делёзу в своих слабостях и причинах своего «экстремистского сумбура»¹⁹. «Расстройство письма» связано с недостаточной работой, недостаточной теоретической начитанностью и страхом снова погрузиться в то, что было давным-давно заброшено. К этому нужно добавить сложную личную историю, грядущий развод, троих детей, клинику, всевозможные дразги, политические группы, FGERI...²⁰ Что же касается собственно теоретической разработки, то для него «концепты — это инструменты, приемчики»²¹.

Сразу после их первой встречи в июне 1969 года Делёз пишет Гваттари, чтобы уточнить, как он видит их совместную работу:

Очевидно, что нужно отказаться от любого политеса, но не от формы дружбы, которая позволяет сказать друг другу: вы что-то придумали, я не понимаю, это не пойдёт... и т.д. Необходимо, чтобы Мюяр обязательно принимал участие в этой переписке. Наконец, нужно, чтобы в ней не было принудительной регулярности²².

Из их первых бесед Делёз вынесет мысль о том, что

...формы психоза не проходят через эдипов треугольник, во всяком случае не всегда и не так, как об этом говорят. Вот что самое главное, как мне кажется... Трудно выйти из «фамилиализма» психоанализа папы-мамы (мой текст, который вы читали, так и не смог от него избавиться)... Нужно, таким образом, показать, как, например, в психозе социально-экономические механизмы способны вывести непосредственно на бессознательное. Это не означает,

16. Там же.

17. Там же.

18. Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*.

19. Феликс Гваттари, письмо Жилью Делёзу, 1 июня 1969 года, I M E C.

20. FGERI — Федерация групп по институциональным исследованиям, созданная в 1965 году Гваттари.

21. Феликс Гваттари, письмо Жилью Делёзу, 1 июня 1969 года, I M E C.

22. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 16 июля 1969 года, I M E C.

очевидно, что они выводят на него *как таковые* (как прибавочная стоимость, процентные ставки...), это означает нечто гораздо более сложное, вроде того, о чем вы однажды говорили — что сумасшедшие создают не только космогонию, но и экономику-политику, или когда вы с Мюяром рассматривали связь между капиталистическим и шизофреническим кризисом²³.

Делёз добавляет: то, что социальные структуры выводят «непосредственно» на психотическое бессознательное, можно понять при помощи двух концептов Гваттари, *«машины и анти-производства»*, которые он пока еще плохо знает. Делёз также поддерживает Гваттари в его критике фамилиализма:

Направление, которое вы открываете, представляется мне очень богатым по следующей причине: обычно создается моральный образ бессознательного, либо чтобы сказать, что бессознательное аморально, преступно и т. д., даже если при этом добавляется, что это очень хорошо, либо чтобы сказать, что есть бессознательная мораль (сверх-я, закон, трансгрессия). Я однажды сказал Мюяру, что так дело не пойдет и что бессознательное *не* религиозно, не имеет ни «закона», ни «трансгрессии» и что это всё глупости... Мюяр ответил мне, что я преувеличиваю и что закон и трансгрессия, как они выводятся из Лакана, не имеют ничего общего со всем этим. Он, конечно, был прав, но это неважно, в любом случае мне представляется ложной вся теория сверх-я и вся теория виновности²⁴.

Это письмо, написанное как раз перед длинными рабочими сессиями в августе 1969 года в Дюизоне, показывает, что главная мишень «Анти-Эдипа», вышедшего три года спустя, была ясна уже тогда: «эдипов треугольник» и фамилиалистский редукционизм психоаналитического дискурса. Гваттари очень быстро отвечает Делёзу 19 июля, объясняя свой концепт машины, которая «метонимически выражает машину промышленного общества»²⁵. Кроме того, 25 июля Гваттари посылает Делёзу несколько заметок, в которых уже утверждает эквивалентность капитализма и шизофрении: «Капитализм — это шизофрения, потому что общественная структура не могло принять производство „шизофреника“»²⁶.

В центре теоретических ставок сразу же оказываются их отношения друг с другом. Они возникают из мгновенного дружеского и интеллектуального взаимопонимания. Однако эта дружба

23. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 16 июля 1969 года, I МЕС.

24. Там же.

25. Феликс Гваттари, письмо Жилью Делёзу, 19 июля 1969 года, передано Франсуа Фурке.

26. Феликс Гваттари, несколько заметок о президенте Шребере, посланные Жилью Делёзу 25 июля 1969 года, I МЕС.

никогда не будет слиянием, и они всегда будут обращаться друг к другу на «вы», хотя оба легко переходили с другими людьми на «ты». Они — выходцы из двух разных миров и уважают друг друга и ту сеть отношений, которая сложилась у каждого. Самое условие успеха их совместного интеллектуального предприятия состоит в том, чтобы мобилизовать все, составляющее различие в их характерах, использовать то, что дает контраст, а не в фактическом слиянии. У них очень высокие представления о дружбе: «Они сохранили дистанцию, которую Янкелевич называл „любовной дистанцией“, то есть дистанцией, которая не фиксируется. В отличие от гносеологической дистанции, любовная дистанция возникает из сближения/удаления»²⁷. Конечно, Гваттари, боявшийся оставаться с Делёзом один на один и привыкший всегда работать «в группе», хотел привлечь к проекту своих друзей из CERFI (Центр институциональных исследований и образования)²⁸. Случай сделать это представился с приездом Делёза в Дюизон: ближайшие коллеги по CERFI уже были там, и им не терпелось поучаствовать в работе Делёза и Гваттари. Но свидетельство Франсуа Фурке не оставит сомнений: о сотрудничестве не могло быть и речи. Делёз страшно боялся неаргументированных обсуждений в группе и мог себе представить только работу вдвоем, максимум втроем.

Тогда подруга Гваттари Арлетт Донати рассказывает ему о сомнениях Делёза. Работа над их первой совместной книгой будет вестись преимущественно по переписке²⁹. Этот метод письма в корне меняет повседневную жизнь Гваттари, которому теперь приходится погружаться в работу в одиночестве, к чему он совершенно не привык. Делёз ждет, что Гваттари будет садиться за работу спозаранку, записывать на бумаге свои идеи (их же у него по три штуки в минуту) и каждый день отсылать написанное как есть, не перечитывая. Делёз, таким образом, принуждает Гваттари к той аскезе, без которой, как он считает, невозможно решить проблемы с письмом. Гваттари целиком включается в эту игру и уединяется у себя в кабинете, чтобы работать как каторжный. Каждый день Гваттари, привыкший командовать своими «шайками», оказывается запертым в одиночестве в кабинете до четырех часов дня. В Ла Борд он приезжает только к концу рабочего дня, на короткое время, и обычно

27. Робер Маджори, интервью с автором.

28. CERFI — исследовательская группа по социальным наукам, созданная Феликсом Гваттари во второй половине 1960-х годов.

29. Это подтверждает работа по систематизации текстов, которые Гваттари посылал Делёзу в ходе подготовки «Анти-Эдипа», проделанная в: Stéphane Nadaud, *Écrits pour l'Anti-Œdipe*, Paris: Lignes-Manifeste, 2004.

уже к шести часам вечера возвращается обратно в Дюизон. Жан Ури воспринимает это изменение как «предательство»: Гваттари, участвовавший во всех делах Ла Борд, теперь отключается, чтобы посвятить себя работе с Делёзом. Его подруге Арлетт Донати даже приходится приносить ему в полдень обед: он не допускает никаких перерывов.

Метод работы над «Анти-Эдипом», таким образом, сводился к тому, что Гваттари присылал подготовительные тексты, которые Делёз дорабатывал и шлифовал, чтобы получить окончательный вариант: «Делёз говорил, что Феликс находил алмазы, а он был их огранщиком. То есть Гваттари должен был посылать ему тексты в сыром виде, а тот приводил их в порядок, так это происходило»³⁰. Итак, их совместная работа в большей степени шла через обмен текстами, а не через диалог, хотя они устраивают каждую неделю рабочее совещание у Делёза дома, по вторникам во второй половине дня, в день, утром которого Делёз читает свой курс в Венсене. В хорошую погоду Делёз сам приезжал к Гваттари, но при этом всячески чурался сумасшедших, которых не выносил:

Однажды мы ужинали в Дюизоне, Феликс, Арлетт Донати, Жиль и я, и тут позвонили из Ла Борд, сообщив, что один пациент поджег часовню в замке и сбежал в лес. Жиль побледнел, я замер, а Феликс объявил, что нужна помощь в поисках этого типа. Жиль мне сказал тогда: «Как ты переносишь шизиков?» Он не выносил вида сумасшедших³¹.

Как Гваттари, так и Делёз не раз объясняли принципы своей совместной работы, хотя никогда не были до конца откровенны. Рассказывая в момент выхода в свет «Анти-Эдипа» об их письме вдвоем, Гваттари подчеркивает:

Это сотрудничество — не результат просто встречи двух индивидов. Помимо определенного стечения обстоятельств, нас подвел к нему весь политический контекст. Первоначально речь шла о том, чтобы поделиться друг с другом не столько знаниями, сколько накопленными сомнениями и даже некоторой растерянностью перед тем, какой оборот приняли события после мая 1968 года³².

30. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, I M E C.

31. Ален Аптекман, интервью с автором.

32. Félix Guattari, «Deleuze et Guattari s'expliquent», table ronde avec François Châtelet, Pierre Clastres, Roger Dadoun, Serge Leclaire, Maurice Nadeau, Raphaël Pividal, Pierre Rose, Horace Torrubia, *La Quinzaine littéraire*, № 143, 16–30 juin 1972; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974*, éd. David Lapoujade, Paris: Minuit, 2002, p. 301.

Делёз, со своей стороны, замечает:

Что касается техники этой книги, то писать вдвоем было не-сложно, дело было в определенной функции, которую мы стали замечать по ходу дела. В книгах по психиатрии или даже по психоанализу шокирует разделение между тем, что говорит предположительный больной, и тем, что говорит лечащий его врач... Станным образом, если мы попытались преодолеть это традиционное разделение, то именно потому, что писали вдвоем. Никто из нас не был ни сумасшедшим, ни психиатром, нужно было быть и тем и другим, чтобы начался процесс... Процесс — это то, что мы называем потоком³³.

Позднее в 1991 году в связи с выходом книги «Что такое философия?» Робер Маджори возьмет у них длинное интервью, и им снова представится случай объясниться по поводу их встречи и сотрудничества: «Мое знакомство с Феликсом произошло в связи с вопросом о психоанализе и бессознательном. Феликс некоторым образом указал мне на новую область, открыл новую сферу, хотя я и писал о психоанализе до этого и поэтому он мною заинтересовался»³⁴.

Из рассказов о встрече «исчез» посредник Жан-Пьер Мюяр. Делёз утверждает: «Феликс пришел ко мне», а Гваттари соглашается: «Я сам к нему пришел, но во второй раз это он предложил мне вместе работать»³⁵. Если они не слишком распространяются о том, как шла работа над рукописью — «секрет», говорит Делёз, — они более откровенны, когда речь заходит о совместной работе. Делёз упоминает Клейста, чтобы объяснить, что у него происходит с Гваттари. Когда идеи рождаются в разговоре, их появление сопровождается заиканием, эллипсами, нечленораздельными звуками — «дело не в том, что мы что-то знаем, дело в определенном состоянии нас самих...» — и Делёз подтверждает, что «вдвоем легче» привести себя в это состояние³⁶. У них были устные сессии, на которых, в качестве сухого остатка диалога, принимались решения о том, за какие темы браться. После этого каждый садился писать свои варианты, которые они посылали друг другу: «Один становится чем-то вроде вкрапления или цитаты в тексте другого, но через какое-то время уже не разобрать, кто кого цитирует. Это письмо с ва-

33. Ibid., p. 304–305.

34. Слова Делёза, процитированные Робером Маджори, *Libération*, 12 septembre 1991; переиздано в: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, Paris: Flammarion, 1994, p. 374.

35. Ibid., p. 374–375.

36. Gilles Deleuze, ibid., p. 375.

риациями»³⁷. Очевидно, такая совместная работа предполагает общность жизни, мысли, реакций на мир: «Условием такой совместной работы является существование имплицитного, необъяснимого общего фона, который заставляет нас смеяться и тревожиться по тем же поводам, расстраиваться и воодушевляться одними и теми же вещами»³⁸.

Гваттари тоже говорит об устных сессиях и обмене вариантами текста. В любом случае это диалог между двумя людьми с очень разным характером:

Мы очень разные: так что ритмы освоения темы или концепта у нас тоже очень разные. Но, конечно, есть и взаимодополняемость. Я больше склонен к рискованным операциям, я — «концептуальный спецназовец» по внедрению на чужую территорию, если так можно выразиться. А у Жили тяжелое философское вооружение, интендантская служба в виде библиографии...³⁹

Делёз, всегда страшившийся дискуссий, которые казались ему бесплодным обменом мнениями, противопоставляет им практику разговоров, которые, наоборот, пробуждают внутреннюю полемичность высказывания. Их диалог возникает из самой настоящей аскезы: «Когда один говорит, другой замолкает. Это не только закон, необходимый для того, чтобы понять, услышать друг друга, но это означает, что один постоянно предоставляет себя в распоряжение другому»⁴⁰. Даже если идея, предложенная одним, кажется другому нелепой, он все равно обязывается искать для нее основание, а не оспаривать ее: «Даже если бы я сказал ему, что в центре земли смородиновое варенье, его роль состояла бы в том, чтобы найти основание для этой идеи (если идея была в этом!)»⁴¹. Из этого общения рождается настоящая «рабочая машина», в которой невозможно понять, что от кого исходит.

Самое главное, объясняет Делёз, трансформация *est* (быть) в *et* (и), не в смысле частного и чисто конъюнктивного отношения, а в смысле привлечения целой серии отношений. «И» относится к возможности творчества, к творческому заиканию, ко множественности: «„И“ — это ни одно ни другое, оно всегда между ними, это граница; всегда есть линия ускользания»⁴²

37. Gilles Deleuze, см.: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, p. 375–376.

38. Ibid., p. 376.

39. Félix Guattari, ibid., p. 376.

40. Gilles Deleuze, ibid., p. 376.

41. Ibid., p. 377.

42. *Ligne de fuite* — термин из теории перспективы, «линия схода». В русских переводах Делёза и Гваттари установился другой, более буквальный эквивалент: «линия ускользания». — Прим. ред.

или потока, только ее не видят, потому что она едва доступна восприятию. Именно на этой линии ускользания происходят события, совершается становление, зреют революции»⁴³. Это определяет уникальный характер их книг.

Выяснять отцовство того или иного концепта — значит, говоря словами Стефана Надо, «пренебрегать самым главным концептом в их работе: сборкой»⁴⁴. Весь их метод письма состоит в создании коллективной сборки высказывания, которая и является настоящим отцом придумываемых концептов. Родится ли из этого третий человек, становящийся результатом слияния двоих, Феликс-Жиль или «Гваттарёз», как обозвал его карикатурист Лозье? Следующие слова Делёза могут навести на эту мысль: «Но мы не сотрудничали как два человека. Мы были, скорее, как два ручья, которые сливаются в „единое“ третье, которое и было нами»⁴⁵. Тем не менее ничего подобного не было, и мы уже видели, до какой степени они соблюдали дистанцию, сохраняли различие, свою сингулярность, обращаясь друг к другу на «вы»:

Между нами существует самая настоящая политика диссенса, не культ, а культура гетерогенности, которая заставляет каждого из нас признавать и принимать сингулярность другого... Если мы что-то делаем вместе, то потому, что это работает, и потому, что нами владеет нечто нас превосходящее. Жиль — мой друг, а не приятель⁴⁶.

Идея сборки имеет фундаментальное значение для понимания уникальности этого метода. Делёз объясняет его своему японскому переводчику Куниичи Уно: «Высказывание не отсылает к субъекту. Нет никакого субъекта высказывания, есть только сборка. Это означает, что в одном и том же высказывании есть „процессы субъективации“, которые принимают разных субъектов, одних как образы, других как знаки»⁴⁷. Впрочем, именно со своим японским переводчиком Уно, бывшим студентом, ставшим другом, Делёз наиболее откровенен, говоря о процедуре совместной работы. Он представляет Гваттари как «звезду» группы и предлагает для описания их отношений красивую метафору встречи моря с холмом, который оно омывает своими волнами:

43. Жиль Делёз, *Переговоры*, СПб.: Наука, 2004, с. 65. Перевод изменен. — Прим. пер.

44. Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 12.

45. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 178.

46. Феликс Гваттари, цит. по: Robert Maggiori, *La Philosophie au jour le jour*, p. 378.

47. Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, 25 октября 1982 года; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, Paris: Minuit, 2003, p. 185.

Его [Феликса] следовало бы сравнить с морем, пребывающим в постоянном волнении, с постоянными бликами света. Он может перескакивать от одного занятия к другому, мало спит, путешествует, никогда не останавливается. Он не *перестает*. У него небывалые скорости. Я же больше похож на холм: мало двигаюсь, неспособен заниматься двумя делами сразу, у меня скорее бывают идеи-фикс, и редкие движения, которые у меня случаются, — это внутренние движения... Вдвоем из нас с Феликсом получается хороший борец сумо⁴⁸.

Делёз добавляет: «Только если поближе посмотреть на Феликса, можно заметить, что он очень одинок. Между двумя занятиями или среди множества людей он может погрузиться в глубокое одиночество»⁴⁹. Делёз поясняет своему японскому другу, что в Гваттари он видит выдумщика, наделенного изобретательностью и подвижностью, какую ему редко доводилось встречать: «Его идеи — рисунки или даже диаграммы. А меня интересуют концепты»⁵⁰.

Своим концептом машины и предложением заменить ею понятие структуры Гваттари дает Делёзу возможность выйти за пределы структуралистской мысли, которую тот искал уже в «Логике смысла». В том, что касается критики Лакана и его тезиса о том, что «бессознательное структурировано как язык», а также по части политического сознания Гваттари сильно обгоняет своего друга на момент их знакомства в 1969 году. Хотя у Делёза и остались некоторые наработки в области истории философии, в 1972 году он признаёт, что отстает от своего друга в некоторых важных сферах:

Но я работал только с концептами, и притом довольно робко. Феликс рассказывал мне о том, что он называл машинами желания: это была целостная теоретическая и практическая концепция машины бессознательного, бессознательного шизофреника. Тогда у меня было впечатление, что именно он опережал меня⁵¹.

Итак, это было счастье совместной работы, общего вклада, юмора, искреннего веселья. Более того, по словам их общего друга Жерара Фроманже,

...они гордились друг другом, каждый считал, что другой оказывает ему честь, выслушивая его. У них было необычайное доверие друг к другу, как у непохожих близнецов, которые дополняют друг дру-

48. Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, см.: Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 218.

49. Ibid., p. 218.

50. Ibid., p. 219.

51. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 26.

га. Между ними не было никакой зависти, они ничего друг от друга не утаивали во время рабочих сессий. Именно это обусловило качество их работы, эта тотальная открытость, дар доверия⁵².

Итак, вдвоем они создают настоящую лабораторию по испытанию эффективности концептов благодаря трансверсальному характеру их метода. Главное, что Гваттари дал Делёзу, — это глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере: «Чувствовалось, что знакомство с Феликсом принесло ему радость. Когда они виделись, было впечатление, что они рады друг другу. К тому же они виделись не слишком часто, зная, что отношения между людьми могут быстро портиться»⁵³.

Различие в характерах Делёза и Гваттари рождало то, что можно было бы назвать двухтактным двигателем: «У нас всегда был разный ритм. Феликс упрекал меня, что я не реагирую на письма, которые он мне посылал: а я просто не мог ответить сразу. Я мог воспользоваться ими только позднее, через месяц-другой, когда Феликс уже ускорился в другую сторону»⁵⁴. Зато в схватках, происходивших на рабочих сессиях, они загоняли друг друга в окопы до полного изнеможения обоих, пока обсуждаемый спорный концепт не отрывался от земли, освободившись от сковывающей его оболочки, благодаря работе по умножению и рассеянию: «По-моему, у Феликса были настоящие молнии прозрения, а я выступал своего рода громоотводом, я его заземлял, чтобы это могло родиться в другой форме, но Феликс начинал сначала, так мы и продвигались»⁵⁵.

В августе 1971 года проходит последняя длинная сессия совместной работы над «Анти-Эдипом» в Тулонском заливе, в Брюс-сюр-Мер. Оба семейства вместе с детьми снимают там дом, чтобы мужчины могли работать, пока остальные купаются и загорают на пляже. Дата завершения текста носит символический характер: «Какое тонкое совпадение, наша книга закончена 31 декабря, как бы отмечая, что концы — это начала. Получилась славная работа, в которую вы внесли вашу творческую силу, а я — свои усилия по изобретению и подгонке [концептов]»⁵⁶.

Однако в момент публикации книги в марте 1972 года Гваттари переживает сложное время. Чрезмерная активность и титанические усилия, понадобившиеся для этой работы, грозят разладом, чувством пустоты. Результат никогда не стоит ты-

52. Жерар Фроманже, интервью с Виржини Линар.

53. Жан-Пьер Фай, интервью с Виржини Линар.

54. Жиль Делёз, письмо Куниичи Уно, см.: *Deux régimes de fous*, p. 219–220.

55. Там же.

56. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты, архивы IMES.

сячи и одной открывающейся возможности работы воображения и непрерывного веселья творческого процесса: «Желание свернуться калачиком, стать маленьким-маленьким, покончить с этой политикой публичности и престижа... Настолько, что я даже злюсь на Жюля за то, что он затащил меня на эту каторгу»⁵⁷. В «Дневнике» сравнение с эффективностью Делёза обычно его удручает: Делёз «работает много. Нас даже и сравнивать нельзя! Я скорее закоренелый самоучка, бриколер, герой в стиле Жюля Верна...»⁵⁸ Когда же сборка подходит к концу, как это происходит с завершением книги и ее публикацией, Гваттари не скрывает своих личных страхов: «Сохранить свое перо, свою собственную манеру. Но я на самом деле не узнавал себя в АЭ [„Анти-Эдипе“]. Необходимо перестать бегать за образом Жюля и за завершенностью, за совершенством, которое он в самом конце работы внес в книгу»⁵⁹. Его внезапно охватывает страх поглощения, утраты идентичности: «У него всегда на уме *произведение*. Для него [Жюля] то[, что я делаю,] всегда будет просто заметками, каким-то сырьем, которое исчезает в конечной сборке. Поэтому я в какой-то мере чувствую себя немного перекодированным „Анти-Эдипом“»⁶⁰.

Делёз, со своей стороны, благодаря сотрудничеству с Гваттари осуществляет желание, о котором говорил еще в «Различии и повторении», — написать книгу нового типа, экспериментальную книгу:

Приходит время, когда писать философские книги так, как это делалось издавна, будет невозможно: «О, старый стиль...» Поиск новых средств философского выражения был начат Ницше и должен быть сегодня продолжен в связи с обновлением некоторых других искусств⁶¹.

Как отмечает Арно Буаниш⁶², когда Делёз на конференции в Серици, посвященной Ницше, как раз в момент публикации «Анти-Эдипа» делает доклад о «Номадической мысли», он заявляет

57. Félix Guattari, Journal, 13 novembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, N° 564, janvier 2003, p. 357.

58. Félix Guattari, Journal, 6 octobre 1972; цит. по: Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 490.

59. Félix Guattari, Journal, 13 octobre 1972, *ibid.*, p. 496.

60. Félix Guattari, Journal, 6 octobre 1972, *ibid.*, p. 490–491.

61. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 12.

62. Arnaud Bouaniche, «Le mode d'écriture de L'Anti-Œdipe: littéralité et transversalité», communication orale dans le cadre des ateliers du master de philosophie Bordeaux, Poitiers, Toulouse, organisés par Jean-Christophe Goddard, Poitiers, 2 et 3 décembre 2005. См.: Arnaud Bouaniche, *Gilles Deleuze, une introduction*, Paris: Pocket-La Découverte, 2007.

о своем намерении создать новую стилистику. Говоря о Ницше, он определяет то, чем могла бы быть книга нового типа, которая больше не подчинялась бы традиционным кодам: «Все большие инструменты кодирования нам известны... Известно три основных инструмента: закон, договор и институт»⁶³. Так вот, Ницше сопротивляется всем этим попыткам «кодирования» и предпринимает систематическую попытку «декодирования». Именно в этом смысле Делёз с Гваттари понимают свою практику письма: «Смешать коды — это не просто, даже на уровне самого простого письма и языка»⁶⁴. Два автора будут искать способ избежать всякого кодирования, подставив себя силам внешнего, которые разбивают устоявшиеся формы. Этот номадический горизонт будет достигнут во втором томе «Капитализма и шизофрении», опубликованном в 1980 году, в «Тысяче плато».

Гваттари тем временем сумеет вернуться к личным источникам вдохновения. У Кафки он находит универсум, отвечающий его страхам, его неумному желанию творить, творческий беспорядок, напоминающий его собственный: «Возникает конъюнкция двух машин; литературной машины творчества Кафки и моей собственной машины Гваттари»⁶⁵. Письмо Гваттари делает обходной маневр через Кафку, чтобы потом вернуться к Делёзу, создав на полпути книгу о Кафке, которую они написали вдвоем⁶⁶. Именно в этой книге Гваттари и Делёз придумывают понятие «коллективной сборки высказывания», которое будут развивать впоследствии: «Мы не верим, что высказываемое может относиться к субъекту, удвоенному или нет, расколотому или нет, рефлексированному или нет»⁶⁷.

Машина снова запускается для создания «Тысячи плато». Сборка становится узловым концептом этой новой работы. Однако механизм письма слегка меняется: «Композиция книги намного сложнее, здесь рассматривается намного больше областей, но мы приобрели такие привычки, что один мог догадаться, куда идет другой»⁶⁸. Похоже, что на основе этой первоначальной активной коммуникации и возникшего из нее сообщничества на-

63. Gilles Deleuze, «Pensée nomade» (1972), переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 353.

64. Ibid., p. 354.

65. Félix Guattari, *Journal*, 14 octobre 1972, цит. по: Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 497.

66. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка: за малую литературу*, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

67. Там же, с. 106.

68. Жиль Делёз, письмо Уно: «Comment nous avons travaillé à deux», 25 juillet 1984; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 220.

писание «Тысячи плато», пусть оно и давало повод для переходов от одной версии к другой, в большей степени происходило в ходе совместной разработки на общих устных сессиях.

Публикация «Тысячи плато» в 1980 году знаменует собой конец долгого приключения, которое началось в 1969-м: «После этого каждому из нас, мне и Феликсу, нужно было поработать самостоятельно, чтобы перевести дыхание. Но в одном я был убежден, в том, что мы снова будем когда-нибудь работать вместе», — пишет Делёз в 1984 году⁶⁹. В этот период он погружается в исследование кино, тогда как Гваттари с головой уходит в культурный и политический активизм. Но он снова испытывает чувство нехватки, пустоты, одиночества и тревоги, в чем и признается своему другу, который его успокаивает:

Я долго читал ваше письмо, где вы говорите, что теперь, когда наша общая работа стихла, вы больше не понимаете ни того, чем она была для вас, ни где вы сегодня оказались. Я это хорошо понимаю. Я считаю, что вы замечательный изобретатель «диких» концептов. То, что так привлекало меня в английских эмпириках, я нашел в вас... так или иначе, я твердо уверен в том, что мы снова поработаем вдвоем⁷⁰.

И это не просто утешение: когда в начале 1980-х годов Делёз начинает вести свои курсы о кино, он не теряет из вида совместную работу с Гваттари. Тему, которая превратится впоследствии в название их последней общей работы, книги «Что такое философия?», вышедшей в 1991 году, он заявляет очень рано:

Вот моя рабочая программа на этот год. С одной стороны, я буду вести курс о кино и мышлении. Я буду делать его в связке с «Материей и памятью» Бергсона, которая кажется мне поистине неисчерпаемой. Но, с другой стороны, я хотел бы продолжить таблицу категорий, которая совпадает с вашей работой. И здесь для меня основной момент в поиске совершенно ясного и простого ответа на вопрос, что такое философия? Отсюда два отправных вопроса:

1. Вопрос, который, я думаю, вы ставили: почему называть это «категориями»? Что, собственно, представляют собой эти понятия — «содержание», «выражение», «сингулярность» и т. д.? Пирс и Уайтхед составляют таблицы современных категорий: каким образом изменилось это понятие категории?
2. И потом, если отталкиваться от самых простых категорий «содержания» и «выражения», я возвращаюсь к своему вопросу:

69. Жиль Делёз, письмо Уно: «Comment nous avons travaillé à deux», см.: *Deux régimes de fous*, p. 220.

70. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты (начало 1980-х годов), архивы IMES.

почему вы, судя по всему, отдали предпочтение выражению с точки зрения сборки? Нужно, чтобы вы мне это подробно объяснили...⁷¹

Механизм работы над «Что такое философия?» несколько отличался от метода написания предшествующих книг. Но, как говорит Робер Маджори об этом произведении, которое считает очень важным, «в нем Гваттари внутри, но в растворенном виде, как аспирин»⁷². И в этом случае Гваттари предлагает идеи, совершенствует, задает новые траектории, отправляясь от рукописи, присланной Делёзом:

Есть тема, о которой я хотел бы сказать: противопоставление смешения и взаимодействия... О мозге, который воздействует сам на себя: посмотреть Франциско Варелу, аутопоэтические системы... Я немного говорю об этом в своем тексте «Машинный гетерогенез»... Эстетический переход — это перекресток движения бесконечности концепта и движения конечности функции. Здесь присутствует симуляция бесконечности, конечное устройство бесконечности, которое доводит парадигму творения до точки конверсивной истерии⁷³.

Сегодня заметна тенденция стирать имя Феликса Гваттари, оставляя исключительно Делёза. Однако книгу «Что такое философия?» нельзя читать как возвращение к «истинной» философии Делёза, который «отделался» от своего друга Гваттари. Содержание, стиль, концепты, выдвинутые в этом произведении, — все противоречит этому тезису о Делёзе, которого нужно подвергнуть «дегваттаризации». Подобный тезис требовал бы отбросить диспозитив, построенный двумя авторами и аналогичный тому, о котором они говорят в «Ризоме», то есть диспозитив подключения, сборки, которая устанавливается между осой и орхидеей:

Орхидея детерриторизируется, формируя образ, кальку осы; но оса ретерриторизируется на этом образе. Однако оса детерриторизируется, сама становясь деталью аппарата репродукции орхидеи; но она ретерриторизирует орхидею, транспортируя ее пыльцу... [речь идет о] захвате кода, о прибавочной стоимости кода, увеличении валентности, подлинном становлении, становлении-осой орхидеи, становлении-орхидеей осы⁷⁴.

71. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты (наверняка 1981 год), архивы ИМЕС.

72. Робер Маджори, интервью с автором.

73. Феликс Гваттари, машинописные записки к «Что такое философия?», ИМЕС.

74. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*, Москва, Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010, с. 17.

Почему оса вступает в отношение сексуального порядка с орхидеей, если учитывать, что с одной стороны есть опыление, а с другой стороны, стороны осы, воспроизводства не будет? Этологи объясняют, что здесь имеется отношение между двумя режимами кодов, возникающее в параллельной эволюции двух видов. Эти два вида не имеют никакого отношения друг к другу, однако в какой-то момент возникает встреча, которая изменяет их становление.

Эта сборка может функционировать, по крайней мере в случае Делёза, только при том условии, что для других она закрыта. Когда возникает риск рассеяния вовне, Делёз живо реагирует, напоминая правила, условия, которые были поставлены им в самом начале. На ясном небе их дружбы лишь изредка возникала облачность в виде раздражения и кое-каких трений. Уважение к сборке стало предметом призыва к порядку в 1973 году со стороны Делёза, не пожелавшего дать себя втянуть в авантюры, которые не имеют к нему никакого отношения. Размолвка возникает из-за того, что министерство общественных работ сочло Делёза и Фуко двумя интеллектуальными авторитетами, выступающими от имени CERFI. Но Делёз не видит возможности связывать себя с CERFI:

Феликс, милый Феликс, я люблю вас, и, с моей стороны, ничто не может испортить наши отношения. Поэтому я рассказываю вам то, что меня, вдруг осенив, тревожит с внешней стороны. Я уже говорил вам недавно, что в самом начале отношений с вами я сказал Арлетт: сложность в том, что я хочу взять у Феликса то, что он никогда не захочет мне дать, а он захочет затянуть меня туда, куда я никогда не хотел бы пойти. Впрочем, еще в самом начале вы предложили расширить нашу работу вдвоем, подключив к ней некоторых членов CERFI. Я тогда сказал, что об этом не может быть и речи, и долгое время мы соблюдали эти условия — вы уважали мое одиночество, а я — ваши коллективности, никак их не касаясь⁷⁵.

Эту интенсивность дружбы замечают все близкие им люди: «Я редко видел, чтобы два человека так любили друг друга и так друг друга уважали, как Жиль и Феликс. Между ними было полное доверие. Полное, просто невероятная изумительная и человеческая связь»⁷⁶; это, правда, не помешало некоторым моментам охлаждения в их отношениях, особенно в конце 1980-х годов:

75. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 24 июня 1973 года, I M E C.

76. Джанмарко Монтесано, интервью с Виржини Линар.

Я почувствовал прохладное отношение, когда говорил то с одним, то с другим из них. Когда я говорил как-то с Феликсом о том, что Жиль должен был сделать, Феликс мне сказал: «Ах да, жалкий старичок!» А Жиль, со своей стороны, как-то сказал: «Ты видишься с Феликсом, Марко?» — «Да». — «Феликс — молодец, да, большой молодец...», и внезапно повеяло холодком⁷⁷.

Казалось, что в их отношении что-то сломалось, если сравнивать с первым периодом. Ко все более длинным паузам и все более редким встречам с конца 1980-х годов добавляется превознесение Делёза, которого некоторые бы даже хотели, как мы уже отметили, «дегваттаризировать».

Однако на протяжении всей длинной депрессии, переживаемой Гваттари в эти «зимние годы», Делёз никуда не девался, он был рядом:

Изнуренный Делёз, который не может дышать, звонит мне и спрашивает, что я буду делать вечером. Я говорю: смотреть кубок Европы по футболу, поскольку я фанат. Делёз же отвечает: «А я пойду на вечеринку к Феликсу, нужно побыть с ним». Я тоже пошел туда... Феликс торжественно сидел на полу и смотрел телевизор, финал кубка Европы, а рядом с ним Жиль, который, наверное, многое бы отдал, лишь бы не быть здесь и не смотреть футбол в этой компании, ведь для него быть в присутствии двух людей сразу — уже значило быть в толпе⁷⁸.

77. Там же.

78. Мишель Бютель, интервью с Виржини Линар.

Часть I
Складка:
параллельные биографии

Глава 1

Феликс Гваттари.

Психополитический маршрут: 1930–1964

«**МА**ЛЫШ ПЬЕР», как его называли дома, родился 30 марта 1930 года под знаком цифры три, последним из трех братьев: Жана, Поля и Пьера-Феликса. Его интеллектуальная судьба никак не вписывается в семейные традиции, хотя его сразу начинают воспринимать как странное и удивительное существо: «Феликс был маленьким утенком в выводке цыплят», вспоминает Жан, который был старше его на девять лет и в некоторой степени выполнял роль отцовской фигуры¹. Это была традиционная и консервативная семья, но она предоставила больше свободы младшему ребенку, который в результате смог добиться независимости быстрее, чем его братья — старший вынужден был пойти работать в семнадцать лет. Перед Пьером-Феликсом, которому в 1945 году исполнилось пятнадцать, открылся университетский мир благодаря свежему ветру, повеявшему после Освобождения.

Хотя родители Феликса и не были интеллектуалами, у них были свои увлечения: у матери, любительницы музеев, — литература, а у отца — музыка, он мог сыграть любой отрывок на фортепиано, совершенно не умея читать ноты. Но главной страстью отца была игра. Попад в газовую атаку во время Первой мировой, он перенес трепанацию черепа. Потребность в йоде заставила его выбрать в качестве летней резиденции Монте-Карло. Там он мог без помех предаваться своей страсти и ходить в казино зарабатывать деньги, как другие ходят на завод.

«Есть такая вкусная Банания»

Во время войны отец Гваттари сошелся с известным предпринимателем, неким Пьером Ларде, который в 1912 году наткнулся в Никарагуа на такой вкусный напиток, что тут же решил

1. Жан Гваттари, интервью с автором.

импортировать его во Францию. Это напиток, который станет знаменитым продуктом для завтрака *Banania*, состоящим из банановой муки, молотых хлопьев, какао и сахара. Вернувшись в 1914 году в Париж, он взялся за его промышленное производство и распространение при помощи рекламной кампании «Есть такая вкусная Банания», обязанной своим успехом популярности в 1915 году сенегальских стрелков. На волне моды на свой продукт Пьер Ларде быстро разбогател и зажил на широкую ногу — завел лошадей, одевался как крупный буржуа, посещал парижское казино... Когда кто-то из друзей посоветовал ему начать играть на бирже, он решил создать акционерное общество и купил шоколадную фабрику в Эпинэ. Но дела не заладились, и Ларде, на грани банкротства, вынужден закрыть предприятие. Начавшийся судебный процесс чуть не превратился в драму: разорившемуся патрону взбрело в голову застрелиться из револьвера прямо в зале суда.

Оказавшись во главе фабрики, на которой он раньше был управляющим, отец Гваттари решает все бросить и отправить разводиться овец в местечко под названием Ла-Рапуйер в Орне. Потерпев неудачу с овцами, он перебрался в Уазу разводить ангорских кроликов, которые были в моде после войны. Именно там, среди кроликов в Вильнёв-ле-Саблон (теперь Вильнёв-ле-Руа), неподалеку от Меру, и родился Пьер-Феликс. Но традиционный промысел — разведение ангорских кроликов быстро приходит в упадок из-за кризиса и модернизации в текстильной отрасли, и семейство Гваттари вынуждено съесть своих: «Мой отец был не создан и для кроликов тоже», — подтверждает Жан, старший из троих детей². Семья возвращается в окрестности Парижа. После всех перипетий начинать все сначала непросто. Гваттари поселились в социальном жилье в районе «Город птиц» в Монруж. Отец снова пустился в безнадежные мелкие коммерческие авантюры: торговал кофеварками, потом картошкой. Этого не хватало, чтобы прокормить многочисленную семью. Терпение Гваттари-старшего было на исходе, и ходили слухи, что он подумывал о самоубийстве. Однако в 1934 году ему удается получить кредит и снова заняться шоколадом, он создает новую фирму «Монбана». Его фабрика расположена в Ла-Гаренн-Коломб; в итоге он все-таки становится главой маленького процветающего предприятия и полностью посвящает себя ему. Семейей поэтому занимается исключительно его жена, с «некоторым чувством самоотречения»³. Жанна Пао-

2. Жан Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 15 ноября 1984 года, IMES.

3. Там же.

ли, родом с Корсики, восстановила связь со своим итальянским прошлым, когда в 17 лет вышла замуж за Гваттари, чья семья была родом из Болоньи: «Они поженились в 1919 году. Тогда он был героем войны, и она вышла за него скорее из восхищения, чем по каким-то другим соображениям»⁴.

Мать, любившая литературу и искусство, оказала огромное влияние на младшего сына, спроецировав на него, в частности, сожаление о том, что у нее так и не родилась дочь. Пьер-Феликс, кажется, был крайне робким ребенком, замкнутым, «почти девочкой»⁵.

В 1952 году, когда он в возрасте 22 лет покидает отчий дом и селится со своей подругой Мишлин Као на той же улице, через два дома от родителей, Гваттари упоминает в своем дневнике конфликт между Мишлин и матерью, показывающий, что мать любила его особой любовью: «Настоятельное желание матери контролировать мои ночи приводит меня в ужас... (надо заметить, что отец в этом деле остается зрителем)»⁶. Некоторое время спустя он записывает: «Я никогда не осмеливался любить свою мать. Не иметь смелости полюбить свою мать — значит обречь себя на бесконечные колебания на пороге жизни. Я все время удаляюсь от мира. Я не чувствую его, не погружаюсь в него. Я одновременно и слишком близко, и слишком далеко от материнских объектов... я умираю от всего этого»⁷. Три года спустя он снова пишет в дневнике:

Эта строгость, которая дает мне такую логическую твердость в рассуждениях, в материях чувств быстро оборачивается скованностью; дух системы, из-за которого за пределами собственной системы я оказываюсь безоружен, в отчаянии, в упадке, — как мне кажется, идет от моей матери. Она переезжает в Монтюар. Корит меня за то, что я ее бросил. Темперамент, не склонный делиться. Потребность в клановости у меня, видимо, тоже от нее... Я так много от нее унаследовал, потому что она дала мне жизнь, — вот так история! Она слишком на меня повлияла, жить вместе стало невозможно⁸.

Одно из первых воспоминаний об отце восходит к 1933 году — Феликсу три, и отец заявляет ему: «Должен тебе сказать, что мы собираемся проверить одно дельце». Эта фраза, родившаяся из отчаяния первых лет кризиса, отмеченная неослабевающим желанием

4. Там же.

5. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, ИМЕС.

6. Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 27 ноября 1952 года, ИМЕС.

7. Там же, 19 декабря 1952 года.

8. Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 13 января 1955 года, ИМЕС.

выбраться из него, станет своеобразным принципом жизни для маленького Феликса, на которого она произвела глубокое впечатление: «По-моему, всю свою жизнь я только и делал, что проворачивал то или иное дельце»⁹. Но успех этой инициативы имел свои побочные эффекты для младшего ребенка: родители стали реже бывать рядом, и маленький Пьер-Феликс быстро почувствовал себя брошенным. Он пытается показать, что несчастен, но не может это как следует выразить, переводит все в соматику до такой степени, что его бледность и замкнутый темперамент в конце концов начинают вызывать беспокойство у родителей. Его отводят к врачу, который советует отправить ребенка в деревню отдохнуть, и «тут меня, который был так привязан к жизни вместе с братьями и всеми остальными, отправили в Нормандию, к довольно суровой бабке, где я оказался отрезан от всего»¹⁰. Очевидно, что Пьер-Феликс очень тяжело переживал эту разлуку, причиной которой, как ему кажется, стало отдаление матери — у нее не хватало на него времени: «Я плакал, когда они приезжали меня навестить и когда уезжали. Я был страшно несчастен»¹¹.

Травматическая сцена

Именно у бабушки и дедушки в Лувье произошла травматическая сцена, вызвавшая, по-видимому, радикальные изменения в его поведении. Идет 1939 год, Феликсу Гваттари девять лет. Виктор, отчим его отца, бывший шахтер из Монсо-ле-Мин, имеет обыкновение слушать радиопередачу «Предатель из Штутгарта». Для этого он уносит приемник в туалет и оставляет дверь открытой:

У него в ногах стоит коробка с вырезками: маленькие бумажные куклы, для которых я делаю одежду. Дедушка согнулся и уперся головой в колени: руки повисли. Он, что, трогает мои игрушки? Я хочу крикнуть ему! Тишина. Поворачиваю голову, медленно-медленно — к огоньку на приемнике. Страшный грохот. Он упал на пол. Бабушка закричала. Кровоизлияние в мозг¹².

В ужасе прибегает бабушка, жмет ему на уши, чтобы снова запустить сердце, затем прикрывает ему лицо газетой — от мух.

9. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, ИМЕС.

10. Там же.

11. Там же.

12. Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, coll. «Encres», Paris: Recherches, 1977, p. 11–12.

Это внезапное столкновение со смертью в возрасте девяти лет сыграло определяющую роль в формировании личности Феликса Гваттари. Даже в 54 года он повторял, что ему понадобилось много времени, чтобы освободиться от этой травмы. Его охватывали тяжелые приступы тревоги, обостренное чувство конечности жизни, пустоты и тщеты всего сущего: «Все это как будто хлынуло на меня, у меня были ужасные приступы тревоги, из-за которых я буквально цепенел от страха»¹³. Чтобы бабушка не была одна, родители решают, что Феликс на время останется у нее и начнет учебный год в Лувье. Чувство, что его бросили, еще больше усиливается и осложняется тревогой, вызванной скоропостижной смертью дедушки. Бабушка в конце концов поняла его чувства: «Она сказала мне: „Ты боишься, что со мной это тоже случится“»¹⁴. Она просит родителей забрать сына домой.

Именно тогда поведение маленького Феликса разительно изменилось. Ребенок замкнутый, робкий, если не сказать забитый, поглощенный своими игрушками и полностью подчиненный братьям, особенно среднему — Полю, сделавшему из него козла отпущения, быстро становится настоящим главарем шайки: «А после, словно одной шайки недостаточно, я организовал шайку противников»¹⁵. В Ла-Гаренн-Коломб он быстро приобрел дурную славу: когда приходит время поступать в лицей, директор того, что рядом с домом, им отказывает, и мать Гваттари вынуждена искать учебное заведение, достаточно удаленное, чтобы сын оказался в благословенной безвестности.

Именно в лице у Феликса Гваттари произойдет судьбоносная встреча с необыкновенным человеком, учеником известного педагога Селестена Френе, — Фернаном Ури. Прославившийся впоследствии в области институциональной педагогики, он преподает у Феликса естественно-научные предметы¹⁶. Однако их первая встреча была короткой: после трех недель занятий Фернан Ури исчез, в 1943 году его арестовали нацисты. Но воспоминание об этом ярком событии так глубоко запало Феликсу в душу, что, когда он узнал, что после Освобождения (ему в тот момент исполнилось 15 лет) Фернан Ури занимается

13. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, IMES.

14. Там же.

15. Там же.

16. Фернан Ури был разработчиком институциональной педагогики. Его целью было установить внутри школы такие правила жизни, которые бы позволяли ученикам высказываться и способствовали школьной взаимопомощи в тесном согласии между учениками и учителями. Ури хотел предложить своей педагогикой альтернативу школе-казарме.

организацией молодежных турбаз (*auberges de jeunesse*), он сразу же записывается в эту организацию. Фернан Ури раскрыл перед Гваттари мир, где нет места холодности, которую он читал в материнском взгляде, мир братского общения. Гваттари совершенно очарован личностью и педагогическим талантом Ури: «Мне очень захотелось повидаться с Фернаном. Мне остро не хватало его особой манеры смотреть на мир, таинственного, почти поэтического тумана, окружавшего вещи, когда ты был рядом с ним»¹⁷.

Сеть молодежных турбаз, возникшая после Освобождения, позволяет молодежи из не очень состоятельных семей совершать на каникулах походы и путешествия. Для заводицы, каким стал Гваттари, молодежные турбазы были прежде всего средой, в которой он открыл для себя общение с девочками: до тех пор он вращался только в кругу мужского братства. Во время одной такой экспедиции он оказался рядом с другим мальчиком по имени Пьер: «Я сказал: „Не нужно звать меня Пьер, можете звать меня просто Феликсом“»¹⁸. Второе имя в итоге победило. Он обязан им шурину своего отца, дяде Феликсу, погибшему под Верденом. Этот дядя, увлекавшийся живописью и друживший с Морисом де Вламинком, оставил в его памяти неизгладимый отпечаток: «Для меня он был в своем роде идеалом»¹⁹. Восстановление психики и погружение в мир после профессиональных провалов родителей (с их постоянной готовностью «провернуть дельце») и поразившей его смерти дедушки, таким образом, пройдут под знаком счастья и удачи (что и означает имя «Феликс»).

Итак, стремление к сиюминутному счастью и необыкновенная витальность Гваттари родились из преждевременного осознания конечности жизни, не фантазматического, а реального присутствия смерти. «Провернуть дельце» становится девизом борьбы с губительными силами и страхом перед необратимостью конца. Юный Феликс очень рано узнал о существовании смерти, еще даже до смерти дедушки. В июле 1971 года он записывает в дневнике, что, когда ему было шесть или семь лет, его преследовал один и тот же кошмар:

Дама в черном. Она подходила к кровати. Мне было очень страшно. Я просыпался от этого. Не хотел засыпать обратно. И вот однажды старший брат дал мне свое помповое ружье и сказал,

17. Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 14 ноября 1952 года, I МЕС.

18. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью, I МЕС.

19. Там же.

что мне нужно просто в нее выстрелить, как только она придет. Больше она не приходила. Но больше всего меня удивило то — я это хорошо помню, — что я не зарядил ружье²⁰.

В этой Даме в черном, персонаже одноименного романа Г. Леру, узнается также реальный человек, тетя Эмилия, сестра его отца, потерявшая мужа — которого звали Феликс — в окопах Вердена: «Ну да, конечно! Шкаф (*armoire*), Дама в муаре, черное оружие (*arme noire*), полынь (*armoïse*), мое оружие (*les armes de moi*), черная полоса (*mouïse*) 30-х годов, мой отец обанкротился, занявшись при поддержке этой самой тети Эмилии выращиванием ангорских кроликов...»²¹

Выход из войны

На момент Освобождения у Гваттари уже сформировалось политическое сознание. С 1945 года, параллельно с сотрудничеством в организации молодежных турбаз, он становится активистом Французской коммунистической партии (ФКП). Его отец, в 1930-е годы — член консервативной ассоциации «Огненные кресты» и убежденный голлист во время войны, узнает от друзей, что сын продает газету *L'Humanité* возле железнодорожного вокзала Ла-Гаренн-Коломб. Ему это совсем не нравится. Поль, средний брат, бурчит насмешливо: «Спрашивайте *L'Humidité*²², центральный печатный орган холодильной партии!»

На молодежных турбазах после войны царил оживленная атмосфера. Именно в этой среде во время вечерних посиделок дебютируют многие певцы — Франсис Лемарк, *Les Frères Jacques*, *Les Quatre Barbus*, Пьер Дюдан, или актеры — например, Ив Робер. Другие члены организации становятся работниками культуры, партийными или профсоюзными активистами. Гваттари впервые знакомится здесь с девушками: Анник, которая была старше его, он приглашает к себе домой. Это не понравилось его матери, выпроводившей девушку без лишних разговоров.

Юноша начинает писать. С 1944 года он испытывает потребность записывать истории, стихи, сны. Его интеллектуальные способности налицо: «Я научился писать почти сразу, читать тоже... Другие дети в классе еще что-то мямлили, а я уже

20. Félix Guattari, «Journal 1971», *La Nouvelle Revue française*, № 563, octobre 2002, p. 320.

21. Ibid., p. 320.

22. Букв. «влажность». — Прим. пер.

очень хорошо читал»²³. Он успешно учится в лицее Поль-Лапи в Курбвуа, затем в старших классах — в лицее Кондорсе, где в 1948 году сдает выпускной экзамен по философии и естественным наукам. Увлечшись философией, Феликс ждет от любимого учителя какого-то знака, благословения идти по этому пути, но получает только хорошие оценки, не прибавляющие никакой уверенности: он так и не смог задать учителю прямой вопрос. Старший брат Жан, несмотря на внутреннее сопротивление Феликса, заставляет его пойти учиться на фармацевта. Тот проходит первую практику в аптеке в 1948 году в Бекон-ле-Брюйер, где ужасно скучает, и в первый год заваливает экзамены. Под строгим присмотром брата он пересдает их на следующий год, но так же безуспешно. У него только одно желание: освободиться и сдать экзамен на государственного служащего, чтобы получить материальную независимость, и он мечтает пройти по конкурсу на должность ученика инспектора почтового ведомства.

Тем временем Феликс встречается родственную душу — Мишлин Као, девушку китайского происхождения, соседку по улице Эгль в Ла-Гаренн-Коломб. С ней он познакомился в 16 лет, в 1946 году, во время поездки в Альпы в Обье-ле-Вье, которую организовал Фернан Ури. Позже она вспоминала «мальчика, который хотел походить на взрослого. Он курил трубку»²⁴. Мишлин Као 15 лет, она заинтригована этим мальчиком, признающимся ей в вечной любви. Он кажется ей занятым, но она не испытывает к нему ничего, кроме дружеских чувств. Поэтому в течение долгого времени, до 1951 года, они играют в кошки-мышки: «Я не хотела быть с ним, но в один прекрасный день все же „уступила“, если можно так выразиться»²⁵. В 1951 году они решают жить вместе у родителей Мишлин, в скромной и очень радушной рабочей семье. Семья Феликса смиряется с его уходом, но возмущена и крайне недовольна тем, что он поселился на другом конце улицы в приемной семье, окружившей его заботой: «Папаша Као приносил ему завтрак в постель!»²⁶ Родители Феликса подумали, что те решили увести у них сына. А семья Као отдает молодым первый этаж дома, чтобы они жили там в свое удовольствие. Феликс перевозит свое фортепиано и библиотеку в знак того, что переезжает надолго. Отец Мишлин принимает его как собственного сына.

23. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, I МЕС.

24. Мишлин Гийе (Као), интервью с Ив Клоарек, 20 сентября 1984 года, I МЕС.

25. Там же.

26. Жан Гваттари, интервью с Виржини Линар.

Эмоциональное восстановление протекает на фоне серьезного профессионального кризиса. Гваттари с ужасом осознает, что занятия фармацевтикой совершенно отдалили его от письма, которое было для него главным источником вдохновения: «Я вдруг с горечью обнаружил, что больше не умею ни писать, ни читать, и стал переписывать книги, чтобы вернуть контакт с письмом. Помню, что переписал книжку Камю целиком»²⁷. Отсутствие диалога с отцом мешает Феликсу сориентироваться, но он все больше убеждается, что пошел по неверному пути. Тогда он решает покончить с фармацевтикой и поступить в Сорбонну на философский факультет. Отец не обращал особого внимания на страдания сына, пока однажды, после двух дней блужданий, Феликс не вернулся в родительский дом и не встретил отца, подметавшего перед домом выпавший снег. До тех пор помалкивавший, отец внезапно спросил у него: «„Пьер, почему ты хочешь бросить учебу?“ Я ответил: „Потому что она мне не нравится, это совершенно не мое“. — „А что бы ты хотел делать?“ — „Заниматься философией“. — „Ну так и занимайся“»²⁸. В эти годы Феликс страдает от пошатнувшегося образа отца, даже если в своем дневнике 1953 года по-прежнему считает, что его моральная структура списана с отцовского имаго. Он так видит своего отца: «Высококонравственный националист, „Огненные кресты“, никаких дел с немцами, радиопередачи англичан, семейное уважение, и вместе с тем он снедаем свободой: медиум, лгун, вуайер, игрок, деловая жилка, острый ум»²⁹.

В 1950-е годы на Гваттари очень повлияла фигура Сартра, вплоть до того, что в своем дневнике, в котором хорошо заметны экзистенциалистские темы, он подражает его языку: «Эта объективация (времени) посредством антитезиса помогает почувствовать время в нас, то есть отделить его от мира»³⁰. Его особенно увлекает тема времени, ничто, смерти и потребности избавиться от танатоидной тревоги, он даже проделывает феноменологические упражнения, подобно тому как другие делают духовные упражнения Игнатия Лойолы, чтобы глубже познать себя и избавиться от самообмана, знаменитой сартровской *mauvaise foi*:

Я погрузился в пучину. Жил в постоянной тревоге. В поезде я открыл метод, если таковой вообще существует, позволяю-

27. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 23 августа 1984 года, I МЕС.

28. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, I МЕС.

29. Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 1 ноября 1953 года, I МЕС.

30. Феликс Гваттари, тетрадь № 1, январь 1951 года, I МЕС.

щий *увидеть* собственную неподлинность: перечислять, прояснять все объекты, подданным которых невольно становишься... пока не получится своего рода пустота. Феноменологом легче быть с вещами, чем с людьми... Весь вопрос в том, что другой вас *видит*, что у него синтетическая точка зрения на ваше бытие. Все зависит от интенциональности, с которой он заставляет вас существовать для него... Сартровская борьба продолжается³¹.

Нет никакого времени *в* мире, мы проецируем его на мир. Кому рассказать, что я понял это только вчера вечером³².

Гваттари даже комментирует главы «Бытия и ничто» в своем дневнике. По поводу главы «Детерминация как отрицание» он записывает: «Для-себя образует мир как тотальность. Это ничто, или негация, всего, что есть бытие. Эта тотализация — тотализация *ничто* за счет бытия, она *тотализует и расчленяет в одно то же время*. У меня не получается разрушить понятие целого, я в нем застреваю»³³. Здесь возникает экзистенциальный мотив, который на протяжении всей его жизни будет толкать Гваттари на поиски сиюминутного счастья, интенсивного переживания настоящего момента и всего, к чему он обязывает:

Я испытал что-то вроде необходимости найти счастье. Но это «первичное утешение» нужно искать не в прошлом и не в будущем. Его нужно искать в самом непосредственно присутствующем бытии. Нужно, чтобы твое бытие стало *бытием в мире*, дать миру образ счастья, пусть даже лицо этого счастья будет самым простым, лишенным всякого упования³⁴.

Замечательно. Великолепное «Б. Н.» [«Бытие и ничто»]. Я читаю и обвожу зеленым карандашом целые абзацы, и очень доволен. Это пробуждает меня ото сна³⁵.

От этой любви к Сартру Гваттари не отречется никогда, даже на закате жизни, в 1990 году он напишет:

Сартр для меня — автор порядка Гёте или Бетховена: либо ты любишь его всего целиком, либо нет. Почти пятнадцать лет своей жизни я был полностью захвачен не только текстами Сартра, но и его поступками и жестами. Все, что я мог сказать и сделать, совершенно очевидно несло на себе его отпечаток. Его трактовка неантизации, детотализации, которая у меня превращается в ста-

31. Феликс Гваттари, тетрадь № 2, 4 октября 1952 года, I МЕС.

32. Там же, 1952.

33. Там же, 8 октября 1952 года.

34. Там же, 13 октября 1952 года.

35. Там же, 24 октября 1952 года.

новление, детерриториализацию, его концепция сериальности, инертной практики, которая подпитывает у меня группу-субъекта, его понимание свободы, ангажированности и ответственности интеллектуала, которые он воплощал, остались для меня если не императивом, то по крайней мере непосредственной данностью. Уж лучше я буду ошибаться вместе с ним, чем быть правым вместе с Раймоном Ароном³⁶.

Именно в среде молодых активистов молодежных турбаз из пригородов Парижа Феликс, член компартии, но с темпераментом скорее анархистским, знакомится в 1948 году с троцкистами и становится активистом Международной коммунистической партии (РСИ), французской секции IV Интернационала, бывшей в то время небольшим кружком диссидентов-коммунистов, которых Французская компартия считала заклятыми врагами рабочего класса. Гваттари даже входит в число четырех руководителей-троцкистов парижской группы сети молодежных турбаз.

В Ла-Гаренн-Коломб существовала одна особенно активная молодежная группа: на заводе *Hispano-Suiza*. На этом престижном предприятии производились роскошные автомобили, «французские роллс-ройсы», а также двигатели, которыми оснащались все самолеты во время Второй мировой. Для города, в котором два крупных предприятия — *Peugeot* и *Hispano*, — это важнейший работодатель, центр притяжения рабочего класса. Нужно отметить, что во главе предприятия стоял сын Леона Блюма, Робер, открытый, как и его отец, для диалога и социальных инноваций. На *Hispano* организацией молодежи занимается харизматический активист Раймон Пети, быстро ставший для нее духовным отцом. Он добивается от руководства и заводского комитета разрешения на создание «Молодежной группы *Hispano*», которая организует для молодых рабочих во время отпусков путешествия, лыжные походы, отдых на молодежных турбазах. Харизматичный Раймон Пети заражает все вокруг своим энтузиазмом и вызывает некоторые опасения у дирекции. Ему предлагают на постоянной основе войти в состав заводского комитета, чтобы заниматься досугом заводской молодежи. Осознавая опасность потерять связь со своей средой, он не может отказаться от такого «повышения». Именно благодаря постоянной должности он добивается того, что *Hispano* в 1950 году становится первым предприятием, устраивающим для молодых рабочих третью — лыжную — неделю оплачиваемого отпуска.

36. Félix Guattari, «Plutôt avoir tort avec lui», *Libération*, 23–24 juin 1990.

Троцкизм

Коммунист анархистского толка Раймон Пети ведет безжалостную войну со всеми формами бюрократического аппарата, что совсем не по вкусу руководству компартии. Исключенный из партии, он возвращается в цех, к товарищам по заводу. Один из его друзей, юный Роже Панаже, работающий на *Hispano* с 1947 года, раз в неделю проводит собрания по вопросам организации отдыха в выходные и каникулы. Вместе с «Молодежной группой» он устраивает экскурсии в музеи, занятия скалолазанием, вечера пения, народных танцев, спелеологические вылазки, киноклубы, походы в театр, учебные кружки или соревнования по волейболу: «Во время походов команды делили работу между собой: рубили дрова, убирались или чистили овощи...»³⁷ Эта жизнь в коллективе разрушала иерархические границы, и между юношами и девушками завязывалась крепкая дружба.

Благодаря их заразительному энтузиазму эта деятельность выходит за рамки завода *Hispano*, группа распаивает двери перед другими молодыми людьми, занятыми в отрасли. Этот опыт привлек Феликса Гваттари, который участвовал в деятельности группы и сдружился с Раймоном Пети и Роже Панаже. Пети становится для Феликса образцом политической ангажированности: «Вчера вечером встречался с Раймоном. Я понял, что мои занятия сейчас напрямую вписываются в мой революционный идеал»³⁸.

Когда в 1955 году Феликс устраивается в клинику Ла Борд, он предлагает Панаже переехать в его комнату в доме родителей Мишлин Као. Гваттари вступил в Революционное движение молодежи (MRJ), промежуточный этап на пути к вступлению в Международную коммунистическую партию (РСІ). Он проходит там испытательную стажировку, прежде чем войти в ряды пролетарского авангарда. Его причастность к троцкизму не афишируется: на дворе бум «внедрения» агентов в гущу официальных коммунистических движений. Гваттари участвует в ряде инициатив, например в «бригадах», отправляемых в Югославию на поддержку Тито, которого в то время разоблачали авторитеты компартии. Феликс, возглавивший одну из таких «рабочих бригад», в 1949 году оказался в Югославии

37. *Ouvriers face aux appareils, une expérience de militantisme chez Hispano-Suiza*, Paris: Maspéro, 1970, p. 39.

38. Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 27 ноября 1952 года, I МЕС.

и вместе с группой молодежи участвовал в закладке фундамента будущего университета Загреба. Как ответственный активист, он отбирал у несговорчивых добровольцев талоны на питание, если те отказывались таскать гравий или рыть траншеи.

Двойная игра, которую предполагали троцкистский активизм и хорошие отношения с членами компартии из западного пригорода Парижа, не всегда шла гладко. Во время кампании в поддержку Тито в 1950 году Феликса с его троцкистской группой взяли в кольцо громилы из компартии. Всю ночь длится осада с жестокими стычками. В местной ячейке компартии Гваттари начинает восприниматься как опасный «пропагандист Тито». Однажды его даже вызывают для объяснения его антипартийной деятельности перед товарищами. Все опасаются худшего, и друзья-троцкисты пытаются уговорить его не ходить на это собрание: велики шансы, что на него там набросятся. Это эпоха, когда Коминформ разоблачает «похотливых гадюк» титизма: Тито считается агентом империализма, установившим фашистскую диктатуру. Накануне собрания Гваттари участвует в потасовке в Париже, где должно было проходить подготовительное собрание перед отъездом бригад:

Нас окружили члены Секций парижской федерации. Часами приходилось отбивать атаки парижских активистов... На выходе приходилось убежать от распоясавшихся сталинистов до самого метро. Я провожал молодую югославскую девушку, работающую в посольстве, Милену, сногшибательную брюнетку³⁹.

Один из троцкистов, приятель Гваттари Паоло, ранен во время драки и ходит с перевязанной головой. Он хочет пойти с Феликсом, поскольку собрание рискует перерасти в конфронтацию, но тот его отговаривает, чтобы не накалять страсти. Он идет туда один и находит способ выкрутиться, пользуясь репутацией участника молодежных турбаз: «В этом была приманка, я — тип с турбаз. Я пришел, мы дискутировали, поругались, но обошлось без всякого мордобоя»⁴⁰. Популярность этих турбаз у молодежных групп спасла его от серьезного сведения счетов.

Политическая семья Гваттари раскололась в 1951 году на сторонников течения Пабло-Франка, к которым он в конце концов примкнет (оно призывает внедряться в ряды компартии), и ламбертистов, которые выступают против внедрения. Феликс,

39. Félix Guattari, «Journal 1971», 10–23 septembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 563, octobre 2002, p. 349.

40. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 23 августа 1984 года, IMES.

как раз тогда поступавший на философский факультет Сорбонны, уже не может быть «засланным казачком» — он слишком хорошо известен как троцкист. Не переставая организовывать политические кружки в Сорбонне, он переключается на француско-китайскую дружбу. Все взоры обращены на восток, точнее, с момента успехов Мао в 1949 году, — на Дальний Восток.

Раймон Пети из группы *Hispano* одним из первых посетил новый Китай в 1953 году. Некоторое время спустя в 1954 году в Пекин отправилась группа из сорока французов, среди которых Жан Эффель, Рене Дюмон, Мишель Лейрис, Клод Руа и два студента. Феликс тоже собирается в дорогу: «Однажды он сказал мне: „Можешь отвезти меня завтра в Бурже? Лечу в Пекин“»⁴¹, — вспоминает его брат Жан, до сих пор не отошедший от удивления. Об этом блиц-вояже, одновременно пораженный и сбитый с толку, Феликс напишет в дневнике: «От поездки в Китай у меня осталось ощущение сновидения. Где я был? С кем? Кого я там изображал?»⁴² Благодаря своему участию в деятельности Ассоциации француско-китайской дружбы Гваттари знакомится с историком-синологом Жаном Шено, который тогда налаживал связи между французскими интеллектуалами и активистами Китайской коммунистической партии.

Переориентировав свою политическую работу на «философскую ячейку» компартии в Сорбонне, Гваттари предлагает Дени Берже, активисту РСІ и члену ее партийного бюро, после XX съезда КПСС в 1956 году начать выпускать ротاپринтный бюллетень *Tribune de discussion*. Стратегия внедрения достигла своих пределов: желание высказаться все настоятельнее требует выхода. Конъюнктура доклада Хрущева благоприятствует постановке некоторых вопросов, но время предложить альтернативную политическую организацию еще не пришло. Поэтому нужно задавать вопросы и поощрять дебаты. По настоянию Феликса в РСІ, тогда еще крошечную группу, насчитывавшую всего 80 членов, вступают среди прочих будущие антропологи Люсьен Себаг, Мишель Картри и Альфред Адлер, а также Филиппа Жирар и Анн Джаннини Монне (из семьи Жана Монне, «отца-основателя Европы»). Влияние *Tribune de discussion* очень скоро выходит за пределы Сорбонны, и издание заручается поддержкой двух знаменитых интеллектуалов: Франсуа Шатле и Анри Лефевра. Даже Жан-Поль Сартр выражает поддержку этому проекту и фигурирует в списке его спонсоров под именем ХК («Хайдеггер-Кьеркегор») вплоть до 1958 года,

41. Жан Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 15 ноября 1984 года, ІМЕС.

42. Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 26 ноября 1954 года, ІМЕС.

когда он отступится, мотивируя это тем, что, так как Франция стоит на пороге фашизма, нужно организовать единый фронт с Французской компартией.

Осенью 1956 года, когда советские войска вошли в Венгрию, потребность в критике внутри коммунистического движения начинает ощущаться еще сильнее. Группа *Tribune de discussion* сближается с другим небольшим кружком интеллектуалов-коммунистов, издававших бюллетень «Искра» (*L'Étincelle*). Среди них есть несколько известных интеллектуалов: философ Виктор Ледюк, Жан-Поль Вернан, Ив Кашен (племянник основателя Французской компартии Марселя Кашена), Жан Брюа, Анатолий Копп, а также очень активное ядро во главе с Жераром Спитзером, активно работающее в 11-м округе Парижа. Спитзер вступил в организацию «Вольные стрелки и партизаны» в 1943 году, когда ему было 15 лет, и состоит во Французской компартии со времени Освобождения. Их всех объединяет радикальная критика сталинизма и Французской компартии за недостаточно активную борьбу против войны в Алжире. В частности, они изобличают закон о специальных полномочиях. 12 марта 1956 года генеральный секретарь Французской секции рабочего Интернационала Ги Молле, ставший президентом Совета после успеха социалистов на парламентских выборах, решает провести голосование по проекту закона о «специальных полномочиях» армии, который предоставляет ей большую свободу действий. За этот закон проголосовало большинство парламентских фракций, в том числе коммунисты. На заводе *Hispano* мгновенно вспыхивают протесты против решения отправлять призывников на войну в Алжире. Первая демонстрация протеста была организована Раймоном Пети, Роже Панаже, Раймоном Левилдьё и Бриветт Бюканан и закончилась стычками с силами правопорядка в Буа-Коломб, наутро попав на первую полосу *L'Humanité*. Ассоциация двух групп продлилась недолго, поскольку аппарат Французской коммунистической партии быстро разоблачил ее как троцкистскую группировку. Большинство членов *L'Étincelle* испугались и вернулись в ряды компартии, кроме группы Спитзера (Симон Блюменталь, Поль Кальвес), которая продолжила деятельность вместе с бывшими членами *Tribune de discussion*.

Из этой перегруппировки сил вырастает новое ротапринтное издание, *Bulletin de l'opposition*, переименованное в январе 1958 года в *La Voie communiste*. Дени Берже, член бюро РСІ, борется с Пьером Франком, чтобы заставить его признать эту объединенную газету и чтобы та была не просто внутренним органом, но и продавалась в киосках. Но ему не удастся убедить руководство РСІ: «Меня исключили. Я состоял в партии с 1950 го-

да»⁴³. Раймон Пети и Гваттари решают выйти из партии. Вместе с *La Voie communiste* на периферии троцкизма появилось не просто издание, но небольшая организация. Его первый номер ставит вопрос: «Кто мы такие? Чего хотим? Ответ: «Найти коммунистический путь для нашей страны»⁴⁴. Для *La Voie communiste*, рожденной в самый разгар протестов против войны в Алжире, до 1962 года это будет главное поле борьбы: «Сначала Алжир!»⁴⁵ — провозглашается в третьем номере газеты, когда алжирский кризис потрясает основы Четвертой республики.

Руководящее ядро собирается раз в неделю. Гваттари активно пишет статьи в газету под псевдонимом Клод Арьё. В феврале 1961 года он вместе с Клодом Девилем и Жаном Лабром берет интервью у Сартра⁴⁶, и в начале 1960-х годов намеревается критически исследовать эволюцию Французской компартии. Он посвящает много материалов подготовке и проведению XVI съезда, который выступил против верности сталинизму. В газете много говорится о группе *Hispano*, но она фигурирует под именем «Группа Симка» (*Simca*), чтобы не афишировать подрывную работу против сталинистского аппарата. Гваттари обеспечивает выживание издания, поскольку большая часть финансирования поступает из руководимой им клиники Ла Борд⁴⁷. В атмосфере мобилизации против войны в Алжире *La Voie communiste* очень быстро заручилась множеством важных контактов, около двухсот или трехсот: «Это соответствовало тому, как Феликс понимал работу. Людей приводят не на программу, с ними работают. Деятельность, которой он занимался в Ла Борд, напрямую ему помогла, и он начал осмысливать ее теоретически»⁴⁸. Речь шла о том, чтобы создать не сектантскую группу или классическую партию, а организацию, построенную по модели «Молодежной группы *Hispano*».

Трое руководителей *La Voie communiste*, Дени Берже, Жерар Спитцер и Роже Рей, занимаются подпольной работой, обеспечивая поддержку борьбе за независимость Алжира. Как главный редактор издания, Спитцер в конце 1959 года был обвинен в посягательстве на государственную безопасность. 27 февраля он объявил в тюрьме голодовку и продолжал ее до 20 марта 1960 года. Его освободят только 18 месяцев спустя в резуль-

43. Дени Берже, интервью с автором.

44. *La Voie communiste*, №1, janvier 1958, archives BDIC (Библиотека международной современной документации).

45. *La Voie communiste*, №3, avril-mai 1958, archives BDIC.

46. *La Voie communiste*, №20, février 1961, archives BDIC.

47. См. главу 2 настоящего издания.

48. Дени Берже, интервью с автором.

тате широкой кампании в его поддержку, устроенной газетой, где был образован комитет под председательством Эли Блонкура⁴⁹. Дени Берже, в свою очередь, специализируется на организации побегов. Когда 5 декабря 1958 года его задержало Управление по территориальной безопасности, он просидел в тюрьме десять дней — именно там он узнал о своем исключении из РСІ. Позднее, в феврале 1961 года, ему удастся организовать побег шести женщин, принадлежавших к сети помощи Фронта национального освобождения, из парижской тюрьмы Ла-Рокет. В период с 1958 года по февраль 1965-го *La Voie communiste* выпустила 49 номеров, получив довольно широкую аудиторию для издания, не пользующегося никакой институциональной поддержкой. *La Voie communiste* сразу же поддержала «Манифест 121 о праве на неподчинение во время войны в Алжире»; как только он вышел, ее тираж был тут же арестован⁵⁰.

Два полюса *La Voie communiste* составляют *Hispano* (рабочие) и Сорбонна (студенты). Гваттари курсирует между двумя этими полюсами и успешно вербует Мишеля Картри, с которым он познакомился на подготовительных курсах в июне 1952 года. С первых же встреч между ними завязалась дружба. Мишель Картри вскоре оказывается рядом с Гваттари в группе компартии на философском факультете, которая собирается на улице Контрэскарп: «Феликс посвятил нас в троцкизм»⁵¹. Они раскладывают *Tribune de discussion* по почтовым ящикам своих товарищей, пишут под псевдонимами и раздражают некоторых ортодоксальных активистов партии, шокированных присутствием в их рядах предателей дела пролетариата: «На одном из собраний партийной ячейки философского факультета кто-то бросил: „Среди нас есть мерзавцы“. Это сказал один из моих лучших друзей»⁵². Однако, начав свою деятельность в *Tribune de discussion*, Мишель Картри ничего не знает о том, что Феликс — член троцкистской организации. Только после этого первого опыта Феликс просит его и Люсьена Себага сделать еще один шаг и вступить в IV Интернационал. В 1958 году, после

49. 17 мая 1960 года президенту Республики, канцлеру и министру обороны была направлена телеграмма с требованием освободить Жерара Спитцера, подписанная Эли Блонкуром, Клодом Бурде, Альбером Шатле, Жилем Мартине, Даниэлем Мейером, Марселем Пренаном, Орестом Розенфельдом, Жан-Полем Сартром, Лораном Шварцем, текст см. в: *La Voie communiste*, №12, avril 1960, archives BDIC.

50. «Le Manifeste des 121», *La Voie communiste*, №16, septembre 1960. Первая публикация текста с призывом к неподчинению.

51. Мишель Картри, интервью с автором.

52. Там же.

того как они выступили во дворе Сорбонны на митинге против закона о специальных полномочиях, Люсьена Себага, Мишеля Картри и Филиппа Жирара исключили из Союза студентов-коммунистов (UES).

Мишель Картри разделяет со своим другом по лицу Кондорсе Альфредом Адлером любовь к Сартру: «Я бы и босиком по снегу пошел покупать свежий номер *Les Temps modernes*»⁵³. Сближение Сартра с коммунистами заставляет Альфреда Адлера вместе с Мишелем Картри, Пьером Кластром и Люсьеном Себагом вступить в 1953 году в компартию. Именно Гваттари побуждает Адлера дистанцироваться от Сартра, рассказав ему о текстах Лакана: «С этого момента начался мой переворот»⁵⁴. Но Адлер по-прежнему считает себя коммунистом: «У меня разве что дома не было портрета Сталина»⁵⁵. Перемены начинаются в 1956 году: Альфред Адлер с товарищами затевает *La Voie communiste*, где он также встречает будущих писателей Пьера Паше и Мишеля Бютеля, а также других студентов Сорбонны, входящих в «шайку» Гваттари. Среди известных новобранцев — брат Даниэля Кон-Бендита, Габи, который тоже учится на философском факультете в 1956 году.

Приятель Габи Кон-Бендита и Пьера Паше, Клод Вивьен — в 1956 году самый младший член группы философского факультета: «Это самая необыкновенная группа, какую я только встречал в жизни»⁵⁶. Он участвует во всех дискуссиях и в коллективной жизни ячейки, которая в этот период обороняется в Латинском квартале от фашистских группировок, и, естественно, выходит на протестные демонстрации против войны в Алжире. Гваттари применяет к Клоду Вивьену испытанный метод, чтобы заставить его порвать со сталинизмом. Он приглашает его на выходные в Ла Борд: «Это важнейшее событие в моей жизни. Я встретил сумасшедших, и они не так уж отличались от меня самого»⁵⁷. Как и многие другие, Клод Вивьен, приехав на пару дней, поселяется в Ла Борд, где будет работать смотрителем, продолжая учебу на философском факультете и политическую деятельность. Он участвует в оппозиционной работе вместе с *Tribune de discussion*. Феликс дает ему почитать Троцкого и побуждает вступить в IV Интернационал. Когда в 1956 году Французская коммунистическая партия распустила ячейку философско-

53. Альфред Адлер, интервью с автором.

54. Там же.

55. Там же.

56. Клод Вивьен, интервью с Виржини Линар.

57. Там же.

го факультета и создала УЕС, он был секретарем распущенной ячейки. Вивьен вступает в *La Voie communiste* вместе с Гваттари, Жераром Спитзером, которого он глубоко уважает⁵⁸, с Дени Берже и будущим адвокатом Симоном Блюменталем.

До 1962 года *La Voie communiste* выступает эффективным рычагом в борьбе против преступлений, совершаемых в колониальной войне в Алжире, но после заключения Эвианских соглашений наступает время застоя. Кое-какие всплески политической активности еще случаются: в помещении на улице Жоффруа-Сент-Илер собирается Революционная социалистическая партия Алжира под руководством Мухаммеда Будиафа, поддерживающего контакты с *La Voie communiste*; Гваттари считает себя близким к нему⁵⁹. Но очень скоро начинается распад, а затем в 1965 году группа исчезает. Нужно сказать, что некоторые переключились на маоизм под влиянием Симона Блюменталья и Бенни Леви, тогда как другие поют осанны первому президенту Алжира Ахмеду бен Белле. В 1961 году в *La Voie communiste* можно прочесть тезисы китайских коммунистов о «мирном сосуществовании»⁶⁰, но по-настоящему маоистскую окраску газета начинает принимать уже после войны в Алжире в 1963 году. Так, она публикует политическую программу из 25 пунктов, представленную руководством Компартии Китая⁶¹.

Такая эволюция не нравится Гваттари. В своих статьях 1964 года он занимается критическим изучением советского режима и, чувствуя, что все больше отдаляется от политической ориентации газеты, в итоге резко рвет с ней: «Я вдруг разом со всеми разорвал. В 1964-м мне все это надоело»⁶². Этого ему не простят, особенно Жерар Спитзер, упрекавший Гваттари в том, что тот перекрыл финансирование *La Voie communiste*. Так будет и в дальнейшем: как только Гваттари чувствует, что институция начинает работать вхолостую, живя за счет своего накопленного культурного капитала, он будет без колебаний играть на опережение и разрушать ее, чтобы найти новые возможности в другом месте. В 1964 году свежую струю сулит студенческое движение, переживающее радикализацию.

58. Жерар Спитзер окружен ореолом бывшего участника Сопротивления. Его отец, врач, из венгерских евреев, был депортирован. Он вступил в Сопротивление в Гренобле и оказался во главе «Вольных стрелков и партизан» в Париже в 1943 году в возрасте 15 лет.

59. Entretien avec Mohammed Boudiaf, *La Voie communiste*, № 31, nov.-déc. 1962, archives BDIC.

60. *La Voie communiste*, № 23, juin-juillet 1961, archives BDIC.

61. *La Voie communiste*, № 36, juin-juillet 1963.

62. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, IMES.

Феликс: лаканианец первого призыва

В 1950-е годы, помимо репутации политического активиста, Гваттари становится известен и как специалист по Лакану. В Сорбонне он вызывает живейший интерес, так как известно, что у него можно взять почитать неопубликованные тексты Лакана. Он пользуется уважением как теоретик, способный представить новичкам эту темную теорию и в то же время имеющий реальную практику в мире безумия, руководя клиникой в Ла Борд: «В Сорбонне в то время меня называли „Лаканом“. Я всех им доставал»⁶³.

В этом отношении знакомство Гваттари с Жаном Ури было судьбоносным событием. В 1945 году, по воспоминаниям, совсем еще юный Феликс, которому не было и пятнадцати, учился у Фернана Ури, часто устраивавшего встречи на молодежных турбазах. Именно в такой обстановке брат Фернана Жан, которому исполнился 21 год, знакомится с Феликсом в Ла-Гаренн-Коломб, где они оба живут. Когда Жан Ури уезжает в Сент-Альбан, знакомство с Феликсом на время прерывается. Фернан, в свою очередь, несколько обескуражен душевным разбродом, в котором пребывает Феликс, и в декабре 1950 года советует тому обратиться к его брату-психиатру. Жан тогда работал в клинике Сомери в департаменте Луар и Шер: «Фернан сказал мне тогда: „Только смотри не разбей его на кусочки“. Но я для этого ему был совершенно не нужен, он с этим и сам прекрасно справлялся»⁶⁴. В этот период Гваттари изучает фармацевтику, которая наводит на него страшную тоску, зато психиатрия, которой занимается Ури, его совершенно захватывает.

В декабре 1950 года Жан Ури настоятельно советует ему почитать Лакана и даже просит держать его самого, Ури, в курсе его последних исследований, поскольку из-за загруженности работой в клинике он не может ездить на лекции в Париж. Жан Ури старше Феликса Гваттари на шесть лет и играет для него роль наставника, нового заместителя отсутствующей отцовской фигуры. В 1952 году Гваттари описывает в дневнике то, что он называет «Линией ЖУ» (Жан Ури): «Никакой защиты, всё допускать, пока нет конкретных травм (ударов и ран)... Для этого нужны молчание и слабая эмоциональность. Быть проще»⁶⁵. В 26 лет Жан Ури уже психиатр-экспериментатор.

63. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 10 июля 1984 года, 1 МЕС.

64. Jean Oury, *Il, donc*, Paris: Matrices (1978), 1998, p. 25.

65. Феликс Гваттари, тетрадь № 2, 2 октября 1952 года, 1 МЕС.

Из их бесконечных разговоров рождаются некоторые советы по профессиональной ориентации. Жан поддерживает желание Феликса бросить фармацевтику и пойти учиться на философский факультет. Он советует ему, что почитать: помимо Лакана — Сартра, Мерло-Понти. Это говорит о том, какую важную роль Жан Ури сыграл в жизни Гваттари и насколько важны были их отношения. В значительной мере это объясняет, как удалось образовать столь устойчивую «двухголовую» машину, позднее составленную ими в Ла Борд, на долю которой выпадет немало испытаний. Гваттари на мопеде мотается из Парижа в клинику Жана Ури в Сомери и обратно: «Мы спорили целыми ночами, у споров был живописный аспект в виде тестов Роршаха. Придумывали конкретную музыку, записывали пение птиц или играли в игру, которую теперь называют „мята с водой“: берешь объекты и составляешь о них фразы, чтобы создать новый синтаксис»⁶⁶.

Благодаря Ури Гваттари также гораздо раньше остальных интеллектуалов открывает тексты Лакана о «стадии зеркала», «агрессивности» и семье. Они производят на него такое сильное впечатление, что он почти заучивает их наизусть и в 1951–1952 годах декламирует их любому желающему. В 1953 году Гваттари присутствует в Коллеже философии на улице Ренн на лекции Лакана о Гёте. Этот человек его мгновенно очаровывает. В 1954 году Лакан приглашает его на свой семинар в больнице Святой Анны. Народу там еще очень мало: «Я был первым человеком, который не был психиатром или врачом»⁶⁷, присутствовавшим на этом семинаре, который пока еще не вошел в моду в Париже. В этот же период Гваттари открывает область, которую будет позднее изучать с особой интенсивностью, — область языка. 1953 год — это также год знаменитой Римской речи, в которой Лакан заявил о победе лингвистических методов в психоанализе. Но Лакан не единственный, кто вводит его в эту сферу: «Впервые я задаюсь проблемой языка. Для меня она стала вопросом, начиная с Лакана и его филиппик против Блонделя. Начиная с Изара и его беззаветной любви к поэзии. Начиная с Рудана, которому я объяснил, что только сейчас начинаю понимать его проект. Нет мышления без воплощения в языке»⁶⁸.

Наряду с интересом к тому, как функционирует язык, в период моды на лингвистику у него также возникает желание выразить себя, писать, которое станет повторяющейся темой,

66. Жан Ури, интервью с автором.

67. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, I МЕС.

68. Феликс Гваттари, тетрадь № 3, 28 марта 1953 года, I МЕС.

преследующей его всю его жизнь. 1 сентября 1953 года он записывает в дневнике заглавными буквами: «ХОЧУ НАПИСАТЬ КНИГУ», — а в конце месяца задается вопросом, что это могла бы быть за книга:

Писать! Я хочу писать. Это становится жгучей потребностью... Но что писать? Может быть, сначала о моих проблемах с письмом. Мог бы я писать философскую литературу? Например, написать о смерти? Но я ничего не читал. И так всегда — я ничего ни о чем не читал. Воспоминания детства? Но они не приходят по указке. Над ними нужно работать. ВЫКОПАТЬ первую яму. Это предполагает поэтическое углубление ситуации. Если исключить поэзию и философию, остается выбор между романом и дневником. Первый меня пугает, второй наводит скуку. Нельзя ли писать изо дня в день роман обо мне, Мишлин, ЖУ. «Идеальная девушка» и т.п.? Что-то, в чем бы передались и кристаллизировались мои увлечения. Написать книгу — великий миф моей юности⁶⁹.

Гваттари тогда говорил на «лакановском языке». Он пишет своему гуру, тот отвечает и приглашает его на встречи, дискуссии. Наконец, Гваттари ложится к нему на кушетку, опередив весь Ла Борд, платит по 50 франков за сеанс, немалую сумму по тем временам. Переубедив Клода Вивьена и устроив его в Ла Борд, он в 1956 году приводит его на семинар в больницу Святой Анны: «Там я по-настоящему впечатлился, потому что услышал человека, резко отличавшегося от известных мне профессоров Сорбонны, которые были не последние люди: Владимир Янкевич, Жан Валь, Фердинан Алкье. Я был совершенно покорен, и Феликс отправил меня на анализ к Лакану»⁷⁰. В 1954 году почти вся интеллектуальная деятельность Гваттари сосредоточена вокруг Лакана: «Философ ли я? Или я только студент философского факультета? Моя деятельность в последнее время носят на себе лишь один философский отпечаток: лекции Лакана»⁷¹.

В его записях появляется тема, которую Гваттари систематизирует только позднее, но которая встречается в лекциях Лакана уже в конце 1954 — начале 1955 года, понятие машины: «Субъект как индивид-машина имеет бессознательные проявления, которые могут быть конкретизированы только при помощи специального лечения»⁷²; «Декарт: машина — это часо-

69. Там же, конец сентября 1953 года.

70. Клод Вивьен, интервью с Виржини Линар.

71. Феликс Гваттари, тетрадь № 4, 24 мая 1954 года, I МЕС.

72. Феликс Гваттари, «Тетрадь Лакан 1954–55», заметки к курсу 15 декабря 1954 года, I МЕС.

вой механизм. Эти машины в фундаментальном отношении очень человечны (Арагон восхваляет часы)...»⁷³; «Если машина инкорпорирует деградировавшие формы знания, например, демона Максвелла, она сотворит чудо. Это поможет обратить вспять энтропию»⁷⁴. Машинная тематика, противопоставляемая структуре, позднее станет одной из любимых у Гваттари, а затем и у «пары» Делёз — Гваттари⁷⁵.

73. Там же, заметки от 12 января 1955 года.

74. Там же, заметки от 20 января 1955 года.

75. Félix Guattari, «Machine et structure», доклад, предназначавшийся для Парижской школы фрейдизма, 1969, опубликован в: *Change*, № 12; переиздано в: Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*, p. 240–248.

Глава 2

Ла Борд: между мифом и реальностью

ЛЕГЕНДАРНЫЙ замок Ла Борд дал приют особой психиатрической клинике, в которой с безумием обращались совсем не так, как в других местах. Со временем Ла Борд превратилась в осуществившуюся утопию: движение снова и снова испытывает в ней себя. Брешь, пробитая в традиции отгораживания от мира безумия, эксперимент, который проводится в самом сердце региона Солонь, в департаменте Луар и Шер, словно восстанавливает связи с другими, доклиническими способами общения с сумасшедшими, существовавшими, когда не проводилось различия между безумцами и нормальными людьми, между нормой и патологией. В то же время этот опыт не отрицает необходимости применения лекарственных препаратов для лечения психотического бреда.

Совершенно отдельный мир, корабль Ла Борд пускается в плавание на просторах обширного парка площадью 18 гектаров, в центре которого возвышается столетний замок, где в начале этой авантюры разместилась клиника с ее кабинетами, кухней, гостинными, процедурной, бельевой и спальнями на этажах. Вокруг замка располагается несколько павильонов, также входящих в его орбиту. Чуть в стороне теплица, огород, а еще дальше в лесу — конюшня с манежем, курятник, свинарник. Рядом с замком стоит столетний кедр, который позднее уничтожит гроза, а еще дальше обширное болото напоминает о том, что дело происходит в Солони. Поблизости есть зал на сто человек и небольшая часовня, переделанная в библиотеку. Именно здесь, в коммуне Кур-Шеверни, в регионе Центр, неподалеку от Шамбора и в 15 километрах от Блуа, обрел форму этот коллективный опыт, направленный на то, чтобы переделать мир, при этом держась в стороне от его потрясений¹.

1. См.: Anne-Marie Norgeu, Roger Gemtis, *La Borde: le château des chercheurs de sens? La vie quotidienne à la clinique psychiatrique de La Borde*, Paris: Èrès, 2006.

Преимственность с институциональной психотерапией

У истоков этого особого мира стоит закон первой половины XIX века, определивший в 1838 году статус «публичных учреждений для душевнобольных». Его можно рассматривать в качестве ключевого элемента политики, которая приведет к заточению душевнобольных и предоставит неограниченную власть психиатрам. Но в то же время его можно счесть формой защиты от произвола: «Закон 1838 года был законом, который при правильном применении позволял защитить человека одновременно и от семьи, и от злоупотреблений административных властей»².

Центр обновления психиатрии, расположенный в Сент-Альбане в Лозере и основанный в 1921 году доктором Тиссо, стоит у истоков лечебницы Ла Борд. В этой лечебнице особого типа кристаллизировалось радикальное изменение психиатрической практики после Второй мировой войны, и этому способствовало ее уединенное расположение. Для несогласных Сент-Альбан станет любимым местом, поскольку во время войны лечебница принимала в своих стенах целую сеть членов Сопротивления. Сюда приезжали активисты Сопротивления, диссиденты, среди которых были и выдающиеся интеллектуалы. После реформы Пьера Балве, приравнявшей младший медицинский персонал к врачам, произошла гуманизация всей работы лечебниц. Люсьен Боннафе, новый директор клиники, назначенный в 1942 году, коммунист и глава партизанского подполья Лозера, разрешает больным выходить за пределы лечебницы и общаться с местным населением.

Появление в 1939 году яркой личности — Франсуа Тоскейеса — пошатнуло старые обычаи. Этот каталонский психиатр был начальником психиатрической службы испанской республиканской армии. Член партии РОУМ (троцкистская Рабочая партия марксистского единства), он бежал из франкистской Испании, перешел Пиренеи и в итоге оказался в лагере испанских беженцев в Сетфоне. Узнав от другого каталонского психиатра, Ангелса Вивеса, что Тоскейес находится в этом лагере, Поль Балве, хорошо знакомый с репутацией этого «красного психиатра», отправляется туда и привозит его в клинику в Сент-Альбане, чтобы тот поделился своим опытом и получил возможность осуществить свои идеи.

2. Франсуа Тоскейес в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, Paris: Recherches (1975), 1980, p. 22.

Тоскейес начал изучать психиатрию в 16 лет. Когда испанские республиканцы должны были выступить против *pronunciamiento*³ генерала Франко, ему было 24 и он уже четыре года работал врачом-психиатром в институте Пере Мата в Реусе. Он рано принял участие в новаторских экспериментах Государственной больницы Каталонии и там научился у профессора Миры-и-Лопеса оригинальной организации здравоохранения, вдохновленной немецкой психиатрией. Тоскейес пронес через границу книгу, для которой позднее закажет перевод на французский. Это была книга немца Германа Зимона, в которой тот рассказывал о своем пребывании в клинике Гютерсло и утверждал, что институт психиатрической лечебницы нуждается в лечении не меньше, чем больные, и что для этого необходимо поощрять трудовую деятельность и творчество всего больничного сообщества⁴.

Тоскейесу с его авангардистскими взглядами подходит больница Сент-Альбана с царившей в ней во время войны атмосферой бурной интеллектуальной деятельности. Все психиатры принадлежали более или менее к одному поколению, им всем было меньше тридцати, и они хотели изобрести мир заново. Тоскейес, предложивший создать в лечебнице Сент-Альбан Клуб больных, быстро находит себя в интенсивной коллективной работе, которая приведет к созданию научного объединения Общество Жеводана: «Готовя светлое будущее, мы говорили о психиатрии, критически пересматривали основные концепции и типологию возможных действий»⁵. В 1952 году, когда дела заставили Боннафе вернуться в Париж, Тоскейес становится главным врачом лечебницы.

Общий контекст Сопротивления, оружие, сбрасываемое с самолетов, партизаны, которых прячут, связь с местным населением: все это делает Сент-Альбан открытым учреждением, которое сотрудничает с крестьянами и местными жандармами и практикует то, что в Обществе Жеводана называли «геопсихиатрией», то есть встраивает психиатрическую деятельность в местные традиции. Поскольку дело происходит в горах, принято посещать больных и вести медицинское наблюдение после выписки на дому.

У лечебницы были настолько тесные отношения с Сопротивлением, что набор медицинского персонала производился исходя

3. Речь идет о путче 17–18 июля 1936 года, с которого началась гражданская война в Испании. — *Прим. ред.*

4. Hermann Simon, *La Psychothérapie de l'asile*, Paris: Société générale d'imprimerie et d'édition, 1933.

5. Франсуа Тоскейес в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, p. 68.

из интересов местной подпольной сети. Этой деятельностью руководит директор Люсьен Боннафе. Он принимает Поля Элюара, который устраивает в Сент-Альбане подпольную типографию, а также важных координаторов Сопротивления, таких как Жорж Садуль или Гастон Бэссетт. Он встречается с философом Жоржем Кангилемом, который учился курсом младше него на медицинском факультете в Тулузе и на тот момент был помощником комиссара Республики в Клермон-Ферране: «Все это сыграло очень важную роль в истории Сент-Альбана: его связь с войной, со всевозможными движениями, возникшими во время войны: местное Сопротивление, партизаны Оверни, гора Муше, интеллектуальное сопротивление, подпольная типография»⁶. Этот опыт сыграет важнейшую роль, когда откроется Ла Бورد. По мнению Жана Ури, он стал «горнилом», «матрицей»⁷.

Сразу после войны множество юных интернов выбирают Сент-Альбан. В сентябре 1947 года туда приезжает Жан Ури вместе с новым поколением, которому предстоит профессионально сформироваться в этой школе⁸. Он сразу устанавливает контакт с Тоскейесом. У Ури есть проект, придуманный им еще в 18 лет, в 1942 году: создать коллективную рабочую группу анархистского толка. Как и на Гваттари, на него сильное влияние оказал опыт жизни в пригороде Ла-Гаренн-Коломб, сеть турбаз для юношества, молодежные движения, активизировавшиеся после Освобождения. Жан Ури родился в 1924 году, он выходец из народа: его отец работал полировщиком на заводе *Hispano-Suiza*, крупном и престижном предприятии в Ла-Гаренн-Коломб.

В Сент-Альбан Жан Ури приехал с текстом выступления Лакана в мае 1947 года. Лакан будет для него главным теоретическим ориентиром на протяжении всей его психиатрической деятельности. Психиатр Ажуриагерра вместе со своим коллегой Жоржем Домезоном и социологом Жоржем Гюсдорфом организовал на улице Ульм серию выступлений в продолжение конгресса 1946 года в Бонвале, на котором Лакан развил свои идеи о каузальности в психике: «Передо мной прошло множество докладчиков, но в мае я услышал одного типа и сказал себе: „Наконец-то умный человек“. Это был Лакан; и я не изменил своего мнения»⁹. Эта конференция решила его судьбу. До того

6. Ibid., p. 72.

7. Jean Oury, *Il, donc*, p. 73.

8. Жан Аим, Робер Миллон, Морис Депинуа, Клод Понсен, Роже Жанти, Орас Торрубия...

9. Жан Ури, интервью с автором.

момента он колебался между изучением физики-химии и психиатрией: голос/путь Лакана все для него решил. Но личный контакт с мэтром удалось установить не сразу: «Только в октябре 1953 года я сумел попасть к нему в анализ, и он продолжался до 1980 года: 27 лет! По два сеанса в неделю, потому что я был неизлечим»¹⁰. Итак, Жан Ури становится участником лакановской авантюры: раскол в 1953 году, основание Парижской школы фрейдизма в 1964-м. Четыре года он будет работать в аттестационной комиссии вместе с Лаканом, Сержем Леклером и Мустафой Сафуаном.

Новый строитель: Жан Ури

Жан Ури остается в Сент-Альбане до 1949 года, когда его позвали заменить в Сомери друга Тоскейеса — Соланеса, уехавшего в больницу в Каракасе. Итак, планировалось, что Ури придет в Луар и Шер не более чем на месяц, но в результате он поселяется там надолго, до 1953 года. Замок Сомери, построенный в XVII веке, стал пристанищем для единственной психиатрической лечебницы в департаменте. Эта частная клиника «практически больше не работала, в ней была всего дюжина коек»¹¹. Именно в Сомери в клинике Ла Сурс формируется будущая команда Ла Борд: «В определенном смысле 1950–1953 годы, период клиники Ла Сурс, — это вершина в истории Ла Борд»¹².

Внутри этого микрокосма, количество больных в котором очень невелико, устанавливается стиль коллективной жизни: «Речь шла о довольно сплоченной группе, члены которой знали друг друга по движению молодежных турбаз или были родом из того же пригорода, что и Ури, Ла-Гаренн-Коломб, а к ним присоединилось некоторое число друзей»¹³. Туда приезжают на побывку все, кто был связан с Ури: помогают с лечением и с развлечениями во время долгих уик-эндов или каникул, становятся настоящим племенем: «Сомери — период, который я называл периодом „изоляции“»¹⁴. В Сомери Ури придумывает свою психиатрическую практику, продолжающую линию Сент-Альбана: «Психиатрия без подобной артикуляции — наду-

10. Жан Ури, интервью с автором.

11. Жан Ури в: François Fourquet, Lion Murard, *Histoires de la psychiatrie de secteur*, p. 14.

12. Jean Oury (dit Odin), *Histoires de La Borde, Recherches*, № 21, mars-avril 1976, p. 35.

13. Феликс Гваттари, «Сетка», доклад на собрании стажеров в Ла Борд, январь 1987 года, ГМЕС.

14. Жан Ури, интервью с автором.

вательство. Тоскейес говорил о полицентричной гетерогенности и в то же время о трансдисциплинарности. Нельзя никого лечить, не учитывая его работу, детство, материальное положение»¹⁵. Когда владельцы клиники сообщают, что собираются вернуть ее себе, и не соглашаются ни на какие компромиссы, Ури решает перенести свой эксперимент в другое место.

Ури удалось создать структуру на приблизительно сорок койко-мест, но из-за изолированности в Сомери, где он был единственным официальным лицом по вопросам психиатрии на весь департамент, у него возникло сильное желание уехать и организовать собственную клинику. Случай представился в апреле 1953 года, когда Ури узнал, что в десятке километров от Сомери выставлен на продажу замок Ла Борд. Он покупает его и забирает с собой почти всех больных из Сомери и восемь человек медперсонала. Замок был в таком состоянии, что покупателя на него не нашлось бы. Жить можно было только на первом этаже, вокруг несколько строений стояли в руинах. Место было крайне уединенным, поскольку ближайшая деревня находилась в четырех километрах, а ближайший город — в тринадцати. Этот новый проект сразу же получает признание в среде психиатров: в 1954 году психиатры Луи Ле Гийян, Эвелин Кестемберг и Жорж Домезон приезжают на дискуссии с Ури и направляют к нему своих больных.

С созданием Ла Борд начинается новое революционное приключение. Тот, кто придумал клинику, в шутку даровал ей конституцию, датированную «годом I», вступившую в действие с момента открытия лечебницы в апреле 1953 года. Эта хартия устанавливает общий принцип трудового коллектива как терапевтической группы в соответствии с тремя организационными началами. Демократический централизм обеспечивает верховенство руководящей группы и соответствует марксистско-ленинскому принципу, который все еще был в моде в год смерти «отца народов». Второй принцип, отсутствие устойчивых статусов, соответствует коммунистической утопии, в которой каждый должен быть готов переключаться с физического труда на интеллектуальный и обратно: любого в клинике могут попросить сменить лечебную деятельность на работу по хозяйству, руководство занятиями в кружках или подготовку спектаклей. Налажена система ротации задач. Третий принцип, антибюрократический, определяет коллективную организацию, в которой все становится общим — ответственность, задачи и зарплаты. Эта программа еще не получила названия «ин-

15. Там же.

ституциональной психотерапии», но в ней уже можно заметить основные мотивы этого новаторского движения: «Открытые, незамкнутые пространства, свобода передвижения, критика профессиональных ролей и квалификаций, пластичность институтов, потребность в терапевтическом клубе для больных»¹⁶.

Высокопарный текст иронически представляет эту ориентацию: «Онтология для недедуктивной феноменологии» с легкомысленным подзаголовком «Мята с водой». Речь о том, чтобы занять творческую позицию на еще не проторенном пути, задействовать случай и спонтанность, как в теориях сюрреалистов. Ури вспоминает в этой связи о влиянии Лакана, а также Франсиса Понжа: «Исказить объект — это подход Франсиса Понжа. Выявить в нем то, что Лакан называет Вещью. Здесь мы соприкасаемся с определенной поверхностью, с определенной семантикой, которая напрямую связывается с лечением психотиков»¹⁷.

С самого начала Ури, помимо любви к обязанностям психиатра, демонстрирует большой интерес к творчеству — он посвятил этому свою диссертацию. Проводя связь между творчеством и безумием, он хочет оспорить идею, что в безумии есть только негативность: «Я представлял творчество как своего рода биологическую защиту: попытку восстановления мира, функциональную компенсацию»¹⁸. В диссертации Ури устанавливает связь между расколом, вызванным у психотика психическим нарушением, и производством себя: «Бред сам по себе продуктивен. [...] Я уже говорил об эстетическом „конатусе“»¹⁹.

Ури заявит, что нельзя путать клинику с «обувной фабрикой». Группа врачей Ла Борд должна избавиться от функционализма с его разделением обязанностей, специализациями и иерархиями. Он не хочет повторения того, что происходит в классических психиатрических клиниках, где работают эрготерапевты и социотерапевты, замкнувшиеся в своей специальности и отрезанные ото всех остальных. Революция должна стать перманентной, как и рефлексия, которая шаг за шагом следует за практическими инициативами, чтобы оценивать их возможную продуктивность.

Один из самых деликатных вопросов касается распределения денежного вознаграждения за работу, выполняемую в ле-

16. Jean Oury (dit Odin), *Histoires de La Borde*, p. 26.

17. Ibid., p. 31.

18. Жан Ури, «Творчество и безумие», расшифровка дебатов с Феликсом Гваттари, 1 июня 1983 года, IMES.

19. См.: Jean Oury, *Essai sur la conation esthétique*, Orléans: Le Pli, 2005.

чебнице. Поначалу был установлен очень сложный принцип определения размера заработной платы на основе временного коэффициента, выводившегося из оценки тяжести выполняемого задания и его терапевтического потенциала. С момента создания Ла Борд Ури организует по образцу Сент-Альбана «клуб клиники»: «Первым делом доктор Оден [речь идет о Жане Ури] нашел место со стульями и столом, за которым можно было продавать мыло или ручки, играть в карты или читать журналы»²⁰. Как и в Сент-Альбана, цель была в том, чтобы создать социальное пространство, не связанное иерархическими властными отношениями, место общения врачей, больных, медсестер, санитаров и обслуживающего персонала. Этот клуб занимает не какое-то маргинальное место в жизни клиники. Ему отводится самый центр замка, большая гостиная на первом этаже и прилегающая к ней маленькая гостиная. Там открывается бар, в котором можно купить безалкогольные напитки, табак. Раз в две недели там проходит генеральная ассамблея, на которой выбирается руководящее бюро и его президент. Если поначалу в бюро заседают только инструкторы без участия больных, в дальнейшем ситуация изменится, когда выяснится, что многие больные способны брать на себя административную ответственность. Эта активная общественная жизнь поддерживается в Ла Борд за счет множества самых разных комитетов и собраний. Комитет «Пилотного клуба мастерских», выпускающий газету «Молния Ла Борд», организует кружки по выжиганию, хоровому пению, кукольный театр и т. д. Он следит также за финансами и имеет финансовую автономию: «Таким образом организуется формальная демократическая структура представительства пациентов»²¹. Чтобы вовлечь всех членов персонала в отношения с больными, через семь месяцев после создания клиники принимается решение создать комиссию по меню: убрать из кухни повара и, наоборот, привлечь как можно большее число людей к приготовлению пищи — все это должно разрушить барьеры, преодолеть специализацию и запустить динамику гомогенизации группы.

Эта волюнтаристская политика порой встречается в штыки, поскольку вступает в противоречие с принципом специализации каждого сотрудника. Подобные творческие конфликты должны постоянно привлекать внимание к различиям; здесь

20. Ginette Michaud, «La notion d'institution dans ses rapports avec la théorie moderne des groupes», D. E. S., 1958, p. 89, цит. по: *Histoires de La Borde*, p. 61.

21. Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sabourin, *La Borde ou le droit à la folie*, Paris: Calmann-Lévy, 1976, p. 41.

психоз каждый раз по-новому подвергает испытанию рациональную логику. Общение, организованное в Ла Борд, стремится вывести индивидов из изоляции, избавить их от танатоидных искушений, вырвать их из компульсивного повторения путем беспрестанного создания все новых и новых групп-субъектов. Своей целью это практическое применение принципов институциональной психотерапии ставит не столько создавать отношения, сколько «развивать новые формы субъективности»²².

Феликс Гваттари держит Жана Ури в курсе своей политической деятельности и особенно семинара Лакана, который он посещает регулярно с 1950-х годов. Когда его пригласили в Ла Борд, Феликс поселился там в 1955 году вместе со своей подругой Мишлин Као. Разделение обязанностей между двумя друзьями несколько меняется. Хотя Гваттари по-прежнему хочет заниматься поддержанием связей с внешним миром, ему также поручается руководство терапевтическим клубом клиники и организация работы. С приездом Гваттари Ла Борд быстро становится «двухголовой машиной». Эта пара друзей поможет клинике пережить все испытания и поддержать репутацию заведения, сознательно порождающего неустойчивость, чтобы расшатывать свое основание и сохранять восприимчивость к инновациям.

Гваттари больше увлечен интеллектуальной новизной, воплотившейся в опыте Ла Борд, чем миром психозов: «Очень странно, но меня совершенно не интересовал мир безумия»²³. А вот деятельность организатора и заводилы прекрасно подходит политическому активисту: «У меня был довольно негибкий активистский стиль в работе с сотрудниками, которых удивило введение трудовой дисциплины, собраний, контроля за выполнением заданий»²⁴. Повседневная жизнь в клинике была непростой. До появления нейролептиков и медикаментозного лечения конфликты с больными могли доходить до драки, и нередко можно было получить кофеваркой или еще какой-нибудь посудой по голове.

Гваттари, уже тогда заправский предводитель, берется за дело решительно и использует навыки дзюдоиста для подавления любых поползновений к насилию. Сотрудникам создают возможности для высказывания своих проблем и забот, и диа-

22. Феликс Гваттари, «Сетка», доклад на собрании стажеров в Ла Борд, январь 1987 года, I МЕС.

23. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, I МЕС.

24. Там же.

лог позволяет разрешать споры и обеспечивать гладкое функционирование клиники. Гваттари пристально следит за некоторыми больными и активно вмешивается в их жизнь, особенно тех, кто хочет отлежаться в своих постелях. Он заставляет их выходить из комнаты и заниматься деятельностью согласно распорядку дня. На семинаре Лакана, который он регулярно посещает, и в Ла Борд Гваттари постепенно приобретает настоящий опыт психиатрической работы.

Гваттари смягчает свои методы, когда оказывается по другую сторону баррикад в качестве пациента. В 1957 году Ури послал его в Сент-Альбан к Тоскейесу, чтобы он отсиделся и не попал под призыв в армию и на Алжирскую войну. Здесь он почувствовал, сколь невыносимым может быть пребывание в лечебнице, когда авторитарный персонал держит тебя в ежовых рукавицах. В 1950-х годах в клинике ведутся дебаты о влиянии Сартра и его экзистенциалистских идей. Обсуждение с Ури отношений между врачами и младшим медицинским персоналом раскрывает это стремление к дефункционализации: «Итак, главная перспектива — исчезновение определенного числа ролей, стереотипов: нужно побыть сумасшедшим, так же как врачом или медбратом, чтобы начать поощрять человеческие отношения, не навязывающие автоматически определенные роли и стереотипы»²⁵. В Ла Борд младший медицинский персонал и инструкторы не носят белых халатов и ничем не отличаются от больных. Ури иронично переворачивает устоявшиеся ценности, согласно которым интернализация больного носит окончательный характер. Он видит в больных постояльцев, которые приходят и уходят, тогда как медицинский корпус является стабильным элементом, укорененным и хроническим. С самого начала авантюры в Ла Борд и еще раньше, в Сент-Альбане, существовала гипотеза о том, что в речи сумасшедших сокрыта истина. Не фетишизируя бред, они ищут в сумасшедшем творческое начало, на которое должно быть обращено внимание врача, то, «что называлось трансцендентальным измерением безумца»²⁶.

Гваттари очень быстро берет себе нескольких пациентов, например, Жака Бриера, который поступил в Ла Борд 29 января 1959 года. Гваттари берет его на индивидуальную психотерапию, которая продлится вплоть до его выписки в 1967 году. Гваттари применяет к Бриеру, страдающему от тревожно-фобического расстройства, сугубо классический подход: «Феликс Гваттари

25. Félix Guattari, «Sur les rapports infirmiers-médecins» (1955), *Psychanalyse et transversalité*, p. 11.

26. Жан Ури в: Ibid., p. 15.

не разговаривал. Я ложился на кушетку. Он сидел сзади и молчал»²⁷. Жак Бриер в течение четырех лет будет занимать должность президента и казначея генеральной ассамблеи пациентов. Он пользуется настоящей финансовой автономией, ведет бухгалтерский учет, распоряжается банковским счетом в Блуа, а также пользуется щедротами Гваттари, который дает ему деньги на покупку книг по металлургии, которой он увлекается; это пригодится позднее, когда он пойдет учиться в Консерваторию искусств и ремесел. Жак Бриер ошарашен скоростью Гваттари, которого один из его приятелей прозвал *Speedy Guatt*²⁸. Когда у Бриера спрашивают, что ему дал Гваттари, он отвечает: «Он позволил мне жить. Он поощрял людей реализовывать их желания; меня он побудил заняться скульптурой»²⁹.

Среди пациентов есть один, который особенно дорог Гваттари: великий артист, поэт и музыкант, который попал в Ла Борд в 1955 году и оставался там до самой смерти 30 мая 1999 года: Жак Бесс, 1921 года рождения. Он блестяще учился в школе и попал в подготовительный класс, изучал философию и в 1943 году стал музыкальным руководителем труппы Шарля Дюллена. После Освобождения он написал музыку к нескольким фильмам Ива Аллегре, Алена Рене, сочинил концерт для фортепиано. Но после того, как в 1950 году он в одиночку пешком вернулся из Алжира, его жизнь пошла под откос. Он сменяет одну за другой тюрьмы и психиатрические лечебницы, пока Ури и Гваттари не забирают его в Ла Борд. Они открывают перед ним страницы журнала *Recherches*, где публикуются некоторые из его текстов³⁰.

У Жака Бесса регулярно возникает желание уехать из клиники и отправиться погулять по Парижу, он черпает в этих прогулках литературное вдохновение: «Механически возвращаясь к Сен-Жермен-де-Пре, какой данью Любви, которая не была бы данью крови, должны мы расплачиваться за необходимость всех наших прозаических актов пред лицом Неба, которое призывает нас, нелепейших из людей, к самому что ни на есть поэтическому из Альянсов!»³¹ Гваттари выдает ему 500 франков на прогулку, но Бесс пропивает всю сумму и заканчивает день в полиции. Приходится регулярно забирать его из психиатрической лечебницы Виль-Эврар.

27. Жак Бриер, интервью с Virжини Линар.

28. Там же.

29. Там же.

30. Жак Бесс, в частности, публикует: *La Grande Pâques*, Paris: Belfond, 1969.

31. Ibid., p. 93.

Бесс активно участвует во всех культурных начинаниях Ла Борд. Его даже уговаривают написать небольшую пьесу, которую репетируют по мере написания; целиком она будет поставлена в клинике под названием «Экзотический Запад». В 2004 году режиссер, его друг Жак Баратье, регулярно навещавший Бесса в лечебнице, снял о нем прекрасный фильм: в нем Лоран Терзиефф играет роль Бесса, для которой сам Бесс написал большую часть реплик; например: «Не ищите за словами болезнь, ищите поэта»³².

Чтобы избежать опасности, с одной стороны, слишком больших групп, а с другой — парных отношений лишь между врачом и пациентом, в Ла Борд решают создавать небольшие объединения: «Так появилось шесть или семь групп со странными названиями. Например, после 1970 года возникла группа, называвшаяся „группа изгоев“»³³. Затем в Ла Борд перешли к созданию базовых терапевтических единиц (БТЕ), предназначенных задавать правильный масштаб, позволяющий модифицировать субъективное единство пациентов. Такие единицы, разные по численности и смешанные по составу, поскольку включают в себя и пациентов, и инструкторов, становятся прочными объединениями где-то по 15 человек, чьи общие решения — непреложный закон для их членов. БТЕ заменяет субъекта, помогая справиться с трудностями, которые испытывает индивид, ориентируя свое поведение и речь на какой-то центр. В конце концов эти группы начнут производить обратный эффект гиперсемейственности, так как эти образования обнаруживают тенденцию замыкаться на себя: «Мне вспоминается один больной, поступивший в 1971 году, которому сказали: „Ты пойдешь в такую-то БТЕ“. На следующий день он пришел ко мне и сказал: „У меня проблемы с семьей“. Я нашел денег, чтобы отослать его из лечебницы»³⁴.

Нашествие «варваров»

После того, как Гваттари обосновался в Ла Борд, появились те, кого Ури окрестил «нашествием»: студенты-активисты, друзья Феликса, на время приезжающие в клинику, чтобы посмотреть на мир безумия. Роль этих «варваров», как называл их Ури, важна, поскольку клиника растет очень быстро — с 48 больных

32. Jacques Baratier, *Rien, Voilà l'ordre*, 2004.

33. Жан Ури, интервью с автором.

34. Там же.

в 1955 году до 90 в 1958-м. Эти «варвары» — выходцы из мира культуры и радикальной политики. Первыми приезжают философы из «шайки Феликса», почти все они в дальнейшем выберут гуманитарные науки: Люсьен Себаг, Мишель Картри, Альфред Адлер, Клод Вивьен и будущий психиатр Жинетт Мишо. «Варвары» встречаются с Феликсом в библиотеке Сорбонны, центре политической активности: если библиотекарь Ромё, человек энциклопедической эрудиции, приводит студентов-философов в политику через коммунистическую ангажированность, то для Гваттари дорога к обновлению политического активизма проходит через Ла Борд, к работе в которой он подключает свою «шайку».

Как только клиника Ла Борд была создана весной 1953 года, туда сразу же пригласили Мишеля Картри. «Мы жили в Ла Борд как в великой утопии. Вспоминаю, как Ури приезжал встречать нас на вокзал в Блуа. Мы всю ночь просидели у него в кабинете, комментируя „Дневник обольстителя“ Кьеркегора»³⁵. Будущему антропологу поручают присматривать за одним подопечным Гваттари — молодым шизофреником, который пишет стихи, ведет дневник и посещает семинар Лакана. Время от времени Гваттари посылает его в Париж и рассчитывает, что друг Картри его примет.

Когда начинаются каникулы, «варвары» на время обосновываются в Ла Борд и принимают полноценное участие в деятельности клиники. Им поручают типографию и гончарные мастерские, они участвуют в собраниях, на которых вместе с большими присутствуют врачи и младший медицинский персонал: «Отказ относиться к безумию как к простой болезни и увязывание его с собственными интеллектуальными исканиями, посредством языка, с поэзией — все это было в новинку. Тогда о таком еще не часто можно было услышать»³⁶. Выбрав антропологию, Картри еще больше упрочил свою связь с клиникой: его жена Кристиан решила устроиться туда медсестрой и осталась там на два года — в клинике у них родился сын.

Одноклассник Картри по лицу Альфред Адлер, тоже будущий антрополог, также прошел через захватывающий опыт Ла Борд и считал Феликса своим «гуру». Этих «варваров» окрестили «солдатами Гваттари». Как и остальные, пытаясь уклониться от призыва на войну в Алжире, Адлер обращается в Университетский медицинский центр Парижа, к доктору Лебовиси, тот направляет его в клинику в десятке километров от Ла Борд,

35. Мишель Картри, интервью с автором.

36. Мишель Картри, интервью с Виржини Линар.

которой руководит друг Гваттари, Клод Жанжирар. Так он может каждый день ездить в Ла Борд в Кур-Шеверни и вместе с Гваттари участвовать в ее деятельности. Там же, в Ла Борд, Клод Вивьен написал один из своих первых текстов о Френе: «Мы спали на чердаке замка в спальных мешках»³⁷.

Жинетт Мишо, в свою очередь, погружается в изучение медицины и психологии. Для нее Ла Борд стала решающей вехой, позволившей ей выбрать профессию психолога: «Концепцию трансверсальности придумала именно я и рассказала о ней Феликсу, который ее развил»³⁸. В то время Жинетт Мишо жила с Люсьеном Себагом, молодым философом, переключившемся на антропологию, которого рассматривают в качестве потенциального преемника Клода Леви-Стросса. Он тоже погружается в жизнь Ла Борд и привозит туда своего брата Робера Себага, блестящего математика.

За первой волной нашествия «варваров» последовала вторая, совпавшая с концом войны в Алжире и перераспределением активистских инвестиций Феликса Гваттари, переключившегося на студентов из профсоюзных кругов UNEF и членов обществ MNEF. В 1960-е годы, между провозглашением независимости Алжира (1962) и событиями 1968 года, клиника привлекает большое число студентов-стажеров, многие из которых примут участие в ее деятельности со страстью политических активистов. Для молодежи, вдохновляющейся политическими идеалами, это двойная встреча с миром психиатрии и с социальной утопией, осуществленной здесь и сейчас: «Я приехала в Ла Борд в один прекрасный летний день. Мне было лет двадцать. Война окончилась, друг вышел из тюрьмы, погода стояла хорошая...»³⁹ Так студентка филологического факультета Мари Депюссе начинает рассказ о первой встрече с этим другим миром. В тот момент она учится в Высшей нормальной школе в Севре и регулярно ходит слушать Лакана вместе с другом, студентом-философом: это он вышел из тюрьмы, отсидев три месяца за участие в демонстрации против войны в Алжире. Решив отпраздновать его освобождение на природе, они отправляются в Ла Борд. Это любовь с первого взгляда: «Я осталась в Ла Борд потому, что сумасшедшие меня поразили, поразило то, как ими там занимаются»⁴⁰. Мари Депюссе становится стажером, когда этого статуса еще не существовало, в 1962 году. Однажды ока-

37. Мишель Картри, интервью с автором.

38. Жинетт Мишо, интервью с Виржини Линар.

39. Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, Paris: P.O.L., 1993, p. 9.

40. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

завшись в Ла Борд, Мари Депюссе больше оттуда по-настоящему не уезжала.

Она выступила на собрании по поводу буйного больного, с которым, казалось, можно справиться только при помощи электрошока — в Ла Борд существовал и этот аспект психиатрии, многие пациенты даже сами просили провести им эту процедуру, чтобы избавиться от тревоги. Она выразила убежденность в том, что своим провокационным и буйным поведением больной пытается завязать диалог, привлечь к себе внимание: «Феликс подошел ко мне, улыбнулся и сказал, что я должна бросить учебу, потому что мое будущее в Ла Борд... В те времена Феликс говорил: „Мир — в Ла Борд“. В значительной степени это было так»⁴¹. Это предложение и привлекает Мари Депюссе, и вызывает у нее сомнения: она будет разрываться между Парижем, где продолжает учебу в Высшей нормальной школе вплоть до агрегации, и Ла Борд, куда она приезжает каждые выходные делать самую черную работу: мыть посуду, убираться. Отец-архитектор построил ей очень красивый домик в парке Ла Борд, ставшей для нее тихой гаванью.

Ее очаровал Ури, но не в меньшей степени и сам Гваттари, казавшийся ей неутомимым «продавцом надежды», способным убедить и увлечь самых упрямых и пессимистичных. Это напряжение утопизма каждый день снимается на чайной церемонии: «Какой благодатью веет от неподвижности людей, собравшихся вокруг стола за чашками липового чая в девять вечера в Ла Борд. В этот час они словно избранные. Молчаливая общность... Время приостановки, когда пребывание в клинике интериоризируется»⁴².

Мари Депюссе оценила аналитические способности Гваттари, когда однажды во время приступа депрессии ее посетили суицидальные фантазии. Желание покончить со всем было столь велико, что его заметил ее брат, рассказавший об этом Гваттари:

Однажды я случайно столкнулась с Феликсом возле его кабинета в Ла Борд и вдруг, к моему удивлению, он сказал мне: «Ты, кажется, умирать собралась. Так я тебе кое-что скажу: ну и пожалуйста, подыхай!» И тут я засмеялась. Это было сказано так правильно, в самый нужный момент. Так работал Феликс с его талантом настоящего терапевта⁴³.

41. Мари Депюссе в: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...* Paris: Calmann-Lévy, 2003, p. 216–217.

42. Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, p. 39.

43. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

Мари Депюссе останется в Ла Борд, напишет о клинике две книги⁴⁴; ее литературные способности оценит Гваттари и привлечет к редактуре своих текстов. Это она отговорит его продолжать занятия литературой: «Он был слишком помешан на Джойсе. Он приехал с Джойсом и умер с ним. Джойс много народу сгубил»⁴⁵. Зато, редактируя текст Гваттари о «трансверсальности», она поражена глубиной и насыщенностью его размышлений.

Вскоре после этого, в марте 1963 года, свои первые шаги в Ла Борд делает еще один активист, член Союза студентов-коммунистов (УЕС), Мишель Бютель. Психика его сестры в плохом состоянии, и его друг Жан-Клод Полак советует отвезти ее к Ури и Гваттари. Бютель не питает особых иллюзий в отношении этой встречи и едет на нее, чтобы выполнить родственный долг, без энтузиазма. В ту пору он страдал астмой, и в самый разгар ночи в клинике у него случается тяжелый приступ. Он идет за лекарствами, и тут появляется Гваттари: «Это была главная встреча моей жизни. Мы разговаривали. Он любил знакомиться с людьми, сразу переходил к главному и мог разговаривать о чем угодно»⁴⁶. Гваттари, который был на десять лет старше Бютеля, привлек его широтой своих интеллектуальных интересов. Они сразу нашли общую тему — размышления о политике и политическое действие. Из этой встречи выросла многолетняя дружба. Бютель несколько раз будет проходить в Ла Борд стажировку. Его поражает вездесущность Гваттари:

В Ла Борд он был как Бог. Он был там все время. В тот период он жил в пристройке, около клиники. Как только происходила какая-то драма, даже в три часа ночи, на него всегда можно было рассчитывать. Он вел собрания на тяжелые темы. Он был душой клиники! У Ури был статус патрона, но повседневную работу этой машины обеспечивал Феликс⁴⁷.

Со второй волной нашествия «варваров» в Ла Борд также была важная фигура из крайне левых лионских кругов, активистка и бунтарка из УЕС, студентка филологического факультета Франсуаз Рутье. Ей случается ненароком нарушить многие обычаи, заведенные в Ла Борд, что не всегда было по вкусу Жану Ури.

44. Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*; Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*

45. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

46. Мишель Бютель, интервью с Виржини Линар.

47. Там же.

В 1963 году в Ла Борд приезжает дипломированный психиатр, которому предстоит стать одной из опор клиники — Жан-Клод Полак, начавший изучать медицину в 1954 году, а в 1962-м закончивший университетский курс. Интерн-психиатр, он прежде всего лидер студенческого движения, в 1961 году возглавляет медицинскую секцию UNEF (Национального студенческого союза Франции), солидной организации, насчитывающей 12 000 членов, чье руководство занимает особенно радикальные позиции по отношению к войне в Алжире. Полак приехал в Ла Борд после крупной неудачи. Считалось, что он должен стать новым председателем UNEF, по всем признакам, выборы должны были быть чистой формальностью, так как левое крыло, которое его поддерживало, хотя и называлось «меньшинством», на самом деле было большинством. В ходе подготовки к съезду организации в Талансе у будущего кандидата в председатели спросили о его политической программе в случае победы, и тогда Полак, ко всеобщему изумлению, произнес агрессивную ультралевую речь, предложив в качестве образца для организации жесткие студенческие банды из Японии, знаменитые «Дзенгакурэн». Во избежание катастрофы меньшинству пришлось срочно искать другого кандидата, более презентабельного. Полак лишил себя шанса возглавить UNEF.

Стажировка, организованная обществом взаимопомощи Ла Борд, вызывала у Полака большой энтузиазм: «Это была любовь с первого взгляда, первое место, в котором, как мне показалось, занимаются психиатрией»⁴⁸. Полак приезжает в клинику поучиться и в 1964 году остается в ней работать, он посвятит ей книгу, которую напишет вместе со своей подругой, психиатром Даниэль Сивадон⁴⁹. Когда Полак открывает для себя Ла Борд, он связан с целым рядом лидеров студенческого движения, профсоюзных активистов и революционеров, он рассказывает им о своей новой страсти и говорит, что там есть один «очкарик», совершенно невероятный, с которым ночи напролет можно говорить обо всем, о жизни, смерти, любви. Он призывает их туда поехать как можно скорее и организовывает у Мари Депюссе встречу с Гваттари. Именно там рождается политический проект «Левой оппозиции», собирающейся обзавестись программой. «Шайка» Гваттари собирается в Ла Борд. Помимо Мишеля Бютеля и Жан-Клода Полака, в 1965 году приезжают

48. Жан-Клод Полак, интервью с автором.

49. Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sibouren, *La Borde ou le droit à la folie, préfaces de Félix Guattari et de Jean Oury*.

также будущие социологи Лиан Мозер и Эрве Мори, Франсуа Фурке, Пьер Аручев, Жорж Прели и другие: «Мне было 26 лет, и мы все увлекались сумасшедшими»⁵⁰.

Некоторые из проходивших стажировку летом 1965 года остались работать в Ла Борд, как, например, Франсуа Фурке, оставшийся осенью 1966 года: «Я попросил работу в Ла Борд. Феликс удивленно на меня посмотрел и сказал: „Что на тебя нашло? Твое будущее — университет“. Он оказался прав, позднее я ушел в университет»⁵¹. Но Фурке возвращается в Ла Борд в силу своеобразного императива. По окончании Школы политических наук он считает, что будет полезен клинике, переживающей серьезные организационные трудности. Гваттари только рад переложить свои обязанности на компетентного человека, такого как Фурке. Речь идет о том, чтобы получить выплаты по социальному страхованию для врачей и провести рационализацию всего управления клиникой и сотней ее пациентов, инструкторов, стажеров, санитаров и врачей. Франсуа Фурке впрягается в работу и первые месяцы регулярно работает до десяти часов вечера, разбираясь с потерянными делами пациентов и наводя порядок. Его жизнь не ограничивается сидением в кабинете; он также выполняет функции санитаря, когда потребуется, работая бок о бок со своей женой Женевьевой, профессиональной медсестрой: «Я до такой степени влюбился в Ла Борд, что влюбился и в медсестру, с которой мы родили дочь»⁵². Фурке также активно участвует в деятельности различных групп и мастерских. Но, самое главное, он до 1972 года выполняет обязанности администратора под началом Гваттари.

В той же команде, которая встречается в CERFI, в 1964 году состоит друг Жан-Клода Полака, Мишель Ростен, тоже с энтузиазмом открывший для себя Ла Борд в середине 1960-х годов. Интеллектуала из Латинского квартала, только что закончившего философский факультет, привлекают царящая в Ла Борд свобода высказывания, стремление углубить теории Маркса, Фрейда и Лакана и связь с реальностью. Ростена, преподавателя философии в лицее, пугает школьная рутина. Он звонит Гваттари, тот приглашает его поработать в Ла Борд: «Он сказал мне: можешь приехать, но придется вкалывать: будешь мыть посуду, говорить с сумасшедшими, учиться делать уколы, дежурить по ночам, вместе с психами торговать цветами и обсуждать ор-

50. Лиан Мозер, интервью с автором.

51. Франсуа Фурке, интервью с Виржини Линар.

52. Франсуа Фурке, интервью с автором.

ганиграммы»⁵³. Ростен так увлечен, что с 1966 по 1973 год проводит в клинике по три месяца в году. В тот же период приезжает еще один член «шайки Феликса», друг Франсуа Фурке, с которым тот готовит диплом в Школе политических наук: Лион Мюрар, попавший в Ла Борд в 1966 году. Ему сразу полюбилась эта клиника, в которой стремятся «разделить человека и функцию во избежание любого застоя»⁵⁴.

В 1966 году из Пуатье приезжает на месячную стажировку Франсуа Пэн, шурин психиатра Тони Лэне. Он останется здесь на семь лет. Совсем юный, только что закончивший бакалавриат, Пэн поступает на медицинский факультет в Туре, чтобы быть ближе к Ла Борд, где он попадает под начало Фернана Делини. Его отношения с Даниэль Руло, которая тоже бросила учебу на естественно-научном факультете Жюссье, чтобы заняться медициной, и проходит анализ у Гваттари, способствуют тому, что он на долгое время включается в среду Ла Борд. С самого начала среди пятидесяти членов группы, съехавшихся со всей Франции, чтобы реформировать психиатрию, царит энтузиазм. У Франсуа Пэна очень быстро завязывается интенсивная дружба с Гваттари, которая сохранится надолго. Ури и Гваттари посылают Пэна на анализ к Тоскейесу, духовному отцу клиники: «Однажды через пять минут после того, как я лег к нему на кушетку, Тоскейес прервал меня, потому что я критиковал Ури, и разразился тирадой, обличающей Гваттари. В конце он спросил меня, сколько он мне должен, но поскольку я задолжал ему за несколько сеансов, я сказал, что мы квиты»⁵⁵.

53. Мишель Ростен, интервью с Виржини Линар.

54. Лион Мюрар, интервью с автором.

55. Франсуа Пэн, интервью с автором.

Глава 3

Повседневная жизнь в Ла Борд

ОБЩЕНИЕ между этими разными стратами, «автохтонами» и «варварами», врачами и больными, происходит на многочисленных собраниях в клинике, которые созываются по любому поводу. Среди них есть одно, которое уже давно стало постоянным институтом: подкомиссия по распорядку дня (SCAJ). Заседания этой комиссии, созданной в 1955 году, проводятся с регулярностью метронома до 1965 года. Каждый день после завтрака в большой гостиной пленарное заседание задает ритм и организует жизнь лечебницы.

Многочисленные институциональные связи

С самого приезда в Ла Борд Гваттари взял на себя щекотливую роль председателя: на этих собраниях сообщается самая разная информация по организации деятельности лечебницы, а кроме того, решаются различные споры. Но для больных, оторванных от мира, это прежде всего способ воссоздания социальности: они тоже могут взять слово и включиться в безвредные перепалки: «У меня нет никаких сомнений, что это средство „локальной ресоциализации“ больных»¹. Как указывает Гваттари, целью обмена репликами не являются знание или власть, он основан на произвольности, которая, как считается, необходима для того, чтобы «помочь больному убежать от себя»². Машина обмена словами работает на холостом ходу, то, что обменивается, принадлежит к порядку воображаемого, цель — лучше интегрироваться в символическое: «Это ежедневное собрание — что-то вроде шумовки, которой снимается поднимающаяся

1. Félix Guattari, «La S.C.A.J. Messieurs-Dames», *Bulletin du personnel soignant des cliniques du Loir-et-Cher*, № 1, 1957, переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 36.

2. Ibid., p. 37.

пена»³. Собрание функционирует как огромная машина, распределяющая работу по принципу максимальной мобильности.

Клиника Ла Борд разрослась настолько, что в 1957 году было принято решение отправиться, по примеру монашеских орденов эпохи Средневековья, распространять ее учение. После некоторых сложностей друг Жана Ури, Клод Жанжирар, открывает в Ла Шене новую клинику, организуемую лабордианцами во главе с Гваттари. Жанжирар практиковал в больнице Святой Анны, в Вилль-д'Авре, когда пошли слухи о том, что в Ла Борд происходит что-то любопытное. В августе 1955 года он приезжает к Ури с предложением приобрести еще один замок и устроить место, похожее на Ла Борд: «Он приехал на великолепной *Hispano-Suiza*. Это произвело большое впечатление, потому что все свое детство я прожил с образом *Hispano-Suiza* в голове»⁴. В ноябре Ури находит для него красивый замок Ла Шене, требующий ремонта. Команду из Ла Борд приглашают принять участие в обустройстве, и клиника открывает свои двери в июле 1956 года.

Хотя она работает так же, как и Ла Борд, в Ла Шене с самого начала есть одно важное нововведение — так называемая сетка. Технология сетки, которая очень скоро будет перенесена в Ла Борд, где сыграет важную роль, — это практика, принесенная воспитателями, приехавшими перекрашивать стены клиники. Это новшество связано с потребностью в выполнении большого числа задач недостаточными силами добровольцев. Сетка устанавливает систему ротации некоторого числа обязанностей и имеет непререкаемую силу закона, который распространяется на весь коллектив. Кроме того, она позволяет интегрировать обслуживающий и врачебный персонал. Порой отношения между двумя родственными клиниками бывали весьма напряженными: «Между Ла Шене и Ла Борд шла игра, и, как в первобытных обществах, случались похищения. Они хотели оставить у себя медсестру, которая была нужна нам. Мы похитили ее ночью»⁵.

Поссорившись с Жанжираром, который слишком редко участвовал в собраниях в клинике, Ури решает отвести свои войска обратно. 1 июля 1957 года лабордианцы возвращаются из Ла Шене, во главе со все тем же Гваттари: «Но в Ла Борд уже не могло быть как раньше, будто ничего не случилось»⁶. С июля 1957 года ежедневно проводится еще одно собрание с 18 до 19 ча-

3. Félix Guattari, «La S.C.A.J. Messieurs-Dames», см.: *Psychanalyse et transversalité*, p. 37.

4. Жан Ури, интервью с автором.

5. Там же.

6. *Histoires de La Borde*, p. 133.

сов. Очень быстро оно становится центром жизни Ла Борд, и на нем пытаются внедрить систему сетки, которая соединяет два несоизмеримых масштаба: аффект и распределение должностей (*l'affect et l'affectation*). Сначала сетку заполняют, чтобы закрыть пробелы в расписании дня и чтобы можно было добровольно взять на себя те или иные обязанности: «Каждый вечер бывает настоящий персидский базар. Это называлось сеткой»⁷, как в Ла Шене.

Николь Гийе всю жизнь провела в мире психиатрии — ее отец служил управляющим в психиатрической лечебнице Сент-Альбана с 1934 года. Еще совсем маленькой, в возрасте 11 лет, она пропускала воскресную проповедь, хотя жила в семье практикующих протестантов, чтобы участвовать в собраниях Общества Жеводана, которые вел Тоскейес: «Уже тогда мы спорили о том, как бороться с отчуждением больных, помешать им замыкаться в себе, добиться смешения разных служб. В этой области Баве был предшественником либерализации психиатрии»⁸. В 17 лет Николь Гийе знакомится с Жаном Ури, когда тот приезжает в Лозер. В университете она также знакомится с Францем Фаноном, которого привозит в Сент-Альбан, чтобы познакомить с Тоскейесом: «Я помню первый спор между Тоскейесом и Фаноном в гостиной моей матери: речь шла о том, обязательно ли медсестры должны быть дипломированными»⁹. Николь Гийе еще не закончила интернатуру в Лионе, когда Ури попросил ее отправиться на помощь его другу Клоду Жанжирару, чтобы наладить в Ла Шене инсулиновую терапию. Она приезжает туда в ноябре 1956 года и остается до июля 1957 года, когда лаборданцы возвращаются в родной замок. Там пока еще нет места для врача на полную ставку, но Гваттари предлагает Николь Гийе помогать в администрации: «Феликс очень любил „деклассировать“ людей: чтобы врач работал в администрации. Психологов он ставил мыть посуду»¹⁰.

В течение десяти лет Феликс Гваттари будет заниматься организацией работы в Ла Борд по системе, основанной на разрушении барьеров: «Сетка — это таблица с двумя колонками, позволяющая коллективно управлять распределением индивидов по задачам. Это своего рода инструмент регулирования необходимого институционального дерегулирования»¹¹. Цель в том,

7. Ibid., p. 142.

8. Николь Гийе, интервью с автором.

9. Там же.

10. Там же.

11. Феликс Гваттари, «Сетка», доклад, представленный на собрании стажеров, январь 1987 года, IMES.

чтобы обеспечить равенство условий исходя из принципа поливалентности задач. Сам метод авторитарен, и каждый с тревогой ожидает, куда его назначит комитет по сетке. Результат был эффективным, но случались и трения: «Меня привлекал своего рода политический централизм. Как когда в политической организации решают, что завтра надо идти расклеивать листовки»¹². Одни рады с головой окунуться в опыт общества, в котором оказалось стерто различие между физическим и интеллектуальным трудом, но среди медицинского персонала хватает и тех, кто скрепя сердце занимается работой по хозяйству, тогда как обслуживающий персонал с ужасом берется за медицинские обязанности.

Сетка, расписанная на месяц, обновляется каждый день. На графике по оси абсцисс откладываются имена, а по оси ординат — дневной график; тут можно прочесть назначения: «посуда», «уборка», «курытник», «дежурство», «гончарная мастерская» и т. д., а также места приписки на более длительный период. Ничто не ускользает от сетки, и для некоторых она, как и ее составитель, является воплощением утопии. Для других же она как тяжелый каток, который проходится по индивидам и их желаниям во имя общего блага. Кроме того, распределение работы — объект сверхинтерпретации для тех, кто ему подвергается, и они видят в нем попытки Гваттари ухватиться за ту или иную фобию или комплекс, чтобы ее испытать: «Решения „сеточника“ воспринимались как приговор»¹³. За многие годы слишком жесткая система становится поводом для все большего числа жалоб и протестов:

Все трещало по швам! Инструкторы хотят мыть посуду. Ночной медсестре надоело дежурить по 12 часов подряд, и она хочет, чтобы дежурство разделили на пятичасовые смены! Уборщица, ассистирующая врачу по время процедуры, испугалась и убежала, а потом вернулась! Еще одна уборщица водит больных в курятник! Прачка отвечает за инсулин! Все перепуталось¹⁴.

К насильственной смене должностей добавляется проблема оплаты труда и ее подсчета. Речь даже заходит о коэффициенте «дерьмовости» каждой работы, который, естественно, трудно рассчитать научными методами. Некоторые обязанности эволюционируют самостоятельно, например, обязанность приносить поднос с едой в комнаты пациентов, которые не могут

12. OSCAR (Félix Guattari), *Histoires de La Borde*, p. 226.

13. Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sabouren, *La Borde ou le droit à la folie*, p. 40.

14. *Histoire de La Borde*, p. 247.

или не хотят вставать с кровати. Обслуживающий персонал должен ставить еду на подносы, которые затем разносят больным инструкторы, постепенно забывающие, что это входит в их обязанности: «Тогда эта работа по факту снова отходит обслуживающему персоналу. Скользят подносы, скользят функции»¹⁵.

Ури предлагает, как он выражается, «темперировать» ротацию, как в «Хорошо темперированном клавире» Баха. Клиника растет, и ему требуется все больше персонала. В 1959 году он обращается к Бриветт Бюканан, которая в качестве медицинского секретаря станет столпом заведения и членом его духовной семьи. Она тоже родом из пригорода Ла-Гаренн-Коломб, как и Ури. Там они и познакомились — вокруг молодежных турбаз, в ходе организации походов для рабочих, в молодежной группе завода *Hispano-Suiza*. Бриветт Бюканан становится подругой лидера завода *Hispano* Раймона Пети. Работая секретарем в больнице Фош в Сюре, Бриветт приезжает в отпуск в Сомери и принимает активное участие в коллективной жизни клиники. Она останется работать в Ла Борд до самого выхода на пенсию.

В 1958 году клиника оказалась на грани банкротства. Ею руководит некая мадам Фишо, и ее управление имеет катастрофические последствия. Она тратит деньги без счета, закупает продукты в розницу по очень высоким ценам. Умея разбазаривать деньги, она при этом не в состоянии обеспечить приток доходов, и в ее кабинете, в котором живет множество кошек, царят вонь и бардак.

В апреле 1958 года, незадолго до 13 мая, происходит «государственный переворот». Во главе администрации встает Гваттари, взявший на себя руководство финансами после того, как согнал с насиженного места неумеху, что там распоряжалась: «Я пошел к этой милой женщине и сказал: всё, хватит»¹⁶. Гваттари учится на ходу. Поначалу у него нет никакого руководящего опыта. Однако в 25 лет он становится настоящим директором большой клиники, которую спасает от неминуемого краха. Стоило ему заглянуть в бухгалтерскую отчетность, как он с удивлением обнаружил, что Ла Борд накопила долгов на 30 миллионов старых франков. Гваттари пришлось использовать все свое очарование, в котором у него нет недостатка, чтобы убедить банкира из Блуа господина де Керотре поверить ему и позволить выплатить только самые неотложные долги клиники.

15. Liane Mozère, *Le Printemps des crèches*, Paris: L'Harmattan, 1992, p. 109.

16. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, IMES.

Среди многочисленных институтов, порожденных Ла Борд, — «Ротонда», политическое сердце клиники. В этой бывшей прачечной народ собирается каждую неделю обсуждать политику, последние новости. Николь Гийе, которая проработает врачом в Ла Борд до 1974 года, занимается несколькими комиссиями: по кухне, по культуре, по уборке и по меню. Получалось по одному заседанию в неделю на каждую комиссию: «На кухонную комиссию я собирала поваров и всех, кто работал на кухне. Мы составляли меню, изучали заказы и жалобы. В комитете по уборке мы следили за тем, чтобы не было сегрегации между медсестрами и уборщицами»¹⁷. К этим собраниям специальных комиссий нужно добавить пленарное заседание, называвшееся «большим собранием» или «группой групп», которое проходит в конце недели, в пятницу вечером, и на котором обсуждается общая работа клиники. Оно начинается около половины девятого вечера и заканчивается не раньше часа ночи: «Это группа, в которой врачи обсуждают жизнь клиники и в которой Феликс постоянно намечал линии ускользания. Это был и институциональный закон, и открытие возможностей. Сделать возможным невозможное»¹⁸. Позднее к этому добавились занятия по теории, проходившие в небольшой группе в кабинете Ури и в основном посвященные комментариям к Лакану, которые станут семинаром Ури.

Феликс Гваттари и Николь Гийе, со своей стороны, берут на себя заботу о том, что они называют «большой группой». Ее собрание проходит в помещении, символизирующем врачебную власть, власть Ури, но в его отсутствие, в среду в 16 часов. Это повод собрать тяжелых больных, которые не могут высказываться в других местах или заниматься предлагаемыми видами деятельности. В начале собрания все молчат, а к его концу каждый должен высказаться. Благодаря этой недирективной групповой работе Гваттари и Гийе удалось создать потребность: завсегдатаи, около 15 человек, с нетерпением спрашивают их о том, когда будет следующая «большая группа». Хотя в Ла Борд нет недостатка в группах-однодневках, эта группа может похвастаться исключительным долголетием: созданная в феврале 1961 года, она просуществует все 1970-е годы. Мари Депюссе вспоминает об одном таком собрании, на котором после долгой паузы один голос, казалось, выразил суть ужаса, каким является рождение человека, после чего снова наступила гробовая тишина,

17. Николь Гийе, интервью с автором.

18. Лиан Мозер, интервью с автором.

...а потом пять минут спустя или в пяти метрах от него слышался другой голос, как будто доходивший сквозь воду, который вроде бы не реагировал на сказанное первым в обычном смысле, но на самом деле отвечал ему. Этот голос смог ответить на рождение голодом, смертью, это слова неожиданно и косвенно работали¹⁹.

Рабочая группа по институциональной психотерапии и социотерапии

В 1960 году Жан Ури вместе с психиатрами Элен Шено, Франсуа Тоскейесом, Роже Жанти, работавшим в психиатрической больнице Сент-Альбан с 1956 по 1964 год, Жаном Аимом, бывшим троцкистом и секретарем профсоюза психиатров, и другими создает группу по изучению психиатрической практики: Рабочую группу по институциональной психотерапии и социотерапии (GTPSI). Он возвращается к давнему проекту Тоскейеса, который в 1955 году хотел организовать что-то вроде Французской психиатрической партии, но аббревиатура PPF, напоминавшая название фашистской партии Жака Дорио, оказалась не слишком удачной.

Когда эта группа образуется в 1960 году, она объединяет с десятком психиатров²⁰, к которым после четвертой встречи в ноябре 1961 года присоединяется Гваттари, а еще некоторое время спустя — психиатры из Ла Борд: Жан-Клод Полак, Рене Бидо и Николь Гийе. Она проработает до 1965 года, даты основания Институционального психотерапевтического общества (SPI). Цель Рабочей группы — «говорить об институциональной психотерапии за пределами самих медицинских учреждений»²¹.

У группы вошло в привычку собираться дважды в год на выходные, каждый раз в другой гостинице, для коллективного размышления. Секретарь Ури, Бриветт Бюканан, стенографирует все дискуссии. Группа ставит перед собой задачу сформулировать особенности того круга психиатров, который принимает ряд постулатов своей дисциплины и потому не может быть причислен к каким-либо течениям антипсихиатрии²².

19. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

20. Ядро группы составляют Франсуа Тоскейес, Жан Ури, Роже Жанти, Орас Торрубия, Жан Аим, Элен Шено, Филипп Кешлен, Робер Мийон, Морис Пайо, Ив Расин, Жан Колмен, Мишель Бодри; к этой исходной группе присоединится множество других психиатров: Жизела Панков, Жан-Клод Полак, Дениз Ротберг, Николь Гийе (сведения получены от Оливье Априля).

21. Roger Gentis, *Un psychiatre dans le siècle*, Paris: Érès, 2005, p. 38.

22. См. главу 18 настоящего издания.

Эти психиатры определяют таким образом теоретическое и практическое поле, которое получит название «институциональная психотерапия». Один из его главных принципов: психических больных можно помещать только в те лечебные учреждения, которые отрефлексировали свой способ функционирования. Второй принцип: лечение психоза не может проводиться на основе якобы прямого доступа к сугубо индивидуальной патологии в отрыве от социального. Такая схема сводит лечение к интеракции между двумя индивидами: больным и врачом, тогда как в институциональной психотерапии лечение идет путем изобретения новых социальных связей и сцепок. Идеи, разработанные в начале 1960-х годов, стали продолжением сартровской концепции субъекта, который должен преодолеть свое отчуждение, чтобы выпустить собственную свободу. Таким образом, GTPSI выдвигает идею создания группы-субъекта и разрушения групп подчинения, «которым закон навязывается извне, в отличие от других групп, которые хотят учредить себя сами, приняв внутренний закон»²³.

Первые выступления Гваттари в рамках Рабочей группы (где он едва ли не единственный не-психиатр) кажутся умеренными и вполне традиционными, но очень скоро он отвоевывает себе важное место, и они становятся длинными и развернутыми, выходят за рамки чисто психиатрических референций, затрагивая другие области и общество в целом. В деятельности группы «заметно сообщничество Ури и Феликса, их привычка к совместному обсуждению и оперированию общими понятиями порой застаёт других участников врасплох. Споры демонстрируют, как на Ури и на Феликса внезапно находит очень стимулирующий драйв и как живо, забавно, агрессивно или же оборонительно на это реагируют другие участники»²⁴. Этот дуэт будет находиться в самом сердце жизни группы, и по доброй привычке они молчаливо поделят между собой роли: Ури как признанный психиатр будет использовать реплики Гваттари, чтобы оживить заседания группы, вывести разговор за рамки привычных категорий, его «дикие» гипотезы проверяются на других участниках, после чего Ури возвращает выдвинутые предложения в рамки возможного.

Гваттари видит в деятельности GTPSI повод для объединения своих различных политических и психоаналитических увлечений: «У Феликса очень „лабордианские“ рассуждения, это

23. Félix Guattari, «Introduction à la psychothérapie institutionnelle» (1962–63), *Psychanalyse et transversalité*, p. 42.

24. Оливье Апрель, интервью с автором.

видно по манере выражаться, скорости реакции и интерпелляции, многочисленным отсылкам к организационному опыту клиники, раздражению из-за царящей вокруг осторожности и по их содержанию, пока еще слишком сильно заимствованному у Лакана и структурной лингвистики»²⁵. Теоретическая работа GTPSI в первой половине 1960-х годов действительно все еще несет на себе сильный отпечаток структуралистского интеллектуального климата, который отдает лингвистике роль самой передовой науки. Практика, которую они предлагают, опирается на идеи Фердинанда де Соссюра, Романа Якобсона и Николая Трубецкого. Так, стремление различать людей по институциональным ролям и функциям идет не только от Сартра, но носит структуралистский характер и предполагает перенос на психиатрию принципов фонологического анализа языка.

Как раз тогда психиатр Клод Понсен выдвигает в Сент-Альбане понятие «ситуэмы» (*situème*), в котором совмещаются отношения внутри института и отношения между фонемами. Выступление Ури на GTPSI в июне 1960 года призвано показать, что лечебница Ла Борд структурирована как комбинация фонем, он следует за Лаканом, который как раз в это время заявил, что бессознательное структурировано как язык. Ури различает в клинике Ла Борд разные означающие и выделяет некоторые сочленения, например, те, что связывают внутри клиники прачечную и инсулиновую службу, пребывающие в столь сильном симбиозе, что рискуют отделиться от остальной клиники и обособиться: «Для обозначения этого была специальная игра слов: „линжистика“»²⁶, от слова *linge* (белье). «Им говорили: „Вы не в прачечной работаете, вы занимаетесь линжистикой, и при этом вы и в самом деле ничуть не меньше занимаетесь стиркой“»²⁷. Между тем эти структуралистские выражения не подразумевают полного и безоговорочного признания господствующей на тот момент в социальных науках парадигмы²⁸. Институциональная психиатрия разделяет это повальное увлечение гуманитарных наук, но при этом несколько дистанцируется от господствующей структуралистской ориентации. Она не собирается распространять понятие той структуры, которая разворачивается независимо от субъекта и утверждается за его счет.

25. Там же.

26. *Histoires de La Borde*, p. 273.

27. Феликс Гваттари, «Сетка», доклад, представленный на собрании стажеров, январь 1987 года, I M E C.

28. См.: François Dosse, *Histoire du structuralisme*, tome 1, Paris: La Découverte, 1991; rééd. coll. «Biblio-Essais», Paris: Livre de poche, 1995.

Трансверсальности

Еще одно важное лабордианское понятие, которое, в частности, разрабатывает Гваттари в 1964 году на основе идеи Жинетт Мишо, — это понятие трансверсальности. Гваттари посвящает ему свое выступление на первом Международном конгрессе по психодраме в Париже в 1964 году²⁹. Трансверсальный подход стремится разрушить бинарные структурные оппозиции и способствует работе машинного диспозитива. Отталкиваясь от аналогии между скольжением смысла, наблюдаемым у психотиков, и механизмами растущих разногласий, которые переживает общество, Гваттари систематизирует противопоставление группы-субъекта и групп подчинения (*groupes-sujets vs. groupes assujettis*), утверждая, что с этим двойным искушением сталкивается любая группа. Он предлагает заменить слишком размытое понятие институционального переноса «новой концепцией: трансверсальностью в группе»³⁰. Это понятие противопоставляется и вертикальной оси, основанной на органограмме с пирамидальной структурой, и концепции горизонтальности, располагающей различные сектора друг рядом с другом, не связывая их между собой: «До тех пор пока люди зациклены на самих себе, они не будут видеть ничего, кроме себя»³¹. Определенная степень трансверсальности позволяет запустить аналитический процесс, в ходе которого субъект выходит за свои рамки и переживает необходимый сдвиг в конфронтации с группой: «Трансверсальность — место бессознательного субъекта группы; это мир, потусторонний по отношению к лежащим в ее основе законам; это опора для желания группы»³².

В Ла Борд очень любят и праздники. Один из важных моментов жизни в клинике — организация праздников, вечеров, благотворительных базаров, позволяющих выйти за границы психиатрического мира и максимально открывающих его миру внешнему. Ежегодные благотворительные ярмарки в начале лета, проводившиеся под эгидой Федерации помощи психическим больным — «Морской крест» — пользуются популярностью и становятся очень важным событием для всего департамента. По их случаю устраиваются театральные представления с участием больных. Чаще всего это спектакли на заданную

29. Félix Guattari, «La transversalité» (1964), *Psychanalyse et transversalité*, p. 72–85.

30. Ibid., p. 79.

31. Ibid., p. 80.

32. Ibid., p. 84.

тему: «1900», «Солонь», «Французская революция», «Вестерн», «Кабачок»...

Но самый активный период этой культурной работы пришелся на время перед 1968 годом. Клинике удастся привлечь к участию соседние коммуны и организовать «месячник культуры», в ходе которого каждый вечер придумывается новое мероприятие вместе с Домом культуры Блуа. Вся жизнь в клинике сосредоточена вокруг длительной подготовки к этим мероприятиям. Изготавливаются костюмы, разучиваются песни, сценки, по всему департаменту ездят распространители билетов лотереи, в которой можно выиграть автомобиль. Группы, расставляющие стенды с объявлениями о предстоящих мероприятиях, работают даже по ночам. Яркие воспоминания остались от ярмарки на тему «Французская революция»: все пациенты были наряжены санкюлотами и пели «Карманьолю». Приехал сам Жан Ренуар, чтобы показать свой фильм «Марсельеза». В тот год в Ла Борд съехалось полтысячи человек. В мэрии Блуа вздрогнули, услышав лозунг «Буржуев — на виселицу!» На ярмарку по теме «Солонь» организаторы привели «раболио» (так на местном диалекте называют браконьеров), сказителей, музыкантов со старинными инструментами. В шатре на триста человек «кумир молодежи» Джонни Холлидей поет песню «Волос длинный, ум короткий». Мероприятия не прекращаются даже зимой: во дворе организуются вечера, на которые порой приглашают звезд первой величины: например, Жак Брель приезжал в Ла Борд дважды.

Ла Борд — это еще и место рождения цирковой труппы: Гваттари познакомился с Жан-Батистом Тьере, маоистом, регулярно выступавшим с фокусами в парижском кабаре *L'Écluse* в начале бульвара Сен-Мишель. Франсуа Пэн, друг Гваттари, побывал на одном таком представлении, пришел от него в восторг и пригласил Тьере выступить в Ла Борд. Там он знакомится с Гваттари, который предлагает ему работать с ним постоянно. Тьере начинает приезжать в Ла Борд каждую неделю, чтобы провести пару дней с пациентами и организовать представление. Как и остальные, он включается в жизнь клиники, выполняя самые разные задания. Тьере испытывает психологические трудности, от которых его моментально излечивает самоуверенность Гваттари: «Я выздоровел сразу, как только познакомился с Феликсом. Он оказал на мою работу огромное косвенное влияние тем, что считал, что возможно все, чего действительно хочешь»³³.

33. Жан-Батист Тьере, интервью с автором.

У Тьере была мечта создать цирк нового типа. Благодаря поддержке нового друга он находит в себе смелость обратиться к незнакомым людям. Так, однажды ему попала на глаза фотография в газете одной из дочерей Чарли Чаплина, Виктории. Жан-Батист выяснил, что она не только красавица, но и очень любит цирк. Тьере написал ей: «Я не знал ее адреса в Швейцарии. Просто написал на конверте: „Виктории Чаплин“». Письмо дошло, и через месяц она уже была рядом со мной»³⁴. Дальше все произошло, как в настоящей сказке, и 15 мая 1971 года в Ла Борд была отпразднована пышная свадьба. Подруга Гваттари, Арлетт Донати, была подружкой невесты, а Мишель Роккар — шафером Жан-Батиста Тьере, который тогда был активистом Объединенной социалистической партии (PSU). Этот брак привел в отчаяние Чарли Чаплина, как раз тогда написавшего сценарий фильма «Фрик», в котором Виктория должна была сыграть роль женщины-птицы.

Пара Тьере-Чаплин организует в Ла Борд самые яркие представления — с шатрами, лошадьми, хищниками, змеями и всевозможными животными, и обитатели клиники приглашаются к участию в них:

Порой случались удачи. Мне вспоминается случай Клода Фарси, страдавшего кататонией. Мне в голову пришла идея замаскировать его с ног до головы, и тогда он стал делать все, что я пожелаю. Я всегда у него спрашивал: «Почему, когда ты в маске, ты двигаешься?» Он никогда мне не отвечал, и только раз сказал: «Потому что это понарошку»³⁵.

Летом 1971 года цирк Тьере и Виктории Чаплин «Бонжур» еще официально не открыт, но их уже пригласил выступить на Авиньонском фестивале Жан Вилар. Вернувшись в Ла Борд, Тьере мечтает вместе с Гваттари устроить «человеческий зверинец», в котором бы всевозможные маргиналы представлялись вместо животных.

Семья Гваттари и ее распад

В 1955 году подруга Гваттари Мишлин Као скрепя сердце оставляет родительский дом в Ла-Гаренн-Коломб. Она пытается пожить в Ла Борд и поработать медицинским секретарем. Пара селится в маленькой комнате над кухней замка. Помимо сво-

34. Жан-Батист Тьере, интервью с автором.

35. Там же.

ей официальной работы, Мишлин Као участвует во всех делах клиники. Так, она ведет кружок по машинописи и стенографии, время от времени занимается выписыванием инсулина и дежурит по ночам. Кроме того, она продолжает печатать на машинке тексты Гваттари. В этот период Гваттари сильно привязался к одному пациенту, аутисту, полностью замкнувшемуся в себе, с которым ему удастся добиться определенного прогресса, применяя разные методы. Он общается с ним, заставляет его заговорить и в конце концов излечивает, занимаясь терапевтической работой почти исключительно с ним одним.

Однако из-за промискуитета общинной жизни в Ла Борд пара оказывается на грани распада³⁶. Через год после приезда в 1956 году они расходятся, и Мишлин Као уезжает из клиники. Это конец длительной связи. Но, несмотря ни на что, у нее с Гваттари сохраняются дружеские отношения. Через несколько месяцев у них даже появится мимолетный план снова сойтись. Феликс ищет место в Париже, где он мог бы время от времени останавливаться, и предлагает Мишлин снова жить вместе. В следующем 1957 году Мишлин знакомится с братом Николь Гийе Пьером, за которого она позднее выйдет замуж. Гваттари тяжело переживает разрыв и даже начинает утверждать, что Мишлин не хотела ехать в Ла Борд и поставила ему ультиматум: «я или Ла Борд», что послужило причиной разрыва. Когда Мишлин объявляет Гваттари о будущей свадьбе, его печаль превращается в гнев: «Если хочешь выйти замуж, то только за меня и никого другого!»³⁷ Мишлин, неуверенная и очень привязанная к Феликсу, просит дать ей время подумать.

Тем временем у Гваттари происходит судьбоносная встреча с той, на ком он впоследствии женится и с кем у него будет трое детей. Николь Пердро, юная и прекрасная, только что приехала в Ла Борд в качестве инструктора. В момент знакомства с Гваттари она была совершенно потерянной и в депрессии: «Это была очаровательная девушка, брюнетка, вся такая несчастная, тонкая, сияющая. Первый раз, когда я встретила их с Феликсом, они еще не были женаты. Он рассеянно смотрел на эту молодую женщину, положившую ему голову на колени. Я сказала себе: о, да этот очкарик времени даром не теряет»³⁸.

36. С одной стороны, у Гваттари связь с подругой психиатра Жанжирара Жаклин Мулен, затем с Жинетт Мишо, с другой стороны, у Мишлин роман с алжирским психиатром Бен Милардом.

37. Мишлин Гийе (Као), интервью с Ив Клоарек, 20 сентября 1984 года, I МЕС.

38. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

Семья Николь, из крестьян, живет в Тур-ан-Солонь, ее мать работает домработницей и немало пьет, а отец, бывший механик и летчик-испытатель, попал в аварию и получил тяжелейшую травму грудной клетки. В 1955 году он умер из-за последствий аварии. Феликса просят позаботиться о девушке, он все берет на себя, и эти отношения перерастут в брак. В этом браке один за другим родятся: Брюно 12 декабря 1958 года, Стефан в 1961 году и Эмманюэль в 1964-м: «Николь была очень хрупкой. Она была восхитительна, но это была птичка. Он ей помогал. Придал ей внутреннюю структуру и даже женился на ней, чтобы сделать ей приятное»³⁹. Когда Николь Пердро устроилась в Ла Борд, туда перебирается почти вся ее семья⁴⁰.

Николь Пердро и Гваттари селятся в трех небольших комнатах, она ревностно блюдет чистоту: «За дверью стояли тапки, которые нужно было обязательно надевать, а то его жена разорется»⁴¹. Друзья Гваттари залезали в окно, чтобы не возиться с тапками, и оказывались в крошечной комнате, которая служила ему кабинетом.

Гваттари не уделял детям много времени, тем более что ему приходилось разрываться между Ла Борд и Парижем, где он снял огромную роскошную квартиру на улице Конде. Его сын Брюно вспоминал, что в пятилетнем возрасте каждый четверг ездил с матерью на вокзал в Блуа встречать папу, по понедельникам отбывавшего в Париж. Но Гваттари удавалось компенсировать свое отсутствие вниманием, которое он уделял детям. Он привозил им из Парижа всевозможные обучающие игры. Старшего сына он очень рано научил читать и считать в уме: «В возрасте четырех с половиной лет я умел читать и писать, в шесть лет знал всю таблицу умножения»⁴². Гваттари настаивает на том, чтобы Брюно, которому всего шесть, вел дневник, что вызывает у мальчика глубокое недоумение, но он вынужден подчиниться, потому что отец запирает его в кабинете с тетрадкой и ручкой.

Однако вскоре у Гваттари, разрывающегося между многочисленными делами, не остается времени на занятия с детьми, и он перекладывает их воспитание на жену. После их разрыва он делегировал свои полномочия старшему сыну Брюно:

39. Николь Гийе, интервью с автором.

40. Ее мать приезжает туда работать, сестра Женевьева выходит замуж за повара Рене. Другая сестра, Жанин, выходит замуж за Этторе Пелландини и вместе с женой психиатра Бидо, Мишель, отвечает за проведение благотворительных ярмарок.

41. Мари Депюссе в: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*, p. 214.

42. Брюно Гваттари, интервью с Виржини Линар.

«У меня нет времени, ты будешь всем заниматься»⁴³. Когда их отец бывал в Ла Борд, распорядок дня у детей нарушался. Отец работал долго и ложился спать поздно, и потому дети не ужинали с родителями. Гваттари не любил отпусков, поэтому когда жена и дети уезжали, как правило, на месяц, в Сабль-д'Олонн, он приезжал к ним меньше чем на неделю. Брюно не слишком страдал из-за отсутствия отца: как старший сын, он чувствовал сильное отцовское присутствие, пусть даже и кратковременное. Не так было со Стефаном и с Эмманюэль, которые в полной мере пережили расставание родителей.

В 1967 году на стажировку в Ла Борд приезжает молодая медсестра из больницы в Марселе, Арлетт Донати. Стажировка должна была продлиться около двух недель. Гваттари влюбляется в нее с первого взгляда: «В 1967 году в Ла Борд приехала необыкновенно красивая девушка. Ее зовут Арлетт. Завязываются отношения, на этот раз гораздо более серьезные, потому что Арлетт — необыкновенно богатая личность»⁴⁴. Она растеряна, не понимает, куда попала, и сразу же получает выволочку от Жана Ури: «Душевые и раковины были общие, утром все приходили умываться, встречая своего аналитика с зубной щеткой в руках... Я поделилась с Ури парой своих соображений, и он забросал меня книжками, сказав буквально следующее: „Садитесь и читайте, а то вы просто дура какая-то. Вы ничего не понимаете!“»⁴⁵ Гваттари, тем не менее, поддержал Арлетт на собрании, но поначалу он ее не интересовал. Когда она возвращается в Марсель, Гваттари постоянно звонит ей и просит вернуться в Солонь.

Отношения с Арлетт постепенно приведут к разрыву с Николь. Когда Арлетт возвращается, они видятся только в отсутствие Николь или в гостиницах неподалеку. Но это временно, и вскоре ситуация меняется. Арлетт Донати, устав от «скитаний» по гостиницам по всей Солони, идет в турбюро в Блуа, чтобы подыскать дом. Она ищет домик на лето, а находит неподалеку от Ла Борд в Дюизоне огромный великолепный замок, часть которого Гваттари снимет и в котором пара проживет семь лет. Гваттари покидает жену и квартиру на первом этаже в Ла Борд. Положение его любовницы помогает Арлетт встроиться в деятельность клиники. В Дюизоне Гваттари оказывается в просторном доме, который Арлетт отремонтировала: снесла перегородки, организовала кабинет, обустроила со-

43. Там же.

44. Феликс Гваттари, интервью с Ив Клоарек, 29 августа 1984 года, IMES.

45. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, IMES.

временные светлые комнаты. Дюизон очень быстро становится местом, где Гваттари может принимать свою «шайку»: его друзья по CERFI регулярно останавливаются в домике, примыкающем к замку. Гваттари продолжает попытки построить семью, на этот раз с Арлетт: «Я наивно полагал, что с браком покончено! И вот я снова в нем оказался, и по собственной воле»⁴⁶.

Этот радикальный разрыв катастрофически отразился на жене и детях Гваттари. Николь Пердро вынуждена съехать со своей квартиры в Ла Борд, продолжая при этом работать в клинике. Вместе со своими тремя детьми она селится в наскоро построенном новом районе в Блуа: «После развода родителей мир для нас рухнул. Это была чудовищная катастрофа. Мы все из-за этого заболели. Стефан грыз ногти, в том числе на ногах. У Эмманюэль был грибок на коже головы. Для нас это был кошмар»⁴⁷. Жизнь в Ла Борд была идиллией. Дети Гваттари жили вместе с детьми других врачей, например, с детьми Ури. Они могли посещать многочисленные кружки и заниматься самыми разными вещами — столярным и гончарным делом, рисованием, не говоря уже об особой связи с природой и о той радости, которую доставляло изготовление домиков для птиц. Теперь они разрываются между дешевым жильем, в котором живет мать, и выходными у отца в Дюизоне, где они теряются в толпе друзей Феликса, мешающей с ним общаться. Гваттари порой тоже тяжело переживает эту ситуацию: «Дети уехали. Ощущение пустоты. В первый раз после развода они пробыли у меня целый месяц. Втроем они образуют коллективную личность»⁴⁸.

К трудностям, связанным с распадом семьи, добавляется безоговорочное осуждение со стороны родителей Гваттари. В 1960-е годы разводы еще не очень распространены. Родители всю вину возлагают на сына. К моральному осуждению родителей и братьев добавляется еще и то, что Арлетт Донати очень плохо приняла в его семье. Она резко меняет привычки Феликса. Она требует от Гваттари, который никогда не обращал внимания на одежду и круглый год ходил в свитере, стать более элегантным, и старается его приодеть: «Когда я с ним познакомилась, он казался стариком, только глаза были молодые. Он одевался как старик, причесывался кое-как щеткой, носил очки с толстенными стеклами, которые весили, навер-

46. Félix Guattari, «Journal de 1971», 25 septembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 564, janvier 2003, p. 336.

47. Брюно Гваттари, интервью с Виржини Линар.

48. Félix Guattari, «Journal 1971», 2 septembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 563, octobre 2002, p. 336.

ное, тонну»⁴⁹. Арлетт считает, что, несмотря на легкость в общении с другими людьми, Феликс страдает массой комплексов: «Ему было плохо в его шкуре, как будто никакие радости жизни никогда его не касались»⁵⁰. Она, так любившая поваляться на солнце, с удивлением слышит, что солнечный свет вызывает волдыри на коже, и не понимает, как можно настолько сторониться любого спорта или физической активности: «Он ни разу не купался в море. Не умел выходить в свет, не знал застольных манер, что из какого бокала пить»⁵¹.

Живя с Арлетт, Гваттари заводит все больше романов с другими женщинами. Ему помогает в этом его «лейтенант» по Ла Борд, психиатр Жан-Клод Полак, у которого давно сложившаяся репутация бабника. Полак даже находит, что его друг несколько робок в этом отношении. Но с его помощью Гваттари становится неутомимым ловеласом. Нужно заметить, что само время 1967–1968 годов благоприятствует сомнению в любых формах фамилиализма и видит революционное будущее за иным типом отношений между полами, более свободным, избавленным от ограничений морали и ведомым одним только желанием. Таким образом, представляется повод для всеобщего либертинажа, и диплом революционера часто выдается за способность порвать отношения. В этой области Гваттари не было равных.

В этой атмосфере, в которой царят свободный союз вместо брака, сексуальные отношения всех со всеми, эмансипация женщин, дело порой доходит даже до намеренного разрушения слишком крепких пар. Жан Ури с большим скепсисом относился к такой практике «эротических камикадзе»⁵²:

Камикадзе прибывали из Дюизона. Это была их штаб-квартира, и когда какая-то пара становилась слишком крепкой, через неделю за ней посылали камикадзе, чтобы ее разрушить, потому что любовь — это капиталистическая вещь. Эротическая власть тоже натворила немало бед, а когда это касается шизофреников, это вообще преступление⁵³.

По инициативе Гваттари была создана специальная группа, занимавшаяся «охотой на парочки», воплощавшие «ужас супружеской жизни»⁵⁴. Психиатр Даниэль Сивадон, приехавшая

49. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, I M E S.

50. Там же.

51. Там же.

52. Жан Ури, интервью с автором.

53. Там же.

54. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

в Ла Борд в 1972 году, тем не менее сумела создать пару с Жан-Клодом Полаком, что было почти подвигом: «Нас все-таки пощадили. У нас родился ребенок, но смотрели на нас косо»⁵⁵.

Такой всплеск сексуальной активности не всегда по нраву Арлетт Донати, разочарованно констатирующей, что их с Гваттари пара остается одна только вечером четверга в Дюизоне. Феликс использует сеть своих друзей, чтобы оберегать их жизнь вместе, и его близкий друг Франсуа Пэн уполномочен заботиться об Арлетт в его отсутствие. На сентиментальном фронте, как и на политическом, Гваттари демонстрирует выдающуюся способность разрывать отношения, которая, возможно, связана с его страхом смерти, с отвержением, граничащим с фобией, всего, что возникает из компульсивного повторения, отсылает к конечности и смерти. Чтобы бороться с этим страхом, он вынужден был всегда делать ставку на новое, искать новый опыт, переключатся на новое дело или нового человека.

Итак, жизнь Гваттари и Арлетт проходит между улицей Конде в Париже с понедельника по четверг и Дюизоном в остальное время. Но в Париже, как и в Дюизоне, друзья сменяют друг друга непрерывной чередой, и в хорошие дни их число может достигать до пятидесяти человек: «Феликс жил в Дюизоне в структуре, которая во многом напоминала двор Людовика XIV. Была первая фаворитка, вторая, третья, и бывало, что счета сводились самым безжалостным образом»⁵⁶. Ури говорил, что Дюизон был «садом Адониса». Пара переживала серьезные кризисы: «Арлетт влюбилась в одного типа из Экса, моего давнего знакомого по „Коммунистическому пути“. Они вдруг решили пожениться... Очень плохо переношу эту историю»⁵⁷.

Феликс побуждает Арлетт продолжить образование, поступить на психологический факультет в Париже — она станет психотерапевтом. Пара с трудом выдерживает давление многочисленных отношений и атмосферы сексуальной свободы, царящей в Ла Борд. Арлетт все хуже реагирует на постоянные вторжения посторонних. В 1974 году она не выдерживает и уходит от Гваттари, при этом оставшись в Ла Борд. Она поселилась рядом с их домом в Дюизоне, всего в сотне метров от него, в большом павильоне, вместе с друзьями. Впрочем, она продолжает жить в квартире на улице Конде, куда Феликс навещается лишь время от времени. Разрыв был резким и тяжелым:

55. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

56. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

57. Félix Guattari, «Journal de 1971», 25 septembre 1971, *La Nouvelle Revue française*, № 564, janvier 2003, p. 336.

«У меня снова был жестокий опыт растерянности во время расставания с Арлетт»⁵⁸.

Прибытие в Ла Борд второй волны «варваров», протестно настроенного студенчества из UNEF, в середине 1960-х годов ускоряет обмены партнерами и распад пар. Мишель Ростен, поселившийся в Ла Борд в 1965 году, с 1969 года будет жить у Феликса в Дюизоне. Он живет с Арлетт Донати, с которой у него начинается роман, и после ее разрыва с Феликсом тоже уходит жить в павильон. Ростен до 1969 года жил со своей бывшей ученицей, которой преподавал в выпускном классе, некоей Катрин, которая, в свою очередь, влюбляется в одного из его верных товарищей по CERFI Леона Мюрара. Но у Гваттари тоже роман с этой самой Катрин, а Ростен становится любовником Арлетт Донати.

Гваттари сделал борьбу с фамилиализмом одной из своих главных тем. Однако он полон теплых чувств к своим родителям, особенно к матери, сыгравшей важнейшую роль в формировании его личности. Родители переехали поближе к нему в 1967 году. Его мать, страдавшая глазными болезнями, будет регулярно посещать врачей в Ла Борд и очень полюбит Ури, который будет заботиться о ней, как о собственной матери. В ходе этих визитов отцу Гваттари и его брату Жану приходится в голову мысль поискать летний дом в департаменте Луар и Шер. Они приезжают в Монтуар — пользующийся мрачной известностью из-за знаменитого рукопожатия Петена и Гитлера в 1940 году — и идут к первому попавшему нотариусу. Они влюбились в замечательный каменный дом, окруженный большим парком, над которым возвышается огромный кедр, на берегу Луары, где можно плавать на лодке. Этот дом, в котором родители Гваттари проживут 13 лет, находится совсем рядом с Ла Борд и становится любимым местом, куда они будут приглашать внуков и друзей, в том числе Жана Ури. Родители даже пытались перевести фабрику «Монбана» в Монтуар. Они арендовали на полгода половину местного вокзала, который пребывал в запустении и принимал всего один поезд в день, но дело не заладилось.

Это пространственное сближение с родителями свидетельствует об огромной привязанности Гваттари к матери. Да, публично он заявляет, что семья не имеет смысла, и смеется над Арлетт, приглашающей в Дюизон своих родителей. Однако, когда его мать умирает в Ла Борд в 1969 году, «он начал повторять: „Я — сирота“»⁵⁹.

58. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 1 октября 1984 года, IMES.

59. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, IMES.

Доказательство от Лакана

Ритм жизни в Ла Борд также определяется семинарами Жака Лакана. Как шутливо писал Жан Ури, по средам Ла Борд была еще мертвее, чем по воскресеньям. Почему? Это всё Лакан. В этот день проходят семинары мэтра: «В такое время персонал и деньги утекали из Ла Борд. То наплыв из-за Феликса, то утечка из-за Лакана...»⁶⁰ Как уже упоминалось, первый контакт между Ури и Тоскейесом был связан с текстом Лакана. Для Ури это было такое потрясение, что он бросил свои вялые попытки заняться биологией и решил обратиться к психиатрии, чтобы вскоре очутиться в Сент-Альбане: «Тоскейес заставлял интернов проходить тест: давал им почитать диссертацию Лакана и через месяц спрашивал, что они о ней думают»⁶¹. Ури жадно читает все тексты Лакана, решает регулярно посещать его семинар и пойти к нему в анализ, что непросто: Лозер слишком далеко от Парижа. Но когда он устраивается в Ла Борд, его мечта наконец сбывается. Распорядок дня в клинике начинает сильно зависеть от знаменитых парижских семинаров, ни один из которых, ни в больнице Святой Анны, ни позднее, на улице Ульм, Ури и руководство клиники не пропускают. Ури все подробно записывает, и его заметки затем разбираются на собраниях GTPSI.

Ури становится интересным партнером для Лакана, поскольку он связан со знаменитой психиатрической клиникой, сам авангардист и может стать источником вдохновения и обеспечить клиническое применение лакановского подхода к лечению психозов. По сути дела, вся медицинская команда Ла Борд проходит через кушетку Лакана: «Каждый раз, как в Ла Борд приезжал новый человек, ему первым делом говорили, что он должен пойти в анализ, само собой разумеется, к Лакану. Людей даже заставляли уйти от их аналитика, чтобы пойти к Лакану»⁶². Весь подход Ури к психозам отмечен влиянием Лакана, хотя он выступает не в качестве ученика, а скорее как его альтер эго, часто вступая с мэтром в дискуссии, когда привозит его на машине в Париж из его деревенского дома в Гитранкуре: «Мое уважение к этому человеку было абсолютным. Мое мнение не изменилось. Для меня это абсолютный коэффициент стабильности»⁶³.

60. Жан Ури в: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*, p. 243.

61. Ibid., p. 247.

62. Жан-Клод Полак, интервью с автором.

63. Жан Ури в: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*, p. 255.

От многих инструкторов в Ла Борд потребовали, чтобы они пошли в анализ к Лакану, если хотят остаться работать в Ла Борд. Таким образом, каждую неделю на кушетку к Лакану отправлялся из клиники почти целый вагон сотрудников. Гваттари всегда считал, что именно анализ у Лакана позволил ему сформулировать его субъективный опыт. Однако длительность сеанса сильно варьируется, иногда это полчаса, но чаще всего — три-четыре минуты, два-три сеанса в течение одного дня, перемежаемые нескончаемыми часами ожидания в приемной. Иногда Лакан продлевает сеанс, если финансы позволяют — в машине, когда Гваттари везет его домой на улицу Лилль после семинара: «Это входит в анализ», — говорит Лакан⁶⁴.

Гваттари участвует в создании Парижской школы фрейдизма в 1964 году: связанный с ней с самого начала, именно он предложит опубликовать одно «письмо», чтобы избавить Школу от склонности к сектантскому замыканию в себе. Пока Гваттари, которого Лакан воспринимает в качестве блестящего молодого интеллектуала, надеется стать главным собеседником парижского гуру, он с ужасом наблюдает за подъемом маоистского течения, сложившегося вокруг Жак-Алена Миллера. Идет жесткая конкуренция.

В 1969 году перед тем, как окончательно порвать с Гваттари, Лакан устраивает ему еще один фокус, который ему уже знаком. Гваттари написал для него важный текст, выполняющий роль стратегического ответа на господствующую структуралистскую парадигму — «Машина и структура», который первоначально предполагалось представить в Парижской школе фрейдизма. В этом тексте Гваттари использует категории, взятые из вышедшей в 1968 году книги Жиля Делёза «Различие и повторение», которая станет основой их первых споров и дальнейшего сотрудничества. Ролан Барт очень высоко оценил эту статью Гваттари и попросил разрешения опубликовать ее в *Communications*. Гваттари рассказал об этом Лакану во время сеанса, и тот пришел в негодование: как это так? Почему не в собственном журнале Лакана *Scilicet*? Лакан призывает своего пациента определиться, на чьей он стороне. Гваттари вынужден подчиниться его требованию и попросить Барта не публиковать статью. Но Лакан вовсе не выполняет обещания и не публикует текст, который в итоге выйдет в журнале Жан-Пьера Файя *Change* в 1972 году.

64. Жан Лакан, цитируемый Гваттари: Ibid.

Линии блуждания

Однажды ночью в 1965 году перед замком Ла Борд остановился грузовик. Он прибыл из Севенна и привез небольшую группу Фернана Делиньи: его подругу Ани Дюран и Жозе Маненти, бывшую жену Мишеля Дюрафура, с которым она прожила 12 лет, Ива, мальчика-аутиста из фильма «Малейший жест»⁶⁵, Ги — крестьянина, который позднее станет санитаром, и Мари-Роз, его жену. Лишившись денег и не имея места, где можно было бы остановиться, Фернан Делиньи ищет приют в Ла Борд, чтобы продолжать заниматься аутистами. Ури принимает его, соглашается оставить группу, но уточняет, что Делиньи должен договориться с Гваттари. Небольшая банда целый день дожидается возвращения Гваттари: «„Это вы Жозе Маненти? — Да. — Хочу с вами поговорить“. Меня сразу поразила его живость, блестящий ум, внешне суховатый тон, за которым была спрятана исключительная мягкость, хрупкость, ранимость. Все это шло как бы слоями»⁶⁶. Делиньи тут же поручают изостудию и поселяют всю его группу в Ла Борд, где он также будет заниматься психотиками и в особенности аутистами. У него за плечами большой терапевтический опыт. Делиньи встроен в иную перспективу, чем Ури и Гваттари, но оттого не менее инновационную. Его приезд в Ла Борд не случаен: его траектория вписывается в похожий трек — пригород, молодежные турбазы и оспаривание власти институтов⁶⁷.

После войны Делиньи создал терапевтический центр *Grande Cordée*, где проводились первые опыты амбулаторного лечения, позволявшие молодым людям с расстройствами характера избежать психиатрической лечебницы. Эта инициатива родилась из его знакомства с Югетт Дюмулен, бывшей руководительницей «Коммунистической и активистской молодежи», работавшей в той же сети молодежных турбаз: «Помещения *Grande Cordée* — которая начиналась в одном театрик на Монмартре — напоминали вокзал, на котором собрались странные пассажиры, приходившие с утра до вечера, по несколько раз в день,

65. *Le Moindre Geste*, фильм Фернана Делиньи, Жозе Маненти и Жан-Пьера Даниэля, 1962–1971.

66. Жозе Маненти, интервью с автором.

67. Родившись в Берге, на бельгийской границе, в 1913 году, Фернан Делиньи оказался воспитателем в парижском регионе в Ножане в 1936 году, затем работал в Медико-педагогическом институте Армантриера. В 1941 году он работает в психиатрической больнице Армантриера в павильоне, в котором живут вместе юные психотики и малолетние преступники, которых считают неисправимыми.

нервные, шумные, постоянно чего-то требовавшие»⁶⁸. Именно в этой коммунитарной среде молодежных турбаз парижского региона, превращавших свои каникулярные стажировки в фаланстеры, в которых все было общим, Фернан Делиньи набирал своих воспитателей и аниматоров. Как и в Ла Борд, «свободное лечение» имело политический подтекст — протест против существующих властей. Как коммунист, Делиньи отвергал любую форму прозелитизма. Как терапевт — не хотел встраиваться в бюрократическую систему здравоохранения. Как педагог — очень критически относился к профессионалам от образования.

Делиньи изобрел целый поэтический язык для описания поведения своих юных аутистов. Ребенок, который крутится, делает «круг», тот, что раскачивается, — «качели из облаков»... После краткого пребывания в Веркоре в 1954 году Делиньи со своей группой уезжает в Верхнюю Луару с 1955 по 1956 год, затем в Алье с 1956 по 1959-й. В 1959 году он переезжает в Туара, в Севеннах, где останется до 1965 года. Югетт Дюмулен, от которой у него двое дочерей, и Жозе Маненти сопровождают его с самого отъезда из Парижа. Именно там, в этом скалистом пейзаже, среди полной разрухи он поселился с Жозе Маненти. Делиньи привез с собой мальчика с тяжелой формой аутизма по имени Ив, сопровождавшего его с 1956 года. Делиньи намеренно оставался гениальным нонконформистом, сторонившимся любых институтов. Но отрицание институтов и их законов имеет свою цену, и Делиньи пришлось заплатить сполна. Из-за этого все сделанное в *Grande Cordée* быстро пришло в упадок.

В 1965 году разоренная группа, лишенная средств, снимается из Севенн и направляется в сторону Ла Борд. Делиньи, которого приняли очень радушно, некоторое время работает в Луар и Шер: «Он весь день был в своей студии. Это было очень полезно для больных»⁶⁹. Несмотря на дружеское участие, у Жозе Маненти случился конфликт с Гваттари из-за лечения одного больного, и компромисс оказался невозможен: «Он [Гваттари] предложил мне сделку: „Или делаешь, как я говорю, или уезжай“, и я ответила: „Все просто, я уезжаю“. У меня с ним были очень игривые отношения»⁷⁰. Жозе Маненти уезжает из Ла Борд в Париж, где намеревается стать психоаналитиком. Делиньи, в свою очередь, еще два года проработает в Ла Борд в «оранжерее», где он устроил себе студию: «Он не выносил группы, это была самая настоящая фобия. Он забился там

68. Josée Manenti, «Fernand Deligny...», *Chimères*, № 30, printemps 1997, p. 104.

69. Николь Гийе, интервью с автором.

70. Жозе Маненти, интервью с автором.

в свой угол»⁷¹. Ури очень высоко его ценит и считает, что его тексты имеют большую поэтическую ценность: «В них есть замечательные формулировки: „седьмая сторона кости“ или „чем станут пальцы без ладони?“»⁷². В Сент-Альбане его произведения составят первую публикацию клиники.

После двух лет работы в Ла Борд Делиньи воспользуется случаем вернуться в департамент Гар, где Гваттари в 1967 году купил в Гурга, в коммуне Монобле, большую старинную ферму-крепость у подножья Севенн. Сначала этот дом служит для летнего отдыха постояльцев Ла Борд. После 1968 года в Гурга потянется молодежь, участвовавшая в протестах. Центр встреч и стажировок, принимающий исследователей из CERFI, послужит также убежищем для политических активистов, которых после мая 1968 года преследует правосудие — на какое-то время его даже арендует Жан-Люк Годар. Гваттари предлагает Делиньи разместить свою группу в Гурга. Он назначает управляющим этого места бывшего начальника «Коммунистической молодежи» Блуа, Луи Орана по прозвищу Мимир. Похожий на Раймона Пети из *Hispano*, рабочий по происхождению, это выдающийся активист, два года отсидевший в тюрьме за дезертирство во время войны в Алжире. Феликс подружился с ним в Ла Борд.

Луи Оран с женой и тремя детьми поселяется в Гурга, где ремонтирует здание, возделывает землю и выращивает овец. Гваттари посылает также своего друга-режиссера Франсуа Пэна помочь Делиньи смонтировать километры пленки, отснятой в *Grande Cordée* и после. Но Пэн очень быстро возвращается обратно: «Делиньи хотел, чтобы я с ним остался, но такая монашеская жизнь мне не по нутру»⁷³. Делиньи раздосадован, так как Гурга оказывается проходным двором: «Мне скоро 64 года: всему свое место, и очень неприятно видеть, как эти разношерстные люди вынуждены толкаться в одном месте, при том что если бы соблюдалась дистанция, они бы отлично ладили»⁷⁴. Открытость Гурга для самых радикальных левых порождает гротескные ситуации: Альянс молодежи за социализм, троцкистская организация, устроившая здесь политическую учебу, решает досрочно уехать, поскольку ее руководителям было невыносимо жить в одном месте с психическими больными.

Когда воспитатель Клод Сигала потребовал распахнуть двери Гурга перед молодежью с криминальным прошлым, Делиньи

71. Жан Ури, интервью с автором.

72. Там же.

73. Франсуа Пэн, интервью с автором.

74. Фернан Делиньи, письмо Феликсу Гваттари, 9 октября 1977 года, IMES.

отказался. Вместе со своими юными аутистами он, тем не менее, остался в коммуне Монобле, но в километре от Гурга. Письма, которые Делиньи пишет Гваттари, говорят о том, что их позиции были одновременно и близки, и далеки. С связи с «Молекулярной революцией» Гваттари, опубликованной в 1977 году, Делиньи написал, что его шокировал эпитет, которым наградил его больных Гваттари в своей книге: «Почему ты называешь их „дебилами“, когда пишешь о нас? Речь же идет о детях, которые отказываются разговаривать»⁷⁵. В то же время он признается, что его поразило то, насколько они оба ведут общую борьбу. Да, у них разные устремления и даже симпатии, но, как написал Делиньи, «чтобы перевернуть, взорвать мир этого его безличного *ON*, все средства хороши»⁷⁶. В связи с заключительным тезисом книги о том, что революция должна стать молекулярной⁷⁷, Делиньи уточняет: «Если бы „молекулы“ намеревались состоять из частиц, а не быть частичными, „революция“, о которой ты говоришь, имела бы шанс совершиться»⁷⁸. Делиньи настаивает на диагнозе «аутизм» у молодых людей, которыми он занимается в Гаре. Для него это слово несет в себе оттенок сопротивления, который ему нравится, потому что это сопротивление языку: «А-сознательное не говорится: оно не эффект языка»⁷⁹, — считает он, порывая в данном случае с лакановской концепцией бессознательного, структурированного как язык, и присоединяясь к возражениям, выдвинутым Гваттари.

Осенью 1979 года Делиньи собирался снимать фильм, действие которого происходит в Гурга, но Гваттари спутал его планы. Гваттари готов продать Гурга любому, кто предложит лучшую цену, чтобы покрыть свои финансовые потребности. Делиньи обиделся и не скрывает этого, дело доходит до разрыва отношений. Но едва ли согласие между одним, который хочет распахнуть Гурга всем ветрам, и другим, который желает вести там замкнутую жизнь, могло просуществовать дольше десятка лет: «Стиль твоего письма меня немного удивил. Если мы хотим и дальше писать друг другу, я бы хотел, чтобы у нашей переписки был иной тон... Я не понимаю, почему постоянльцам Ла Борд должно быть запрещено приезжать в Гурга! С чего бы это? Ради чего?.. Береги свою дружбу. Она и вправду очень хрупкая»⁸⁰.

75. Фернан Делиньи, письмо Феликсу Гваттари, 31 октября 1977 года, I МЕС.

76. Там же.

77. Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*.

78. Фернан Делиньи, письмо Феликсу Гваттари, 31 октября 1977 года, I МЕС.

79. Фернан Делиньи, письмо Феликсу Гваттари, 9 апреля 1978 года, I МЕС.

80. Феликс Гваттари, письмо Фернану Делиньи, 1979, I МЕС.

Глава 4

Критические исследования проходят испытание на деле

СОЗДАНИЕ Феликсом Гваттари в 1965 году Федерации групп по институциональным исследованиям (FGERI) указывает на то, что в его жизни произошел настоящий стратегический поворот, оставивший за бортом журнал «Коммунистический путь» и другие троцкистские связи. Его цель теперь — превратить интеллектуальную работу в неакадемическую исследовательскую программу. Речь идет о том, чтобы на основе специфических компетенций каждой из автономных групп, вступивших в федерацию, организовать максимальную циркуляцию их наработок с целью разрушить сложившиеся привычки и ложные стереотипы в каждой из дисциплин.

Трансдисциплинарность в действии

FGERI использует принцип трансверсальности¹, заявленный самим Гваттари, в сферах, имеющих отношение к институтам: среди психиатров, антропологов, психоаналитиков, психологов, младшего медицинского персонала. У истоков этой инициативы — круг лечебницы Ла Борд, и в ассоциацию вступают работники образования, воспитатели, преподаватели, урбанисты, архитекторы, экономисты, кооператоры, кинематографисты и т.д. В октябре 1965 года к движению присоединился с десяток групп, считающих, что они занимаются институциональным анализом на основе педагогики Фернана Ури или психиатрии Франсуа Тоскейеса, и уже снискавших признание. Эта федерация с очень гибкой организационной структурой объединяет около сотни исследователей, и главной сферой ее деятельности, естественно, становится психиатрия.

1. Félix Guattari, «La transversalité», 1964; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 72–85.

Гваттари дает толчок к созданию организации, которая вызовет большой резонанс в общественных науках: Центра институциональных исследований и образования (CERFI). Его цель — обеспечить федерации возможность «заключать контракты с государственными и частными организациями для изучения проблем, которые могли бы стимулировать и обогатить работу FGRI»². CERFI, золотой век которого приходится на 1970-е годы, удастся получить значительные государственные субсидии для финансирования ряда исследований самого широкого спектра в области здравоохранения, образования, коммунального хозяйства и т. п.

Чтобы привлечь больше внимания к своей работе, FGRI выпускает с января 1966 года новый журнал. За год до этого небольшая группа, собравшаяся вокруг Гваттари, целый вечер размышляет о том, как его назвать. Мишель Бютель предлагает новое имя каждые пятнадцать минут. Ги Трастур вспоминает, как в конце концов, уже несколько утомившись, он предложил *Recherches*³. Это название и закрепится: оно подчеркивает преемственность с журналом, которым занималась его жена, Рене Трастур-Фенасс, одна из редакторов журнала MNEF — *Recherches universitaires*, который передал эстафету новому изданию: связь со студенческой средой обеспечена и подчеркивается. Руководить новым журналом будет бывшая подруга Фернана Делиньи, Жозе Маненти. Участники FGRI и Феликс Гваттари прежде всего хотели, чтобы их главные ориентиры — Маркс, Фрейд, Ленин — прошли в журнале проверку современной практикой, актуальными задачами и самыми передовыми знаниями в каждой из гуманитарных наук: «Повторение — смерть. Пользоваться Марксом или Фрейдом в режиме повторения значит предаваться смертельно опасному воскурению фимиама»⁴. FGRI намеревается пропагандировать трансдисциплинарность, понимаемую не как разделение собственников, озабоченных разграничением, а как оригинальное вопрошание на территории самих дисциплин, которое бы позволило артикулировать ориентацию исследований так, «чтобы их понятия формировали „смыслоразличительную оппозицию“, а не оставались в антагонистических структурах взаимного непризнания»⁵.

2. *Recherches*, № 6, juin 1967, p. 316.

3. Ги Трастур, интервью с автором.

4. Éditorial, *Recherches*, № 1, janvier 1966, p. 2.

5. Ibid., p. 3. Среди основателей FGRI наряду с многочисленными психиатрами, такими как Жан Эм, Жан Ури, Жильбер Дяткин, Николь Гийе, Клод и Катрин Понсен, Жан-Клод Полак, Афелио и Орас Торрубиа, Жермен Ле Гийян, Жан-Пьер Мюяр, также есть этнологи — Мишель Картри, Альфред

Утверждать в 1965–1966 годах ценность эмпирических исследований в гуманитарных науках — особенно новаторская и оригинальная позиция в интеллектуальном контексте, который носит отчетливо «альтюссерианский» характер. Это момент большого успеха работ «Читать „Капитал“» и «За Маркса», возвращения «к Марксу», идущего по пути «эпистемологического разрыва». Обращение к социальным и институциональным практикам, а также проверка фактами открывает путь к перспективным исследованиям, которые будут с самого начала намечать линии ускользания в этой сциентистской среде чистого концептуализма. Хотя эта ориентация в тот момент остается маргинальной и идет вразрез с увлечениями эпохи, FGRI, тем не менее, имеет наработки в области институционального анализа, который стремится совместить достижения фрейдизма и марксизма и поставить либидо в центр научных исследований, а не оставить его прозябать в приходе, на периферии настоящей научной работы. С самых первых выступлений в 1966 году на «теоретической комиссии» FGRI Гваттари дистанцируется от альтюссерианских позиций, которые тогда были на пике моды, используя Лакана для их критики.

Он напоминает этим любителям концептов ради концептов о чувстве реальности: «В дереализации истории есть некоторый предел, за который нельзя выходить; есть остаточный реализм истории; этот неустранимый реализм — контингентный факт того, что только люди и никто другой делают историю и говорят о ней»⁶. Эта критика открывает по ту сторону философии истории путь к восстановлению связи между научными исследованиями, знанием и областью опыта, прожитого, репрезентаций деятелей и их речи. Однако Гваттари не противопоставляет альтюссеро夫斯基 «процессу без субъекта» полного субъекта, хозяина самому себе. У него речь идет о расщепленном субъекте: «Шизосубъект на самом деле останется на заднем плане, это будет субъект бессознательного, спрятанный ключ к вытеснен-

Адлер, Франсуаз и Мишель Изард, Оливье Эрреншмидт; архитекторы — Жерар Бюффьер, Катрин Кот, Жак Депюссе, Рене Пу, Ален и Эстель Шидт, Америко Зюблена; множество студентов, несколько экономистов и социологов, психологи, статистики и работники образования, к которым присоединились писатели, такие как Ролан Дюбийяр, Тома Бюшанан и Жан Перре. Чтобы преодолеть якобинский централизм, FGRI организует многочисленные группы-филиалы в провинции. Первые такие группы появляются в Блуа, Дижоне, Лионе, Нанси, Нанте, Ницце, Ренне, Страсбурге и Туре.

6. Félix Guattari, «La causalité, la subjectivité et l'histoire» (1966), *Psychanalyse et transversalité*, p. 175.

ным высказываниям... Этой субъективности нет нужды держать отчет ни перед законом, ни перед историей»⁷.

Гваттари намеривается сохранить цель революционной трансформации, за которую он всегда выступал, но на этот раз она должна питаться размышлениями, идущими изнутри общества. Больше нет речи о том, чтобы ждать «кануна Революции», нужно готовить реальную трансформацию институтов. FG ERI, в основном состоящая из интеллектуалов, тем не менее, имеет связи с миром производства, в частности с престижной сетью *Hispano*, которой занимается Роже Панаже, создающий Группу по изучению рабочего движения (GERMO), связанную с FG ERI. Еще одна группа FG ERI с 1965 года вносит свой вклад в пропаганду феминизма: Группа хороших левых женщин (GROBOFEGA), которая сочетает исторические и этнологические размышления с борьбой за женский вопрос, проводит акции с требованием свободной бесплатной контрацепции для женщин, права на аборт и сексуального освобождения. В этой группе состоят, среди прочих, Николь Гийе, социологи Лиан Мозер и Анн Керрбен, а также писательница Анни Миньяр и будущий психоаналитик Брижит Можандр.

Первые номера журнала *Recherches* дают представление о том многообразии, на которое нацелена FG ERI, равно как и об отказе от любой централизации. В первом номере напечатана статья Феликса Гваттари об институциональной психотерапии, которая указывает на главную точку привязки этой группы, но в нем можно также прочесть статьи, полученные от тематических групп «театр», «архитектура», «экономика». В редакционной статье второго номера провозглашается отказ становиться рупором какого-то одного течения, в противоположность другим изданиям такого типа:

Никакого редакционного комитета, который бы утверждал линию издания, отсеивал статьи. Никакого отстаивания теорий и концепций... *Recherches* — рупор любых групп, работающих в секторе социального поля, ориентированном на анализ институтов, в которые все включены и соглашаются на то, чтобы к ним постоянно обращались другие группы, работающие в других секторах⁸.

У FG ERI нет аппарата управления, и единственный повод для встреч разных групп в течение года — это благотворительные ярмарки, которые проводятся в Ла Борд. Однако организация не собирается пропагандировать «вялые» формы интер-

7. Ibid., p. 182.

8. Éditorial, *Recherches*, № 2, p. 1.

дисциплинарности. Напротив, от исследователей требуется говорить на языке их дисциплины, не делая скидок на общедоступность или популяризацию.

«Левая оппозиция»

Одновременно с образованием FG ERI вокруг Гваттари складывается новая политическая организация, в которой кристаллизуются новые силы, рекрутированные в студенческой среде: «Левая оппозиция» (OG). На самом деле два проекта задумывались как дополняющие друг друга: «Левая оппозиция» — это политическое крыло специалистов, солидаризирующихся с сетью FG ERI. Создание «Левой оппозиции» — плод кропотливой работы, которую ведет Гваттари.

Окончание войны в Алжире в 1962 году еще больше усиливает деятельность и влияние Гваттари в студенческой среде, связанной с MNEF и UNEF. Университетская ситуация отмечена двойным процессом политической радикализации: UNEF в 1963 году пережил левый поворот, а UEC добился автономии от руководства Французской компартии. После войны в Алжире, мобилизовавшей студенческие круги, UNEF переживает кризис. В организации состоял каждый второй студент, но некоторое разочарование, конкуренция со стороны профсоюза, организованного голлистским правительством, апатия ветеранов способствуют развитию кризиса. Весной 1963 на съезде в Дижоне встает вопрос об обновлении. Руководители UNEF разочарованно констатируют, что в рядах организации теперь состоит лишь каждый четвертый студент. Именно в этом контексте появляется новое поколение, особенно активное и боевое, пришедшее в основном из Объединенной федерации студентов-филологов (FGEL), с 1963 года возглавляемой Жаном-Луи Пенину, и из Объединенной ассоциации студентов-медиков (AGEMP), которой руководит Жан-Клод Полак. Рупоры этих протестных течений левого профсоюзного движения призывают к радикализации борьбы и считают, что UNEF не может просто собирать все требования, но должен включать их в глобальную критику общества, чтобы защищать глобальную программу преобразований. Этой средой профсоюзных левых заправляют активисты из UEC, чье отмежевание от компартии получило большой резонанс в студенческой среде, создав особую динамику у филологов и медиков, двух главных оплотов левых профсоюзов.

UEC, созданным компартией в 1958 году, чтобы разгромить филологическую ячейку Сорбонны, слишком активизировав-

шуюся и радикализировавшуюся, руководят так называемые итальянцы, Ален Форнер, Пьер Кан, Жан Шали, которых объединяет ориентация на Италию в желании десталинизировать партию. В их газете *Clarté* это желание обновления, в частности, выражается в том, что она начинает публиковать менее политизированные статьи об искусстве и интеллектуальном мире. В еженедельнике можно прочесть тексты об Алене Рене, Морисе Бежаре, Сэмюэле Беккете, которые привлекают широкую аудиторию (25 000 проданных экземпляров)⁹. Еще большими радикалами, чем «итальянцы» из руководства УЕС, являются разношерстные левые течения, считающие себя революционными и сформировавшиеся в лоне УЕС, в частности в филологическом секторе. Среди их теоретических ориентиров — Виктор Серж, Ленин, Троцкий, Роза Люксембург, а также Андре Горц — у тех, кого интересует анализ французского общества. Эти тексты поддерживают революционные надежды на протестные студенческие движения: «Притеснение университета (Капиталом) придаст университетским протестам общенациональное значение», — делает вывод Марк Кравец, один из руководителей FGEL¹⁰. Надежды этого движения направлены на то, чтобы порвать с чисто корпоративной формой профсоюзной деятельности, переориентировав студенческое движение на вопросы конкретной жизни в обществе, проблемы экзистенциального порядка, встающие перед молодежью, которой чужды господствующие ценности общества капиталистического потребления.

Еще один фактор в студенческой среде, имеющий важнейшее значение для связи между политикой и психотерапевтической практикой, которую хочет установить Гваттари, — это развитие MNEF, которая руководит соцобеспечением студентов. Она сосредоточивает внимание на различных патологиях, которые проявляются в студенческой среде в тот момент, когда она становится массовой, и создает Бюро психологической университетской помощи (BAPU). Это бюро издает журнал, который будет стоять у истоков издания FGELI, *Recherches universitaires*, и в итоге будет образован Национальный университетский комитет по психическому здоровью. Одно из официальных лиц MNEF, Жан-Пьер Милберг призывает к структурированию студенческого движения вокруг психосоциологических методов, что предполагает разрыв с традиционными формами политического активизма. Он организует серию стажировок, встреч между студентами

9. Hervé Hamon, Patrick Rotman, *Génération*, tome 1, Paris: Seuil, 1987, p. 128.

10. Marc Kravetz, *Cahiers de l'UNEF*, PUF, décembre 1963, цит. по: Alain Monchablon, *Histoire de l'UNEF*, Paris: PUF, 1983, p. 150.

и представителями профессиональной среды. В рамках одной из таких стажировок в конце 1963 года Жан-Пьер Милберг организует встречу с представителями Ла Борд: Ури, Гваттари и еще несколько человек после семинара Лакана на улице Ульм по-соседски отправляются в офис MNEF на площади Пантеон. Новый постоянный сотрудник, назначенный техническим атташе по «психической гигиене», Ги Трастур открывает для себя в тот день новый дискурс, который его очень его увлекает: «Я услышал о новом способе постановки проблем, новом отношении к другому, к безумию, и был совершенно пленен»¹¹. Ги Трастур тут же решает организовать с Гваттари проект амбулатории для подростков, которая бы принимала студентов и молодых рабочих. Сеть Гваттари пользуется особым успехом в среде, восприимчивой к психиатрическому дискурсу, тем более что Трастур, занимающийся ВАРУ, имеет возможность ездить по стране, устанавливая связи между психиатрами и студентами¹².

Другая примета радикализации проявилась в марте 1964 года в УЕС. Аппарат компартии тщательно подготовил удар и надеялся воспользоваться разногласиями между протестантами всех мастей, «итальянцами», «троцкистами», «маоистами», чтобы вернуть себе верховенство над своей студенческой организацией. Жан-Мишель Катала и Ги Эрмье были уполномочены вести в бой объединенные силы, собранные руководством съезда. Национальное бюро, в котором имеют перевес «итальянцы», оказывается в меньшинстве и ориентируется на компромисс с руководством партии, чтобы сохранить руководящие посты в УЕС. Предполагаемый преемник Алена Форнера, Пьер Кан подготовил доклад с разоблачением различных левацких течений. Но в итоге «итальянцы», у которых всего 20% мандатов, вместе с «Левой оппозицией» получают столько же голосов (180), сколько сторонники ортодоксальной линии Французской коммунистической партии. В финале этой ничьей, когда дело доходит до «послематчевых пенальти», напряжение возрастает до предела:

Заседание возобновилось в воскресенье утром. С самого начала Мари-Ноэль Тибо устремила к микрофону и бесцветным голосом, напряженным от сдерживаемых эмоций, сообщила, что ночью было заключено тайное соглашение между «сторонни-

11. Ги Трастур, интервью с автором.

12. Эта деятельность нашла продолжение в издании «Бюллетеня психического здоровья», обеспечивавшего связь между информацией о работе, осуществляемой различными комиссиями, и ее осмыслением, и распространявшего результаты исследований «университетских рабочих групп».

ками компартии» и «итальянцами». Она рассказала, что случайно подслушала разговор. Ролан Леруа и Ален Форнер делили посты в национальном комитете, оставив по пять мест для каждой из основных фракций и тринадцать для левых. Все застыли от удивления. На несколько секунд воцарилось недоверчивое молчание¹³.

Пьер Гольдман и Ив Жанен разразились проклятиями в адрес Ролана Леруа, вызвав такой беспорядок, что руководство испугалось, что их сепаратный стговор окажется под вопросом, и решило проводить заседание за закрытыми дверями. Итак, занавес может стыдливо закрыться, первый акт возвращения контроля над организацией окончен, и двое лидеров нормализации, Ги Эрмье и Жан-Мишель Катала, попадают в национальное бюро и получают контроль над еженедельником *Clarité*, оставив Пьеру Кану, формально — генеральному секретарю УЕС, роль свадебного генерала.

Именно в этой бурной среде синдикалистов из UNEF, членов УЕС и революционеров-антисталинистов Гваттари находит новых друзей и образует свою «шайку». Кандидат от «меньшинства» в 1963 году, Жан-Клод Полак приезжает в Ла Борд в качестве интерна-психиатра и сразу же становится соратником Гваттари. Еще один член руководства UNEF, генеральный секретарь в 1964 году, Мишель Ростен, студент философского факультета Сорбонны, близкий к журналу «Коммунистический путь», с разочарованием отмечает расхождение между словами организации и ее делами. Во время собрания 1964 года возле Пантеона, где среди прочих присутствуют Гваттари, Антуан Гризе, Жан-Луи Пенину, Марк Кравец, — тут Мишель Ростен выражает несогласие с «Коммунистическим путем». К своему удивлению, он обнаруживает, что его речь очень понравилась Гваттари, который на следующий день позвонил ему и пригласил в Ла Борд. Мишель Бютель тоже входит в ближний круг Гваттари. Он познакомился с ним в Ла Борд в 1963 году. В УЕС он занимался политической агитацией в Латинском квартале. В Сорбонне Бютель встретил своего друга детства Ива Жанена, еще большего задиру, чем он. Они сближаются с самым завзятым из активистов Пьером Гольдманом, ответственным в УЕС за охрану порядка. Эта веселая компания намерена отстоять Латинский квартал на фоне постоянных угроз со стороны правых экстремистов.

Но Сорбонна и медицинский факультет — не единственное место, где образуются радикальные левые профсоюзы. Их

13. Hervé Hamon, Patrick Rotman, *Génération*, tome 1, p. 209–210.

ответвления появляются на юридическом факультете, в крайне враждебной среде, а также в парижском Институте политических исследований. В начале 1960-х юридический факультет был захвачен организациями крайне правого толка. Почетным президентом Корпуса был не кто иной, как Жан-Мари Ле Пен. Это означает, что там неприлично иметь левые взгляды, не говоря уже о крайне левых. Тем временем там тоже организуется маленькая группа несогласных, берущая себе имя «Ассоциация Кюжа». В ней попадают как юные радикалы, так и юные левые католики, социалисты вроде Пьера Гидони, наряду с активистами из УЕС. Именно в этом водовороте левой культуры оказываются те, кому предстоит стать близкими и верными друзьями Гваттари: Лиан Мозер и Эрве Мори. От этих людей неортодоксально левых взглядов требуется недюжинная смелость, но в то же время они пользуются поддержкой таких авторитетов, как декан факультета Габриэль Ле Бра, специалист по каноническому праву, и крупный юрист Жорж Ведель.

Парижский Институт политических исследований — более открытая среда, чем юридические факультеты. Кроме того, это своего рода кузница кадров, в которой Гваттари ждут судьбоносные встречи. В 1964 году Франсуа Фурке, студент Школы политических наук и «левый» активист в УЕС, знакомится с Гваттари на конгрессе организации. Что касается Лиона Мюрара, то он немного моложе своих товарищей. Он родился в 1943 году, в 1963-м поступил в Школу политических наук и подружился с Франсуа Фурке в ходе совместных акций, проводившихся меньшинством UNEF и УЕС в 1964–1965 годах. Еще один важный рекрут из Школы политических наук — Анна Керрьен, которая учится на улице Сен-Гийом главным образом по требованию своего отца, государственного советника. Она сразу очень активно включается в работу левых в UNEF и в 1964 году оказывается президентом парижского отделения MGEN (Страхового кооператива работников образования), затем в 1965-м — в национальном бюро Общества взаимопомощи. Вместе с Лиан Мозер, Франсуа Фурке и Эрве Мори она входит в юридическую фракцию УЕС; активно участвует в деятельности Студенческого центра профсоюзных исследований (CERS). Имя Гваттари она открывает для себя, читая *Recherches universitaires*. Опросы CERS позволяют соединять политику и социально-психологические подходы, а также дают преимущество трансверсальности, так как касаются одновременно студенческой, рабочей и крестьянской среды. Эти активистские исследования оказались эффективны для объяснения причин студенческого недовольства. Они помогли более аде-

кватно сформулировать требования студенческого движения, оценив его нужды и устремления.

Левый поворот, произведенный UNEF на съезде в Дижоне, выражается в усилении этого течения в профсоюзном аппарате. В тот момент во главе MGEN стоит представитель профсоюзных левых Антуан Гризе. Федерация студентов-филологов в UNEF организует крупную демонстрацию в Париже, в которой участвуют 10 000 студентов, и там возникает конфликт с полицией. Демонстранты выступают против посещения министром образования Кристианом Фуше Сорбонны. Повышение стоимости проживания в общежитии вызвало настоящую волну протестов. Волнения конца 1963 года дали свои результаты: в январе 1964 года правительство отказалось от повышения стоимости проживания и объявило о создании нового университета в Нантере, чтобы разгрузить Сорбонну. Эти уступки, однако, не демобилизовали студенческое движение: воодушевленное своими успехами, оно намеривается усилить давление на государственную власть.

Новый фронт открывается в 1965 году по случаю съезда УЕС, проходящего в вотчине сталинизма — Монтрёйе. Это второй акт процесса, начатого «путчем» 1964 года: на этот раз «пропартийное» руководство рассчитывает захватить всю власть в студенческой организации. «Итальянцы» разбиты и уже не питают иллюзий на свой счет. Они действительно будут раздавлены, как показывают итоги голосования по назначению Ги Эрмье (344 голоса против 145), который станет новым руководителем УЕС. «Жан-Мишель Катала, прозванный за свою непреклонность „Дракатала“, самый преданный сторонник Коммунистической партии, усаживается в президиуме»¹⁴. У руководства партии появляется неожиданный союзник, в котором она совершенно не нуждается, но который все равно предлагает свои услуги. Речь о маоистском течении, зародившемся в Высшей нормальной школе на улице Ульм, которое, однако, не перестает разоблачать «ревизионизм» и «социал-предателей». Лидеры этого течения, главное преимущество которых — престиж Высшей нормальной школы и интеллектуальный авторитет Альтюссера, решают объединиться с Ги Эрмье и Жан-Мишелем Катала, чтобы вытеснить из руководства представителей всех остальных течений. В «очищенном» национальном бюро они будут заседать вместе со сторонниками компартии. Эта чистка положит конец иллюзиям в отношении возможной политической автономии УЕС от аппарата компартии. В 1965–1966 го-

14. Hervé Hamon, Patrick Rotman, *Génération*, tome 1, p. 240.

дах эти изменения приведут к зарождению новых организаций, сначала троцкистских — «Революционной коммунистической молодежи» (JCR), затем маоистских — Союза коммунистической марксистско-ленинской молодежи (UJCMML). Что касается левых сетей, собранных Гваттари, то они окажутся отрезаны от реальных политических рычагов.

В поисках программы

Поскольку «левые» оказываются исключенными из руководства УЕС, им нужно как-то продлить свое существование, но теперь уже самостоятельно. Именно с такой целью Гваттари в 1965 году собирает некоторое число студентов-активистов у Мари Депюссе в Париже: его идея — создать «Левую оппозицию» и дать ей платформу. В итоге отдельная группа селится в Годленах, между Кур-Шеверни и Брасье, совсем рядом с Ла Борд, чтобы Гваттари мог продолжать свою работу с пациентами клиники. Время от времени он приезжает к друзьям оценить, как далеко они продвинулись в своей работе. В подготовке программы участвуют Франсуа Фурке, Мишель Бютель, Пьер Аручев, Лиан Мозер, Эрве Мори, Жорж Прели и его жена Николь.

Это тяжелая обязанность для остатков УЕС — сформулировать одновременно и правила, и политическую программу организации, которая хочет быть новаторской: «Мы должны были написать тезисы, которые позднее стали „Девятью тезисами Левой оппозиции“, но на самом деле мы в основном играли в „угадай, что в руке“»¹⁵. Гваттари раздражает, что дело не движется; он пользуется случаем, чтобы научиться водить машину, и делает несколько кругов вокруг дома под удивленные взгляды и шуточки Мишеля Бютеля. Наконец, потеряв терпение, Гваттари решает прекратить аренду дома в Годленах и отправить группу в Ла Борд, пристроив ее там к делу. В итоге «Девять тезисов» пишут трое: Гваттари, Франсуа Фурке и Жан Медам: «Феликс писал очень плохо, на чудовищном жаргоне, совершенно нечитаемом. Он считал, что я мог бы отредактировать его проект. Я был не в состоянии это сделать. В то же время говорил он с кристальной ясностью»¹⁶. Гваттари, по сути дела, является «голосом» этих «Девяти тезисов». Франсуа Фурке вносит дополнения и дописывает часть, касающуюся политической экономики. Он также убеждает своего друга поглубже разработать

15. Лиан Мозер, интервью с автором.

16. Франсуа Фурке, интервью с автором.

психоаналитические аспекты в их соотнесении с политической стороной протеста. Феликс Гваттари впервые использует механизм письма вдвоем.

В «Девяти тезисах» он ставит цель создать форму объединения, которая бы носила политический характер, но при этом была бы оригинальной и порывала бы с демократическим централизмом не только в том виде, в каком он функционирует в сталинских организациях, но и у троцкистов. Кроме того, Гваттари также собирается извлечь политические уроки из опыта Ла Борд. Он ставит перед собой задачу учесть субъективное измерение индивидов, их желания, а следовательно, бессознательное. Это предполагает организацию, совершенно непохожую на «Коммунистический путь», который, впрочем, распущен в феврале 1965 года. Гваттари и Фурке все лето и осень 1965 года обдумывают и пишут политическую платформу в Ла Борд. Нужно не только пересоздать историю мира, но и найти новые перспективы для будущего и связать традиции рабочего движения с достижениями фрейд-лаканизма. Гваттари хочет, чтобы платформа была готова как можно раньше, и подгоняет остальных. Она закончена к Рождеству 1965 года и выходит в форме брошюры в феврале 1966 года, с предисловием Жерара Спитзера.

В первом тезисе предлагается выбрать масштаб анализа, далеко превосходящий традиционные национальные рамки и претендующий на мировой уровень, чтобы лучше рассмотреть то, что представляется новым противоречием капитализма между глобализированной логикой, с одной стороны, и специфическими интересами монополистического государственно-го капитализма — с другой. Во втором тезисе разоблачается реформистский и сталинистский проект по интеграции рабочего движения в капиталистическую логику. Третий и четвертый тезисы анализируют межимпериалистические противоречия и появление новой силы — стран третьего мира. Чтобы подчеркнуть интернациональный характер рабочего движения, отмечается: «Классовую борьбу характеризует универсальность»¹⁷. В пятом тезисе содержится критика существующих социалистических государств, которая ставит им в вину неспособность выйти за рамки логики правил мирового рынка. Эта критика очень сильно опирается на идеи Троцкого, однако расходится с ним по некоторым пунктам: «Чем более неопровержимым кажется нам анализ Троцкого в экономическом плане, тем бо-

17. Félix Guattari, «Les neuf thèses de l'Opposition de gauche» (1966), *Psychanalyse et transversalité*, p. 108.

лее проблематичными нам представляются политические и социальные последствия, которые он из него выводит»¹⁸. Тезисы шестой и седьмой делают попытки в общих чертах описать положение во Франции в середине 1960-х годов с точки зрения отношений государства с императивом экономической и политической модернизации. Наконец, в восьмом и девятом тезисах делаются попытки поставить проблему будущей революционной организации и этапа перегруппировки сил. Исходная посылка — необходимость создания политической организации, чтобы изменить социальные отношения капиталистического производства; в то же время констатируется, что принцип демократического централизма, принятый в коммунистических партиях, зашел в тупик: «Это не отрицание руководящей роли партии, а утверждение необходимости эффективной децентрализации руководства борьбой масс на ее различных отраслевых уровнях»¹⁹. Что же касается лихорадочно растущего числа крайне левых групп, то оно не дает решения проблемы: последний тезис ставит вопрос о том, не следует ли решиться на создание новой партии. При этом авторы платформы констатируют, что такого рода попытки неизменно заканчиваются неудачей. Поскольку условия еще не созрели, вопрос стоит лишь о перегруппировке сил, тем не менее выражается твердое желание избежать погружения в политическое бессилие.

Итак, «Левая оппозиция» создается вместе с платформой и небольшой газетой, *Bulletin de l'Opposition de gauche* (BOG). Эта газета располагает всеми адресами сети, образованной Гваттари в левых крыльях UNEF, MNEF и UEC. Она выходит тиражом около сотни экземпляров раз в две недели или раз в месяц и служит связующим звеном между процессами в студенческой среде и рабочим движением (через группу завода *Hispano*).

В 1966 году (дата не случайна), таким образом, рождаются две инициативы под эгидой Гваттари, обе из которых рассматриваются как дополняющие друг друга: журнал *Recherches FGRI* и «Бюллетеньевой оппозиции», который также называют «Красной тетрадь». В то же время концепция издания *Recherches* меняется. До сих пор номера были принципиально разнородными, что отражало разнородный же характер групп, входивших в FGRI. Начиная с июня 1967 года журнал начинает выпускать тематические номера с коллективными размышлениями на определенную тему.

18. Félix Guattari, «Les neuf thèses de l'Opposition de gauche» (1966), *Psychanalyse et transversalité*, p. III.

19. Ibid., p. 121.

Первый номер из этой серии, «Программа, архитектура и психиатрия», посвящен вопросам психиатрии, рассматриваемым под углом архитектуры и урбанизма. В нем объединены исследования, проводившиеся двумя наиболее динамичными группами FGRI, психиатрами и урбанистами. Инициаторами этого номера стали консультанты Министерства социальной защиты и здравоохранения, изучающие опыт клиники Ла Борд, которая, насчитывая всего 150 койко-мест, лечит столько же пациентов, сколько обслуживает больница на 2000 коек. Популярность за пределами узкого круга лабордианцев завоевывают не только методы институциональной психотерапии, но и то, что эта модель позволяет добиться значительной экономии. Министерство решает провести более широкое исследование, результатом которого должен стать отчет о проекте строительных нормативов для психиатрических лечебниц. Эта задача поручена Ги Феррану и Жан-Полю Рубье, врачам и членам FGRI: «Итог этих дискуссий был в целом позитивным. Без сомнения, они задействуют механизмы бессознательного, а не только простую передачу информации или столкновение мнений»²⁰. Этот номер явился откликом на реальные вопросы, которыми задаются государственные органы, всерьез решившие расстаться с классической моделью психиатрической лечебницы, в которой больных просто запикивали в здания, унаследованные от тюремной системы. В пятилетней перспективе была поставлена задача преодолеть заметное отставание в этой области путем создания 30 000 койко-мест в государственных психиатрических учреждениях к 1975 году. Этот номер журнала *Recherches*, скромный в своих выводах, тем не менее, намеревается прояснить основной выбор, который предстоит сделать: «Мы хотим идти в направлении более точных определений, пояснений, которые позволили бы людям доброй воли, занимающим более или менее ответственные посты в этой области, принять решения на основании полного знания дела»²¹.

В 1967 году Лиан Мозер принимает руководство журналом *Recherches*, которым она будет заниматься вплоть до 1970 года. Она родилась в 1939 году, выросла в Пекине — ее отец работал в *Journal de Pékin*, а дед по матери был министром. Но когда в 1949 году к власти приходит Мао, семья уезжает из Китая во Францию и берет вместо фамилии Чэнь девичью фамилию бабушки Мозер. Учеба на юридическом факультете и специализация на Китае открывают ей двери в Национальный центр научных исследова-

20. Félix Guattari, «Présentation», *Recherches*, numéro spécial, juin 1967, № 6, p. 4.

21. Ibid., p. 9.

ний, из которого она, однако, уходит, чтобы полнее включиться в коллективные исследования, больше соответствующие ее активистской позиции. CERFI, образованный в 1967 году, объединяет круг руководящих лиц, которые для смеха дают себе имя «Мафия»²². CERFI хочет выступать федеративным органом для автономных и свободных групп, опирающимся на Маркса и Фрейда, и «Мафия» действует с оглядкой на нее. CERFI станет группой-субъектом, а значит, ее члены должны вести коммунитарную жизнь — с отказом от разделения на частную и общественную жизнь, с риском выплесков страстей и сильных аффективных конфликтов. Внимание, уделявшееся бессознательному и желаниям, «также означало, что генеральные ассамблеи Коллектива часто превращались в сеансы коллективного анализа, и что следовало принять свое желание, потребовав такую заработную плату, какую вы считали достойной вашей работы»²³.

Лиан Мозер встает во главе *Recherches* в 1967 году, в разгар латиноамериканских революций: Фидель Кастро, Че и партизанская война в Боливии... Чтобы расширить небольшой кружок «Левой оппозиции», Гваттари с друзьями в том же году создает Организацию солидарности с латиноамериканскими революциями (OSARLA), которая также работает без руководящего центра: каждая из ее групп занимается отдельной латиноамериканской страной. Такая организация имеет возможность мобилизовать более широкий круг участников. Так, Гваттари получил возможность снова пересечься со своим давним товарищем по троцкизму Аленом Кривиним.

В конце 1960-х мода на коммуны, пришедшая из Америки, распространяется среди протестной французской молодежи: «Мы собираемся обобществить нашу рабочую силу и торговать ею, требуя справедливой цены. А деньги, которые мы от этого получим, мы разделим, они послужат процветанию наших идей, нашей рабочей силы, нашего течения»²⁴. Из этого опыта, как надеется CERFI, возникнет другая форма субъективности, которая может родиться из «коллективной сборки высказывания» или из «новой субъективности группы», исходящей из пространственной мультилокализации: «Это городское сообщество»²⁵.

22. Здесь мы снова встречаем тех же участников политических акций, рекрутированных в UNEF, MGEN, UEC, затем в ходе создания «Левой оппозиции»: Франсуа Фурке, Лиан Мозер, Эрве Мори, Мишель Ростен, Анн Керрьер и Лион Мюрар. Все они прошли инициационную стажировку в Ла Борд.

23. Janet H. Morford, «Histoire du Cerfi. La trajectoire d'un collectif de recherche sociale», ENESS/DEA, texte dactylographié, octobre 1985, p. 55.

24. Мишель Ростен в: Ibid., p. 57.

25. Эрве Мори в: Ibid., p. 75.

Глава 5

Жиль Делёз: брат героя

ЛЕТО 1928 года, Довиль, где летом отдыхает семья Делёз: на фотографии пятилетний Жорж держит за плечо своего младшего брата Жилия. Они оба одеты в клоунские костюмы. 1934 год, снова фото из Довиля: Жиль делает вид, что курит, свернув бумажку в папиросу, ему девять лет. В следующем году они снова позируют вдвоем, на этот раз в теннисных костюмах, с ракетками в руках. Жорж все так же держит своего младшего брата за плечо. И потом все, больше никаких фотографий. Старший брат исчез с горизонта. Больше мы не встретим его следов.

Между тем старший брат сыграл важную роль в формировании личности Жилия Делёза, пусть даже как отсутствующий субъект. Жорж Делёз поступил в военную школу Сен-Сир, чтобы стать офицером. Во время войны вступил в Сопротивление. Арестован нацистами и депортирован, умер по дороге в концентрационный лагерь. Родители, считающие старшего сына мучеником, переживают глубокий траур. Жиль Делёз вдвойне страдает от гибели брата: что бы он ни делал, в глазах родителей этого все равно будет недостаточно на фоне героического подвига старшего брата.

Результатом станет раннее отвержение семьи, о котором вспоминает его друг Мишель Турнье, конфидендент Делёза:

Жиль всегда комплексовал из-за своего брата Жоржа. Его родители устроили настоящий культ старшего сына, и Жиль не простил им обожания, обращенного исключительно на Жоржа. Он всегда был вторым, посредственностью, тогда как Жорж был героем¹.

Ни в каком другом свидетельстве или тексте нельзя найти следов этой обиды. Жан-Пьер Фай, его дальний родственник, вспоминает, как ребенком стал свидетелем странной и необъ-

1. Мишель Турнье, интервью с автором.

яснимой сцены: «Во время войны моя мать отправилась на похороны молодого человека, погибшего по прибытии в концентрационный лагерь Бухенвальд, и там присутствовал юный [Жиль] Делёз, с перекошенным от боли лицом, потрясенный»². После войны эта травма быстро вытеснится или будет вспоминаться с иронией. В 1951 году, будучи преподавателем философии в Амьене, Жиль Делёз будет рассказывать своему ученику Клоду Лемуану о том, что у него был брат, «идиот, который во время жестокой инициации новичков в Сен-Сире проткнул себя шпагой. Это его сместило. Он выставлял брата идиотом»³.

Жиль Делёз, постоянно разоблачавший фамилиализм и ограниченную буржуазную атмосферу, родился 18 января 1925 года в 17-м округе Парижа. Он терпеть не мог вспоминать о своем детстве. Тем не менее во время съемок передачи «Алфавит» с Клэр Парне он все-таки вспомнил несколько ключевых моментов своей юности.

Его отец Луи Делёз был инженером, хозяином малого предприятия с одним наемным работником, рабочим-итальянцем, они занимались гидроизоляции крыш. По отцу Делёза тяжело ударил кризис 1930 года, ему пришлось поменять профессию, пойти работать на авиационный завод. Победа на выборах «Народного фронта» привела в ужас этого предпринимателя правых взглядов, близкого к движению «Огненные кресты». Он разделяет ненависть своей среды к этому Леону Блюму, еврею, возглавившему исполнительную власть. А его сын Жиль вспоминает о необыкновенном моменте летом 1936 года, когда ему было одиннадцать: он с восторгом наблюдал за тем, как на пляжах Довиля появились первые люди, воспользовавшиеся оплачиваемым отпуском. «Это было грандиозно»⁴.

Мать, Одетт Камаюэр, занималась домом и двумя сыновьями. Она полностью разделяла политические взгляды мужа и возмущалась толпой, заполнившей некогда заповедные места отдыха: «Моя мать, которая, впрочем, была сама доброта, говорила, что невозможно ходить на один пляж с подобными людьми»⁵. Вероятно, в пику семье Жиль Делёз позднее любил подчеркивать ее южное происхождение, из-за которого фамилия изначально звучала как *De l'ueuse* — аквитанское слово, обозначающее «дубовый»: «От этого дерева, как и от семьи, он хотел

2. Жан-Пьер Фай, интервью с автором.

3. Клод Лемуан, интервью с автором.

4. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze* (1988), 3 cassettes, éd. Montparnasse, Arte Vidéo, 1997; rééd. DVD, 2005.

5. Ibid.

только поскорее отделиться, пустившись по „линии ускользания“ в свободный дрейф»⁶. Рассказывая позднее своим студентам о фигуре Пьера Жане, современника Фрейда, называвшего память «проводником рассказа», Делёз упоминает детское воспоминание, наложившее на него неизгладимый отпечаток. Во время каникул отец хотел помочь маленькому Жилью с алгеброй, которая ему тяжело давалась: «Было ясно, чем дело кончится. Я запаниковал. Нельзя было и шагу в сторону ступить. Мой отец полагал, что у него есть дар ясного изложения. Он очень быстро сорвался. Через пять минут отец принялся орать, а я — реветь»⁷.

Первые уроки

Начало войны застало пятнадцатилетнего Жилья Делёза на даче, которую семья каждый год снимала в Довиле. Родители решают оставить его в регионе и подыскивают ему место в пансионе. Он проводит один учебный год в отеле Довиля, превращенном в лицей. Именно к этому моменту семейной «децентрализации» Жиль Делёз относит первую решающую перемену в своем характере. По его словам, до тех пор он был посредственным учеником, спасавшимся от скуки коллекционированием марок. Его интеллектуальное пробуждение и пробуждение его безграничного любопытства произошли в результате встречи с одним человеком.

В Довиле он пережил настоящее увлечение молодым учителем литературы, неким Пьером Хальбваксом. Его не взяли в армию по состоянию здоровья, и у него был диплом, необходимый для преподавания в пансионе-лицее. Благодаря ему Делёз открывает для себя французскую литературу. Увлечшись ей, он не довольствуется уроками Хальбвакса и ходит за ним по пляжам и дюнам: «Я был его учеником. Я нашел себе учителя»⁸. Учитель читает ему наизусть тексты Жида, Бодлера, Анатоля Франса. Такая близость настораживает квартирную хозяйку Делёза, которая предупреждает его о возможных гомосексуальных наклонностях его учителя. Жиль Делёз сообщает об этих подозрениях учителю, и тот обещает поговорить с хозяйкой и развеять их. Но этот разговор только еще больше пуга-

6. René Schérer, *Regards sur Deleuze*, Paris: Kimé, 1998, p. 12.

7. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 3 июня 1980 года, звуковой архив, BNF (Национальная библиотека Франции).

8. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

ет добропорядочную даму, которая сообщает родителям Делёза об опасности, грозящей их сыну. В Париж вернуться нельзя, немцы только что перешли границу и быстро движутся к столице. Тогда Жиль и его брат Жорж садятся на велосипеды и встречаются с родителями в Рошфоре, куда был эвакуирован завод из-за немецкого наступления.

В конце концов после объявления перемирия Жиль Делёз возвращается в оккупированный Париж и поступает в лицей Карно, где он учился с шестого класса. В 1943 году, когда он был в последнем классе, учителем философии у него мог оказаться Морис Мерло-Понти, но Делёз попал в класс к М. Виалю, который сразу заразил его своей страстью к предмету: «С первых занятий философией я понял, что ею-то я и буду заниматься»⁹. Делёз снова нарушает установленные рамки, постоянно ищет повода для общения со своим учителем философии и становится блестящим учеником. Открытие философской рефлексии становится для него почти откровением: «Когда я узнал, что существуют концепты, на меня это произвело эффект, который на других производят литературные герои. Мне они показались такими же живыми, такими же одушевленными»¹⁰.

Когда Делёз перешел в выпускной класс, у него уже был некоторый интерес к философии: его пробудил в нем его друг Мишель Турнье, его ровесник с разницей в несколько дней. В 1941 году Мишель занимался философией в лицее Пастера, где у него преподавал Морис де Гандийяк. Общий друг Жан Маринье, занимающийся медициной, представил ему Делёза, который тогда жил на улице Добины у своих родителей и учился в лицее Карно. Мишель Турнье не без гордости вспоминает момент, когда он посвятил своего друга Жилия в философию, рассказав о курсе Гандийяка. Но он тут же признаёт: «Когда Делёз увлекся философией, он мгновенно стал на полторы головы выше нас»¹¹. Мишель Турнье рассказывает о разговорах со своим новым другом в 1941 и 1942 годах:

Слова, которыми мы обменивались как резиновыми или тряпичными мячиками, он возвращал нам утяжеленными, словно пули, отлитые из чугуна или стали. Мы быстро возненавидели его за его талант заставлять нас врасплох на месте преступления — преступления банальности, вздора, вялости мысли¹².

9. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

10. Ibid.

11. Мишель Турнье, интервью с автором.

12. Michel Tournier, *Le Vent Paraclet*, coll. «Folio», Paris: Gallimard, 1977, p. 155.

Делёз еще только учится в выпускном классе, когда вместе со своим другом, которого пригласил Морис де Гандийяк, отправляется на декаду, организованную Мари-Мадлен Дави в большом имении в парижском регионе возле Розе-ан-Бри. Мари-Мадлен Дави превратила замок Ла-Фортель в безопасное место, где она могла прятать евреев, участников Сопротивления, уклонистов от трудовой повинности, британских или американских летчиков. Для прикрытия она организует многочисленные культурные встречи, на которые приглашает Мишеля Лейриса, Жана Полана, Леопольда Седара Сенгора, Поля Фламана, Гастона Башляра, Робера Арона, Жана Валя, Жана Бюржлена, Жана Ипполита, Мориса де Гандийяка и многих других.

Мари-Мадлен Дави — удивительная личность. Родившаяся в 1903 году в парижском регионе, она была «настоящим мальчишкой, ненавидела платья и уже в 1908 году носила одни только брюки и шорты. Мать упрекала ее за то, что она не согласует прилагательные в женском роде и говорит о себе в мужском»¹³. Эксцентричная уже в юности, она до такой степени обожала природу, что убегала по ночам из своей спальни, спустившись по веревке, в огромный парк и на берег реки в окрестностях имения своей бабушки. Вопреки семейному запрету, в 18 лет она поступила в Сорбонну на историю и философию, выучила латынь, греческий, иврит и санскрит, а также с десяток современных языков. Она познакомилась с Этьеном Жильсоном, который начал учить ее средневековой латыни. Она посещает салоны, в частности салон Марселя Море — левого католика-персоналиста и политического активиста, ставшего членом редколлегии журнала *Esprit*, — где знакомится со всеми звездами философии. При этом она получает диплом по теологии в Католическом институте в Париже. Став доктором теологии, в 1941 году она устраивается в Национальный центр научных исследований как специалист по XII веку и переводит произведения Гильома де Сен-Тьерри, Пьера де Блуа и Бернарда Клервоского.

«Новый» Сартр

Вот в этот круг и под эгиду этой женщины попадает ученик выпускного класса Делёз, сразу же привлекая к себе внимание. В частности, там он может свободно беседовать с Пьером Клосовски о Ницше. Вокруг шепчутся: «Из него получится новый

13. Marc-Alain Descamps, *Marie-Magdeleine Davy ou la liberté du dépassement*, Le miel de la pierre, 2000, p. 97.

Сартр»¹⁴. В эти годы Делёз вместе с Морисом де Гандийяком участвует в субботних собраниях, проходивших в конце каждого месяца у Марселя Море в его большой квартире на набережной Межиссери, где встречаются академические ученые и признанные интеллектуалы. 23 июня 1943 года там устраивается дискуссия о «христианской цивилизации» с участием Жана Гренье, Бриса Паррена, Мари-Мадлен Дави, Мишеля Бютора, Мориса де Гандийяка и Жилия Делёза. 5 марта 1944 года обсуждается тема «Зло и грех» с опорой на творчество Батая и с участием Жана Даньелу, Александра Кожева, Жана Полана, Роже Кайуа, самого Батая, Пьера Клоссовски, Жана Ипполита, Артюра Адамова, Жан-Поля Сартра, Мориса де Гандийяка и юного Делёза. В том же 1944 году Мишель Турнье приводит Делёза на публичные лекции психиатров Алажуанина и Жана Делё на больнице Сальпетриер.

С тех самых пор Мишеля Турнье поражает умение его друга стряхнуть пыль с философской традиции и вернуть ей актуальность. Нужно заметить, что все это происходит в мрачной атмосфере нацистской оккупации. Жиль Делёз, которому исполнилось 18 лет, защищенный от происходящего стенами парижского лица, не вступает в Сопротивление. Но среди его одноклассников — коммунист-активист Ги Моке, который погибнет под нацистскими пулями. Делёз вспоминает, какой ужас всех охватил после известия о массовом уничтожении мирных жителей деревни Орадур-сюр-Глан 10 июня 1944 года.

Вместо увлечения политикой Делёз вместе с товарищами, среди которых Мишель Турнье, образует небольшую группу, объединенную неакадемическим подходом к философии. Созданная под эгидой Алена Клемана, эта группа решает выпустить философский журнал *Espace*: выйдет всего один номер. Его редакторы провозглашают отказ от понятия интериорности и решают ради пущего эпатажа проиллюстрировать первый и единственный номер журнала изображением унитаза с подписью: «Пейзаж — это состояние духа». Журнал собирался бороться с «вонючим рассолом Духа» (так Сартр называл внутреннюю жизнь). Они предупреждают читателей: «Хотя соблазны спиритуализма уменьшаются день ото дня, было бы ошибкой не обращать внимания на то, каким успехом ныне пользуются современные разновидности гуманизма»¹⁵.

В своей статье «От Христа к буржуазии», написанной в 1946 году, Делёз разоблачает историческую преемственность

14. Морис де Гандийяк, интервью с автором.

15. «Présentation», *Espace*, № 1, 1946, p. 11.

между христианством и капитализмом, захваченным тем же самым опасным культом интериорности. Как ни странно, он посвящает эту статью «Мадемуазель Дави», которая была убежденной спиритуалисткой. Статья несет явный отпечаток влияния Сартра, которого Дави ненавидит. «Люди больше не верят во внутреннюю жизнь»¹⁶ в мире техники, опустошающей человека, чтобы свести его к чистой экстериорности. Вся статья нацелена на развертывание диалектики интериорности и экстериорности, чтобы подчеркнуть ценность последней. Так, Делёз противопоставляет интериоризации, к которой призвал французов маршал Петен, акт экстериоризации, совершенный де Голлем, когда тот присоединился к Соппротивлению. Делёз видит в современном успехе буржуазии продолжение и усиление процесса интериоризации: «Природа, становясь частной жизнью, одухотворяется в форме семьи и добропорядочности (*bonne nature*); а Дух, в становлении Государством, натурализуется в форме родины»¹⁷. Делёз иронизирует над этой филиацией, сближая «внутреннюю жизнь» (*vie intérieure*) и «затворническую жизнь» (*vie d'intérieur*), разделенные всего одной буквой. Высший парадокс: буржуазии удастся завершить то, что было начато Христом, потому что она интериоризировала все то, к чему он питал отвращение, — собственность, деньги, имущество, — то, с чем он пришел бороться ради ценностей бытия. Оприродившись, духовная жизнь деградировала. Начавшись с порыва к Духу, она стала «буржуазной натурой»¹⁸. Широкое движение секуляризации превратило Дух в государство, Бога — в безличного субъекта, а общественный договор — в выражение божественности, что позволяет сделать вывод о том, что «связь между Христианством и Буржуазией вовсе не случайна»¹⁹.

Осенью 1943 года, когда Делёз только перешел в выпускной класс, в философии происходит событие, вызывающее у него, как и у его друга Мишеля Турнье, неподдельный энтузиазм: вышло в свет «Бытие и ничто» Жан-Поля Сартра. «Жиль звонил мне каждый день по телефону и рассказывал, что он прочел за день. Он это выучивал наизусть»²⁰. Этот философский метеор не был похож ни на что другое и способен был наделить философию живым присутствием в губительной атмосфере оккупации: «Эту военную зиму, темную и ледяную, мы провели,

16. Gilles Deleuze, «Du Christ à la bourgeoisie», *Espace*, №1, 1946, p. 93; рус. пер.: Жиль Делёз, «От Христа к буржуазии», *Логос*, т. 30, № 4, 2020, с. 14.

17. Там же, с. 17.

18. Там же, с. 23.

19. Там же.

20. Мишель Турнье, интервью с автором.

завернувшись в одеяла и обернув ноги кроличьими шкурками, но голова у нас горела: мы читали вслух 722 набранные мелким шрифтом страницы нашей новой Библии»²¹. Жиль Делёз обращается к творчеству Сартра еще до повального увлечения им, охватившего Францию после Освобождения. Сартр не только внес свежие веяния в философию; как писатель и драматург он воплощает возможность соединения философской деятельности с литературным творчеством. Это первый урок, полученный юным Делёзом, который никогда не откажется от своего долга перед Сартром.

В будни Делёз запоем читает «Бытие и ничто», а в воскресенье он идет в театр, чтобы смотреть там... кого? Все того же Сартра. В одно из воскресений 1943 года он отправился с Мишелем Турнье в театр Сары Бернар, где давали «Мух». Трагедия нагнала их и там: они вынуждены срочно покинуть зал, когда раздался сигнал воздушной тревоги. Пока толпа, толкаясь, торопилась в подземное бомбоубежище, эти двое бросили вызов опасности и пошли гулять по закатному Парижу:

Мы гуляли по абсолютно пустым парижским набережным: ночь среди бела дня. Тут с неба посыпались бомбы. Мишенью был завод *Renault* в Бийанкуре. Мы не обменялись и словом об этом ничтожном происшествии. Нас волновали только перипетии Ореста и Юпитера, преследуемых «мухами». Через полчаса сирены возвестили об окончании воздушной тревоги, и мы вернулись в театр. Занавес поднялся. Юпитер-Дюллен уже стоял на сцене. Он снова воскликнул: «Юноша, не возлагай вину на богов!»²²

Самая первая публикация Делёза — пастиш по мотивам Сартра под названием «Описание женщины. К философии другого пола»²³. В этом «стилистическом упражнении» Делёз пускается в занимательную феноменологию губной помады, отсылающей к экстериоризации интериорности, своего рода демонстрации скрытого, в итоге написав, что женщины не существует, но она сама себя темпорализует: «Макияж — это и есть образование этой интериорности»²⁴. Приняв на свой счет упрек Сартра Хайдеггеру, что тот рисует асексуальный мир, Делёз считает, что неотложная задача этой статьи — наделить женщин философским статусом. Но ученик желает превзойти учителя, который, на его взгляд, не довел до конца свою критику и изо-

21. Michel Tournier, *Le Vent Paraclet*, p. 160.

22. Michel Tournier, *Célébrations*, coll. «Folio», Paris: Gallimard, 2000, p. 425.

23. Gilles Deleuze, «Description de la femme. Pour une philosophie d'autrui sexuée», *Poésie* 45, № 28, oct.-nov. 1945, p. 28–39.

24. Ibid., p. 33.

бражает не менее печальный и асексуальный мир. С женщиной появляется Другой, и в ней находит выражение весь внутренний мир: «Женщина — это конкретная всеобщность, она — мир, а не внешний мир, изнанка мира, его теплая интериорность, интериоризированный мир в сжатой форме. Отсюда необычайный сексуальный успех женщины: обладать женщиной — значит обладать миром»²⁵.

Это страстное увлечение Сартром, однако, переживает первый кризис, когда после Освобождения превращается в повальную моду на экзистенциалистскую философию. 29 октября 1945 года Сартр произносит знаменитую речь, послушать которую устремился весь Париж: «Экзистенциализм — это гуманизм». Плотная толпа торопится занять места. Это культурное событие получит беспрецедентный отклик в прессе: из-за философа в Париже случилось «пятнадцать обмороков» и в зале было «сломано тридцать сидений». В этой толпе присутствуют Делёз, только что сдавший экзамен на бакалавра, и его друг Мишель Турнье: они раздосадованы выступлением учителя и не прощают ему реабилитации старого понятия гуманизма: «Мы были в ужасе. Наш учитель приволок с помойки, на которую мы его выбросили, это тупое понятие, провонявшее потом и внутренней жизнью: гуманизм»²⁶. Беседуя в кафе после лекции, два товарища вынуждены признать, что учитель не оправдал их ожиданий. Несмотря на разочарование, Делёз еще долго будет чувствовать на себе притяжение звезды Сартра, о чем свидетельствует содержание двух его статей, опубликованных в 1946 и 1947 годах²⁷, от которых впоследствии он будет отрешиваться. И все же, пойдя совершенно иным путем, Делёз будет всегда признавать свой долг перед Сартром, о чем свидетельствует еще одна статья, написанная через месяц после того, как Сартр отказался принять Нобелевскую премию в 1964 году²⁸. В ней Делёз сожалеет о поколении, у которого не было учителей, и признает в Сартре того, кто сумел что-то сказать о современности и стать наставником целого поколения, поколения Освобождения: «Через него после долгих ночей мы узнали о тождестве мышления и свободы»²⁹. Делёз не разде-

25. Ibid., p. 32.

26. Michel Tournier, *Le Vent Paraclet*, p. 160.

27. Жиль Делёз, «От Христа к буржуазии», с. 13–24; «Dires et profils», *Poésie* 47, 1947.

28. Gilles Deleuze, «Il a été mon maître», *Arts*, 28 novembre 1964, p. 8–9; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974*, éd. David Lapoujade, Minuit, 2002, p. 109–113.

29. Ibid., p. 110.

лял распространившуюся в 1960-е годы идею о том, что Сартр «вышел из моды». Наоборот, Делёз изобличает конформизм своего времени и приветствует «Критику диалектического разума» как «одну из самых прекрасных и важных книг, вышедших за последние годы»³⁰.

Получив диплом, Делёз поступает в предподготовительный, а затем в подготовительный класс лицея Людовика Великого в Париже. Он оказывается в одном классе с Клодом Ланцманом, который становится его другом. Он прилежный ученик Фердинана Алкье и Жана Ипполита. Когда он освободится от их влияния, то будет описывать обоих с некоторым сарказмом. У Алкье были «длинные бледные руки, он заикался, причем неизвестно было, заикается ли он с детства или же просто прячет так свой акцент, и не служит ли заикание картезианскому дуализму»; что же до Ипполита, у него было «внушительное лицо с незавершенными чертами, и он кулаком отбивал гегельянские триады, чеканя слова»³¹.

Делёз также учится вместе с Жан-Пьером Файем, который вспоминает, что в самые первые дни учебы в подготовительном классе «был один ученик, который на занятиях у Алкье сидел почти в первом ряду и говорил о когито у Гуссерля, и это был Делёз»³². К Делёзу, который еще только учится на философа, уже прислушиваются его сверстники, он выделяется своими необыкновенными способностями.

Делёз также посещает в лицее Генриха IV несколько лекций Жана Бофре, который стал проводником идей Хайдеггера во Франции. Очарованный своим учителем, Бофре вслед за ним утверждает, что его можно по-настоящему понять, только если говорить и думать по-немецки. Через неделю Делёз выступает с возражениями и предлагает саркастическое решение, заявив, что нашел во французском поэте Альфреде Жарри того, кто не только понял, но и предвосхитил Хайдеггера. Бофре тогда лишил его слова, но несколько лет спустя, по случаю выхода книги его друга Костаса Акселоса³³, Делёз еще дважды вернется к этому удивительному сравнению³⁴. Он утверждает, что «твор-

30. Gilles Deleuze, «Il a été mon maître», см.: *L'Île deserte et autres textes. Textes et entretiens 1953–1974*, p. 112.

31. Делёз, цитируемый в: Giuseppe Bianco, «Jean Hyppolite et Ferdinand Alquié», dans Stéphan Leclercq (sous la dir.), *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze*, Mons: Sils Maria, 2005, p. 92, note 2.

32. Жан-Пьер Фай, интервью с автором.

33. Kostas Axelos, *Vers la pensée planétaire*, Paris: Minuit, 1964.

34. Gilles Deleuze, «En créant la pataphysique Jarry a ouvert la voie à la phénoménologie», *Arts*, 27 mai–2 juin 1964, p. 5; переиздано в: *L'Île deserte et autres textes*,

чество Хайдеггера можно рассматривать как развитие патафизики»³⁵. Язык Хайдеггера, который обыгрывает в современном языке древнегреческий и старонемецкий посредством многочисленных агглютинаций, находит аналог у Жарри, который, в свою очередь, обыгрывал в современном французском латынь и старофранцузский, не считая арго и даже бретонского: «Проще всего сказать, что это всего лишь игра слов», — пишет Делёз³⁶.

Несмотря на свои необыкновенные способности, Делёз провалился на вступительном экзамене в Высшую нормальную школу, хотя его выступления уже тогда считались событиями, которые ни в коем случае нельзя пропустить и которые привлекают большую аудиторию. Так происходит, среди прочего, с его «докладом» на тему «Варвары и цивилизация», который ему задал Жорж Кангилем. Он получил хорошую оценку, которая бы позволила ему поступить, если бы он не запустил другой экзаменационный предмет. В итоге Делёз не сдал экзамен, но с учетом его хороших результатов он получает агрегационную стипендию и может пойти учиться в Сорбонну, где будет посещать курсы Кангилема, Башляра и де Гандийяка, ставшего его научным руководителем.

Учась в Сорбонне, Делёз входит в небольшую группу друзей, среди которых его верный товарищ Жан-Пьер Бамберже, Франсуа Шатле, Оливье Рево д'Аллон, Клод Ланцман, Мишель Бютор и, конечно, Мишель Турнье. Не все из них философы: трио, образованное Жаком Ланцманом, Сержем Резвани и Пьером Дмитриенко, увлекалось живописью и обосновалось в бывшей прачечной на улице Вожирар, где им позируют их подруги. Посмотреть на то, как работает эта троица, постоянно приходят одни и те же студенты-философы: Жиль Делёз, Клод Ланцман, Жан Ко, Жак Удар, Рене Гийонне, Пьер Кортесс, Жан Лоне, они стоят молча и могут вволю любоваться прекрасными обнаженными девушками. Строгий стиль этих студентов Сорбонны с их костюмами, белыми рубашками и галстуками контрастировал с богемными одеяниями остальных: «Жель Делёз уже тогда говорил оригинальные вещи. Остальные же, в особенности Клод, только повторяли наукообразную риторику»³⁷. В тот период Жиль Делёз и Клод Ланцман были очень дружны, и Ланцман говорит о своем друге с особой горячностью и восхищением. Что же до Делёза,

р. 105–108; Жиль Делёз, «Один неведомый предшественник Хайдеггера: Альфред Жарри», *Критика и клиника*, СПб.: Machina, 2002, с. 125–136.

35. Там же, с. 125.

36. Там же, с. 134.

37. Serge Rezvani, *Le Testament amoureux*, Paris: Stock, 1981, p. 124.

то он «был очень мягок, очень стеснителен, носил кашне летом, был похож на ребенка, которого заботливая мать слишком кутает. Его ум приводил Клода в состояние транса. Он „пил“ Делёза. Он пытался захватить его всеми доступными средствами»³⁸.

Делёз и Оливье Рево д'Аллон восхищаются Гастоном Башляром и не пропускают ни одной его лекции. Они слушают и курс Жана Валя, который обратит внимание Делёза на англо-саксонскую философию и до-феноменологический экзистенциализм. Марциаль Геру с его особенно скрупулезным чтением текстов — тоже их наставник: «Я всегда считал, что Жиль был учеником Геру»³⁹. Со своей стороны, Ги Байе посвящает курс Спинозе, который входит в программу агрегации.

Франсуа Шатле вспоминает о хрестоматийном эпизоде с учителем Алкье и учеником Делёзом, в связи с Мальбраншем:

Я помню... об уроке Жили Делёза, которому нужно было рассказать о какой-то классической теме из Николя Мальбранша перед одним из самых глубоких и скрупулезных историков философии. Делёз построил свое доказательство, солидное и опиравшееся на безапелляционные цитаты, вокруг одного только принципа нередуцируемости ребра Адама. Услышав заявленный принцип, мэтр побледнел и явно был вынужден сдерживаться, чтобы не вмешиваться и не перебивать. По мере разрывания аргументации негодование сменилось недоверчивостью, а к концу выступления превратилось в восхищенное удивление. И он и в самом деле заключил, что не привык к такому подходу к этой проблеме, выполненному с таким мастерством, и не будет отрицать, что это очень интересная объяснительная гипотеза⁴⁰.

Тем, кто получил допуск к агрегации, оставалось еще сдать страшный «Большой устный экзамен», разделенный на четыре этапа: один по древнегреческому тексту, второй по латинскому и два по французским текстам. Чтобы подготовиться, небольшая группа студентов регулярно собирается на улице Мешен возле больницы Кошен у Оливье Рево д'Аллона. Этот небольшой «клуб пяти», предающийся коллективной аскезе, составляют Паскаль Симон, который через четыре года после конкурса умрет от рака мозга, Ален Делатр, двоюродный брат знаменитого генерала Латра де Тассиньи, Франсуа Шатле, Жиль Делёз и Оливье Рево д'Аллон. Корпус французских текстов, предлагаемых для агрегации в 1948 году, включает в себя «Материю и память» Бергсона и работу Дюркгейма «Правила социологи-

38. Serge Rezvani, *Le Testament amoureux*, p. 126.

39. Оливье Рево д'Аллон, интервью с автором.

40. François Châtelet, *Chronique des idées perdues*, Paris: Stock, p. 46.

ческого метода». Рево д'Аллон вспоминает, что они с Шатле, увлекавшиеся марксизмом, могли легко воспринять идеи Дюркгейма, но Бергсона считали побитым молوى спиритуалистом, в котором не было ничего интересного: «В „Биаррице“, кафе, в котором мы встречались, мы рассказывали Делёзу, что Бергсон нам надоел. Он ответил нам: „Нет, вы ошибаетесь, вы просто плохо его читали. Это великий философ“»⁴¹. Тут Делёз достал из сумки «Материю и память» и принялся читать вслух и комментировать длинные пассажи: «У него было такое выражение лица: „Вы не любите Бергсона! Вы разбиваете мне сердце“»⁴².

Итак, Делёз рассматривает Бергсона как философа перво-степенной важности уже в 1947 году, и в дальнейшем его идеи будут сопровождать и вдохновлять всю философию Делёза. Когда в философии господствовали марксизм и экзистенциализм, рассматривать Бергсона как важного философа означало проявлять оригинальность, которую Делёз, всегда стремившийся думать не так, как его современники, не совпадать с доксой своей эпохи, будет отстаивать всю жизнь. Группа просит членов комиссии конкурса Алкье, Гандийяка и Лакроза дать ей в запечатанном конверте темы диссертаций. Результаты агрегационного экзамена не обманули ожиданий кружка. Делёз, на которого явно повлиял провал на экзаменах в Высшую нормальную школу, не хотел идти на устный экзамен. Его другу Шатле понадобилось все его умение убеждать, чтобы заставить Делёза ходить на все экзамены, он заходит за ним и силой приводит в зал экзамена. Делёз приходит вторым.

Уже тогда у него были проблемы со здоровьем, из-за которых он не получил медицинскую справку, необходимую для допуска к агрегационному экзамену. Когда он пропустил занятия во время последнего курса перед агрегацией, подготовительная группа забеспокоилась и отправилась его навестить на улице Добиньи. Делёз, только что переживший тяжелейший приступ астмы, был прикован к постели. Когда через некоторое время после гибели брата умер отец, Делёз остался один с матерью: «Мы пошли его проведать, и мне это запомнилось так, как будто мы пришли к Марселю Прусту в его комнату с матерью: розовая лампа на столе и Жиль, у которого уже тогда были проблемы с органами дыхания»⁴³. Делёз страстно хочет вырваться из этих тесных рамок. Успех на экзамене дает ему экономическую независимость. От сложных отношений с семьей у него

41. Оливье Рево д'Аллон, интервью с автором.

42. Там же.

43. Оливье Рево д'Аллон, интервью с автором.

сохранилась фобия по отношению к любым блюдам, приготовленным на молоке, поражавшая его друзей: «Мы несколько раз приглашали Жилия на ужин. Он всегда спрашивал у хозяйки дома, нет ли в блюде молока, даже капли, и если ответ был положительным, он не мог его есть»⁴⁴.

Остров Сен-Луи

Вернувшись в 1949 году из Германии, где он в Тюбингенском университете прослушал курс философии, Мишель Турнье решает сдавать экзамен на агрегацию через год после своих товарищей, но не попадет в число избранных счастливицов: у него на всю жизнь сохранится обида на то, что он назовет «гипертрофированным выпускным экзаменом, раздутым, абсурдным, самым бесчестным и гадким институтом в нашем образовании»⁴⁵. По приезде в Париж он селится в *Hôtel de la Paix*, на улице Анжу, 29, на острове Сен-Луи. Именно там он принимает своего друга Жилия Делёза, который в 1950 году решил съехать от матери. Отель прекрасно расположен — в самом сердце Парижа, на берегу Сены, обсаженном тополями, в районе, славящемся галеристами и букинистами. Здесь живут несколько звезд, например писатель Иван Одуар, а также Жорж де Кон (de Caunes), который по вечерам ведет новости на единственном существующем в тот момент телевизионном канале: «Он был известнее Брижит Бардо или де Голля»⁴⁶. Как и его друг, Делёз снимает в этом отеле комнату с ежемесячной платой; он проживет здесь семь лет. В те времена цены были не очень высоки, тем более что отель не считался престижным. Итак, Делёз живет в самом центре Парижа и преподает в лицее Амьена, куда ездит каждую неделю. По его рассказам, на преподавателя философии смотрели снисходительно, принимая его за деревенского сумасшедшего, поэтому он мог позволить себе некоторую эксцентричность: например, когда его одолевает усталость, он играет для своих учеников на музыкальной пиле. Ален Аптекман, большой друг Франсуа Шатле, с которым тот познакомился в Тунисе, куда его назначили преподавателем французского лицея, вспоминает, как несколько раз навещал Делёза в этом маленьком отеле:

44. Оливье Рево д'Аллон, интервью с автором.

45. Michel Tournier, *Le Vent Paraclet*, p. 162.

46. Michel Tournier, «Gilles Deleuze: Avez-vous des questions à poser?», France Culture, émission de Jean Daive, 20 avril 2002.

Я несколько раз бывал у него в комнате, которая особенно пугала меня тем, что в ней не было ни единого сантиметра свободного пространства на стене. У него была целая куча репродукций, припиленных к стене, ставни были полуоткрыты. Это было совершенно замкнутое пространство⁴⁷.

Они с Мишелем Турнье довольно часто встречаются с братьями Ланцман, Жаком и Клодом, Сержем Резвани, Франсуа Шатле, Костасом Акселосом. У них есть на острове любимое бистро с очень философским названием «Монада»: группа друзей чувствуют себя под эгидой Лейбница. Турнье и Делёз, чьи комнаты рядом, также часто ходят ужинать в ресторан *La Tourelle* на улице Отфёй. В эти годы у Делёза завязывается короткий роман с актрисой Эвелин Рей, сестрой Ланцманов. Серж Резвани вспоминает, как она пришла к Монни, отчиму Ланцманов:

Среди нас вдруг появилась худощавая девушка, чей лоб был скрыт длинной темной челкой. Это была Эвелин, сестра Жака... Под копной волос она прятала странное лицо ночной птицы. Маленький крючковатый нос (позднее ей придет фантазия его переделать), очень тонкие, чувственные губы, чуть тяжеловатая челюсть, а главное, сверкнувшие из тени, в которой она пытается их скрыть, огромные глаза цвета голубого бисера, светлые, как залитый солнцем пляж⁴⁸.

В конце 1940-х годов Жиль Делёз продолжает писать. В 1946 году он пишет предисловие к одной книге эзотерического содержания⁴⁹. Автор выступает под псевдонимом, и Делёзу заказали написать предисловие, потому что он вхож в круг Марселя Море: так он может немного заработать. Книга, о которой Делёз пишет, что она «представляет капитальный интерес», ставит целью объединить разрозненные языки науки и философии, чтобы вернуться к картезианскому замыслу построения *mathesis universalis*. В предисловии, которое может показаться совершенно случайным, можно тем не менее уже разглядеть точку зрения Делёза, который будет всегда защищать монизм, основываясь на философии жизни, подчиняющей себе всякое разделение: «Единство, иерархия, выходящая за рамки какой бы то ни было иерархической дуальности, — это и есть жизнь, которая намечает третий порядок, несводимый к двум другим. Жизнь — это единство души как идеи тела и тела как протяжен-

47. Ален Аптекман, интервью с автором.

48. Serge Rezvani, *Le Testament amoureux*, p. 219.

49. Gilles Deleuze, introduction à Docteur Jean Malfatti De Montereaggio, *Études sur la Mathèse*, Paris: éd. du Griffon d'or, 1946.

ности души»⁵⁰, — пишет Делёз, давая определение в чисто спинозистском ключе. Предложенное им прочтение книги позволяет ему проигнорировать мистическую часть и остановиться только на собственной тематике. Он определяет матезис как не научный и не философский, как то, что, нарушая границы, предстает как «знание жизни»⁵¹. В этом предисловии чувствуется влияние Сартра: Делёз утверждает, что «каждое существование находит свою собственную сущность вне себя, в другом»⁵².

В 1947 году Делёз публикует предисловие к важному произведению Дидро «Монахиня»⁵³. Он проявляет живейший интерес к главной героине Сюзанне, воплощающей одновременно и природу, и свободу таким образом, что сам автор, Дидро, оказывается обведенным вокруг пальца канвой собственного романа. Делёз настаивает на конфликте в характере героини, оказавшейся между двумя разными стилями — тем, что был свойственен XVIII веку, отсылающим к природе, красноречию, сентиментальности и выпренности, и свободным стилем, сталкивающим разные сознания в коротких фразах и упрямых отрицаниях.

Этот период конца 1940-х и начала 1950-х годов для Делёза означает прежде всего начало карьеры преподавателя в лицее Амьена, где он будет работать с 1948 по 1952 год. Из-за своего расписания большую часть недели он должен находиться в Амьене, куда приезжает во вторник утром, чтобы вернуться в Париж в пятницу вечером или в субботу утром. Среди его коллег Жан Поперен и Макс Мильнер. Когда Делёз впервые предстает перед учениками в 1948–1949 учебном году, он одет в классическом стиле, даже слишком строго: в провинциальном лицее принято носить белую рубашку и галстук. Но уже тогда он выделяется своей шляпой, которую кладет на бюро, выходя на кафедру — она станет легендарной. Во время урока он курит сигареты одну за другой.

Пробуждать философские призвания

С самого первого года преподавания Делёз, по словам его ученика Мишеля Марье, «фантастически умеет увлекать»⁵⁴. Марье, родившийся в 1931 году в крестьянской семье, не занимается

50. Gilles Deleuze, introduction à Docteur Jean Malfatti De Montereaggio, *Études sur la Mathèse*, p. XI.

51. Ibid., p. XV.

52. Ibid., p. XX.

53. Gilles Deleuze, introduction à Diderot, *La Religieuse*, Paris: éditions Marcel Daubin, 1947.

54. Мишель Марье, интервью с автором.

философией, он готовится сдавать на бакалавра по естественным наукам, но так очарован Делёзом, что это изменит всю его жизнь:

Одним из учителей, который оказал на меня наибольшее влияние, был Жиль Делёз, мой преподаватель философии. Подвижностью и легкостью своей мысли, внешне простой и легкой манерой преподавания, интересом, который он проявлял к разным жизненным явлениям (спорту, одежде, еде, истории техники), этот молодой человек 24 или 25 лет, больше походивший на нашего сверстника, чем на отца, внушал мне доверие. С ним философия перестала быть ненавистной мне суровой дисциплиной. Она стала встречей, слиянием между, с одной стороны, концептуальным аппаратом, культурой, имеющей свой язык, свою технику обучения, свои глоссы и связи, которые изучаются при соприкосновении со многими поколениями мыслителей, а с другой стороны, своего рода тайным импульсом, предрасположенностью духа к обучению, осмыслению самых простых вещей, самых повседневных и фундаментальных элементов существования⁵⁵.

Делёз сразу же находит особый стиль преподавания, он в легком тоне говорит о конкретных проблемах жизни подростков, спорте, флирте, животных, чтобы затем быстро подняться к вершинам рефлексии, опираясь на классических авторов философской традиции. В этот первый год он больше всего рассказывает своим ученикам о Спинозе, но Бергсон тоже занимает в его преподавании важное место. После уроков Мишель Марье часто провожает своего учителя до дома. Делёз настаивает на том, чтобы тот продолжил изучать философию. Но Марье признается, что хочет стать священником-рабочим: «Он отреагировал очень резко, я причинил ему боль. Его мышление было не антиклерикальным, но аклерикальным»⁵⁶. Мишель Марье действительно пойдет по этому пути, два года проработает на заводе, но затем папская булла, осудившая практику священников-рабочих, лишит его выбора. Тогда он с запозданием последует совету Делёза и в 1954 году поступит в Сорбонну, чтобы стать сначала урбанистом, а затем антропологом.

Еще один ученик Делёза в лицее Амьена, Клод Лемуан, станет позднее директором телеканала FR3. Он вспоминает, как Делёз преподавал ему философию в 1951–1952 учебном году, сыгравшем решающую роль в его карьере: «Он сразу же

55. Michel Marié, *Les Terres et les Mots. Une traversée des sciences sociales*, Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989, p. 82.

56. Ibid.

передал нам потребность в философии»⁵⁷. Судьба Лемуана, сына адвоката из провинциальной буржуазии, была предрешена заранее: он примет отцовскую практику, как только отец уйдет на покой. «Делёз сказал мне: „Этого нельзя допустить!“»⁵⁸ Он просит Лемуана устроить ему встречу с отцом, тот нехотя соглашается встретиться и в итоге дает себя уговорить: его сын будет учиться философии в Париже. Клод Лемуан получит 19 баллов по философии на экзамене на бакалавра, и Делёз пошлет ему поздравления по пневмопочте. Это исключительное внимание к судьбе учеников, проявивших интерес и способности к философии, не ограничивается временем учебы. Переехав в Париж, Клод Лемуан чувствует себя несколько потерянным. Делёз предлагает ему поселиться у его матери на улице Добиньи, если у того нет другого пристанища. Лемуан поступает в подготовительный класс в лицей Людовика Великого и изучает философию в Сорбонне. Не желая становиться преподавателем, к большому неудовольствию своего учителя, он уходит в журналистику, вступив в Генеральное общество прессы. Однако, чтобы отметить ту важную роль, которую сыграл для него Делёз и философия, Лемуан и его жена в знак любви и признательности назовут своего старшего сына Жилем, а дочь — Софией, что вместе дает «Жильсофию».

В 1952 году Делёз назначен в лицей Орлеана, где будет преподавать до 1955 года. Свой подготовительный курс он обычно начинал с какой-нибудь байки, которой придавал правдоподобный вид. В поезде из Парижа с ним всегда приключались истории, а больше всего происшествий бывало в шаттле, курсировавшем между Орлеанским вокзалом и вокзалом Обре (поездка длилась меньше десяти минут), он быстро стал средоточием злоключений вроде того, которое пересказал его ученик Ален Роже:

У меня украли чемодан. Перепутали. Ужасная путаница в шаттле в Обре. Я открываю свой чемодан в отеле, и что же я вижу? Colgate, Palmolive и все такое. Коммерческий представитель. Я его помню, он очень торопился, такой полноватый мужчина. Скорее всего бельгиец. Все они такие огромные, живут в маленьких домиках. И как, по-вашему, я буду вести занятия с зубными пастами и гелями для бритья? А с другой стороны, представьте себе, как этот толстый господин открывает чемодан перед клиентами. Что он им покажет? «Критику чистого разума» и мой

57. Клод Лемуан, интервью с автором.

58. Там же.

курс о трансцендентальном. Такое не продашь. Он потеряет свой хлеб, мне от этого очень больно. Но все же я попытаюсь провести занятие⁵⁹.

После этой преамбулы занятия могут начинаться. Делёз достает из кармана листы бумаги, очень медленно их разворачивает и потом все время держит в руке, ни разу в них не заглянув. Он создает впечатление импровизации, но известно (мы к этому еще вернемся), как тщательно он готовился к занятиям. Создавая иллюзию того, что он находится на одном уровне со слушателями, что он не готов и что его застали врасплох, Делёз делает вид, что вопросы, которые он громко повторяет, приводят его в замешательство: «Трансцендентальное. Что это такое? Кант хорошо сказал, что это условие возможности. Но зачем называть его трансцендентальным? Даже не знаю, представления не имею». Однако тема постепенно проясняется, вырисовываются контуры проблемы, внутренние связи: «Он действовал путем повторения под разными углами, производил что-то вроде спирального бурения»⁶⁰. Как и в Амьене, на курсе в Орлеане Делёз больше всего говорит о Спинозе: «Он три или четыре месяца комментировал начало „Этики“»⁶¹. Но кроме этого, уже тогда он отводит не последнее место психоанализу и даже Лакану, прочтя курс «Противоположность Лагаш/Лакан».

В последний год преподавания Делёза в Орлеане Ален Роже учился в предподготовительном классе и жил в интернате. Делёз преподает сразу в трех классах — один урок в выпускном, один в предподготовительном и два урока в подготовительном. В предподготовительный класс в основном ходят девочки, хорошие ученицы, по большей части не собирающиеся поступать в Высшую нормальную школу, но посещающие его ради подготовки к университету. Обаяние Делёза сыграет решающую роль в судьбе Алена Роже. В конце ноября 1954 года Роже очень подавлен. Он записался в предподготовительный класс по настоянию родителей — он получит допуск по философии на общий конкурс. Но он прошел ряд очень неудачных аттестаций, и в довершение ко всему его учитель латинского поставил ему плохую оценку — 7 из 20! Эта ситуация укрепила Роже в мысли, что ему здесь нечего делать, что его родители ошиблись. Его страсть — велосипеды, их-то он и сделает своим ремеслом. Его верный гоночный велосипед марки *Stella* только и ждет его

59. Alain Roger, «Gilles Deleuze et l'amitié», dans Yannick Beaubatie (sous la dir.), *Tombeau de Gilles Deleuze*, Mille Sources, Tulle, 2000, p. 36.

60. Ален Роже, интервью с автором.

61. Там же.

в родительском доме в Бурже, и он решает покинуть замкнутый мирок школы, чтобы с ветерком пронестись по дорогам Берри и записаться в местный клуб профессиональных велосипедистов. Ален Роже, родившийся в 1936 году, считает своим кумиром Луизона Бобе и мечтает об одном: выиграть этап «Тур де Франс», оторвавшись от Фаусто Коппи в Турмале: «Мечта, которую я так и не осуществил из-за Делёза»⁶².

Вот в таком состоянии духа, в полной прострации, он присутствует на последнем уроке в конце недели. Он отложил ручку и смотрит в пустоту, в голове у него один велосипед. Это не ускользнуло от внимания Делёза, который, заметив, как его ученик быстро убегает после занятий в 11 часов, догнал его в коридоре и спросил, что случилось. Ален Роже объяснил ему причины своей подавленности, и Делёз попытался поднять ему настроение: «Но у меня же ваши оценки лучше?» Он получил 11 по философии: «Тогда, — ответил ему Делёз, — $11 + (-7)$, это сколько будет? Это будет 4. Так уже лучше». Ален Роже объясняет, что собирается стать профессиональным велосипедистом. Тогда Делёз решительно ведет его в библиотеку лица, Роже идет за ним, немного смущенный, не решаясь возразить. Делёз снимает с полки три книги: «Беседы» Эпиктета, «Этику» Спинозы и «Генеалогию морали» Ницше, выбирает по несколько глав из каждой и просит своего ученика подготовить их изложение к следующему вторнику: «Вы будете искать центр тяжести в этом треугольнике, точку пересечения трех медиан, это легко». Линия ускользания отрезана, уикенд у родителей испорчен. Ален Роже вынужден остаться, чтобы скрепя сердце готовить изложение: с Делёзом не спорят. Погружение в эти три текста полностью его преобразует, позднее с 1967 по 2004 год он будет профессором философии в университете Блеза Паскаля в Клермон-Ферране. Он задается вопросом: «Как Делёз мог предвидеть, что в течение полувека три этих имени будут моими любимыми авторами?»⁶³ Этот этический треугольник, который Роже будет излагать больше часа, станет матрицей для нового призвания.

Целый год Ален Роже будет загружен заданиями. Он будет безвылазно сидеть в интернате, чтобы не обмануть доверия того, кто стал для него не просто профессором, но духовным учителем. Делёз берет над ним шефство и составляет для него программу чтения на четыре года, выполнение которой он постоянно проверяет: «Ну что, как продвигается „Софист“?», «И как вам теория чистого восприятия у Бергсона?» Терапия

62. Ален Роже, интервью с автором.

63. Там же.

работает, и юноша, собиравшийся стать велосипедистом и получивший 9 баллов из 20 по философии в начале года, доходит до 16 из 20 в начале летних каникул. Его первая работа, получившая скромные 9 баллов, написана на тему: «Что такое желание?», и общая оценка показывает стремление его учителя пободить ученика от влияния Сартра:

Определенный философский уровень налицо. Подаете надежды, но, чтобы их оправдать, нужно отказаться от Сартра, по крайней мере на год. Вы потом к нему вернетесь и иначе. Необходимо читать Платона, Канта и понимать Сартра, отталкиваясь от них, а не наоборот. Иначе вы окажетесь в тупике, не сможете развиваться. В какой-то мере это способ начать с нуля. Дело не в том, что у вас нет наработок, но в том, что только при таком условии ваши наработки в философии приобретут смысл и будут развиваться⁶⁴.

Учитель и ученик вместе уезжают из Орлеана. В 1955 году Делёз перевели в Париж в лицей Людовика Великого, в котором он будет преподавать до 1957 года. Что касается Алена Роже, он поступает в подготовительный класс неподалеку, в лицей Генриха IV. Их отношения становятся дружескими. Зная, что его ученик в Париже бедствует, что у него нет денег, Делёз часто приглашает его в ресторан, но, поскольку у него самого в середине 1950-х денег немного, говорит: «Пойдем съедем яичницу»⁶⁵. В 1965 году поддержка Делёза снова сыграла важную роль в судьбе Алена Роже — когда тот заболевает: «Зимой 1956 года я заболел плевритом, который на долгие недели приковал меня к стационару лицея, где, несмотря ни на что, я пытался работать. Жиль приходил меня навестить, и не знаю, сумел ли бы я без него выстоять перед напором невзгод»⁶⁶.

В 1955–1956 учебном году в предподготовительном классе у Делёза учится будущий главный редактор журнала *Positif* Мишель Симан, а также Франсуа Реньо, будущий философ-альтюссериец. Симан несколько раз напишет в своем дневнике: «Какой необыкновенный курс!» Он не понимает своих товарищей, обеспокоенных тем, что они не готовятся к экзамену в более классической манере. Однако Делёз никогда не сталкивался с фрондой: «Его все обожали»⁶⁷. В это время он читал

64. Жиль Делёз, замечания к квалификационной работе Алена Роже от 26 октября 1954 года, сообщены Аленом Роже.

65. Алэн Роже, интервью с автором.

66. Alain Roger, «Gilles Deleuze et l'amitié», dans Yannick Beaubatie (sous la dir.), *Tombeau de Gilles Deleuze*, p. 40.

67. Франсуа Реньо, интервью с автором.

курс о проблеме основания: «Что значит основывать?», в котором, в частности, опирался на Хайдеггера и Лейбница, особенно сложные предметы для учащихся, которые только что закончили бакалавриат, и эта тема заставила его обратиться к греческой античности: «Он заставил нас прочитать книгу, которая очень на меня повлияла. „О тирании“ Ксенофонта, вышедшую в издательстве *Gallimard* с предисловием Кожева и с перепиской Кожева с Лео Штраусом»⁶⁸. Он также посвящает курс комментарию к «Федону» Платона.

Еще одна странность, вызывающая недоумение учащихся подготовительного класса: Делёз много говорит о литературе, о Прусте, Руссо, а также о Клоделе, «Атласный башмачок» которого входит в программу по литературе. Он комментирует «Протея» Клоделя, находя эту пьесу прекрасной. Он вспоминает также Амброза Бирса, его рассказы об ужасах и, в частности, новеллу «Собачий жир», и, игнорируя барьеры между литературными жанрами, настоятельно советует своим ученикам прочесть детективы из «Черной серии» издательства *Gallimard*. Позднее Делёз напишет, что «философская книга должна быть особым видом детективного романа»⁶⁹. Помимо литературы, Делёз также увлекается кино и комментирует некоторые фильмы из текущего репертуара. В частности, его явно привлекают фильмы о монстрах, и он зовет учеников их смотреть. Делёз приглашает Мишеля Симана, уже заразившегося синефилией и бегающего из лица Людовика Великого в Сinemатеку на улицу Ульм, на обед в *Balkar*: «Мне было 18 лет, я ходил на ретроспективы Китона, Бергмана, Штрогейма. Мы разговаривали о кино. Он уже тогда был синефилом и очень любил Джерри Льюиса. Еще он очень любил Штрогейма»⁷⁰. В всем этом ощущается желание Делёза разрушить границы между вкусами и знаниями. Он уже тогда говорит о животных: его особенно привлекают носороги. Что касается музыки, то он одинаково любит и Эдит Пиаф, и Моцарта, «говоря, что мы имеем право считать прекрасным и это тоже»⁷¹.

Делёз обладает своего рода естественным авторитетом, не ведется на провокации и потому никогда не выходит из себя. Однажды один ученик крикнул ему «Педик!» из-за длинных ногтей и манерного тона, и он ответил как ни в чем не бывало: «Да, ну и что?» Другой ученик, марксист-«сталинист» по фамилии

68. Мишель Симан, интервью с автором.

69. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 10.

70. Мишель Симан, интервью с автором.

71. Франсуа Реньо, интервью с автором.

Фюссман, написал в своей работе по философии, что «профессор философии — прислужник буржуазии, живущий на содержании у капитализма». Делёз вернул ему работу, прочел этот отрывок в классе вслух и прокомментировал: «Сначала я покраснел. Затем побледнел...» Его ученик Франсуа Реньо пришел в восторг, почувствовав, как это было смешно. Чтобы разрядить обстановку, Делёз играл с классом в «изысканный труп». Каждый записывает слово на бумажке, складывает ее и отдает соседу, а Делёз записывает на доске получившееся стихотворение: «Красноватое. Она насладились большой мухой...»: «Мы были еще школьниками, Делёз комментировал стихотворение на доске, и мы были поражены его комментарием. В то же время это освобождало от необходимости знать, что хотел сказать автор»⁷². В вопросах сексуальности, которая тогда была табуирована, Делёз проявляет явную смелость. В его курсах постоянно фигурируют Фрейд и психоанализ — редчайший факт для 1955 года. Говоря об отношениях мужчины и женщины, он упоминает о желании «найти сексуального партнера», что очень далеко от сентиментальной идеи великой любви. Что касается гомосексуальности в Древней Греции, то, в отличие от комментариев к Платону в Сорбонне, избегавших этого вопроса, «Делёз в тот момент говорил: „Не надо смущаться. Греческий гомосексуал не имеет ничего общего с тем, о чем вы думаете. В древнегреческом мире это было совершенно нормально. В этом его отличие от мира Пруста, в котором гомосексуальность скрывают“». В те времена никто не решался такое сказать»⁷³.

В 1956 году в личной жизни Делёза наступает поворотный момент. Через Мишеля Турнье он знакомится с галеристом Карлом Флинкером, а через него — с некой Фанни Гранжуан, работающей у модельера Пьера Бальмена. В августе 1956 года она становится его женой. Венчание проходило в базилике в Сен-Леонар-де-Нобла, где находится фамильное имение его молодой супруги: он полюбит работать здесь, в самом центре Лимузена, в родном городе Пулидора. Делёз написал записку своему научному руководителю Морису де Гандийяку: «Это был чудесный праздник. Брак — прекрасное состояние, пришло время и мне об этом узнать. Под строгим взглядом Фанни Бальмен пошел вразнос. Мадам Алкье поддерживала нас в этом испытании самым замечательным образом»⁷⁴.

72. Там же.

73. Там же.

74. Жиль Делёз, письмо Морису де Гандийяку, цит. по: Maurice De Gandillac, *Le Siècle traversé. Souvenirs de neuf décennies*, Paris: Albin Michel, 1998, p. 357.

Пожив некоторое время в Шампинье в довольно мрачной муниципальной квартире, Делёз с женой селятся в 15-м округе Парижа, на улице Морийон, где много лавок старьевщиков, возле бойни — в маленькой квартирке, обставленной семьей Гранжуан. В 1956 году Делёз часто навещает своего научного руководителя Мориса де Гандийяка и не ограничивается разговорами на философские темы. Он — предмет обожания двух дочерей Гандийяка, которым он рассказывает о странных приключениях некоего месье «Крестина», который, по его словам, был его соседом в отеле на набережной Анжу. Юмор уже тогда был одной из отличительных черт Делёза, скорее всего, способом скрывать свои физические и психические страдания.

Глава 6

Искусство портрета

ДЕЛЁЗ не раз объяснял свой способ работы и свой путь. Он начал собственную философскую работу с монографий о других авторах. Его творчество принято разделять на два периода: период классических публикаций об авторах, образующих традицию — Юме, Бергсоне, Ницше, Спинозе, — и его самостоятельное творчество, более позднее. Делёз сам предложил такую интерпретацию в «Алфавите», когда сравнил акт философствования с живописью. Как и Ван Гог, начинавший с портретов, чтобы затем взяться за пейзажи, философ должен сначала поставить перед собой задачу вернуть уникальность мыслителям, которые ему предшествовали, чтобы, насытившись и вооружившись мыслью других, погрузиться в личное творчество. Прежде чем стать таким колористом, как Ван Гог или Гоген, философ должен пройти через «бурый цвет, неброские цвета земли»¹. И дальше Делёз говорит, предостерегая тех, кто хотел бы обойтись без предварительной стадии: «Требуется именно такая работа по истории философии, эта медлительная скромность. Нужно долго писать портреты»².

Между тем схема с мирным переходом от первого этапа ко второму оспаривалась самим Делёзом, когда в 1973 он не скупился на грубые слова в адрес истории философии: «Я принадлежу к поколению, к одному из последних поколений, которое в той или иной мере было убито историей философии. [...] Многие с этим так и не справились»³.

Как решить этот парадокс, тем более что его слова, одни — сказанные в 1973 году, другие — в 1988 году, и в том и другом случае сказаны после того, как он освободился от истории философии? Можно считать, что, чтобы разрешить это противоречие,

1. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

2. *Ibid.*

3. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 16. Перевод изменен. — Прим. пер.

Делёз пошел в услужение к истории философии, но при этом заложил настоящие мины под пьедестал каждого из властителей дум:

Я избавился от комплекса, как я полагаю, тем, что истолковал историю философии как своего рода содомию (*enculage*) или, что то же самое, непорочное зачатие. Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что зачинаю с ним ребенка, который и его ребенок, и вместе с тем монстр⁴.

Это отношение вызывает сомнения у специалистов по авторам, которых оплодотворил или породил Делёз, и даже у целого ряда близких ему людей: по их словам, они даже не знают, что об этом думать. С точки зрения тех, кто считает, что Делёз предает авторов, о которых пишет монографии, он работал под прикрытием истории философии вплоть до обнаружения своей собственной философской системы в 1969 году, когда он в один год публикует «Различие и повторение» и «Логiku смысла». Однако, скорее всего, Делёз доводит до кульминации то, что считает лучшим и наиболее аутентичным в мысли авторов, рупором которых он становится, при помощи подхода, очень близко следующего за внутренней логикой их мысли, подхода в духе Марциала Геру, строгостью которого он так восхищался. В то же время он всегда располагается на некотором отдалении, что позволяет ему дать этим авторам особое освещение. Возникающее напряжение приводит к тому, что традиция обновляется, оживает, преобразуется.

На первом этапе, до 1969 года, Делёзом движет желание отдать должное оригинальности каждого автора, выяснить, какие проблемы он пытался решить. Переплетение, внутри которого он развивается, делает из него философа, который одновременно практикует искусство различения, жаждет создавать нечто свое и хочет порвать с готовой мыслью. В то же время Делёз вписывается в русло французской традиции, которая обязана своей оригинальностью тому, что каждая ее интерпретация уникальна и осуществляется в модусе вмешательства «скорее проблематизирующего, чем доксографического, скорее концептуального, чем эрудированного»⁵. Многие, включая его собственных друзей, называли его «денди», не из-за шляпы или длинных ногтей, но из-за его способности расходиться со своим временем и развивать несвоевременные мысли:

4. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 17. Перевод изменен. — Прим. пер.

5. Thomas Bénatouil, «L'histoire de la philosophie: de l'art du portrait au collage», *Le Magazine littéraire*, février 2002, p. 36.

Оригинальность Делёза в том, что он очень рано порвал со всеми современными тенденциями, будоражившими нас, студентов: в первую очередь с марксизмом и феноменологией. Он шел против течения. Как истинный денди — в интеллектуальном плане в той же мере, что и в одежде и в манерах, — что было признано всеми⁶.

Он твердо уверен в том, что возродить Юма в интеллектуальной атмосфере 1950-х годов, где господствовали Гегель, Гуссерль, Хайдеггер, — значит демонстрировать искусство контрапункта. Следующим рецидивом станет то, что в 1961 году он выступит со своей знаменитой интерпретацией Захер-Мазоха в самый разгар моды на... де Сада.

При более внимательном рассмотрении можно также утверждать, вслед за Джузеппе Бьянко, что Делёз в основном обращался к философам, о которых рассказывали его собственные профессора. Так, в Страсбургском университете Жан Ипполит посвятил свой курс 1946–1947 года Юму, курс 1947–1948 — Канту, а 1948–1949 — Бергсону. В 1949–1950 году Ипполит пишет о Бергсоне четыре статьи, особенность которых в том, что он затушевывает психологический аспект его творчества, чтобы вывести на первый план его онтологический характер⁷. Фердинан Алкье, научный руководитель его второй диссертации о Спинозе, в 1958–1959 году прочитал два курса о Спинозе.

Что касается Жана Валь, то, скорее всего, именно он, открытый веяниям англо-саксонской философии и ее главный проводник во Франции, убедил Делёза извлечь Юма на свет. Помимо этого, Валь читает в 1958–1959 и в 1960–1961 годах два курса о Ницше⁸. Жан Валь, ученик Бергсона, сыграл ключевую роль в его реабилитации, посвятил ему свою диссертацию, ввел в университетскую программу, прочитав о нем несколько курсов. Таким образом, Жан Валь, приобщивший Делёза одновременно к Юму, англо-саксонской литературе и Бергсону, сыграл важную роль в его формировании. Это подтверждает одно письмо, которое Делёз напишет гораздо позднее, в 1972 году:

6. René Schérer, *Regards sur Deleuze*, Paris: Kimé, 1998, p. 12.

7. Jean Hyppolite, *Figures de la pensée philosophique*, Paris: PUF, 1991, tome 1, «Du bergsonisme à l'existentialisme» (1949), p. 443–459; «Vie et philosophie de l'histoire chez Bergson» (1949), p. 459–467; «Aspects divers de la mémoire chez Bergson» (1949), p. 468–488; «Vie et existence d'après Bergson» (1950), p. 488–498.

8. Giuseppe Bianco, «Trous et mouvement: sur le dandysme deleuzien. Les cours de la Sorbonne 1957–1960»/Stéphane Leclercq (éd.), *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze*, Mons: Sils Maria, 2005, p. 93.

Вы спрашиваете меня, можете ли вы использовать мое мнение о Жане Вале в книге, которую пишете. Да, конечно. Я безмерно им восхищаюсь. Значение Валя для моего поколения заключалось в следующем. 1. Он познакомил нас с целым рядом философов, оживил их, ввел в оборот во Франции, будь то Кьеркегор или Уайтхед. Поразительно, как книги Валя воздействуют на все, что было сделано *после*. Он решительно встряхнул французскую философию. 2. Своим тоном, юмором, своеобразной иронией и в особенности стилем он разрушил стену между философией и поэзией в гораздо большей степени, чем Башляр, который остается на уровне комментирования поэзии или грез, становящихся ее продолжением. Жан Валь стал философом-поэтом, несводимым к философии. 3. Его собственная мысль и ее актуальность: именно он возглавил наступление на диалектику, когда Гегель еще господствовал в университете. Это он заставил по достоинству оценить значение построения, основанного на «И». Это он был философом интенсивностей и даже критики тотальности. Во всем, что было важного до и после войны, можно найти следы Жана Валя⁹.

Возвращение к Юму

В 1952 году Делёзу представился случай опубликовать свою первую книгу в серии введений в философию, построенных по образцу «Жизнь и творчество», которую курировал его друг Андре Крессон, преподаватель подготовительного класса. Делёз, увлекавшийся эмпирицистским прочтением Декарта, которое предложил Жан Лапорт, и его большой статьей о Юме 1933 года, вместе с Крессоном пишет введение в Юма¹⁰. Центром учения Юма авторы считают принцип причинности и его размышления о вероятностях: «Он констатирует, что у вероятности есть правила, что одни пропозиции более вероятны, чем другие»¹¹. Если абсолютен недоступен, порядок вероятностей тем не менее позволяет продвинуться в познании на несколько шагов.

В то же самое время Делёз готовит к публикации свою диссертацию по Юму, которую он писал по под двойным научным руководством — Ипполита и Кангилема. Не умея печатать на пишущей машинке, он воспользовался помощью своего соседа по *Hôtel de la Paix* Мишеля Турнье, ставшего его «ударной

9. Жиль Делёз, письмо от 17 июля 1972 года, фонд Жана Валя, IMEC, см.: Giuseppe Bianco, «Philosophies du E.T. Que se passe-t-il entre (Jean Wahl et Deleuze)?», à l'occasion d'une Journée Jean Wahl, organisée par Frédéric Worms et Giuseppe Bianco, 16 avril 2005, ENS.

10. André Cresson, Gilles Deleuze, *David Hume, sa vie, son œuvre*, Paris: PUF, 1952.

11. Ibid., p. 41.

силой»: «Он без конца приставал ко мне: то ему надо было переводить страницы немецких книг, то перепечатывать его рукописи»¹². В результате автор не узнает свой текст. В напечатанном виде он кажется ему подозрительно куцым и как будто несколько сокращенным. Это подозрение подтверждается посвящением, которое он написал на экземпляре, подаренном Турнье: «Мишелю: книга, которую он печатал, а также критиковал, жестоко высмеивал, а возможно даже сократил, потому что я уверен, что она была толще, но которая также в некоторой степени и его книга, потому что я очень многим (но не Юмом) обязан ему в философии».

В 1953 году эта книга выходит под заглавием «Эмпиризм и субъективность». Делёз посвятил ее своему бывшему преподавателю Жану Ипполиту, основателю и руководителю серии «Эпиметей», в которой выходит издание¹³. Это совершенно «несвоевременная» книга: Гегель, который входит в программу агрегации в 1946 году, резко критиковал эмпиризм, также ставший объектом суровой критики со стороны Гуссерля. Это исследование послужило важным источником критических выпадов Жана Валя против гегельянства.

Уже в представлении тезисов Юма можно почувствовать своеобразие делезовского подхода, состоящего в том, чтобы поставить на первое место проблемы, которые пытается решить автор, то есть сформулировать хороший вопрос: «На самом деле, философская теория — это тщательно разработанный вопрос и ничего больше: сама по себе и в себе философская теория состоит не в решении проблемы, а в разработке — *до самого конца* — того, что необходимым образом подразумевается в формулируемом вопросе»¹⁴. Здесь уже заметно то, что в дальнейшем станет методической линией каждого выступления Делёза, который так определяет, что такое полезная философская книга, в более позднем письме (1986), адресованном Арно Виллани:

Я полагаю, что книгу, если она заслуживает права на существование, можно представить в трех ипостасях. Достойную книгу пишут: 1) если считают, что книги по данной или близкой теме глобально *заблуждаются* (полемическая функция книги); 2) если думают, что было упущено нечто важное из этой темы (функция придумывания); 3) если полагают, что могут создать новый концепт (творческая функция). Конечно, это количественный мини-

12. Michel Tournier, «Gilles Deleuze», *Critique*, № 591–592, août-sept. 1996, p. 699.

13. Жиль Делёз, «Эмпиризм и субъективность», *Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза*, Москва: ПЕР СЭ, 2001.

14. Там же, с. 112.

мум: ошибка, упущение, концепт. Исходя из этого, я мог бы взять каждую из моих книг и, отбросив ложную скромность, спросить себя: 1) с какой ошибкой она собиралась бороться; 2) какое упущение хотела восполнить; 3) какую новую концепцию создать¹⁵.

Если применить его собственные критерии оценки, можно сказать, что книга об эмпиризме Юма оправдана по нескольким причинам. Ошибка, которую совершает философская традиция и на которую обрушивается Делёз, состояла в том, чтобы рассматривать субъекта как естественную данность и не различать толком атомизм и ассоцианизм. Лакуна, которую он собирался заполнить, — важное понятие конструирования, учреждения. Новизна же «состояла в возможности науки о человеческой природе, которая бы заменила психологию души психологией аффектов души»¹⁶.

В случае Юма вопрос стоит так: «Как душа становится человеческой природой?»¹⁷ И Делёз восстанавливает оригинальный ответ Юма. Оригинальность связана с утверждением, что дух не предшествует своим содержаниям, что он полностью обязан опыту. Из первого вопроса вытекает второй, более важный, который сразу ставится: «Как же душа становится субъектом?»¹⁸ Согласно Делёзу, Юм позволяет сместить классический вопрос, который все объясняет через субъекта, поскольку философ должен прежде всего поставить перед собой задачу прояснения функционирования самого субъекта.

Делёз определяет Юма как мыслителя практики, моралиста, политического философа, историка. И что же тогда лежит в основании морали, согласно Юму? «Симпатия»¹⁹. Этот аффективный порыв несет в себе пристрастность, которую нужно принять: «Одна из наиболее простых, но наиважнейших идей Юма такова: человек не столько эгоистичен, сколько пристрастен»²⁰. К тому же Юм представляет нам субъекта, никогда не данного, но всегда конструируемого. Он перестает быть источником объяснений и становится тем, что само требует объяснения. «Философия Юма — это всегда теория практики»²¹. Разум вращается на орбите страсти и потому остается заложником контингент-

15. Жиль Делёз, письмо Арно Виллани от 29.12.1986, цит. по: Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, Paris: Belin, 1999, p. 56.

16. Arnaud Villani, «Une généalogie de la philosophie deleuzienne: Empirisme et subjectivité», *Concepts*, «Gilles Deleuze I», janvier 2002, Mons: Sils Maria, p. 108.

17. Жиль Делёз, «Эмпиризм и субъективность», с. 8.

18. Там же, с. 9.

19. Там же, с. 27.

20. Там же, с. 28.

21. Manola Antonoli, *Deleuze et l'histoire de la philosophie*, Paris: Kimé, 1999, p. 30.

ности, многообразия ситуаций, фундаментально изменчивых в разные моменты. Юм настаивает на встраивании индивида в социальный порядок, так чтобы он всегда был укоренен в чувстве принадлежности, источнике его страсти: «Делёз видит суть эмпиризма в проблеме субъективности, и то, что создает субъекта у Юма, — это его способность *верить* и *изобретать*: вера оказывается в основании субъекта, изобретение — в основе субъекта морали и политики»²².

Юм еще отделяет себя от слишком формалистских, слишком абстрактных теорий общественного договора вроде теории Руссо. Следует не столько обуздать эгоистические страсти, сколько расширить солидарность: «Моральная и социальная проблема состоит в том, как перейти от взаимоисключающих реальных симпатий к реальному целому, которое бы включало в себя сами эти симпатии»²³. Отсюда возникает теория института, характерная для Юма, который стремится подчинить закон правилу: «Основная идея такова: сущность общества состоит не в законе, а в институте»²⁴. Таким образом, философия Юма подразумевает новую концепцию права и новое определение призвания науки о человеке, более открытой для психологических и социальных аспектов.

Это переопределение философии права особенно интересует Делёза. Тематику права в его тесной связи с социальным, права как кодификации юриспруденции, он будет постоянно развивать и вернется к ней в 1988 году в «Алфавите». Для него право является не каноническим ограничением, отрезанным от социума, а непрерывным процессом изобретения: «В этом смысле концепция общества, создаваемая Юмом, весьма сильна. Он предлагает нам критику общественного договора, которую приняли бы не только утилитаристы, но и большинство правоведов, которые выступают против естественного права»²⁵. На вопрос Доминика Сеглара, почему он посвятил свою магистерскую диссертацию Юму, Делёз ответил: «Из-за права. Моим истинным призванием было право, философия и право»²⁶. В то время его поддержал юрист Морис Орю, для которого институты превалируют над договором. Эта отсылка была для Делёза очень важна и позволяла вписаться в критическую традицию республиканистской мысли, стремившейся ограни-

22. Ibid., p. 31.

23. «Эмпиризм и субъективность», с. 31.

24. Там же, с. 38.

25. Там же, с. 37–38. Перевод изменен. — Прим. пер.

26. Слова Жилия Делёза, переданные Домиником Сегларом, интервью с автором.

чить принцип суверенитета. Делёз добавляет: «Я искал своего человека на подготовительном отделении. Алкье — это Декарт, а Ипполит — Гегель. А я ненавидел Декарта и Гегеля»²⁷.

В том же году, когда вышла его монография о Юме, Делёз публикует в небольшой серии, которую ведет Кангилем, сборник из 66 избранных и представленных им текстов на тему «Инстинкты и институты»²⁸. В нем Делёз выражает весь тот интерес, которым в его глазах наделен институциональный аспект, возникающий, по его мнению, как и инстинкт, из одного и того же принципа удовлетворения: «То, что в институте тенденция находит удовлетворение, сомнения не вызывает: в браке — сексуальность, в собственности — алчность»²⁹. В этой презентации Делёз возвращается к различию между законом и институтом и опирается на концепцию, которую защищает Юм, — концепцию позитивности, представленной институтом, укорененным в социальном, в отличие от теории естественно-го права, которая выводит регулирующую позитивность за пределы социального, редуцируя право к его негативному и ограничительному аспекту: «Тирания — режим, при котором много законов и мало институтов, демократия — при котором много институтов, но очень мало законов»³⁰. Еще до закона институт навязывает и телу индивида, и социальному телу те модели, исходя из которых может разворачиваться действие и которые наводят Юма на мысль, что «у человека нет инстинктов, он создает институты»³¹. Делёз приписывает Юму идею о том, что споры о человеческой природе связаны с различиями между институтами и инстинктами. Ничто в человеке не зависит от какого бы то ни было естества, все сконструировано, выработано. Человек не рождается субъектом, он им становится.

Таким образом, человек подталкивается к своему будущему, к своей особой вписанности в практику. Даже привычка и повторение участвуют в этом процессе производства. Субъект, субъективность всегда располагаются на полюсе креативности: «Короче, верить и изобретать — вот что делает субъекта субъектом»³². В том, что касается метода, Делёз ценит Юма за то, что тот различает трансцендентальную критику, исходящую из убежденности в существовании сущностей, и собствен-

27. Слова Жили Делёза, переданные Домиником Сегларом, интервью с автором.

28. *Instincts et institutions*, textes choisis et présentés par G. Deleuze, Paris: Classiques Hachette, 1953.

29. Gilles Deleuze, *ibid.*, p. VIII.

30. *Ibid.*, p. IX.

31. *Ibid.*, p. XI.

32. «Эмпиризм и субъективность», с. 86.

ный подход, идущий от имманентной точки зрения. Делёз будет непрестанно следовать за Юмом, учившим всегда оставаться на плане имманентности.

Чем же тогда становится субъект? Прежде всего длительностью, привычкой: «Привычка — определяющий корень субъекта»³³. Одно из важнейших правил практики заключается во временной конденсации, образуемой конвенциями, социальными обычаями. Отношения всегда рассматриваются Юмом как внешние для их терминов. Что же касается ассоциации идей, то она проясняет только тонкую пленку сознания, привычек мысли, соображений здравого смысла, доксы, но не дает объяснения различиям; оно возможно только через обращение к обстоятельствам: «Понятие „обстоятельства“ постоянно появляется в философии Юма, в центре истории. Именно оно делает возможным науку об особенном, дифференциальную психологию»³⁴. В центре юмовского эмпиризма Делёз находит принцип, которому посвятит свою диссертацию, принцип различия: «Итак, опыт — это последовательность или движение отдельных друг от друга идей постольку, поскольку они различаются, а различаются они постольку, поскольку они отделимы»³⁵. Отсюда берет начало его диссертация: она исходит из твердого желания помыслить различие как таковое и опирается на наброски его монографии о Юме³⁶.

Эмпиризм Юма несет в себе философию практики, субъекта, включенного в практику, неотделимого от данности обстоятельств. Именно обстоятельства влияют на человеческие страсти и позволяют восстановить сингулярность в разных областях экономики, права и морали. Делёз считает, что Юма несправедливо обвиняют в распылении, атомизации данности. Его атомизм, так же как и его ассоцианизм, — коррелят его понимания субъекта как конституирующего себя в данности.

Делёз еще вернется к своему прочтению Юма в 1972 году, работая над статьей для «Истории философии» под редакцией его друга Франсуа Шатле³⁷. Он будет по-прежнему настаивать на оригинальности эмпирического демарша Юма, который напоминает «мир научной фантастики»³⁸, даже если исследование, на которое опирается этот демарш, направлено на об-

33. Там же, с. 96.

34. Там же, с. 108. Перевод изменен. — Прим. пер.

35. Там же, с. 89.

36. Жиль Делёз, *Различие и повторение*.

37. François Châtelet, *Histoire de la philosophie*, tome IV: Les Lumières, Paris: Hachette, 1972, p. 65–78; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes*, p. 226–237.

38. Ibid., p. 226.

ласть практики, а значит повседневности. Заслуга Юма в том, что он сумел помыслить экстериорность отношений к их терминам и тем самым порвал с суждением атрибуции. Когда читаешь эту характеристику Юма, данную в 1972 году, возникает вопрос: а не определяет ли здесь Делёз свои собственные философские амбиции? Не подкрался ли он, говоря его собственными словами, к Юму сзади, чтобы зачать с ним ребенка? В любом случае делезовский Юм — совместное дитя философской системы, созданной в XVIII веке, и обновляющих вопросов, сформулированных в XX веке. Таким образом, можно считать, что проблематика Юма в формулировке Делёза «чужда словарю исторического Юма»³⁹. Вклад Делёза заключался в том, что он взял разбросанные по разным произведениям Юма идеи и собрал их в единое, систематическое целое, поставив перед собой задачу показать, что образование субъекта совершается исходя из данности опыта.

Эмпиризм Делёза не ограничивается Юмом, от него он получает лишь первоначальный импульс, чтобы затем радикализировать критику субъекта. Арно Виллани видит в этом попытку стереть различие эмпиризмом и метафизикой: «Отсюда получается, что без всяких трюков и плутовства можно называть Делёза метафизиком и эмпириком»⁴⁰.

Латентная фаза

После своей монографии о Юме, изданной в 1953 году, и до публикации монографии о Ницше в 1962 году Делёз пишет всего несколько этюдов и рецензий, но не книги. В интервью с Раймоном Беллуром и Франсуа Эвальдом в 1988 году он сам задает себе вопрос об этом перерыве, этой латентной фазе:

Если вы хотите применить ко мне критерий биографии-библиографии, то ясно, что свою первую книгу я написал достаточно рано, а потом — ничего в течение восьми лет. Я все-таки знаю, что я делал, где и как жил в эти годы, но я знаю это абстрактно, как если бы кто-нибудь другой рассказывал мне о вещах, в которые я верю, но которые на самом деле со мной не происходили. Это словно провал в моей жизни, провал длиной в восемь лет. Именно это меня и интересует в жизни людей: провалы, лакуны, иногда драматические, а иногда совсем нет⁴¹.

39. Patricia Demartelaere, «Gilles Deleuze, interprète de Hume», *Revue philosophique de Louvain*, février 1984, tome 82, p. 224.

40. Arnaud Villani, «Une généalogie de la philosophie deleuzienne: Empirisme et subjectivité», p. 120.

41. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 179–180. Перевод изменен. — Прим. пер.

Но именно в эти периоды мнимого отсутствия происходят важные изменения, внутри мысли трудятся силы, плоды которых просто временно отложены. Это моменты брожения, необходимые для того, чтобы лучше понять свой собственный путь.

Что происходило с Делёзом в этот период? Он работает преподавателем в орлеанском лицее в 1953–1955 годах, затем с 1955 по 1957-й в лицее Людовика Великого в Париже. Это прежде всего период, когда он занимает должность доцента по истории философии в Сорбонне в 1957–1960 годах. Он занят подготовкой своих курсов, которой всегда посвящал много времени и сил. В Сорбонне он сразу же начинает пользоваться необыкновенным успехом. Совсем еще молодой преподаватель в этом престижном месте, он выступает в зале Кавайеса по средам с 14 до 15 часов: «Зал был не просто полон, студенты сидели даже на небольшой сцене, окружавшей кафедру. Другие стояли в коридоре и слушали из-за приоткрытой двери. В конце занятия в 15 часов все расходились, и Раймон Полен, читавший свой курс в том же зале, должен был выступать перед шестью студентами. Он бесился и ненавидел Делёза»⁴². Делёз читает курс еще и в субботу с 10 до полудня: «Это было блестяще, я был совершенно покорен. У него на все был ответ, и он удивительным образом умел все перевернуть, дать полное видение что Платона, что Спинозы с Кантом и Гегелем», — рассказывает один из его бывших студентов, Марк-Ален Декам, приехавший в Париж, чтобы продолжить изучение философии, из Бордо⁴³. По его словам, уже в то время Делёз упоминал в своих курсах корни ириса, которые могут образовывать сеть — то, что позднее вместе с Гваттари он концептуализирует как новую парадигму — парадигму ризомы. В Сорбонне он посвящает Аристотелю и Юму свой курс 1954–1955 годов, прослушанный будущим писателем, который станет позднее его другом, Рафаэлем Пивидалем: «Это было совершенно замечательно, и хотя он был еще очень молод, у него уже была репутация среди многочисленных студентов, посещавших его лекции»⁴⁴.

Курс 1957–1958 годов подтверждает значение для него Жана Валя, у которого Делёз возьмет основные темы — разнообразие, плюралистические философии, несводимость разнообразия и «философия И»⁴⁵. В 1959–1960 учебном году он посвятит

42. Оливье Рево д'Аллон, интервью с автором.

43. Марк-Ален Декам, интервью с автором.

44. Рафаэль Пивидаль, интервью с автором.

45. Giuseppe Bianco, «Philosophies du ET. Que se passe-t-il entre (Jean Wahl et Deleuze)?».

свой курс III главе «Творческой эволюции» Бергсона и Руссо⁴⁶. Курс о Руссо указывает на уже упоминавшийся в связи с Юмом интерес Делёза к общественному договору, естественному праву в его связи с социумом. Таким образом, практический и политический акценты мысли Делёза, которые будут беспрестанно утверждаться в дальнейшем, присутствуют в зачаточном состоянии уже тогда. Этот курс два года спустя будет иметь небольшое продолжение в виде публикации по случаю 250-летия со дня рождения Руссо⁴⁷. В этом обращении к творчеству Руссо Делёз выделяет в качестве самого важного его произведения «Общественный договор». Главное в его учении связано с тем, что для Руссо разделение властей — ловушка, что важна только власть закона, законодательная власть.

Но что происходит в жизни Делёза в эти годы, когда он относительно редко появляется в центре внимания? Этот период кажется важным поворотным моментом в его отношениях с историей философии и освобождении от влияния учителей. Институционально он остается заложником своего образования: руководитель диссертации Делёза — его бывший профессор Жан Ипполит. Его назначили руководить Высшей нормальной школой на улице Ульм, и Делёз заменил его в Сорбонне, где ему поручено вести историю философии. Делёз уже тогда испытывает «ненависть» к гегельянству и диалектике, но он все еще обслуживает крупные массивы корпуса философии и демонстрирует некоторую «философскую робость»⁴⁸, которая, например, приводит к тому, что в своем курсе о Юме он ни разу не упоминает центральный тезис своей диссертации, защищенной в 1947 году и опубликованной в 1953 в виде книги «Эмпиризм и субъективность».

Прежде всего Делёз, сочетая выражение признательности с разрывом отношений, пытается постепенно освободиться от влияния двух своих учителей, Фердинана Алкье и Жана Ипполита. Алкье был тогда руководителем второй диссертации Делёза о Спинозе, почти законченной к концу 1950-х годов. Он —

46. Некоторые следы этих курсов можно найти в архивах Высшей нормальной школы Фонтене-Сен-Клу, которые находятся в библиотеке Высшей нормальной школы филологии и гуманитарных наук в Лионе. Курс о Бергсоне: 19 машинописных страниц, опубликованных в: Frédéric Worms (sous la dir.), *Annales bergsoniennes II. Bergson, Deleuze, la phénoménologie*, Paris: PUF, 2004, p. 166–188; курс о Руссо — 17 машинописных страниц, курс о Канте — 24, курс о Юме — 38.

47. Gilles Deleuze, «Jean-Jacques Rousseau précurseur de Kafka, de Céline et de Ponge», *Arts*, № 872, 6–12 juin 1962, p. 3; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes*, p. 73–78.

48. Giuseppe Bianco, «Trous et mouvement: sur le dandysme deleuzien. Les cours de la Sorbonne 1957–1960», p. 95.

главный специалист по Декарту, горячий защитник дуализма от всех монистических искушений, которые он находит у Спинозы, Бергсона, Гегеля или Маркса. По его мнению, дуализм позволяет строить метафизику вокруг различия субъекта и объекта. В этот период Делёз разделяет со своим учителем Алкье общую метафизическую цель в той мере, в которой оба считают, что реальность не сводится к ее репрезентации. В 1956 году Делёз напишет рецензию на работу Алкье о Декарте, в которой похвалит своего учителя за огромный вклад в понимание этого философа, чья мысль «выражает самую суть метафизики»⁴⁹. Делёз согласен с тем, как Алкье представляет философскую деятельность Декарта: тот раскрывается как философ в движении сингуляризации, «которое заставляет его порвать с привычками его окружения, с уроками учителей, с традициями семьи, страны, самого объективного мира»⁵⁰. По всей видимости, Делёз видит здесь непроторенный путь, по которому пойдет сам.

Хотя в 1963 году Делёз посвящает Алкье свою книгу о Канте, в 1967 году отношения между ними быстро портятся. Алкье упрекает своего бывшего ученика в уходе в дебри структуралистского метода, повернувшегося спиной к главному в философии — к метафизике и вопросу о субъекте. 28 января 1967 года, по случаю выступления перед членами Французского философского общества на тему «О методе драматизации», Алкье критикует Делёза за то, что тот осудил вопрос «Что есть?»:

Я сожалею о несколько поспешном отвержении вопроса «Что есть?» и не смогу принять то, что он сказал, несколько запугав нас, в начале, а именно что ни один философ не ставил перед собой этого вопроса, кроме Гегеля... Когда он дошел до вопроса об истине, я сказал себе: вот, наконец-то философский пример! Но этот пример мгновенно был повернут не в ту сторону, потому что Делёз сказал, что нам следует спрашивать: кто хочет истины? Почему ее хотят? Ревнивец ли тот, кто желает истины? И так далее. Это все очень интересные вопросы, без сомнения, но они не касаются сущности истины и потому, возможно, не являются философскими вопросами в строгом смысле этого слова⁵¹.

В ответе Делёза чувствуется, что его очень задела эта критика. Согласившись, что множество философов ставили вопрос «Что есть?», — но скорее в модусе «Как есть?», — Делёз говорит,

49. Gilles Deleuze, «Descartes, l'homme et l'œuvre, par Ferdinand Alquié», *Cahiers du Sud*, № 337, octobre 1956, p. 473–475.

50. Ibid.

51. Ferdinand Alquié, dans Gilles Deleuze, «La méthode de dramatisation», *L'Île déserte et autres textes*, p. 148.

что его задел упрек, будто он бросил собственно философские вопросы: «Ибо я целиком и полностью верю в специфику философского вопрошания, и этим убеждением я обязан вам»⁵². Так происходит разрыв между Алкье и его учеником.

В тот же самый период идет похожий процесс отдаления от Жана Ипполита. После того как Ипполит вместе с Кангилем был научным руководителем диссертации Делёза о Юме, предполагается, что он должен также стать руководителем его основной диссертации, тема которой на тот момент обозначена как «Идея проблемы». Крупный специалист по Гегелю, Ипполит также и переводчик «Феноменологии духа», и человек, открывший гегелевскую философию для постоянного столкновения с философской современностью. Ипполит питал к своему бывшему ученику подготовительного отделения глубокое уважение. Когда Делёз не попал в Высшую нормальную школу, Ипполит предложил ему последовать за собой в Страсбург, куда его только что назначили. Делёз не поедет туда, но зато получит стараниями своего учителя стипендию для агрегации, выдаваемую Страсбургским университетом. В 1954 году Делёз напишет рецензию на «Логику существования» Ипполита, вышедшую в 1953 году в издательстве PUF⁵³. Делёз хвалит книгу за критическое дистанцирование от гуманизма и за набросок онтологии, сделанный в пику слишком антропологическому прочтению Гегеля Кожевым.

Эта новая интерпретация Гегеля некоторым образом связана с тогдашней рецепцией Хайдеггера во Франции, в частности после публикации в 1946 году «Письма о гуманизме». Делёз, в частности, следует за Ипполитом в его определении бытия как смысла, а не как сущности: «Некоторым образом абсолютное знание — самое близкое, самое простое, оно уже здесь»⁵⁴. Если онтология отказывается от сущности, это предполагает отсутствие второго мира, и потому абсолютное знание оказывается неотличимым от знания эмпирического.

Тем не менее Делёз не полностью согласен с постулатами Ипполита и даже резко отмежевывается от него, когда тот очень по-гегелевски заявляет, что бытие может быть идентично различию, только когда различие доводится до абсолюта, каким является противоречие. Делёз, наоборот, с 1954 года фор-

52. Ferdinand Alquié, dans Gilles Deleuze, «La méthode de dramatisation», *L'Île déserte et autres textes*, p. 149.

53. Gilles Deleuze, «Jean Hyppolite, logique et existence», *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, № 7–9, juill.-sept. 1954, p. 457–460; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes*, p. 18–23.

54. Ibid., p. 20.

мулирует важную гипотезу, которая будет стоять в центре его будущей диссертации «Различие и повторение», согласно которой речь идет о том, чтобы построить «онтологию различия, которой бы не пришлось доходить до противоречия, потому что противоречие было бы меньше, а не больше различия»⁵⁵. Его цель — заменить ипполитовское прочтение Гегеля, направленное на то, чтобы сместить онтологию в сторону бытия, онтологией, целиком сориентированной на жизнь.

К 1967 году, когда происходит окончательный разрыв, отношения Ипполита с его учеником уже в достаточной мере испорчены. Делёз уже отказался взять Ипполита руководителем своей диссертации и выбрал вместо него Мориса де Гандийяка. По словам Алена Роже, одной из причин, которые привели к непоправимому разрыву между ними, наряду с теоретическими разногласиями по поводу Гегеля, стал слух о гомосексуальных наклонностях Делёза. «Мадам Ипполит, Маргерит, очень чопорная дама, почти насильно заставила своего мужа распрощаться с ним»⁵⁶.

В 1959 году Франсуа Реньо, поступивший в Высшую нормальную школу на улице Ульм и участвующий в первых семинарах по Марксу у Альтюссера, вместе со своими товарищами Пьером Машре и Роже Эстабле выражает желание пригласить Делёза: «Я очень хорошо помню, что Ипполит спросил у нас, кого мы хотим пригласить, мы сказали, что Делёза, он ответил: „Нет, я не хочу“. Мы так и не узнали, почему»⁵⁷. В любом случае это подтверждает резкий и необратимый характер их разрыва. Делёз не будет участвовать в сборнике «Оммаж Ипполиту», вышедшем в 1971 году под редакцией Мишеля Фуко, к которому он тогда был очень близок. Не будет он участвовать и в сборнике, посвященном Алкье, который выйдет позднее, в 1982 году.

В 1960–1964 годах Делёз работает в Национальном исследовательском центре, у него больше свободного времени, и это позволяет ему свободнее заниматься текстами, не вошедшими в классический корпус истории философии, однако удовлетворяющими его желанию соединить критику и клинику. Литература становится отдельным, даже привилегированным объектом его философских размышлений. Случай представился в начале 1960-х годов. Его друг Костас Акселос готовит тематический номер журнала *Arguments* «Любовь-проблема». Он получил множество статей о Саде, но ни одной о Захер-

55. Ibid., p. 24.

56. Ален Роже, интервью с автором.

57. Франсуа Реньо, интервью с автором.

Мазохе, и предлагает Делёзу написать о нем. Текст, опубликованный в 1961 году, — первый этюд Делёза, посвященный литературному произведению: раньше, чем о Прусте, и задолго до Кафки⁵⁸. Он тем более рад предложению Акселоса, что может порвать с поголовным интеллектуальным увлечением Садам, в результате которого Мазох сводится к вторичной составляющей садизма в том, что называется садомазохизмом⁵⁹. Тем самым Делёз одним ударом убивает двух зайцев: он не только погружается в литературу, но тут же решительно вторгается в поле психоанализа в тот момент, когда популярность Лакана во французском интеллектуальном пейзаже растет. В 1961 году, еще до знакомства с Гваттари, Делёз заинтересовался психоаналитическими категориями. Как он объяснил Арно Виллани, польза от книги определяется несколькими императивами. Делёз уточняет, каким образом работа «Представление Захер-Мазоха» отвечает его критериям: «Ошибка была в том, что не учитывали важность контракта (а для меня успех этой книги состоит в том, что после этого все заговорили о мазохистском контракте, тогда как до нее это была вспомогательная тема). Новая концепция — это отделение садизма от мазохизма»⁶⁰. Комментарий Делёза напоминает о том, как он настаивал, уже применительно к Юму, на общественном договоре, который не является абстракцией, о его видении института, укорененного в социуме. Он находит это различие контракта и института у Захер-Мазоха, для которого контракт имеет ключевое значение.

Наперекор повсеместно распространенному уподоблению садизма и мазохизма Делёз противопоставляет контрактную практику мазохистского союза акту институированного обладания, к которому стремится садист. Мазохист обеспечивает свои отношения с партнером при помощи контракта, передавая ему все права на ограниченный отрезок времени. Наоборот,

58. Gilles Deleuze, «De Sacher-Masoch au masochisme», *Arguments*, № 21, 1961. После этой первой работы Делёз представит в 1967 году расширенную версию своего подхода к Захер-Мазоху: Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха».

59. Мода на Сада с 1930-х годов только росла, подогреваемая важными произведениями: Pierre Klossowski, «Éléments d'une étude psychanalytique sur le marquis de Sade», *Revue de psychanalyse*, 1933; Pierre Klossowski, *Un si funeste désir*, Gallimard, 1963; Maurice Blanchot, *Lautréamont et Sade*, 1947; Simone De Beauvoir, *Faut-il brûler Sade?*, 1955; Georges Bataille, *La Littérature et le Mal*, 1957; Jacques Lacan, «Kant avec Sade», *Critique*, № 191, 1963; Michel Foucault, «De Sade à Freud», *Critique*, № 195–196, 1963; Œuvres complètes de Sade, 1967; Roland Barthes, *Sade, Fourier, Loyola*, 1971.

60. Жиль Делёз, письмо к Арно Виллани, 29 декабря 1986 года, цит по.: Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, p. 57.

мысль Сада принадлежит институциональной сфере, и потому это глубоко политическая мысль, порывающая с контрактными рамками, за которые она постоянно выходит.

Вторая задача Делёза — воздать должное Мазоху, вычеркнутому в пользу Саду. Его не только не читают, но даже в клиническом плане он оказался подчиненным Саду, рассматриваемый как вариант садизма в рамках сущности под названием «садомазохист», хотя «прекрасно чувствуется, что его мир не имеет никакого отношения к миру Сада»⁶¹. Делёз, таким образом, берется проделать заново путь, ведущий от литературной критики к клинике, чтобы в синдроме выделить симптомы мазохизма и симптомы садизма. В своем очерке Делёз восстанавливает справедливость и отдает должное тому, кто был истинным изобретателем «определения мазохизма, не медику Крафт-Эббингу, как это было принято считать, а писателю Захер-Мазоху: „Литература — не вторичное, воображаемое свидетельство реальной перверсии. Она вносит настоящий вклад своими собственными средствами в клиническую картину сексуальности“»⁶². Следует принимать всерьез, как предлагает Анн Сованьярг, сартровский вопрос, которым Делёз начинает презентацию Захер-Мазоха: «Для чего служит литература?»⁶³

В своей статье 1961 года Делёз, в частности, опирается на Теодора Рейка⁶⁴, представленного в качестве самой важной теоретической отсылки, поскольку он хорошо охарактеризовал симптоматику мазохизма, хотя и не писал о контракте. Рейк показал, что «мазохист может испытывать удовольствие только после наказания: это не означает, что он находит свое удовольствие (или, по крайней мере, вторичное удовольствие) в самом наказании»⁶⁵. В 1967 году, когда Делёз публикует «Представление Захер-Мазоха», важнейшей теоретической отсылкой для него становится Фрейд. Он берет у него различие между влечением к смерти и инстинктом смерти, чтобы объяснить склонность садиста переходить на сторону чистого отрицания и приближаться к инстинкту смерти. Фрейд и Лакан делали акцент на сопротивлении и на процессе отрицания, и Делёз берет у Фрейда анализ места фетишизма, чтобы сделать его атрибутом мазохизма: «Основные фетиши Мазоха и его героев — меха, обувь, даже хлыст, диковинные казац-

61. Ibid., p. 11.

62. Anne Sauvagnargues, *Deleuze Et L'art*, Paris: PUF, 2005, p. 44.

63. Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха», с. 191.

64. Theodor Reik, *Le Masochisme*, Paris: Payot, 2000.

65. Gilles Deleuze, «De Sacher-Masoch Au Masochisme», *Arguments*, № 21, 1961, p. 44.

кие шапки, которые он любил напяливать на своих женщин»⁶⁶. Путаницу в двух симптоматиках, доходящую до объединения их в понятии садомазохизма, нельзя ставить в вину Фрейду, который всегда различал эти два режима поведения. Еще до знакомства с Гваттари в 1969 году Делёз нападает на психоаналитическую теорию, когда критикует эдипальную схему и статус, который во фрейдистской теории приписывается кастрации. Делёз считает, что то, как аналитики стремятся любой ценой разглядеть образ отца в мазохистском идеале, придает их теории особенно редуccionистский характер. Да, отец играет важную роль в садизме, который развивается из отрицания материнской фигуры, но неверно распространять это на мазохизм. Совсем наоборот, мазохизм живет во внутриматеринском символическом мире, где разные идеалы женщины образуют символический порядок, из которого фигура отца исключена, вытеснена. В этом плане Делёз опирается на лакановский тезис об исключении «имени отца»: «Лакан сформулировал один глубокий закон, согласно которому символически вытесненное вновь возникает в реальном в галлюцинаторной форме»⁶⁷. Делёз также опирается на работу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», которую считает его шедевром и вторжением гения на территорию философии. Принцип удовольствия управляет всем, не терпит исключений, но допускает только осложнения, которые являются источниками экстериорности, производства неустрашимого осадка, того самого «по ту сторону», которое открывает путь для философской рефлексии. Эрос в этом случае оказывается захвачен принципом повторения: «Повторение, каким его себе мыслит Фрейд в этих своих гениальных текстах, в себе самом есть синтез времени — „трансцендентальный“ синтез времени»⁶⁸. Но затем Делёз бросает Фрейда, чтобы развести принцип удовольствия и принцип желания у мазохиста. Разрыв этой связи ведет мазохиста к двойному процессу десексуализации и ресексуализации вокруг принципа повторения. Предвосхищая тематику «Анти-Эдипа», Делёз оспаривает место, которое Фрейд приписывает понятиям кастрации и виновности: они «утрачивают свой вес, пока служат лишь для простого переворачивания ситуаций и для налаживания — в абстракции — сообщения между двумя мирами, в действительности чуждыми друг другу»⁶⁹.

66. Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха», с. 210.

67. Там же, с. 243.

68. Там же, с. 294–295.

69. Там же, с. 236.

Неминуемый Кант

В 1963 году Делёз посвятил отдельную работу Канту, который, однако, не входил в его философский пантеон⁷⁰. Вспоминая позднее эту книгу, он будет говорить, что писал ее против «врага», при том что, описывая в 1968 году причины ее создания, он не скрывает собственной очарованности Кантом: «Когда перед тобой творчество такого гения, нельзя просто взять и сказать, что ты не согласен. Сначала нужно уметь им восхититься, найти проблемы, которые он ставит, его собственную машинерию. Именно силой восхищения можно вернуться к настоящей критике»⁷¹. Помимо книги, Делёз в том же году публикует статью об эстетике Канта⁷². Он также прочитал о нем несколько курсов, сначала в Сорбонне в конце 1950-х годов, затем в 1978 году в университете Венсена. Наконец, в 1986 году он опубликует длинную статью на тему кантовской «поэтики»⁷³.

Гениальность Канта, согласно Делёзу, заключается в том, что он открыл, что человек состоит из двух способностей разной природы: с одной стороны, созерцание, восприимчивость, которая соотносится с опытом и чьи истоки в чувственности, а с другой — понятие, которое берет начало в рассудке, определяющем форму знания, его организацию в мыслящем существе. Между двумя этими гетерогенными измерениями Кант видит разрыв, зияние, и он первым определит человека, исходя из этого зияния, пронизывающего человека: это станет главным вкладом Канта в современность. Хотя в XVII веке мысль отражалась в бесконечности, будь то у Декарта или у Лейбница, так что бесконечность получала приоритет перед конечностью, созерцание и рассудок становятся у Канта несоизмеримыми аспектами и принцип конечности превращается в конституирующий. Это фундаментальная революция: данность и понятие больше не перекрываются, и зияние не может быть заполнено или преодолено. Констатируя различие по природе между пространством-временем и «Я мыслю», Кант задается вопросом

70. Жиль Делёз, «Критическая философия Канта: учение о способностях», *Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза*.

71. Gilles Deleuze, entretien, propos recueillis par Jean-Noël Vuarnet, *Les Lettres françaises*, 28 février — 5 mars 1968; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 192.

72. Gilles Deleuze, «L'idée de genèse dans l'esthétique de Kant», *Revue d'esthétique*, № 2, avril-juin 1963, переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 79–101.

73. Gilles Deleuze, «Sur quatre formules poétiques qui pourraient résumer la philosophie kantienne», *Philosophie*, № 9, hiver 1986; переиздано в: Жиль Делёз, *Критика и клиника*.

об условиях познания. Тогда приходится вводить третью способность, которая хотя и не может освободить от этого зияния, но устанавливает связь: то, что у Канта называется «схематизмом воображения». Картезианское когито оказывается расщепленным еще задолго до психоанализа.

В «Критической философии Канта», посвященной его учителю Фердинану Алкье, Делёз прослеживает траекторию понятия «способности» в трех «Критиках». Коперниканская революция, произведенная Кантом, заключается в том, что объект подчиняется субъекту, хотя ранее между ними предполагалась гармония. «Первое, чему учит нас коперниканская революция, — это то, что повелеваем именно мы. [...] Кант противопоставляет мудрости критический образ: мы — законодатели Природы»⁷⁴. В «Критике чистого разума» феномены подчиняются категориям, которые, будучи понятиями, произведенными в рассудке, становятся объектом трансцендентальной дедукции. Разум диктует законы, но под воздействием способности желать или под властью практического разума, автономной воли. Но чтобы осуществлять эту автономию, нужен режим свободы. В самый центр трансцендентального подхода Кант помещает использование имманентности, которая станет одной из любимых тем Делёза: «Трансцендентальный метод всегда выступает задающим началом имманентного применения разума — применения, соответствующего одному из его интересов»⁷⁵. Таким образом, Делёз будет постоянно ссылаться на трансцендентальную критику, считая при этом, что фундаментальное требование имманентности было в большей степени осуществлено Ницше, нежели Кантом.

Эти поиски имманентности близки философским интересам Делёза, но не удовлетворяют их до конца, поскольку Кант остановился на полпути, сведя трансцендентальное измерение к условиям возможного опыта. Тем самым он обрекает себя на распознавание, на имитацию чувственной реальности и, согласно Делёзу, попадает в дебри психологического сознания. Делёз же в своей диссертации настаивает на открытии новых модальностей мыслимого, более творческих, чем простое распознавание того же самого, к которым можно получить доступ, если настаивать на различии ради различия⁷⁶. Тем самым он модифицирует само определение «способности», которая по-прежнему понимается как предрасположенность или общая

74. Жиль Делёз, «Критическая философия Канта: учение о способностях», с. 159.

75. Там же, с. 183.

76. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 169–170. Перевод изменен. — Прим. пер.

когнитивная функция, ожидающая своих «возможных» частных содержаний, но при этом каждый раз становится сингулярной силой, способной аффицировать и быть аффицированной феноменом, который тоже, в свою очередь, сингулярен: «Таким образом, есть множество модусов (в Спинозистском смысле) мышления, ощущения, воспоминания, фантазии, речи... образующих множество различных способностей, создающихся каждый раз заново при соприкосновении с сингулярными феноменами или произведениями»⁷⁷.

Отношение Делёза к Канту не сводится к одной негативности. Винсент Декомб, например, даже представляет Делёза продолжателем кантовской критики идей души, мира, Бога: «Жиль Делёз — прежде всего посткантианец»⁷⁸. Кант — философ, достигший пределов — времени, субъекта, мысли, «который так и не решился их преступить»⁷⁹. Делёз пытается перейти от подражания к созданию своей собственной картографии кантовских идей. По сути дела, он преодолевает кантовскую версию, где множественность регулируется временем, толкуемым Кантом как единообразное, однородное, необратимое и таящее неизмеримые глубины. Делёз же утверждает «гетерогенную темпоральность, фрагменты которой больше не складываются вместе в соответствии с идеей восстановленной тотальности»⁸⁰. Это позволяет ему, прибегнув к тому, что он называет трансцендентальным эмпиризмом, высвободить силы разрыва, заложенные в событии и сингулярности: «Только тогда, когда перед нами открывается мир, кишачий анонимными, номадическими, безличными и доиндивидуальными сингулярностями, мы наконец вступаем на поле трансцендентального»⁸¹.

Пруст в поисках истины

В 1964 году, через год после публикации книги о Канте, Делёз возвращается к литературе с книгой о Прусте⁸². В ней он демонстрирует желание утвердить значимость философского размышления, вторгающегося на территории, не освоенные академической традицией, как способ выйти за границы клас-

77. Гийом Сибертен-Блан, интервью с автором.

78. Vincent Descombes, *Le Même et l'Autre*, Paris: Minuit, 1979, p. 178.

79. Manola Antonoli, *Deleuze et l'histoire de la philosophie*, p. 87.

80. Jean-Clet Martin, *Variations. La philosophie de Gilles Deleuze*, Paris: Payot, 1993, p. 34.

81. Жиль Делёз, *Логика смысла*, Москва: Академический проект, 2011, с. 139.

82. Жиль Делёз, *Марсель Пруст и знаки*, СПб.: Алетейя, 1999.

сической истории философии⁸³. В «Прусте и знаках» Делёз хочет исправить распространенную ошибку литературной критики, делающей из шедевра Пруста произведение о памяти: «В чем состоит единство произведения „В поисках утраченного времени“? Мы знаем, по крайней мере, в чем оно не состоит. Оно не состоит в памяти, в воспоминании, даже произвольном»⁸⁴. Согласно Делёзу, «Поиски утраченного времени» пользуются памятью, но как инструментом, средством доступа к истине: «В действительности „Поиски утраченного времени“ есть поиски истины»⁸⁵. Запустить эти поиски может только какая-то трудность или жестокая ситуация, и главная пружина у Пруста — ревность. Делёз утверждает, что прустовский герой влюбляется, чтобы дать выход своему желанию испытывать ревность. В этом отношении «Поиски утраченного времени», будучи романом воспитания, обращены не в прошлое, а в будущее.

Второе смещение, которое производит Делёз, состоит в том, чтобы восполнить серьезное упущение в анализе Пруста: показать универсум знаков, давший название его книге и придающий, по мнению Делёза, единство прустовскому письму: «Слово „знак“ — одно из самых употребляемых в „Поисках“»⁸⁶. Каждый сегмент общества отделен и замкнут в себе и узнается по общим знакам, которые производят его члены. Знаки Вердюренов имеют мало общего со знаками Германтов; социальный и чувственный универсум, в котором вращается рассказчик, образуется множеством несоизмеримых миров. Там можно разглядеть упорядоченные подмножества, знаки принадлежности к светскому обществу, знаки выражения любви или знаки, обозначающие чувственные качества. Но множество подводится под мир Искусства, играющего роль предельного мира «дематериализованных» знаков, которые «обретают свой смысл в идеальной сущности. Отныне открытый мир Искусства воздействует на все другие»⁸⁷. Искусство получает привилегированный статус в той мере, в которой без его посредничества интерпретация знаков никогда бы не смогла побороть их внешнюю непрозрачность.

Полезная книга, как ее определяет Делёз, должна изобретать новый концепт, и книга о Прусте подчеркивает плодотвор-

83. Касательно единства проекта по поискам «образа мысли», который красной нитью проходит через такие работы, как «Ницше и философия», «Пруст и знаки» и «Различие и повторение», см.: Arnaud Bouaniche, *Gilles Deleuze, une introduction*, Paris: Pocket-La Découverte, 2007, p. 45–52.

84. Жиль Делёз, *Марсель Пруст и знаки*, с. 28.

85. Там же, с. 40.

86. Там же, с. 30.

87. Там же, с. 39.

ность понятия «захвата». Делёз берет в концептуальном разрезе захват, выполняемый двумя элементами — насекомым, осой, и растением, орхидеей: оса оплодотворяет орхидею, нарушая правила разделения двух миров. Делёз концептуально пересказывает первую главу «Содома и Гоморры», в которой Пруст не менее тридцати страниц посвящает метафоре осы и орхидеи. Делёз представляет это как способ возможного взаимного оплодотворения философии и литературы. Он также завершает книгу мыслью о том, что поиски истины в «Поисках утраченного времени» могут соперничать с философскими амбициями. Образ мыслей, как его понимает Пруст, «напада[ет] на самое существенное в классической философии рационалистического типа»⁸⁸. Творчество Пруста, показывающее, что истины не возникают ни произвольно, ни абстрактно, таким образом, имеет философское значение. Эти истины следует искать в зонах непрозрачности, где действуют силы, приводящие мысль в движение. Скрываясь за конвенциями управляемой коммуникации, тайные силы выполняют роль настоящих триггеров мысли. Активизирующие их коннекторы — сами знаки, которые необходимо «всегда интерпретировать, то есть объяснять, разворачивать, дешифровать и транслировать»⁸⁹.

Следует отметить, что, хотя подход Делёза к литературе как к симптоматологии, клинический взгляд, который он уже практиковал на материале Захер-Мазоха, является новаторским, он тем не менее остается верен традиции, для которой мыслить — значит прежде всего интерпретировать. Как подчеркивает специалист по французской литературе Робер Мози, Делёз предлагает оригинальное прочтение «Поисков утраченного времени», потому что отдает предпочтение темпоральности рассказчика перед темпоральностью автора; он не задается вопросом о намерениях Пруста и ограничивается расшифровкой универсума его знаков: «Нужно было отказаться от описания прустовской субъективности, и надо признать, что эссе о Прусте, из которого вычеркнуты все темы психологии и психоанализа, производит очень свежее впечатление»⁹⁰.

По мнению философа Жан-Клода Дюмонселя, именно прочтение Пруста дает ключ к мысли Делёза, потому что то, что позднее появится в виде личного абстрактного тезиса — в «Различии и повторении» — находит в прустовском нарративе самое ясное выражение и объяснительную схему, указывающие на то,

88. Там же, с. 122.

89. Там же, с. 125.

90. Robert Mauzi, *Critique*, № 225, février 1966, p. 161.

что «это различие предоставляет повторению объект. Повторение всего-навсего получает свою степень различия. Именно различие должно повторяться, и об этом на протяжении сотен страниц рассказывает Пруст»⁹¹. Дюмонсель считает делезовское прочтение Пруста тем более обоснованным, что Пруст указывает на два источника своего философского вдохновения: Габриэля Тарда и Анри Бергсона.

«Поиски утраченного времени» разворачиваются между двумя полюсами: это «свободные различия», создающие вибрации, и «сложные повторения», раскрывающиеся как вибрационные волны в отношениях, чем-то напоминающих отношения между грозовым облаком и раскатами грома. Эти волны, однако, отличаются от простых повторений: «Волна, в отличие от повторения, — это способ не повторяться»⁹². Вибрационное повторение во времени несет в себе потенциальные различия. Пруст задается вопросом о том, как в сознании возникают воспоминания, порождаемые режимом ассоциативного типа вроде: «Так, вкус печенья „Мадлен“ подобен тому, что мы чувствовали в Комбре, и воскрешает тот Комбре, где мы попробовали печенье впервые»⁹³. Здесь он сближается с бергсоновской концепцией памяти, где существует настоящее, призывающее другое настоящее, которое было, но которого уже нет и воспоминание о котором зависит от образующих его заново настоящих, так что бытие прошлого так никогда не достигается: «Сущность времени ускользает от нас»⁹⁴. Непроизвольная память интериоризирует старый контекст, который становится неотделим от настоящего момента, в результате чего сущность оказывается не в сходстве, а наоборот, в «интериоризированном и ставшем имманентным различии»⁹⁵. Заглавие, данное Делёзом заключительной части его книги, «Образ мысли», позволяет оценить постоянство этой темы во всем его творчестве: такое название будет носить фундаментальная третья глава «Различия и повторения», и можно сказать, что «образ мысли» — горизонт всех исследований кинематографического мира, которые он вел в 1980-е годы⁹⁶. В 1968 году по случаю публикации полного собрания сочинений Ницше Делёз подтверждает глав-

91. Жан-Клод Дюмонсель, интервью с автором.

92. Jean-Claude Dumoncel, *Le Symbole d'Hécate. Philosophie deleuzienne et roman proustien*, éd. NUX, Orléans, 1996, p. 60.

93. Жиль Делёз, *Марсель Пруст и знаки*, с. 83.

94. Там же, с. 85.

95. Там же, с. 87.

96. См.: Dork Zabunyan, *Gilles Deleuze. Voir, parler, penser au risque du cinéma*, Paris: Presse de la Sorbonne nouvelle, 2006.

ное направление всех своих размышлений, проходящее через все его монографии: «Юм, Бергсон, Пруст интересуют меня, потому что у них есть глубокие элементы для создания нового образа мысли. Они говорят нам нечто необыкновенное: думать — это совсем не то, что вам кажется... Да, новый образ акта мысли, его функционирования, его генезиса в мысли, именно его мы и ищем»⁹⁷.

В то же время между разными изданиями «Пруста и знаков» можно заметить некоторые различия. Впервые опубликованная в 1964 году, книга была переиздана в 1970 и 1976 годах. Между ее первым и вторым изданием в жизни Делёза произошла судьбоносная встреча с Гваттари. След этого знакомства ощущается и признается самим Делёзом, который позаимствовал у Гваттари тему поперечности-трансверсальности: «В связи со своими психоаналитическими исследованиями Феликс Гваттари придумал очень богатый концепт „трансверсальности“, чтобы описать коммуникацию и связи бессознательного»⁹⁸. Трансверсальности имеют решающее значение для понимания перехода от одного замкнутого мира к другому, который, не нарушая сингулярности каждого из них, позволяет без смещения или тотализации переходить из одного знакового универсума в другой. Эти трансверсальности позволяют совершить переход от одной Альбертины к другой при помощи избранных проводников, таких как Сван. Эффект трансверсальностей в том, что они создают возможности для встреч, вызывают к жизни новые потоки, при этом не ставя под угрозу существование множественности, «никогда не сводя множественное к единому, не собирая его в целом»⁹⁹. Это трансверсальности самого разного порядка: ревность для любовной множественности, путешествие для множественности мест или же сон для множественности моментов.

97. Gilles Deleuze, entretien avec Jean-Noël Vuarnet, *Les Lettres françaises*, 28 février–5 mars 1968; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 193.

98. *Proust et les signes*, p. 184, note 1. (Здесь цитируется французское издание, так как эта часть не вошла в русский перевод, сделанный по более раннему изданию. — Прим. пер.)

99. *Ibid.*, p. 137.

Глава 7

Ницше, Бергсон, Спиноза: триада для виталистской философии

Один из трех учителей сомнения: Ницше

НИЦШЕ сыграл фундаментальную роль в формализации философских позиций Делёза. Он применяет к Ницше ту же процедуру интерпретации, что и к остальным. Сначала нужно выявить ошибку, неправильную интерпретацию вечного возвращения как возвращения того же самого по циклическому закону. Затем вместе с другими Делёз вносит свой вклад в то, чтобы извлечь из забвения критическую, едкую, прогрессистскую способность мысли Ницше, которая до сих пор применялась преимущественно в реакционной, элитистской перспективе. Наконец, он извлекает из Ницше свой главный концепт различия как результата освобождения воли к власти.

Как хорошо показал германист Жак Ле Ридер, рецепция Ницше во Франции, пришедшаяся в основном на довоенную эпоху, была очень консервативной. Совсем иначе он будет воспринят во время Второй мировой войны в небольшом кружке, сложившемся вокруг Марселя Море, в котором, как мы уже писали, вращается и пока еще совсем юный Делёз. В этот кружок входят Жорж Батай, Жан Валь, Жан Ипполит. Они дадут совершенно иное прочтение Ницше. К этому следует добавить влияние Кангилема, который в диссертации, защищенной в 1943 году («Опыт о некоторых проблемах, касающихся нормального и патологического»), отвергает любое эволюционистское видение непрерывного прогресса разума и противопоставляет ему ницшеанскую точку зрения. Делёз, в частности, находит в ней переформулированное определение воли к власти как «витальной нормативности», жизни как акта творения или учреждения новых норм.

В 1946 году образуется Французское общество изучения Ницше, которое просуществоует до 1965 года. Оно ставит перед собой цель «безо всяких политических целей или прозелитистских

намерений внести вклад в изучение мысли Ницше, переведенной из плана тенденциозной пропаганды в план понимающей объективности и умеренной критики»¹. Делёз становится одним из активных членов этого общества, в котором председательствует Жан Валь, посвятивший Ницше два курса лекций в 1958–1959 и в 1960–1961 годах². Хотя важная работа по переводу, изданию и интерпретации продолжается на протяжении 1950-х годов, по случаю пятидесятилетия со дня смерти Ницше, отмечавшегося в 1950 году, общество публикует сборник, подводящий промежуточные итоги³. Кроме того, был запущен важный проект по изданию полного собрания сочинений Ницше, руководить которым поручено Жилью Делёзу и Морису де Гандийяку. Это означает, что книга Делёза «Ницше и философия», опубликованная в 1962 году, в некотором роде становится кульминацией возвращения интереса и обновления в исследованиях Ницше⁴. Однако читатель сразу замечает новаторство положений этой книги и взгляда, который она предлагает.

Делёз не довольствуется тем, чтобы извлечь на свет вместе с Ницше философский массив, покрытый слоями последующих комментариев, искаживших его посыл. Он изначально придает своей книге полемический запал, нацеленный против гегелевской диалектики, чтобы показать, насколько теории Ницше были направлены против всей истории философии. Философия Ницше, которую Поль Рикёр называл «философией подозрения», действует «ударами молота», разворачивая концепты смысла и ценности, отодвигающие на второй план вопрос об истине. Ницше ратует за специфический подход, который он называет «генеалогическим», никак не связанный с суждением о ценностях: «Генеалогия сразу имеет в виду и ценность источника, и источник ценностей»⁵. В силу этого Ницше противостоит любой абсолютизации ценностей. Смысл феноменальности всегда в том, чтобы вступать в связь с разными точками зрения, которые являются носителями ценностей, с активными силами, образующими их динамику. Именно эту игру сил фи-

1. Prospectus de la Société française d'études nietzschéennes, цит. по: Jacques Le Rider, *Nietzsche en France. De la fin du XIXe siècle au temps présent*, Paris: PUF, 1999, p. 185.

2. Jean Wahl, *La Pensée philosophique de Nietzsche des années 1885–1888*, Paris: La Sorbonne, CDU, 1959; Jean Wahl, *L'Avant-dernière pensée de Nietzsche*, Paris: La Sorbonne, CDU, 1961.

3. *Nietzsche, 1844–1900. Études et témoignages du cinquantenaire*, Paris: éd. Martin Flincker, 1950.

4. Жиль Делёз, *Ницше и философия*, Москва: Ad Marginem, 2003.

5. Там же, с. 36.

лософия должна обнаружить в том, что Делёз называет «симптоматологией» или «семиологией»⁶. Эта переоценка смысла не должна привести к замыканию в герменевтике ради поисков предположительно утраченного, скрытого или стертого изначального смысла. Смысл в понимании Ницше не возникает из резервуара уже наличного, а является эффектом, законы производства которого необходимо обнаружить. История феномена — прежде всего история сил, которые захватывали его и модифицировали его значение.

Ставя акцент на аффирмативном стиле, на «да», Делёз представляет Ницше как антипода Гегеля, как анти-диалектика. Уже Кангилем сильно поколебал гегелевский континуизм. Делёз продолжает и радикализует его критику Гегеля, ставя под сомнение его понятия отрицания и противоречия, заводящие философию в тупик, поскольку она остается заложницей первичной тождественности, для которой отрицание становится только лишь дубликатом. Здесь Делёз развивает концепт, который будет стоять в центре его диссертации и красной нитью пройдет через все его творчество: концепт различия. Философия воли будет утверждать различие, и именно этот «дифференциал» Делёз стремится подчеркнуть в философии Ницше. Христианской культуре рессентимента и виновности Ницше противопоставляет суверенного индивида, свободного от морали, «человека, имеющего право обещать»⁷. Ницше видит в этом высшую форму ответственности. Здесь, как водится, Делёз, как он говорит, делает «ребенка за спиной» у философа, и трансформирует этот урок в прославление человека, освободившегося от морали и потому безответственного: «Безответственность — благороднейшая и прекраснейшая тайна Ницше»⁸.

Полюсу реактивности противопоставляется полюс активности, воли к власти. Это противопоставление может дойти до фигуры сверхчеловека, которой посвящена IV книга «Так говорил Заратустра». Но и здесь тоталитарная или просто консервативная инструментализация философии Ницше опирается на ошибку в интерпретации понятия сверхчеловека, которое у Ницше никак не связано с восхвалением любой власти над другими людьми. Сверхчеловек стремится не столько превратить реакцию в действие, сколько преобразовать отрицание в утверждение. Для Ницше утверждение — само бытие,

6. Жиль Делёз, *Ницше и философия*, с. 37.

7. Фридрих Ницше, «Генеалогия морали», *Собр. соч.* в 5 т., Москва: Азбука, 2011, т. 5, с. 53.

8. Жиль Делёз, *Ницше и философия*, с. 71.

к которому должно стремиться человечество. Такое прочтение Ницше, очевидно, берет свое начало у Спинозы, еще одного источника виталистской философии Делёза.

Что касается вечного возвращения, то делезовская интерпретация полностью порывает с тем смыслом, который до сих пор приписывался учению Ницше. Наперекор идее, что все, что производится, возвращается в циклическом движении, Делёз видит в вечном возвращении результат отбора сильнейшего, уничтожения слабых: «Оно превращает волю в нечто целостное... превращает воление в творение, оно составляет уравнение 'хотеть = творить'»⁹. Возвращаются только различия, поэтому это возвращение не того же самого, а иного.

Из чтения Ницше возникает новая задача философии, которая больше не должна довольствоваться тем, чтобы быть простым отражением своего времени, но должна смело вступать на пути радикализации критики этого времени, чтобы несвоевременным, неактуальным характером своих вопросов заставить выйти на поверхность творческие силы. Нужно придерживаться метода «драматизации». Он состоит в том, чтобы изменить метод вопрошания: с традиционного вопроса метафизики «Что есть?» на другой вопрос — «Кто?», чтобы раскрыть силы, действующие внутри изучаемого явления. То есть концепт должен быть соотнесен с волением с таким прицелом, чтобы передать конкретный жизненный универсум. Философия, таким образом, отделяется от своего платонического источника, оставляя в стороне вопрос о сущности (что такое справедливость? что такое прекрасное?), который вводит дуалистическую концепцию, противопоставляющую сущность явления его видимости. Этот «метод драматизации», тематизированный Делёзом в 1967 году¹⁰ уже не применительно к Ницше, открывает возможности типологии, оценивающей силы с точки зрения их активности или реактивности. Он добавляется к симптоматологии, интерпретирующей явления, исходя из сил, которые их производят, и к генеалогии, оценивающей силы по степени их воли к власти, то есть это философия, выполняющая тройную функцию: художественную благодаря типологии, клиническую благодаря симптоматологии и законодательную благодаря генеалогии.

Жан Валь, которому принадлежит главная заслуга в возвращении интереса к Ницше, пишет пространную рецензию

9. Там же, с. 155.

10. Gilles Deleuze, «La méthode de dramatisation», *Bulletin de la Société française de philosophie*, № 3, juill.-sept. 1967, p. 89–118; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 131–162.

на книгу Делёза в *Revue de métaphysique et de morale*: он признает, что это замечательная книга, которую можно поставить в один ряд с лучшими исследованиями по теме. Однако хотя Валь называет практикуемый Делёзом метод чтения «оригинальным», он несколько дистанцируется от полемического тона, главной мишенью которого становится Гегель, списывая его на «чувство своеобразного ressentiment»¹¹. Он считает, что по целому ряду пунктов Ницше не так далек от Гегеля. Признавая, что страницы, посвященные диалектике, одни из лучших в книге, Валь, не отрицая необходимости критического подхода к Гегелю, тем не менее считает упреки, адресованные ему Делёзом, столь же поверхностными, что и у современного марксизма. Зато Валь хвалит заключительную часть книги, посвященную «новому образу мысли» и продолжающую Ницше в том отношении, что в ней Делёз настаивает: мыслью должны завладеть какие-то силы, чтобы снова сделать ее активной и творческой. Однако, по мнению Вали, интерпретация Делёза все равно несет в себе опасность: «Сколь бы интересной и глубокой ни была эта интерпретация, перед нами две опасности или же два затруднения: трудность, связанная с тем, чтобы заставить полностью исчезнуть негативность, и другая трудность, происходящая от того, что позитивность может и появиться в ожидаемом объеме»¹².

После публикации книги Делёз организует colloquium по Ницше, который проходит в аббатстве Ройомон 4–8 июля 1964 года. Он передает Жану Валью и Марциалию Геру свой список приглашенных¹³. Как подчеркивает Давид Лапужад, это единственное коллективное мероприятие, которое организовал Делёз. То, что ради Ницше он смог преодолеть свою ненависть к конференциям, указывает на важность, которую он придает обновлению в ницшеведении. Именно на этом colloquium Мишель Фуко предложит для обсуждения свою идею сближения трех «учителей сомнения» — Ницше, Фрейда и Маркса¹⁴.

По обычаю Делёз как организатор должен выступить с заключительным словом, в котором подводятся основные ито-

11. Jean Wahl, «Nietzsche et la philosophie», *Revue de métaphysique et de morale*, № 3, 1963, p. 353.

12. Ibid., p. 373.

13. В письме, которое Делёз отправляет Жану Валью, датируемом 6 июня 1963 года, он предлагает пригласить 11 выступающих: от Франции — Бофре или Полена, Деле, Фуко или Лапланша, Габриэля Марселя, Жана Валия; от Германии — Хайдеггера, Финка, Лёвита; от Швейцарии — Старобинского, Ханса Барта, от Италии — Ваттимо.

14. Michel Foucault, «Nietzsche, Freud, Marx», *Cahiers de Royaumont*, № VI, Paris: Minuit, 1967; переиздано в: *Dits et écrits*, tome I, Paris: Gallimard, 1994, p. 564–579.

ги¹⁵. Он подчеркивает, что критическое издание произведений Ницше пока еще находится в зачаточном состоянии, что дает простор всевозможным глупым домыслам, и задается вопросом о том, должно ли безумие, в которое впал Ницше в конце жизни, восприниматься как часть его философского творчества. Но главная причина неясностей в прочтении произведений Ницше, на которую указывает Делёз, — методологического порядка. Она связана с тем, что смысл у Ницше не однозначен, он не привязан к тому, на что указывает: «Любая интерпретация — всегда интерпретация интерпретации, до бесконечности... На место логики приходят топология и типология»¹⁶. Понятие ценности трансформирует поиски истины: разъединив истинное и ложное, нужно отправиться на поиск более глубокой инстанции, инстанции воли к власти.

В 1965 году Делёз посвящает Ницше еще одну книгу, выходящую в рамках серии введений в философию¹⁷. В ней он демонстрирует поразительное единство мышления и жизни у Ницше, возникающее в динамике утверждения своей сингулярности. Это экзистенциальное единство укоренено в досократической традиции, но оно прежде всего несет в себе огромный потенциал для обновления всей истории философии. Оно предвосхищает будущее философии благодаря своему новаторскому стилю, добавляющему к классическому корпусу философских текстов стихи и афоризмы, ставшие излюбленными инструментами интерпретации.

Два года спустя Делёз и Фуко напишут вместе введение к полному собранию сочинений Ницше¹⁸. Они включают свое издание в традицию систематического исследования и публикации архивов в хронологическом порядке, предпринятых итальянцами Джорджо Колли и Мадзино Монтинари. Они также выражают желание исправить через возвращение к текстам многочисленные искажения и затемнения, внесенные сестрой Ницше Элизабет, превратившейся в авторитарного распорядителя наследия и санкционировавшей образ Ницше-антисемита и предшествен-

15. Gilles Deleuze, «Conclusions sur la Volonté de puissance et l'éternel retour», *Cahiers de Royaumont*, N° VI, *Nietzsche*, Paris: Minuit, 1967, p. 275–287; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 163–177.

16. Ibid., p. 165.

17. Жиль Делёз, *Ницше*. Москва: Machina, 2010. Эта книга выходит в серии «Философы» и включает в себя рассказ о жизни автора, краткое описание его философии, словарь персонажей Ницше и, самое главное, антологию отрывков из его произведений.

18. Gilles Deleuze, Michel Foucault, «Introduction générale», *Œuvres philosophiques complètes de Nietzsche*, Gallimard, 1967, tome V, *Le Gai Savoir*, hors-texte, p. I–IV; переиздано в: Michel Foucault, *Dits et écrits*, tome I, p. 561–564.

ника фашизма: «Самый настоящий анти-Ницше»¹⁹. В этом «возвращении к...» Делёз и Фуко также предлагают публике нового Ницше: «„Проклятые мыслители“ узнаются по трем особенностям: резко оборвавшееся творчество, родственники, которые слишком много на себя берут и препятствуют посмертным публикациям, книга-тайна, что-то вроде „Книги“, секреты которой можно разгадывать бесконечно»²⁰.

Объясняя свою позицию по случаю выхода полного собрания сочинений, Делёз связывает возвращение к Ницше с открытием заново несвоевременности, а значит и истории как поднятия на поверхность нового, неожиданного: дело происходит накануне событий мая 1968 года²¹. Делёз представляет Ницше как пример того, к чему должна стремиться современная философия в своей радикальной критике, в поиске форм, отличных от «Я», форм безличной индивидуации или доиндивидуальных сингулярностей. Чтобы пояснить траекторию этих поисков, Делёз упоминает некоторую философскую линию: «Это Лукреций, Спиноза, Ницше, плодотворная линия в философии, линия прерывающаяся, взрывная, совершенно вулканическая»²².

Начало 1970-х годов — особенно интенсивный момент в рецепции Ницше во Франции. Число публикаций растет. Пьер Клоссовски посвящает свое эссе о Ницше Жилью Делёзу²³ и, самое главное, совершенно новое поколение предлагает новые прочтения Ницше²⁴. Но кульминацией, самой настоящей кристаллизацией всего это бурного движения становится проходящая в июле 1972 декада в Серизи-ла-Саль. Все, кто так или иначе имел дело с творчеством Ницше, собираются, чтобы предложить свои интерпретации и обсудить их²⁵. Выступление Делё-

19. Gilles Deleuze, Michel Foucault, «Introduction generale», см.: Michel Foucault, *Dits et écrits*, tome I, p. 561.

20. Ibid., p. 561.

21. Gilles Deleuze, «L'éclat de rire de Nietzsche», entretien avec Guy Dumur, *Le Nouvel Observateur*, 5 avril 1967; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 178–181.

22. Gilles Deleuze, entretien avec Jean-Noël Vuarnet, *Les Lettres françaises*, 28 février–5 mars 1968; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 191–192.

23. Pierre Klossowski, *Nietzsche et le cercle vicieux*, Paris: Mercure de France, 1969.

24. Jean-Michel Rey, *L'Enjeu des signes*, Paris: Seuil, 1971; Bernard Pautrat, *Versions du Soleil*, Paris: Seuil, 1971; Sarah Kofman, *Nietzsche et la métaphore*, Paris: Payot, 1972.

25. Эта декада в Серизи отражена в двухтомном издании: *Nietzsche aujourd'hui?*, vol. 1. *Intensité*; vol. 2. *Passion*. В них можно найти Бернара Потра, Жан-Люка Нанси, Пьера Клоссовски, Жана-Франсуа Лиотара, Жилия Делёза, Сильвиан Агасински, Родольфа Гаше, Эрика Клемана, Роберто Калассо, Жака Деррида, Жан-Мишеля Рея, Жан-Ноэля Вюарне, Пьера Бардо, Леопольда Флама, Филиппа Лаку-Лабарта, Жана Муреля, Эдуара Гаэда, Сару Кофман, Эрика Блонделя, Жанну Деломм, Карла Ливита, Поля Валадьё, Эжена Бизера, Ричарда Руса, Хайнца Визмана, Ойгена Финка, Нормана Палму.

за носит название «Номадическая мысль»²⁶. Ему всего лишь 47 лет, но свое выступление он начинает с того, что подчеркивает расхождение в возрасте: «Что сегодня открывает в Ницше молодой человек из того, что не открыло в нем мое собственное поколение?»²⁷ Дело происходит сразу после 1968 года, после встречи с Гваттари. Возвращение к Ницше носит ярко выраженную политическую окраску, оно стало орудием самой радикальной критики, подтвердив, что на протяжении 1960-х годов философия Ницше, ранее маркированная как правая, резко сдвинулась влево, то есть в сторону нового прочтения, данного Делёзом. В своем выступлении Делёз дистанцируется от Фуко, который в Ройомоне выделил в качестве предвестников современности триаду, объединяющую Ницше, Маркса и Фрейда. Согласно Делёзу, в отличие от фрейдизма и марксизма, Ницше образует контркультуру, не поддающуюся институциональному присвоению: «Ницше предпринимает попытку декодирования»²⁸. В свою очередь, Делёз видит возможность сближения Ницше с Кафкой. Ницше воплощает в себе возможность философии, идущей наперекор философской институции, философии, всегда связанной с внешним, как показал Бланшо. Работа по извлечению Ницше из оболочки, которая его искажала и фашизировала, была проделана журналом *Acéphale* и книгами Жана Валя, Жоржа Батая и Пьера Клоссовски. В начале 1970-х годов, по мнению Делёза, важно связать афоризмы Ницше с экстериторностью, которая придает им освободительный смысл. Нужно открыть заново интенсивность этих «прожитых состояний», номадизм, к которому побуждает эта интенсивность, и свойственный этим фрагментам юмор: «Те, кто, читая Ницше, не смеялся вообще или не раздражался частым, порой даже безумным смехом, считай, его не читали»²⁹.

Машина войны, поддерживающая любой номадизм в его борьбе с любыми формами рекодирования, ницшеанство становится потенциальным путем освобождения от любых форм подчинения, бюрократических ограничений, настоящей школой жизни. В эти годы сразу после 1968-го можно говорить о настоящем «ницшеанском моменте», когда его творчество начинает пользоваться успехом у самой широкой публики³⁰. Точ-

26. Gilles Deleuze, «Pensée nomade», *ibid.*, vol. 1, p. 159–174; переиздано в: *L'île déserte et autres textes*, p. 351–364.

27. *Ibid.*, p. 351.

28. *Ibid.*, p. 354.

29. *Ibid.*, p. 359.

30. Цифры приводятся в: Jacques Le Rider, *Nietzsche en France. De la fin du XIXe siècle au temps présent*, Paris: PUF, 1999. Самое читаемое произведение «Генеалогия

кой опоры для этого порыва становится «Генеалогия морали», где Ницше вспоминает основателей первых цивилизаций, которые «приходят как судьба, беспричинно, безрассудно, без рассуждений и повода, они являются, как молния, слишком ужасные, слишком неожиданные, слишком убедительные, слишком иные, чтобы их можно было даже ненавидеть»³¹. Делёз находит у Ницше важный источник вдохновения для собственной темы «номадологии»³². Термин «номадизм», встречающийся у Делёза до 1968 года, после встречи с Гваттари, как подчеркивает Манола Антониоли³³, приобретет революционный оттенок, который в дальнейшем будет только усиливаться³⁴.

Бергсон: жизненный порыв

Будучи доцентом в Сорбонне с 1957 по 1960 год, Делёз просит откомандировать его в Национальный исследовательский центр. Он получил назначение туда на период с 1960 по 1964 год, что, как мы видели, позволило ему заняться выработкой нового подхода к философии Ницше. С 1964 по 1969 год он работает в Лионском университете³⁵. Нельзя сказать, что ему сильно нравилась это назначение. Ему поручили преподавание морали: «Я в Лионе: лионизированный, устроенный на новой квартире, морализированный, профессор морали и т.д. Был очень счастлив повидать Вас и мадам Валь перед отъездом»³⁶. Делёз с юмором рассказывает своему другу Франсуа Шатле о муках, которые доставляет работа над диссертацией: «Ох уж эта

морали» продано в количестве 269 000 экземпляров в переводе Алберта, вышедшем в серии «Идеи» в 1966 году; 11 000 экземпляров в издании ОРС, 1971; 105 000 экземпляров в «Фолио», в издании 1985 года, итого 385 000. Тираж «Так говорит Заратустра» достигает цифры в 191 000 экземпляров, а «Веселая наука» расходится тиражом 183 500 экземпляров. Декада о Ницше в Серизи совпадает с публикацией «Анти-Эдипа». Неудивительно, что тогда утверждается протестно-политическое значение заново осмысленной философии Ницше, и она открывается для линий ускользания, номадизма мышления, которое должно детерриториализироваться и декодироваться.

31. Фридрих Ницше, *Генеалогия морали*, с. 77.

32. Voir Jean-Clet Martin, *Variations. La philosophie de Gilles Deleuze*, Paris: Payot, 1993, в частности глава «Nomadologie», p. 51–71.

33. Manola Antonielli, *Deleuze et l'histoire de la philosophie*, Paris: Kimé, 1999, p. 52.

34. Об этом свидетельствует 12-я глава «Тысячи плато», «Трактат по монадологии. Машина войны».

35. В качестве лектора (*chargé d'enseignement*), что означало тогда: титулярный профессор, но без габиитационной диссертации.

36. Жиль Делёз, письмо Жану Валью, 16 декабря 1964 года, фонд Жана Валья, I M E C, о письме сообщил Джузеппе Бьянко.

моя диссертация. Это сборная солянка (лучшее должно оседать на дне, но его там как раз хуже всего видно)»³⁷.

Делёз избран на эту должность после того, как преподавательский совет отклонил двух опасных конкурентов, чьи идеологические пристрастия были слишком хорошо известны: Жюля Вьюемена, с одной стороны, и Анри Лефевра — с другой. «Делёз был молод, на нем не было никакого ярлыка, его было невозможно классифицировать, несмотря даже на дьяволизм Ницше, которым он был осенен»³⁸. Делёз оказывается на одном факультете с известным феноменологом Анри Мальдине: «Все началось с доклада о разуме, на котором его коллеги были в некоторой растерянности, а Мальдине — в своей стихии, благодаря чему они подружились»³⁹. Делёз сочувствует Мальдине, чья интеллектуальная известность никак не отражается на его карьере и не обеспечивает ему какой-нибудь солидной институциональной позиции. Несмотря на международное влияние его работ, он имел тогда лишь шаткий статус доцента, маргинализированный на факультете философии: «Делёз заступался за Мальдине перед университетским начальством»⁴⁰, — подтверждает Крис Юнес. В те времена между ними завязалась близкая дружба, и Мальдине даже удалось затащить Делёза в Альпы, несмотря на то, что тот едва мог там дышать!

А вот ученик Кангилема Франсуа Дагоне, наоборот, занимает очень сильную институциональную позицию на факультете и вне его, потому что с 1967 года председательствует в CNU (Национальном совете университетов). Его отношения с Делёзом быстро портятся. Когда Делёз приехал в Лион, Дагоне поначалу принял его очень тепло, надеясь включить в университетскую жизнь. Но Делёз держит дистанцию, если не сказать презирует его. Это породит глубокую обиду, которая перерастет в открытый конфликт из-за Мальдине, которого твердо поддерживает Делёз.

Среди коллег, с которыми общается Делёз, есть еще одна академическая знаменитость в области истории философии, Женевьева Родис-Леви, преподающая Платона, Мальбранша и, главное, Декарта, которого очень хорошо знает. Когда начались события мая 1968-го, она не понимает, почему против нее выступают, как против остальных: «Я же преподаю Платона!»

37. Жиль Делёз, письмо Франсуа Шатле, 1966, фонд Шатле, IMEC.

38. Jeanette Colombel, «Deleuze-Sartre: pistes», dans André Bernold, Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*, Paris: Hermann, 2005, p. 41.

39. Ibid., p. 41.

40. Крис Юнес, интервью с автором.

Делёз, наоборот, рад протестам и издевается над реакцией своих коллег, в частности, Родис-Леви, работы которой были посвящены ученикам Декарта, называвшимся «малыми картезианцами». Когда его друг Ален Роже спросил, что происходит в Лионе в разгар майских событий, не было ли актов насилия, Делёз ответил: да, «студенты очень жестоки: они выходят на демонстрацию против мадам Родис-Леви с плакатами „Мы сыты по горло малыми картезианцами!“»⁴¹

В Лионе Делёз подружился с философом Жанетт Коломбель, преподавательницей подготовительного класса, интеллектуалкой-коммунисткой, относящей себя к традиции Сартра. Две пары, Фанни и Жиль Делёз и Жанетт Коломбель с мужем вместе участвуют в культурной жизни Лиона, ритм которой задают спектакли Роже Планшона и Мишеля Оклера в «Городском театре». Они довольно часто ходят в кино и спешат посмотреть премьеры фильмов Жан-Люка Годара «Безумный Пьеро», «Китайка»: «В тот период я посмотрела почти все фильмы, упоминающиеся в „Образе-времени“. О, Моника Витти и Антониони, первые фильмы Феллини, фильмы Бергмана!»⁴²

Крис Юнес, которая четыре года училась у Делёза в Лионе, вспоминает о том, как тот совершенно иначе, чем его коллеги, пользовался историей философии: «С ним вы по-настоящему проживали Ницше, Спинозу, Бергсона, Лейбница»⁴³. В период 1964–1969 годов Делёз последовательно освобождается от влияния классической истории философии и, продолжая рассказывать в своих лекциях о любимых авторах, начинает разрабатывать более личные темы. В частности, он придает большое значение понятию события как возникновения неожиданного, требующего (тут он следует за стоиками), чтобы его были достойны и сумели его воплотить. Увлеченный размышлениями о понятии события, все эти годы «Делёз, не переставая, говорил о Жоэ Буске»⁴⁴. Переиздание «Перевода тишины» в *Gallimard* в 1967 году⁴⁵ позволяет ему перевернуть темпоральные отношения между человеком и его раной⁴⁶.

41. Ален Роже, интервью с автором.

42. Jeanette Colombel, «Deleuze-Sartre: pistes», p. 42.

43. Крис Юнес, интервью с автором.

44. Там же.

45. Joë Bousquet, *Traduit du silence*, Paris: Gallimard, (1941) 1967.

46. «Моя рана существовала до меня, я рожден ее воплотить», — пишет Буске, и Делёз замечает: «Рана — это то, что я принимаю в своем теле, в конкретном месте, в конкретный момент, но есть также и вечная истина раны как бесстрастного, нетелесного события» (Gilles Deleuze, *Dialogues*, avec Claire Parinet, Flammarion, 1977; rééd. augmentée, Champs Flammarion, 1996, p. 80).

Другая важная тема, которой Делёз занимается в Лионе, пришедшая к нему из занятий Ницше, — это тема вечного возвращения различия, заставляющая придавать особое значение утверждению и критиковать рессентимент или негативность: «Именно об этом он рассказывал нам на лекциях в Лионе, хотя в дальнейшем эта тема получила несколько иной оборот»⁴⁷. Его лионских студентов удивляет, как близко к тексту он идет, как глубоко пытается вникнуть в его логику. Хотя Делёз держится несколько в стороне от своих лионских коллег, он является бесспорным авторитетом для студентов, которые толпами приходят на его занятия. На подготовительном курсе в поточной аудитории Делёз выступает перед двумястами студентами, и когда он берет слово, «он настолько харизматичен, что в стоящей тишине можно услышать жужжание мухи»⁴⁸. Уже тогда он притягивает множество студентов других специальностей и по привычке делает вид, что импровизирует, хотя на самом деле тщательно готовится, чтобы обращаться к публике без бумажки: «У нас захватывало дух от него, у него был очевидный дар рассказчика. Он казался одновременно очень близким и очень далеким, как денди. В нем не было никакой расслабленности, никакой фамильярности»⁴⁹.

Лионский период Делёза до публикации его диссертации отмечен выходом в 1966 году книги о бергсонизме⁵⁰. Этот очерк вынашивался долго. Как мы помним, Бергсон был для Делёза важным автором еще в 1940-е годы, тогда как его товарищи Франсуа Шатле или Оливье Рево д'Аллон выражали серьезные сомнения в отношении этого считавшегося слишком идеалистическим философа. Во время Освобождения и в 1950-е годы, когда наступает безраздельное господство «трех Н» (Гегель, Гуссерль, Хайдеггер), Бергсону больше не находится места. Однако Делёз с удивительным упорством продолжает прокладывать свой путь. Случай представился благодаря Мерло-Понти, который в 1956 году предложил ему написать в рамках готовящегося им издания «Знаменитые философы» главу «Бергсон»⁵¹.

Делёз начинает книгу с утверждения, что великий философ узнается по способности придумывать концепты. В случае Берг-

47. Крис Юнес, интервью с автором.

48. Там же.

49. Там же.

50. Жиль Делёз, «Бергсонизм», *Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза*.

51. Gilles Deleuze, «Bergson, 1859–1941», dans Maurice Merleau-Ponty (sous la dir.), *Les Philosophes célèbres*, Paris: Lucien Mazenod, 1956, p. 292–299; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 28–42.

сона с его вкладом в философию неразрывно связаны понятия «длительности», «памяти», «жизненного порыва» или «интуиции». Учитывая, что для философа главным императивом является правильная постановка проблемы, Бергсон предлагает плодотворный метод избавления от ложных проблем своим учением об интуиции. Делёз различает у Бергсона две характерные черты интуиции. Интуиция делает возможной явленность вещей и в то же время предстает в виде возвращения. Главное следствие такой концепции — преодоление дуализма между чувственным и умопостигаемым миром, которые, согласно Бергсону, оба рождаются из одного движения: «Различие между двумя мирами Бергсон, таким образом, заменил на различение двух движений»⁵².

Уже в этом тексте 1956 года присутствуют пролегомены к будущему тезису Делёза о различии как абсолюте, берущему свое начало в текстах Бергсона. По сути дела, Бергсон, согласно Делёзу, переводит классический, не имеющий ответа вопрос «Почему есть скорее нечто, а не ничто?» в вопрос «Почему есть скорее это, чем то?» Что отсылает к вопросу о различии, к настоящей метафизике различия: «Это означает, что бытие — различие, а не неизменное или неразличимое, и не противоречие, которое является всего лишь ложным движением»⁵³. Возможный выход из апории, которая возникает из-за бинарного противопоставления единого и многого, — подчеркнуть значение различия как такового. Бергсон особенно стремился производить правильные разделения, должным образом различать в гибридных реальностях материи гетерогенные элементы, которые ее образуют. Здесь он опирается на Платона, сравнивавшего философа с хорошим поваром, который разрезает в соответствии с естественными сочленениями. Интуиция — инструмент философии, ее метод разделения, конструирования релевантных дуализмов, которые разрезают не столько вещи, сколько их тенденции, их подвижные вписывания в длительности по линиям дифференциации материи. Таким образом, жизненный порыв можно найти в осуществлении виртуальности. Здесь Делёз снова находил у Бергсона примат различия, который он сделает предметом своей диссертации: «Жизненный порыв — это различие, когда оно переходит к акту»⁵⁴.

Связь между виртуальностью и актуальностью в длительности проходит через память. Это через нее прошлое

52. Gilles Deleuze, «Bergson, 1859–1941», см.: *L'Île déserte et autres textes*, p. 31.

53. Ibid., p. 32.

54. Ibid., p. 37.

продолжается в настоящем. Память хранит былое и его потенциальности, сохраняющиеся в актуальности. Делёз настаивает на том, что главный вклад Бергсона заключается в том, что он разрушает линейность традиционной концепции времени и порывает с простой логикой следования моментов, отделенных друг от друга: «Прошлое не образуется *после* того, как оно было настоящим, оно *сосуществует с собой как настоящим*»⁵⁵. Подчеркивая значение виртуального в актуальном, позволяющее сосуществовать в одном и том же моменте прошлому и настоящему, Бергсон восхваляет творческий порыв, отход от привычек: «Через все творчество Бергсона проходит лирическая тема: настоящий гимн во славу нового, непредвиденного, изобретения, свободы»⁵⁶.

1956-й становится очень бергсоновским годом для Делёза. Помимо статьи в сборник под редакцией Мерло-Понти, он публикует также длинный этюд, с которым уже выступал в 1954 году перед «Ассоциацией друзей Бергсона» на тему «Концепции различия у Бергсона»⁵⁷. Делёз извлекает Бергсона из узкой ниши психологизма, в которой его хотели бы запереть, и подчеркивает онтологический аспект его творчества. В этом ключевом пункте он опирается на прочтение Бергсона, данное Ипполитом, сопоставлявшим его с Гегелем по вопросу различия⁵⁸. Темой статьи становится важная связь между жизнью и принципом дифференциации: «Жизнь — это процесс различения»⁵⁹. Как в растительном, так и в животном мире и мире людей процессы дифференциации находятся в центре возникновения многообразия видов. Хотя по сути дела перспектива монистическая, а не дуалистическая, Бергсон, тем не менее, различает специфику собственно человеческой истории, связанной с сознанием: «Если различие само по себе биологическое, то сознание различия — историческое»⁶⁰. Бергсон также с самого начала представляет собой альтернативу гегелевской диалектике, делающей акцент на негативности и противоречии, тогда как он ратует за концепцию различия без негативности. Бергсон позволяет также уйти от причинного финализ-

55. Ibid., p. 39.

56. Ibid., p. 41.

57. Gilles Deleuze, «La conception de la différence chez Bergson», *Les Études bergsonniennes*, vol. IV, 1956, p. 77–112; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 43–72.

58. Giuseppe Bianco, «L'inhumanité de la différence. Aux sources de l'élan bergsonien de Deleuze», *Concepts, Gilles Deleuze*, Mons: Sils Maria, 2003, notamment p. 68–73.

59. Gilles Deleuze, «La conception de la différence chez Bergson», *L'Île déserte et autres textes*, p. 54.

60. Ibid., p. 57.

ма, от исторической телеологии, чтобы почувствовать значение игры вложенных друг в друга темпоральных серий, открытых для становления, помеченного недетерминированностью. Эта недетерминированность не отсылает, однако, к расплывчатому и неопределенному понятию. В завершение этого насыщенного этюда Делёз пишет: «Бергсонизм — это философия различия и реализации различия: в личности есть различие, и оно реализуется как новизна»⁶¹. Эта оценка приложима и к нему самому⁶².

Как отмечает Анн Сованьярг, «Бергсон ориентирует Делёза на философию различия как способ ведения жизни»⁶³. И он находит реализацию этой программы в «Творческой эволюции»: «Жизненный порыв — это длительность, которая дифференцируется»⁶⁴. Делёз, однако, не ограничивается простым заимствованием тематики Бергсона, он осуществляет важный сдвиг от витализма к дифференциализму. В своем курсе 1960 года он сближает Бергсона и Фрейда, которые оказываются в одной и той же позиции, поскольку относят свободу к новизне, а память — к функции, обращенной в будущее: «Больше прошлого = больше будущего, а значит, свободы. Память — это всегда сжатие прошлого в настоящем»⁶⁵. С точки зрения Делёза, речь идет не о том, чтобы впасть в некоторую форму дуализма, но о том, чтобы утвердить линии различия в соответствии с движениями дифференциации. Классической философской традиции с ее дуализмом между субъектом репрезентации и репрезентируемым объектом (дуализмом, который заимствует феноменология) Бергсон, а затем Делёз противопоставляют другой путь, монистический: сознание не является «сознанием чего-то», потому что само *есть* что-то. Что же касается опыта, он состоит из композитов, среди которых движется субъект. Это предполагает, что философ должен призвать на помощь интуицию как метод: «Роль интуиции в том, чтобы разлагать композиты, выделять из них „чистые“ <элементы>»⁶⁶.

Когда Делёз в 1966 году публикует «Бергсонизм»⁶⁷, он работает доцентом в Лионском университете. Само название его

61. Gilles Deleuze, «La conception de la différence chez Bergson», *L'Île déserte et autres textes*, p. 72.

62. Bergson. *Mémoire et vie*, textes choisis par Gilles Deleuze, Paris: PUF, 1957.

63. Anne Sauvagnargues, «Deleuze avec Bergson. Le cours de 1960 sur *L'Évolution créatrice*», dans Frédéric Worms (sous la dir.), *Annales bergsoniennes II, Bergson, Deleuze, la phénoménologie*, Paris: PUF, 2004, p. 153.

64. Gilles Deleuze, «Cours sur le chapitre 111 de *L'Évolution créatrice* de Bergson», *ibid.*, p. 169.

65. *Ibid.*, p. 170.

66. *Ibid.*, p. 186.

67. Жиль Делёз, «Бергсонизм».

книги имеет провокативный оттенок, так как порывает с существующей на тот момент доксой в отношении Бергсона. В то время преобладала сверхкритическая, даже карикатурная интерпретация Бергсона, данная перед войной Жоржем Политцером. Под антиклерикальным псевдонимом Франсуа Аруэ⁶⁸ Политцер опубликовал в 1929 году язвительный памфлет о Бергсоне⁶⁹. Политцер, коммунист, расстрелянный в Мон-Валерьяне, в межвоенный период становится важной фигурой, и его трактовка бергсонизма преобладает в интеллектуальных кругах. Политцер не только сводит бергсонизм к замшелому психологизму, он делает из него выражение текущей буржуазной идеологии: «Вся его [Бергсона] жизнь, а также оставленные им указания касательно морали, которой еще никогда не было и, по-видимому, никогда не будет, дают нам понять, что он был всецело во власти буржуазных ценностей»⁷⁰. По мнению Режи Жоливе, философский авангард 1940–1950-х годов третировал Бергсона, как «дохлую собаку». Поэтому в 1960-е годы бергсонизм подозревали в том, что он был фиговым листком, которым прикрывалась реваншистски настроенная буржуазия. То, что Делёз принял этот «изм» в слове «бергсонизм», в таком контексте кажется очень решительным жестом: «Благодаря операции, проделанной Делёзом, бергсонизм из идеологии снова стал философским учением. В то же время назвать свою книгу „Бергсонизм“ означало и посмеяться над бергсонянцами за то, что они превратились в секту. В самом названии книги заложен гениальный ход»⁷¹.

С самых первых строк книги Делёз критикует общее место, согласно которому интуиция у Бергсона происходит из своего рода недорефлектированной спонтанности. Он видит в интуиции метод Бергсона и «один из наиболее полно развитых методов в философии»⁷². Делёз перенимает эту доктрину. Она требует высочайшей точности, и его первое правило, о котором Делёз будет без усталости напоминать как о главной задаче философии, состоит в том, что нужно правильно ставить проблемы, о чем он уже писал в своей книге о Юме. С Бергсоном мы делаем еще один шаг вперед, разоблачая ложные проблемы. Истинное и ложное должны подвергаться испытанию не только через изучение предложенных решений, но на уровне самих за-

68. Настоящее имя Вольтера. — *Прим. ред.*

69. Georges Politzer, *La Fin d'une parade philosophique, le bergsonisme*, Les Revues, 1929; rééd. Paris: Pauvert, 1968.

70. *Ibid.*, p. 11.

71. Фредерик Вормс, интервью с автором.

72. Жиль Делёз, «Бергсонизм», с. 229.

даваемых вопросов. Ибо, чтобы правильно ставить проблему, недостаточно способности раскрывать то, что есть, нужна способность придумывать.

Одно из главных правил Бергсона вытекает из требования различать истинные сочленения между категориями, различающимися по природе. Для этого Бергсон, а вслед за ним и Делёз, пользуется дуализмами, но отнюдь не ради бинарной системы, потому что учение Бергсона — как и Делёза — остается сугубо монистическим. Суть метода Бергсона в том, чтобы восстановить различия по природе в композитах, которые нам предоставляет опыт, и проводником в этом процессе различения служит интуиция. Таким образом, восприятие сразу вводит сознание в материю, тогда как память сразу помещает нас в область духа. Кроме того, интуиция, возведенная в ранг метода дискриминирования, отдает предпочтение времени перед пространством, поскольку длительность для Бергсона — место процесса дифференциации, изменения. Бергсоновская интуиция, таким образом, оказывается довольно строгим методом в силу своей способности к проблематизации, дифференциации и темпорализации.

Одно из главных изменений, внесенных Делёзом в традиционные интерпретации Бергсона, было в признании сути его учения не жизненного порыва и не памяти, а логики множественности. Так, в отличие от бергсонистов, Делёз уделяет много места изложению первой, всеми забытой работы Бергсона «Опыт о непосредственных данных сознания»⁷³, в которой находит основы теории множественности: «У Бергсона речь идет не о противопоставлении Многого и Единого»⁷⁴. Понятие множественности позволяет преодолеть гегелевскую диалектику, которая, согласно Бергсону, исходит из слишком абстрактного подхода, оторванного от опыта, и заменить ее тонким восприятием сингулярностей.

Более классическая тематика, разрабатываемая Делёзом в его книге, касается памяти и того, как она вводит концепцию времени, которое сталкивается уже не с завершенным прошлым, отрезанным от настоящего, но с переплетающимся временем, сосуществующими степенями длительности. Если настоящее возникает из психологии, то прошлое отсылает к чистой онтологии: «Чистое воспоминание обладает только онтологическим значением»⁷⁵, — утверждает Делёз, следуя в данном случае

73. Анри Бергсон, «Опыт о непосредственных данных сознания», *Собр. соч.*, т. 1, Москва: Московский клуб, 1992.

74. Жиль Делёз, «Бергсонизм», с. 253.

75. Там же, с. 268.

за своим учителем Ипполитом, когда тот критикует психологизированные интерпретации Бергсона. Порвав с положениями немецкого историзма Ранке, как и с французской исторической школой Ланглуа, Сеньобоса и Лависса, Бергсон выдвигает новаторскую концепцию времени, поскольку она основывается на концепции прошлого, никогда по-настоящему не завершающегося, так как оно присутствует в настоящем, от которого оказывается неотделимым.

Цель философии жизни, определяемой Бергсоном, — преодолеть пределы механистической каузальности: «Правило актуализации больше не сходство и ограничение, а различие или расхождение, и творчество»⁷⁶. Этот путь ускользания творческих жизненных потоков, который Делёз находит у Бергсона, становится бороздой, которую он будет возделывать на протяжении всего своего творчества. Чтобы дать импульс движению, сдвинуть формы и подчеркнуть действие сил, нужно иметь возможность помыслить дисконтинуальность, потенциальные разрывы. И здесь Делёз снова находит опору в Бергсоне, поскольку «ум ясно представляет себе только прерывистое»⁷⁷. Важен акт, который находится в стадии совершения, текущий процесс, новаторский и высвобождающий становления: «Движение заключает в себе нечто *большее*, чем последовательные положения, приписываемые подвижному телу, что становление есть нечто *большее*, чем сменяющие друг друга поочередно формы»⁷⁸. В этом процессе, который и есть сама жизнь в ее порыве, сопрягаются и материя как полюс необходимости, и сознание как полюс свободы. Это движение к творческому началу происходит методом изъятия: именно это Делёз позднее позаимствует из первой главы «Материи и памяти» (1896), когда в 1980-е годы будет готовить свою книгу о кино. Сознание не добавляется к миру. Оно забрасывает свои сети, чтобы его поймать: оно есть сам мир через изъятие. Здесь мы имеем определение сознания не как потока света, который что-то добавляет, но как то, что, наоборот, отнимает, изымает: «Это радикальное изменение метафорического режима. Больше не идет речь о свете, наведенном на вещи, или о феноменологическом гарпуне, речь о черном экране, на который проецируется минус материя»⁷⁹.

76. Там же, с. 315.

77. Анри Бергсон, *Творческая эволюция*, Москва: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001, с. 143.

78. Там же, с. 301.

79. Эли Дюринг, интервью с автором.

Это присвоение философии Бергсона, как всегда, дублируется у Делёза ее оригинальным прочтением. По его словам, которые мы уже приводили, всем авторам, к которым он обращался, он «делал ребенка у них за спиной». Бергсону, несмотря на его привилегированный статус в делезовском пантеоне, тоже не удалось этого избежать. Как утверждает специалист по творчеству Бергсона Фредерик Вормс, «что бы там ни говорили, но Бергсон — спиритуалист, даже если мне очень не нравится этот ярлык»⁸⁰. Бергсон Делёза — Бергсон без сознания, Бергсон, из которого изъяли дух, что на самом деле не такой уж безобидный поступок. Согласно Бергсону, вещь не существует, если память не произвела ее временной синтез, и даже тело не поддерживает себя в бытии в одиночку. Таким образом, тело поддерживается только за счет субъективности, акта, имманентного времени и опыту, но все-таки акта.

В своем комментарии Делёз полностью затушевывает этот важный аспект бергсоновской философии. Это приводит к тому, что он опускает важную часть его творчества: «Он не говорит о его главной книге „Два источника морали и религии“, что удивительно, поскольку эта книга в самом своем заглавии несет понятие различия по природе. Странное отсутствие, вызванное, естественно, тем табу, которое он накладывает на сознание»⁸¹. Длительность, согласно Бергсону, — субъективный акт, тогда как у Делёза обратное движение, у него субъект становится эффектом длительности. Таким образом, сознание предстает просто сжатием мгновений. Делёз извлекает из Бергсона одну часть его творчества, оставляя в стороне другую, которую не считает важной. Тем не менее его прочтение Бергсона способствовало возвращению последнего на философскую сцену и легитимации у нового поколения философов: «Ребенок, заделанный Делёзом Бергсону у него за спиной, — гениальный ребенок, который оказался нужен всем. Лично я усыновил этого бастарда, кормил его и поил, дал ему кров, образование, собственно этим я и занимался»⁸².

Философия утверждения: Спиноза

Спиноза занимает особое место в творчестве Делёза. В 1977 году он назовет его автором, над которым он работал больше всего и который сыграл для него огромную роль:

80. Фредерик Вормс, интервью с автором.

81. Там же.

82. Там же.

Серьезнее всего по нормам истории философии я работал именно над Спинозой, в то же время это он больше всего произвел на меня впечатление свежего порыва ветра, который толкает вас в спину всякий раз, когда вы его читаете, или [впечатление] метлы ведьмы, которую он заставляет вас оседлать. Спинозу еще даже не начали понимать, и я понимаю не больше других⁸³.

Гораздо позднее, в 1991 году, в книге «Что такое философия?» Делёз еще раз воздаст должное Спинозе, которого представит «настоящим королем философов — возможно, единственным, кто не шел ни на малейший компромисс с трансцендентальностью, кто преследовал ее повсюду»⁸⁴; «Таким Христом философии является Спиноза, а другие величайшие философы — скорее лишь апостолы, кто дальше, кто ближе от этого таинства. Спиноза — бесконечное становление-философом. Он показал, составил, помыслил „лучший“ план имманенции — то есть самый чистый, который не отдается во власть трансцендентности»⁸⁵.

Спиноза был темой дополнительной диссертации Делёза «Идея выражения в философии Спинозы», которую он защитил в 1968 году под руководством Фердинана Алкье⁸⁶. Эта ранняя работа была почти завершена уже в конце 1950-х годов. По сути дела, Делёз в ней довольно радикально расходится со своим научным руководителем, который твердо стоит на позициях картезианского дуализма, выступая против спинозистского монизма. Тем не менее Делёз находит у Алкье несколько идей, показавшихся ему очень важными, например, предложение рассматривать «общие понятия» как «биологические идеи», а не как абстрактные геометрические сущности⁸⁷. В 1970 году Делёз публикует вторую книгу о Спинозе в форме антологии⁸⁸, а в 1978-м напишет статью об актуальности Спинозы⁸⁹. Спустя несколько лет Делёз издает работу, в которой частично воспро-

83. Gilles Deleuze, *Dialogues*, avec Claire Parnet, p. 22.

84. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, Москва: Академический проект, 2009, с. 58.

85. Там же, с. 70.

86. Жиль Делёз, *Спиноза и проблема выражения*, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014.

87. См.: Ferdinand Alquié, *Servitude et liberté chez Spinoza*, CDU Sorbonne, 1959; rééd. dans *Leçons sur Spinoza*, La Table ronde, 2003.

88. Жиль Делёз, «Спиноза», *Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Берсонизм. Спиноза*. Эта публикация выходит в той же серии «Философы», что и «Ницше», изданный в 1965 году, и включает в себя краткое описание жизни автора, его философии и перечень основных концепций, за которыми следует антология из отрывков из его произведений.

89. Gilles Deleuze, «Spinoza et nous», *Revue de synthèse*, janvier 1978.

изводятся два предшествующих текста⁹⁰. В 1980–1981 учебном году он посвятит в Венсене целый курс Спинозе, к которому также вернется в 1993 году в «Критике и клинике»⁹¹.

Этим погружением в мир Спинозы, в самый центр его проблематики, вторжением на территорию споров, которые тот вел, Делёз решительно опровергает академическую репутацию Спинозы как создателя системы, одновременно развоплощенной и недоступной. Делёз вдохнул в Спинозу жизнь, но этот живительный дух прошел и через него самого. Нужно сказать, что существовала целая философская традиция, рисовавшая образ Спинозы как чистого метафизика, не приносящего никакой пользы, поскольку он не рассматривает вопрос о свободе: «Если на него обрушивалось столько хулы, что выражение „спинозизм“ стало ругательным или даже позорным ярлыком, то произошло это потому, что все сразу заметили (пусть искажив и окарикатурив их) а-теологические и а-моральные следствия его метафизики»⁹². Для Гегеля Спиноза — создатель чисто теоретической системы, и Кожев вслед за ним считал, что со Спинозой невозможно ничего сделать, потому что его философия опирается на мертвую систему, исключаящую как свободу, так и субъективность. Делёз освобождает Спинозу из этого заключения: «Сделав из него важного „наследника“ Ницше, великого живого, Делёз полностью изменил ситуацию»⁹³.

«Философ может жить в разных государствах, перемещаться в разных средах, но как отшельник, тень, путешественник, постоялец мебелированных комнат»⁹⁴. Всю свою жизнь Спиноза стремился только сохранять независимость и просил у властей одного — чтобы его терпели. В дальнейшем это станет правилом жизни самого Делёза. Но в XVII веке даже в бурлящей жизнью среде Амстердама непросто воспользоваться своей свободой, и Спиноза убедился в этом на своем горьком опыте. Его главный труд «Этика», на который у него ушло пятнадцать лет, не был опубликован при жизни: уж слишком он нарушал все обычаи. Спиноза умер в 1677 году, так и не сделав его достоянием публики. Мнение лейденской консистории подтвердило его опасения. Осуждение было безоговорочным: эта «книга, которая от сотворения мира и, возможно, до сего дня не знала равных в своей нечестивости». Из Спинозы, противившегося

90. Gilles Deleuze, *Spinoza. Philosophie pratique*, Paris: Minuit, 1981.

91. Жиль Делёз, «Спиноза и три „Этики“», *Критика и клиника*.

92. Гийом Сибертен-Блан, интервью с автором.

93. Тома Бенатуй, интервью с автором.

94. Gilles Deleuze, *Spinoza. Philosophie pratique*, p. 11.

любому подчинению, сделали анахорета, бесплотного призрака. Однако это представление очень далеко от реальности этого философа, через которого, как пишет Делёз, проходит «сама Жизнь»⁹⁵. Его философия — это прежде всего философия жизни, ее могущества, победы аффектов радости над аффектами печали, и именно этот важный аспект спинозистского послания Делёз постоянно подчеркивает: «Жизнь у Спинозы не идея, не теоретическая вещь. Это манера бытия, тот же вечный модус во всех атрибутах»⁹⁶.

Спиноза в полной мере принадлежит своему времени, поэтому его система никоим образом не является развоплощенной. Она выражает в предельной форме вопросы, свойственные тому Новому времени (модерновости), которое переходит от отношения ко вселенной, считающейся замкнутой и конечной, ко вселенной, оказывающейся бесконечной. Как мыслить бесконечность — важный вопрос XVII века. Философия Спинозы доводит этот вопрос до логического конца, избегая лобового столкновения конечности и бесконечности за счет того, что изобретает новую категорию — категорию бесконечно малого, познаваемого на основе серий. В этом отношении Спиноза выдвигает совершенно особую концепцию индивида как сочетания, как потенции и степеней. Индивид уже рассматривается не как субстанция, а как отношение, независимое от своих термов. Во вторую очередь индивид — это прежде всего потенция, а не форма, он стремится к своему пределу. Здесь Спиноза выдвигает концепцию конатуса, согласно которой: «Всякая вещь стремится упорствовать в своем бытии». Индивид стремится к своему пределу: «Стремиться к пределу — это и есть потенция»⁹⁷.

В своей дополнительной диссертации Делёз тематизирует проблему, которую считает центральной у Спинозы, — проблему выражения. Термин, используемый в первой книге «Этики», служит для Делёза отправной точкой: «Под Богом я разумею существо абсолютно бесконечное, то есть субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, среди которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»⁹⁸. Проблема выражения концентрирует в себе, как считает Делёз, сложные однозначные отношения между субстанцией и многообразием ее атрибутов. Именно из-за выражения спинозизм является мо-

95. Ibid., p. 21.

96. Ibid., p. 22.

97. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 17 февраля 1981 года, звуковой архив, ВNF; Жиль Делёз, *Лекции о Спинозе*, Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016, с. 135.

98. Бенедикт Спиноза, «Этика», *Сочинения* в 2 т., СПб.: Наука, 1999, т. 1, с. 253.

низмом. В отличие от аспекта «развертывания», аспект «выражения» выводит на онтологическое измерение, цель которого — противопоставить картезианству потенциальности философии природы: «Таким образом, выражению не нужно быть предметом доказательства: скорее именно выражение помещает доказательство в абсолют»⁹⁹. Делёз согласен, что Спиноза по-настоящему не тематизировал понятие выражения в своем творчестве: «Идея выражения у Спинозы не является ни предметом определения, ни предметом доказательства»¹⁰⁰. Атрибуты не могут быть ничем иным, как утверждениями, а они экспрессивны: «Философия Спинозы — это философия чистого утверждения. Утверждение — спекулятивный принцип, от которого зависит вся „Этика“»¹⁰¹.

В центре спинозизма находится тема способности. Способность действует повсюду, и понимание не имеет привилегий в этой области по сравнению со своими объектами, которые используют ту же способность, чтобы существовать. Способность эквивалентна сущности. Всеми существами движет способность к существованию, которая для человека «составляет часть бесконечной способности, то есть сущности Бога или природы»¹⁰². Эта божественная субстанция раздваивается на способность существовать и способность действовать. Эта божественная природа фундируется «*сразу* в необходимости и в возможности»¹⁰³.

Делёз показывает, насколько Спиноза расходится с Декартом и его дуализмом, основанным на соответствии идеи и объекта, который она репрезентирует. Тем самым картезианство обрекает себя на то, чтобы оставаться на уровне формы, и упускает из виду способность. Адекватная идея не имеет для Спинозы значения соответствия между идеей и вещью, но «это именно идея, выражающая свою причину»¹⁰⁴. Делёз проводит связь между Спинозой и своими работами о Юме. Он называет метод Спинозы «эмпиристским» исходя из того, что тот смещает декартовский вопрос о ясном и отчетливом, чтобы заменить его методом, который спрашивает не «адекватны ли наши идеи?», а «как нам удастся формулировать адекватные идеи?»: «Поэтому спинозистская установка глубоко эмпирична»¹⁰⁵.

99. Жиль Делёз, *Спиноза и проблема выражения*, с. 15. Перевод изменен. — Прим. пер.

100. Там же, с. 12. Перевод изменен. — Прим. пер.

101. Там же, с. 43.

102. Спиноза, «Этика», с. 399.

103. Жиль Делёз, *Спиноза и проблема выражения*, с. 97.

104. Там же, с. 106.

105. Там же, с. 121. Перевод изменен. — Прим. пер.

Важный аспект, к которому Делёз в дальнейшем будет часто возвращаться, — вопрос Спинозы о том, что может тело в своей способности вызывать аффект и быть затронутым аффектом: «Опыт никого еще не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы»¹⁰⁶. То, на что способна способность, свойственная человеку, нельзя предопределить заранее, так что полюсу активности соответствует полюс пассивности, аффицированность. Эта способность толкает существование к его крайним пределам и называется «конатус», это усилие, которое требуется, чтобы упорствовать в бытии. Делёз называет эту способность «желанием» и настаивает на том, что она детерминирована аффектациями. Этой теме предстоит стать главной у Делёза, когда он соединит ее с психоаналитическим дискурсом — сначала, чтобы усваивать его, затем, чтобы с ним бороться, — противопоставив ему другой путь, философский, в котором вопрос желания занимает центральное место, но не в его фрейдистской форме. Запуск этой связки конатус/желание, по Спинозе, происходит благодаря встречам. Эти встречи либо делают нас более активными, освобождая нашу способность и возбуждая радость, либо, наоборот, становятся носителями печальных аффектов и обрекают нас на бессилие, пассивность, парализуя способность к действию. Таким образом, человек как аффицируемое существо обладает способностью распознавать то, что делает его печальным или счастливым. Так он может выбирать между плохими и хорошими встречами. Это ясное понимание себя может пролить свет на практическую сферу: «Мы одерживаем победу, если нам удастся отстранить это чувство грусти, то есть уничтожить тело, которое нас затрагивает»¹⁰⁷. Отсюда возникает этика, побуждающая не погружаться в ненависть или полемику, как и в любой другой печальный аффект, чтобы поддержать способность, свойственную действию и творчеству.

Когда Спиноза констатирует неспособность помыслить то, что может тело, это, по мнению Делёза, «военный клич»¹⁰⁸, потому что он свергает существовавшее господство действий и реакций души над действием и реакциями тела. По Спинозе, тело превосходит знание, которое можно о нем получить, потому что воплощает способ бытия одного из двух атрибутов, протяженности, состоящей из скоростей и замедлений, скомпонованных друг с другом. Источник движения тела находится в имманентности.

106. Спиноза, «Этика», с. 338.

107. Жиль Делёз, *Спиноза и проблема выражения*, с. 210.

108. Там же, с. 214.

Спиноза располагается не на уровне морального противопоставления Добра и Зла, а на этическом уровне типов аффектаций, которые определяют конатус: «В пределе, свободный, сильный и разумный человек полностью определяется обладанием своей способностью действовать»¹⁰⁹. Там, где встреча — то, что Делёз после знакомства с Гваттари будет называть срезом потока, — максимальна, чтобы поддерживаться в бытии, это происходит потому, что «я могу» связано со способностью аффицироваться, а она зависит от встречи с другим, поскольку он может изменить тождественность того же самого.

В 1977 году, почти через десять лет после публикации его дополнительной диссертации, Международный центр синтеза пригласил Делёза выступить по случаю трехсотлетия Спинозы. Он выступил с докладом «Спиноза и мы»¹¹⁰. Этой формулировкой Делёз описал собственный стиль: он сразу, без предварительной подготовки, переходит к самой сути философских произведений, чтобы сделать связь между нынешним читателем и изучаемым философом более интенсивной. Это также позволяет сделать Спинозу более понятным: до тех пор комментаторы крутились вокруг всего лишь двух атрибутов субстанции, протяженности и мышления. Мы на самом деле можем познать только два атрибута субстанции, которая исходит от божественного в силу своей бесконечности: протяженность и мышление. «Делёз располагается в самом центре системы, отмечает в ней субстанцию, атрибуты, которые самовыражаются, и пересобирает всю систему Спинозы исходя из понятия выражения»¹¹¹. Именно то, что не субстанция, но выражает ее без всякой иерархии, делает Спинозу философом имманентности, порвавшим с любой эманативной мыслью. Бытие отсылает к единому, к однозначности, потому что все атрибуты находятся в состоянии полного равенства.

Уже в этом выступлении Делёза представлен тот сдвиг, который он подтверждает в 1981 году публикацией своей новой книги о Спинозе, — акцент на практическом учении его «Этики», которая является не моральным трактатом, а сочинением об этологии: «Этология — это прежде всего опыт об отношениях ускорения и замедления, о способности вызывать и испытывать аффективные состояния, которыми характеризуется каж-

109. Жиль Делёз, *Спиноза и проблема выражения*, с 220.

110. Gilles Deleuze, «Spinoza et nous», *Revue de synthèse*, Paris: Albin Michel, 1978, № 89–91; переизд. с дополнениями в: *Spinoza. Philosophie pratique*, chap. VI, p. 164–175.

111. Жан-Клод Дюмонсель, интервью с автором.

дая вещь»¹¹². Этот вопрос о дифференциале скоростей имеет большое значение для Делёза, опирающегося на Спинозу в том, чтобы определять вещь или индивида не через его форму, органы или функции, не как субстанцию или субъекта, но по долготе и широте. Он заимствует у Спинозы различие этих двух модусов индивидуации, каковыми являются существование, как делимое целое, делящееся на экстенсивные части, и сущность как интенсивная часть. Его понимание тела носит кинетический характер, в нем противопоставляются отношения ускорения и замедления каждого из его элементов. Это различие позднее поможет и Делёзу, и Гваттари мыслить в категориях картографии тел.

Вторая интерпретация Спинозы, опубликованная в 1981 году, не отменяет первую, предложенную в 1968 году. Однако можно согласиться с замечанием Франсуа Зурабишвили, когда он указывает на смещение взгляда, которое делает из Спинозы «философского героя Делёза второго периода»¹¹³. Вторую книгу о Спинозе Делёз издает после 1968 года и после двух главных книг, написанных в соавторстве с Гваттари, «Анти-Эдипа» и «Тысячи плато». В результате акцент теперь делается на практическом аспекте философии Спинозы, а также на ее сближениях с философией Ницше. Спиноза, к которому возвращается Делёз в этот период, — философ искусства жить, способа бытия, который позволяет гармонично сочетать побуждения, исходящие от аффекта как концепта, ради большего совпадения между максимумом разумного и максимумом радости. Чтобы самоутвердиться, этот образ жизни должен вести борьбу на трех фронтах: против власти и ее запретов, против трансцендентности, которая создает пропасть между мышлением и его потенциальностями, и, наконец, против «пагубной концепции отношений теории и практики (превосходства первой над второй)»¹¹⁴. Спиноза становится главной отсылкой для всецело имманентной мысли.

Делёз возвращается, на этот раз после краткого очерка жизни Спинозы, к теме различия между моралью и этикой, вызвавшей такой скандал в свое время. Его практическая философия представлена как тройной вызов, брошенный владычеству сознания, ценностей и печальных страстей, что стоило ему тройного обвинения: в материализме, иммориализме и атеизме. Делёза поражает аналогия с Ницше, и он с самого начала под-

112. Gilles Deleuze, «Spinoza et nous», *Spinoza. Philosophie pratique*, p. 168.

113. François Zourabichvili, «Deleuze et Spinoza», dans Olivier Bloch (sous la dir.), *Spinoza au XXe siècle*, Paris: PUF, 1993, p. 240.

114. Ibid., p. 238.

черкивает, что это несколько шокирующее сближение на самом деле релевантно: «Все указывало на великую тождественность Ницше — Спиноза»¹¹⁵. В этот период Спиноза служит Делёзу могучей машиной войны против структурализма и психоанализа. Спиноза позволяет поддержать силы жизни в их борьбе с любой культурой вины, с любой мыслью, исходящей из нехватки и отсутствия: «Этическая *радость* — коррелят спекулятивного *утверждения*»¹¹⁶.

Все это разыгрывается в существовании в виде экспериментов с хорошими или плохими комбинациями, которые одни только имеют отношение к тому, что хорошо или дурно: «Таково окончательное различие между хорошим и плохим человеком: хороший, или сильный, человек — тот, кто живет так полно или интенсивно, что при жизни отвоевывает вечность, и для которого смерть, всегда экстенсивная, всегда внешняя, мало что значит»¹¹⁷. Эта экстериоризация смерти, которая, по Спинозе, всего лишь случайность, станет для Делёза убеждением, которое он будет без усталости защищать и противопоставлять «бытию-к-смерти» Хайдеггера. Согласно Спинозе, смерть затрагивает только экстенсивные части, а «реальность интенсивной части как интенсивной остается»¹¹⁸. Отсюда двойная вечность: вечность отношений, определяющих сингулярность каждого, и вечность особой сущности, которая характеризует того, кто умирает. Это позволяет Спинозе утверждать, что уже при жизни переживается некоторая форма вечности, которую он противопоставляет бессмертию теологов. В этих условиях «сама идея о какой-то тяге к смерти — гротескный концепт»¹¹⁹, как утверждает Делёз, метя в том числе и во Фрейда.

В 1993 году Делёз возвращается к Спинозе, чтобы показать, что в нем есть три ритмических уровня, соответствующих трем видам познания в «Этике», первое чтение которой может навести на мысль о непрерывном потоке: «Знаки, или аффекты; Понятия, или концепты; Сущности, или перцепты»¹²⁰. Книга, таким образом, разворачивается в разных ритмах, более или менее интенсивных, сжимающихся или растягивающихся, в которых, согласно своей непрерывной логике, друг друга сменяют миры «постулатов», «доказательств» и «короллариес», тогда как мир

115. Gilles Deleuze, entretien avec Raymond Bellour et François Ewald, *Le Magazine littéraire*, N° 257, septembre 1988.

116. Gilles Deleuze, *Spinoza. Philosophie pratique*, p. 43.

117. Ibid., p. 59.

118. Жиль Делёз, *Лекции о Спинозе*, с. 183.

119. Там же, с. 195. Перевод изменен. — Прим. пер.

120. Жиль Делёз, «Спиноза и три „Этики“», с. 186.

«схолий» живет в прерывистом порядке в нижних слоях, отдавая им свои страсти, страсти тайных аффектов книги, а пятая часть «Этики» следует совершенно иному ритму и действует яркими вспышками. Способ доказательства в этом случае радикально меняется, сжимаясь, чтобы дать волю высшей скорости.

Отдав в своих монографиях дань корпорации профессиональных философов и консолидировав при этом виталистский фундамент, на который он будет опираться в 1968–1969 годах, Делёз берется за раскрытие собственной философии, на этот раз заговаривая от своего собственного имени о том, с чем он порывает. В этот период он утверждает уникальность своей мысли и стиля письма.

Глава 8

Делезианство: онтология различия

В 1968–1969 ГОДАХ, когда Делёз защищает свою диссертацию, настал час прямо заявить о себе во всей своей специфике. Автор «Различия и повторения» дистанцируется от того, что представляет собой важнейшую философскую отсылку, выступая за низвержение платонизма. Впрочем, его выступление совпадает с философским моментом 1960-х годов, который радикальным образом ставит под сомнение гегелевское наследие, до сих пор безраздельно господствовавшее в истории философии. Куда ни брось взгляд — на новый роман, гуманитарные науки или повальное увлечение Хайдеггером, — везде дух времени проникнут «всеобщим антигегельянством»¹.

Ниспровержение платонизма и гегельянства

Первый массив, который нужно сдвинуть для утверждения собственных позиций, — это платонизм, «низвержением» (*renversement*)² которого должна заняться современная философия. Платон ставит очень конкретную проблему. Среди растущего числа претендентов на воплощение в себе истины в афинском полисе необходимо произвести выбор, подвергнув соперников философскому испытанию, которое поможет отделить зерна от плевел, «вещь от ее симулякров»³. Чтобы провести отбор, Платон выдвигает концепт Идеи, которая соответствует сущности феномена. Именно действуя в интересах этой сущности, Платон может претендовать на то, чтобы разделить соперников и отбраковать ущербных, мнимых, симулякры. Однако Делёз

1. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, СПб.: Петрополис, 1998, с. 9. Перевод изменен. — Прим. пер.

2. Там же, с. 82.

3. Там же, с. 84.

выделяет в конце «Софиста» удивительный момент, когда Платон, везде находящий симулякры, открывает, что симулякр — не просто фальшивая копия, но ставит под вопрос сами понятия копии и образца:

Симулякру есть чем оспорить и понятие копии, и понятие образца... Образец в различии разрушается, в то время как копии укореняются в несходстве интериоризируемых рядов; так, что никогда не скажешь, где копия, а где оригинал⁴.

Платон, таким образом, первым наметил путь для возможного ниспровержения собственного метода. Ирония судьбы, наивысший парадокс: тот самый софист, на которого Платон обрушивается как на воплощение ложного, симулякра, сатира или кентавра, уж не оказывается ли он случайно в конечном счете настоящим философом?

Платона до сих пор сводили к однозначности тезисов, которые он излагает в «Теэтете», где он фигурирует как учредитель морального порядка, ориентированного на истину, понимаемую согласно неизменной модели узнавания. Значит, нужно последовать за самим Платоном по пути, который забрезжил перед ним, но по которому не пошел: «Опровергнуть платонизм означает следующее: отвергнуть примат оригинала над копией, образца — над образом. Восславить царство симулякров и отражений»⁵. В «Логике смысла», когда Делёз различает три возможных позиции для философа, он немного радикализирует свою критику платонизма, рассматриваемого здесь как традиция, закрепившая за философом предназначение покинуть свою пещеру, чтобы подняться в небеса идеального мира и там отправиться на поиски истины, недоступной простым смертным. Вслед за Ницше Делёз видит в платоновской философии выражение патологии: философ постоянно сбегает в ирреальное, возносясь «взмахами платоновских крыльев»⁶.

Открытие заново исторических виртуальностей, преобразующего и революционизирующего потенциала проходит «через различие и его утверждающую способность»⁷. Виртуальное, значение которого Делёз подчеркивает уже тогда, еще до построения настоящей философии виртуального⁸, противопоставляется не реальному, а актуальному: «*Виртуальное обладает*

4. Там же, с. 162.

5. Там же, с. 90.

6. Жиль Делёз, *Логика смысла*, Москва: Академический проект, 2011, с. 171.

7. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 256.

8. Жиль Делёз, *Складка. Лейбниц и барокко*, Москва: Логос, 1997.

полной реальностью в качестве виртуального»⁹. Подобно событию, рискующему быть поглощенным и уничтоженным объяснительными схемами, различие противится объяснению. Это позволяет Делёзу достичь настоящего проблематического горизонта философии и помыслить парадокс, важную фигуру, главный троп 1960-х годов, противопоставив его иллюзии возможности снятия противоречий: «Парадокс — философский пафос или страсть»¹⁰. Будучи философами чрезвычайно разными, Делёз и Поль Рикёр оказываются солидарны в этом определении философского акта как ответа на парадоксы, на апоретическое напряжение; ведь философская практика Рикёра тоже далека от того, чтобы предлагать мнимое разрешение противоречий в обобщающем синтезе. Утверждая необходимость мыслить несоизмеримые полюса вместе, Рикёр раз за разом обходит апоретические конфликты, изобретая несовершенные медиации. Со своей стороны, Делёз ищет пути более прямого доступа к чистым различиям. Еще одно сближение между Делёзом и Рикёром возникает на почве метастабильности вопрошающей позы философа. У обоих философов асимметрия в отношениях вопроса и ответа склоняется в сторону вопроса: «Нас заставляют одновременно поверить, что проблемы даются в готовом виде и что они исчезают в ответах или решениях»¹¹. Это убеждение, согласно Делёзу, происходит из инфантильного предрассудка, от которого следует избавиться.

Различие как таковое

Делёз изобличает настоящее проклятье, обрушившееся на всю философию различия в западной философской традиции. Различие отождествляется с силами Зла, с виной, грехом и монструозностью. Делёз вынашивает проект по реабилитации этой теневой части истории философии. Возвращаясь к метафоре Платона, но уже применительно к собственному проекту, Делёз намеривается вывести различие «из его пещеры»¹².

Но как ухватить различие? Ни феноменология, ни диалектический метод тут не помогут, потому что если мыслить его само по себе, то оно проявится как само утверждение, и действительно, Делёз считает, что «в сущности, различие — объект утвержде-

9. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 256.

10. Там же, с. 278. Перевод изменен. — Прим. пер.

11. Там же, с. 197.

12. Там же, с. 47.

ния, само утверждение»¹³. Принять во внимание эту сущность — значит решительно порвать с философией репрезентации, которая всегда подчиняет выражение различий тождественности, образцу, который нужно ре-презентировать, и в духе Ницше заменить ее экспериментированием: «Следует показать различие как *различающее*»¹⁴. Вечное возвращение в таком случае будет различием «для себя», возвращением не того же самого, а иного. Однако не происходит ли так, что мы неумолимо возвращаемся к тому же самому или прибегаем к нескольким опосредованиям, которые могут редуцировать различия, чтобы их можно было помыслить? Делёз приводит пример молнии, возникающей, когда потенциалы между массами разного воздуха слишком сильно контрастируют. Молнию предваряет темный предшественник, указывающий, как проляжет ее путь в небе. Он и есть различие «в себе»: «Мы называем *несравненным* (*dis-pars*) того темного предшественника, то различие в себе второго порядка, что устанавливает отношения между разнородными или разрозненными рядами (*séries*)»¹⁵.

Традиция замкнулась в конформизме образца, считающегося повторимым. От «Теэтета» Платона до «Критики чистого разума» Канта модель узнавания ориентирует философию на то, чтобы превратиться в доксу, ортодоксию, источник конформизма и попасть в зависимость от идей своего времени. Делёз задается вопросом, какую ценность может иметь мысль, которая никого не задевает. До сих пор философия функционировала только как признание сложившихся ценностей и институтов, как дубликат их легитимации, их душевный излишек.

Делезовский проект 1968 года состоит в том, чтобы разработать некоторую онтологию. Пара вопрос-проблема, как ее понимает Делёз, призвана вернуть динамику онтологической программе, исходящей из зияния, которое не может быть заполнено. Для этого необходимо отталкиваться от проблемы, чтобы задать правильный вопрос. Онтология уподобляется броску костей. Статус онтологии — уже не статус основания, на которое можно опираться или искать в нем поддержки, но статус алеаторного становления, открытости: «Единичные точки отмечены на кости; вопросы — это сами игральные кости; метание — это императив. Идеи — проблематичные сочетания как результаты ходов»¹⁶. Эти броски костей связаны с субъектом, с «я», но это

13. Там же, с. 74.

14. Там же, с. 79. Перевод изменен. — Прим. пер.

15. Там же, с. 153. Перевод изменен. — Прим. пер.

16. Там же, с. 243.

всегда расколотое и расщепленное «я», и они смещают линии этого расщепления в порядке темпоральности.

Целью повторения онтологического порядка будет распределение различия между физическим и психическим повторением и производство иллюзии, которая на них воздействует. В отличие от репрезентации, оно будет реализовывать онтологию не в аналогическом модусе, потому что «повторение — единственно реализованная Онтология, *то есть* единообразие бытия»¹⁷. Эта философская программа опирается на двух философов. Во-первых, на Спинозу, который определяет в «Этике» атрибуты как несводимые к родам, поскольку, будучи формально разными, они онтологически едины как субстанция. Делёз, разделяя монизм Спинозы, добавляет к нему поворот, инициированный Ницше, который позволяет реализовать это единообразие, придав ему динамику, «как повторение в вечном возвращении»¹⁸. Единообразие, процесс радикализации которого Делёз прослеживает от Спинозы к Ницше, инспирирует радикальную критику любой субстанции, включая спинозистскую: «Отсюда его тезис о том, что субстанция как принцип таковости, тождественности в себе и для себя, вторична, производна по отношению к становлению другим, эффекту вечного возвращения»¹⁹.

Делёз завершает свою диссертацию своеобразным лирическим гимном, философским кличем сугубо онтологической природы: «Один-единственный голос за тысячеголосое множество, один единственный Океан за все капли, единый глас Бытия за всех сущих»²⁰. Эта однозначная поддержка единообразия бытия, однако, не означает умаления множественности, совсем наоборот. Делёз разъясняет это в «Логике смысла», когда уточняет, что единообразие бытия «не означает, что существует одно и то же бытие: напротив, сущие множатся и делятся»²¹. Они из этой парадоксальной сущности, которая удерживает вместе несоизмеримые элементы в дизъюнктивном синтезе.

Радикализация различия, которую производит Делёз, намечает путь, одновременно близкий и далекий от феноменологического пути, предложенного Гуссерлем. На протяжении всей жизни Делёз высоко ценит вклад феноменологии, которая близка ему настолько, что можно вслед за Аленом Больё утвер-

17. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 362.

18. Там же, с. 363.

19. Гийом Сибертен-Блан, интервью с автором.

20. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 363.

21. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 236. Перевод изменен. — Прим. пер.

ждать, что Делёз борется не против феноменологии, он «борется вместе с ней»²². У Делёза сложились неоднозначные отношения с феноменологией, он держится от нее на расстоянии и в то же время приспосабливает под себя ряд понятий Гуссерля, таких как «пассивный синтез» или «трансцендентальный эмпиризм». По словам его друга Поля Вирилио, горячего проповедника феноменологической программы, Делёз очень любил последнюю книгу Мерло-Понти «Видимое и невидимое»²³. Он также следует за Гуссерлем, который считал смысл выраженным, выражением и задавался вопросом о смысле восприятия, которое не сводится ни к физическому объекту, ни к психологическому опыту. В конце концов Делёз задавал вопрос: «Сможет ли феноменология стать строгой наукой об эффектах поверхности?»²⁴

Гуссерль не так далек от Делёза, когда утверждает, что сознание выходит за свои пределы в интендированном смысле. Но он бьет мимо цели, когда исходит от «изначальной способности общего смысла (*sens commun*), ответственной за установление тождественности любого объекта»²⁵. Эта неспособность порвать с общим смыслом обрекает феноменологическую программу на бессилие. Хотя Гуссерль понимал необходимость временно распрощаться с доксой, выступая за эйдетическую редукцию, он по сути сохранил общий смысл в своем стремлении возвысить эмпирическое до трансцендентального уровня. Гуссерль, таким образом, понял определенную независимость смысла, но «понять смысл во всей (непроницаемой) нейтральности ему мешает стремление удержать в смысле рациональный аспект здравого и общего смысла, поскольку Гуссерль ошибочно представляет его как матрицу»²⁶. Делёз же, напротив, стремится достичь измерения доиндивидуального, безличного, которое не смешивается ни с бесформенной глубиной, ни с усилиями сознания. Этот уровень располагается у самой поверхности возникновения сингулярностей, и это они «подлинные трансцендентальные события»²⁷.

Еще одна традиция, которую вытаскивает на свет Делёз, — традиция стоиков, немало на него повлиявшая, когда он разра-

22. Alain Beaulieu, «Husserl», dans Stéfan Leclercq, *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze 1*, Mons: Sils Maria, 2005, p. 84.

23. Paul Virilio, *Voyage d'hiver*, entretien avec Marianne Brausch, Paris: éd. Parenthèses, 1997, p. 47.

24. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 35.

25. Там же, с. 132. Перевод изменен. — Прим. пер.

26. Там же, с. 138. Перевод изменен. — Прим. пер.

27. Там же, с. 139.

батывал понятие «дизъюнктивной конъюнкции». Понятие конъюнкции играет очень важную роль у стоиков, даже у тех из них, кого меньше всего интересует логика. Это течение, строящее свои рассуждения на выявлении следствий того или иного действия. Например, само собой разумеется, что, если вы идете мыться, значит, вы запачкались. Тут уж ничего не поделаешь, одно вытекает из другого. Это способ обуздать суждения и мораль логическими терминами; главное — следовать тем конъюнкциям, которые лучше всего работают, по возможности близко к собственной воле. «Ограничивая» таким образом свои желания, можно избежать неожиданностей и неприятностей. Мораль тогда оказывается в промежуточном слое, через который Диоген Лаэртский описывал понимание стоиками философии: «Скорлупа — логика, белок — этика, желток — физика»²⁸.

Делёз опирается также на концепцию события у стоиков, на ту связь события с логикой, которая у них доведена до максимума, на предпочтение, которое они отдавали событию перед атрибутом. С точки зрения стоиков, все потенциально является событием, даже самые низкие, незначимые феномены. Делёз заимствует у них и эту концепцию, найдя в ней важную точку опоры для различия по природе, которое он проводит между «репрезентацией» и «выражением», отдавая предпочтение последнему. Мудрец-стоик держится у поверхности, им движет логика, позволяющая получить доступ к чистому событию: «Здесь мудрец ожидает события. То есть *он понимает чистое событие* в его вечной истине — независимой от его пространственно-временного осуществления»²⁹. Опираясь на анализ философа Виктора Гольдшмидта, Делёз видит в этой позе стоика выражение желания воплотить чистое событие в собственном теле, желание мудреца «дать тело» бестелесному эффекту³⁰. Выделив три возможные фигуры философа, он отбрасывает две из них: того, кто ищет истину в небесах, и того, кто, наоборот, надеется найти ее в глубинах земных недр, того, кто надеется добраться до нее на крыльях, и того, кто к ней прорубается. Этим двум позам он противопоставляет позу стоиков, которая предполагает переориентацию всего мышления: «Больше нет ни глубины, ни высоты»³¹.

Мир идей находится у стоиков на поверхности, это самые что ни на есть бытовые, внешне незначимые события, на ко-

28. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 187. Перевод изменен. — Прим. пер.

29. Там же, с. 192.

30. Victor Goldschmidt, *Le Système stoïcien et l'idée de temps*, Paris: Vrin, 1953.

31. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 173.

торые стоик указывает тому, кто задает ему вопрос. Это мир парадоксов и контрастов, продемонстрированный Диогеном Киником или Хрисиппом в дошедшем до нас пересказе Диогена Лаэртского. Из этой философской позы рождается метод, который Делёз называет практикой перверсии, «если верно, что перверсия предполагает особое искусство поверхностей»³². Франсуа Зурабишвили очень удачно охарактеризовал делезовский метод как метод перверсии, которая не имеет отношения к мелким перверсивным машинам, осуждаемым психоанализом: «В нем есть что-то от счастливого перверта»³³. Похожим образом Делёз описывает капитана Ахава у Мелвилла как возвышенного перверта или прославляет в своем знаменитом комментарии к «Пятнице, или Тихоокеанскому лимбу» Мишеля Турнье перверсивный мир без других. У Делёза очень часто встречается философское использование перверсии. Оно состоит в том, что он «то берет всевозможные обрывки теории, чтобы использовать их в иных целях, то приводит концепт к его истинным условиям, то есть к силам и интуитивной динамике, которые за ним стоят, то, наконец, вместо того чтобы критиковать тему или понятие в лоб, заходит с фланга, через „причудливую концепцию“»^{34,35}.

Делёз берет конкретную ситуацию и смотрит, где в ней избыток энергии, откуда происходит ускользание и — в противоположность диалектике, которая ставит своей целью снятие противоречий в синтезе, — стремится найти линию ускользания, находящуюся под парадоксальным напряжением. Тем самым он отказывается от критической позы, смотрящей на ситуацию сверху ради того, чтобы выбрать именно эту, а не другую, линию ускользания. Он занимает позицию, описываемую загадочной фразой Бартлби у Мелвилла: «Я бы предпочел не»³⁶.

Эксперименты с позой стоиков Делёз находит главным образом в литературе, у Германа Мелвилла, Льюиса Кэрролла, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Шарля Пегги и т. д. Но в конце 1960-х годов его особенно увлекает фигура поэта Жоэ Буске, оставшегося инвалидом в результате ранения, полученного во время Первой мировой войны: «Жоэ Буске нужно считать стоиком, ибо рану, глубоко запечатленную в собственном теле,

32. Там же, с. 177. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

33. Франсуа Зурабишвили, интервью с автором.

34. Жиль Делёз, *Переговоры*, СПб.: Наука, 2004, с. 210.

35. François Zourabichvili, *Le Vocabulaire de Deleuze*, p. 43.

36. Gilles Deleuze, postface à Melville, *Bartleby*, Paris: Flammarion, 1989; переиздано в: Жиль Делёз, *Критика и клиника*, с. 96–124.

он воспринимает в ее вечной истине как чистое событие»³⁷. Раненый 27 мая 1918 года в бою за Вайи, Жоэ Буске оставался прикованным к постели до самой смерти в 1950 году. Он жил затворником в Каркассоне, в комнате с затворенными ставнями, посвятив себя литературному творчеству. Он пишет: «Моя рана существовала до меня, я рожден, чтобы воплотить ее»³⁸.

Делёз также включается в битву, которую стоики вели на трех фронтах: «Делёз, как никто другой, сражался на трех фронтах против математизации логики, натурализации физики и технократизации этики»³⁹. В логике, когда Делёз вслед за стоиками заходит на эту территорию, он радикально отличается от них тем, что отвергает диалектику как искусство истинной речи и обращает мало внимания на риторику как искусство красивой речи. Но его интересуют исследования стоиками предикативов, превращенных в инфинитивы (усиливать, зеленеть...), и в неопределенных артиклях и безличных конструкциях (некая жизнь, некое становление, вечерело, стемнело...), а также Делёз усваивает парадоксы и дизъюнктивные пропозиции. Событие оказывается точным соответствием между формой и пустотой⁴⁰.

Вторую сторону стоицизма, отказ от натурализации физики, Делёз выразил, высказав в 1988 году желание продолжать работу, сделанную с Гваттари, и написать «что-то вроде философии Природы, в то время когда исчезает всякое различие между природным и искусственным»⁴¹. По сути дела, «Тысяча плато» не так далека от этого горизонта философии природы, лежащей в основе всех совместных работ Делёза и Гваттари, в которых концептуальные персонажи соседствуют с аффектами клеща, становлением-животным героя «Превращения» Кафки, отношениями между осой и орхидеей у Пруста или же отношением земли с ее двойной динамикой детерриториализации и ретерриториализации. Мир стоиков предлагает в данном случае модель полноты внутри и экстериоризированной пустоты

37. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 195.

38. Жоэ Буске, цит. по: Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 195.

39. Alain Beaulieu, «Gilles Deleuze et les stoïciens», dans Alain Beaulieu (sous la dir.), *Gilles Deleuze, héritage philosophique*, Paris: PUF, 2005, p. 50.

40. Оно указывает не на настоящий объект, а на прошлый или будущий, тем самым порывая с негативностью в дизъюнктивных пропозициях вроде: «Как говорил Хрисипп: „Чего ты не потерял, то ты имешь. Рогов ты не потерял. Стало быть, ты рогат“» (Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 181). При помощи этих парадоксальных пропозиций Делёз пытается расшевелить функционирование логики.

41. Gilles Deleuze, *Le Magazine littéraire*, сентябрь 1988 года, интервью с Раймоном Беллуrom и Франсуа Эвальдом, переиздано в: Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 202.

по отношению к миру. То, что побеждает, происходит не откуда-то извне, но из самой природы в ее самых разных проявлениях. Нехватка перестает быть движущей силой, потому что «делезовская природа имманентна только себе самой, она превосходно реализована в самой себе»⁴². В стороне от любой трансцендентности природа в своих формах поддается прочтению в плане имманентности, исходя из связей, ставящих под вопрос само различие между природным и искусственным. Внешнее, которое Делёз берет у Бланшо и Фуко, существует, но это «внешнее, отдаленное более, чем весь внешний мир»⁴³. Таким образом, это внешнее своей отдаленностью и неопределенностью стирает любое различие между интериорностью и экстериорностью. Этот мир носит характер совокупности сингулярностей, в большей или меньшей степени связанных между собой, сцепленных друг с другом, как своего рода «стена, сложенная из свободных, не скрепленных раствором камней, в которой каждый элемент ценен сам по себе и вместе с тем в отношении с другими»⁴⁴. Из этого множественного, мультикосмического и отвечающего самым разным логикам ассамбляжей мира получается «симфония природы»⁴⁵, к которой добавляется характерная для стоиков тема всемирной симпатии между вещами земными и небесными.

Остается третье сражение, которое сообща ведут Делёз и стоики, — борьба против технократизации этики. Как только камни в стене освобождаются от скрепляющего их раствора, мир предстает фундаментально раздробленным, внутри хаосмоса высвобождаются самые разные связи, и в нем больше не может укорениться иерархизированный мир моральных ценностей. Чему соответствует желание правильной жизни, согласно Делёзу, когда в 1969 году выходит «Логика смысла»? Какую мораль принять? Здесь стоики с их этикой, в которой предпочтение отдается событию, снова становятся источником вдохновения: «Этика стоиков касается событий; она состоит в воле к событию как таковому, то есть к тому, что происходит, поскольку оно происходит»⁴⁶. Вся делезовская философия события содержится в этой концепции, чуждой и презентизму, и революционной эсхатологии, и пассаистской ностальгии, поскольку она стремится сохранить динамизм,

42. Alain Beaulieu, «Gilles Deleuze et les stoïciens», p. 63.

43. Жиль Делёз, Фуко, Москва: Издательство гуманитарной литературы, 1998, с. 116.

44. Жиль Делёз, *Критика и клиника*, с. 119–120.

45. Gilles Deleuze, *Spinoza. Philosophie pratique*, p. 170.

46. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 188.

свойственный сингулярности каждого сущего и уважающий живые сущие. Этика в таком случае понимается как «высшая этология»⁴⁷.

Расколотое когито

Необходимым этапом в разработке онтологии различия является критика любой философии, слишком много места уделяющей когито, любой концепции, основанной на пресловутом внутреннем мире, в котором осуществляется гармония человека с окружающим миром. Хотя их позиции по-прежнему очень далеки друг от друга, Делёз берет формулировку, предложенную Рикёром в 1965 году в его работе о Фрейде, «Об интерпретации»:

Это активное, но надтреснутое Я является не только основой Сверх-Я, но и коррелятом пассивного и раненого нарциссического мыслящего субъекта, составляя сложный комплекс, который Поль Рикёр удачно назвал «несостоявшимся *cogito*»⁴⁸.

Поиски процесса индивидуации, утверждения своей сингулярности не сводятся в делёзовской концепции к «я». Напротив: «Индивидуальность — не признак Мыслящего субъекта, но, наоборот, формирует и питает систему упраздненного Мыслящего субъекта»⁴⁹. Индивид больше не рассматривается как нередуцируемая и неделимая сущность. На самом деле он беспрестанно делится, меняет свою природу, становится множественным, исходя из доиндивидуальных сингулярностей в соответствии с линиями интенсивности. Найденное различие в итоге располагается в структуре другого и в его модусе выражения, языке. В основе различия лежит сила, представленная телом, которое философская традиция привыкла недооценивать. Еще в XVII веке Спиноза удивлялся, что ничего не известно о потенции, которую могло выражать тело: «Спиноза открыл перед философией и науками новый путь: мы не знаем, говорил он, даже того, что может тело»⁵⁰.

Нужно, таким образом, высвободить силу утверждения, которая скрывается в теле, «во избежание того, чтобы жить отдельно от наших имманентных модусов существования»⁵¹. Тело

47. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, с. 85.

48. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 142.

49. Там же, с. 309. Перевод изменен. — Прим. пер.

50. Жиль Делёз, *Нищие и философия*, Москва: Ад Маргинем, 2003, с. 102.

51. Bernard Andrieu, «Deleuze, la biologie et la vivant des corps», dans *Concepts, Gilles Deleuze*, Mons: Sils Maria éditions, 2002, p. 94.

сингулярно, его строение не допускает никакого редукционизма, к которому прибегают нейронауки, выявляющие гены и нейротрансмиттеры, претендуя на то, чтобы свести поведение человека к простой транспозиции материальности, лежащей в основе тела. Тело, согласно Делёзу, берется не изнутри: «Никакая доказательная линейность не охватывает субъективность, поскольку живой субъект пронизывает тело»⁵². Этот раскол становится причиной резкого поворота, который Делёз делает в 13-й серии «Логики смысла», когда переходит от формальной логики поверхности у Льюиса Кэрролла к логикам, возникающим из глубины у Артонена Арто, когда тот выражает страдания шизофрении в ее схватке с жизнью и смертью.

Шизофреник переживает именно это отсутствие поверхности тела: «Изначальный аспект шизофренического тела состоит в том, что оно является неким телом-решетом»⁵³. Это отсутствие поверхности способствует размножению тел, поднимающихся из глубин: «Все есть тело и телесное [...] Дерево, колонна, цветок или тростник прорастают через тела»⁵⁴. У тела шизофреника есть три характеристики: тело-решето, раздробленное тело и распавшееся тело. Арто можно по всем пунктам противопоставить Кэрролу в той мере, в какой он открывает чудесный язык витального тела. В 13-й серии «Логики смысла» Делёз отмечает у Арто то, чему суждено стать центральным понятием его собственной философии, «тело без органов». Как уточняет Анн Сованьярг, тело без органов — это не тело, лишённое органов, а тело «вне его органической детерминации, тело с недетерминированными органами, тело в процессе дифференциации»⁵⁵.

13-я серия «Логики смысла» — узловая точка в развитии мысли Делёза, поскольку открытие потенции сил, действующих в теле, уступает место психотическим патологиям, которые могут проникнуть в языковые игры. Когда Делёз пишет эту главу, он еще не знаком с Гваттари, и мир психиатрии ему еще совершенно чужд, но кажется, что будущая встреча предreshена, если судить по вопросам, которые он ставит. Можно также предположить: то, что с этого момента пишет Делёз, уже не стремится соответствовать академическим стандартам, от которых он освободился, а становится способом выражения его собственного тела:

52. Ibid., p. 92.

53. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 118.

54. Там же.

55. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 87–88.

Это довольно ницшеанская позиция, своего рода идиосинкразия в творчестве, опираясь на которую заговаривают о своем собственном теле. Его творчество и различные объекты, за которые он берется, — разве это не разные средства моделизации телесного движения? Живое тело динамично, оно находится в движении, и вопрос в том, чтобы найти объекты, которые позволяют это описывать⁵⁶.

Делёз в тот момент с большим интересом вступает в область, которой он уже посвятил свою примечательную работу о Захер-Мазохе: психоанализ. Благодаря фигуре психотика он открывает слепое пятно в психоаналитической практике, ее неспособность осознать это пятно и помочь тем, кто страдает от тяжелой патологии. Делёз считает, что психоанализ остается заложником повторения в тройном регистре реализма, материализма и индивидуализма. И эта теория повторения в фундаментальном смысле сохраняет зависимость от философии репрезентации, особенно от принципа тождественности и отклонений, которые можно увидеть при сравнении с исходным образцом. Конечно, свойственное психоанализу повторение со временем меняется, надевая разные личины. Но здесь Делёз снова расходится с Фрейдом и с тем модусом каузальности, который тот выдвигает, наблюдая за работой вытеснения в переплощениях того же самого: «Повторяют не потому, что вытесняют, но вытесняют потому, что повторяют»⁵⁷.

Точно так же, как он критиковал механизм противоречия в гегелевской диалектике, Делёз критикует дуализм, лежащий в основе фрейдизма, который в своей теории влечений отдает предпочтение модели конфликта, простой форме лобового противопоставления, тогда как «конфликты являются результирующей чрезвычайно тонких дифференцирующих механизмов»⁵⁸. Делёз признает за Мелани Кляйн заслугу в исследовании театра страха, в котором в первый год жизни живет грудной младенец, теряющийся среди частичных объектов, интроецируемых и проецируемых, которые позволяют телам коммуницировать в глубине, опосредуемой этими симулякрами: «Мелани Кляйн описывает его как параноидально-шизоидную позицию ребенка»⁵⁹. Кляйновская схема, описывающая эту попытку отвоевывать идентичность, соответствующую этим частичным объектам, не так далека от описания позиции ши-

56. Бернар Андриё, интервью с автором.

57. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 135–136.

58. Там же, с. 137.

59. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 245–246.

зофреника, который вместо замены плохого объекта хорошим противопоставляет ему организм без частей, тело без органов.

Уже в «Логике смысла» Делёз нейтрализует фундаментальное значение, которое во фрейдистской теории приписывается эдипову комплексу. Он далек от того, чтобы рассматривать риск депрессивной фрустрации или шизоидной агрессивности как результат эдипального желания инцеста, и рассматривает последнее как попытку обуздать эти риски во имя спасения. Он даже представляет Эдипа как «героя-миротворца *геркулесовского типа*»⁶⁰. Таким образом, Эдипом движут самые благие намерения, даже если его история принимает дурной оборот. Однако, вопреки мнению фрейдистов, его действия вызваны «трагедией Кажимости»⁶¹. В духе стоической традиции они — то, что происходит, чистое событие, спроецированное на план имманентности.

Тем не менее в 1969 году Делёз все еще признает психоанализ важной дисциплиной, настоящей «наукой о событиях»⁶², но не из-за его способности раскрывать смысл событий, потому что событие и есть сам смысл. Здесь Делёз следует по стопам Фрейда, стремившегося отличить событие от положения вещей, внутри которого оно происходит. Вторая заслуга психоанализа состоит в том, что благодаря своей теории фантазии он децентрирует субъекта. Как и большинство интеллектуалов 1960-х годов, Делёз отводит психоанализу важнейшее место и демонстрирует, что он очень внимательно следит за текстами Жака Лакана и Сержа Леклера, чтобы понять телесные логики.

Реабилитация побежденных

Делёз с его умением думать наперекор своему времени скептически относится к безапелляционным утверждениям победивших традиций и, наоборот, реабилитирует забытые традиции, нереализовавшиеся возможности. Возвращаясь к прошлым спорам, он пытается восстановить симметрию, привлекая внимание к побежденным, которые часто оказываются носителями более интересных становлений, чем быстро институционализировавшиеся традиции победителей. Если французская социология очень быстро, еще в конце XIX века, нашла воплощение в теории Дюркгейма и связанном с ним течении, утвердив-

60. Там же, с. 263.

61. Там же, с. 271. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

62. Там же, с. 276.

шем себя и получившем продолжение благодаря безраздельной победе структурализма в 1960-е годы, то Делёз в длинном примечании к своей диссертации воскрешает социологию Габриэля Тарда, главного проигравшего, и противопоставляет его Дюркгейму: «Философия Габриэля Тарда — одна из последних великих философий Природы, она наследует Лейбницу»⁶³.

Если знать, что Тард написал, что «существовать — значит различаться», и попытался на рубеже веков восстановить динамику, свойственную различию, и задать «различие как самоценную цель»⁶⁴, то можно понять интерес, который Делёз питал к этому социологу, вдохновлявшемуся философией Лейбница. Тард отвергает любое овеществление социального. Он исходит из идеи, что коллективные репрезентации не даны, а конструируются, что на них влияют течения имитации и процессы изобретения⁶⁵: «Тард интересуется скорее миром деталей, или миром бесконечно малого — *мелкие имитации, оппозиции и изобретения*, составляющие всю субрепрезентативную материю»⁶⁶. Дюркгейм и его школа обвиняли Тарда в том, что он хочет свести социологию к психологии или интересу субъективной психологии, претендуя на объяснение социального через индивидуальное: «Тард так от этого никогда и не оправился»⁶⁷. Таким образом, он был изгнан из гуманитарной науки на основании ошибки, имевшей большой полемический потенциал. Потому что он никогда не утверждал, что имитация возникает из индивидуальной логики, но говорил о том, что она «относится к потоку или к волне, а не к индивиду. *Имитация — это распространение потока*»⁶⁸. Отсюда то значение, которое Тард придавал вычислениям бесконечно малых, статистике в целом, чтобы ухватить мельчайшие трансформации в области верований и желаний еще в их молекулярном состоянии. Заниматься микросоциологией в том виде, как ее изобрел Тард, «значит заниматься изучением волн распространения верований и желаний, прокатывающихся по всему телу общества»⁶⁹.

63. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 102.

64. Gabriel Tarde, «La variation universelle», dans *Essais et mélanges sociologiques*, Stock et Masson, 1895, p. 391.

65. Gabriel Tarde, *Les Lois de l'imitation*, Paris: Alcan, 1890.

66. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*, Екатеринбург, Москва: У-Фактория, Астрель, 2010, с. 359.

67. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 7 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

68. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 359.

69. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 7 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

Будучи юристом, Тард ополчился на биологические теории преступности, предлагавшиеся Ломброзо, выдвигавшим идею социального объяснения преступного деяния, но при этом расходился с Дюркгеймом и его тезисом о преступности как «нормальном» социальном феномене, который не может быть вменен в вину конкретным акторам. Это сражение на двух фронтах не способствовало успеху его теории. Выступая против любой формы редукционизма, Тард опирался на биологическое знание с использованием статистики.

Как подчеркивает Эрик Алье, проект Тарда вписывается в лейбнизианскую перспективу: «Невозможно предположить никакой другой отправной точки, кроме Лейбница»⁷⁰. По сути, Тард опирается на Лейбница, чтобы создать своеобразный панвитализм бесконечно малого. Дюркгейму удалось представить Тарда как сторонника психологизма, предлагавшего чисто индивидуалистический метод, подчиненный биологическому натурализму, тогда как сам Тард хотел создать социологию универсального охвата, но основанную на подходе, в котором уделяется место различиям, множественностям живого в соответствии с лейбницевским принципом, по которому отдельная монада содержит в себе весь мир. Его проблема изначально принадлежит социологическому порядку. Она выводит на первый план вектор, действующий в обществе, своего рода желание быть, свойственное каждой монаде, «чувство, наиболее близкое силе»⁷¹. Здесь действует логика способности к существованию спинозистского порядка, и она ориентирует желание на обладание: «Таким образом, у Тарда есть сила, конституирующая социум»⁷². Легко понять, почему Делёз так привлекает этот виталистский материализм, всецело ориентированный на высвобождение множественности сил, трансформирующий концепцию Дюркгейма, согласно которой общество — это вещь, в социальный витализм. Когда Делёз сначала в своей диссертации 1968 года, а позднее с Гваттари в 1980 году настаивал на вкладе Тарда, это был глас вопиющего в пустыне. Но это возвращение имени имеет провидческий характер: с конца 1990-х годов во Франции наблюдается «эффект Тарда», тем более мощный, что он был в свое время, если так можно выразиться, ре-тардирован.

Делёз уделяет столь же большое внимание мыслителю-одиночке, своему современнику Жильберу Симондону, которого

70. Éric Alliez, préface à *Œuvres de Gabriel Tarde*, vol. 1, *Monadologie et sociologie*, Paris: Synthélabo, 1999, p. 11.

71. Ibid., p. 23.

72. Ibid., p. 25.

интересуют феномены индивидуации на пересечении множества культур, не только философских, но и технических и научных. Он видит у Симондона поиски процесса, который прокладывает себе путь, исходя из встречи двух порядков величин, между которыми зарождается волна, интенсивность, потенциалы: «Индивидуация — акт интенсивности, побуждающей дифференциальные связи актуализироваться»⁷³. Симондону удастся исследовать этот доиндивидуальный слой как хранилище сингулярностей⁷⁴. Индивид, согласно Симондону — и Делёзу, — не стабильное существо, а результат встречи процесса, операции и форм, встречи дифференциальных энергий, возникающих «между аффектами, перцептами и эмоциями»⁷⁵.

Симондон сам по себе представляет «удивительный мир, мир большого энциклопедиста 1960-х годов, чудесным образом служившего связующим звеном между физикой, биологией и философией»⁷⁶. Кроме того, это был человек опыта, экспертизы, знавший мир техники изнутри. Симондон очень переживал также, что его эпоха потерпела неудачу при встрече с техническими инновациями. Это была трагическая невстреча, поскольку большинство пользователей техники не имеют ни малейшего представления о способах ее функционирования и целях. Хотя Симондон был профессором, он был и лабораторным ученым: проводил эксперименты в своей лаборатории на улице Серпант, проверяя как можно чаще на практике то, о чем собирался говорить.

В 1966 году Делёз пишет рецензию на публикацию чести докторской диссертации Симондона, которую тот защитил в 1958 году⁷⁷. Эта диссертация поразила его своей оригинальностью. Он наконец обнаружил мыслителя, для которого индивид «не только результат, но и *среда* индивидуации»⁷⁸. Он находит в Симондоне и опору для своей конфронтации с Гегелем благодаря понятию «расхождения» (*disparation*), взятому из языка психофизиологии восприятия, которое показалось ему более адекватным и глубоким, чем гегелевское понятие противоречия.

73. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 300.

74. Gilbert Simondon, *L'Individu et sa genèse physico-biologique*, Paris: PUF, 1964.

75. Паскаль Шабо, интервью с автором.

76. Там же.

77. Gilbert Simondon, *L'Individu et sa genèse physico-biologique*; compte rendu de Gilles Deleuze, «Gilbert Simondon, l'individu et sa genèse physico-biologique», *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, vol. CLVI, № 1–3, janvier-mars 1966, p. 115–118; переиздано в: Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes*, p. 120–124.

78. Ibid., dans *L'Île déserte et autres textes*, p. 120–121.

Делёз берет у Симондона теорию индивидуации путем интенсивной дифференциации: «Индивидуация предстает в качестве нового момента бытия, момента *фазированного* бытия, подключенного к самому себе»⁷⁹. Он раскрывает в этом онтологию, но это онтология различия, множественностей: «Симондон вырабатывает настоящую онтологию, согласно которой бытие никогда не бывает Единым»⁸⁰. Проблематика Симондона служит для Делёза эффективной машиной войны против гегелевской диалектики: понятие «расхождения» даст ему концепцию «расходящегося», «конституирующего расхождения», «различия в себе»: «Эта теория расходящегося подготавливает гетерогенный синтез и определяет различие как различие различия»⁸¹.

Наконец, Симондон внесет свой вклад в выработку понятия тела без органов, фундировав его в науках о жизни. Делёз находит у него искусство пределов, которое разрушает дуализм интериорности и экстериорности и позволяет ему говорить о том, что «самое глубокое — это кожа: „Живое живет на пределе самого себя, на своем пределе... Характерная для жизни полярность находится на уровне мембраны“»⁸². Такой подход к живому позволяет также преодолеть механистическую каузальность, чтобы поставить на ее место примат процесса с множественными вариациями интенсивности.

Еще один великий проигравший, которого вытащил на свет Делёз, — биолог Этьен Жоффруа Сент-Илер, проигравший свою битву Кювье. Здесь, как и в случае Дюркгейма и Тарда, внимание Делёза снова привлекает временной момент, введение динамики, внимание к открытому процессу, который находится в стадии совершення. Все это заставляет его предпочесть ориентацию Сент-Илера статической типологии Кювье. Однако в тот период современной фигурой считался Кювье, заложивший основы нового развития биологии, занимающейся изучением согласованности различных функций организма у каждого вида. Вопреки подобному функционализму, для Сент-Илера «введение временного фактора является решающим»⁸³. Делёз опирается на Сент-Илера — и на Симондона — в своей онтологии различия. Тело должно высвободиться из тисков органических функций, и Делёз говорит о «гении Жоффруа»⁸⁴, который,

79. Ibid., p. 123.

80. Ibid., p. 124.

81. Anne Sauvagnargues, «Gilbert Simondon», dans Stéfán Leclercq (sous la dir.), *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze* 1, p. 196–197.

82. Gilbert Simondon, *L'Individu et sa genèse physico-biologique*, p. 260.

83. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 264.

84. Там же, с. 230.

в отличие от Кювье, сумел оставить место для дифференциальных связей между чисто анатомическими элементами.

В 1837 году Жоффруа Сент-Илер мечтал стать Ньютоном бесконечно малого, «открыть под грубой игрой различий или чувственных и концептуальных сходств „мир деталей“ или идеальных соединений „кратчайшего расстояния“»⁸⁵. Дифференциация — это и вопрос скорости, интенсивности, замедлений, «измеряющих движение актуализации»⁸⁶. Противопоставляя аргументы Кювье и Сент-Илера, Делёз впервые в своей диссертации использует понятие «складки», к которому вернется гораздо позднее и которое даст название его книге о Лейбнице в 1988 году: «Свой метод и поэтический опыт дискуссия обретает в *сгибании*: можно ли посредством сгибания перейти от Позвоночного к Головононому?»⁸⁷ Делёз делает из Сент-Илера носителя монистской, Спинозистской концепции, которая утверждает план композиции как чистую множественность. Таким образом, он опирается на тезисы Сент-Илера, чтобы выдвинуть способность вариаций дифференцирующей актуализации: «Отдельное место должно быть здесь отведено отношению Спиноза/Сент-Илер, поскольку план композиции стал отправной точкой для делезовской концепции плана имманентности»⁸⁸.

Делёз находит опору для своей онтологии различия и у Раймона Рюйе, который в 1938 году выступил с программой создания философии дифференциации. Для Рюйе, как и для Тарда, существовать — значит различаться, поскольку творчество оперирует дифференциациями⁸⁹. Так, в докладе 1938 года Рюйе противопоставляет два типа поведения животного: один, когда им движет сильная каузальность и оно, например, прямоком идет к своей пище; другой, когда оно сталкивается с опасностью. Тогда «животная геодезия» определяется целым комплексом факторов, позволяющих избежать опасности: это избегание, по Рюйе, и есть творчество. Именно встреча с препятствием заставляет животное творить, и это очень хорошо согласуется с идеей Делёза о том, что настоящее мышление не является спонтанной, естественной операцией, но исходит от внеположенной потребности, от встречи, отсечения потока, которое вас к нему побуждает.

85. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 229.

86. Там же, с. 230.

87. Там же, с. 264.

88. François Chomarat, «Geoffroy Saint-Hilaire», dans Stéfan Leclercq (éd.), *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze 1*, p. 181.

89. Raymond Ruyer, «Le psychologique et le vital», *Bulletin de la Société française de philosophie*, 26 nov. 1938, A. Colin, 1939, p. 159–195.

Раймон Рюйе хотел соединить учение о революции в квантовой физике и биологию как науку о жизни. Он различал два плана, которые у него для своих целей позаимствуют Делёз и Гваттари, «молярный» план больших статистических множеств и «молекулярный» план психологической и витальной микрофизики. Придавая большое значение уровню интеракций и индивидулирующих феноменов, Рюйе открывает новую микрофизику, смыкающуюся с достижениями биологии в изучении функционирования молекул.

Таким образом, чтобы утвердиться в качестве философской программы, делезовская онтология различия должна была вернуться к нереализованным, отсеченным возможностям, к ряду работ, принадлежащих к традиции, вытесненной из истории мысли. Для Делёза, как и для Гваттари, не было речи о том, чтобы взять их в готовом виде. Их следовало перевести, превратить в логические операторы по меркам их собственной философской программы.

Другая метафизика

На вопрос Арно Виллани: «Являетесь ли вы неметафизическим философом?» Делёз ответил: «Нет, я чувствую себя чистым метафизиком»⁹⁰. Что это — провокация в период, когда представлять себя метафизиком казалось верхом архаичности? Едва ли. У Делёза очень сильно ощущается идея построения системы, можно добавить — антисистематической системы, и желание разработать новую метафизику, адекватную логике множественностей. В письме Жану-Кле Мартену в 1990 году он объясняет:

Я верю в философию как в систему. Понятие системы перестает мне нравиться, как только его относят к координатам Тождественного, Подобного и Аналогии... Я чувствую себя очень классическим философом. Для меня система не только должна постоянно пребывать в гетерогенности, она должна быть *гетерогенной*, чего, как мне кажется, никто никогда сделать не пробовал⁹¹.

Располагаясь в парадоксальном конфликте между единым и многим, не уступая ни однозначности, ни множественности сингулярностей, его метафизика разворачивается на плане им-

90. Gilles Deleuze, «Réponses à une série de questions», nov. 1981, dans Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, Paris: Belin, 1999, p. 130.

91. Жиль Делёз, письмо Жану-Кле Мартену от 13 июня 1990 года: Jean-Clet Martin, *Variations. La philosophie de Gilles Deleuze*, Paris: Payot, 1993, p. 7.

манентности вокруг оксюморона, каковым у него является понятие «метафизической поверхности», в духе чисто стоической традиции: «На самом деле метафизика, к которой Делёз себя причисляет, не столько существительное („сущность“), сколько прилагательное („манера бытия“)⁹². Однозначность у Делёза принципиальна, и иначе и быть не может: «Бытие однозначно»⁹³ не означает, вопреки утверждениям Алена Бадью, что однозначность, которую утверждает Делёз, отсылает к примату единого⁹⁴. На самом деле сразу после утверждения этой однозначности Делёз добавляет: «Действительно, главное в однозначности — не то, что Бытие выражается одним-единственным смыслом. Главное, что оно выражается в одном и том же смысле во всех различиях индивидуации или присущих ей модальностях»⁹⁵. Метафизика Делёза — это метафизика такой фигуры, как парадокс, доведенной до крайности сопротивления доксе, здравому смыслу, которые всегда попадают в ловушку альтернатив, когда им приходится выбирать что-то одно, и тем самым легко замыкаются в том, что Делёз клеймит как главного врага философии, — в глупости. В этом заключается высший смысл, который он признает за философской речью: «Ведь если мышление мыслит лишь насильно, под принуждением, оставаясь глупым, пока ничто не заставляет его мыслить, не значит ли это, что его побуждает мыслить и существование глупости, учитывая, что оно не мыслит без принуждения?»⁹⁶

Даже несмотря на то, что метафизический горизонт кажется сильно зачищенным структуралистской парадигмой, господствующей в 1960-е годы, Делёз следует этим главным для себя курсом в двух книгах, вышедших в 1968 и 1969 году. Тем не менее «не нужно делать из Делёза своего рода неопознанный летающий объект философии. Он вписывается в традицию и сам ее изобретает», — пронизательно отметил Пьер Монтебелло⁹⁷. Есть, как мы уже видели, все эти классические авторы из истории философии, заново открытые Делёзом, и в особенности виталистская триада — Бергсон, Спиноза и Ницше. Но можно также отметить и удивительное созвучие с тем, что Пьер Монтебелло называет «другой метафизикой»⁹⁸.

92. Alain Beaulieu, «Gilles Deleuze et les stoïciens», p. 52.

93. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 53.

94. См. главу 20 настоящего издания.

95. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 54.

96. Там же, с. 331–332. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

97. Пьер Монтебелло, интервью с автором.

98. Pierre Montebello, *L'Autre Métaphysique*, DDB, Bruxelles, 2003.

Разрыв во всех отношениях, каковым является копернико-галилеевская революция, учреждает разделение между этим миром и небесной властью, открываясь в бесконечность и приводя к математизации природы, уходу мыслящего субъекта. Он подчиняет категории времени и пространства отношениям экстериорности, которые получают продолжение в картезианском когито и кантовской критике. Все эти изменения вызвали кризис метафизического мышления и привели к тому, что приоритет стал отдаваться чисто научной области, получившей автономию благодаря своим новым и новым достижениям. Но она все больше отдалялась от постулировавшегося до сих пор единства человека и космоса. На рубеже XIX и XX веков ряд мыслителей пытались заложить новые основания для разрушенной связи между человеческим опытом и первоначальным единством: «Это был необыкновенно продуктивный момент в философии»⁹⁹. Вопрос о единстве бытия вернулся благодаря глубокому обновлению, которое переживала метафизическая проблематика. Он далек от попыток заново обосновывать это единство в еще большей интериорности мыслящего субъекта, примата когито, и теперь стремится подчеркнуть чистую гетерогенность и примат отношения между различиями в «онтологии отношений»¹⁰⁰.

Заметно, до какой степени эти исследования, относящиеся к рубежу веков, становятся пролегоменами к онтологии различия, за которую ратует Делёз. По сути дела, для этих мыслителей речь идет о том, чтобы пойти как можно дальше в децентрировании человека, чтобы затем еще глубже погрузить его в живую среду и тем самым вернуть утраченное единство, дегуманизировать человека, чтобы гуманизировать природу в «самой гуманной из метафизик космоса и самой космической из метафизик человека, следовавших за коперниковской революцией», по выражению Пьера Монтебелло¹⁰¹. Цель, таким образом, не в том, чтобы возродить старую метафизику, делающую слишком большую ставку на то же самое, на тождественность образца, но в том, чтобы построить новую метафизику, придающую импульс философии Природы, в которой осталось бы место для развертывания всех различий, ибо «ни единое, ни множественное, но бытие находится на стороне различия»¹⁰².

99. Ibid., p. 8.

100. Ibid., p. 10.

101. Ibid., p. 12.

102. Gilles Deleuze, «Bergson, 1859–1941», dans M. Merleau-Ponty (sous la dir.), *Les Philosophes célèbres*, Paris: Mazenod, 1956; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 33.

Главная проблема, которую ставят эти метафизики, — неспособность как науки, так и рационализма в целом помыслить множественность нашего мира. Так, Тард пытается понять генезис самых ничтожных различий: «Тард выдвигает гипотезу о том, что природа — это космическая констелляция мелких номадических различий»¹⁰³. Речь не о том, чтобы повернуться к науке спиной, — ее открытия имеют важнейшее значение для понимания этой дисперсии гетерогенностей, — но о том, чтобы заново связать ее с бесконечностью вселенной. В этом отношении объяснения, предложенные физикой, быстро упираются в свой предел, потому что физические законы не учитывают латеральные, трансверсальные связи монад друг с другом и их взаимопроникновение: «Каждый атом — целая вселенная в проекте», — пишет Тард¹⁰⁴. Стремясь найти единство, получить доступ к однозначности мира, эти мыслители ополчаются на любые формы дуализма. У них с Делёзом общие противники, учитывая его идею о том, что можно обойти оппозицию материи и духа и заменить ее утверждением жизни во всех ее формах: «Если бытие в себе подобно, в глубине, нашему бытию, перестав быть непознаваемым, оно становится утвердительным»¹⁰⁵. Как говорит Ницше, мир — это «мир отношений»¹⁰⁶.

Онтология в том виде, в котором ее мыслит Делёз, должна постоянно индексироваться становлением-бытием. Поэтому он так охотно называет себя «трансцендентальным эмпириком», что сближает его с Уайтхедом:

Ведь категории принадлежат миру представления [...]. Вот почему философия часто испытывала соблазн противопоставления категориям сущностно иных понятий, действительно открытых, свидетельствующих об эмпирическом, плюралистическом смысле Идеи: «экзистенциалы», перцепты и тот перечень эмпирико-идейных понятий, которые находим у Уайтхеда и которые делают *Process and Reality* одной из величайших книг современной философии¹⁰⁷.

Позднее в «Складке» Делёз будет еще сильнее опираться на философию Уайтхеда, рассматривая природу события как вибрацию, содержащую бесконечное множество гармоник. Как и у Бергсона, он находит у Уайтхеда вопрос о том, каким образом субъективное производство получает способность к твор-

103. Pierre Montebello, *L'Autre Métaphysique*, p. 113.

104. Gabriel Tarde, *La Logique sociale*, Paris: Institut Synthélabo, 1999, p. 231.

105. Gabriel Tarde, *Monadologie et sociologie*, p. 44.

106. Nietzsche, *Œuvres complètes, Fragments posthumes*, XIV, 14 (93).

107. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 342. Перевод изменен. — Прим. пер.

честву: «Для Уайтхеда индивид есть творчество, формирование Нового»¹⁰⁸. Делёз является трансцендентальным эмпириком на манер Уайтхеда, убежденным в том, что абстракция не объясняет, но сама должна быть объяснена, и что нужно не постигать всеобщие законы, а выявлять условия производства нового, что означает — исходить нужно из положения вещей, которые суть не что иное, как множественности. Близость между авантюристом множественных становлений, каковым был Уайтхед, утверждавший, что «класть пределы размышлению — значит предавать будущее»¹⁰⁹, и великим путешественником-«домоседом», каким был Делёз, путешествия которого носили спекулятивный характер, очень велика. Делёз также разделяет критику Уайтхедом картезианства за то, что оно изолирует разум от всего остального мира, отделяет его от души и от материи. У них обоих, в равной мере являющихся метафизиками, можно встретить «подчеркивание значения полноценной реальности *виртуального*, даже если оно не является актуальным»¹¹⁰.

Это удивительное сближение связано с другой метафизикой, которая отдает приоритет отношению, конъюнкции, союзу «и», источнику соединений и сцеплений самого разного рода. Тем не менее аналогия заканчивается в области религии, поскольку метафизика Делёза отвергает любой дискурс теологического порядка, который, с его точки зрения, абсолютно экстериорен по отношению к философскому вопрошанию. Его проблема в том, чтобы как можно лучше воплотить в себе философа, разделив эти две несоизмеримые друг с другом области и ставя только те вопросы, которые могут относиться к философии. В этой фундаментальной точке, как показывает Арно Виллани, пути Делёза, отвергающего любую трансцендентность, и Уайтхеда, чья философия превращается в «сотериологию»¹¹¹, расходятся.

Последний текст, опубликованный Делёзом при жизни, написанный за несколько недель до смерти и потому имеющий ценность почти что завещания, снова посвящен утверждению метафизики: «Мы скажем о чистой имманентности, что она есть жизнь и ничего более»¹¹². И по этому случаю Де-

108. Жиль Делёз, *Складка*, с. 136.

109. Alfred Whitehead, *La Fonction de la Raison, et autres essais*, Paris: Payot, 1969, p. 156.

110. Arnaud Villani, «Deleuze et Whitehead», *Revue de métaphysique et de morale*, avril-juin 1996, p. 247.

111. Ibid., p. 256.

112. Gilles Deleuze, «L'immanence: une vie», *Philosophie*, № 47, septembre 1995, p. 3–7; переиздано в: *Deux régimes de fous. Textes et entretiens 1975–1995*, éd. David Lapoujade, Minuit, 2003, p. 360.

лёз привлекает философа, до тех пор мало им упоминавшегося: Фихте, которому в его последних работах, в частности в «Наставлении к блаженной жизни», удастся преодолеть апории разрыва между объектом и субъектом. Как замечает специалист по философии Фихте, Жан-Кристоф Годдар, может показаться странным, что Делёз вот так привлекает Фихте, считавшегося образцовым философом субъективности, но только если не учитывать интерпретацию, которую дали Фихте первые учителя Делёза, Жан Ипполит или Виктор Гольдшмидт. Они представили понимание трансцендентального у Фихте как бессубъектного поля производства смысла, как «интегральной имманентности, положенной в основание, как а-субъективное поле: „Вернувшись к Фихте накануне своей смерти, Делёз вернулся к тому, что было у истоков всего его философского начинания“»¹¹³. Замена интенциональности созерцанием, интеллектуальным, образующим образ, медирующим, также сближает Делёза с Фихте в общем отказе от объективизма и философии репрезентации, которую они заменяют другой метафизикой: «Как для Фихте, так и для Делёза образ-фантазия, образ-сон, у которого нет ни сновидца, ни видимого во сне мира, позволяет увидеть бытие в себе, истинное бытие, бытие-единое как жизнь и безграничную деятельность»¹¹⁴.

113. Jean-Christophe Goddard, *Fichte. L'émancipation philosophique*, Paris: PUF, 2003, p. 8.

114. Ibid., p. 15.

Глава 9

Май 1968-го: учреждающий разрыв

В МАЕ 1968 года «Движение 22 марта» собирается каждый день для подготовки все более широких и боевых манифестаций. Когда Анн Керьян, студентка из Нантера, подруга Гваттари и активная участница CERFI, 8 мая приехала к жене Сержа Жюли, Эвелин, она очутилась перед закрытой дверью с прикрепленной запиской: «Мы у Феликса». Активисты «Движения 22 марта» проводят свои собрания в помещении CERFI на проспекте Верзи в 17-м округе Парижа.

Как рыба в воде

В ключевой момент майских протестов CERFI неожиданно расстворился в «Движении 22 мая». В тот вечер 8 мая CERFI решил посвятить номер своего журнала студенческим протестам:

Поэтому мы договорились о встрече с Кон-Бендитом и еще несколькими людьми на проспекте Верзи 8-го вечером, и все были на демонстрации в Парижском винном дворе. Демонстрацию с трудом разогнали, и мы договорились: встречаемся на проспекте Верзи, но с Кон-Бендитом тогда было двадцать пять человек, и тогда решили всем встретиться там с Жюли, Соважо, Гейсмаром¹.

Даниэля Кон-Бендита и лидеров движения раздражают маневры властей по сдерживанию нарастающего протеста. Представители Национального синдиката преподавателей высшей школы (SNE Sup) — Ален Гейсмар — и UNEF — Ален Соважо — целый день ведут переговоры с властями, чтобы снизить обострение после крупной манифестации 7 мая, закончившейся на Елисейских Полях.

На проспекте Верзи отчаянно ищут способ придать новый импульс движению, когда в три часа утра распахивается дверь

1. Жан-Пьер Мюар, интервью с автором.

и появляется Ален Гейсмар. Он с ног валится от усталости, и его мучает конфликт между ответственностью руководителя профсоюза, заставляющей вести переговоры, и революционными убеждениями, взывающими к твердости: «Он пришел объяснить с участниками „Движения 22 марта“, так велико у него было желание тут же погрузиться в эту кипящую лаву»². Гейсмар со слезами на глазах рассказывает, как был вынужден согласиться на неприемлемые условия — освобождение всех арестованных студентов, кроме иностранных. Тогда «Движение 22 марта» решает провести мобилизацию 10 мая, поставив два ультимативных условия: немедленное освобождение всех без исключения студентов и немедленное открытие Сорбонны. В четыре часа утра решено составить воззвание с призывом выйти на улицы 10 мая — его тираж превысит 400 000 экземпляров.

Эту длинную ночь на баррикадах на улице Гей-Люссака Гваттари провел в стороне от событий. Он приезжает на место около 4 утра на мотоцикле, растерянный. В утреннем тумане он находит своего друга по CERFI Франсуа Фурке в несколько пришибленном состоянии из-за слезоточивого газа. Гваттари не большой вояка, стычки на улицах его скорее пугают, но и завораживают: «Я помню, как ездил по городу на машине. Повсюду были фейерверки. Это было нечто!»³ Больше, чем физические столкновения, его привлекает то, что люди берут слово, потому что «для тех, кто пережил этот опыт более или менее близко, это незабываемо»⁴.

Когда протесты начинают шириться, Гваттари чувствует себя рыба в воде. Он видит, как революционные надежды, которые он питал еще во времена тезисов «Левой оппозиции», переносятся на студенческое движение, рассматриваемое как передовой отряд социальной борьбы, единственный, способный свергнуть бюрократический аппарат. В то же время он поражен и ошарашен стихийностью этого взрыва:

Когда разразился 1968 год, у меня было впечатление, что я хожу по потолку. У меня было странное, тотальное чувство. Я снова в Сорбонне, где я когда-то так скучал, в амфитеатре Рихелье. Это был неслыханный, просто неслыханный опыт. Я не предвидел ничего такого и ничего не понял. Прошло несколько дней, прежде чем я это осознал⁵.

2. Hervé Hamon, Patrick Rotman, *Génération*, tome 1, Paris: Seuil, 1987, p. 473.

3. Феликс Гваттари, интервью с Даниэлем Линаром, 1984, IMES.

4. Там же.

5. Там же.

Тем не менее «шайка» Гваттари держит его в курсе событий, которые уже несколько месяцев разворачиваются на кампусе университета Нантер. Анн Керьян учится там на третьем курсе у Анри Лефевра на социологическом факультете. Она принимает участие в первых акциях «Движения 22 марта»: «Я говорила Феликсу, что в Нантере происходят дела поинтереснее заседаний CERFI»⁶. В апреле 1968 года заинтригованный Гваттари отправляется в университет Нантер, чтобы держать руку на пульсе движения, уже нашедшего своего харизматического лидера в лице Кон-Бендита, сочетающего в себе талант трибуна, безжалостный юмор и врожденное политическое чутье. Гваттари возвращается из Парижа в Ла Борд, где он живет и работает, и созывает свои войска — врачей, инструкторов, стажеров и даже больных, приглашая их влиться в ряды революционеров, шагающих по парижским улицам. Жан Ури, директор клиники, всем сердцем поддерживает движение, однако считает приглашение пациентов безответственным.

Среди «подвигов» Гваттари и его «шайки» в мае — захват здания Национального института педагогики на улице Ульм. Решение о захвате здания приняли преподаватели FGERI. Благодаря Фернану Ури Гваттари в курсе педагогических проблем, его друзья по FGERI нередко сотрудничают с учеными из этого института, но активисты из основного движения практически ничего не знают о его существовании: захват здания кажется им несколько абсурдным.

Еще один захват здания, более зрелищный, коснулся театра «Одеон». Его инициатором стал Жан-Жак Лебель, бывший сотрудник «Социализма и варварства», ушедший в революционное искусство, хеппенинги и контркультуру. Гваттари и FGERI находятся рядом с ним, они обеспечивают прикрытие операции. Лебель познакомился с Гваттари через Жан-Пьера Мюяра, чуть ли не профессионального «сводника»: это он свел Делёза и Гваттари. В 1966 году Мюяр приглашает Лебеля на выставку, проходящую в Музее современного искусства в Токийском дворце. Вечер организован клиникой Ла Борд, в представлении заняты ее пациенты, по этому случаю выбравшиеся в Париж и получившие приглашение от Лакана: «Феликс тогда выполнял обязанности наследника трона при Лакане. Он считался одним из двух-трех самых блестящих людей в его окружении»⁷. Между Лебелем и Гваттари с первой минуты знакомства устанавливаются теплые и насыщенные отношения. Их объединяют

6. Анн Керьян, интервью с автором.

7. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

поиски антиакадемического радикализма. Лебель вдохновился, открыв для себя пациентов, приехавших из этой необыкновенной психиатрической лечебницы и способных на сцене свободно переступать границу между положением сумасшедшего и положением актера в одну и в другую сторону. Особенно его поразила одна сцена: пациент из Ла Борд сел за фортепиано и начал играть как первоклассный музыкант. Затем он встал и, сверкая глазами, как Артонен Арто, принялся орать на зрителей: «Наконец-то я кем-то стал». У этого пациента, раскрывавшего перед публикой свою внутреннюю пропасть, уже нельзя было разобрать, где театр, а где терапия: «Я был потрясен, и все это абсолютно соответствовало тому, что мы, идя по стопам Марселя Дюшана и Джона Кейджа, пытались сделать. Иными путями они пришли в то же самое место. Они превратили свою тревогу в искусство»⁸. После спектакля Лебель подошел к Гваттари, который сказал, что знает его хеппенинги и они ему очень нравятся, а также пригласил вступить в FGERI, чтобы открыть там новый фронт, поэтический и театральный. И хотя Лебелю было непросто убедить своих друзей-артистов работать с психиатрами, они с Гваттари впредь будут неразлучны.

Лебель, находящийся в самом центре движения мая 1968 года, сразу после того, как протестующие студенты займут только что открытую Сорбонну, отказывается замыкаться в этой крепости студенческого левачества и предлагает захватить театр «Одеон». Одним из завсегдатаев этого театра был министр культуры Андре Мальро, и мишенью акции становится официальная культура Французской республики. Гваттари поддержал решение о захвате «Одеона», хотя и представляет себе опасности, связанные с атакой на один из символов государства. Университет еще может сойти с рук, от несвоевременного полицейского вмешательства его защищают университетские вольности, но существующий на государственные дотации театр Жана-Луи Барро — совсем иное дело! Гваттари использует в этой операции все навыки FGERI, своих врачей и активистские сети: «Многие работали в больницах. Мы загрузили целые машины бинтами, бактерицидными средствами, антибиотиками»⁹. Другие занимались запасами на случай осады: «Мы ходили в театр под видом журналистов, отмечали, где можно подняться на крышу, пронести матрасы, места, в которых можно спрятать заранее медикаменты и еду»¹⁰. После большой демон-

8. Жан-Жак Лебель, интервью с Жиржини Линар.

9. Там же.

10. Там же.

страции 13 мая 15 мая «Одеон» был взят, и движение без труда занимает сцену, на которой выступают артисты и интеллектуалы, Джулиан Бек, *Living Theatre* и, самое главное, целая толпа неизвестных людей. На входе лидер движения напишет красной краской следующее предупреждение: «Когда национальная ассамблея становится буржуазным театром, все буржуазные театры должны превратиться в национальные ассамблеи!» Жан-Жак Лебель, Даниэль Кон-Бендит и Джулиан Бек объясняют воодушевленному партеру и тем, кто занял удобные места в оркестровой яме и на балконах, что речь идет не о конфискации театра Барро-Рено, а о передаче его публике.

Постепенно к протестному движению присоединяются все трудящиеся, этот процесс особенно активно идет после ночи на баррикадах 10 мая, в итоге страна оказывается парализована стачкой, а большинство заводов захвачены собственными рабочими. Хотя, за исключением 13 мая, партийные аппараты ФКП и CGT (Всеобщей конфедерации труда) соблюдали правило разделения студенческого и рабочего протеста, Молодежная группа завода *Hispano*, пошатнувшая бюрократическую профсоюзную иерархию, может отныне митинговать в открытую. Глава группы, Жо Панаже, большой друг Гваттари, приглашает активистов из CERFI помочь им в Ла-Гаренн-Коломб. Как и везде, завод занят ФКП и CGT, как это было и раньше, в 1936 году. Пространство перед главным входом может служить постоянным местом сбора, на котором активисты «Движения 22 марта» будут раздавать листовки, устраивать дискуссии и рассказывать о том, что происходит на кампусе: «Приходилось размахивать названием „22 марта“, его принимали лучше, чем какие-то мелкие группировки. Сила „Движения 22 марта“ была так велика, что CGT пришлось смириться»¹¹.

Группа друзей Гваттари приезжает оказать материальную помощь бастующим рабочим, привозит продукты из сельских районов. Молодые рабочие с *Hispano* просят представителей власти разрешить им дискутировать в более институционализованных рамках, внутри завода. Компромисс достигнут, и нескольких студентов пускают в заводскую пристройку, помещение заводского комитета. Тут представители аппарата с удивлением констатируют, что заводские рабочие смело берут слово и выступают с радикальными призывами к бунту: «Они начали говорить очень резко: что мы тут забыли? Надо всем выйти на улицу на демонстрацию. Слова были такие резкие и говорились с такой страстью, что партийный аппарат

11. Жо Панаже, интервью с автором.

пришел в ужас»¹². На следующий день профсоюзные деятели усвоили урок и организовали собрание так, чтобы никому не давать слова, и очень скоро ворота завода захлопнулись перед посторонними.

В конце мая ветер подул в другую сторону: вернувшись из Баден-Бадена и Коломбе, генерал де Голль выступил с сокрушительной речью, а на Елисейских Полях прошла огромная голлистская демонстрация. Гваттари разоблачает попытки мелких групп левого толка захватить движение. Он надеется сохранить «Движение 22 марта» со всей его стихийностью, неудержимым творческим порывом, а также все низовые комитеты, образовавшиеся во время мобилизации на рабочих местах и в жилых кварталах. «Движение 22 марта» «должно защищать право низовых комитетов на независимость от любых структур, претендующих на контроль над ними»¹³. В этом движении Гваттари видит тип группы, на появление которого он надеялся, когда создавал «Левую оппозицию»: «Самое замечательное в „22 марта“ не то, что эта группа выступала за свободу объединений, а то, что она превратилась в „аналитика“ значительной массы студентов и молодых рабочих»¹⁴.

Утром 6 июня 1968 года конфронтация перекинулась на завод Флен-сюр-Сен в Ивлин: в три часа ночи сотня бойцов спецназа и полицейских окружает завод *Renault*. Рабочие бастуют уже 19 дней, и, несмотря на соглашения Гренеля, отказываются возобновить работу. Чтобы противостоять этому массированному полицейскому наступлению, несколько рабочих оставляют свои цеха и поодиночке отправляются за помощью в Париж. Они идут в Школу изобразительных искусств, обращаются в «Движение 22 марта» и в парижские комитеты. На следующий день объявляется всеобщая мобилизация и назначается собрание 7 июня в 5 часов утра возле завода. У выездов из Парижа выставлены полицейские заграждения, чтобы парижские активисты не могли добраться до Флен-сюр-Сен. Но многим удается обмануть полицию, и вдоль огороженного периметра происходит все больше стычек, полиция гоняется за их участниками, и по ту и по другую сторону Сены. День завершается трагически: первый погибший во время событий мая 1968 — юный лицеист Жиль Тотен.

12. Дебаты Молодежной группы *Hispano* с Феликсом Гваттари, запись от 29 июня 1968, расшифровка, передана Жо Панаже.

13. Félix Guattari, «La contre-révolution est une science qui s'apprend», *Tribune du 22 mars*, 5 juin 1968; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 211.

14. Félix Guattari, «Extraits de discussion», 23 juin 1968; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 217.

Феликс Гваттари садится в машину и едет во Флен:

Во Флене я останавливал совсем юную молодежь. Заговаривал с ними: чем вы занимаетесь? Учимся. Что изучаете? Они мнутя. Ну там... в Сорбонне. Это были совсем молодые рабочие, может быть, даже подмастерья. Они выдавали себя за студентов не ради обмана, им казалось, что они имеют право сражаться, только если они студенты¹⁵.

Гваттари считает, что самыми важными событиями движения в июне 1968 года были два радикальных противостояния во Флене и в Сошо, так как они смогли разрушить видимость консенсуса: «Во Флене и в Сошо спецназ и полиция с ума сходили: они в один голос жаловались на неуправляемые элементы»¹⁶. 11 июня в Сошо вмешательство полиции закончилось гибелью двух рабочих, один из которых был застрелен. Присоединение студентов к борьбе рабочего класса несло в себе трансгрессивный заряд, стирая границы между двумя мирами.

Ударная волна мая 1968 года не могла не докатиться до Ла Борд. Там хватает тех, кто без конца курсирует между парижскими манифестантами и клиникой, в которой они живут и работают. Радикализм антиавторитарных протестов бумерангом ударил по этому миру, призванному противостоять любой институциональной косности. Этот небольшой авангардный мирок не мог плестись в хвосте движения, которое он тщательно готовил. В клинике создается забастовочный комитет, налаживается связь с другими медицинскими учреждениями долины Луары. Устанавливаются контакты с соседними заводами в Блуа, Вандоме и Роморантене. Многочисленные стажеры, приехавшие из Парижа и завербованные Гваттари, обеспечивают связь со столицей и предоставляют свои машины для пополнения запасов продуктов в клинике, тем самым завязывая отношения с окрестными крестьянами. А вот обитателям лечебницы приходится брать на себя больше материальных задач, так как специалисты ее забросили, погрузившись в политическую деятельность. Высказываются радикальные сомнения: «От движения исходили настоятельные вопросы: чем вы занимаетесь в Кур-Шеверни? Кажется ли вам безумие политическим феноменом? Почему психиатрия? Какие у больных права и полномочия? Что значит выздороветь?»¹⁷ События мая 1968 года

15. Ibid., p. 221.

16. Ibid., p. 223.

17. Jean-Claude Polack, Danielle Sivadon-Sabourin, *La Borde ou le droit à la folie*, Paris: Calmann-Lévy, 1976, p. 54.

подталкивают клинику Ла Борд с ее институциональной психотерапией к границам антипсихиатрии, которая создается как раз в тот момент на основе идей Лэнга, Купера, Базальи: она требует упразднения самих институтов¹⁸. Но эту позицию считает безответственной глава Ла Борд, Жан Ури, стоящий на страже своего рабочего инструмента, несмотря на возникающие вокруг него споры. Поэтому он считает, что этот период оказал пагубное воздействие на развитие психиатрии, и в этом мнении он не одинок. Ему невыносимо видеть, как стажеры выходят на работу в 12 дня, хотя должны быть на месте в 9 утра, да еще осмеливаются критиковать тех, кто работает, называя их «жертвами капиталистического отчуждения». Ури считает, что внезапно все распалось: «Я сказал тогда, что нас как будто разбомбили»¹⁹. Он обвиняет в этом своего друга Гваттари, как главного подстрекателя, а также всю его «шайку», называвших Ла Борд «Сан-Тропе в Солони»: «Это уже было слишком. Я всех выгнал к чертовой матери»²⁰. Май 1968 года положил бесповоротный конец их сотрудничеству: «В Ла Борд ты был либо за Феликса, либо за Ури. Нужно было выбирать сторону, тем более что Ури был травмирован 1968 годом»²¹.

До 1968 года во время войны во Вьетнаме Гваттари удалось перегруппировать силы старой сети «Вольных стрелков и партизан» Луар и Шер по случаю показов фильмов о войне. Вернувшись к тактике внедрения, Гваттари и его «шайка» из Ла Борд примкнули к ячейкам коммунистической партии в департаменте. В партию вступили около 15 активистов. Такое официальное прикрытие позволит им контролировать множество мелких ассоциаций, женских движений, культурных движений, киноклубов... Очень быстро находится новое большое поле битвы — право на аборт, борьба MLF (Движения за освобождение женщин) и медиков. Врачи из Ла Борд, в частности Жан-Клод Полак, особенно активны среди последних: «В Ла Борд ввели свой собственный метод проведения аборта, который придумал Жан Ури»²². Но Французская компартия в то время еще выступает против легализации абортов. Она защищает национальную natalistскую линию: чем пролетариат многочисленнее, тем быстрее он создаст основы народной демократии. В конце концов в компартии узнают, что в Луар и Шер царит ересь, и она по-

18. См. главу 18 настоящего издания.

19. Жан Ури, интервью с автором.

20. Там же.

21. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

22. Жан-Клод Полак, интервью с Виржини Лиар.

сылает туда своего эмиссара, Жанетт Вермерш-Торез, жену Мориса Тореза, чтобы навести порядок и напомнить об официальной позиции партии.

«Товарищ Жанетт» и раньше заявляла о своем враждебном отношении к контрацепции. Ее высадка в регионе организована Союзом женщин Франции, ширмой «массовой» организации для женщин из компартии. Собрание, которое должно было пройти в спокойной обстановке и контролироваться партией, проходит не так мирно, как ожидалось. Осаждаемая вопросами, Жанетт Вермерш переходит на повышенные тона и заявляет, что не собирается вести политические дискуссии с лесбиянками: «Девушки начали ее оскорблять, и ей пришлось срочно ретироваться под градом насмешек»²³. Для Французской компартии это было слишком, и она исключила из своих рядов левацкую группировку из Луар и Шер.

Делёз прислушивается к 1968 году

Делёз, в отличие от своего будущего друга Гваттари, в течение этих двух месяцев протестов не был революционером. Они еще не знакомы друг с другом и, кажется, их занимают совершенно разные заботы. Однако если присмотреться, это событие, разрыв, который каждый из них переживает на свой лад, подготовит их встречу. В мае 1968 года Делёз преподает в Лионском университете и очень чутко относится к студенческим протестам. Он один из немногих профессоров, которые публично объявляют о поддержке событий, принимают участие в генеральных ассамблеях и манифестациях лионских студентов. Более того, он единственный преподаватель философского факультета, который подчеркивает свое участие в движении. Делёз ему симпатизирует и прислушивается к нему. Его ученица Крис Юнес вспоминает генеральную ассамблею, на которой собралось много студентов. Рядом с ней одна студентка жаловалась подруге, что работающие студенты не могут себе позволить провалиться на экзаменах, потому что ребенка надо кормить и есть подработка в школе: «Делёз, сидевший рядом с ней, устал это слушать и сказал ей: „Но ясно же, что нельзя прекращать движение. Нужно, чтобы оно было. Вы же видите, что происходящее важно“»²⁴.

Делёз всецело на стороне движения. Когда 10 мая 1968 года к нему в Лион заезжает Морис де Гандийяк, его научный ру-

23. Там же.

24. Крис Юнес, интервью с автором.

ководитель, его встречают плакаты, красные флаги, растяжки, вывешенные на балконе детьми Делёза, Жюльеном и Эмили. Однажды майским вечером семья Делёз пригласила на ужин Жанетт Коломбель с мужем, и тут явился студент с известием о том, что готовится нападение крайне правых на пикет студентов университета: «Мы с Жилем бегом спустились по лестнице, чтобы присоединиться к нашим студентам»²⁵. В конце июня бывший ученик Делёза 1951 года, Клод Лемуан, ставший членом команды Алена Пейрефита в Управлении радио- и телевидения Франции (ORTF), то есть оказавшийся в противоположном лагере, наблюдает, как в Дом радио врывается группа манифестантов, среди которых он узнает Делёза: «Они подходят к моему кабинету, и один из них говорит: „Мы хотим видеть Лемуана!“» Я указал им на соседний кабинет, который они заняли на четыре часа. Жиль меня сразу узнал и весело посмеялся. Я, в свою очередь, воспользовался этим, чтобы потихоньку улизнуть»²⁶.

Делёз решил любой ценой завершить докторскую диссертацию и защитить ее осенью 1968 года. Таким образом, он посвящает ей все лето, которое проводит в семейном имении Мас Ревери в Сен-Леонар-де-Нобла в Лимузене. Но он так сильно устает, что приходится обратиться к врачу, диагностировавшему возвращение давнего туберкулеза, не поддающегося лечению антибиотиками, из-за которого в одном из его легких образуется огромная дыра. Ему приходится срочно лечь в больницу, чтобы не сорвать защиту диссертации, отложенную до января 1969 года. Таким образом, в начале 1969 Делёз одним из первых приходит защищаться в Сорбонну после майских событий, которые тогда еще далеки от завершения. Зная, что он тяжело болен, комиссия решает немного сократить время защиты, чтобы не слишком утомлять кандидата, исключительную ценность работы которого все признают. Но больше всего комиссия боится прихода незваных и докучливых гостей, и она не уверена, что сможет вести свою работу в привычном порядке.

У них была только одна мысль: как бы не столкнуться с бандами, которые собрались в Сорбонне, и они были напуганы. Помню, что председатель комиссии сказал мне, что есть два варианта: либо защищать диссертацию на первом этаже, там есть преимущество — два выхода. Но есть одно неудобство: на первом этаже болтаются больше банд. Либо проводить защиту на втором этаже,

25. Jeannette Colombel, «Deleuze — Sartre: pistes», dans André Bernold et Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*, Paris: Hermann, 2005, p. 43.

26. Клод Лемуан, интервью с автором.

преимущество которого в том, что банды туда добираются реже, но есть и недостаток: один вход и выход. Защищая диссертацию, я никак не мог встретиться взглядом с председателем комиссии, он не спускал глаз от двери, смотрел, не идут ли банды²⁷.

После защиты Делёз говорит своему другу Франсуа Шатле о желании работать в парижском регионе:

Что сказать об этой защите? Даже нечего вспомнить забавного, пустота, полная пустота. Встретил Алкье на следующий день, и мне показалось, что он со мной распрощался. Тем лучше. Но мне нужно оказаться в следующем году в Венсене или в Нантере. Хочу устроить себе другое лежбище, не хочу начинать все заново в Лионе²⁸.

После защиты Делёз вынужден лечь на тяжелую операцию, торакопластику. Отныне он будет жить с одним легким, что обрекает его на постоянные инъекции и проблемы с дыханием до конца дней. Эта операция потребовала также реабилитации в течение целого года, который он проводит в обществе своей жены, вдали от треволнений, в лимузенском имении. Именно на фоне этого ослабления жизненных сил и вынужденного ухода от мира Делёз знакомится с Гваттари²⁹.

Без мая 1968-го эта встреча не состоялась бы. Для них события 1968 года сыграли роль «учреждающего разрыва» (Мишель де Серто). Следуя заветам Жоэ Буске, которого Делёз так часто упоминает в 1967 году, их первое совместное произведение, «Анти-Эдип» уходит корнями в май 1968-го, несет на себе отпечаток интеллектуального бурления этого периода. Комментируя публикацию этой первой совместной работы, Гваттари подтверждает эту связь: «Май 68-го был потрясением для Жиля и для меня, как и для многих других: мы тогда не знали друг друга, но эта книга сегодня является все же продолжением событий Мая»³⁰.

27. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

28. Жиль Делёз, письмо Франсуа Шатле, 1969, фонд Шатле, I MEC.

29. См. пролог в настоящем издании.

30. Félix Guattari, «Entretien sur *L'Anti-Œdipe*», *L'Arc*, № 49, 1972; переиздано в: Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 28.

Часть II

*Складки разглаживаются,
биографии пересекаются*

Глава 10

Огонь по психоанализу!

В 1950-Е ГОДЫ Гваттари, бродя по коридорам Сорбонны, только и делает, что восторгается своим учителем: у него он черпает все свои идеи и вдохновение для текстов. Он знает его идеи почти наизусть, заставляет свою «шайку» его читать и, само собой разумеется, прилежно посещает еженедельную церемонию Семинара. Его очарованность и жажда подражать столь велики, что, когда его другу Филиппу Жирану нужно привлечь его внимание в коридоре Сорбонны, он кричит: «Лакан!» Когда Лакан создает Парижскую школу фрейдизма в 1964 году, Гваттари становится одним из его адъютантов, и это он предлагает создать журнал *La Lettre de l'École*, который станет главным внутренним изданием группы.

В 1964 году Лакан переносит свой Семинар в знаковое для парижской культуры место, престижную Высшую нормальную школу на улицу Ульм. В этой культурной среде, где в философии господствуют в основном альтюссерянцы, к Лакану приходит новое поколение, поколение Жак-Алена Миллера и Жан-Клода Мильнера, которые составят его личную гвардию¹. Альтюссер в это время поспособствовал тому, чтобы психоанализ оказался в самом центре французской интеллектуальной жизни, и сумел сломить последнее сопротивление коммунистов фрейдовским идеям². Возвращение к Фрейду принимает у него форму обращения к Лакану, которого он считает объективным союзником в борьбе против центрального аппарата Французской компартии, против которой он выступает так же, как Лакан выступает против официальной международной организации фрейдизма, Международной психоаналитической ассоциации.

Лакану удалось получить текст Феликса Гваттари для своего журнала *Scilicet*, но в итоге он его так и не опублико-

1. См.: R. Crémant (Clément Rosset), *Les Matinées structuralistes*, Paris: Laffont, 1969.

2. Louis Althusser, «Freud et Lacan», *La Nouvelle Critique*, № 161–162, déc. 1964 – janv. 1965.

вал³. Когда он узнаёт, что один из его людей — Гваттари — пишет совместно с Делёзом, работы которого Лакан высоко ценит, книгу о психоанализе, акции Гваттари моментально вырастают: Лакан беспокоится, что может вытворить эта парочка, и боится, как бы их критика не оказалась убедительной: «На конгрессе он начал приставать ко мне с вопросами: „Гваттари, что вы об этом думаете?“»⁴ Беспокойство Лакана растёт, он даже просит у Гваттари рукопись книги, чтобы почитать ее до запланированного выхода в печать в 1972 году. «Естественно, об этом не могло быть и речи. Делёз всячески остерегался Лакана»⁵. Гваттари вежливо извиняется и отказывается под предлогом того, что Делёз хочет представить текст только в идеально вычитанном окончательном варианте. Он пытается успокоить бывшего наставника, заверяя его, что по-прежнему остается лаканианцем первого призыва, который просто почувствовал потребность покопаться в областях, до сих пор не исследованных учителем.

У Лакана тем больше оснований для беспокойства, что до него дошли слухи о том, что рассказывает Делёз на своем курсе в Венсене, который в 1971 году, естественно, посвящен «Анти-Эдипу». Не сумев получить текст, Лакан надеется развеять возможное непонимание и просит Делёза о личной встрече. Тот отделяется телефонным звонком. Тогда Лакан снова принимается обхаживать Гваттари и приглашает его в роскошный ресторан на берегу Сены, чтобы тот изложил содержание загадочной книги. Гваттари берется рассказать о нем в общих чертах, хотя и опасается худшего. Он поражен крайне позитивной реакцией Лакана, заверившего, что ему это очень интересно и что школу он создавал именно для того, чтобы она стала местом выявления подобных расхождений: «Он сказал мне знаменитую фразу: „Для меня важнее всего, чтобы был анализ“»⁶.

Эти подбадривания звучат фальшиво. В какой-то момент Лакан оборвал Гваттари: «Что такое шизоанализ?» Гваттари смущен, если не сказать больше:

Я запутался, сославшись на священную формулу лаканизма. Невеоятное высокомерие в отношении метрдогеля. Мне жарко, есть неохота. Я все выложил. Объект маленькое *a* как желаящая машина, детерриториализация, история. Говорил все, что в голову приходило, об антропологии и политической экономии. — «Я весь внимание.

3. См. пролог в настоящем издании.

4. Феликс Гваттари, автобиографическое интервью с Ив Клоарек, I M E C.

5. Там же.

6. Там же.

Очень интересно. Делёз в Венсене явно поддался на перегибы своих студентов. Не знаю, может быть, у вас все уже решено, но думаю, что аналитик бы вам не помешал». Секундная эмоция. Но слишком поздно! Что-то сломалось. Может быть, между нами все всегда было сломано? И вообще, разве он когда-нибудь по-настоящему находил доступ к другому человеку, по-настоящему говорил с кем-нибудь? Хороший вопрос! Поставив себя на место деспотического означающего, не обрек ли он себя уже давно на необратимое одиночество? Уже поздно, пора расходиться. Он доволен нашей встречей. Успокоился. Ну, по крайней мере, с его слов! Сстулившись, чуть прихрамывающий, с удрученным видом он исчезает в темноте. Ворота дома на улице Лилль тяжело захлопнулись⁷.

Когда Лакан узнает о разгроме, которому в книге подверглась его теория, мосты будут сожжены навсегда. Они не только никогда больше не увидятся: Лакан и люди его круга будут распространять порочащие слухи о практике Гваттари, чтобы дискредитировать его в психоаналитической среде.

С самого начала идея Гваттари была в том, чтобы не просто написать памфлет против Лакана, а преодолеть сам лаканизм. В то время он рассматривает «Анти-Эдипа» как способ мыслить лаканизм в обход самого Лакана. К тому же он признан в качестве профессионального аналитика лакановской школы. Даже через три года после публикации книги в 1975 году у него все еще останутся 30–35 клиентов.

Со своей стороны, Делёз на момент встречи с Гваттари в 1969 году не так хорошо знаком с произведениями Фрейда и Лакана, но уже предпринял несколько вылазок в область психоанализа. Первая относится к 1961 году, когда он публикует свой первый текст о Захер-Мазохе⁸, который в дальнейшем переделает в «Представление Захер-Мазоха»⁹. Лакан лично похвалит эту работу на своем семинаре, заявив своим ученикам, что они едва ли смогут превзойти столь богатый анализ. Психоаналитик Жан Лапланш в своей лекции 23 января 1973 года признаёт, что Делёз раскритиковал слабые места у Фрейда, касавшиеся явных перверсий: «Он довольно легко (и в этом с ним нельзя не согласиться) показывает, что садизм — не перелицованный мазохизм и наоборот»¹⁰.

7. Félix Guattari, «Journal 1971», 6 octobre 1971, *La Nouvelle Revue française*, N° 563, octobre 2002, p. 349–350.

8. Gilles Deleuze, «De Sacher-Masoch au masochisme», *Arguments*, N° 21, 1961.

9. Жиль Делёз, «Представление Захер-Мазоха», Л. фон Захер-Мазох, *Венера в мехах*, Москва: Культура, 1992.

10. Jean Laplanche, *Problématiques 1, l'angoisse* (cours du 23 janvier 1973), Paris: PUF, 1980, p. 296.

Лакан в Лионе у Делёза

Когда осенью 1967 года Лакан прибыл в Лион, где преподавал Делёз, тот с большим почтением встретил его на вокзале. Лакан, официально приехавший по приглашению Жан-Поля Шартье, директора интерната Винатье, — уже знаменитость. На его семинар не только ходит весь Париж; его «Тексты», изданные в 1966 году, стали бестселлером. Делёз очень рад его приезду и предлагает заехать на аперитив в его квартиру на площади Жан-Масе: «В то время Делёз очень увлекался психоанализом и в особенности Лаканом. Например, его очень занимала игра с утраченным объектом. Он переписал свою небольшую работу „Пруст и знаки“ в последующих изданиях, представив игру с утраченным объектом между разными планами»¹¹. Лакан приезжает к Делёзу, решительно отказывается от предложенной выпивки и через десять минут жалуется, что так устал, что ему нужно срочно отдохнуть. Жан-Поль Шартье, несколько раздосадованный этим плохим началом, отвозит Лакана в отель. Обед запланирован в *Montplaisir*, ресторане савойской кухни, где помимо гуру присутствует принимающая сторона, Шартье, Делёз, философ Мальдине и психоаналитик Федида. Придя в ресторан, Лакан потребовал бутылку водки, половину которой тут же выпил:

Делёз не переставая его чествовал: «Какой важный день, ваш приезд в Лион оставит незабываемый след!» В какой-то момент Лакан, сделавшись не в духе, ответил ему загадочной фразой: «Не так». В результате все остальное время Делёз не сказал ни слова. Хотя он один только и разговаривал¹².

Затем эта небольшая компания отправляется в Социальный центр, где Лакан должен выступать с докладом. Там он, будучи явно в подпитии, швыряет пальто на пол, берет микрофон и начинает доклад под названием «Место, истоки и конец моего учения», суть которого была в том, чтобы превратить синтагму «его сексуальная жизнь» (*sa vie sexuelle*) в выражение «это закручивается эксуально» (*ça visse exuelle*), способное прояснить «некоторые вещи или хотя бы высечь маленькую искру в умах»¹³.

После выступления кто-то должен был осмелиться и задать гуру вопросы: вызов принял только Мальдине, указав на про-

11. Jean-Paul Chartier, «La rencontre Lacan-Deleuze ou une soirée de Lacan à Lyon à l'automne 1967», dans *Le Croquant*, N° 24, automne-hiver 1998–1999, p. 25.

12. Ibid., p. 26.

13. Jacques Lacan, «Place, origine et fin de mon enseignement», ibid., p. 44.

тиворечия в нескольких пунктах доклада. По окончании обмена репликами Мальдине говорит о невозможности диалога или, скорее, о переплетающемся двойном монологе, на что Лакан отвечает, что «так бывает не только у философов, то же самое происходит между мужем и женой»¹⁴. Лакан в итоге несколько раздосадован тем, что его выступление приняли с недостаточным энтузиазмом. Он не встретил в Лионе столь же наэлектризованной атмосферы, как на своем парижском семинаре.

Но это еще не конец всех злоключений. После выступления запланирован небольшой прием, и психоаналитик Анри Верморель говорит Лакану о том, что его выступление своей запутанностью повергло его в полную растерянность. Лакан, не привыкший к бесцеремонности, становится пунцовым от злости: «Я чувствовал, что моему Лакану все хуже и хуже. Не помогала даже выпивка. Но в итоге он сам нашел выход из положения: „Я хочу закончить вечер у Делёза“. Я послал кого-то к Делёзу, который, добрая душа, согласился его принять»¹⁵. В этот довольно поздний час — одиннадцать вечера — знаменитости потребовалось срочно найти сигары, и Мальдине пришлось обегать весь Лион, пока Шартье отвозит Лакана к Делёзу: «Делёз принял его очень любезно. Мальдине вернулся с пустыми руками. Было несколько интернов. Вероятно, Феидида. Но никакого разговора не получилось. Лакан ударился в параноидальные обвинения всех, кто хотел украть у него идеи, изложив весь список причиненных ему обид»¹⁶. Только у Делёза хватало терпения, повторяя слова Лакана, придавать им поэтическое звучание, игнорируя их полемический заряд: «Эта маленькая игра продолжалась бесконечно. Лакан не сдавался. Здесь у него хотя бы была заискивающая аудитория, которая будет терпеть его до конца. Это была если не месть, то по крайней мере необходимая разрядка. Делёз проявил неимоверное терпение»¹⁷. Понятно, что эта лионская встреча оставила у Делёза не слишком хорошие воспоминания.

Лакан-Делёз в непосредственной близости

Делёз считает, что поворотный момент во фрейдизме — решение Фрейда не ограничиваться рассмотрением в качестве значимых только реальных событий раннего детства, давшее место

14. Ibid., p. 64.

15. Jean-Paul Chartier, *ibid.*, p. 28.

16. Ibid., p. 29.

17. Ibid., p. 29.

фантазматическому измерению: «Повторение символично по своей сути, символ, симулякр — буква самого повторения»¹⁸. Когда Фрейд изобретает свой диспозитив аналитического лечения, цель которого — вызвать у пациента перенос, он пока еще находится в области строгого повторения: «Если мы заболеваем от повторения, то оно же нас и лечит»¹⁹. Хотя уже Фрейд показал, что прегенитальная сексуальность находит выражение в частичных влечениях, в Лакане с его объектом *a* Делёз видит продолжателя этой гипотезы. В отличие от реального объекта, который либо есть, либо нет, частичный объект, будучи виртуальным объектом, «обладает качеством быть *и* не быть там, где он находится или куда направляется»²⁰. Делёз опирается на знаменитый семинар Лакана об «Украденном письме» Эдгара По, опубликованный в сборнике «Тексты» в 1966 году: «В этом смысле нам представляются показательными страницы из Лакана, где виртуальный объект отождествляется с похищенным письмом у Эдгара По»²¹.

Лакан с большим интересом отмечает это заимствование и настойчиво подчеркивает «изящество Жилия Делёза», «нашего друга», на своем семинаре 1968–1969 годов²². Он противопоставляет царящему в психоанализе идиотизму то, как Делёз показал, что мазохистское наслаждение конституирует Другого при помощи контракта. На занятии 12 марта Лакан призывает свою аудиторию прочитать «Различие и повторение» и «Логику смысла»: «Так случилось, например, что мсье Жиль Делёз, занимаясь своей собственной работой, выпустил под видом диссертации две важнейшие книги»²³. Лакан дает понять, что делезовские утверждения в значительной степени вдохновлены его собственными идеями. «К счастью, он нашел время собрать в одном тексте не только то, что находится в центре того, о чем я говорю — и без сомнения, эта моя речь находится в центре его книг, потому что там это открыто признается, и „Семинар по ‘Украденному письму’“ становится вводным»²⁴, но и включить в свой анализ размышления стоиков. Лакан также хвалит Делёза за наилучшее определение структуралистской парадигмы: «Вы найдете место, где он говорит, что суть струк-

18. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 32.

19. Там же, с. 34.

20. Там же, с. 132.

21. Там же, с. 132.

22. Jacques Lacan, *Le Séminaire*, livre XVI, *D'un Autre à l'autre (1968–1969)*, Paris: Seuil, 2006, p. 134.

23. Ibid., p. 218.

24. Ibid.

турализма, если это слово вообще имеет какой-то смысл... это одновременно пробел, нехватка в цепочке означающих, и из-за этого в цепочке означаемых появляются блуждающие объекты». Комментируя эти похвалы, психоаналитик Софи Мендельсон предполагает, что Лакан восхищается способностью философа пойти дальше него самого в радикализации критики структурализма, и, «по-видимому, именно это привлекает Лакана-читателя в Делёзе в 1969 году»²⁵.

Делёз полагает, что повторение в психоанализе возникает из тройного режима: режима реализма, режима материализма (он подчиняется принципу внутренней механики) и режима грубого индивидуалистического повторения (отношения между новым и старым настоящим регулируются репрезентациями субъекта). Поэтому Фрейд, несмотря на свои открытия, так и не сумел порвать с классической концепцией репрезентации, подчиняющей повторение принципу тождества. Кроме того, Делёз критикует слишком ярко выраженный дуализм фрейдовской теории, акцентирующий модель конфликта, и предлагает взамен подход, основанный на сдвигах и маскировках, исходящих из более тонких и многочисленных механизмов дифференциации, скорее «молекулярных», чем «молярных»²⁶. Тем не менее Фрейд не замыкается в постгегельянской диалектике, преодолевая ее дуализм, ратуя за более тонкую концепцию дифференциальных расхождений: например, когда пишет, что бессознательное не знает слова «нет», или уделяет большое внимание частичным объектам: «Бессознательное дифференциально, оно состоит из малых восприятий, но именно этим сущностно отличается от сознания»²⁷. Согласно Фрейду, бессознательное не знает ни негативности, ни смерти, ни времени. При этом, как подчеркивает Делёз, в психоаналитическом знании о них только и речь.

В заключение своей диссертации Делёз вспоминает о повторении жестов и слов при шизофрении: он видит в этих итерациях феномен сжатия, при котором дифференцированные уровни сминают друг друга и который вызван специфическим нарушением, возникающим между двумя повторениями. Поэтому Делёза интересует Лакан, у которого была диссертация о психозе²⁸. Психоанализ, таким образом, рассматривается как шаг

25. Ibid., p. 227.

26. Sophie Mendelsohn, «J. Lacan-G. Deleuze. Itinéraire d'une rencontre sans lendemain», *L'Évolution psychiatrique*, vol. 69, avril-juin 2004, p. 365.

27. *Различие и повторение*, с. 139.

28. Jacques Lacan, *De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité*, Paris: Le François, 1932; rééd. Paris: Seuil, 1975.

вперед в преодолении тупиков классической мысли, исходящей из постулируемого и конститутивного единства репрезентации, однако даже он, по мнению Делёза, уже не может удовлетворить потребностей философии множественности.

В 29-й серии «Логика смысла» Делёз опирается на релевантность фрейдовского понятия комплекса кастрации в связи с Эдипом²⁹. При этом он меняет представление о силах, включенных в игру, которые не следует теперь искать ни в глубинах Оно, ни в высях Сверх-Я и которые располагаются на поверхности «я», в мире видимостей: «Известный механизм „отрицания“ (я этого не хотел...), при всей его важности для формирования *мысли*, должен истолковываться как выражение перехода от одной поверхности к другой»³⁰. Делёз здесь пытается порвать с концепцией психоанализа как глубинной психологии, чтобы вернуть его на план имманентности. Мы снова видим предлагаемый им сдвиг в том, как он рассматривает феномен фантазии. С точки зрения Делёза, это чистое событие, и потому оно отличается от опыта и от логики, принадлежа «идеальной поверхности, на которой производится как эффект»³¹. Делёз защищает дискурс психоанализа как выражение чистых событий: убитство-инцест-кастрация.

Психоанализ мог бы быть великой наукой о событиях при условии, что не будет понимать событие как обязательно наделенное смыслом, — событие воплощает смысл, который возникает в нем в ходе самого его осуществления. Делёз также следует за Фрейдом и Лаканом с их анализом фаллоса как объекта, фундаментальным образом маркированного избытком или нехваткой, самой настоящей точки дисбаланса, которая постоянно расходится со своим собственным истоком, плавающего означающего, пустой клеткой, оперирующей внутри двух серий — догенитальной и эдипальной. Но и здесь Делёз приводит это действие к феномену поверхности, эффектом которого становится трансформация одной серии в серию означающих, а другой — в серию означаемых. Самое глубокое — то, что располагается на поверхности, и «Логика смысла» становится объяснением парадоксов смысла и попыткой построить его теорию: «Предлагаемая книга — это попытка написать роман, одновременно логический и психоаналитический»³².

29. Жиль Делёз, «Благие намерения всегда наказуемы», *Логика смысла*, Москва: Академический проект, 2011, с. 265–274.

30. Там же, с. 272.

31. Там же, с. 276.

32. Там же, с. 7–8.

В конце 1960-х годов, когда психоанализ рассматривается как самая передовая дисциплина в структуралистской обойме, кажется, что Делёз заимствует язык и подход своих современников. Но эта привязанность к языку своего времени — всего лишь видимость: уже тогда Делёз намеревается разоблачить претензию психоанализа на особую роль в раскрытии истины на том основании, что он погружается в глубины сокрытой истины, ускользающей от любого удостоверения, любого присутствия в силу своей перечеркнутости. Эта ориентация делезовской философии хорошо видна в 18-й серии книги, посвященной «трем образам философов».

В ней Делёз клеймит два искушения, которые ввели философию в заблуждение. С одной стороны, ее уверенность со времен Платона в том, что истина может быть только где-то в заоблачных высях, за пределами пещеры, в небе, очищенном от иллюзий этого мира, в мире ином: «И философская работа всегда определяется как восхождение и преобразование, то есть как движение навстречу высшему принципу»³³. Стремлению дать философии крылья, чтобы она могла вознестись на вершину, противопоставляется другое — искать истину в недрах, погружаться как можно глубже, чтобы добраться до потаенной истины. Это ориентация, заданная досократиками: «Досократики помещали мысль внутрь пещер, а жизнь — в глубину. Они искали тайну воды и огня, и, подобно сокрушающему статуи Эмпедоклу, они философствовали молотом — молотом геолога и спелеолога»³⁴. Эта традиция породит всю линию герменевтики, которая будет без конца выслеживать истину под маской, и психоанализ причастен к этим исканиям, которые Делёз считает тщетными.

Этим двум традициям он противопоставляет ту, что впервые находит выражение у древнегреческих стоиков, ждущих спасения не сверху или снизу, а сбоку, от события, оттуда, где встает солнце, с востока. Выход — на самом остром, на самой поверхности плана имманентности. Это возвращение к поверхности как к автономному полю — великое открытие стоиков, обращенное против иллюзий, которые человек тщетно ищет в вышине или в глубине. Делёз называет это «философствованием посохом»³⁵, которое должно прийти на смену философии молотом, определяющей, среди прочего, и психоаналитический взгляд. Эта имманентная перспектива делает уникальным философский проект Делёза и позволяет ему со-

33. Там же, с. 170.

34. Там же, с. 171.

35. Там же, с. 177. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

хранять критическую дистанцию по отношению к психоанализу до его знакомства с Гваттари. Точки соединения вертикальных логик находятся на поверхности, следовательно, именно план имманентности должен стать местом главных изысканий, которые помогут создать резонанс между глубинными влечениями и идеализированными образами. Это опыт, формирующий шизофреника, у которого нет ничего, кроме поверхности; его тело стало телом-решетом, что превосходно выразил Арто-нен Арто, который в эпоху написания «Логики смысла» стал главным проводником Делёза в мир шизофрении. Делёз заимствует у него метафору, которую превратит в главный концепт, «тело без органов»: «„Нет рта, нет языка, нет зубов, нет гортани, нет пищевода, нет желудка, нет живота, нет ануса — я должен восстановить того человека, каковым я являюсь“. (Тело без органов состоит только из кости и крови.)»³⁶.

В 1969–1970 годах Делёз работает над проблемой шизофрении. В 1970 году он пишет предисловие к книге Луи Вольфсона «Шизофреник и языки»³⁷. Его интересует, как тот доходит до самых пределов языка при помощи процедуры, несколько напоминающей практику другого автора, который очень интересовал Фуко, — Раймона Русселя³⁸. Это процедура шизофренического размножения слов в комбинациях, которые сближаются в фонетическом плане, но противостоят друг другу в плане смысла. Но, в отличие от Русселя, представлявшего свой проект в качестве литературного произведения в его поэтическом измерении, цель дистанцирования, которое практикует Вольфсон, — любыми доступными средствами вырваться из родного языка, который, по его мнению, его подавляет. Он не собирается делать из этого произведение искусства или проводить научный эксперимент, он просто хочет дать волю своему патогенному вдохновению.

Цель Вольфсона — разрушить, чтобы начать созидать, убить свой родной язык, чтобы из него родился новый. Это отвержение языка связано с отвержением навязанного знания и сближается с его нежеланием принимать пищу. Самое ценное в жизни — познание, а раз оно связано с гниением, нужно попытаться найти другую комбинацию жизни и познания, диссемилируя слова в соответствии с другими сериями означающих. Здесь Де-

36. Арто, цит. по: *Логика смысла*, с. 120.

37. Gilles Deleuze, préface à Louis Wolfson, *Le Schizo et les langues*, Paris: Gallimard, 1970, p. 5–23; переиздано в: Жиль Делёз, «Луис Вольфсон, или прием», *Критика и клиника*, СПб.: Machina, 2002, с. 18–35.

38. Michel Foucault, *Raymond Roussel*, Paris: Gallimard, 1963.

лѐз сближается с лакановским анализом, отдающим предпочтение частичным объектам: «Частичный объект подразумевает ключевой феномен *отклонения*, когда каждый кусок, неотделимый от множественности, которая его определяет, тем не менее отклоняется от других и разделяется внутри себя»³⁹. Делѐз заимствует у Лакана понятие исключения отцовского означающего (*forclusion*), чтобы обозначить символическое отсутствие отца у Вольфсона, застрявшего между реальным отцом и отчимом: «Все символическое реально. Это лакановское утверждение прекрасно иллюстрирует „Шизофреник и его язык“ (Вольфсон, 1970). Однако упоминается всегда одна только Кляйн»⁴⁰. Эта траектория приносит улучшение состояния психотика, который, подойдя к конечной точке изобретения другого языка, понимает, что жизнь нельзя оправдать, потому что она не нуждается в оправданиях. Единственно возможной и осуществимой для него остается его авантюра со словами: «Знание больше не означаивается, но вдыхается в слово; вещь не обозначается, но встраивается, вкладывается в слово»⁴¹.

В тот момент, когда Делѐз и Гваттари начинают работать над «Анти-Эдипом», Лакан отходит от структуралистской лингвистики, обратившись к более радикальной формализации своей мысли при помощи топологических фигур и матем. Он осуществляет симбиоз между леви-строссовской концепцией математи, греческим словом *mathēma* (которое означает знание) и математикой. Тем самым он надеется окончательно порвать с еще слишком дескриптивным характером того, что он теперь называет не иначе как «лингвостерией», и при помощи тотальной символизации получить доступ к чистому Означающему, к тому изначальному зиянию, из которого образуются «узлы», с 1972 года называемые им «борромеевыми». Если до этого он временно соединил судьбу психоанализа с социальными науками, то отныне он уходит в точные науки: «Осталась только математика, единственная пища анахорета в пустыне»⁴².

В это время его семинары наполняются топологическими фигурами: графы, торы... Стоя на кафедре, Лакан проделявает фокусы с мотками веревки, бумажными лентами, разрезая их так и саяк, чтобы показать, что в борромеевых узлах нет ни экстерииорности, ни интерииорности. Мир для Лакана — фантазм;

39. Gilles Deleuze, préface à Louis Wolfson, *Le Schizo et les langues*, p. 15.

40. Serge Cottet, «Les machines psychanalytiques de Gilles Deleuze», *La Cause freudienne, revue de psychanalyse*, N° 32, février 1996, p. 15–19.

41. Gilles Deleuze, préface à Louis Wolfson, *Le Schizo et les langues*, p. 23.

42. Catherine Clément, *Vies et légendes de Lacan*, Paris: Le Livre de poche, 1986 (1981), p. 35.

он находится вне внутримирной реальности, и его единство доступно только там, где в речи есть нехватка: «Только математизация дает доступ к реальному, к реальному, не имеющему никакого отношения к тому, что утверждало традиционное знание, которое не то, чем оно его считает, не реальность, а фантазм»⁴³. Стремясь помыслить тотальность и интериорность нехватки в том, что есть, Лакан размышляет о внутренности пространства, в котором упразднены категории «внутри» и «снаружи», внутреннего и внешнего, и о всевозможной сферической топологии.

Сближаясь с понятием структуры, как она понимается математиками, Лакан делает еще один шаг в сторону абстракции, в сторону идеи отделенного объекта, связанного с операцией особой идеации, через которую можно дедуктивно вывести общие свойства всей совокупности операции и определить область, в которой доказуемые высказывания порождают свойства этих операций. Кроме того, этот уход в сторону формализма отдаляет Лакана от Эдипа, на относительность которого он указывал еще до выхода в свет «Анти-Эдипа». В частности, Лакан начал критиковать использование образа Эдипа у Фрейда, демифологизировал эту ведущую фигуру, чтобы подчеркнуть примат означающей структуры символического в своих семинарах конца 1960-х годов: «Лакан ухватился за означающую структуру, и вопрос об Эдипе встал на место, которое должно завершить отцовскую функцию, место, которое практически можно назвать местом дыры в структуре»⁴⁴.

Рабочий диспозитив на два голоса

Мы уже видели, какой необычный механизм письма Делёз и Гваттари придумали для работы над «Анти-Эдипом». Вопрос «кто написал» в данном случае значения не имеет: авторы вместе придумывали свои концепции в ходе обмена письмами и общих рабочих сессий. В начале их общей работы, еще до первого пребывания Делёза в Дюизоне 29 июля 1969 года, он посылает Гваттари длинное письмо. Делёз напоминает своему другу, что у него есть его статья «Машина и структура»⁴⁵ и заметки

43. Jacques Lacan, *Le Séminaire*, livre XX, *Encore (1973–1974)*, Paris: Seuil, 1975, p. 118.

44. Катрин Мийо, интервью с автором.

45. Félix Guattari, «Machine et structure», exposé destiné à l'École freudienne de Paris, 1969, publié par *Change*, 1972, переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, Paris: Maspero, 1972.

о Шребере. На вопрос Делёза о том, какие механизмы могут «непосредственно» вывести на бессознательное, Гваттари отвечает: машина⁴⁶. Когда читаешь подготовительные заметки, видно, сколь велик был вклад Гваттари в подготовку этой книги, по крайней мере в двух областях, в которых Делёз ожидает от него наибольшей компетентности, — психоанализе и политическом влиянии их совместной критической работы.

Сюда же следует добавить работу Гваттари с теорией датского лингвиста Ельмслева. Лакана критикуют за то, что он отказался от любой формы многозначности во имя «субъекта науки», относящегося к Символическому: «Лакан ошибочно отождествляет на уровне первичного процесса смещение и конденсацию с метафорой и метонимией у Якобсона. Он лингвистицирует, диахронизирует, схлопывает бессознательное»⁴⁷. Бессознательное, по мнению Гваттари, как раз не структурировано как язык, как это пытался показать Лакан. Противопоставляя статичности структуры, системы и ее таксономии производство потока, детерриториализированную динамику, Гваттари предлагает в поисках модели обратиться к биологии, а не к лингвистике: «Церебральное письмо напрямую связано с тем, что внешне диаграмматично. Это орган машинной аффилиации. Церебральное письмо напрямую связано с машинными

46. Делёз счел ответ «прекрасным и строгим. Он поднимает всевозможные проблемы. 1) Самое простое: с одной стороны, следовало бы изучить тип шизофренической или параноидальной машины. Следовало бы показать, как шизофреническая машина, подобно любой другой машине, а) неотделима от типа производства, в данном случае собственно шизофренического, нуждающегося в определении; б) неотделима также от модуса транскрипции или регистрации. Помнится, было несколько прекрасных указаний касательно производства шизофренической таблицы в недавней книге Мишо. Нужно будет перечитать эти страницы; и ваш опыт в Ла Борд должен дать нам всевозможные веселые и точные анализы по следующим пунктам: шизофреническое производство, тот особый способ, которым использование и потребление вступают в отношения с производством; особые способы регистрации. Во всем этом нужно определить собственно шизофреническую экономику. 2) Еще один примыкающий вопрос: в начале письма вы напоминаете, что противопоставление *явное-подспудное* больше не играет роли для шизофреника. Если это означает, что комплекс захватил сознание ценой потери части реальности или ценой провала символизма — возраста, пола и т. д. — пусть так. Но это происходит только частично, как напоминает Лакан в своей диссертации, потому что есть целая система трансформаций, которые вмешиваются и, например, делают так, что гомосексуальность не была „проявлена“ и т. д. 3) Начинается самое трудное. Вы определяете машину через срез, или даже скорее — через существование множества срезов. 4) Наконец, меня гораздо больше беспокоят противоречия в вашем понятии антипроизводства» (Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 29 июля 1969 года, IMES).

47. Félix Guattari, dans Stéphane Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, Paris: Lignes-Manifeste, 2004, p. 98.

системами тела: восприятием, моторной системой, нервно-вегетативной и т.д.»⁴⁸.

Знаменитое высказывание Лакана о том, что «означающее представляет субъекта для другого означающего», также оспаривается Гваттари, для которого означающее представляет отнюдь не субъекта, но «представимое „инцестуозного“ вытеснения. Его всегда можно назвать субъектом, но тогда это „субъект вытеснения“, а не „субъект желания“. По сути дела, „субъекта желания“ нет, есть производство желания согласно машине знака»⁴⁹. В этих подготовительных заметках Гваттари предлагает множество концептов, которые попадут в окончательную версию книги, за некоторыми исключениями, такими, например, как позаимствованное у Симондона понятие «трансдукции» или же понятия «транскурсии», «транскурсивности», которые могут быть подведены под старую проблематику «трансверсальности».

Он также рассказывает Делёзу о некоторых элементах своей психоаналитической практики и пересказывает сны своих пациентов, показывая, какие вещи, выходящие за рамки эдипальных категорий, можно из них почерпнуть. Среди множества других есть случай 30-летнего бывшего политического активиста и студента Высшей школы политических наук, который поступил работать в газету *Detective*: «Перед каникулами я на него наорал. Я отказался продолжать анализ (к которому он сильно привязался, при всей двойственности чувств), если он будет так продолжать. Возвращаемся с каникул. Он всё бросил: работу, своих милашек материнского и сестринского типа»⁵⁰. Когда это произошло, пациент рассказал Гваттари сон, якобы вращающийся вокруг родительских фигур, трупов, монструозной сестры. Кажется, все хорошо вписывается в эдипальную рамку, но, по мнению Гваттари, необходимо вывести интерпретацию за пределы семейной серии:

Этот сон подтвердил мою догадку, возникшую еще до каникул: верность матери (он никак не может покинуть родительский дом) — это верность территориальности трех детей (сад, поделенный на троих). Его объект — дыра, дыра его сестры и его собственная, которую будут затыкать потоками перекопанной земли. Эта дыра для мертвых производит их самих как трансфинитные потоки трупов... Эдип тут совершенно ни при чем!⁵¹

48. Félix Guattari, dans Stéphane Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 102.

49. Ibid., p. 148.

50. Ibid., p. 152–153.

51. Ibid., p. 154–155.

14 ноября 1970 года Гваттари даже пересылает Делёзу, попросив о конфиденциальности, письмо своей пациентки о женской сексуальности, которое должно помочь им разобраться в различиях между гомосексуальностью у мужчин и у женщин.

Таким образом, абсурдно обвинять авторов «Анти-Эдипа» (как это сделали некоторые сразу после выхода книги) в том, что они не имеют никакого отношения к аналитической практике и просто излагают бессвязный «бред». Там явно присутствует практика Ла Борд, в той ориентации, которую задает Гваттари. Так, в заметке от 1 октября 1970 года он отмечает, что не так уж глупо «шизофренизировать» невроз, потому что нет никакого настоящего невроза, который бы не опирался на психоз. Если классическая психиатрия склонна невротизировать психоз, шизоанализ должен делать обратное: «Мне кажется, что гораздо легче лечить шизофреника, чем невротика. Легче, если работать полный день»⁵². Гваттари приводит Делёзу конкретный пример трансформации больничной среды при помощи искусственных семей, которые в Ла Борд окрестили «базовыми терапевтическими сообществами» или «единицами ответственности»; их цель заключалась в том, чтобы захватить воображаемое пациентов и персонала и помешать их семейно-эдипальному замыканию, характерному для классических отношений между больным и врачом. Гваттари рассказывает Делёзу о случае своего первого шизофреника в Ла Борд, на лечение которого у него уходило до пяти часов в день. Этот пациент идентифицировал себя с любимым писателем своего терапевта, Кафкой, и Гваттари заставлял его переписывать «Замок», читать текст вслух, записывал это чтение на магнитофон — в конце концов пациент обрел собственное своеобразие и, выздоровев, уехал в Израиль в надежде внести личный вклад в улучшение арабо-израильских отношений.

Шизоанализ, как его понимает Гваттари в своей аналитической практике, должен поощрять экзистенциальные разрывы, уничтожать привязки, разрушать видимости, порой даже ценой намеренной жестокости. Отсюда, например, крик души у Гваттари: «„Не путай — я не твой отец и не твоя мать. Мне плевать на тебя!“ Если хотите, я подспудно использую вашу формулировку: „Люди интересуют меня только в той мере, в какой что-то производят“»⁵³. И Гваттари переходит к действию, когда ситуация становится для него невыносимой, как с пациенткой-медиком, которая рассказывает ему, лежа на кушетке,

52. Ibid., p. 203.

53. Ibid., p. 212–213.

свою жизнь так, как будто это роман. Он встает, берет книгу и демонстративно принимается ее читать. На следующем сеансе извиняется уже сама пациентка: «Да, верно, это идиотизм, я говорю... как по книге»⁵⁴.

Другая, не менее важная сторона рабочих отношений Делёза и Гваттари располагается в политической плоскости и связана с трансформацией коллективных практик. Связь «Анти-Эдипа» с движением 1968 года авторы настоятельно подчеркивают в совместном интервью, которое в 1973 году дают Мишель-Антуану Бюрнье, тогдашнему главному редактору журнала *Actuel*. Двойная логика детерриториализации и ретерриториализации — это не просто бинарная оппозиция, противопоставляющая добро и зло, потому что политика желания может оказаться преданной с двух сторон: «С одной стороны, у детерриториализации нет привязок желающих машин. С другой — ретерриториализация их отчуждает, эдипализирует, архаизирует»⁵⁵. Возникает вопрос: как Гваттари представляет себе борьбу за освобождение перед лицом этих двух опасностей? Через артикулирование ретерриториализации, либо совместимой с революционным проектом, который основан на плане субъективной самоуправляемой консистентности, либо обогащенной новыми процессами субъективации. Здесь мы снова видим главную проблему, которая всегда волновала Гваттари: как связать формы коллективной борьбы с новыми формами субъективации.

По сути дела, «Анти-Эдип» — это прежде всего внезапное возвращение вытесненного лаканизмом. В центре возврата к Фрейду, осуществленного Лаканом, было означающее, Символическое, концепция бессознательного, освобожденного от своих аффектов. Делёз и Гваттари радикальным образом оспаривают такой подход, противопоставляя Закону Господина, столь дорогому сердцу Лакана, необходимость освободить производство желания. Положению «Я мыслю» они противопоставляют более первичное «Я чувствую», не что иное, как производство становления. Тем не менее авторы «Анти-Эдипа» признают заслугу Лакана в демонстрации, насколько бессознательное пронизано цепочками означающих. Они допускают, что Лакан открыл брешь, через которую устремился шизофренический поток, способный подорвать психоаналитическое поле, в частности, при помощи объекта *a*: «Объект *a* вторгается в лоно структурного равновесия как адская маши-

54. Félix Guattari, dans Stéphane Nadaud, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, p. 212–213.

55. Ibid., p. 272.

на, желающая машина»⁵⁶. Главное достижение Лакана в том, что он заставил психоанализ перейти от аппарата эдипальности к параноидальной машине. Есть главное означающее, под которое подводятся знаки, делающее из них систему и организирующее их в сеть: «Критерием параноидального бреда мне представляется феномен сети знаков, в которой один знак отсылает к другому»⁵⁷.

Книга нападает не столько на Лакана, сколько на его учеников и вообще на психоанализ. Лакан начал процесс демифологизации Эдипа, но не перешел Рубикон, и авторы «Анти-Эдипа» иронизируют над тем, как он попал обратно в ту же самую точку:

Эту фантастическую и гениальную регрессию стоило выполнить; «никто мне не помог», как говорит Лакан, скинуть иго Эдипа и довести его до пункта его самокритики. Но это похоже на историю сопротивленцев, которые, желая взорвать свая, так хорошо уравнили заряды тола, что свая просто подпрыгнула в воздух и снова опустилась на свой фундамент⁵⁸.

В этом плане Делёз и Гваттари разделяют сарказм Мишеля Фуко в адрес психоанализа. Они опираются на «Историю безумия в классическую эпоху»⁵⁹, чтобы провести связь между психиатрией XIX века и психоанализом, выразившуюся в общем для них обоих сведениях безумия к «родительскому комплексу», в значении фигуры признания вины, рождающейся из эдипова комплекса: «В таком случае вместо того, чтобы участвовать в деле действительного освобождения, психоанализ участвует в наиболее общем буржуазном подавлении, том самом, которое заключалось в удержании европейского человечества под игом папы-мамы, и стремится, чтобы с этой проблемой не было покончено»⁶⁰.

Психоанализ, по мнению Делёза и Гваттари, идет путем редукции и систематического опрокидывания желания в замкнутую систему репрезентаций: «Психоанализ только и делает, что возводит Эдипа в квадрат, создает проекцию Эдипа, переносит Эдипа на Эдипа. [...] Но это инвариант отвлечения сил

56. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*, Екатеринбург: У-Фактория, 2008, с. 136.

57. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 12 февраля 1973 года; переработано и дополнено в: *Тысяча плато*, глава «О нескольких режимах знака».

58. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 422–423.

59. Мишель Фуко, *История безумия в классическую эпоху*, Университетская книга, 1997.

60. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 82.

бессознательного»⁶¹. Они устанавливают разрыв между капитализмом, который тесно связан с психоанализом, и революционными движениями, оказывающимися на стороне шизоанализа. Для них нет Означающего Субъекта, нет места, задаваемого не-которой трансценденцией, есть только процесс.

В первую очередь Делёз и Гваттари критикуют отца структурализма Клода Леви-Стросса, благодаря которому Лакан смог утверждать, что бессознательное структурировано как язык. Они противопоставляют две расходящиеся логики: одну, воплощенную желаящими машинами, вторую — анорексической структурой: «И главное, что при этом происходит с самим бессознательным, — разве оно не сводится к пустой форме, из которой желание изгнано, в которой оно отсутствует? Подобная форма может определить предсознание, но, конечно, не бессознательное»⁶². И наоборот, они воздают должное Леви-Строссу, когда в определении шизоанализа им потребовалось отодвинуть эдипов комплекс на задний план. Здесь они опираются на главный миф из работы «Мифологии. Сырое и приготовленное»⁶³, следуя за Леви-Строссом, показавшим, что главным виновником инцеста сына с матерью был отец, захотевший отомстить. За это он будет наказан и убит: «*Эдип сначала — это идея взрослого параноика, а уже потом — инфантильное чувство невротика*»⁶⁴, — заключают Делёз и Гваттари.

От лакановской теории желания они оставили один из двух полюсов: частичный объект, объект *a*. При этом они отвергают отсылку к «большому Другому», который возникает из нехватки. По их мнению, в желании нет никакой нехватки, «скорее именно субъект не достигает желания или же в желании отсутствует постоянный субъект»⁶⁵. Однако Лакану придется особый статус, когда под вопрос ставится релевантность психоаналитического дискурса. Хотя Делёз и Гваттари обвиняют его в том, что он подхватил функцию дисфункциональной семьи, дереализовал производство желания под маской веры и воображаемого репрезентации, использовал эдипов комплекс как форму ретерриториализации в модус кастрации, за Лаканом, тем не менее, признаётся попытка вывести психоанализ из его апорий.

Еще одна характерная черта Гваттари — стремление фундаментализировать поиски бессознательного в социальной, коллективной

61. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 31. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

62. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 294.

63. Клод Леви-Стросс, *Мифологии, т. 1: Сырое и приготовленное*, Москва: Флюид ФриФлай, 2006.

64. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 432.

65. Там же, с. 49.

ткани: «Мы должны рассмотреть параллель между желающим производством и производством социальным»⁶⁶. Но способ соположения этих двух измерений, которым довольствуются классические марксисты, оказывается неудовлетворительным. Нельзя исходить из идеи, что есть социальное производство, с одной стороны, и производство желания — с другой: «На самом деле общественное производство является исключительно самим желающим производством в определенных условиях»⁶⁷. Таким образом, в той концепции, которая получит развитие в «Анти-Эдипе», социальное поле и поле желания коэкстенсивны. Различие между техническими производственными машинами и желающими машинами — не различие по природе, а просто различие в режиме, в порядке величин.

Эта концепция бессознательного как производственной машины рассматривается Делёзом и Гваттари в качестве фундамента их доказательства:

Может быть, фундаментальная идея состоит в следующем: бессознательное «производит». Сказать, что оно производит, означает, что нужно перестать обращаться с ним, как это делалось до сих пор, как со своего рода театральной сценой, на которой разыгрывается любимая драма, драма Эдипа. Мы полагаем, что бессознательное не театр, а скорее завод⁶⁸.

Таким образом, в основе желания уже не нехватка, не Закон, а воля к производству, к утверждению своей сингулярности, силы своего бытия. «Анти-Эдип» ни в коей мере не нацелен на реставрацию марксизма, на «возвращение к Марксу», как принято было тогда говорить.

Делёз ясно говорит об этом в своем курсе в Венсене: «Наша попытка не привязана ни к марксизму, ни к фрейдомарксизму»⁶⁹. Он отмечает три главных отличия от марксистского подхода. Первое состоит в том, что Маркс исходит из теории потребностей, тогда как «перед нами проблема вставала в категориях желаний»⁷⁰. Второе различие связано с тем, что марксизм противопоставляет базис и надстройку, тогда как, согласно Делёзу и Гваттари, нет никакой идеологической сферы, которая была бы отрезана от остального общества, но есть только разные виды организации власти: «То, что называется идеология-

66. Там же, с. 25.

67. Там же, с. 53.

68. Gilles Deleuze, «Capitalisme et schizophrénie», entretien avec Vittorio Marchetti, *Tempi moderni*, №12, 1972; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 323.

69. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 мая 1973 года.

70. Там же.

ми, — это высказывания организации власти»⁷¹. Третье различие состоит в том, чтобы дистанцироваться от желания повторить марксизм, которое нацелено на своего рода воспоминание, единоеобразное развитие производительных сил:

У нас совершенно другая точка зрения. Мы рассматриваем производство высказываний не как вид развития, воспоминания, но, наоборот, исходя из способности забывать... Я полагаю, что благодаря трем этим практическим различиям перед нами никогда не стояла проблема возвращения к Марксу, скорее, это была проблема забывания, в том числе и Маркса. Но в момент забывания всплывают разные мелкие фрагменты⁷².

Делёз, со своей стороны, привносит позаимствованное у Арто понятие «тела без органов», которое служит планом имманентности для резюмирования всего процесса желания. Делёз настаивает на важном противопоставлении между планом консистентности желания тела без органов и слоями, которые его скрывают. Он различает три слоя. Первый — слой организации, его задача — сделать из тела без органов организм. Второй слой — слой означивания. На этом уровне «речь идет об угле означивания»⁷³. Последний слой, находящийся на пересечении двух других, может быть определен как слой субъективации. Именно в «Анти-Эдипе» концепция «тела без органов» занимает важнейшее место в осмыслении имманентности и становится важнейшей деталью концептуальной машины. Делёз и Гваттари, впрочем, не ограничивают применение этого концепта планом теории желания, но распространяют его на все социальное и историческое поле. Начиная с «Анти-Эдипа» целиком и полностью утверждается имманентистская концепция «тела без органов», которая становится тем самым источником, движущим словами и вещами. «Тело без органов», таким образом, понимается как машина критической и клинической войны с институтами и становится новым инструментом для выработки политической философии. Гваттари вносит решающий вклад в обогащение этого понятия, уже использовавшегося Делёзом, содержание которого обновляется и обогащается новыми измерениями, находящимися на стыке желания и власти: благодаря Гваттари «тело без органов» наделяется аспектом, которого у него не было в «Логике смысла» и который полемически направлен против лакановской теории. Господствующей позиции

71. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 мая 1973 года.

72. Там же.

73. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 14 мая 1973 года.

означающего у Лакана он противопоставляет силы с варьирующей интенсивностью, присущие «телу без органов», чье поле применения не задается несколькими ограниченными функциями, как у организма.

Главным объектом критики Делёза и Гваттари становится центральное понятие фрейдистской теории, эдипов треугольник с его замыканием на семье: «как действует психоанализ, чтобы свести — теперь уже невротика — к той ничтожной твари, которая вечно пережевывает папу-мamu и ничего больше?»⁷⁴ Психоанализ несет в себе монокаузальность, которая все страшно обедняет, и пациент готов услышать от терапевта: «Признайся, что это Эдип, а то получишь пощечину»⁷⁵. Если эдипальная схема не решает проблемы невроза, еще менее адекватной она оказывается в случае психозов, будь то паранойя или шизофрения. Шизофреник, который как раз сумел избежать семейного мира, в который он больше не верит, совершенно не подходит для эдипального объяснения и потому оказывается изгнан за пределы аналитической практики: «Фрейд не любит шизофреников, он не любит их сопротивление эдипизации, он скорее стремится рассматривать их в качестве животных»⁷⁶.

Вопреки утверждениям некоторых слишком поспешных интерпретаторов, в намерения Делёза и Гваттари не входила апология шизофрении. Они стремятся шизофренизировать бессознательное, чтобы вырвать его из тисков эдипальной и фамилиалистской психоаналитической практики. Чтобы преодолеть эдипальный треугольник, мобилизуется опыт институциональной психотерапии в Ла Борд с его различением групп-субъектов и групп подчинения, ставящий под вопрос саму идею индивидуальной фантазии. Шизоанализ, который пропагандируют авторы, не нацелен на разрешение эдипова комплекса, но берется «провести дезэдипизацию бессознательного, дабы подойти к настоящим проблемам»⁷⁷. Бредят не папой/мamой, бредят миром: «Любой бред обладает историко-мировым, политическим, расовым содержанием»⁷⁸. Таким образом, шизоанализ берется защищать психоанализ, который был бы одновременно социальным и политическим, открытым всем потокам, всем значимым разрывам.

74. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 39.

75. Там же, с. 76.

76. Там же, с. 45.

77. Там же, с. 133.

78. Там же, с. 144.

Шизофрения, которую Делёз и Гваттари предлагают в качестве универсальной программы, — не болезнь, которая носит это название, а идея процесса без границ, постоянно возобновляемой способности преступать границы, развинчивать завинченные гайки. Им кажется, что именно этот процесс имеет место в некоторых произведениях англо-американской литературы, которой так увлекается Делёз: у Харди, Лоуренса, Лоури, Миллера, Гинзберга, Керуака, которые несут мир внутри себя и наделены способностью порождать бред, освобождать от привязок и смешивать коды, высвобождать потоки. Это касается и тех, кто способен заставить язык заикаться, изобрести новый стиль языка, порывающий с грамматикой и синтаксисом, чтобы освободить путь потокам желания самовыражения, как это происходит у Арто: «Арто — это осуществление литературы именно потому, что он шизофреник, а не потому, что он не шизофреник. Давным-давно он пробил стену означającego — Арто-Шизфреник»⁷⁹.

Попытка исторической антропологии

Второй аспект «Анти-Эдипа» — набросок антропологии, которая должна подтвердить тезис об исторической привязке шизофренических процессов. Делёз и Гваттари различали три сменяющие друг друга стадии: дикари, варвары и цивилизация. Хотя Делёз старательно ограничил подготовку книги работой один на один с Гваттари, он все-таки сделает исключение и обратится за консультацией к нескольким антропологам из окружения его друга. Некоторые антропологи выдвигали идеи об относительности эдипова комплекса и о том, что он не столь уж важен, уже с конца 1960-х годов. Супруги Ортиг, связанные с полевыми исследованиями в Дакаре, проводившимися под руководством этнопсихиатра Анри Коломба, который пытался применять методы институциональной психотерапии в Африке, публикуют в 1966 году книгу, наделавшую много шума: «Африканский Эдип»⁸⁰. Ее главный тезис вызывает негодование у Гваттари и Ури, считавших, что не следует выдумывать Эдипа в Африке. Гваттари призывал своих друзей Альфреда Адлера и Мишеля Картри выступить с критикой книги. Кроме того, Картри, у которого, как мы уже видели, были очень тесные отношения с Гваттари, знал Делёза, так как посещал его курс о философии Юма, когда работал ассистентом в Сорбонне

79. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 214.

80. Marie-Cécile et Edmond Ortigues, *Œdipe africain*, Paris: Plon, 1966.

в 1957 году. В ходе работы над «Анти-Эдипом» Гваттари, таким образом, консультируется как с Картри, так и со своими друзьями Альфредом Адлером и Андрасом Земплени по некоторым вопросам антропологии. Тем более что эти этнографы хорошо разбираются в вопросах психоанализа: Картри проходит анализ у Сержа Леклера, а Адлер — у Жана Лапланша, и оба прилежно посещают семинары Лакана.

Картри как раз вернулся из Африки, на которой он специализируется. Гваттари приглашает его в Дюизон, чтобы рассказать о своем проекте. Картри регулярно бывает у Гваттари на улице Конде, в начале 1970-х годов — по два-три раза в месяц, иногда в одиночку, иногда с Адлером и Земплени, и они там вместе работают. Картри и Адлер, оба африканисты и друзья, только что написали важную статью, которая в 1971 году будет опубликована в журнале Леви-Стросса *L'Homme*⁸¹. Статья настолько подрывает основные постулаты структурализма, что Леви-Стросс приглашает авторов на разговор. Статья посвящена главному мифу догонов, сводящему на нет эдипов комплекс. В своей статье Адлер и Картри доказывают, что определяющий миф догонов отводит матери второстепенное место в отношениях родства. Мать либо исключена, либо является объектом побочных союзов: «Рассуждают так, как если бы миф выводил на сцену персон, определенных в качестве отца, матери, сына и сестры, тогда как эти родительские роли принадлежат порядку, заданному запретом... *инцеста не существует*»⁸².

По мнению Адлера и Картри, Анти-Эдип был заложен уже в теории Лакана, по крайней мере, так они ее прочитывали. Лакан к тому же был большим другом Марселя Гриоля, который раскритиковал представления об Эдипе еще в 1950-е годы⁸³. Статья Адлера и Картри по объему представляет собой почти целую книгу, в журнале *L'Homme* она занимает 90 страниц: «Мы как дети ждали приговора Делёза, когда она вышла»⁸⁴. Диалог в основном идет с Гваттари, но Делёз соглашается принять в нем участие: «Как только представится возможность, я буду очень рад видеть А., З., Картри»⁸⁵. Чуть позднее Делёз напишет Гваттари, что «замечания Адлера и Картри были для нас

81. Alfred Adler, Michel Cartry, «La Transgression et sa dérision», *L'Homme*, juillet 1971.

82. Ibid.; цит. по: Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 254–255.

83. Marcel Griaule, «Remarques sur l'oncle utérin au Soudan», *Cahiers internationaux de sociologie*, janvier 1954.

84. Альфред Адлер, интервью с автором.

85. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, 5 апреля 1970 года, I МЕС.А. — Альфред Адлер, З. — Андрас Земплени.

очень ценны». Делёз и Гваттари представляют свои гипотезы касательно исторической антропологии на суд своих друзей-этнографов, которые кое-где вносят свои коррективы, как это признает Делёз в письме к Гваттари:

Я совершенно счастлив, что, по вашим ощущениям, наш текст идет хорошо. И очень рад мнению Картри, которое становится для нас все ценнее (уж сейчас благодаря его замечаниям я исправил некоторые детали, но, скорее всего, позднее он понадобится нам еще больше, так что нужно не терять с ним контакт). Что отнюдь не означает, что главное не принадлежит только нам двоим»⁸⁶.

Исключение, сделанное для антропологов (при том, что в отношении социологов из CERFI Делёз оставался непреклонен и не пустил их на порог их общей мастерской), обусловлено тактическими соображениями. На дворе еще эпоха структурализма, ядро которого образует структурная антропология Леви-Стросса. Полемическая направленность книги приводит к тому, что Делёз соглашается нарушить правило, чтобы выйти из изоляции своего рабочего кабинета: «Нужно было обойти и атаковать Леви-Стросса с тыла при помощи его учеников; думаю, это у нас получилось. Ясно, что всю эту главу, когда она будет закончена, надо дать прочесть антропологу (Картри? Или вашему специалисту по волофам? Лучше Картри)»⁸⁷.

Друзья-антропологи скептически принимают тройное членение, предложенное Делёзом и Гваттари — дикари/варвары/цивилизация, — но рады возможности обсудить свои открытия с Делёзом: «Было приятно, что он брал наши статьи и работал на их основе»⁸⁸. Очевидно, что Делёз использовал их знания. Они дали ему почитать Марселя Гриоля, а также одного из учителей Эванса-Притчарда, англичанина Мейера Фортеса, и Пьера Кластра, работой которого об индейцах гуаяки Делёз безмерно восхищался⁸⁹. Адлер и Картри часто делают небольшие резюме по конкретным скользким вопросам и направляют их Делёзу: «Эти резюме потом к нам возвращались, и порой нас очень удивляло то, что было из них извлечено. Была проделана настоящая работа, с обращением к первоисточникам»⁹⁰. В частности, они ставят под вопрос понятие «сегментарного общества», очень модное в ту пору в описании традиционной

86. Жиль Делёз, письмо Феликсу Гваттари, без даты, ГМЕС.

87. Там же.

88. Мишель Картри, интервью с автором.

89. Pierre Clastres, *Chroniques des Indiens Guayakis*, Paris: Plon, 1972.

90. Мишель Картри, интервью с автором.

Африки, то есть понятие о обществах с организацией большого масштаба, но не имеющих государственности. Понятие сегментарности довольно старое и встречается уже у Дюркгейма: «Оно очень заинтересовало Делёза: являются ли сегментарные общества чем-то, что создается локально в определенном этническом мире рядом с государственными образованиями, или же это продукт распада очень древних африканских государств, следы которых не найдены»⁹¹. Кроме того, для Альфреда Адлера, изучавшего народы Чада, с антропологической точки зрения нет ничего необычного в знаменитой фразе Лакана «нет другого отца, кроме мертвого». Доступ к статусу отца в этих обществах получают только инициированные сыновья, и потому он открывается только после прохождения через символическую смерть отца: «Эта формулировка означает, таким образом, что статус отца нельзя получить при его жизни»⁹².

Неявно в главе «Дикари, варвары, цивилизованные» авторы нащупали оператор, очерчивающий контуры трех конфигураций, которые принимала история человечества в процессах кодирования и декодирования, территориализации и детерриториализации потоков желания, питающих социальный мир. Машина принимает свою первую форму территориальной машины, основанной на ценности земли, которая считается базовой единицей, фундаментом истории человечества. Это время абсолютного кодирования, маркирующего тела и души. Татуировки, насечки, надрезы, разрезы, жертвоприношения, телесные повреждения — это всё практики, отсылающие к «фундирующему акту, благодаря которому человек перестает быть биологическим организмом и становится полным телом, землей, к которой прикрепляются его органы, к которой они притягиваются, от которой отталкиваются и посредством которой преобразуются в соответствии с требованиями социуса»⁹³.

Разрыв, позволяющий перейти от дикарей к варварам, связан с созданием деспотического государства, государственной машины, навязывающей свое кодирование социуму. Деспот навязывает новый альянс, уже не горизонтальный, а вертикальный, и его народ обязан последовать за ним в пустыню. Старое кодирование сохраняется, но оно подчиняется новым логикам, которые ставят его на службу государственной машине. Эти два режима объединяет строгая канализация всех потоков, остающихся перекодированными: «Перекодирование — вот операция,

91. Там же.

92. Альфред Адлер, интервью с автором.

93. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 227.

которая задает сущность государства»⁹⁴. Одна из главных мутаций этого исторического разрыва выражается в примате письма над голосом. Письмо утверждается вместе с деспотом и корпусом его государственных чиновников. Графическая система соотносится с голосом, который становится для нее моделью. Здесь Делёз и Гваттари следуют за Жаком Деррида и его критикой логоцентризма и фонологизма западной цивилизации⁹⁵. Именно с этого момента закон указывает, не означивая, и с этого момента можно говорить о произвольности знака по отношению к тому, что он обозначает.

Если в описании двух первых стадий они опирались, среди прочего, на марксистские теории, то теперь Делёз и Гваттари обращаются к Фернану Броделю, подчеркивая силы, действующие в эпоху цивилизации и без конца запускающие раскодируемые потоки, преодолевающие границы государственного кодирования. Ибо капитализм представляет собой систему, которая может лучше всего ответить на всеобщее желание раскодирования. Отсюда связь между капитализмом и шизофренией, которую мы находим в подзаголовке книги, потому что оба феномена нацелены на то, чтобы любыми средствами высвободить потоки. Это объясняет универсализирующий характер капитализма, который раскодирует, чтобы еще больше распространяться по всему миру и лучше соответствовать своей аксиоматике максимизации законов рынка: «Цивилизация определяется раскодированием и детерриторизацией потоков в капиталистическом производстве»⁹⁶. Можно было бы подумать, что раз эволюция капитализма освобождает потоки, то она соответствует освободительному раскодированию потоков желания, однако это совсем не так, в противном случае капитализм был бы реализованной утопией освобождения человечества. Причина в том, что шизофрения является пределом капитализма, его внешней границей, и задача капитализма — заблокировать эту тенденцию: «То, что одной рукой он раскодирует, другой он аксиоматизирует»⁹⁷.

Отсюда стремление авторов к «шизофренизации» ради того, чтобы дальше продвинуться по пути всеобщего раскодирования. Безусловно, буржуазия как класс сделала решительный шаг, когда ей удалось раскодировать касты, но современное об-

94. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 315.

95. Жак Деррида, *О грамматологии*, Москва: Ad Marginem, 2000; Жак Деррида, *Письмо и различие*, Москва: Академический проект, 2007.

96. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 386.

97. Там же, с. 388.

щество борется с двумя противоречивыми силами, имперским желанием раскодирования на руинах деспотической машины и мечтой о перекодировании, ретерриториализации потоков и всей современной истории: «Мы колеблемся между реакционными параноическими сверхзарядами и подпольными, революционными, шизофреническими зарядами»⁹⁸. Делёз и Гваттари видят отражение трех исторических моментов в Эдипе, занимающем место воображаемого старых перекодирований в центре капиталистической современности. Это присвоение с целью получения контроля над социумом производится во имя культуры вины, культуры ressentiment, подпитываемой мифом об Эдипе. Она подхватывается тремя героями кодификации: Лютером, который перенес объект веры во внутренний мир, экономистом Рикардо, осуществившим ретерриториализацию в рамках частной собственности на средства производства, и Фрейдом, ограничившим сущность желания строгими рамками частного человека: «Вместо огромных раскодированных потоков — маленькие ручейки, снова закодированные в мамочкиной постели»⁹⁹.

За шизоанализ

Книга заканчивается введением в возможный шизоанализ и снова возвращается к идее двух полюсов, параноидального и шизофренического, чтобы подчеркнуть, что Эдип с самого начала располагается на параноидальном. Хотя психоанализ утверждает, что инцестуозное желание исходит от ребенка, на самом деле это «параноический отец эдипизирует сына»¹⁰⁰. Отсюда следует бинарная развертка, опирающаяся на оппозицию между негативным параноидальным и позитивным шизофреническим полюсами. Если первый имеет тенденцию располагаться в больших ансамблях, в массах, в молярном направлении, второй тяготеет к сингулярностям и частицам молекулярного. Отсюда возникает новый контраст между инвестированием в группу подчинения в первом, параноидальном и молярном случае и инвестированием шизофреническим и молекулярным, которое дает доступ к группе-субъекту. Линия разделения между двумя полюсами проходит трансверсально по телу без органов, которое является имманентной субстанцией, как ее представ-

98. Там же, с. 410.

99. Там же, с. 426.

100. Там же, с. 434.

лял Спиноза. Желаящие машины находятся на стороне молекулярного полюса, захваченные общими потоками сообразно с многочисленными подключениями. Они рассматриваются по модели пустого означающего, поскольку ничего не означают и не репрезентируют ничего, кроме того, что из них делают, подобно тому, как Жак Моно понимал оригинальность синтезов, производимых в молекулярной биологии.

Здесь можно отметить характерную черту поисков Делёза и Гваттари: они используют новые бинарные оппозиции в эпоху, которая так их любила — язык и речь, означающее и означаемое, социум и бессознательное, парадигма и синтагма, метафора и метонимия... но для того, чтобы раскрыть эти бинарные оппозиции множественности, диссеминации, рассеянию. Либи́до в этом случае соотносится со специфической энергией, которую высвобождают желаящие машины. В тот момент, когда Жак Деррида разоблачает логоцентризм западной культуры, Делёз и Гваттари нападают на фаллоцентризм фрейдизма: после того как тот антропоморфизировал сексуальность, остался только один пол, мужской, по отношению к которому женский пол определяется как нехватка, что в итоге должно привести к чисто негативной коммуникации факта кастрации. Общий исток либи́до у мужчины и женщины оказывается именно в этом отсутствии, а главной пружиной тем самым становится кастрация. С точки зрения Делёза и Гваттари, таким образом, недостаточно отстаивать права подчиненной женской сексуальности, нужно плюрализировать либи́до: «Первая шизоаналитическая формула желаящей революции выглядит так: каждому — по собственному многообразию полов»¹⁰¹.

Задача, которую ставит перед собой шизоанализ, состоит в том, чтобы раскрыть эндогенную игру черного аналитического ящика вовне, в укорененность в историческом времени мира субъекта, освобожденного из тисков различных форм ретерриториализации, действующих под гнетом кульпабилизации, нехватки, сил смерти: «Инстинкт смерти знаменует брак психоанализа и капитализма»¹⁰². Акцент на процессах производства в шизоанализе помещает его на сторону *technè*, микромеханики. Шизоанализ исходит из постулата о том, что желание является не надстройкой, а неотъемлемой частью мира производства, социального поля, которое желание омывает во всех его точках. Для этого у шизоанализа есть множество показателей, среди которых сексуальность представляет только ограниченную

101. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 465.

102. Там же, с. 527. Перевод изменен. — Прим. пер.

область анализа видов инвестирования желания. Согласно Делёзу и Гваттари, шизоанализ позволяет прояснить гораздо более широкую область, чем психоанализ. Поле его исследований выходит далеко за узкие рамки семьи, потому что он не чурается никаких форм социальности, более того, отдает приоритет всему, что исходит из социального поля в широком смысле слова, перед инвестированием в семейную ячейку.

Психоанализ передает прежде всего сочетания сил, и здесь Делёз сближается с утверждениями Робера Кастеля о «психоанализме»: это властные отношения, которые сами аналитики отрицают. Перенос, представленный как источник этой власти, согласно Делёзу, не что иное, как ловушка. Для Делёза молчаливый контракт возникает из обмена потоков либидо пациента, признающего власть аналитика, на речь, которая может выразить его фантазии: «Как любая власть, она ставит своей задачей обессилить производство желания и формирование высказываний, короче, нейтрализовать либидо»¹⁰³.

103. Gilles Deleuze, «Quatre propositions sur la psychanalyse» (1973), dans Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Politique et psychanalyse*, Bibliothèque des mots perdus, 1977 (pas de pagination); переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 382. С другой стороны, во время своего итальянского коллоквиума Гваттари делает доклад на тему «Битвы желания и психоанализ» (Félix Guattari, «Les luttes de désir et la psychanalyse», exposé fait à la première rencontre «Psychanalyse et politique», Milan, mai 1973; переиздано в: *La Révolution moléculaire*, p. 29–43), где подчеркивает политическое измерение «Анти-Эдипа».

Глава 11

Анти-Эдип

ВЕСНОЙ 1972 года на континент знаний и мир политики обрушился метеорит. Прошло всего четыре года с событий мая 1968 года, «Анти-Эдип» еще несет на себе их печать и свежесть (если не запах серы). В тот год волнения еще происходят сплошь и рядом, и май 1968 года еще жив в умах. Левая политика живет и здравствует, и порой даже умудряется преодолеть свои разногласия, например, в день похорон активиста-маоиста Пьера Оверни, на которые 4 марта 1972 года собралось 200 тысяч человек.

В год публикации «Анти-Эдипа» Гваттари издает также сборник своих текстов с предисловием Делёза, по которому можно проследить его интеллектуальный и политический путь: «Психоанализ и трансверсальность»¹. Его друг, психиатр Роже Жанти, который в 1956 году работал в Сент-Альбане и был одним из создателей GTPSI, в 1971 году опубликовал книгу «Стены лечебницы», благодаря чему ему и Орасу Торрубуа поручили вести в издательстве *Maspero* серию, посвященную психиатрии. Первым делом ему пришла в голову идея издать книгу Гваттари о трансверсальности: «Одна из первых книг, которые я им принес (хотя они бы ее, конечно, и так опубликовали), была книга Феликса Гваттари о трансверсальности: это публикация, которой я очень горжусь, тем более что я довольно прохладно отношусь к тому, что Гваттари публиковал позднее»².

Линия ускользания, позволившая избежать риффов терроризма

«Анти-Эдип» — один из ключевых моментов кристаллизации движения, которое, как это позднее произойдет в Италии и Германии, могло скатиться в терроризм, когда ему потребо-

1. Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*.

2. Roger Gentis, *Un psychiatre dans le siècle*, Paris: Érès, 2005, p. 128.

валось выбраться из фазы отлива, где оно застряло³. Организация, которая была ближе всего к левому терроризму, «Пролетарские левые» (GP), прекратила существование в 1973 году. Можно ли увидеть в этом нейтрализующее, обезвреживающее действие шизоанализа на паранойю у активистов? Этого нельзя утверждать наверняка, но, если теория желания подействовала на маоистскую молодежь, подавив в ней коллективное влечение к смерти, то она сделала доброе дело. Машина войны, которой стали «Пролетарские левые» и Бенни Леви по кличке Виктор, их руководитель, больше других оказывавшийся на виду, были излюбленной мишенью Гваттари, записавшего в своем дневнике в 1972 году: «Определенно „Пролетарские левые“ получили чрезмерный размах <...>. Самое ужасное, с моей точки зрения, что он взял этот псевдоним Виктор: имя моего дедушки-шахтера из Монсо-ле-Мин! Эти маоисты — непримиримые враги самой сути революционного движения: освобождения энергии желания... Коварству Виктора нет предела»⁴.

Другой лидер маоистов, Робер Линар, не случайно раскритиковал Гваттари и его «шайку» из CERFI в *Libération* в конце 1974 года в статье под заголовком «Левачество на продажу?». Под видом личных нападок он заклеил пагубный эффект «Анти-Эдипа», упоминаемого уже в подзаголовке его обвинительного акта: «Неожиданные последствия „Анти-Эдипа“, или Как я научился быть хорошим торговцем и ни о чем не беспокоиться»⁵. Серж Жюли, главный редактор газеты, поддержал эту операцию под предлогом того, что необходимо критиковать пост-левое движение за то, во что оно превратилось, когда жискардизм берет идеи у живых сил протеста: «Больше ни для кого не секрет, что знаменитая жискаровская „перемена“ черпает идеи в протесте... Тем более что некоторые левые подхватили эту игру. Статья Робера Линара должна была открыть целую рубрику, посвященную судьбам пост-левого движения, которая может стать постоянной»⁶. Линар считает «Анти-Эдипа» источником всех бед агонизирующего маоизма. В частности, книга позволила читать Фрейда в свете Тейлора, внушая пролетариям, что в производстве они якобы реализуют свое желание: «Пусть рабочий научится „наслаждаться“, завинчивая болты, и он станет революционером»⁷. CERFI обслуживает самые низменные

3. См. главу 16 настоящего издания.

4. Феликс Гваттари, Дневник, записи, 1 апреля 1972 года, IMES.

5. Robert Linhart, «Gauchisme à vendre?», *Libération*, 7 décembre 1974.

6. Serge July, *Libération*, 7 décembre 1974.

7. Robert Linhart, «Gauchisme à vendre?».

потребности капитализма, выступая вооруженным отрядом «Анти-Эдипа». Сама же книга характеризуется то как «глубоко авторитарная», то как «параноидальный бред», то как «правая книга», «тоталитарный проект»⁸, ставящий перед собой цель интегрировать стареющих леваков в буржуазное общество.

Громкий издательский успех

Пресса со своей стороны оповещает о событии, тем более что успеха книга добивается быстро — первый тираж распродан всего за три дня! *Le Monde* посвящает ей целый разворот. Ролан Жаккар, подготовивший подборку материалов, считает, что эта книга с ее желанием шизофренизировать общество носит пророческий характер. Большую презентационную статью поручено написать другу Делёза, учившемуся у него в Сорбонне в 1950-е годы, писателю Рафаэлю Пивидалью, который в то время был профессором философии в университете Париж-VII. Он приветствует книгу, возвращающуюся к вопросам о правомочности психоаналитического дискурса, например, Райха или Маркузе, при этом вписывая их в исторический контекст капитализма. Пивидаль напоминает, что апелляции к шизофрении делаются не ради апологии болезни с одноименным названием, а чтобы подчеркнуть значение машины, которая «вместо того, чтобы организовывать буквы в алфавит и образовывать из них слова, разбивает слова, чтобы сделать из них алфавит. То же самое делал Пикассо. Но примерами в данном случае послужат Беккет, Кафка и Арто»⁹. По тому, как *Le Monde* освещает выход книги, видно, что к ее авторам с самого начала относились по-разному. Делёза хвалят или критикуют, Гваттари скорее игнорируют. Эта тенденция будет только усиливаться, вплоть до того, что порой имя Гваттари будет исчезать из ссылок на книги, написанные вместе с Делёзом.

Коллега Делёза по Венсену и его большой друг Франсуа Шатле рассказывает, что с большим энтузиазмом встретил книгу, он видит в ней «битву нового Лукреция», попытку понять, почему люди могут бороться за укрепление своего рабского положения, как если бы речь шла об их спасении. На этот вопрос есть два ответа, один дал Маркс, другой — Фрейд, и «на эти ответы нападают Делёз и Гваттари, но не ради нападения, а чтобы вернуть им ту силу, которую идеалистическое толкование

8. Robert Linhart, «Gauchisme à vendre?».

9. Rafaël Pividal, «Psychoanalyse, schizophrénie, capitalisme», *Le Monde*, 28 avril 1972.

хочет у них отнять»¹⁰. Шатле устраивает в своей роскошной квартире на улице Клозель в 9-м округе Парижа большое собрание, растянувшееся на целую ночь, с участием своего друга Делёза, Гваттари и трех десятков гостей: «Это было очень насыщенное собрание, походившее на большой салон эпохи Просвещения»¹¹.

Порой нападки бывают весьма грубыми. Так, философ Костас Акселос обращается к Делёзу:

Досточтимый французский профессор, любящий муж, прекрасный отец двоих прелестных детей, верный друг, сторонник прогресса, требующий глубоких перемен во всех областях, в которых царят эксплуатация и угнетение... хотел бы ты, чтобы твои ученики и твои дети в своей «действительной жизни» пошли по твоему пути или, например, по пути Арто, которым божатся столь многие из пишущих?¹²

Откровенно критический характер носят и высказывания психоаналитика Андре Грина, к которому мы еще вернемся, а также психиатра Сирила Куперника, считающего, что лекарство, предлагаемое Делёзом, хуже самой болезни: «То, на что Делёз заменяет Эдипа, а именно биологическое желание, нечеловеческое, ачеловеческое, протоиндивидуальное, кажется мне еще более отвратительным, чем Эдип. Это зеркальное отражение той энтропии, которая преследовала еще Фрейда»¹³.

В *Figaro* книгу называет «заслуживающей внимания» сын Франсуа Мориака, Клод, участвующий в борьбе Группы информирования о тюрьмах (GIP) бок о бок с Мишелем Фуко, Жаном-Мари Доменаком и Делёзом: «Ее нужно читать, перечитывать, раздумывать над ней в ожидании реакций, которые она не преминет вызвать»¹⁴. В *L'Express* Мадлен Шапсаль подчеркивает радикальный характер книги, ее революционное намерение вымести сор из всех углов. Кроме того, эта книга, «полная образов и воображения, заставляет мечтать. Расчистив место, Делёз и Гваттари усаживаются посередине и начинают раскладывать свои новинки. Они тут на все вкусы»¹⁵.

10. François Châtelet, «Le combat d'un nouveau Lucrèce», *Le Monde*, 28 avril 1972.

11. Ноэль Шатле, интервью с автором.

12. Kostas Axelos, «Sept questions à un philosophe», *Le Monde*, 28 avril 1972. Хотя Костас Акселос был очень близким другом Делёза с середины 1950-х годов, после этих вопросов их отношения мгновенно испортились. «После этих вопросов в *Le Monde* мы больше не виделись. Мы созванивались иногда, но я понял, что это был конец» (Костас Акселос, интервью с автором).

13. Cyrille Koupernik, «Un délire intelligent mais gratuit», *Le Monde*, 28 avril 1972.

14. Claude Mauriac, «L'Œdipe mis en accusation», *Le Figaro*, 1 avril 1972.

15. Madeleine Chapsal, «Œdipe connais plus», *L'Express*, 27 mars — 2 avril 1972.

В *La Quinzaine littéraire* Морис Надо организует дебаты вокруг книги: их ведет Франсуа Шатле, в них участвуют психоаналитик Серж Леклер, психиатр Орас Торрубия, антрополог Пьер Кластр, а также Роже Дадун, Рафаэль Пивидаль и один студент, П. Роз. Это трехчасовое обсуждение занимает шестьдесят машинописных страниц, отрывки из него будут опубликованы в журнале. Делёз и Гваттари рассказывают о принципах совместной работы. Дискуссия носит позитивный, не полемический характер. Серж Леклер, представляющий психоанализ, — вполне себе лаканианец, но воздерживается от лобовой атаки, поскольку в книге отводится особое место его статье «Реальность желания», как считается, предвосхитившей идею бессознательного как машины¹⁶.

Дискуссии у аналитиков

Лакан, расстроенный публикацией книги (его попытка найти признание у большого философа в очередной раз провалилась), приказал членам Парижской школы фрейдизма хранить молчание, не давать комментарии и не участвовать ни в каких дебатах. Применена цензура, что некоторых шокировало, например, молодого психоаналитика Катрин Мийо, философа по образованию, вступившую в Парижскую школу фрейдизма. Во то время она проходила анализ у Лакана: «Лакан был в ярости и приказал, чтобы в его школе не организовывали никаких выступлений по поводу этой книги. Сам он хранил молчание и ни слова не сказал о ней на своем семинаре. Через некоторое время он намекнул на нее в одном своем тексте, но назвал Делёза и Гваттари шреберовским двуглавым орлом»¹⁷. Это был способ свести презренную книгу к бреду, напоминающему бред Шребера.

Катрин Мийо полагает, что Лакан посчитал «Анти-Эдипа» «выпадом против него лично, тем более обидным, что он пытался обхаживать Делёза, которого высоко ценил»¹⁸. Эта машина войны с психоанализом в первую очередь была направлена против него и его многочисленных учеников. Но если не считать досады, не попытается ли Лакан изменить свою позицию под градом ударов, которые ему нанес «Анти-Эдип»? В фун-

16. Serge Leclair, «La réalité du désir», *Sexualité humaine*, Paris: Aubier, 1970.

17. Catherine Millot, communication sur *L'Anti-Édipe*, Centre Pompidou, «Abécédaire pour Gilles Deleuze», «Revues Parlées», 2 novembre 2005.

18. Ibid.

даментальном плане нет, однако, по мнению Мийо, после 1972 года Лакан, по-видимому, стал сильнее подчеркивать ответственность эдипова комплекса:

В следующем году семинар Лакана назывался «Имена Отца». Был ли это ответ Делёзу и Гваттари? Возможно. Не хочешь остаться в дураках с Эдипом, можешь и поблуждать, а разве Делёз и Гваттари не выступали за номадизм? Кроме того, это был великий период борромесевых узлов, и Лакан вернулся к вопросу отношений Эдипа со структурой. Идею о том, что эдипов комплекс был таким же симптомом, как другие, Лакан высказал в связи с Джойсом¹⁹.

Он посвящает Джойсу весь семинар 1975–1976 годов под названием «Синтом». Это термин, отсылающий к понятию симптома. В этом семинаре Лакан анализирует литературное призвание Джойса как форму искупления посредством письма.

Другой начинающий психоаналитик, член Школы, своевольная ученица Лакана, отвергает цензуру и берется за перо. Элизабет Рудинеско пишет рецензию на «Анти-Эдипа» в *Les Lettres françaises*. Она воочию наблюдала за процессом создания книги, так как посещала курс Делёза с момента его прихода в университет Венсена в 1970 году. Она разрывается между восхищением Делёзом и увлечением Лаканом, но не может принять прямую критику психоанализа. Само заглавие ее статьи указывает на иронический подход к теме: «Пьяный корабль шизофрении причаливает у Аль Капоне»²⁰. Рудинеско оценила метод письма вдвоем и сразу объединяет обоих авторов под инициалом «D. G.» Она даже утверждает, что «один и есть другой, хотя вопрос о бытии и не ставится»²¹. Рудинеско видит в этом памфлете актуализацию подхода Райха, стремившегося связать желание и социум, сексуальность и классовую борьбу. Она видит в «Анти-Эдипе» «прекрасный роман, такой как „Тотем и табу“, как „Моисей“, это лучшая из возможных апологий Эдипа»²². Она считает, что авторы ошиблись адресом, Лакан одержим эдиповым комплексом не более, чем они сами.

Если у этой книги есть смысл, то это смысл романа об Эдипе, носителя мифологии замещения, механического бреда, бес-

19. Катрин Мийо, интервью с автором.

20. Élisabeth Roudinesco, «Le bateau ivre du schizo débarque chez Al Capone», *Les Lettres françaises*, 19 avril 1972; rééd. sous le titre «Œdipe et la schizophrénie», dans Élisabeth Roudinesco, *Un discours au réel*, «Repères», Paris: Mame, 1973, p. 195–204.

21. Ibid., p. 195.

22. Ibid., p. 199.

конечного повторения механизированного «я». В любом случае Элизабет Руденеско рекомендует прочесть эту «прекрасную книгу»²³ как аналитикам, так и марксистам. Даже если эта книга, враждебная психоанализу, заходит в тупик в отношении невроза и в особенности в отношении фигуры истерика, которая полностью в ней отсутствует: «Это исключение истерии собственн и есть исключение психоанализа. Д.Г. этого не скрывает: против психоанализа разыгрывается карта психиатрии»²⁴.

Несмотря на эту жестокую критику, Делёз приглашает свою студентку Элизабет Рудинеско в бар Пор-Рояля, чтобы продолжить диалог. Не слишком довольный отзывом, который она дала на него в *Les Lettres françaises*, он спрашивает как бы в шутку: «Ну что, Симона Симон, нападаешь на меня?». Делёз называл так Руденеско из-за ее поразительного сходства со знаменитой актрисой: «Я ответила: „Да, я не согласна с этим райхианством. Я не согласна с тем, что проблемы можно решить при помощи лекарств и что в итоге дело закончится большими фармакологическими лабораториями“»²⁵. Делёз ответил ей твердо, но вежливо: «Все это очень мило, но пока вы способны только подражать вашим учителям или критиковать их. Найдите свой собственный объект!»²⁶

Между тем психоаналитики не могли не почувствовать, что авторы нападают на самую суть их практики. Оборону берет на себя Андре Грин, сначала в *Le Monde*, затем в более пространным тексте в *Revue française de psychanalyse*. Грин рассматривает выступление Делёза и Гваттари как реакцию, контратаку философии против фрейд-лакановского прорыва, осуществленного в мире идей. Тем не менее он признаёт большую заслугу Делёза и Гваттари в том, что они сумели выйти за рамки лакановского тезиса о том, что бессознательное структурировано как язык, и выражает радость, что разговор снова вернулся к аффекту, влечению, которые, собственн и, и являются предметом психоанализа. В этой критике лаканизма Грин солидаризируется с позицией авторов «Анти-Эдипа», отдающих предпочтение экономике желания перед формальной логикой цепочки означающих. Он признаёт, что во фрейдистской традиции трудно помыслить связку индивидуальных и социальных структур и что попытки Маркузе в этом направлении психоаналитиков не убедили. Грин применяет к книге принцип, согласно

23. Élisabeth Roudinesco, «Œdipe et la schizophrénie», *Un discours au réel*, p. 203.

24. Ibid., p. 203.

25. Элизабет Рудинеско, интервью с автором.

26. Élisabeth Roudinesco, *Généalogies*, Paris: Fayard, 1994, p. 54.

которому в отношении предлагаемых понятий следует задавать вопрос: «Для чего они нужны?» Здесь он приходит к выводу, что революцию делать нужно, но без привлечения психоанализа она не достигнет цели: «Необходимо сначала раскрыть глаза слепому к желанию Марксу, ослепить Фрейда как Эдипа и послать комплекс ко всем чертям»²⁷.

Авторы, таким образом, избавляются от Эдипа, сохраняют желание, модифицируя его, устраняя нехватку, фрустрацию, кастрацию, закон, превращая его в чистое желание, пустое означающее, которое может инвестироваться куда угодно: «Желание заставляют стать частью машины производства, а машину производства — частью желания»²⁸. Грин отказывается следовать за Делёзом и Гваттари по этому пути, считая, что они путают опыт удовлетворения, который действительно можно представить лишенным какой бы то ни было нехватки, с желанием, которое всегда упускает свой объект, потому что этот объект — попытки вернуть отсутствующее удовлетворение. То, как авторы отбрасывают страх кастрации, происходит, по мнению Грина, от отрицания любого клинического опыта. Концепция желания у Делёза и Гваттари, отмечает он, имеет некоторое сходство с функционированием перверта, у которого обесценивание является неотъемлемой частью желания: «Сингулярность объекта желания как человека в том, что он проскальзывает за чертой, которую он представляет и которая ищется анонимно и взаимозаменимо»²⁹. Наконец, по мнению Грина, Делёз и Гваттари позаимствовали свой концептуальный аппарат у раннего Фрейда — до того, как тот открыл психоанализ, до «Очерка психологии» (1895). Что касается концептуального прорыва, то в «Анти-Эдипе», наоборот, произошла регрессия к Фрейду до Фрейда: «Анти-Эдип» — это «До-Эдип»³⁰.

В психоаналитических кругах выступление Делёза и Гваттари вызывает все новые волны реакций. Двое аналитиков, Бела Грюнбергер и Жанин Шассге-Смиржель снова пускаются во все тяжкие. Они уже однажды выпустили — под псевдонимом Андре Стефан — книгу о мае 1968-го³¹, центральной идеей которой было то, что протестанты не сумели как следует разобратся со своим эдиповым комплексом. Герои 1968 года регрессировали к анальной стадии, раскидывая свое «дерьмо»

27. André Green, «Réflexions critiques», *Revue française de psychanalyse*, vol. 36, № 3, 1972, p. 494.

28. Ibid., p. 494.

29. Ibid., p. 495–496.

30. Ibid., p. 497.

31. André Stéphane, *L'Univers contestationnaire*, Paris: Petite Bibliothèque Payot, 1969.

на улице и размазывая его по стенам. Прибегнув к псевдофрейдистской галиматье, авторы обвинили движение мая 1968-го в том, что оно настолько погрязло в нарциссизме, что, не имея возможности получить удовлетворение, нашло выход в желании регрессии к варварству нацистского типа! Редукционистский жанр еще никогда не достигал таких вершин. В 1972 году рецидив у этих аналитиков, выступивших под тем же псевдонимом, был неизбежен, ведь речь шла об Эдипе, капитализме и революции. Они считают, что критика психоанализа в «Анти-Эдипе» подтверждает их правоту и проясняет их позиции, демонстрируя разрыв левого движения с психоанализом. С их точки зрения, у Делёза и Гваттари «можно увидеть, как мамина постель становится постелью капитализма»³². Авторы «Анти-Эдипа» обвиняют в отрицании реальности и любого авторитета ради мира без принуждения, мира перманентной революции. Двое психоаналитиков не скрывают своей радости от того, что наконец-то можно отпраздновать конец противоестественного союза между определенной формой левой политики и психоанализом.

Жанин Шассге-Смирбель продолжит свои размышления об «Анти-Эдипе», посвятив ему 3 июня 1973 года конференцию³³. На ней выясняется, что от Фрейда ничто не ускользнуло и что Делёз и Гваттари — фрейдисты поневоле, подобно господину Журдену, который, сам того не зная, говорит прозой. Этот тезис развивает Франсуаз Парамель. Она, в частности, берет несколько концептов, использованных в главе «Психоанализ и фамилиализм», чтобы подвергнуть их критике. Она считает, что предложенное определение шизофрении как неорганизованного и разрозненного потока ошибочно, поскольку то, что описывается как способ реализации в мире, на самом деле является замыканием в себе. Понятие бессознательного, кодированного Эдипом, кажется ей бессмыслицей, поскольку бессознательное не знает никакого кода: «Авторы понимают бессознательное скорее в соответствии с лакановской формулой, то есть считают структурированным как язык»³⁴. Вместо того чтобы «эдипизировать», задача аналитика, наоборот, состоит в том, чтобы идти навстречу фиксациям своего пациента: «Дезэдипизировать — вот какой нам представляет-

32. André Stéphan, «La fin d'un malentendu», *Contrepoint*, № 7–8, août-nov. 1972, p. 244.

33. Janine Chassegnet-Smirgel (sous la dir.), *Les Chemins de l'Anti-Œdipe*, Privat, Toulouse, 1974.

34. Ibid., p. 73.

ся цель психоанализа, который апеллирует к Фрейду»³⁵. В общем, по мнению Франсуаз Парамель, несмотря на все превратные толкования, авторы все равно выступили защитниками Фрейда.

Поддержка Жирара, Лиотара, Фуко...

Крупные интеллектуальные издания уделяют большое внимание «Анти-Эдипу». *Critique* заказывает рецензии на него Жану-Франсуа Лиотару и Рене Жирару. Первый выражает восхищение этим потоком, перемещающим гигантские массы воды, сметая все на своем пути: «Это токоприемник, берущий электроэнергию от высоковольтной линии и позволяющий преобразовывать ее во вращение бегущих по рельсам колес, а для путешественника — в пейзажи, грезы, музыку, произведения, в свою очередь трансформирующиеся, разрушающиеся, унесенные потоком»³⁶. Лиотар предостерегает читателей от ошибочной интерпретации, на которую может навести название книги Делёза и Гваттари: на самом деле она не полемическая и не деструктивная, она — утверждение, утверждающий позитивный акт. В особенности эта книга подрывает то, что вроде бы открыто не критикует, а именно марксизм, вместе с ним она вышучивает еще несколько трупов — пролетариата, классовой борьбы и прибавочной стоимости. Лиотар находит сходство в критических подходах Бодрийяра и Делёза с Гваттари, но в то же время отмечает существенные различия: Бодрийяр работает в сфере обмена, циркуляции и попыток построения фрейд-марксизма, тогда как Делёз и Гваттари, наоборот, делают акцент на продуктивных феноменах и на изменении того, что составляет самую основу как марксизма, так и фрейдизма.

Рене Жирар, со своей стороны, занимает более критическую позицию по отношению к произведению, которое не придает никакого значения мифу и трагедии, хотя и полностью согласен с Делёзом и Гваттари в том, что не следует видеть в раннем детстве источник происхождения всех социальных патологий. Его поддержка заканчивается, когда речь заходит о борьбе с религиозной верой, и он считает, что Делёз и Гваттари по сути провозглашают «новую, особенно возвышенную форму набож-

35. Ibid.

36. Jean-François Lyotard, «Capitalisme énergumène», *Critique*, nov. 1972, p. 925; переиздано в: Jean-François Lyotard, *Des dispositifs pulsionnels*, Paris: 10/18, 1973, p. 7–52.

ности, вопреки видимости»³⁷. Хотя Жирар и одобряет их стремление проанализировать своеобразный «общественный бред», у него самого другой концептуальный аппарат, который он будет долго разрабатывать, оперируя понятиями миметического желания, выходящего за пределы любой репрезентации и любого сингулярного объекта³⁸. Отталкиваясь от этой модели, Жирар отказывается видеть истоки желания в физиологии или психике, отказывается от любого пансексуализма, помещая миметическое желание исключительно на уровень диалогических отношений, взаимного становления. Здесь он поддерживает ницшеанство Делёза и Гваттари: «В отличие от Фрейда, который запутался в своих папах и мамах, Ницше первым отделил желание от его объекта»³⁹. В итоге Рене Жирар приходит к выводу, что Делёз и Гваттари слишком легко обошлись со своим Эдипом, который вышел из их памфлета целым и невредимым и даже подростом: судя по всему, «Анти-Эдип» и сам «глубоко эдипизировался, поскольку целиком структурирован треугольным соперничеством с теоретиками психоанализа»⁴⁰. За книгой Делёза и Гваттари, по мнению Жирара, следует признать заслугу в описании того тупика, в котором оказались дисциплины, полагающие, что они могут найти единое решение на основе постулатов психоанализа, но в то же время эта книга — не более чем повторение в увеличенном масштабе прежних культурных форм, а не шаг к тому, чтобы выйти за апоретический горизонт.

Журнал *Esprit* также уделяет большое внимание выходу «Анти-Эдипа»: публикуется блок статей, в котором основные идеи книги излагаются в более или менее позитивном ключе⁴¹. Психоаналитики Жан Фурто и Рене Руссийон выражают некоторый скепсис, поскольку Делёз и Гваттари забыли о молярном уровне, чтобы подчеркнуть один только молекулярный. Они считают, что это упущение обедняет книгу: целесообразнее увязать оба этих уровня. Со своей стороны, социолог Жак Донзело хвалит в книге то, что представляется ему «антисоциологией»⁴². Он подает книгу как соположение случайных блоков знаний, создающих помехи в потоке письма. В «Анти-Эдипе» атака на психоанализ производится при помощи ницшеанства. Обхо-

37. René Girard, «Système du délire», *Critique*, nov. 1972, p. 961.

38. Рене Жирар, *Ложь романтизма и правда романа*, Москва: Новое литературное обозрение, 2019.

39. René Girard, «Système du délire», p. 965.

40. Ibid., p. 976–977.

41. Jean Furtos, René Roussillon, «L'Anti-Œdipe. Essai d'explication», *Esprit*, déc. 1972, p. 817–834.

42. Jacques Donzelot, «Une anti-sociologie», *Esprit*, déc. 1972, p. 835–855.

для стороны прямолинейное противопоставление функционалистских описаний и структурного анализа, а также противопоставление инфра- и суперструктур и проблему государства, Делёз и Гваттари смогли избежать целого ряда апорий, свойственных социальному анализу. Вместо того чтобы безуспешно спрашивать: «Что такое общество?», авторы «Анти-Эдипа» сумели задать вопрос: «„Как мы живем в обществе?“ Конкретный вопрос, который влечет за собой другие: где мы живем? Как обитаем на земле? Как мы переживаем государство?»⁴³ Социальное в таком случае перестает быть нейтральным полем, подчиняющимся своим собственным логикам, и становится местом инвестиций, которые являются источником вариаций. Донзло проводит параллель между «группой в слиянии» у Сартра и «молекулярными революциями» Делёза и Гваттари. Понятие территориальности — самый богатый концепт, предложенный авторами: он позволяет выйти за рамки различий между элементами, которые считаются маргинальными, и теми, что объявляются существенными.

Жан-Мари Доменак, главный редактор *Esprit*, завершает подборку более критической статьей, хотя и рекомендует чтение «Анти-Эдипа» в качестве развлечения. По его мнению, изобретательность, которую можно там найти, вносит свежую струю, и читать эту книгу веселее, чем Лакана: «Давайте на время проникнемся этой веселостью. Не так уж много у нас бывает поводов для смеха»⁴⁴. Но смеяться — не значит во всем поддерживать, и Доменак не собирается мириться с навязчивым повторением бездоказательных, но хлестких формулировок: «Я знаю: странно критиковать с точки зрения логики книгу, представляющую собой апологию языкового бреда»⁴⁵. Что касается их теории желания, он ничего не имеет против нее, но желание нигде в книге не определяется: «Я ставлю в упрек этой книге то, что, избегнув столкновения со злом, она уклонилась от вопроса о страдании. Можно говорить красивыми метафорами о „желающей машине“, труднее сказать о „страдающей машине“»⁴⁶.

В престижном и дружественном литературном издании *Les Cahiers du chemin* (дочернем журнале издательства *Gallimard*), которым руководит Жорж Ламбрикс, за разбор книги берется Роже Лапорт. Осуждая резкость книги, редкую в этом жанре, он задается вопросом: «Над кем они смеются? Кого пыта-

43. Ibid., p. 849.

44. Jean-Marie Domenach, «Œdipe à l'usine», *Esprit*, déc. 1972, p. 856.

45. Ibid., p. 857.

46. Ibid., p. 863.

ются пристыдить?»⁴⁷, и отвечает: «ДГ пытается пристыдить ребенка, который есть в каждом из нас»⁴⁸, в частности, заменяя трио отец-мать-ребенок на другое, глубже запрятанное трио Папа-Мама-Я. Лапорт считает, что тон, взятый авторами, идет не столько от шизоидной тенденции, сколько от «параноидально-перверсивного» языка⁴⁹.

Как видим, пресса бурно отреагировала на «Анти-Эдип», однако нельзя сказать, что книга хоть что-то изменила в психоаналитической и психиатрической практике. Как ни странно, она не стала предметом настоящих дебатов даже там, где родились многие из ее идей, в клинике Ла Борд: публикация здесь воспринимается как малозначительное событие. Жан Ури подтверждает: «Нет. О ней не говорили»⁵⁰. Психоаналитик Николь Гийе, при всей близости с Гваттари, призналась, что не дочитала книгу до конца: «Насколько для меня были ценны методы работы Феликса, которые мне очень помогали, настолько же написанное им было бесполезно для моей работы, так что я не читала его книги полностью»⁵¹.

Гваттари прекрасно осознает, что резонанс, вызванный «Анти-Эдипом», не достиг его целевой аудитории — психоаналитиков. Надеяться как-то изменить их практику было чистой иллюзией:

Психоаналитики остались непроницаемы. Нормальная реакция: попросите мясников перестать торговать мясом по теоретическим причинам. Или стать вегетарианцами! Спрос на анализ есть, и еще какой. И люди имеют причины дорого за него платить, потому что он работает. Это как наркотик. К тому же анализ придает некоторый социальный статус, что тоже немаловажно. «Анти-Эдип» устроил лишь небольшой сквознячок⁵².

Самая резкая критика, помимо уже упоминавшийся запоздалой критики Робера Линара, исходит от бывшего студента Делёза в университете Венсена — Мишеля Крессоля, который публикует в 1973 году ядовитое эссе, направленное против него⁵³. Элегантный студент, гомосексуал, уверенный в своей неотрашимости, Крессоль вызвался написать книгу о своем учителе

47. Roger Laporte, «Gilles Deleuze, Félix Guattari: Capitalisme et schizophrénie, L'Anti-Œdipe», *Les Cahiers du chemin*, Paris: Gallimard, N° 16, 15 octobre 1972, p. 96.

48. Ibid., p. 97.

49. Ibid., p. 104.

50. Жан Ури, интервью с автором.

51. Николь Гийе, интервью с автором.

52. Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, p. 31.

53. Michel Cressole, *Deleuze*, Paris: Éditions Universitaires, 1973.

с изложением его теории. Делёз польщен, но считает, что его студент должен работать над проектом самостоятельно, и отказывается водить его за ручку. Результатом недоразумения становится низвержение вчерашнего кумира. В этой мстительной книжке насмешка взята за правило: «Анти-Эдип» представлен библией новой секты адептов шизоанализа, которые пока еще «похожи на войска в опере, которые все повторяют „Вперед марш!“», топчась на месте и только создавая иллюзию движения»⁵⁴. Эта книга добавила к марксо-фрейдистской паре некоего шута, выдающего себя за художника. Из-за этого памфлета у его автора завязалась переписка с Делёзом, которую он тоже включит во второе издание книги.

Крессоль с его желанием бороться с «Делёзом таким, как о нем говорят» откровенно сводит с ним счеты. Он добавляет, цитируя модную певицу Шейлу: «Ты, как говорится, отстал от жизни, папа»⁵⁵. Он ругает лекции Делёза в Венсене, превратившиеся в цирк, в котором Мэтра, забившегося в угол и задыхающегося в маленьких прокуренных аудиториях, осаждают патогенными требованиями. При этом Крессоль допускает, что «Анти-Эдипу», возможно, найдется применение как «причудливой игрушке», подаренной молодежи двумя «сумасшедшими мудрецами»⁵⁶. Под конец этой истории безответной любви бывший студент Делёза намекает ему, что ему следует пропагандировать себя и свое творчество: «А что если бы шизофреники стали твоими импресарио? Твоя черная куртка работы — эквивалент розового платья с драпировкой Мэрилин Монро, как и твои длинные ногти, темные очки, как у Гарбо»⁵⁷. На эту грубую и высокомерную атаку Делёз отвечает тонко и иронично: «Ты очарователен, умен, злонамерен, даже злобен. Давай, жми...»⁵⁸ Обвиненный в том, что он, как вампир, высасывает соки из шизофреников, Делёз, любитель смещений, иронически указывает своему хулителю, что тот впадает в паранойю и бьет мимо цели.

На нападки на свой внешний вид он отвечает, что его черная куртка не имеет никакого отношения к рабочим, это куртка крестьянина, а по поводу длины ногтей уточняет:

И поскольку ты неоднократно возвращаешься этому, к моим ног-
тям, то я намерен кое-что тебе объяснить. Всегда можно сказать,
что мне их обрезала моя мать и что это связано с Эдипом и с ка-

54. Ibid., p. 91.

55. Ibid., p. 103.

56. Ibid., p. 104.

57. Ibid., p. 105.

58. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 13.

страцией (гротескная, но психоаналитическая интерпретация). Присмотревшись к кончикам моих пальцев, можно заметить, что их подушечки, обычно выполняющие защитную функцию, недоразвиты, и прикосновение к какому-либо предмету, особенно к ткани, доставляет мне раздражение и боль, и поэтому длинные ногти — моя защита...⁵⁹

Но книга встретила не одних только противников, она нашла весомого союзника в лице Мишеля Фуко. С его точки зрения, «*Анти-Эдип*» имеет совершенно особый статус, статус чистого события, выходящего далеко за рамки объекта под названием книга, вспышки молнии, судить о которой нужно по ее способности оказывать воздействие: «„Анти-Эдип“, не отсылающий практически ни к чему, кроме своей удивительной и самобытной теоретической изобретательности, книга, или даже скорее вещь, событие, заставившее замолчать шепоток, долгое время шедший от психоаналитической кушетки к креслу психоаналитика»⁶⁰. Полный энтузиазма, Фуко пишет предисловие к американскому изданию, вышедшему в 1977 году⁶¹. Он видит в этой книге, которую считает великой, искусство жить в трех регистрах: *ars erotica*, *ars theoretica*, *ars politica*. В результате она стала настоящим событием мысли: «Я бы сказал, что „Анти-Эдип“ (да простят меня его авторы) — это книга по этике, первая книга по этике, написанная во Франции за достаточно долгое время»⁶². Фуко отмечает, что у книги могут быть три типа противников: профессиональные революционеры, ратующие за аскетизм ради победы истины, технократы желания — психоаналитики и семиологи, выискивающие за знаками симптомы, и, наконец, главный враг — фашизм: не только политический режим, который обозначают этим словом историки, но фашизм, таящийся в каждом из нас. Главная заслуга этой книги — предложить своим читателям введение в не-фашистскую жизнь, некоторые фундаментальные принципы которой приводит Фуко. На первом месте стоит предостережение против соблазнов власти, из которого следует необходимость сопротивляться любым формам единообразного замыкания, необходимость способствовать действию, мысли и желанию, множая их, и избавиться от категории негативного. Истинное руко-

59. Жиль Делёз, *Переговоры*, с.15–16.

60. Michel Foucault, «Cours au Collège de France du 7 janvier 1976», dans *Dits et écrits*, tome III, Paris: Gallimard, 1994, p. 162–163.

61. Мишель Фуко, Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа», Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 5–10.

62. Там же, с 8.

водство для изменения повседневной жизни каждого, «Анти-Эдип» тем не менее не должен читаться в качестве изложения новой теории, «пришествие которой так часто возвещалось, — теории, которая покроет всё, которая, наконец, всё объяснит и всех успокоит»⁶³.

Постулаты Делёза и Гваттари так же твердо отстаивает социолог, близкий к Мишелю Фуко, Робер Кастель, приветствовавший «неоценимый вклад в критическую социологию психоанализа», который они вносят, устанавливая связь между господством эдипова треугольника в теории, практиками аналитиков и существованием социальных, политических и религиозных форм, в которых психоанализ рождается и процветает⁶⁴. Кастель поддерживает Делёза и Гваттари в их стремлении снова связать порядок инвестирования желаний и социальную практику. По его мнению, Фрейд, возможно, не был так уж неправ, когда аксиоматизировал психоаналитическое знание на основе эдипова комплекса, но он поддерживает Делёза и Гваттари, когда они показывают, как психоанализ ретерриториализирует в частной сфере «фундаментальную антропологическую структуру, генезис которой нужно искать в социуме: такова основная цель „Анти-Эдипа“»⁶⁵.

«Анти-Эдип» по прошествии времени

Через восемь лет после публикации «Анти-Эдипа» Делёз рассматривал ее как провал. Май 1968 года и его мечты исчезли с горизонта. Остался горький привкус обиды за тех, кто был вдохновлен надеждами, а в итоге снова почувствовал затхлый запах консерватизма. Об этой горечи Делёз говорит в интервью с Катрин Баке-Клеман:

«Анти-Эдип» — это состояние после 1968-го: это период брожения, поисков. Сегодня наблюдается очень сильная реакция. Это целая экономика, создаваемая по учебникам, новая политика, навязывающая нынешний конформизм... журналистика все больше отнимает влияние у литературы. И потом все больше романов заново открывают семейную тему в ее самом плохом виде и до бесконечности раскручивают историю с папой-мамой: настораживает, когда находят уже готовый, заранее

63. Там же.

64. Robert Castel, *Le Psychanalysme*, Paris: Maspéro, 1973; nouv. éd. Paris: Champs-Flammarion, 1989, p. 83.

65. Ibid., p. 275.

написанный роман в своей семье. Воистину это уже охрана памятных, и с этой точки зрения «Анти-Эдип» был полным провалом⁶⁶.

Тем не менее Делёз представляет досье об «Анти-Эдипе» своим студентам в университете Париж-VIII-Венсен, признавая, что не вся критика была несправедливой. В «Анти-Эдипе» Делёз и Гваттари утверждают: «Мы все еще слишком компетентны, а мы хотели бы говорить от имени абсолютной некомпетентности. Тому, кто спросит, видели ли мы когда-нибудь шизофреника, мы ответим, что нет, никогда мы его не видели»⁶⁷. Делёз иронически повторяет эту остроту, которую многие критики книги восприняли всерьез, перед своими студентами, и рассказывает, что одна особенно агрессивная дама-психиатр спросила у него: «А вы уже видели шизофреников?» Он замечает:

Я счел этот вопрос хамским. И по отношению к Феликсу Гваттари, который работает в клинике, где их предостаточно, и по отношению ко мне, потому что в мире найдется мало людей, которые бы никогда не встречали шизофреников. Я ей сказал: «Я — никогда», и тогда она стала писать в газетах, что мы никогда не видели шизофреников. Это было очень досадно⁶⁸.

Сильным местом «Анти-Эдипа», которое должно остаться в качестве важного достижения, Делёз считает положение о том, что «бред сразу же становится полем социально-исторического инвестирования»⁶⁹. Критический подход к семейному детерминизму, который практикуется в психоанализе, таким образом, — важнейший аспект книги, что равнозначно утверждению, что бредают не семьей, а миром. Между тем Делёз немного скорректировал позицию в ответ на ряд интерпретаций книги, которые выделяли в качестве освободительной одну только шизофреническую линию, и теперь он экспериментирует с самыми разными и опасными линиями ускользания.

Конечно, необходимо разрушать жесткую сегментированность, из-за которой индивиды оказываются заперты в замкнутых мирах, в узко очерченных пространствах, поэтому шизофрения определяется как попытка картографирования возможных линий ускользания от подобной сегментации. Но каждая ли-

66. Gilles Deleuze, entretien avec Catherine Backès-Clément, rééd. L'Arc, 1980, p. 99–102; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 162–163.

67. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 597.

68. Жиль Делёз, лекция 27 мая 1980 года в университете Париж-VIII, аудио-визуальный архив, BNF.

69. Там же.

ния содержит свои опасности. Линия ускользания сама по себе не является творческой и освобождающей, она может привести к краху, превратившись в линию упразднения, разрушения, и именно поэтому психотик, которого называют шизофреником, не идеализируется, потому что болен и страдает. Точно так же в мировой истории отдельные общества могут выбирать опасные линии ускользания: «Если я и приписываю какое-то содержание фашизму, то в том смысле, что это типичный случай линии ускользания, ставшей смертоносной линией»⁷⁰. Эта теория линий будет разрабатываться и далее в период 1976–1980 годов: свое первое выражение она найдет в «Диалогах», а затем будет развернута в «Тысяче плато».

Делёз, таким образом, твердо настаивает на различении клинической сущности, которая идет по линии разрушения и смерти, и шизофрении как процесса жизни. Для него это повод вернуться к утверждению своего фундаментального витализма, ненависти к любому негативному, болезненному аффекту. Процесс, о котором идет речь, возникает из линии жизни и потому никак не может родиться из негативности: «Когда я слышу о том, что смерть может быть процессом, у меня сердце кровью обливается, как и все мои аффекты»⁷¹. Итак, нет речи о том, чтобы установить симметрию между жизнью и смертью как двумя альтернативными полюсами процесса. Согласно Делёзу, культ смерти порождается фашизмом, и этой тенденции он противопоставляет спинозистскую концепцию, по которой смерть приходит только извне. Отсюда скрупулезная критика понятия инстинкта смерти в главе IV «Анти-Эдипа».

Еще позднее, в 1988 году, по случаю выхода «Алфавита» Делёз вернется к определению желания в «Анти-Эдипе», которое, как он считает, превратно понято. Он уточняет, что их замысел не имел отношения к желающему целому, но касался перехода от абстрактной концепции желания к конструктивистскому подходу, учитывающему конкретную сборку, в которой оно выражается: «Нет такого желания, которое бы не проходило сквозь сборку. Желать — значит строить сборку»⁷². Зато Делёз подтверждает легитимность обвинений в адрес психоанализа и напоминает в связи с этим три главных положения этой критики: бессознательное не театр, а производящий завод; бред не сводится к тому, что берет из него психоанализ, поскольку бред обращен на весь мир в целом; желание образует множе-

70. Там же.

71. Там же.

72. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*, lettre D.

ственные сборки. Делёз говорит, что в этих трех фундаментальных пунктах он ничего пересматривать не собирается и предсказывает, что книга будет открыта заново, она несет в себе скорректированную концепцию бессознательного.

В этом диалоге с Клэр Парне он также вспоминает другие недоразумения, из-за которых книга стала прочитываться как апология культа спонтанности или даже шизофрении. В обоих случаях это серьезное искажение смысла, и он пользуется случаем, чтобы подчеркнуть, что в Венсене он всегда стремился предостеречь студентов от увлечения формой бреда, которая вызвала бы у них состояние безумия: «Это необычайно осторожная книга: не теряйте голову. Мы страшно боялись наплотить пациентов лечебницы»⁷³.

Через тридцать лет после публикации «Анти-Эдипа» актуальность этого произведения снова подчеркивает философ Эрик Алье, который видит в нем момент поворота в делезовской биофилософии, благодаря вкладу Гваттари ставшей биополитикой, «пропускающей через план имманентности относительно детерриториализацию капитала, чтобы довести ее до абсолюта и в этой критической точке достичь освобождения имманентности в здесь и сейчас»⁷⁴. Наоборот, социолог Жан-Пьер Ле Гофф осудил «Анти-Эдипа» как источник перегибов в левой политике⁷⁵. Он видит в нем восхваление бессознательного как триумфа антикультуры, сознательной регрессии к инфра-означающему, месту до разделения на добро и зло, а значит, триумф производства в его непосредственности. Он критикует элитистский характер этой концепции, которая признаёт лишь за немногими избранными возможность столкнуться лицом к лицу с хаосом бытия: «Только шизофреники, преступники, маргиналы, с одной стороны, а с другой — художники и революционеры имеют шансы получить к нему доступ»⁷⁶. Остальное же человечество обречено бессильно блуждать, подчиняясь своим фашизоидным импульсам. В этой формулировке Делёз и Гваттари предстают врагами культуры, которые делают из молодежи оружие для ее уничтожения.

Совсем в ином, философском регистре Жан-Кристоф Годдар проводит связь между Бергсоном «Двух источников морали и религии» и идеями «Анти-Эдипа», представляющегося

73. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*, lettre D.

74. Éric Alliez, «L'Anti-Œdipe — Trente ans et quelques après», *Radical Philosophy*, № 124, mars-avril 2004.

75. Jean-Pierre Legoff, *Mai 68. L'héritage impossible*, Paris: La Découverte, 1998.

76. Ibid., p. 343.

ему настоящей мистикой психического заболевания, где место общины святых занимают психотики⁷⁷. По мнению Годдара, в этом произведении шизофрения возводится в ранг метода. Конечно, это не шизофрения в ее медицинском понимании: «Как Христос у Спинозы, делезовский шизофреник — философ по определению, а шизофрения — метафизическое знание»⁷⁸. Ночь патологии становится источником света, давая доступ к принципу, понимаемому как жизненный порыв.

Как ни удивительно, «Анти-Эдип» стал важным ресурсом для гендерных исследований. В США множество течений, стремящихся обойти сексуальную биполярность, находят в этой книге орудие, чтобы пошатнуть тоталитарный гнет двух полов, вместе с Эдипом поставив кастрацию под вопрос. Во Франции эти тезисы нашли отклик у некоторых психоаналитиков лакановского толка, например у Жана Аллуша, который, будучи сторонником лакановской школы психоанализа, одновременно руководит журналом *L'unebêvue* и книжной серией издательства *Épél* «Великие классики современной эротологии», знакомящей читателей с американскими исследованиями геев и лесбиянок и квир-теорией.

Так психоаналитики-лаканисты, «которые в момент выхода книги особо не интересовались „Анти-Эдипом“, стали фукианцами или делезианцами»⁷⁹. Впоследствии психоаналитик Катрин Мийо признала за этой работой некоторые заслуги, в частности то, что «она утвердила концепцию психоза, строящуюся не вокруг дефицита. Если оставить в стороне идеализацию шизофрении, которая может показаться наивной, „Анти-Эдип“ привлек внимание к психозу, к его креативной стороне, свободе, оригинальности и изобретательности, на которые способны психотики, тогда как невроз с его вытеснением, приходится признать, выглядит в этом отношении намного более ингибированным»⁸⁰.

Франсуа Зурабишвили настаивает на необходимости буквального прочтения книги, которое бы согласовывалось со стремлением авторов выстроить план имманентности. В той мере, в которой имманентность может быть высказана только в процессе своего осуществления, она предполагает сингулярную практику языка, которая бы отбросила классические тро-

77. Jean-Christophe Goddard, *Mystique et folie. Essai sur la simplicité*, Desclée de Brouwer, Bruxelles, 2002.

78. Ibid., p. 45.

79. Катрин Мийо, интервью с автором.

80. Там же.

пы, модные в период расцвета структурализма, такие как метафора и метонимия, и заменила бы их машинами: «Однако о машине мы говорим не метафорически — человек составляет машину, как только это качество рекуррентно сообщается системе, частью которой он является в определенных условиях»⁸¹. Машина не является ни внешней по отношению к человеку, ни проекцией его внутреннего мира. Она занимает срединное пространство, преодолевающее замкнутость смысла, и принадлежит к семантическому пространству, которое следует понимать буквально и отличать от собственно смысла, как отмечает Зурабшвили.

Делёз и Гваттари подвергают своего читателя испытанию с самых первых слов книги:

Оно функционирует повсюду, иногда без остановок, иногда с перерывами. Оно дышит, оно греет, оно ест. Оно испражняется, оно целует. Но какое заблуждение говорить о нем как о чем-то одном и определенном. Повсюду — машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями. Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна испускает поток, другая его срезает⁸².

Так, когда Делёз и Гваттари в том же абзаце пишут, что «У судьи Шребера солнечные лучи в заднице. Солнечный анус», это нельзя трактовать как просто метафору, но нужно понимать в буквальном смысле, как теорию, создаваемую из собственной буквальности. Впрочем, для большей ясности авторы добавляют: «И будьте уверены в том, что это работает; судья Шребер что-то чувствует, что-то производит и может сделать из этого теорию. Что-то производится: эффекты машины, а не метафоры»⁸³. Желающая машина, таким образом, не отсылает к желанию, которое бы функционировало как машина. Этот оксюморон на самом деле нацелен на двойной разрыв между техницистским опрокидыванием и феноменологическим прочтением, согласно которому желание — свойственная субъекту тяга к объекту или к другому субъекту. Желающую машину создает встреча, прерывание потока, и оно учреждает делание, порождаемое мыслью.

81. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 607–608.

82. Там же, с. 13.

83. Там же.

Глава 12

Машина против структуры

В 1966–1969 ГОДАХ Делёз и Гваттари оба очень близки к структуралистским авторам и работам и в то же время очень остро осознают тупик, в который эти авторы зашли. Они сами отвергают любое замыкание смысла, любую редукцию к бинарному мышлению, закрытому как для процесса темпорализации, так и для прагматического измерения языка.

Машина войны против структурализма

Гваттари в силу своей принадлежности к лаканизму и к Парижской школе фрейдизма в полной мере участвует в распространении структурализма в его психоаналитической версии. Что касается Делёза, то желание выйти за пределы истории философии побуждает его чутко отзываться на бурное развитие гуманитарных наук. Фигура шизофреника не перестает ставить перед ним вопросы как в клинической, так и в литературной форме. Однако ни тот, ни другой не могут удовлетвориться простым принятием господствующих идей эпохи. Можно считать, что еще накануне их знакомства в 1969 году позиция обоих содержала в себе активную критику структурализма.

Когда Гваттари берет слово перед аудиторией Парижской школы фрейдизма в 1969 году, он уже порвал с формалистской и логицистской эволюцией Лакана. Он больше не является потенциальным наследником мэтра, который предпочел ему своего зятя Жак-Алена Миллера и его круг с улицы Ульм, начинающих издавать журнал *Cahiers pour l'analyse*. Итак, Гваттари собирается говорить о «Машине и структуре»¹. Цель выбрана, и его выступление вполне могло бы называться «Машина

1. Félix Guattari, «Machine et structure», exposé de 1969, paru dans la revue *Change*, № 12, Seuil, 1972; переиздано в: *Psychanalyse et transversalité*, p. 240–248.

против структуры». Он отмечает в своем выступлении слепые пятна, которые упускает из виду понятийный аппарат структуралистского анализа, и предложенное им рабочее понятие машины призвано осмыслить вытесненное в самом структурализме, связать процесс субъективации и историческое событие. Это первый текст Гваттари, ссылающийся на Делёза, с которым он пока еще не знаком, но чья диссертация «Различие и повторение» и «Логика смысла» ему очень нравятся: Гваттари с самого начала цитирует Делёза, ссылаясь на его определение структуры. В отличие от структуры, которая определяется способностью отдельных элементов к обмену, машина возникает из повторения, но в том смысле, в каком его понимает Делёз, то есть из повторения как различия: «Повторение как действие и как точка зрения касается особенности, не подлежащей обмену, замещению»². Отталкиваясь от положений Делёза, Гваттари чувствует, что такое понимание машины нужно, чтобы ввести дифференцирующий элемент, который заново введет событие и движение: «Темпорализация отовсюду проникает в машину, и можно позиционировать себя по отношению к ней только на манер события. Возникновение машины становится событием, помечает разрыв, не гомогенный структурной репрезентацией»³. Здесь видно, как близки были их позиции и дискурс еще до личного знакомства. Гваттари становится глашатаям философии события, которая была важным моментом «Логики смысла» Делёза.

В этом основополагающем выступлении мы встречаем понятие, производное от понятия машины; оно также станет центральным в делезо-гваттарианском диспозитиве — «машина войны». Гваттари перенимает делезианскую ориентацию на философию, стремящуюся порвать с идеей репрезентации, и располагает свой концепт машины в этой перспективе: «Сущность машины в этой операции отделения означающего как репрезентирующего, как „дифференцирующего“, как каузального разрыва, гетерогенного порядку структурно установленных вещей»⁴. Чтобы выбраться из тупика структуралистского панлингвизма, Гваттари предлагает реабилитировать акт речи как означающее: «Голос как машина речи отсекает и основывает структурный порядок языка, а не наоборот»⁵. Он, таким образом, полностью переворачивает структуралистскую перспективу,

2. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 13.

3. Félix Guattari, «Machine et structure», *Psychanalyse et transversalité*, p. 241.

4. Ibid., p. 243.

5. Ibid.

в которой предпочтение отдавалось системе языка как единственному научному уровню, а речь исключалась, сводясь к чистой контингентности.

Гваттари интересует субъект, и он понимает его как расколотого, разорванного, находящегося на распутье, в промежутке, в конфликте между структурой и машиной: «Человеческое существо попало в ловушку на пересечении машины и структуры»⁶. Оставаясь в рамках лакановских категорий, но при этом намереваясь их динамизировать, Гваттари заимствует у Лакана анализ частичных объектов, объекта *a*, и использует его как машину войны против структурного равновесия. По сути дела, объект *a* возникает там, где его не ждали, подобно настоящей «инфернальной машине»⁷. Он становится неустрашимым, неассимилируемым структурой, и Гваттари называет его «объект-машина „а“»⁸. Это элемент, мешающий мысли ходить кругами, деконструирующий структурное равновесие, срывающий попытки саморепрезентации, децентрируя индивида, смещая его «на край себя самого, к пределу другого»⁹.

Поиски связи между группами, коллективными сущностями не только сближаются с ранним интересом Делёза к вопросу об институтах и их амбивалентных отношениях с желанием¹⁰, но и получают плодотворное продолжение в делезо-гваттаризме с появлением понятия группы-субъекта и коллективной сборки высказывания. Этот критический взгляд на структурализм имеет для Гваттари не только чисто спекулятивное, но и непосредственное политическое значение. Речь идет о том, чтобы извлечь уроки из мая 1968 года, придать новую динамику структурам, расшатанным вторжением события. Как перезапустить революционную машину, которая продемонстрировала свои способности в мае 1968-го? Это политический вопрос, который ставит Гваттари: «Революционный проект как машинизация подрыва институтов должен раскрыть такие потенциальности субъектов и на каждом из этапов борьбы вооружить их против их „структурализации“»¹¹. Если май 1968-го сделал возможной победу структурализма в университете¹², то событие

6. Ibid.

7. Ibid., p. 244.

8. Ibid.

9. Ibid.

10. *Instincts et institutions*, textes choisis et présentés par G. Deleuze, Paris: Classiques Hachette, 1953.

11. Félix Guattari, «Machine et structure», *Psychanalyse et transversalité*, p. 248.

12. См.: François Dosse, *Histoire du structuralisme*, tome 2, «L'institutionnalisation: la conquête de l'université», p. 173–182.

1968 года породило мысль 1968 года, в которой не было ничего структуралистского и которая, наоборот, вызвала кризис парадигмы, слишком поспешно отброшенной именно теми людьми, кто видел в ней выражение нового взгляда на современность, а теперь утверждал, что никогда не делал ставок на победу структурализма.

Гваттари нашел материал для своей аргументации в двух книгах, опубликованных Делёзом в 1968 и 1969 годах, потому что философская ориентация последнего отличалась от безраздельно господствовавшей в ту эпоху парадигмы. В своей диссертации «Различие и повторение» Делёз чутко реагирует на любые случаи низведения структурализмом события до уровня чего-то незначительного. Он выступает за отказ от альтернативы между структурой и событием, но при этом требует их артикулирования: «Подобно тому как не существует оппозиции структура-генезис, нет и оппозиции между структурой и событием, структурой и смыслом»¹³. Делёз тем не менее признает, что структурализм очень эффективно учитывает множественности. Его театр не имеет ничего общего с репрезентацией, это «театр множеств»¹⁴, который вместо поиска идеального синтеза распознавания, адекватной репрезентации тождественного — отслеживает проблемы в самом сердце экспериментальных движений.

Тем не менее, по мнению Делёза, структурализм остается заложником категорий тождественности и противопоставления и не в состоянии поставить правильные проблемы. Так, лингвистика, ведущая наука структуралистской парадигмы в ее сосюрсовско-якобсоновском изводе, где за эвристическую модель были приняты правила фонологии в их структурных аспектах, замыкается в бинарной логике и отдает предпочтение негативным терминам, «отождествляя дифференцированные отношения между фонемами с отношениями противопоставления»¹⁵. Согласно Делёзу, сосюрсовский структурализм калечит потенциальную позитивность различия. Делёз противопоставляет ему учение другого лингвиста, занимающего маргинальное положение в профессиональной среде, значение которого он, однако, будет непрестанно подчеркивать, — Гюстава Гийома: «Фундаментальный вклад творчества Гийома состоит в замене принципа дистинктивной оппозиции принципом дифференцированной позиции»¹⁶. У него можно найти настоящее транс-

13. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 236.

14. Там же, с. 237.

15. Там же, с. 250.

16. Там же, с. 252.

цендентальное исследование Идеи языкового бессознательного, которое уже не упускает свой объект. В своей лекции по семиологии кино 19 марта 1985 года Делёз с восхищением рассказывает о Гийоме: «Что такое потенциальное означающее у Гийома? Движение. Вот это совпадение! Просто праздник какой-то. Какая встреча!»¹⁷ Он представляет Гийома как последнего из великих лингвистов-философов, чей главный тезис, отвергнутый большинством его коллег, состоит в том, что слово как минимальная единица значения имеет только один смысл, который он называет «потенциальным означаемым»¹⁸. Это измерение отсылает к идеальной материи, предсуществующей дискурсу, без которой, однако, нельзя обойтись: «Это воскрешение философии, которое происходит за спиной у лингвистики и которое так ненавистно лингвистам»¹⁹. В психомеханизации языка Гийом не так далек от делезовских задач. Он не переставал упрекать других лингвистов в том, что они придерживались только зримых фактов: «Мысль Гийома и мысль Делёза сближаются друг с другом в утверждении того, что виртуальное/потенциальное столь же реально, как актуальное/действительное»²⁰.

Утверждение собственной онтологии различия заставляет Делёза уделить в своей диссертации больше места теориям тех, кто представляется мэтрами структурализма в 1960-е годы. Так, он признает за Фрейдом заслугу утверждения догенитальной сексуальности, образованной частичными влечениями, а за Лаканом — то, что тот развил это открытие в объекте *a*. Кроме того, с точки зрения Делёза, еще одна заслуга Лакана состоит в том, что он диссоциировал связь со временем реального и виртуального объекта, свойство которого — быть и не быть там, где он есть. Несмотря на свои достижения, психоанализ, по мнению Делёза, остался заложником философии репрезентации субъекта, подчинив свою теорию повторения принципу тождественности в прошлом или аналогии и сходства в актуальности.

Точно так же, как вклад Лакана, он приветствует и прочтение Альтюссером и альтюссерийцами творчества Марк-

17. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 19 марта 1985 года, звуковой архив, BNF.

18. «Потенциальное означаемое», согласно Гийому, — это бессознательная динамика, организующая полисемию данной лексемы. Значение слова в дискурсе, таким образом, — это всегда сборка или сочетание слова языка (потенциального означаемого) и контекста.

19. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 19 марта 1985 года, звуковой архив, BNF.

20. Пьер Бланшо, интервью с автором.

са: «Альтюссер и его соратники были, таким образом, глубоко правы, показав присутствие в „Капитале“ подлинной структуры и отвергнув историцистские интерпретации марксизма»²¹. У Делёза неплохие отношения с Альтюссером: в 1964 году Альтюссер приглашает его читать лекции в Высшей нормальной школе на улице Ульм. Делёз отказывается, потому что в это время как раз обосновался в Лионе: «Спасибо за твое письмо и за предложение. Увы, увы. Меня не назначили в Гренобль, где меня плохо приняли, и я сделал финт и еду в Лион занимать странную должность профессора морали. Собираюсь там обосноваться. Так что, несмотря на все мое желание, я не смогу читать курс в Школе. Я тронут, что ты и твои ученики хотите принять меня в Школе, передай им это. Заверяю в моей искренней дружбе»²². В 1965 году Альтюссер посылает Делёзу книги — свои и своей группы. Делёз отзывался о них очень позитивно:

Я очень тронут, что ты послал мне три твоих книги. Больше-го удовольствия ты не мог мне доставить. Я их еще не дочитал, но все это так важно, что я ощущаю их влияние, не только статей, которые я читал и которыми восхищался, но и всего того, что было мне незнакомо (твое объяснение «проблемы», озабоченность, которую я с тобой разделяю), а также фетиша и анализа роли отчуждения. Из числа твоих соавторов я немного знаю Машре, к которому испытываю определенное уважение. Три эти книги и твой стиль произвели на меня большое впечатление... (Да, я считаю, что это очень глубокие и прекрасные книги. Я очень хотел бы с тобой о них поговорить.)²³

Превосходный текст Делёза «По каким критериям узнают структурализм?»²⁴, который его друг Франсуа Шатле опубликует в своей «Истории философии» в 1972 году, на самом деле написан еще в 1968 году, то есть до знакомства с Гваттари, и от-дан Альтюссеру:

Посылаю текст о структурализме, о котором я тебе говорил. Я уже упоминал, что в нем ставил себе целью произвести более стро-гую популяризацию, чем это обычно бывает. Но я забеспокоился. Потому что у меня такое ощущение, что я то пишу очень темно и непонятно, то несу какой-то бред (частично в заключительном

21. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 230. Перевод изменен. — Прим. пер.

22. Жиль Делёз, письмо Луи Альтюссеру, фонд Альтюссера, 29 октября 1964 года, ГМЕС.

23. Жиль Делёз, письмо Луи Альтюссеру, фонд Альтюссера, 28 февраля 1966 года, ГМЕС.

24. Жиль Делёз, «По каким критериям узнают структурализм?», *Марсель Пруст и знаки*, СПб.: Алетейя, 1999.

параграфе о «последних критериях»). Но я все равно тебе его посылаю, потому что, с одной стороны, речь в нем идет о тебе, а с другой, потому что ты должен сам мне сказать, можно ли его публиковать. Сделай мне одолжение, прочти его очень откровенно. Написать что-то плохое — это всегда может быть поучительным, но публиковать — нет. Может быть, нужно убрать последнюю часть²⁵.

В этом фундаментальном тексте, в котором он представляет структуралистскую парадигму, Делёз пытается выявить в нескольких исследуемых областях ряд критериев, общих для структуралистских исследований независимо от того, на каком поле они разворачиваются — лингвистическом, литературном, антропологическом, психоаналитическом или социологическом. Первый критерий — центральное место символического измерения, которое связывает реальное и воображаемое: открытие этого третьего термина приписывается структурализму, и в этой области, как и в других, роль самой передовой науки выполняет лингвистика. Второй критерий — критерий локализации, или позиции. Смысл элементов структуры связан исключительно с их позицией, и Делёз хвалит Леви-Стросса за его «строгое» доказательство этого. Это основа структуралистских амбиций, направленных на то, чтобы стать типологией, логикой реляционного. Делёз, таким образом, считает очень близким этот способ придания значимости тому, что он называет планом имманентности. Третий и четвертый критерии, предложенные Делёзом, еще больше сближают его со структуралистской парадигмой, потому что речь идет о важности дифференциального и сингулярного: «Любая структура есть множественность»²⁶, — утверждает Делёз, давая здесь прочтение структуралистской парадигмы, сближающее ее с его собственной онтологией различия, что очевидно, когда он заявляет: «скажем о структуре: реальна, не будучи актуальной, и идеальна, не будучи абстрактной»²⁷. Он разделяет утверждение Леви-Стросса о том, что бессознательное всегда пусто и зависит только от своих структурных законов. Здесь Делёз еще очень далек от негативной оценки, которую даст позднее, после знакомства с Гваттари, когда они вместе будут разоблачать эту концепцию, назвав ее анорексической концепцией бессознательного. Пока еще структурализм предстает во всей своей позитивности.

25. Жиль Делёз, письмо Луи Альтюссеру, фонд Альтюссера, 28 февраля 1966 года, ГМЕС.

26. Жиль Делёз, «По каким критериям узнают структурализм», с. 145.

27. Там же, с. 148.

Пятый критерий — серийность, позволяющая придать структуре импульс. Здесь Делёз чувствует себя настолько близким к структурализму, что делит «Логику смыслов» на 34 серии. Шестой критерий, очень важный для структурализма, — принцип пустой клетки: знаменитой нулевой степени языка, бессознательного. Делёз отмечает, что оно всегда отсутствует на своем месте, и это отсутствие рождает движение: «нет структурализма без нулевой степени»²⁸.

В «Логике смысла» снова встречается амбивалентное отношение к структурализму, которое присутствовало в его диссертации — некоторая очарованность методом, который позволяет смыслу циркулировать вокруг нулевой точки, пустой клетки на уровне поверхности. Пока еще Делёз видит в структуре эквивалент машины. Текст Гваттари «Машина и структура» тем более его привлекает, что Гваттари пошел дальше него в критике структурализма.

Еще в 1969 году Делёз утверждал: «Структура — это фактически машина по производству бестелесного смысла»²⁹. Эти лингвистические, антропологические, психоаналитические исследования, вращающиеся вокруг пустой клетки, которая точно так же может быть местом смерти, нулевой ценности, плавающим означаемым, ставят под вопрос схему каузальности, потому что причина отсутствует на своем месте. Делёз, таким образом, заявляет:

В конечном счете значение структурализма для философии и для мысли в целом измеряется тем, что он смещает границы³⁰.

Приятно, что сегодня снова звучит: смысл — это вовсе не принцип и не начало, это продукт. Смысл — не то, что можно открыть, восстановить и переработать; он — то, что производится новой машинерией. Он принадлежит не высоте или глубине, а скорее поверхностному эффекту³¹.

Делёз усматривает в этой ориентации освобождение от трансцендентности, утверждение ценности плана имманентности и потенциально продуктивную машинерию смысла. Он хочет, чтобы этот смысл свободно размножался и распространялся, способствуя возникновению доиндивидуальных сингулярностей.

В «Логике смысла» Делёз очень близко следует за структуралистскими работами, посвящая им несколько глав, которые

28. Жиль Делёз, «По каким критериям узнают структурализм», с. 153.

29. Жиль Делёз, *Логика смысла*, Москва: Академический проспект, 2011, с. 98.

30. Там же, с. 99.

31. Там же.

у него называются сериями, но при этом продолжая разработку собственной метафизики. Он, в частности, опирается на работы Бенвениста, различавшего три формы пропозиции: отношение обозначения индивидуализированной вещи, называемое дейктическим, затем манифестацию и, наконец, означивание. К этим трем уровням, изученным лингвистами, Делёз добавляет четвертый — аспект смысла, открытый стоиками вместе с вопросом о событии: «Смысл — это выражаемое предложения, это бестелесное на поверхности вещей, сложная и нередуцируемая ни к чему иному сущность, чистое событие, которое упорствует и обитает в предложении»³².

В подходе, предложенном Делёзом, который частично опирается на работы лингвистов, увязанные с его собственной философской ориентацией, знак и смысл — уже не два разных слоя или два альтернативных горизонта. Наоборот, они неразрывно связаны: «Как сказал Бергсон, мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы „сразу“ помещены в смысл»³³. Мы уже застигнуты смыслом, к которому регрессируем в безграничном размножении-распространении, что так хорошо продемонстрировал Фреге для логики или Кэрролл для литературного письма. Делёз критически реагирует на альтернативу между бесконечным регрессом, с одной стороны, и стерильным раздвоением, окончательной фиксацией смысла, с другой — «одно или другое»³⁴, — которая еще господствует в гуссерлевской феноменологии. Чистому событию свойственно преодолевать любой дуализм и раскрываться горизонту невозможных объектов, парадоксов, доходящих до абсурда и оксюморона, вроде круглого квадрата, непротяженной материи, гор без долин... «это объекты „без родины“, они вне бытия... они из „сверх-бытия“ — чистые, идеальные события, не реализуемые в состоянии вещей»³⁵. Подчеркивая парадоксальный характер регрессии, Делёз указывает на то, что сила может быть только серийной. Если он и возвращается к структуралистскому различению между означающим и означаемым, то дает ему другое определение, называя означающим любой знак, несущий в себе элемент смысла, а означаемым — то, что коррелирует с этим аспектом: «Означаемое никогда не является смыслом как таковым»³⁶, оно является концептом.

32. Там же, с. 32.

33. Там же, с. 44.

34. Там же, с. 49.

35. Там же, с. 53.

36. Там же, с. 56.

То, на чем настаивает Делёз в неизменном стремлении утвердить философию парадокса, двойника, конфликта, поддерживаемого в оксюмороне, — это сопричастие смысла и не-смысла, которые не находятся в отношениях исключения ложного истинным. Делёз переворачивает «панлингвизм», характерный для его времени. В тот момент, когда повсеместно заявляется, что все структурировано как язык, все исходит из языка, Делёз отводит языку второстепенную роль по сравнению с тем, что преобладает, согласно его теории, — событием: «Именно события делают язык возможным»³⁷. Начало не имеет отношения к системе языка, оно является актом речи, и здесь Делёз расходится с господствующим в тот момент соссюрианством, поскольку реабилитирует значимость речи: «Мы всегда начинаем в порядке речи»³⁸. Событие становится у Делёза трансцендентальным горизонтом языка, условием его возможности.

Свергнуть структурализм посредством гуманитарных наук

«Сборка Делёз-Гваттари», образуемая в 1969 году, в итоге радикализирует критическую позицию их обоих, но принимает чисто полемический поворот *между* ними в начале 1970-х годов. Первые слова «Анти-Эдипа» подчеркивают отказ от любого структуралистского замыкания, даже если в отсутствие субъекта, «я», эти постулаты намекают на полиморфные машинные логики. Они утверждают абсолютный примат множественностей над структуралистским бинаризмом. «Анти-Эдип» задуман как самая настоящая машина войны со структурализмом и немало способствует ускорению деконструкции парадигмы, начатому в 1967–1968 годах. Он станет адской машиной, которая взорвет структуралистскую парадигму изнутри.

Формализму структуралистских исследований Делёз и Гваттари самым фактом совместного письма противопоставляют эксперимент. Их замысел в том, чтобы противопоставить структуралистской парадигме социальные науки, опираясь на новое толкование достижений антропологии, семиотики, психоанализа, истории, когда эти дисциплины оспаривают и разрушают структуралистскую схему. Таким образом, вопрос в том, чтобы практиковать вдвоем метод «перверсии», который Делёз разрабатывал, чтобы вырваться из структуралистского замыкания.

37. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 238.

38. Там же.

Машины, по Делёзу и Гваттари, бывают самыми разными: техническими, кибернетическими, машинами войны, экономическими, означающими, желающими, институциональными, но они могут быть и литературными. Это слово — настоящий лозунг, призванный отменить другой лозунг эпохи — структуру. Машина занимает настолько важное место, что, готовя в 1970 году переиздание «Пруста и знаков», Делёз добавляет вторую часть под названием «Литературная машина». Она включает описание «трех машин» из «Поисков утраченного времени». «Анти-Эдип» начинается с главы, посвященной желающим машинам, понятию, которое несколько лет спустя в «Тысяче плато» авторы забросят, скорее всего потому, что оно выполнило свою функцию по подрыву понятия структуры, которое бессмысленно критиковать в 1980 году, когда от структуралистской парадигмы остались одни воспоминания.

Свергнуть структуралистскую семиологию

Избранный «Анти-Эдипом» противник, «структурированный» Лаканом психоанализ, опирается на сосюрдовскую концепцию языка. Делёз и Гваттари в связи с этим в пух и прах разносят сосюрдовскую теорию знака. Они даже видят в ней «тень восточного деспотизма. Сосюр настаивает: произвольность языка обосновывает его суверенность, подобно служению или обобщенному рабству, на которое обречена „масса“»³⁹. Впрочем, отношения означающего и означаемого у Сосюра асимметричны, в них наблюдается абсолютный перевес означающего. Пустая клетка, действующая путем последовательного схлопывания всех уровней и ранее казавшаяся позитивным моментом, теперь становится заложницей концепции языкового поля, определяемого Сосюром как трансцендентность, вращающаяся вокруг господствующего означающего.

Делёз и Гваттари противопоставляют этой лингвистике означающего совершенно иную лингвистику — лингвистику потоков. Решающий вклад Гваттари в этом вопросе очевиден, как показывают подготовительные материалы к «Анти-Эдипу»⁴⁰. Ельмслев, придумавший «глоссематику», заложил основы лингвистики еще более формализованной, чем сосюрдовская. То, как ее применяют Делёз и Гваттари, имеет мало отношения собственно к глоссематике, и смысл, который Ельмслев вкладывал в свои

39. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 326.

40. Félix Guattari, *Écrits pour L'Anti-Œdipe*, textes agencés par Stéphane Nadaud.

понятия, бодро переиначивается. Их истинная цель — использовать эту интерпретацию как машину войны с Соссюром, чтобы найти место для настоящей прагматической лингвистики. Поэтому они, как им кажется, находят у Ельмслева настоящий план имманентности, который отвечает их стремлению создать лингвистическую «имманентную алгебру языков»⁴¹.

Прежде всего Делёз и Гваттари заимствуют у этого лингвиста — в своем собственном толковании — различие плана выражения и плана содержания, которые оказываются полностью взаимообратимыми: «Исходя из их функционального определения, невозможно утверждать, что одну из этих величин следует называть выражением, а другую — содержанием»⁴². Это различие исходит из слоев, планов консистентности, ломающих соссюровский бинаризм. По сути дела, образуется единый план консистентности, разворачивающийся во множестве страт. Делёз и Гваттари приписывают, таким образом, Ельмслеvu заслугу освобождения исследований языка от их оков, их максимального раскрытия в направлении теории знака, которая призвана охватить всё. Гваттари видит в «Лингвистических эссе» Ельмслева еще и пролегомены к их теории коллективного агента высказывания и, следовательно, возможность преодоления соссюровской дихотомии языка и речи. Ельмслев, таким образом, используется для создания семиотической машины, которую Делёз и Гваттари строят для борьбы со структуралистской семиологией, что нашло отражение в тексте «Анти-Эдипа»:

Лингвистика Ельмслева по своему существу противостоит соссюровскому и постсоссюровским начинаниям. Потому что она оставляет всякую привилегированную референцию. Потому что она описывает чистое поле алгебраической имманентности, над которым уже не может возвышаться никакая трансценденция, пусть и отступившая⁴³.

Эта имманентная теория языка позволяет соединить вместе форму и субстанцию, содержание и выражение, «в соответствии с потоками желания... [и] срезает эти потоки по знакам-точкам или фигурам-шизам»⁴⁴.

В период 1972–1980 годов, когда была опубликована «Тысяча плато», Делёз и Гваттари открывают еще одного теоретика языка, которого можно противопоставить Соссюру: семиотика

41. Louis Hjelmslev, *Prolégomènes à une théorie du langage*, Paris: Minuit, 1968, p. 11.

42. Ibid., p. 85.

43. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 382.

44. Там же, с. 383.

Чарльза Сандерса Пирса, основоположника прагматизма, определявшего мысль как знак⁴⁵. Согласно Пирсу, мысль разворачивается, исходя из семиотического треугольника (знак-объект-интерпретант), который отсылает к неопределенному диалогу интерпретаций. Пирс, таким образом, убирает лингвистику с центрального места, она выступает теперь только как подраздел общей семиологии и подчиняет правила языка их использованию. Смысл в таком случае проявляется в своем практическом аспекте. Еще один важный поворот, который произвел Пирс, состоит в том, что мир теперь мыслится не как физический, а как семиотический в фундаментальном смысле. Делёз и Гваттари, со своей стороны, отвергают альтернативу между физическим и семиотическим.

В «Тысяче плато» ориентация на прагматизм особенно подчеркивается в качестве альтернативы соссюрианству. На этот раз речь превалирует как выражение действия, а высказанное, как элементарная единица языка, понимается как «приказ»⁴⁶. Язык предстает как информативный, тогда как на самом деле он прежде всего перформативен. Делёз и Гваттари опираются на теорию Джона Остина⁴⁷ о внутренних отношениях между действием и словом в перформативах, а также на работы Освальда Дюкро.

Эту радикальную критику лингвистического структурализма можно найти в текстах Гваттари, написанных им одним на всем протяжении 1970-х годов. В курсе, который он читал студентам Колумбийского университета в Париже в *Reed Hall* по приглашению Сильвера Лотренже в 1973 году, он развивает тему микрополитики желания. С первых же слов он ополчается на «структуралистский анализ, стремящийся замаскировать фундаментальную дуальность содержания и выражения, уделяя внимание только выражению и вывода за скобки содержание»⁴⁸. Он считает, что прежде чем структурироваться правилами языка, содержания структурируются множественностью микрополитических уровней. В этом курсе 1973 года Гваттари распространяет свою критику и на альтюссерианскую теорию:

По нашему мнению, не следует цепляться за оппозицию науки и идеологии, в особенности так обсессивно, как это делают альтюссерианцы... Таким образом, мы не признаем радикаль-

45. Charles Sanders Peirce, *Écrits sur le signe*, Paris: Seuil, 1978.

46. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 125.

47. John Austin, *Quand dire, c'est faire*, Paris: Seuil, 1970.

48. Félix Guattari, «Pour une micro-politique du désir» (1975), *La Révolution moléculaire*, p. 241.

ный эпистемологический разрыв между концептуальным полем чистой науки и иллюзорной и мистифицирующей идеологией⁴⁹.

Гваттари выступает перед экономистами в университете Париж-Дофин на коллоквиуме, организованном IRIS (Институт международных и стратегических отношений), сравнивая структурализм с болезнью: «Нет никаких причин для того, чтобы экономическая наука смогла избежать болезни, которая с некоторых пор прокатилась по наукам о языке, антропологии, психоанализу и так далее: я назвал ее структурализмом»⁵⁰. Чуть позднее, в 1979 году, он накинется на Хомского за слова о том, что «прагматизм, подобно свалке», собирает все бессмысленное и незначимое. Само название главы «Выйти за рамки языка» подчеркивает стремление предложить линию ускользания от панлингвизма эпохи, чтобы восстановить связь языковедения с другими слоями социального универсума. В связи с этим он критикует лингвистику, которая обзавелась эпистемологической моделью, позаимствованной у точных наук, и подражает им, чтобы легитимировать себя в качестве науки. В результате она повернулась спиной к контингентным социально-историческим особенностям: «Все происходит так, как будто социум должен подчиниться языку!»⁵¹ Напирая на этот разрыв и очищение, лингвисты стали «империалистами»!⁵²

Нет языка в себе, заявляет Гваттари, опираясь, как и в дальнейшем в «Тысяче плато», на работы историков, показывающие, что по мере унификации язык принимает политический характер⁵³. Таким образом, степень стабилизации языка связана с балансом власти и предполагает историзацию. Самое главное — это сборки: «Сборки потоков и кодов предшествуют дифференциациям формы и структуры»⁵⁴. В 1979 году Гваттари уже провозглашает себя горячим сторонником общей прагматики, включающей разные семиологии. Позднее он вернется к этой тематике в «Тысяче плато», где подчеркивается политический аспект функционирования языков.

49. Félix Guattari, «Pour une micro-politique du désir» (1975), *La Révolution moléculaire*, p. 274.

50. Félix Guattari, «La valeur, la monnaie, le symbole», *La Révolution moléculaire*, p. 291.

51. Félix Guattari, *L'Inconscient machinique*, éd. Recherches, 1979, p. 23.

52. Ibid., p. 24.

53. Michel Decerteau, Dominique Julia, Jacques Revel, *Une politique de la langue*, Paris: Gallimard, 1975.

54. Félix Guattari, *L'Inconscient machinique*, p. 13.

Хотя Делёз и Гваттари устанавливают корреляцию с конкретным социумом, эти течения в семиотике, однако, не отождествляются с конкретным политическим моментом, и не стоит вопрос о том, чтобы противопоставить статическому, чисто синхронному структурализму эволюционистский континуум. Наоборот, нужно подчеркнуть примат смесей, гибридных. Условиями интеллигибельности этих режимов знаков становятся сами сборки. Переход от одного знакового режима к другому всегда определяется основополагающим событием, которое прерывает поток, заставляет идти непроторенными путями. Так, в начало «пятого плато» вынесены две даты: 587 год до н.э. и 70 год н.э., два разрушения Храма, вынуждающие еврейский народ отправиться в путь. Еврейский пророк, таким образом, воплощает в себе неизбежность того, что мысль переходит к действию, побуждая иудеев сняться с места, через разрушение Храма. Он становится эпонимом для конкретного случая анализа преобразовательной семиотики, способной перейти от означающей семиотики к семиотике субъективизации. Прагматика для Делёза и Гваттари — не просто духовная добавка к лингвистике, а то, что «предполагается для всех других измерений и проникает везде»⁵⁵.

Шизоанализ против психоанализа

Желающая машина должна проложить себе путь внутри структур, чтобы взорвать господствующее означающее, которое отстаивают лаканианцы. Психоаналитическая интерпретация исходит из понятия первичной нехватки, отсутствия, тогда как субъективные разрывы, настоящие разрывы потоков, согласно нашим авторам, отталкиваются от переполненности. Эпистемологически находящийся рядом со своим объектом, психоанализ подвергается критике плюс ко всему как проект нормализации, подавления, продолжающий традицию запираения и замыкания в себе, начало которой положила психиатрия XIX века: «Вместо того, чтобы участвовать в деле действительного освобождения, психоанализ участвует в самом общем буржуазном подавлении»⁵⁶.

Психоанализ есть не что иное, как фамилиализм, вооружившийся псевдонаучным дискурсом. Поэтому желаящая машина должна сбросить оковы эдипальности, чтобы освободить

55. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 128.

56. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 82. Перевод изменен. — Прим. пер.

продуктивные силы бессознательного и шизофренизировать их. Рядом с развернутым опровержением постулатов психоанализа у Делёза и Гваттари можно встретить лозунги, вышедшие напрямик из событий мая 1968-го, например: «Мы все шизофреники! мы все извращенцы! каждый из нас — слишком вязкое или слишком текучее либидо!...»⁵⁷ Постоянное превращение психоаналитиками любого проявления бессознательного в эдипов комплекс показывает, что психоанализ несет в себе метафизику, которую необходимо подвергнуть материалистической критике. Будучи сторонниками конъюнктивной дизъюнкции, наши авторы критикуют психоанализ за систематическое использование разделительных союзов, «или... или», которые совершенно неведомы шизофренику, что делает его чуждым фрейдистскому дискурсу.

Цель шизоанализа — восстановить связь бессознательного с социальным и с политикой. Понятийный аппарат, построенный вокруг эдипова комплекса, был одновременно и формой механицистского редуccionизма, и простым в применении подходом. Структуралистский аппарат лаканизма брал на себя функцию вытеснения желания, доводя до конца на терапевтическом уровне работу аппарата подавления: «Протягивая желанию кривое зеркало инцеста („ну, ты этого хотел“), желание унижают, оглушают, загоняют в безвыходное положение, с легкостью убеждают в необходимости отказаться от „самого себя“»⁵⁸.

Дать новый импульс желанию, сделать его продуктивным — первостепенная функция желающей машины, которая должна заменить изолирующую эдипальную структуру. Вот только еще нужно разрушить постулируемое структуралистское единство машины. Различие может располагаться на уровне и молярных, и молекулярных машин, лишь бы желание относилось к порядку производства, неважно, на каком уровне оно осуществляется — на микро- или макро-. Структуралистское единство, основанное на теории нехватки, навязывает молярный ансамбль: «Вот в чем заключается структурная операция — она создает нехватку в молярной системе»⁵⁹.

Эту поляризацию между молярным и молекулярным ввел Гваттари, и она берет свое начало в институциональной психотерапии в Ла Борд. Исходно это было средство борьбы с молярными логиками стратификации, бюрократизации и рутиниза-

57. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 110. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

58. Там же, с. 191.

59. Там же, с. 482.

ции организаций, ежеминутно высвобождающее молекулярные потоки и их интенсивности, способные ослабить действие кодов молярного полюса: «Различие макро- и микро- очень важно, но оно скорее принадлежит Гваттари, чем мне. Мое — это скорее различение двух множественностей. Для меня это самое главное»⁶⁰. Гваттари предложил Делёзу противопоставить молекулярную и молярную инаковость воображаемой инаковости у Лакана, который произвел «лингвистизацию молярных ансамблей и отказался от привычного генетизма. Все было сведено к структурализму по лингвистическому образцу. Получилась абсолютная инаковость, структуралистская, лингвистическая и без гарантий»⁶¹.

Даже если признать заслугу Лакана в том, что благодаря объекту *a* он открыл нечто, относящееся к порядку молекулярного, поскольку этот объект, будучи частичным, всегда ускользает, оказывается лишним по отношению к структуре, Лакан все равно остался ее заложником. Напротив, шизоанализ, называющий себя материалистическим подходом, намерен противопоставить эндогенным играм структуры означающее вмешательство внешнего. Шизоанализ представляется прежде всего носителем экспериментального режима. Подобно «механику, микро-механику»⁶², нужно искать у каждого не глубоко запрятанный секрет, а желающие машины, работающие особым образом со всеми своими сбоями, ускорениями, прерываниями потоков, становлениями: «Значимы не линии давления бессознательного, а, напротив, его линии ускользания»⁶³.

Определяя бессознательное как множественность интенсивностей и избытков, Делёз и Гваттари возвращают в оборот то, что было вытеснено структурализмом. Здесь можно вслед за Жюлем Бирманом предположить, что клиника, за которую они ратовали, ставит своей задачей вернуть экономическую проблематику фрейдовской метапсихологии, то есть аспект, связанный с влечениями, который был полностью вытеснен лаканизмом. Выступая против формалистской, чисто символической концепции бессознательного как структуры, функционирующей по лингвистической модели, Делёз и Гваттари «выдвинули в „Анти-Эдипе“ предположение о том, что бессознательное насквозь пронизано влечением, или, говоря иными словами,

60. Gilles Deleuze, «Réponse à une série de questions», nov. 1981, dans Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, Paris: Belin, 1999, p. 131.

61. Félix Guattari, *Écrits pour L'Anti-Œdipe* (14.11.1970), p. 185.

62. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 532.

63. Там же.

что не может быть бессознательного без интенсивностей»⁶⁴. Желаящая машина возвращает в оборот влечение с его эксцессами, мобильностью и разрывами, с его способностью к дизъюнкции. В этом плане шизофрения представляет двойной интерес: она показывает неспособность психоаналитического дискурса, даже в его структуралистском изводе, с его Эдипом в квадрате, объяснить и вылечить ее патологию. Но шизофреник также интересен как фигура, воплотившая в себе сингулярную имперсональность, которую Делёз и Гваттари ищут, чтобы противопоставить одновременно и десингуляризированной структуре, и персонализму.

Политическая антропология против структуралистской антропологии

Отношение к Леви-Строссу в «Анти-Эдипе», в котором главной мишенью выступала психоаналитическая практика, явно было менее полемическим, чем к Лакану. Тем не менее имеет место определенное дистанцирование и от структуралистской антропологии. Делёз и Гваттари опираются на Эдмунда Лича, для которого любая совокупность напрямую наблюдаемых эмпирических данных характеризуется отсутствием структуры; у Лича это не означает, что структуры нет, просто структура — принцип своего собственного дисбаланса.

Делёз и Гваттари, таким образом, отвергают идею холодных обществ, примитивных обществ без истории, основанных на простом воспроизводстве того же самого: «Идея того, что примитивные общества не имеют истории, что в них господствуют архетипы и их повторение, — особенно слаба и неадекватна»⁶⁵. Даже если вина за эту идею не возлагается на Леви-Стросса, именно он разделил цивилизации на горячие общества, функционирующие по модели термодинамики, и холодные общества, функционирующие по модели часового механизма и защищающиеся при помощи повторения от любого алеаторного элемента, который мог бы вызвать изменение.

Делёз и Гваттари также хотят опровергнуть классический постулат Леви-Стросса о том, что универсальность обмена женщинами связана с желанием избежать замыкания общества в себе: «Дело обстоит вовсе не так, что некая исходно

64. Joël Birman, «Les signes et leurs excès. La clinique chez Deleuze», dans Éric Alliez (sous la dir.), *Gilles Deleuze. Une vie philosophique*, Synthélabo, 1998, p. 485.

65. Ibid., p. 177.

закрытая система расширяется вовне. Нет, открытие первично, и основывается оно на гетерогенности элементов, которые составляют возмещения и компенсируют неравновесие, смещая его»⁶⁶. Делёз и Гваттари оспаривают поэтому универсальный закон о запрете инцеста, открытый Леви-Строссом и считающийся непреложным для любого общества на любых широтах. Они утверждают, что сама идея такого запрета не имеет смысла, потому что «инцест не существует» в целом ряде примитивных обществ⁶⁷.

Делёз и Гваттари опираются на проведенные Мейером Фортесом исследования территориальных логик, которые предшествуют логикам обмена женщинами: «Проблема не в циркуляции женщин... Женщина циркулирует сама по себе. Распоряжаются не ею, а юридическими правами на потомство, которые передаются определенному лицу»⁶⁸. Земля с ее территориальными сегментациями, таким образом, предшествует матримониальным обменам, а правила родства оттесняются на второй план территориальными кодами социума. Опровергая тезис Леви-Стросса, Делёз и Гваттари утверждают: «Система родства является не структурой, а практикой, праксисом, методом и даже стратегией»⁶⁹.

Сама идея возможного замыкания системы родства происходит из ошибочной точки зрения, отрывающей матримониальные практики от их экономической и политической основы. На примере индейцев гуаяки Пьер Кластр показал, что чистых кочевников не бывает, потому что всегда есть стоянки, на которых накапливаются хотя бы небольшие ресурсы, чтобы питаться, заключать браки и т.д.⁷⁰ Критика эпистемологического характера, которую Делёз и Гваттари адресуют представителям структуралистской антропологии, равно как и любой другой структуралистской семиологии, касается того, что такая антропология делает акцент на сфере обмена и циркуляции в ущерб социальному производству и воспроизводству. Для них же машина опять-таки противостоит структуре, поскольку она — ее сильное звено: «Никогда размягченная структура не смогла бы функционировать и не создала бы никакой оборот, если бы не жесткий машинный элемент, который управляет записями»⁷¹.

66. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 237. Перевод изменен. — Прим. пер.

67. Alfred Adler, Michel Cartry, «La Transgression et sa dérision», *L'Homme*, juillet 1971.

68. Meyer Fortes, dans «Recherches voltaïques», 1967, p. 135–137.

69. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 232.

70. Pierre Clastres, *Chronique des Indiens Guayakis*, Paris: Plon, 1972.

71. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 296–297.

Все виды деятельности пронизывают опыт, сегментируя его пространственно или социально, сочетая разные типы сегментации — линейные, бинарные, круговые. Именно африканисты, не имевшие отношения к структурализму, такие как Мейер Форте, Эванс-Притчард и некоторые другие, сумели показать, что политическая система примитивных обществ, не имевших государственности, смогла инкорпорировать территориальные системы и сегментарности, опираясь на отношения родства и апроприируя их в соответствии с гибкой, гибридной системой. Делёз и Гваттари отлично видят работающую здесь бинарность, но противопоставляют примитивные общества с гибкой сегментацией современным обществам, в которых она жесткая. Для обоснования своего тезиса они привлекают реформу афинянина Клисфена из Древней Греции, построившего политическое пространство гражданства на перекодировании сегментов родовых линий ради создания гомогенного пространства. Но эти два вида сегментарности переплетены друг с другом, и можно увидеть гибкость в сердцевине самых забюрократизированных систем, как это показал Кафка⁷². И наоборот, внутри примитивных обществ можно наблюдать узлы одеревенения, затвердевания. Это пересечение сегментарностей присуще любому обществу или индивиду, и на нем основан господствующий характер политики: «Короче, все является политикой, но любая политика — это сразу и *макрополитика*, и *микрополитика*»⁷³. Микрополитика, намечаемая этими наблюдениями и приоритетом, отдаваемым политическому, выступит в качестве главного понятия, когда будет опубликована «Тысяча плато», где она придет на смену шизоанализу, став его эквивалентом.

Структуралистской антропологии Делёз и Гваттари противопоставляют в «Анти-Эдипе» совершенно иную историческую и политическую антропологию, которая разворачивается в соответствии с двумя полюсами, один из которых — логика потоков раскодирования, а второй — логика процессов перекодирования. Даже если структурализм не подходит для изучения примитивных обществ, функционализм выглядит не намного лучше, поскольку задается вопросом, для чего служит тот или иной институт, и предполагает отыскать смысл в его функции. При этом признается, что этнологи значительно опережают психоаналитиков, застрявших на этапе выяснения, что значит та или иная вещь. Ложным вопросам шизоанализ

72. См. главу 13 настоящего издания.

73. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 349.

противопоставляет внимание к применению: «Как это работает — единственный вопрос»⁷⁴.

Именно его задают Делёз и Гваттари, и именно он заставляет их дифференцировать три типа обществ: дикари, варвары и цивилизованные общества, в зависимости от степени детерриториализации потоков. Они, таким образом, строят самую настоящую политическую антропологию, в которой движущая роль отводится одновременно поступательному и прерывистому процессу раскодирования, провала кодов и освобождения потоков. На каждом этапе центральные этатические структуры, будь то деспотические или феодальные, сдаются под натиском сил раскодирования, которые подчиняют себе институциональные этатические формы, чтобы заставить их себе служить. Мало-помалу всевозможные потоки начинают навязывать свои законы: «Поток владений, которые продаются, денежный поток, который течет, потоки производства и средств производства, которые подготавливаются в тени, поток трудящихся, которые детерриториализуются»⁷⁵. Характеристикой капиталистической машины является способность связывать все эти раскодированные потоки, заставляя их вместе играть на одном и том же разделении, чтобы образовать систему. Эта реконструкция истории человечества ни в коей мере не выступает в качестве новой телеологии, поскольку ею движет контингентность событий, заставляющих социальные становления принимать то или иное направление.

«Ведь, несомненно, ни капитализм, ни революция, ни шизофрения не идут путями означающего»⁷⁶. Цивилизации определяются степенью кодирования или раскодирования потоков. Капиталистические потоки отличаются от шизофренических тем, что последние оказываются заблокированными, потому что капитализм перекодирует и устанавливает непреодолимые пределы. Капиталистический модерн не ошибся в своей политике «великого запирания», проанализированной Фуко. Если капитализм видит в шизофрении характерные черты своей собственной тенденции к раскодированию и детерриториализации, он также видит в ней свой внешний предел и может функционировать только «при условии замедления этой тенденции»⁷⁷. Как любое общество, несущее в себе это напряжение между двумя главными полюсами, тенденциями к детеррито-

74. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Анти-Эдип*, с. 284.

75. Там же, с. 353.

76. Там же, с. 386.

77. Там же, с. 388.

риализации и ретерриториализации, капитализм оказывается глубоко амбивалентным явлением.

Согласно Делёзу и Гваттари, таким образом, друг друга сменяют три социальные машины, каждая из которых имеет свою доминанту. Первая машина, машина дикарей — территориальная, стремящаяся закодировать потоки на полном теле земли. После нее имперская машина варваров перекодирует потоки на самом теле деспота и его бюрократического аппарата власти. Наконец, современная, цивилизованная, капиталистическая машина раскодирует потоки и реализует имманентность. Так на примере конкретного плана исторической реализации человечества происходит развертывание общей теории потоков, множественностей и примата производительных машин, нашедшей свою динамику и аксиоматику и порвавшей с чисто синхронистическими, структуралистскими толкованиями, которые придают главное значение инвариантам и постоянствам и обесценивают события.

Глава 13

«Малая» литература под двойным прицелом

НА НЕТОРНОМ пути, ведущем Делёза и Гваттари от «Анти-Эдипа» (1972) к «Тысяче плато» (1980), важной вехой была публикация «Кафки» в 1975 году¹. Событие, которым стала эта публикация, связано не столько со свежим и оригинальным прочтением литературного произведения, вызывающего восхищение у обоих. Это прежде всего повод поэкспериментировать с ключевыми концептами, которые они в дальнейшем могут развивать и разворачивать в «Тысяче плато». Ради этой новой книги Делёз и Гваттари переходят от критической позы «Анти-Эдипа», направленной на разоблачение психоанализа, к особой, только им присущей утвердительной позиции, которую они проверяют на творчестве великого писателя.

«Это ризома, нора»

В «Кафке» впервые появляется концепт «ризомы», который мы находим в первых же строках книги: «Как войти в творчество Кафки? Это — ризома, нора. У Замка „множество входов“, чьи законы использования и распределения не очень-то известны. У Отеля в „Америке“ бесконечное число входов, главных и вспомогательных [...]. А значит, мы войдем с любого конца»². Известно, что этот принцип множества возможных входов, соединений в разных точках, несущих самые разные значения, этот выбор ризомы, растущей по горизонтали, а не дерева с его иерархией ветвлений, станет в 1977 поводом для публикации одноименной книги³ и послужит

-
1. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка: за малую литературу*, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015.
 2. Там же, с. 5. Перевод изменен. — *Прим. пер.*
 3. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Rhizome*, Paris: Minuit, 1977; см. главу 20 настоящего издания.

введением к «Тысяче плато». Помимо того, что концепт ризомы особенно подходит для описания запутанного мира Кафки, это еще и новое оружие в борьбе против психоаналитических интерпретаций. Противник четко обозначен на первой же странице книги: «Принцип множественности входов препятствует внедрению врага, Означающего и попыток интерпретировать творчество, приглашающего, фактически, только к экспериментированию»⁴.

В «Кафке», произведении, переходном между двумя крупными работами, также возникает важный концепт, который будет «орошать» будущую тысячу плато, — концепт сборки, давший название одной из глав книги⁵. Если в «Анти-Эдипе» ключевым концептом была желаемая машина, то «Тысяча плато», вышедшая несколько лет спустя, может быть прочитана как настоящая теория сборки. В «Кафке», находящемся посередине этого пути, еще активно используется концепт машины: Кафка и сам представлен как машина письма. Но уже можно почувствовать предстоящее изменение. Сборка становится реализацией машины благодаря соединениям, в которые она вступает.

Итак, два фундаментальных концепта философии Делёза и Гваттари, сборка и ризома, рождаются из интерпретации Кафки, в конфронтации с литературой как местом эксперимента. Как обычно, Делёз и Гваттари встают на точку зрения, противоположную той, что представлена во всех анализах, интерпретациях и исследованиях специалистов по творчеству Кафки. В литературной традиции было принято представлять его как выражение безнадежного, абсурдного мира, сталкивающегося с бюрократической логикой, с обсессией, заставляющей отчаянно биться о стену непонимания. Делёз и Гваттари, в свою очередь, представляют Кафку-комика, веселого Кафку, который всегда на стороне желаний, сталкивающегося с inferнальными логиками бюрократической машины в трех ее формах — сталинской, нацистской и либеральной американской в критической перспективе, более эффективной, чем многие узкополитические разоблачения.

Это не только очерк о Кафке, но и манифест, направленный против любых прочтений через архетипы, навязывающих тексту ту или иную интерпретацию: «Мы верим лишь в *проживание опыта* (*expérimentation*) Кафки без интерпретации и без придания значения, но с одними протоколами опыта»⁶. Как и в «Анти-Эдипе», мишенью является психоаналитическая редукция.

4. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка*.

5. «Что такое сборка?», *Кафка*, с. 103–111.

6. *Кафка*, с. 10. Перевод изменен. — Прим. пер.

Эта интерпретация Кафки решительно отвергается не только потому, что сильно обедняет подход к его творчеству, но и потому, что основана на искажении смысла. Она исходит из подлинного документа, письма, адресованного в 1919 году Кафкой отцу, в котором он винит его во всех своих бедах, в своей неспособности ни жить, ни писать, возлагает на него ответственность за все свои провалы и якобы «эдипализирует» любое отношение с миром. Но Делёз и Гваттари считают, что Кафка в этом письме имел в виду нечто совершенно иное. Гипертрофированная эдипальность для него — это способ выбраться из ситуации, ускользнуть. То есть он делает нечто противоположное тому, что предполагают психоаналитики: «Детерриториализировать Эдипа в мире, а не ретерриториализироваться на Эдипе и его семействе»⁷. Фрейдисты, таким образом, не заметили иронии, скрытой в этом намеренном гипертрофировании эдипальности.

Как и в «Анти-Эдипе», в «Кафке» психоаналитический подход критикуется за придание слишком большого веса Означающему и игнорирование эффективности машины, в данном случае литературной. Взамен Делёз и Гваттари предлагают политическую теорию литературы, строящуюся вокруг концепции имперсонального письма как результата коллективной сборки. Такой подход к творчеству радикально трансформирует статус литературного текста, который в силу его способности к аффицированию рождается из симптоматологии, самого настоящего захвата сил, трансформируемых в формы, и становится клиникой⁸.

Делёз и Гваттари, таким образом, решительно переходят в поле эксперимента и восстают против литературы, остающейся в узких границах освященных традицией канонов, противопоставляя ей силу так называемой малой литературы. Аргументация Делёза и Гваттари опирается в данном случае на анализ контекста Габсбургской империи в самый разгар ее распада, в котором предпочтение отдается центробежному движению, подчеркиваются процессы детерриториализации и провоцируются ответные формы ретерриториализации. Именно это крайнее напряжение создает атмосферу, благоприятную для расцвета сингулярных голосов, не только Кафки, но и его современников: Эйнштейна, преподающего в Праге, физика Филиппа Франка, представителей додекафонической музыки, режиссеров-экспрессионистов вроде Роберта Вине или Фрица Ланга, не говоря уже о Пражском лингвистическом кружке или о Фрейде в самой Вене, где рождается

7. Там же, с. 13.

8. Жиль Делёз, *Критика и клиника*.

психоанализ. В этой огромной, переживающей упадок империи, в которой немецкий — официальный язык, язык власти, центральной администрации, есть и другие, подчиненные языки. Кафка находится на пересечении нескольких языков: чешского, поскольку он уроженец Праги, немецкого как официального языка Австро-Венгерской империи и идиша, поскольку он еврей.

По Делёзу и Гваттари, «малая литература — это не литература малого языка; скорее она — то, что меньшинство делает внутри большого языка»⁹. Малый язык определяется своей гибридностью внутри большого языка. Для Кафки, таким образом, немецкий — язык литературы, но это особенный немецкий: «В этом смысле Кафка определяет тупик, который закрывает доступ к письму для евреев Праги и делает их литературу чем-то невозможным: невозможность не писать, невозможность писать по-немецки, невозможность писать как-то по-другому»¹⁰. Нужно в буквальном смысле выражать свою инаковость, свою чужеродность по отношению к господствующему языку: «Быть как бы чужаком в своем собственном языке: это ситуация „Великого пловца“ Кафки»¹¹. Эта экстериорность внутреннего запускает в письме два процесса, которые Делёз и Гваттари выделяют в отдельную тему в «Тысяче плато», территориализацию и детерриториализацию: «Невозможность писать иначе, чем по-немецки, выступает для евреев Праги чувством неистребимой дистанции от изначальной чешской территориальности»¹². Другая характеристика малой литературы: она носит более ярко выраженный политический характер, чем другие виды литературы. «Любое индивидуальное дело сразу подключается к политике»¹³, и потому эта литература не может подчиняться ограничивающим кодификациям психоаналитического эдипова треугольника. Наконец, малая литература не является фактом индивидуально-го субъекта высказывания, а пытается выразить через письмо, не становясь, однако, его рупором, речь народа, всегда отсутствующего. Эта литература запускает в действие коллективные сборки высказывания.

Именно в малой литературе Делёз и Гваттари находят самые живые ресурсы, самые эффективные силы, способные по-

9. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка*, с. 20.

10. Там же, ссылка на письмо М. Броду, июнь 1921 года.

11. Там же, с. 34.

12. Там же, с. 20. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

13. Там же, с. 21. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

шатнуть конвенции и существующую власть. Хотя малая литература носит прямой протестный характер, отношение большого и малого возникает не из диалектики гегелевского типа, в которой малое призвано свергнуть большое. Наоборот, малое мыслит себя в своем становлении как интенсивную вариацию, способную трансформировать большое, но его становление может быть только миноритарным, согласно определению, которое ему дают Делёз и Гваттари: «Малое поддерживается за счет существования большого подобно тому, как тело без органов требует организма»¹⁴.

Тем самым Делёз и Гваттари избегают дуализма, к которому пара малое/большое, кажется, отсылает самым естественным образом. И в этом можно увидеть влияние Кангилема, который определял «аномальное» как конститутивное различие между нормальным и патологическим, отсылающее не столько к модели нормальности, сколько к выражению необычного¹⁵. Точно так же Делёз и Гваттари определили в «Анти-Эдипе» третий термин, находящийся между капитализмом и шизофренией: шизокреативную линию ускользания, не противоположную, а лишь отличающуюся сообразно собственной интенсивности. При помощи пары малое/большое Делёз и Гваттари стремятся в конце концов «связать три теоретических уровня — онтологию жизненной силы и становления, эпистемологию культуры, задействующую логику вариации, и политическую поэзию — в своего рода теории господства и становления-революционером»¹⁶.

Начиная с «Анти-Эдипа», Делёз и Гваттари вели работу по свержению господствующего соссюррианства, поддерживавшего бинарное, дуалистическое понимание языка, который мыслился как нечто принципиально отличное от речи¹⁷. Хотя они еще не освоили, как позднее в «Тысяче плато», вклад прагматизма, Остина, Сёрла или Освальда Дюкро, если говорить о Франции, они уже внимательно следят за всем тем, что может изменить расклад, изменить ситуацию языка и вернуть ему полифонию. По этой причине Делёз сближается с лингвистом, преподававшим на отделениях психологии и английского языка в университете Венсена, Анри Гобаром,

14. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, Paris: PUF, 2005, p. 140.

15. Georges Canguilhem, *Le Normal et le Pathologique*, Paris: PUF, 1966.

16. Guillaume Sibertin-Blanc, «“Pour une littérature mineure”: un cas d'analyse pour une théorie des normes chez Deleuze», 12 mars 2003, UMR 8163, université de Lille 3, groupe d'étude animé par Pierre Macherey, Savoirs, textes, langage, «La philosophie au sens large».

17. См. главу 12 настоящего издания.

к книге которого он напишет предисловие¹⁸. Познакомившись с этой книгой, когда они с Гваттари еще работали над «Кафкой», Делёз использует предложенную Гобаром модель, в которой он видит возможность соединения социальных факторов с функционированием языка. Гобар противопоставляет сосюрровскому дуализму типологию, выстраивающуюся вокруг четырех функций языка, и делает следующее различие (которое позаимствует Делёз): первый язык — местный, родной или сельский, которым для Кафки является язык его территориального сообщества, чешский; второй язык — «общий язык обмена, торговли, циркуляции, сугубо городской»¹⁹, чья функция — отрывать от территории, все детерриториализировать, ретерриториализируя на экономические функции: в случае Кафки это немецкий; третий лингвистический уровень образован языком «референциальным, национальным и культурным, обеспечивающим память или реконструкцию прошлого»²⁰, где детерриториализация превращается в культурную ретерриториализацию, и для Кафки это все тот же немецкий, прежде всего язык Гёте; есть, наконец, язык «мифический, отсылающий к духовной, религиозной или магической земле»²¹, который отрывается от всех предыдущих функций ради религиозной ретерриториализации: для автора «Процесса» это иврит.

Делёз и Гваттари берут далее у другого лингвиста, Видаля Сефия, очень широкое определение понятия интенсивности²², которой становятся «лингвистические элементы — сколь бы разнообразны они ни были, — выражающие „внутреннее напряжение языка“»²³. Делёз и Гваттари отмечают у Кафки множество подобных «тензоров» (термин Жана-Франсуа Лиотара). Как писал Кафка в своем дневнике: «Ни одно почти слово из написанных мной не подходит другому, я слышу, как скрежещут, сшибаясь, согласные, а гласные им подпевают, как ярмарочные негры»²⁴. В этом языке, который всегда тяготеет к крайностям, «кафкианская процедура» состоит в интенсификации

18. Gilles Deleuze, «Avenir de la linguistique», préface à Henri Gobard, *L'Aliénation linguistique (analyse tétraglossique)*, Paris: Flammarion, 1976; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 61–65.

19. Gilles Deleuze, «L'avenir de la linguistique», *Deux régimes de fous*, p. 61.

20. Ibid., p. 61.

21. Ibid., p. 61.

22. Haïm-Vidal Sephiha, «Introduction à l'étude de l'intensif», *Langages*, № 18, Larousse, mai-juin 1970, p. 104–120.

23. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка*, с. 28–29.

24. См.: <https://www.kafka.ru/dnevnik>, запись от 15.12.1910.

фикации немецкого, очищающей этот язык от значений, которые он в себе несет.

Метафора как репрезентативный образ уступает в этом случае место метаморфозе, превращению, своей противоположности, поскольку «больше нет ни собственного смысла, ни фигурального смысла»²⁵. Так, становления-животными у Кафки не отсылают к какому-либо мифологическому или архетипическому референту, но «соответствуют только переходным градиентам, зонам свободных интенсивностей»²⁶. Поэтому, когда Грегор Замза в «Превращении» становится тараканом, для него это не только способ сбежать от отца, но и одержать победу там, где отец потерпел поражение, «чтобы ускользнуть от управляющего, от торговли и от чиновников, чтобы добраться до той области, где голос не издает ничего, кроме жужжания»²⁷. Структуралистской аналогии Делёз и Гваттари противопоставляют настоящую теорию становлений, которая находит в творчестве Кафки множество иллюстраций. Становление-животным выступает способом бегства. Сначала это становление-молекулой, которая в итоге интегрируется в машину или «в машинную сборку, чьи детали не зависимы друг от друга»²⁸.

Событие Кафка

Гваттари охвачен настоящей страстью к Кафке. «Дневник» Кафки создавал впечатление жизни во сне: «Он очень серьезно фиксировал свои сны»²⁹, и в начале 1980-х годов Гваттари подготовил антологию «65 снов Кафки». Он предлагает непсихоаналитическую интерпретацию, чтобы более конкретно проработать точки сингулярности, выраженные в этих снах.

Через несколько лет после выхода «Кафки», в 1982 году, Гваттари расскажет Жаку Лангу о своем желании организовать какое-нибудь мероприятие к столетию со дня рождения писателя. Министр культуры придет в восторг: «Спасибо за твою записку насчет Кафки. Я за. Можешь взять на себя инициативу? Если ты согласишься ее возглавить, я буду счастлив», — ответил

25. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка*, с. 28.

26. Там же, с. 17.

27. Там же.

28. Там же, с. 48.

29. Félix Guattari, «Les rêves de Kafka», archives IMEC; переиздано в: *Le Magazine littéraire, Kafka, le rebelle*, décembre 2002.

Жак Ланг³⁰. Создается комитет по проведению празднования, почетным председателем которого становится Борхес, а исполнительным директором — Гваттари, который займется организацией большой выставки в Центре Бобур. Выставка «Век Кафки» будет проходить с 7 июня по 1 октября 1984 года под руководством арт-критика Яши Давида и Гваттари.

Замыслив эту выставку, Гваттари стремится подчеркнуть современность Кафки в XXI веке. Он хочет сделать из нее многообразное событие, которое объединит в себе временные экспозиции, видеопрограммы, спектакли, фильмы, конференции. Личные записи Гваттари дают представление о том, как тщательно он старался избежать превращения этого события в рекламное или светское мероприятие. Выставка должна была стать ответом на парадокс Кафки, который был тайным автором, ассоциирующимся с интимностью, одиночеством, и в то же время разошелся по миру в качестве широко известного эпитета. Чтобы выразить этот парадокс, нужно показать все грани эффекта Кафки: «Самое интимное в эффекте Кафки касается при этом самого широкого круга людей. Вот мы и замахнулись на то, чтобы это показать»³¹.

Гваттари не жалеет денег ради успеха этого мероприятия: «Он пригласил Хорхе Луиса Борхеса выступить с лекцией о Кафке. Прекрасный вечер, на котором Слепой Провидец рассказывал о том, как открыл для себя его тексты. Это, однако, не помешало руководству Бобура отказаться оплатить Борхесу расходы на дорогу и гостиницу! Феликс заплатил за все из своего кармана!»³² Гваттари запланировал также многочисленные литературные чтения и театральные постановки с участием труппы Жан-Люка Борга (*Le théâtre par le bas*) и Филиппа Адриана, встреча с которым стала переломным моментом: Адриан ставит спектакль «Сны Кафки», важным источником вдохновения для которого послужили интерпретации Делёза и Гваттари. Чуть позднее, 1 марта 1988 года, Гваттари приглашает Адриана выступить на тему «Импровизация» у себя на семинаре, который во многом послужил вдохновением для постановки «Снов».

Диалоги к пьесе, поставленной Филиппом Адрианом в *Théâtre de la Tempête* в 1984 году и ставшей завершением многих месяцев импровизаций с участием четырех актеров, напишет драматург Энцо Корман. По этому случаю Корман познако-

30. Жак Ланг, письмо Феликсу Гваттари, 30 августа 1982 года, I МЕС.

31. Феликс Гваттари, заметки, тетрадь «Кафка», I МЕС.

32. Jean-Jacques Lebel, *Poésie directe*, Opus international éditions, 1994, p. 49.

мится с Гваттари. Адриан, в ту пору директор *Théâtre des Quartiers d'Ivry*, проводит семинар по сценической переработке снов Кафки. Он приглашает Кормана к нему присоединиться в качестве драматурга: «В течение полугода, пока шла подготовительная работа, Феликс регулярно навещался в театр посмотреть, как мы работаем»³³. Одновременно друг Гваттари Франсуа Пэн готовит фильм по «Снам». Когда Корман приглашает Гваттари поужинать со своей небольшой труппой, между ними происходит следующая игра слов: «*Tu es là quand?*» («Ты когда придешь?», но вопрос можно услышать и как: «Ты Лакан?»), спрашивает он у Гваттари. «Лакан? Вот еще!», — отвечает тот. Между ними возникнет настоящая дружба. «Сны» пользуются успехом, в 1985 году спектакль получил «приз критики»³⁴. В 1983 юбилейном году Гваттари возвращается к своему увлечению Кафкой: «Я снова подсел на Кафку»³⁵. В связи с этим он вспоминает своего первого пациента, первого шизофреника, которого он лечил в Ла Борд, это был молодой еврей, который полностью идентифицировался с автором «Снов». Гваттари уделил много внимания этому кататоннику, трудному пациенту, замкнувшемуся в молчании, которого он вытащил из психоза, заставив писать. Он писал, как Кафка: «Мой шизо-пациент, мой собственный шизо-процесс и Кафка. Все связано»³⁶.

В записях Гваттари можно найти много анализа различных аспектов творчества Кафки. Так, он опробует понятие интенсивности и «детских блоков» на первой главе «Замка», отмечая, что замок не постигается одним общим охватом, но открывается через последовательность штрихов. Таким образом, друг друга сменяют разные режимы интенсивности, не позволяющие свести интерпретацию к эдипову треугольнику, с некоторым количеством интенсивных элементов, которые встречаются во всем творчестве Кафки, как, например, «склоненная голова как форма содержания и портрет как форма выражения»³⁷. В письме Милене Кафка рассказывает о детском страхе, о блоке воспоминаний, который преследовал его во время

33. Enzo Cormann, «Comme sans y penser», *Chimères*, № 23, Félix Guattari, vol. 2, été 1994.

34. Эта пьеса будет позднее показана в Италии, в Болонье, другом Гваттари, художником Джанмарко Монтесано.

35. Félix Guattari, «Kafka», émission de Jean Daive, France Culture (1983), 24 août 2003, archives INA.

36. Ibid.

37. Феликс Гваттари, «Заметки об интенсивностях и функции „детских блоков“ в первой главе „Замка“», рукописные заметки, IMES.

описания прибытия в замок: в детстве он ходил в школу мимо окровавленных туш в лавке мясника, что превращало ее в предмет ужаса. В своих размышлениях о «Превращении» Гваттари следующим образом комментирует незавершенный характер творчества Кафки:

Кафка словно бы всегда хотел вернуться в эдипальную Итаку, но ему это никогда не удавалось. Эдипальность Кафки не может устоять перед его литературной машиной. Он не в состоянии перекодировать свои произведения. За исключением, может быть, «Превращения». Шизо-заряд взрывает эдипальный компромисс. Отцу хватает смелости швырнуть яблоком в Грегора, он реэдипализирует его через насилие. Возможно, символ падения яблока, первородного греха³⁸.

38. Феликс Гваттари, «Заметки о „Превращении“», рукописные заметки, ГМЕС.

Глава 14

«Тысяча плато»: геофилософия политики

ПОСЛЕ полемической фазы «Анти-Эдипа» Делёз и Гваттари публикуют в 1980 году произведение, богатство и оригинальность которого не исчерпаны до сих пор, — «Тысячу плато». Эта вторая часть диптиха «Капитализм и шизофрения» является позитивной, утвердительной частью после критической стадии «Анти-Эдипа». В этой книге, развивающей пространственную логику, Делёз и Гваттари радикально порывают с историцизмом XIX века, произведшим теодицею, телеологическую хронофилософию, господствовавшую на протяжении большей части XX века. Они противопоставляют гегелизации времени подход, опровергающий многочисленные проявляющиеся силы.

Две эти книги многое объединяет. «Анти-Эдип» был призван показать, что, вопреки представлениям структурализма, психоз не возникает из структурной дистрибуции, а становится результатом процесса: «Это по-настоящему динамическая, процессуальная интерпретация, не персонологическая и не структуралистская»¹. Бред предстает непосредственно захваченным полем шизофренического инвестирования, которое в «Тысяче плато» становится предметом гео-анализа, картографирования микрополитик, позволяющего восстановить способы артикуляции между процессом субъективации и институциональными аппаратами, показав потенциальную продуктивность групп-субъектов.

Само название книги указывает на географический подход: плато как плоская зона, неопределенный горизонт без границ, промежуточная зона, центральная, зона интенсивности. Делёз любил говорить — возможно, в шутку — что это название отражает пейзаж его лимузенских владений, плато Мильваш, которое он наблюдал из окон своего дома в Сен-Леонар-де-Нобла. Но более всего это отсутствие начала и конца у плато резони-

1. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 27 мая 1980 года, звуковой архив, BNF.

рует с советом, который часто повторял Делёз: начинать надо «с середины». Покончив в «Анти-Эдипе» с косным институтом семьи, Делёз и Гваттари вступают на неторный путь, избирают линию ускользания, номадический маршрут, чтобы исследовать все то, что может раскрыть различия и необычные связи. Название, таким образом, ни в коем случае не является метафорой, оно скорее говорит о метаморфозе: «Плато имеет точный смысл в географии, в механике: плато эрозии и плато осадочных пород, плато изменения скорости и умножения, плато распределения и съемочная площадка»².

Однако «Тысяча плато» имела в качестве прямой референции не географию как дисциплину, а настоящую физику как горизонт «в смысле бергсонизанской (мета)физики или даже географии „фюзиса“»³. Подход к информации в категориях пространственной логики дает совершенно оригинальный способ использования времени. У каждого плато есть точная дата, вынесенная в начало и отсылающая к историческому событию, давшему название главе. Это способ напомнить о важности события для философии Делёза и Гваттари, но в соответствии с логикой, в которой нет ничего хронологического или эволюционного⁴.

«Тысяча плато», как и «Анти-Эдип», охватывает целый ряд гуманитарных наук, в полной мере используя наработки трансверсального подхода. Тем не менее это все равно философия. На вопрос Катрин Клеман, к какому жанру относится эта новая книга, Делёз дает однозначный ответ: «Философия, ничего кроме философии в традиционном смысле слова»⁵. Книга продолжает проект новой метафизики, онтологии различия, и в то же время опирается на корпус, образованный работами лингвистов, антропологов, психоаналитиков, этологов... И ее авторы ставят перед собой задачу создать работающие концепты — «механосферу» — которые могут изменить наши отношения с миром.

Эта «механосфера» строится при помощи метода, заявленного в начале первого текста, «Ризома», и используемого на протяжении всей книги. Речь идет о сугубо конструктивистском

2. Arnaud Villani, «Géographie physique de Mille Plateaux», *Critique*, 455, avril 1985, p. 333.

3. Ibid., p. 345.

4. 20 ноября 1923 года сменяется 587 годом до н.э., затем 28 ноября 1947, нулевым годом, 1874, 1933... эти веки скорее поворачивают время, дезориентируют его, вытаскивают его из любой аксиоматики, чтобы *Хронос* уступил место *Дюну*.

5. Gilles Deleuze, «Une tentative d'agencement entre les savoirs et la pratique quotidienne», entretien avec Catherine Clément, *Le Matin*, 30 septembre 1980.

и прагматическом подходе, когда намечается определенный «план консистентности» или плато, далее в этот план вписываются две серии точек, чтобы затем можно было установить асимметричную связь между некоторыми из точек различных серий. Эта прерывистая линия должна затем работать на другом плане или смежном плато, где она испытывает на себе притяжение новой линии ускользания; эта сеть действий/реакций носит неопределенный характер в ризоме, где связи не имеют предустановленной цели. Утверждение продуктивности этой диагонали мысли, этой трансверсальности в действии дает в результате фонтанирующую идеями книгу, редкую по насыщенности: «Это книга, которую я бы взяла на необитаемый остров, потому что это ни нечеловеческая, ни сверхчеловеческая, а почти а-человеческая книга. Это множественная машина со множественными становлениями»⁶.

Тезисы, разработанные в «Тысяче плато», производят ошеломляющий эффект. Читателям, полюбившим «Анти-Эдипа», пришлось восемь лет терпеливо дожидаться продолжения. Тем не менее, несмотря на это ожидание, книга не пользуется успехом. Ее считают слишком сложной и запутанной. Если «Анти-Эдипу» было суждено сразу стать бестселлером у целевой аудитории⁷, «Тысячу плато» встретили равнодушно⁸. Слишком насыщенные и идущие вразрез с модами 1980 года, в самый разгар триумфа «новых философов» и концепций «больших, как кривые зубы», изощренные построения Делёза и Гваттари в тот момент не могли стать событием.

Книгу приняли скорее сдержанно. За похвалами проглядывает некоторая растерянность. В журнале *Critique* рецензия на нее напишет специалист по философии Делёза Арно Виллани, но лишь пять лет спустя после ее публикации. Он похвалил книгу, «сыгравшую важнейшую роль в „зачистке“ пространства для таких способов писать и мыслить, которые не имеют прецедентов»⁹. В *Le Matin* Катрин Клеман пишет, что она «сбита с толку», но при этом уточняет: «Но это-то и было сейчас нужно — быть сбитым с толку»¹⁰. Настаивая на том, что номадизм — главное понятие, проходящее через всю книгу, она хвалит ее за то, что эта работа пронизана различными фигурами

6. Изабель Стенгерс, интервью с Виржини Линар.

7. С момента выхода в 1972 году и до начала 2007-го продано 63 000 экземпляров.

8. Тем не менее с момента публикации в 1980 году до 2007-го будет продано 30 500 экземпляров «Тысячи плато».

9. Arnaud Villani, «Géographie physique de Mille Plateaux», p. 331.

10. Catherine Clément, «L'expression nomade de la modernité», *Le Matin*, 30 septembre 1980.

анормальности и незаконности, а также императивом мыслить иначе. В *Le Monde* Кристиан Делакампань называет два тома «Капитализма и шизофрении» «философской суммой, не имеющей себе равных в современной литературе»¹¹, но при этом предупреждает ее потенциальных читателей о трудностях, которые их ждут в этом новом издании, охватывающем всю мировую историю: «Читатель после нее чувствует себя озадаченным, эпатированным и недоумевающим»¹².

Libération, в свою очередь, придает огромное значение публикации «Тысячи плато» и перед выходом книги берет интервью у Гваттари, в котором тот подчеркивает ее политическую сторону¹³. В момент публикации газета организует пространное интервью с Делёзом, в нем он среди прочего уточняет: «Название „Тысяча плато“ отсылает к индивидуациям, которые не являются ни личными, ни неодушевленными»¹⁴. На замечание Робера Маджори о том, что «Тысяча плато» парадоксальным образом представляет ахроническую, гетерогенную организацию в духе антисистемы, лоскутного одеяла, которая в то же время несет в себе определенное мировоззрение, иную философскую систему, Делёз отвечает, что можно констатировать общий провал большинства систем познания, но этот провал связан прежде всего с тем, что они остаются замкнутыми в себе, в своих границах: «То, что мы с Гваттари называем „ризомой“, собственно, и есть пример открытой системы»¹⁵.

Если в «Тысяче плато» есть какой-то ключевой, систематически используемый концепт, то это концепт сборки. На вопрос Катрин Клеман о том, как достигается единство в этом гетерогенном произведении, Делёз отвечает: «Возможно, за счет понятия сборки (которое пришло на смену желающим машинам)»¹⁶. Это понятие охватывает каждое плато и благодаря своей способности соединять элементы самого разного толка раскрывает общую логику, которую Гваттари в те годы часто называл «диаграмматической». В сравнении с концептом желаемой машины, от которого они отказались, концепт сборки

11. Christian Delacampagne, «Deleuze et Guattari dans leur machine délirante», *Le Monde*, 10 octobre 1980.

12. Ibid.

13. «Petites et grandes machines à inventer la vie», de Félix Guattari, entretien avec Robert Maggiori, *Libération*, 28–29 juin 1980.

14. Gilles Deleuze, «Entretien sur Mille Plateaux», avec Christian Descamps, Didier Éribon, Robert Maggiori, *Libération*, 23 octobre 1980; переиздано в: *Pourparlers*, Minuit, 1990, p. 40.

15. Ibid.

16. Gilles Deleuze, «Une tentative d'agencement entre les savoirs et les pratiques quotidiennes», entretien avec Catherine Clément, *Le Matin*, 30 septembre 1980.

имеет то преимущество, что позволяет выйти за рамки психоанализа и установить самые разные формы соединения, включая относящиеся к нечеловеческому измерению, тем самым высвобождая заложенные в них силы. Достаточно соединить сингулярные и гетерогенные элементы, и вы получите конкретную сборку. Это может быть оса и орхидея, но с тем же успехом лошадь, человек и стремя или лошадь-человек-лук... Возможны любые комбинации технических машин, животных и людей. На горизонте всегда будут маячить процессы субъективации и индивидуации. Но такая цель предполагает не только отклонения от курса, но и восстановление связи человека с природой, с фюзисом. На уровне связей внутри сборки больше нет различия между природным и искусственным.

Делёз и Гваттари уделяют большое внимание также и этологии, чтобы воссоздать то, как животные образуют свои собственные сборки с природой и друг с другом. Этот концепт с очень широким, практически безграничным применением идеально подходит для построения открытой системы. Он обозначает установление связи между совокупностью материальных отношений и соответствующим режимом знаков. Вместо того, чтобы сохраняться, сборка пребывает в движении: она всегда затронута определенной дозой дисбаланса в той мере, в которой она приписана к полю желания, на котором выстраивается. В этом смысле сборка — аналог той роли, которую в «Анти-Эдипе» играло понятие желаемой машины. Это также и способ заявить о том, что желание всегда связано со встречами, перерывами потоков.

Таким образом, сборки не возникают из классических бинарных оппозиций, например, между индивидом и коллективом, или означающим и означаемым, или знаком и смыслом. Делёз и Гваттари задают две большие оси сборок, каждая из которых подразделяется на два варианта. Это горизонтальная ось, несущая сегмент содержания и сегмент выражения. На этом уровне это машинная сборка тела, действий и страстей и коллективная сборка высказывания, актов и высказанного. Другая ось, вертикальная, несет на себе территориализированные аспекты и точки детерриторизации. Делёз и Гваттари в данном случае далеки от анализа в духе альтюссеррианского марксизма, сохранявшего господство в ту пору и приписывавшего определяющее значение экономике как инфраструктуре в последней инстанции. Здесь устанавливаются связи между гетерогенными сериями без участия механической каузальности, без детерминизма, в соответствии с различными линиями ускользания макрополитической системы.

Совсем иные типы сборок, на этот раз территориальные, определяют функцию ритурнели. Так, птицы своим пением помечают территорию, и такую же территориализирующую функцию можно найти в Древней Греции или в индуистских системах. Но «ритурнель может принимать на себя и другие функции — любовные, профессиональные, общественные, литургические или космические — она всегда уносит землю с собой, она обладает землей, даже духовной»¹⁷. Ритмы, которые организуют жизнь как животных, так и людей, — это способ бороться с хаосом и исчерпанием, которым он грозит. Из этой сборки внутри среды, реагирующей на хаос, рождается «ритм-хаос или хаосмос»¹⁸. В обыденном языке ритурнель — это повторяющийся «мотивчик», рефрен, надоедливый припев, форма вечного возвращения, которая в то же время производит время, «имплицированное время», о котором говорил лингвист Гюстав Гийом. Но прежде всего ритурнель несет противоречивую динамику в своих отношениях с территориальностью. Она стремится к возвращению на известную территорию, чтобы ее занять и тем самым заговорить хаос. Это знаменитая «Песня земли» Малера с ее финалом: «Так, в конце „Песни земли“ существуют два мотива, один — мелодический, напоминающий сборки птицы, другой — ритмический, напоминающий вечное глубокое дыхание земли»¹⁹. Ритурнель — это также сигнал к началу детерриториализации, потери ориентации, к путешествию, движению туда-сюда между отправлением и возвращением, задающий тональность этой промежуточности, переплетения двух территорий. Само ее круговое движение указывает на то, что нет ни начала, ни конца, есть только бесконечные вариации: «Ритурнель движется к территориальной сборке, обустраивается в ней или покидает ее»²⁰.

Даже если сложно разобраться, что исходит от Делёза, а что — от Гваттари, концепт ритурнели в большей степени принадлежал Гваттари, который всю жизнь играл на фортепиано. Кроме того, в 1979 году он посвятил ритурнели очень личный текст²¹. В нем он сразу подчеркнул момент заклания проходящего времени, страха смерти, опасности хаоса, страха потерять контроль, которые выражают ритурнели, эти ритмы, производящие обитаемое, территориализованное время: «Каждый че-

17. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 519.

18. Там же, с. 521.

19. Там же, с. 566.

20. Там же, с. 538.

21. Félix Guattari, «Le temps des ritournelles», *L'Inconscient machinique*, p. 109–153.

ловек, каждая группа, каждый народ, таким образом, придумывает себе базовый набор магических ритурунелей»²². Похожий способ семиотизации времени, практикуемый этими повторяющимися мотивчиками, также отмечал Пьер Кластр, говоривший об одинокой песни индейца перед лицом наступающей ночи, бросающей вызов проходящему времени и процессу «подчинения человека всеобщей сети знаков»²³. Современные общества стали слишком сложными и утратили непосредственную связь с выражением этих страхов. У них даже родилась иллюзия овладения ими благодаря своей солидной технической оснащенности.

Тем не менее понятие территории может оказаться обманчивым, как и все понятия Делёза и Гваттари: «Территория — это, фактически, некий акт, затрагивающий среды и ритмы, „территориализирующий“ последние»²⁴. Этот концепт фундаментальным образом связан с прагматикой и потому не пассивен, а экспрессивен, и именно в этом смысле между территорией и ритмом существует эндогенная связь: «Ритурунель — это ритм и мелодия, которые территориализируются, ибо стали выразительными, — а выразительными они стали потому, что территориализируют»²⁵. Этому процессу территориализации следует, по мнению наших авторов, противопоставить другой полюс — полюс детерриториализации ритурунели, полет в космос, чтобы «открывать сборку на космической силе»²⁶. В любой сборке молярная линия переплетается с линией ускользания системы за счет линии молекулярной детерриториализации.

Наши авторы ни в коем случае не собираются защищать форму географического детерминизма, считающего, что философии было суждено зародиться в древнегреческом мире. Они всего лишь снова связывают друг с другом два гетерогенных феномена: феномен греческой среды и феномен плана имманентности мысли. Чтобы сборка возникла, необходима была встреча двух этих форм детерриториализации. Гегель и Хайдеггер, на взгляд Делёза и Гваттари, в своей интерпретации зарождения философии в Греции остались историцистами. Авторы «Тысячи плато» помещают географию на сторону контингентности, очень далеко от географической школы Видаля и от того применения, что находит географии историк Бродель, у которо-

22. Ibid., p. 109.

23. Pierre Clastres, *La Société contre l'État*, Paris: Minuit, 1974, p. 107 et suiv.

24. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 523.

25. Там же, с. 527.

26. Там же, с. 586.

го она в основном призвана подчеркнуть неизменность, структуры, очень долгие длительности. У Делёза и Гваттари, наоборот, «подобно пейзажу, она [география] оказывается не только географией природы и человека, но и географией ума. Она отрывает историю от культа первоначал, утверждая могущество „среды“»²⁷. Отсюда они делают вывод о том, что если философия и зародилась в Древней Греции, то это было результатом не необходимости, а чистой контингентности.

Связь с территорией дает националистическое обоснование различных течений мысли, философских «мнений». Делёз и Гваттари перечисляют эти архетипы: французы имеют склонность ретерриториализироваться на сознании, на когито, тогда как немцы не отказываются от Абсолюта, чтобы снова завоевать греческий план имманентности, детерриториализируя сознание: «В триединстве „основывать — строить — обживать“ французы играют роль строителей, немцы — основателей, а англичане — поселенцев»²⁸. Это прежде всего философский эксперимент и попытка определить, что значит мыслить. Ибо мысль становится результатом этого напряжения между территориализацией и детерриториализацией: «Итак, философия ретерриториализуется трижды: сначала в прошлом — в древних греках, потом в настоящем — в демократическом государстве, и наконец в будущем — в новом народе и новой земле»²⁹.

Чтобы преодолеть христианскую аксиоматику эсхатологического времени, в седьмом плато, датированном «нулевым годом», годом рождения Христа, Делёз и Гваттари обрушиваются на лицевость (*visagéité*). У этой критики двойная цель: преодолеть европоцентризм, господство современного белого человека над всем остальным человечеством в качестве воплощения прогресса и универсальности, и в то же время вступить в полемику с феноменологией.

Мы видели, что Делёз всегда шел по пути, альтернативному феноменологической программе. В 1970-е годы один из ее представителей, Эмманюэль Левинас, видит в лице требование Другого, само основание этики, наиболее яркое проявление человеческого в человеке: «Лицо ближнего означает для меня непререкаемую ответственность, предшествующую любому акту добровольного согласия, любому пакту, любому договору»³⁰.

27. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, Москва: Академический проект, 2009, с. 110–111.

28. Там же, с. 122.

29. Там же, с. 128.

30. Emmanuel Levinas, *Autrement qu'être ou au-delà de l'Essence*, Nijhoff, La Haye, 1974, p. 141.

Для Делёза и Гваттари лицо, наоборот, тесно связано с сингулярностью пространственно-временного момента, в котором оно возникает, и потому теряет для них любое право претендовать на универсальность. Более того, продолжая строить свою метафизику, Делёз и Гваттари распространяют понятие лицевости на все формы природной и животной выразительности. В своем стремлении пойти как можно дальше в оприроживании человеческого и очеловечивании природы они порывают с любым антропоморфизмом: «До такой степени, что если у человека и есть какая-то судьба, то она, скорее, в том, чтобы бежать от лица, разрушать лицо и разные олицевления, становиться невосприимчивым, становиться подпольщиком»³¹. Вспоминается Фуко, утверждавший, что пишет для того, чтобы больше не иметь лица: «Вероятно, многие, так же, как и я, пишут, чтобы больше не иметь своего лица. Не спрашивайте меня, кто я, и не требуйте, чтобы я оставался одним и тем же, — это мораль удостоверения личности, это она проверяет наши документы. Но пусть она предоставит нам свободу, когда речь идет о том, чтобы писать»³². С точки зрения наших авторов, лицевость относится к особой машине знаков, которая уже была осуждена в пятом плато, где шла речь о режимах знаков. Эта машина виновна в том, что возникает из простой избыточности и обеспечивает победу господствующему означаемому. Не только вся история христианства сводит мистическое тело к лицу — лицу Христа, но и деспотическая власть делает воплощением тела власти тело вождя. В своем постоянном стремлении высечь искру детерриториализации Делёз и Гваттари ополчаются на проект лицификации как способ подчинения означаемому и навязывания закона трансцендентности.

Гваттари уже посвятил в своей публикации 1979 года «Машинное бессознательное» целый раздел этому концепту: «Означающая лицевость, диаграмматическая лицевость»³³. В ней главной мишенью становится капитализм и микрополитика замыкания: «Крайняя парадигма лицевости — „это так, потому что это так“»³⁴. Гваттари критикует также и Лакана за то, что в своем анализе стадии зеркала тот приписал лицу основополагающую роль в образовании «я» в момент вступления человека в символический порядок. Лицевость, таким образом, ока-

31. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 282. Перевод изменен. — Прим. пер.

32. Мишель Фуко, *Археология знания*, СПб.: Гуманитарная академия, 2004, с. 60.

33. Félix Guattari, *L'Inconscient machinique*, p. 75–108.

34. Там же, p. 77.

зывается неотделимой от стратегий власти, она функционирует как «мигающий индикатор нормальности»³⁵. Лицевость служит для установки режима господства, основанного на примате субъективности и идее ее автономии. На трех планах, семиотическом, политическом и художественном, лицевость — способ господства: «Лицо — это политика»³⁶.

Хотя лицо выражает давление территориализации, последнее также несет в себе линии сопротивления и линии ускользания. Именно на этих линиях ускользания может вырабатываться другая политика. Для этого нужно вернуться к абстрактной машине, производящей лицевость: «Конкретные лица порождаются *абстрактной машиной лицевости*»³⁷, образованной небольшой бинарной системой, противопоставляющей белую стену означающего черной дыре субъективности: «Система черная дыра — белая стена — это еще не лицо, но абстрактная машина, производящая лицо»³⁸. Делёз и Гваттари, в 1980 году осознающие опасности, которые несет с собой непонимание, как это было с «Анти-Эдипом», также предостерегают против опасности, таящейся в желании избавиться от лица: «Разбирать лицо — дело нешуточное. Мы рискуем по-настоящему сойти с ума. Не случайно ли шизофреник одновременно утрачивает смысл лица, своего собственного лица и лиц других, смысл пейзажа, смысл языка и его господствующих сигнификаций?»³⁹ Нужно помешать линиям разрушения нацелиться на самих себя, став линиями гибели. Конечно, можно вспомнить первобытные цивилизации, которые, в отличие от европейцев, не противопоставляют лицо голове как продолжению остального тела. Они не нуждаются в лице, что не мешает им иметь вполне человеческие головы. Но Делёз и Гваттари тем не менее не ратуют за «возвращение» к досигнификативным семиотикам: «Нас всегда ждет неудача при попытке изобразить негра, индейца или даже китайца»⁴⁰. Бесплодный регресс в прошлое иллюзорен и невозможен. Нужно, наоборот, исходить из того что есть, из перекодированного лица эпохи капитализма, чтобы лучше разглядеть потенциальные линии ускользания. Грядущая семиотика, которую только предстоит создать, будет семиотикой «„головок самонаведения“, где точки детерриториализации становятся оперативными»⁴¹.

35. Félix Guattari, *L'Inconscient machinique*, p. 78.

36. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 300.

37. Там же, с. 278.

38. Там же.

39. Там же, с. 310.

40. Там же, с. 311. Перевод изменен. — Прим. пер.

41. Там же, с. 315.

Пространственные логики

Другая поляризация, раскрывающая пространственные логики, — это деление на пространства гладкие и рифленые, кочевые и оседлые. Разные по природе, эти пространства существуют только во взаимоотношениях друг с другом. С одной стороны, неполяризованное пространство, фундаментально открытое, неизмеримое, населенное сингулярностями; с другой — пространство перекодированное, метрическое, иерархизированное. С одной стороны, модель вышивки с центральным мотивом (рифленое пространство); с другой стороны, модель лоскутного одеяла (гладкое пространство) с последовательными добавлениями ткани без заранее установленных пределов. Выбранный пример гладкого пространства, лоскутное одеяло, показывает, что гладкость не означает однородности.

Это противопоставление, впрочем, не ограничивается сушей, потому что через морское пространство тоже проходит эта бинарная оппозиция: «Ибо море — это гладкое пространство по преимуществу, и к тому же оно раньше всего столкнулось с требованиями чрезвычайно строгого рифления»⁴². Таким образом, нет простой оппозиции между гладким и рифленным. Нет сверхдетерминации места, которая могла бы квалифицировать пространство, подобно тому как можно путешествовать, сидя на месте — Делёз даже называет себя «неподвижным путешественником». Этот конфликт иллюстрирует две микрополитические модальности и в то же время две эстетики: гаптическую, характерную для гладкого пространства, пространства контакта, осязания, непосредственности, — и оптическое искусство, характерное для рифленого пространства, отсылающего к взгляду издалека, из перспективы: «Сезанн говорил о необходимости *больше не видеть* пшеничного поля, приблизиться к нему слишком плотно, потерять без ориентиров в гладком пространстве»⁴³. В «Тысяче плато», исходя из этого конфликта между гладким и рифленным полюсом с двойной полярностью, противопоставляющей машину войны, с одной стороны, и аппарат захвата, воплощенный в государстве, — с другой (плато 12 и 13), разрабатывается прежде всего микрополитический аспект.

Наши авторы продолжают всю пользоваться бинарными оппозициями, но, как мы уже сказали, не ради защиты дуалистического мышления, а напротив, чтобы разрушить его и утвер-

42. Там же, с. 814.

43. Там же, с. 838.

дить вместо него мысль о множественности, через которую проходят плюрализированные бинарные оппозиции. Если здравый смысл привык считать машины войны побочным продуктом аппарата государства, наши авторы настаивают на радикальном различии, различии по природе между двумя этими полюсами. Машина войны не только не возникает из государства, вся ее динамика противопоставляет ее государственной логике. Машины войны были изобретены номадами с целью сопротивления, борьбы с аппаратом государства, понимаемым как аппарат захвата. Машины войны сформировались в определенном типе пространства, в гладком пространстве (пустыни, степи, моря).

Делёз и Гваттари представляют эту оппозицию в главе «Трактат о номадологии: машины войны». Это название — аллюзия, одновременно серьезная и ироническая, на другой трактат, трактат Спинозы⁴⁴, получающий здесь статус «источника новой дисциплины»⁴⁵. Вопреки всем ожиданиям, машина войны не определяется войной. У нее тройная характеристика. Сначала это была арифметическая композиция образующих ее людей, противопоставленная территориальной организации аппарата государства. Затем «аппарат государства изобрел вид деятельности: труд»⁴⁶. Конечно, в машине войны тоже работают, но регулируемая деятельность — свободное действие. Наконец, в плане выражения государственный аппарат проявляется через свои инструменты и знаки, тогда как машина войны определяется скорее своим оружием.

Фундаментальный вопрос государства — выяснить, как присвоить машину войны, как ее захватить и заставить себе служить, тогда как машина войны пытается воспротивиться государственным логикам и сохранить свою собственную динамику. Машина войны выражает всю амбивалентность линии ускользания, которая заставляет уклоняться, использовать все линии детерриторизации. Из экстерииорности, которую машина войны обозначает по отношению к государству, следует, что государство не мыслит себя без связи с внешним, которой оно подпитывается, тогда как машина войны живет за счет социальной сборки, основная модель которой — номадизм, отсюда «Трактат по номадологии»⁴⁷.

44. Spinoza, *Œuvres III. Traité théologico-politique*, coll. «Épiméthée», PUF, 1998.

45. Guillaume Sibertin-Blanc, séminaire «Deleuze, Spinoza et les sciences sociales: lectures de Mille Plateaux de Deleuze et Guattari», CERPHI, ENS, séance du 13 mai 2006.

46. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 6 ноября 1979 года, звуковой архив, BNF.

47. См.: Guillaume Sibertin-Blanc, «État et généalogie de la guerre: l'hypothèse de la "machine de guerre" de Gilles Deleuze et Félix Guattari», *Asterion*, № 3, septembre 2005.

Случай народа без земли: палестинцы

В связи с этим Делёз и Гваттари видят в борьбе палестинцев драматический и актуальный пример возможного пространства-времени, которое должна воплотить в себе Организация освобождения Палестины. Это внимание к детерриториализованным «народам без земли» лежит в основе поддержки, которую Делёз и Гваттари оказывают этой борьбе. Гваттари был близким другом израильского писателя-еврея Илана Халеви, представителя Организации освобождения Палестины в Социалистическом Интернационале. Приехав в Париж в 1975 году, Халеви связался с Гваттари, зная о его выступлениях против войны в Алжире, и легко убедил его поддержать борьбу палестинцев за свои права: «Ни любитель „третьего мира“, ни европоцентрист. С любопытством относящийся ко всему и ко всем, но не вуайерист. Феликс был именно из таких интернационалистов, и такой склад характера повлиял на его отношение к Палестине и на поддержку ее борьбы»⁴⁸. Гваттари предоставляет офис CERFI для первой тайной встречи израильских и палестинских лидеров, которая проходит в феврале 1976 года. Два года спустя его приглашают на Оккупированные территории для контакта с палестинскими и израильскими активистами, связанными с Организацией освобождения Палестины. В 1977–1978 годах Халеви организует в Венсене семинар об аннексии арабских земель Израилем. Гваттари прилежно и с воодушевлением его посещает. На одном сеансе дебатов в зале оказался палестинский интеллектуал Элиас Санбар, знавший Халеви и немного знакомый с Гваттари. Его выступление не планировалось, но в пылу полемики он все-таки выступил с длинной импровизированной речью о техниках ведения партизанской войны палестинцами в 1930-х годах: «Феликс был в зале и спросил меня, как я собираюсь возвращаться в Париж. Я сказал, что на метро, и он предложил отвезти меня на машине. Несколько дней спустя у меня раздался телефонный звонок: „Это Жиль Делёз. Могу я с вами встретиться? Хочу кое-что обсудить“, и таким образом он приехал ко мне»⁴⁹.

В 1978 году Делёз и Гваттари готовят «Тысячу плато» и как раз размышляют о машинах войны и аппаратах захвата. Гваттари убедил Делёза связаться с Санбаром, послушав его выступление в Венсене о методах номадической войны. Из этой

48. Ilan Halevi, «Un internationaliste singulier», *Chimères*, № 23, été 1994, p. 120.

49. Элиас Санбар, интервью с автором.

встречи Делёза и Санбара родилась очень крепкая дружба, продолжившаяся почти до самых последних дней Делёза: «Он всегда занимался главным. Никогда не разбрасывался. Всегда был обращен к сути вещей. Он был из тех, кто ставил вопросы всегда раньше вас. Это было невероятно»⁵⁰.

После этого первого разговора Делёз впервые публично высказывается о палестино-израильском конфликте на страницах *Le Monde*⁵¹. Его выступление было реакцией на масштабную операцию израильской армии, проведенную на юге Ливана, жертвами которой стали несколько сотен палестинских беженцев и мирных жителей и которая вызвала исход десятков тысяч ливанцев в Бейрут. Делёз полностью поддерживает палестинцев: «Палестинцы, не имеющие ни территории, ни государства, всем мешают»⁵². В этой статье Делёз показывает, что единственная перспектива, предложенная палестинцам, — это смерть. И призывает мировое сообщество признать палестинцев в качестве стороны переговоров, потому что «они находятся в состоянии войны, за которую не несут ответственности»⁵³.

Гваттари помогает Илану Халеви провести в 1979 году конференцию по сионизму, антисемитизму и расизму. Публикация в 1980 году «Тысячи плато» станет для него важным ресурсом: «Это необыкновенная книга, в которой впервые за долгое время во французской литературе философы всерьез берутся за свою задачу, а именно сделать мир понятным»⁵⁴.

В 1980 году у Элиаса Санбара появилась идея создания аналитического журнала о палестинском вопросе. Он обращается ко многим людям, рассказывает о своем проекте, который тогда уже далеко продвинулся, но каждый раз оказывается перед закрытой дверью: «Я позвонил Делёзу и спросил, что делать. Он сказал: „Не знаю, но попрошу Жерома Линдона тебя принять“»⁵⁵. Санбар отправился в издательство *Minuit*. Линдон объяснил ему трудности французского книгоиздания и добавил, что издательство не специализируется на Палестине:

Затем он спросил, что я собираюсь делать в этом журнале, и я минут пятнадцать рассказывал ему о своем проекте. Едва я закончил, Линдон сказал мне: «Издательство *Minuit* вас берет. Напишите мне одну страницу, которая будет как бы обращением

50. Элиас Санбар, интервью с автором.

51. Gilles Deleuze, «Les gèneurs», *Le Monde*, 7 avril 1978.

52. Ibid.; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 147.

53. Ibid., p. 149.

54. Ilan Halevi, «Un internationaliste singulier», p. 123.

55. Ibid.

редактора». Я тут же послал ему проект и на следующий день в семь пятнадцать утра услышал звонок: «Это Жером Линдон, я вас прочитал, это подойдет»⁵⁶.

Так в октябре 1981 года родился *Revue d'études palestiniennes*.

Вскоре после его появления на свет журналистка *Libération* Бландин Жансон сообщила Санбару, что было бы неплохо, если бы газета откликнулась на новое издание, и спросила, не мог бы Делёз написать текст. Санбар и Делёз решают опубликовать длинное интервью, которое они назовут «Палестинские индейцы»⁵⁷: «Для журнала это была просто фантастика. И эта идея о краснокожих родилась из наших разговоров»⁵⁸. В этом интервью Санбар проводит параллель между положением палестинцев и положением американских индейцев: «В этом отношении можно сказать наверняка, что создание государства Израиль — возобновление процесса, который стоял у истоков США»⁵⁹.

Некоторое время спустя, когда в ходе драматических столкновений во время Ливанской войны 1982 года конфликт перешел в затяжную фазу, Делёз написал хвалебный текст о борьбе палестинцев, в котором приветствовал их лидера Ясира Арафата⁶⁰: «Дело палестинцев — это прежде всего все те несправедливости, которые испытал и продолжает испытывать этот народ»⁶¹. Арафат мог только говорить о «позоре» применительно к резне в Сабре и Шатиле, Делёз же критикует превращение самого большого геноцида в истории человечества, устроенного нацистами, в абсолютное зло, рассматриваемое в своем религиозном варианте в отрыве от исторической перспективы. Он выражает резкий протест против политики Израиля: «Израиль с самого начала не скрывал своей цели: очистить палестинскую территорию. Это геноцид, но такой, в котором физическое уничтожение подчинено географической депортации»⁶². Чтобы противостоять решимости Израиля и попустительству международного сообщества, стыдливо покрывающего его политику, по мнению Делёза, необходимо было найти «крупную истори-

56. Ibid.

57. Gilles Deleuze, «Les Indiens de Palestine», entretien avec Elias Sanbar, *Libération*, 8–9 mai 1982; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 179–184.

58. Элиас Санбар, интервью с автором.

59. Elias Sanbar, «Les Indiens de Palestine», p. 181.

60. Gilles Deleuze, «Grandeur de Yasser Arafat» (écrit en septembre 1983), *Revue d'études palestiniennes*, №10, hiver 1984; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 221–225.

61. Ibid., p. 221.

62. Ibid., p. 222.

ческую фигуру, которая, с западной точки зрения, казалась бы вышедшей из Шекспира, и такой фигурой был Арафат»⁶³.

Занятая Делёзом позиция, конечно, помогла Элиасу Санбару, интеллектуалу, борющемуся за права палестинцев, который будет отвечать в палестинской делегации за непростой вопрос о палестинских беженцах во время больших переговоров, организованных в Кэмп-Дэвиде Клинтоном в 1991 году:

Во время переговоров я позвонил Жилью и сказал: «Знаешь, мне очень тяжело, потому что я вынужден вести переговоры с людьми, которые повинны в страданиях моего народа. Но я нашел не самое очевидное противоядие. По вечерам перед сном я читаю несколько абзацев из „Этики“ Спинозы», — и Жиль мне ответил: «Я тебя понимаю»⁶⁴.

Помимо поэзии, они говорят о проблеме передвижения в пространстве, о состоянии вне места и времени, которое порождает отрыв от почвы и которое привело к тому, что палестинцы стали как бы невидимыми, растворились в пространстве и в длительности.

Творчество Делёза и Гваттари — важнейший ресурс для Санбара: «Это тексты, которые сопровождали меня всю жизнь»⁶⁵. Когда в 2004 году он публикует книгу «Фигура палестинца», он посвящает ее «Жилью Делёзу, в знак признательности и неурушимой дружбы»⁶⁶: «Эта книга была предметом нашего последнего обсуждения. Последний раз, когда я с ним говорил, мы говорили об этой книге и не смогли договорить, потому что у него был приступ и он задышался»⁶⁷.

Политическая прагматика в мировом масштабе

Понятие машины войны особенно подходит для осмысления палестинского вопроса, поскольку у этого народа нет ни своей территории, ни государства. Но, помимо этого, его функция состоит в том, чтобы задавать вопрос о средствах предотвращения образования государственного аппарата, несущего с собой бюрократию и подчинение. Это понятие также стоит в центре размышлений о жизни групп, чей эфемерный образ жизни

63. *Deux régimes de fous*, p. 223.

64. Элиас Санбар, интервью с автором.

65. Там же.

66. Elias Sanbar, *Figures du Palestinien. Identité des origines, identité de devenir*, Paris: Galimard, 2004.

67. Элиас Санбар, интервью с автором.

заставляет их постоянно сомневаться в себе, подобно тому, как институциональная психотерапия ставит задачу одновременно с лечением больных подвергать клиническому лечению сам институт психотерапии. В нем заложено и стремление избежать неудачных попыток преобразований в ходе преданных и присвоенных властью революций. В этом случае пролиферация машин войны представляется средством создания эффективного противовеса, позволяющего избежать этих подводных камней. Необходимо множить их до бесконечности, чтобы официальные, молярные институты утратили свое основание, уступив место молекулярным микросетям.

Антрополог Пьер Кластр подтверждает верность тезисов Делёза и Гваттари⁶⁸. Он показывает, что, вопреки эволюционистской схеме, государство не является ни результатом развития производительных сил, ни результатом дифференциации сил политических. Оно возникает мгновенно, как чистое событие, когда численность сообщества достигает порогового значения в триста человек. Он также показывает, что примитивные общества не только «безгосударственные», но их машина войны направлена на борьбу «с государством». Это «общества против государства». Если война существует повсюду, именно машины войны контролируют любые формы насилия, вступая в конфронтацию с государством, стремясь сохранять сегментированность групп, тогда как оно всегда вынуждено примирять враждующих, чтобы укрепиться. Фигура номада не только отсылает к классическому номадизму, но и становится концептуальным персонажем, позволяющим восстановить сингулярность машины войны. Машина войны — пространство мобилизации, а не присвоения. Ее занимают, в ней не обосновываясь. Используют, не капитализируя.

Экстериорность так понятой машины войны, к тому же подтвержденную работами антропологов, можно найти и в эпистемологии, где в миноритарном режиме существует ряд наук, сохраняющихся за пределами физики. Эта номадическая наука имеет несколько характеристик: гидравлическая модель, создающая потоки, а не твердые тела, модель становления и гетерогенности, а не стабильности, модель турбулентности в открытом пространстве и, наконец, проблематическая, а не теорематическая модель. На основе этой бинарной оппозиции друг другу всегда противостояли две научные традиции. С одной стороны, науки повторения, итерации, а с другой — на-

68. Pierre Clastres, *La Société contre l'État*.

уки итинерации, блуждающие науки. Творческое начало всегда находилась на стороне номадических, блуждающих наук, чьей функцией было изобретение проблем, тогда как господствующие науки занимались поисками научных решений. Отсюда их потенциальная взаимодополняемость, которая, однако, в итоге заслоняет первый момент, момент инновации, вскоре оттесняемый на задний план эффективностью процедуры, решения, найденного государственной наукой: «Только королевская наука располагает метрической мощью, задающей понятийный аппарат или автономные науки»⁶⁹.

Еще одна функция машин войны — заставить циркулировать смысл, выходить за пределы, преодолевать замыкание благодаря линиям ускользания в боковом дрейфе. Машин войны должны оставаться активными, поскольку противостоят государству, которое авторы определяют как аппарат захвата. Вместо того чтобы взять марксистское и альтюссеррианское понятие способа производства, Делёз и Гваттари определяют общественные образования как «машинные процессы»⁷⁰. Они различают: примитивные общества, в которых действуют механизмы заклинивания-предвосхищения, общества с государством, определяемые своим аппаратом захвата, городские общества, для которых важны инструменты поляризации, номадические общества, главная черта которых — машины войны. Если государство изо всех сил старается капитализировать, присвоить, машина войны обладает «властью метаморфозы»⁷¹. Понятие захвата, свойственное государству, берет свои истоки далеко в индоевропейской мифологии и обозначает полюс суверенности. Эта предрасположенность государственного аппарата к захвату и перекодированию ставит проблему меньшинств, которые должны уметь строить машины войны, чтобы выжить.

Здесь делается политическая ставка. Она исходит из того, что множественные микрополитики сопротивления нужно сохранить, чтобы не раствориться в государственной аксиоматике⁷². В конце 1970-х годов Делёз и Гваттари открыто ссылаются на движение итальянских автономистов, на Франко «Бифо» Берарди⁷³, Тони Негри и проведенный итальянским марксистом Марио Тронти анализ роли государственного аппарата в инте-

69. Pierre Clastres, *La Société contre l'État*, p. 463.

70. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 735.

71. Там же, с. 741.

72. «Нет борьбы, которая бы не велась посредством всех этих неразрешимых пропозиций и которая не конструировала бы революционные связи, направленные против подчинения аксиоматике» (Там же, с. 690).

73. См. главу 16 настоящего издания.

грации рабочего класса в капиталистическое общество и необходимости для пролетариата использовать критическую стратегию только после того, как он освободится от своего классового положения.

Чтобы регулировать конфликт между двумя полюсами, аппаратами захвата и машинами войны, и определить новую микрополитику, стоящую на пересечении этической сферы и политического поля, Делёз и Гваттари делают акцент на любимом понятии Делёза: общественном договоре. Именно благодаря договору аппарат захвата достигает успеха, подчиняя себе с амбивалентностью, которая не может быть списана только на добровольную или вынужденную зависимость. Любая артикуляция в более или менее планетарном масштабе, в масштабе карты мира, влечет за собой императив такого переосмысления микрополитики, которое должно принять во внимание пространственные логики, императив геофилософии, способной локализовать и осмыслить множество конститутивных точек различных жизненных сил мировой ризомы. Отсюда потребность в том, чтобы картографировать эти элементы и не довольствоваться копированием фактического положения вещей, экспериментировать, вступать в конфронтацию с социальной реальностью, множа число подходов.

Эти попытки картографирования Гваттари продолжит своими силами после 1980 года в семинаре, который выльется в книгу «Шизоаналитические картографии», опубликованную в 1989 году⁷⁴. Распорядительница этих семинаров — Даниэль Сивадон, она занимается всем — программой, приглашениями, расшифровкой выступлений: «В первый период 1980–1985 годов о своих картографиях говорил в основном Феликс, а во второй период (1985–1992), когда он проходил на улице Сен-Совер, семинар больше функционировал за счет выступлений приглашенных гостей»⁷⁵. Из сотни предполагаемых гостей около двух десятков человек участвовали в нем регулярно и активно.

С первого занятия 9 декабря 1980 года Гваттари задает тон семинара: «Для меня этот семинар будет что-то значить, только если он сработает. То есть если различные теоретические наработки, которые я здесь предложу, действительно будут полезны людям»⁷⁶. Ключевое понятие семинара — сборка — взято из только что вышедшей «Тысячи плато». Прежде всего речь идет о коллективной сборке высказывания для того, чтобы про-

74. Félix Guattari, *Cartographies schizoanalytiques*, Paris: Galilée, 1989.

75. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

76. Феликс Гваттари, презентация семинара, 9 декабря 1980 года, I МЕС.

яснить ряд гипотез, но этот концепт служит также для определения того, что Гваттари понимает под «шизоанализом»: «Это исследование влияния машинных сборок на конкретную проблематику»⁷⁷. Он включается в коллективное конструирование, чтобы проверить работоспособность концептов и показать, что это операторы, без которых он не может обойтись в своей практике. За эти годы он мобилизовал самые разные компетенции, реализовав на практике ту самую трансверсальность, к которой стремился. С самого начала Гваттари предлагает расширить понятие бессознательного. Когда он еще только представляет этот концепт, он выдвигает гипотезу (оговариваясь, что это, возможно, чистая фантазия) о том, что следует различать относительное и абсолютное бессознательное: абсолютное бессознательное отсылает к безобъектному сознанию. На втором занятии он продолжает развивать эту гипотезу, представив четыре разных вида бессознательного: субъективное бессознательное, материальное бессознательное, территориальное или телесное бессознательное и машинное бессознательное, «бессознательное POSSIBILISTСКИХ полей, молекулярной микрополитики»⁷⁸.

Всячески подчеркивается прагматистская ориентация этого семинара, порой в пику психоаналитической традиции: «Вся активная сторона была именно что исключена психоанализом: стоило заговорить об „отыгрывании“, „переходе к акту“, как вы уже в каком-то смысле считались за пределами психоанализа. Для шизоанализа же акт приобретает центральную роль»⁷⁹. Впрочем, пристальное внимание к контингентности и сингулярности ситуаций побуждает к реабилитации содержания, означаемого, которое до сих пор имело тенденцию растворяться в логиках означивания. Собственный телесный опыт Гваттари, его сны, страхи получают полноправное отражение в семинаре, в нем все идет в дело. Например, Гваттари упоминает о своих первых почечных коликах (они будут у него частыми и особенно тяжелыми) как о выражении угрожающей черной дыры, отсылающей к его страху проходящего времени и конечности существования⁸⁰.

77. Феликс Гваттари, презентация семинара, 9 декабря 1980 года, I МЕС.

78. Феликс Гваттари, семинар 13 января 1981 года, I МЕС.

79. Феликс Гваттари, семинар 28 апреля 1981 года, I МЕС.

80. «Однажды произошла сцена, в которой все кристаллизировалось: я ехал в поезде, на котором ездил по четвергам, и зашел в вагон-ресторан, официант подошел и сказал: „Мсье, жму вашу руку, потому что это последний раз, я выхожу на пенсию“. Господи! Какой ужас!» (Феликс Гваттари, семинар 8 декабря 1981 года, I МЕС).

Помимо своих любимых психоаналитических тем, Гваттари открывает семинар и для других дисциплин. В 1983 году он приглашает выступить этнолога Барбару Гловжевски, проводившую исследование снов австралийских аборигенов. Она показывает, что сон выдает не столько индивидуальную проекцию, сколько коллективный мифологический комплекс и объединяет не менее пятисот разных этносов вокруг общего сновидения: «Сон — это и настоящее, и древняя старина. Для меня время, которое одновременно настоящее и древнее, — не историческое время, а время метаморфозы. Это динамическое время, и при этом время трансформации»⁸¹.

Несколько раз на семинаре Гваттари выступают философ Эрик Алье, а также давний завсегдатай Ла Борд Жан-Клод Полак и Даниэль Сивадон. В докладах, посвященных творчеству, искусству, предпочтение отдается размышлениям о спонтанности в связи с темой импровизации: Филипп Адриан говорит о театре⁸², Ив Бюэн рассказывает об импровизации в джазе у Телониуса Монка⁸³, а об импровизации в опере говорит давний товарищ Гваттари по CERFI Мишель Ростен⁸⁴. Гваттари также приглашает своего друга Энцо Кормана выступить на тему «Шизотеатр». Общая тема для всех — обнаружение следов процесса субъективации везде, где их только можно обнаружить.

В поисках способов субъективации Гваттари связывает их с территориями и средами в соответствии с логическими линиями, которые он называет «диаграмматическими». Вопрос, который он ставит перед собой в «Шизоаналитических картографиях», продолжая «Тысячу плато»: «Как сегодня можно говорить о производстве субъективности?»⁸⁵ Застрыв между подчинением и группой-субъектом, эта субъективность становится заложницей машинных сборок. Все больше научно-технических средств вмешивается в жизнь человека, и такое положение вещей конкретизирует анализ социума с точки зрения машинных сборок: «Ни одна область мнений, мысли, образов, аффектов, нарративности не может отныне избежать власти „компьютерной помощи“ банков данных, телематики»⁸⁶. В момент наступления того, что он называет «Интегрированным мировым капитализмом», Гваттари задается вопросом о процессах ин-

81. Барбара Гловжевски, «Пространства сна», семинар Феликса Гваттари, 18 января 1983 года, I MEC.

82. Филипп Адриан, семинар Феликса Гваттари, 1 марта 1988 года, I MEC.

83. Ив Бюэн, семинар Феликса Гваттари, 15 ноября 1988 года, I MEC.

84. Мишель Ростен, семинар Феликса Гваттари, 10 января 1989 года, I MEC.

85. Félix Guattari, *Cartographies schizoanalytiques*, p. 9.

86. Ibid.

дивидуации, альтернативных сил субъективации. Гваттари, которому чужда ностальгия по утраченным корням, обращается к необычайным становлениям и надеждам на инновации, творчество и новые связи между человеком и машиной.

Философ Манола Антониоли справедливо подчеркивает релевантность и актуальность этих понятий «опространствующей» мысли Делёза и Гваттари в эпоху глобализации: «Мышление должно все больше открываться пространству, измерениям, территориям, признавать свою ключевую роль в опространствовании и больше не замыкаться в размышлении о своей истории и истории понятий»⁸⁷. В период, когда больше ни в чем нельзя быть уверенным, нужно иначе обживать наши пространства, гладкие и рифленые, и расстаться с представлениями о замкнутых сущностях, будь то индивидуальных, органических, природных или государственных, чтобы понять, что они всегда открыты вовне, не имеют другой реальности, кроме фрагментарной, и другого становления, кроме непредсказуемого: «Открытие „глобальности“ возможно только в мире-архипелаге, мире со множеством интерфейсов, в котором становится все больше обменов, переходов и встреч»⁸⁸. В этой творческой перспективе, как подчеркивает Антониоли, «Тысяча плато» — набор важных инструментов, в основном этических и политических, пока еще использующихся слишком редко⁸⁹.

Американский философ из Государственного университета Луизианы Джон Протеви вместе с географом Марком Бонта работал с использованием концептов из «Тысячи плато» и издал книгу о геофилософии Делёза и Гваттари⁹⁰. Протеви больше всего привлекла возможность перебросить мостик между гуманитаристикой и наукой, которые по большей части игнорируют друг друга. С его точки зрения, самая яркая глава — «Геология морали», потому что «в ней выражено желание построить онтологию, которая может при помощи одного и того же концепта говорить о физических, органических и социальных системах»⁹¹. Он пишет об урагане Катрина, используя предложенный Делёзом и Гваттари концепт момента

87. Manola Antonioli, *Géophilosophie de Deleuze et Guattari*, Paris: L'Harmattan, 2003, p. 9–10.

88. Ibid., p. 256.

89. Manola Antonioli, «La machination politique de Deleuze et Guattari», dans Alain Beaulieu (sous la dir.), *Gilles Deleuze, héritage philosophique*, Paris: PUF, 2005, p. 73–95.

90. Mark Bonta, John Protevi, *Geophilosophy: A Guide and Glossary*, Edinburgh University Press, 2004.

91. Джон Протеви, интервью с автором.

эмиссии сингулярностей и связывая его с американским понятием изменения в поведении (паттерна). В его анализе геофилософии понятие ретерриториализации в силу самой детерриториализации очень хорошо работает применительно к зонам нестабильности по берегам Миссисипи, которые подтачивают регулярные появления циклонов. Важно рассматривать чувствительные зоны, максимизирующие возможность адаптационного поведения. Делёз и Гваттари позволяют разработать что-то вроде политической физиологии с использованием научных данных, но исходя из немеханистической перспективы. География используется здесь как недетерминистский ресурс, не навязывающий простых каузальностей, поскольку в виртуальных картографиях социальных систем всегда остается место случаю и «эмиссии сингулярностей». Джон Протеви с его коллегой-географом используют для изучения социально-политических сборок как геоморфологические, климатологические, океанографические, так и социально-технические факторы.

«Тысяча плато», таким образом, предстает как обобщенная политическая прагматика, чьи трансверсальные концепты образуют базовый элемент, от которого зависит все остальное. Микрополитика, которую предстоит построить, должна определять линии ускользания, проходящие под жесткими сегментарностями, чтобы их сгладить. «Образцом микрополитики остаются события мая 1968 года»⁹². «Тысяча плато» предпочитает исторической теологии блоки становления, которые, будучи молекулярными феноменами, укоренены в своей странственной среде, что и было осуществлено событием мая 1968 года: «Май 1968 года во Франции был молекулярным, и с точки зрения макрополитики его условия тем более неосязаемы. <...> Все те, кто судил о мае '68 в терминах макрополитики, ничего не поняли в этом событии, ибо что-то неуловимое от них ускользнуло»⁹³.

92. Philippe Mengue, *Gilles Deleuze ou le système du multiple*, Paris: Kimé, 1994, p. 227.

93. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 355. Перевод изменен. — Прим. пер.

Глава 15

CERFI в своих сочинениях

ПОСЛЕ своего создания в 1967 году CERFI и его исследовательская сеть в некотором смысле пребывают в спячке. Хотя члены организации чувствовали себя как рыба в воде в рядах радикального протеста, по-настоящему она «запускается» только в 1970 году. На первый взгляд, это случайность. После подписания двух небольших контрактов — на изучение проекта создания образовательного телевидения в Кот-д’Ивуаре и ассортимента магазинов FNAC — Анн Керьян, в то время генеральный секретарь CERFI, сталкивается на лестнице, спускаясь за почтой, с женщиной, работающей в Министерстве общественных работ. У нее под мышкой первый номер журнала *Recherches*¹: «Она остановила меня и сказала, что ее шеф Мишель Конан, которому поручили организовать в министерстве исследовательскую службу, хочет с нами встретиться»². Это предложение вызывает энтузиазм у маленькой группы, которая уже всерьез подумывала о самороспуске.

Каким образом горстка леваков-агитаторов, пламенных сторонников шизоанализа, могла заинтересовать высокопоставленных госчиновников? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть оригинальную личность Мишеля Конана и его интерес к интеллектуальным вопросам. Конан, как урбанист, стоит у истоков возвращения интереса к истории садов и ландшафтной архитектуры во Франции. В то время в его распоряжении в министерстве был солидный годовой бюджет, порядка 4–5 миллионов франков. Он привлекает социологические силы, от Мишеля Крозье, специализирующегося на социологии организаций, до специалиста по урбанистической социологии марксистского толка Кристиана Топалова. Два года спустя после событий мая 1968 года должность премьер-министра занимает Жак Шабан-Дельма. Власти пытаются понять причины протеста. Они гото-

1. «Architecture et programmation, psychiatrie», *Recherches*, № 6, juin 1967.

2. Анн Керьян, интервью с автором.

вы выделить значительные средства и использовать компетенции представителей социальных наук, чтобы провести глубокое исследование проблем в работе институтов, выявить неудовлетворенные желания и найти выходы из тупиковых ситуаций. Цель — избежать нового взрыва: лучше предупредить, чем лечить, как гласит народная мудрость.

Делегация CERFI под предводительством Гваттари отправляется в министерство на встречу с Конаном. Члены делегации собираются сообщить ему, что в своих исследованиях CERFI критикует государство в том числе за то, что оно недооценивает трансформации, в которых нуждается общество. Но сейчас само это государство предлагает организации контракты и деньги, ставя перед ней задачу выявить зоны, где необходимо вмешательство, чтобы согласовать друг с другом общественные потребности и политические решения. CERFI, конечно, был уже подготовлен к тому, чтобы занять критическую позицию внутри института, опытом Ла Борд, и именно это особенно заинтересовало Мишеля Конана. Тем не менее, пока события 1968 года еще близки, группа опасается того, что ее поглотит государственная логика, тогда как одним из главных мотивов для участия в организации было нежелание стать чиновниками ради сохранения независимости.

Итак, мечта о коллективном научном исследовании, приносящем прибыль, вдруг стала реальностью. Воображение, оказывается, может захватить власть. Первый из подписанных контрактов связан с обустройством в 1971 году города-новостройки Эври и проектом организации психиатрической лечебницы. Кроме того, CERFI заставляют участвовать в конкурсе на проведение большой исследовательской программы по изучению общественного спроса на общественные сооружения. Это огромный контракт и по числу изучаемых секторов, и по выделенным объемам денежных средств — миллион франков. У CERFI благодаря Гваттари, а также Делёзу и Фуко, есть интеллектуальный престиж, который в значительной мере компенсирует слабую институциональную структуру.

Самоуправляемый научный коллектив

Как независимый и самоуправляемый коллектив, CERFI пытается работать иначе, в частности, применяя на практике принципы шизоанализа. На собраниях обсуждаются текущие исследования, но предметом обсуждения становится также субъективная вовлеченность каждого, его либидо, его желания.

Каждый месяц открыто обсуждается вопрос о размерах зарплаты, и то, что когда-то было скромной ставкой в игре, превращается в важный вопрос, когда CERFI начинают поступать деньги от контракта по общественным сооружениям.

«Большая месса» проходит в Центре по вторникам: в это время Гваттари бывает в Париже и может вести собрания. На них принимаются решения об исследовательских проектах и выделяемых на них суммах. «Мафии», которую образует небольшая группа постоянных членов, начисляется зарплата, пересчитываемая раз в два месяца (темпы инфляции на тот момент составляют двузначное число). Это ядро исследователей живет в CERFI постоянно. Маленькое рабочее сообщество, поставившее во главу угла либидо, переживает всевозможные психодрамы, истерики, скандалы. Манна, упавшая с государственных небес, привлекает множество разных людей, и вторничные собрания нередко становятся поводом для представления совершенно комических проектов: «Сбежались все парижские леваки с проектами один нелепее другого. Феликс всех слепо поддерживает. Одному покупают камеру, другому — мотоцикл, а нам постоянно вставляют палки в колеса, разжигая разнообразные конфликты»³. «Давали деньги людям, которые приходили и говорили: „Мне нужно 5000 франков на аборт“. — „Хорошо, отдашь, когда сможешь. Вот, держи“. И они больше не возвращались»⁴. Однажды, как рассказывает преподаватель философии Мишель Ростен, шайка наркоманов предложила CERFI провести исследование наркотиков. Им удалось получить на это контракт с использованием логистического аппарата Центра, им выделили деньги: «На эти деньги они упоролись по максимуму. Полиция даже пришла к нам за ними, они у нас жили»⁵.

В 1973 году CERFI находится в зените: обнаруженная золотая жила и успех «Анти-Эдипа» позволяют платить 75 участникам базовую зарплату в 1500 франков в месяц. Помимо исследований по контракту, CERFI обеспечивает финансирование и нескольких внутренних групп, чью деятельность Центр поддерживает, хотя известно, что прибыли она не принесет. Такова, например, группа «Видео» Франсуа Пэна, а также группа «Кройка и шитье», которой руководит модельер Аньес Б., начинавшая в CERFI, прежде чем заработать состояние, или группа «Пение» Мишеля Ростена. С 1972 года в CERFI работает Фран-

3. Лион Мюар, интервью с автором.

4. Мишель Ростен, цит. по: Janet H. Morford, «Histoire du CERFI», EHESS/DEA, oct. 1985, p. 139.

5. Ibid., p. 178.

суа Фурке: его участие тем более важно, что он только что покинул клинику Ла Борд, где был управляющим.

CERFI переехал с проспекта Верзи. Официальный адрес журнала — улица Бюффон, 5-й округ, в маленьком строении во дворе вроде схронов времен войны в Алжире. Именно туда в 1970 году пришел Оливье Керуй, студент-лингвист, и там будет организован «психо-клуб», который ведет Франсуаз Долто и за который отвечает Николь Гийе. Цель этой инициативы — использование психоаналитических знаний за пределами анализа, который многие считают слишком длинной и дорогой процедурой. Речь идет о том, чтобы устроить перенос (как в анализе) по переписке вокруг Анн Керьян, Жерара Грасса, Оливье Керуя, а также Жан-Клода Полака и некоторых других, кто время от времени принимает в этом участие: после первого бесплатного письма люди покупали право написать десять писем с рассказом о своих проблемах этой группе «психоаналитиков». Оливье Керуй становится руководителем этого психо-клуба, позднее он займется финансами CERFI.

Осенью 1971 года группа обосновалась в доме 103 по бульвару Бомарше, в красивой буржуазной квартире, принадлежащей... авиапромышленнику Марселю Дассо, которому не очень-то нравилось, что в его квартире поселилась такая «шайка» бунтарей. В квартиру стекается весь левацкий Париж просить денег на разнообразные проекты. Ядро сотрудников, работающих на полупостоянной основе, вырастает с семи человек до целой лаборатории численностью около двадцати человек. Начиная с 1972 года успех «Анти-Эдипа» привлекает толпу народа, включая примечательных персонажей, например Ги Окенгема. «Мафия» из постоянных сотрудников работает, не покладая рук, поскольку недостаточно спорить на собраниях, нужно еще проводить опросы, писать отчеты и искать новые заказы.

После выхода «Анти-Эдипа» Гваттари уже не может сдерживать количество людей, который хотят проходить у него психоанализ. CERFI и бульвар Бомарше — способ ответить на постоянно растущий спрос. Гваттари просит помощи у Анн Керьян, Франсуа Пэна, к которым присоединяется Даниэль Руло. Их всех объединяет то, что они не являются ни врачами, ни психологами. «Мы принимали в рамках CERFI людей, которые рассказывали нам то, что рассказали бы психоаналитику, и мы должны были организовывать сеть, подключение»⁶. Порой эти подключения имеют положительный эффект. Они помогают некоторым людям, ослепленным временной одержимостью,

6. Анн Керьян, интервью с автором.

вернуть некоторую радость жизни. Но группа, образованная неспециалистами, не обучавшимися психологии, остается очень уязвимой. Особенно переживает Даниэль Руло, так что этот опыт даже приходится прекратить: «Меня поразило, что это работало и могло стать практикой. Но это предполагало слишком много власти»⁷.

На бульваре Бомарше такое столпотворение, что переезд в пригород Фонтене-су-Буа осенью 1974 года, кажется, приносит некоторым настоящее облегчение. Переехать пришлось из-за жалоб соседей, которым надоела вся эта толчея каждый день. В момент отъезда с бульвара Бомарше члены CERFI строят множество планов. Гваттари только что вернулся из Америки и рассказывает, что ему понравилась настоящая жизнь коммуной. Появилась даже идея превратить бетонный пятиэтажный гараж в коллективное жилище: «Лично я была страшно напугана», — признается Флоранс Петри⁸. Второй проект был предложен Клодом Армелем, который работал в Дижоне в UNEF, VAPU и присоединился к CERFI в Париже. Полагая, что эпоха частных квартир закончилась, он предложил, чтобы все члены CERFI сложили ключи от своих квартир в шляпу и каждый наугад вытаскивал место, где он будет сегодня ночевать: «Я сочла это очень смелым предложением, потому что у него была очень хорошая квартира»⁹. В итоге остановились на классическом решении: найти большой дом с террасой и садом в Фонтене-су-Буа. Это место так никогда по-настоящему и не стало коммуной. Туда так никто и не переселился, только иногда ночевали. Изменение коснулось только знаменитого собрания по вторникам: удаленность от центра сделала его бесполезным¹⁰.

Прояснять государственные решения

Самый важный номер журнала CERFI *Recherches* — номер, открывающий серию материалов об общественных сооружениях¹¹. Он очень показателен с точки зрения того, какое место группа хочет занять в области социальных наук. Кроме того, в нем активно участвуют Делёз и Фуко. Но журнал печатает и «активистские» высказывания, которые являются не чем иным, как излия-

7. Анн Керьян, интервью с автором.

8. Флоранс Петри, журнал *Recherches*, интервью с автором.

9. Там же.

10. Через три месяца в феврале 1978 года CERFI в итоге вернется в Париж, переехав в 12-й округ на улицу Плейель.

11. «Généalogie du Capital 1. Les équipements du pouvoir», *Recherches*, №13, déc. 1973.

нием чувств, желаний и фрустраций исследователей, входящих в группу: «Для CERFI были характерны разговоры о желании, о бессознательном в социальных науках»¹². Группа применяет к общественным сооружениям лакановское различие «требования» и «желания»: «Мы утверждали, что спрос на общественное оборудование определялся прежде всего их предложением и социальной репрезентацией, которая из него вытекала, а знание, чего люди желают на самом деле, — это уж совсем другая история»¹³. Коллективное желание плюрализируется в мириаде индивидуальных желаний, прежде всего — желаний самих исследователей, которым журнал дает возможность публично высказаться о том, что обычно скрыто, вытеснено, считается неважным и задвинуто на задворки мастерской социолога¹⁴.

Представляя номер, Франсуа Фурке и Лион Мюрар признают родство с идеями Фуко, Делёза и Гваттари. Команда CERFI не ограничивалась только цитатами из этих «крестных отцов»: она пригласила Делёза и Фуко поучаствовать в некоторых дискуссиях, проходивших в рамках подготовки номера. В журнале опубликовано несколько отрывков из этих неформальных дебатов втроем между Жилем, Мишелем и Феликсом. Делёз предлагает деконструировать молярный характер понятия общественного оборудования, выделив в нем три специфические формы: структуры инвестиций, структуры коммунальных услуг и структуры эксплуатации. Фуко, со своей стороны, взяв в качестве примера дорогу, различает функции производства, производства спроса и нормализации. На каждом из уровней он отмечает пару антагонистов: агент власти/бандит для первой функции, таможенный агент/контрабандист для второй и инженер/бродяга для третьей.

Для эволюции CERFI, чьи теоретические отсылки до сих пор почти исключительно сводились к паре Маркс — Фрейд, также показательно, что этот номер, вышедший в 1973 году, несколько дистанцируется от марксизма: «Наши твердые марк-

12. François Fourquet, «L'accumulation du pouvoir ou le désir d'État», *Recherches*, № 46, septembre 1982, p. 15.

13. Ibid.

14. Тогда понятно, что вменяется подруге журналиста *Le Monde* Даниэля Верне (Мари-Терез Верне-Страджотти): слишком сильное погружение в семейные дела пары, слишком сильная территориализация. Эта история ярко показывает характерную для той эпохи борьбу против любого рода замыкания внутри пары. Подруга Даниэля Верне осмелилась запланировать совместный отпуск прямо перед выпуском номера, за который вызвалась отвечать! Накануне отъезда ее призвали к себе два члена «мафии», и дело сильно осложнилось, так как Мари-Терез согласилась составить заключительный отчет, а ее «мелкобуржуазное» отношение его испортило.

систские принципы по пути несколько ослабели»¹⁵. Под воздействием Лиона Мюрара и Франсуа Фурке особую важность для осмысления логики рынка и капитализма приобретает другой источник: историк Фернан Бродель, «отец» школы «Анналов», главенствовавший в 1973 году в корпорации историков.

Вскоре после этого коллективного проекта Фурке пишет очень личную книгу, которую выпускает как №14 журнала под заголовком «Исторический идеал»¹⁶. В первых же строках он представляет этот проект как отражение «личного кризиса и глубокой трансформации отношений с практикой политического активизма, психоанализа и исторического знания»¹⁷. «Исторический идеал» — настоящая критика активистских принципов, в особенности маоистов-альтюссеристов вроде Робера Линара, с точки зрения идей Сартра и Ницше, к которым следует также добавить Броделя — у него Фурке черпает историческое вдохновение. Из этой критической траектории он делает вывод, что «существуют только либидо и сила»¹⁸.

Фурке стремится размежеваться особенно с кругом CERFI и с «Анти-Эдипом» Делёза и Гваттари, где отстаивался некоторый активистский идеал. Там складывается имплицитная концепция активистского идеала, производного от морального идеала, который, по его мнению, по сути является продолжением аскетического идеала Ницше в современной форме. Он дистанцируется от этой концепции, считая, что Делёз и Гваттари проецируют эту мораль на свою концепцию бессознательно: якобы есть хорошее и плохое бессознательное, что абсурдно, потому что, как показал Фрейд, бессознательному неведомы ни время, ни мораль, а значит, оно располагается по ту сторону добра и зла. Он представляет эту критику в несколько завуалированном виде, но все же она считывается. Это дистанцирование Фурке продолжит в жизни, когда в 1976 году он покинет Париж с чемоданом, заполненным книгами Ницше. Он отправляется жить в одиночестве в горах департамента Ардеш, продолжая проводить опросы для CERFI, из-за которых регулярно приезжает в Париж.

Если оставить в стороне эссе Фурке, *Recherches* ставят перед собой задачу проверить на практике понятие коллективной сборки высказывания. Хотя журнал не отказывается от подпи-

15. François Fourquet, Lion Murard, présentation, *Recherches*, №13, déc. 1973, p. 1.

16. François Fourquet, «L'Idéal historique», *Recherches*, №14, janvier 1974; rééd. Paris: UGE, 10/18, 1976.

17. Ibid.; rééd. 10/18, p. 7.

18. Ibid., p. 8.

сей под материалами, он отдает предпочтение коллективным размышлениям и не довольствуется ролью почтового ящика, в который кладут статьи, чтобы потом из них кое-как собрать журнал. Самые амбициозные ставки делаются на группу с расчетом на то, чтобы произвести на свет новую коллективную субъективность: «Каждый должен присвоить себе коллективную субъективность, сохранив при этом свою собственную. Порой это очень трудно»¹⁹. Фактически в CERFI не стоит вопроса об организации работы по рациональной схеме, с учетом квалификаций каждого, еще меньше, чтобы привлечь посторонних специалистов. Поэтому там нет исполнителей, секретарей или профессиональных менеджеров: «В фундаментальном смысле речь шла о том, чтобы быть вместе, создавать совместную форму жизни»²⁰. Сразу после 1968 года это попытка замедлить наступающий распад и продолжать интенсивно проживать утопию в действии. Единственный закон, признаваемый CERFI, — священный закон группы и ее активистских интересов. Фурке вспоминает, что они переиначили на свой лад формулу ордена иезуитов «подчиняться как труп» (*perinde ac cadaver*), который CERFI тоже понимал в смысле дисциплины, как призыв к порядку: «Будь активен, активист» (*En militant, militant*)²¹.

Искусство скандала

После публикации «Анти-Эдипа» в 1972 году Ги Окенгем, бывший активист JCR, активист движений по борьбе за права гомосексуалов и основатель «Гомосексуального фронта революционных действий» (FNAR), появился в CERFI с книгой Делёза и Гваттари под мышкой и заявил, что наконец нашел теорию, которая была ему нужна. Он пришел не один, а с целой командой из «Гомосексуального фронта», и попросил CERFI поручить ему выпуск специального номера журнала о гомосексуализме. Он просил «мафию» принять участие, но согласилась только Анн Керьян. Этот номер *Recherches* окажется самым знаменитым и самым провокационным за всю историю журнала, даже подвергнется судебному преследованию — тираж номера будет арестован. Когда это произошло в апреле 1973 года, Гваттари был на конференции в Канаде. По возвращении он находит на своей двери замок, повешенный полицией, обыскавшей

19. Анн Керьян, цит. по: Janet H. Morford, «Histoire du CERFI», p. 63.

20. Ibid., p. 75.

21. Франсуа Фурке, цит. по: Ibid., p. 94.

помещение. В его парижской квартире перерыли все бумаги и одежду, в то время как другой наряд полиции проводил такой же обыск у него на работе, в клинике Ла Борд.

Номер вышел в марте 1973 года и носил название «Три миллиарда извращенцев»²². В основном он был подготовлен силами «Гомосексуального фронта» (а не CERFI, члены которого с любопытством наблюдали со стороны, между собой называя его «номером педиков»), и все же эта «Большая энциклопедия гомосексуальностей» (подзаголовок номера) могла похвастаться участием и поддержкой авторитетных фигур французской интеллектуальной жизни. Это сразу видно, если посмотреть на имена некоторых из участников: Делёз, Гваттари, Жан Жене, Мишель Фуко, Жан-Поль Сартр, Жан-Жак Лебель... Тем не менее власти сочли, что это уж слишком, и арестовали тираж. Гваттари как главный редактор приговорен судом к штрафу в 600 франков за «оскорбление нравов». Решение суда предусматривает уничтожение всего тиража номера, который судьи назвали «подробным каталогом непотребств и сексуальных отклонений», «либидинозными излияниями кучки извращенцев». Ги Окенгем явно получил карт-бланш на то, чтобы вместе со своими товарищами по «Фронту» делать все что вздумается, и, пользуясь случаем, описал во всех подробностях некоторые шокирующие гомосексуальные опыты — с арабами, заключенными, несовершеннолетними: «Мы использовали журнал под названием *Recherches*, могли целый год делать, что хотим, это была своего рода творческая группа, потому что, по сути дела, мы оккупировали чужой журнал. Было очень важно оккупировать чью-то чужую территорию»²³.

Гваттари объясняет в предисловии к номеру, что необходимо было поставить под сомнение традиционные методы социальных наук, чтобы обойти формы цензуры, которые могли мешать успеху этой энциклопедии гомосексуальности. Нужно было избежать как объективизма, на который, как правило, претендуют подобные исследования, например, доклад Кинси о «сексуальном поведении американцев», опубликованный после войны, так и ловушек психоаналитической интерпретации, которая сводит многообразие опыта к заранее установленной рамке.

Напоминая о том, что в 1973 году гомосексуализм остается объектом дискриминации, в номере публикуется петиция против перевода из лица Сен-Кентена помощника препо-

22. *Trois milliards de pervers, Recherches*, № 12, mars 1973.

23. Guy Hocquenghem, entretien avec Jean-Pierre Jocker et Alain Sanzio, *Masques*, mars 1981, p. 16.

давателя истории Жан-Клода Бойера, который публично заявил о своей гомосексуальности и принадлежности к «Гомосексуальному фронту». Еще до того, как были применены санкции, его начальник накричал на него: «Грязный педрила! Посмотрим, как тебя защитит твой профсоюз педрил!»²⁴ В письме в суд в 1974 году Гваттари объясняет, что предоставил «Фронту» возможность выразить желание гомосексуалов выйти за пределы гетто: и того, которое сводит их к некоей патологии, и того, что превозносит их отличие. В суде Гваттари будет говорить о сугубо политическом характере этого судебного процесса: «Этот процесс выдвигает обвинения против нового подхода к повседневной жизни и желанию и новых форм самовыражения, спонтанно зародившихся, начиная с 1968 года»²⁵.

Эта конфронтация с правосудием в 1973–1974 годах — поворотный момент как для CERFI, так и для левого движения в целом. Пробыл час отлива и ухода в себя, для одних — в добропорядочность, для других — в смятение: «Начиная с 1974 года, праздник закончился по всем направлениям»²⁶. Эпоха Шабана-Дельма, пытавшегося исследовать французское общество, чтобы его изменить, завершилась. С приходом к власти Валери Жискара Д'Эстена для CERFI закончились большие государственные заказы. В 1975 году Министерство окружающей среды предлагает нескольким исследователям CERFI поступить в штат, но это касается только профессиональных ученых, дипломированных в соответствующих областях: на тот момент это всего пять из двадцати пяти человек, состоявших в штате CERFI²⁷. Очевидно, что такая интеграция означала бы, что CERFI придется отказаться от независимости и оставить ни с чем большую часть группы: «Было решено отказаться. Мы с Мишелем Ростеном подписали обращение в *Le Monde*, которое окончательно закрывало передо мной двери Национального исследовательского центра (CNRS), потому что мы утверждали, что плохо, когда люди становятся учеными пожизненно»²⁸.

24. Текст, подписанный Ф. Шатле, Х. Вебером, Д. Бенсайдом, Ж. Делёзом, Ж.-Ф. Лиотаром, Р. Шерером, Ж. Лапассадом, Ф. Гваттари, Р. Луро, Г. Окенгемом, М. Жюффом, П. Баржонне, С. Эннионом.

25. Félix Guattari, «Trois milliards de pervers à la barre», *La Révolution moléculaire*, p. 118.

26. Анн Керьян, интервью с автором.

27. Речь шла о Франсуа Фурке, Лионе Мюраре, Лиан Мозер, Мишеле Ростене и Анн Керьян.

28. Лион Мюар, интервью с автором.

В 1974 году стечение ряда обстоятельств — слишком разросшаяся группа, последствия запрещения номера о гомосексуалах, финансовые трудности, связанные с потерей больших заказов, неблагоприятное развитие политической ситуации после проигрыша Франсуа Миттерана Валери Жискару Д’Эстени, — способствует повороту. Принимается решение разделить CERFI и создать несколько финансово независимых единиц: «В 1974 году CERFI разделили на несколько подгрупп, организовав их в производственные единицы по принципу один заказ/одна группа. Одна группа — один бюджет. Лозунг напоминал тот, что был в шестидесятые, „Один, два, три Вьетнама“²⁹ — „Один, два, три CERFI!“³⁰.

Капиталы тают, и, чтобы с этим бороться, Лион Мюрар и Мишель Ростен берут на себя финансовое руководство CERFI: до того времени в организации существовала ротация в управлении финансами, а главной инстанцией принятия решения было общее собрание по вторникам. Новое руководство твердо настроено упорядочить расходы, сбалансировать бюджет, что означает, что оно само будет решать, какой проект поддерживать. Постепенно коллективный режим работы трансформируется. Собрания по вторникам выходят из обихода. Гваттари участвует в них нерегулярно: «CERFI, таким образом, несколько лишился своей центральной роли и стал больше похож на кассу, собиравшую деньги с провинциальных групп, чтобы кормить журнал»³¹. Эта общая перестройка в CERFI совпала с переездом в пригород Фонтене в сентябре 1974 года.

Итак, CERFI теперь организуется вокруг подгрупп, занятых специфическими видами деятельности (есть, например, CERFI-музыка, которой руководит Мишель Ростен), или по логике децентрализации, которая порождает среди прочих CERFISE (Центр институциональных исследований и образования Юго-Востока). Местный CERFI формируется в Марселе в 1974 году вокруг одного из родоначальников городской политики во Франции Мишеля Ансельма, бывшего маоиста из Марксистско-ленинской коммунистической партии Франции (PCMLF), который несколько раз приезжал в Ла Борд. В середине 1970-х годов по просьбе мэра Марселя Гастона Дефера и Государственного бюро по социальному жилью он вместе

29. «Создадим один, два, три Вьетнама» — лозунг Эрнесто Че Гевары, призывавшего создать множественные очаги вооруженной революционной борьбы в Латинской Америке. — *Прим. ред.*

30. Мишель Ростен, цит. по: Janet H. Morford, «Histoire du CERFI», p. III.

31. Anne Querrien, *ibid.*, p. 112–113.

с друзьями занимается первичной реновацией в одном из пригородов Марсея.

В CERFI есть также группа видео и кино, которой руководит Франсуа Пэн. Помимо того, что он снял несколько фильмов о Ла Борд, он продолжал применять на практике принципы институционального анализа, предлагая учреждениям проводить стажировки, чтобы научить сотрудников снимать их работу изнутри. В частности, в 1974 году в Нанте группа участвует в работе структуры, занимающейся размещением больных в городских квартирах. Этот центр психотерапии исповедует институциональный анализ, но Пэн со своей видеогруппой выявляет целый ряд серьезных нарушений в его работе.

Солидный издательский успех

Изменения, которые CERFI переживает в 1974–1975 годах, таким образом, выливаются в целый ряд дополнительных видов деятельности, в том числе приводят к расширению его издательской деятельности за рамки журнала. Это начало издательской политики с созданием серии *Encres* в издательстве *Recherches*, а также переизданием в серии книг карманного формата «10/18» нескольких номеров, вызвавших определенный резонанс. Эта деятельность совпадает с приходом в команду CERFI Флоранс Петри. Активистка Группы информирования о тюрьмах (GIP), Петри услышала о Центре и в 1973 году пришла на одно из знаменитых собраний, проходивших по вторникам. Верстальщица, она работает как фрилансер в книгоиздании, а также занимается продвижением в академической среде серии «10/18»: «Когда я попала в эту группу, я почувствовала, что в ней есть продуктивность, резонанс от которой требовалось усилить»³². Ее первый контакт с Гваттари был довольно прохладным и даже вызвал конфликт: она хочет заниматься книгоизданием и наталкивается на отказ с его стороны. Но развитие журнала все больше ориентирует его на издание коллективных сборников: «Моя задача была следить за переходом от журнала к сборнику, а для этого был нужен взгляд со стороны»³³. Флоранс Петри появилась в группе, когда стоял вопрос о переиздании запрещенного номера «Три миллиарда извращенцев». Его второй тираж, составивший 10 000 экземпляров, был моментально раскуплен. Через некоторое время *Recherches*, превратив-

32. Флоранс Петри, интервью с автором.

33. Там же.

пшись в издательство, выпускает первые книги из серии *Encres*: «Молекулярную революцию» Феликса Гваттари и «Силу внешнего» Жоржа Прели, обе — в 1977 году. Они сразу пользуются популярностью и усиливают резонанс, который уже был у журнала в тот период, особенно благоприятный для книгоиздания в сфере социальных наук³⁴. Книготорговцы просят журнал, тиражи которого быстро догоняют тиражи книг.

Киоски на бульваре Сен-Мишель выкладывают стопки «Молекулярной революции» и «Исторического идеала» Фурке рядом с газетой *Le Monde*. В *La Quinzaine littéraire* Морис Надо с энтузиазмом приветствует идеи Гваттари как появление нового голоса и новой мысли. До 1976 года дистрибуция, однако, остается кустарной. Киоски и книжные магазины напрямую направляют заказ в издательство, которое в основном отдает продукцию на комиссию. Петри сводит Фурке и Мюрара с *Sodis*, дистрибутором *Gallimard*, что позволит увеличить продажи изданий CERFI.

Издание в мягком переплете в серии «10/18» нескольких работ, таких как «Инфраструктура власти», «Исторический идеал», «Молекулярная революция», обеспечивает продолжение успеха *Recherches*. В этот период в области изданий по гуманитарным наукам и литературе карманного формата важнейшую роль играет Кристиан Бургуа. С начала 1970-х годов именно его амбициозные решения позволили добиться успехов в книгоиздании. Когда он выпускал в серии «10/18» Бориса Виана, его скептически настроенный друг Повер пытался отговорить Бургуа. Но тот сразу же продал несколько сотен тысяч экземпляров. Было продано также 200 000 экземпляров суховатого исследования Эрнеста Менделя «Марксистская экономическая теория». Бургуа завоевал широкую аудиторию среди молодежи и студенчества. Кроме того, он окружил себя многочисленными студентами-консультантами или ассистентами, что позволяет ему завязывать отношения с некоторыми из авторов. Именно так он познакомился с Жаном-Франсуа Лиотаром и Корнелиусом Касториадисом (у которого в то время был псевдоним «Шольё»).

В начале 1970-х годов к Бургуа зашел Делёз, просто познакомиться. С Гваттари Бургуа познакомился после выхода «Анти-Эдипа» в 1972 году, как раз тогда, когда CERFI начинает свои большие исследования, вызывающие у издателя огромный ин-

34. № 22, «Со-ть», 1976, под редакцией Рене Шерера и Ги Окенгема, разошелся в количестве 7000 экземпляров за полтора года. № 25, «Маленький неутомимый работник», 1976, под редакцией Лиона Мюрара и Патрика Зильбермана: первое издание разошлось в количестве 4000 экземпляров, второе — 4500.

терес. В ходе завтрака, на котором также присутствуют Лион Мюрар, Франсуа Фурке, Клод Руо и Флоранс Петри, было достигнуто соглашение о переиздании некоторых книг издательства *Recherches* в карманном формате у Бургуа. Семейные связи сближают Бургуа с Гваттари: его первая жена Аньес Б. в середине 1970-х жила с Жаном-Рене Флерье (сыном Мари-Клер Серван-Шрайбер, ставшей мадам Мендес Франс), за которого она вышла замуж и от которого у нее двое детей: «Мои отношения с Феликсом были связаны с Ла Борд, с его отношениями с Аньес, с моими отношениями с его детьми»³⁵.

Кристиан Бургуа, уважающий чужие границы, считает Делёза и Гваттари авторами издательства *Minuit*. Жером Линдон выступает против любых изданий в карманном формате. Однако он делает по дружбе небольшое исключение из своего строгого правила, позволив Бургуа выпустить в 1973 году один тираж «Логик смысла» в серии «10/18». Вся бурная интеллектуальная деятельность декад в Серизи, таким образом, благодаря этой серии доходит до широкой публики: «„10/18“ — это было желание в действии. Я хотел, чтобы эти книги существовали, а они хотели мне их принести»³⁶.

Деятельность издательства *Recherches* набирает обороты, в особенности под влиянием Лиона Мюрара и Патрика Зильбермана, которые осуществляют здесь масштабные проекты. Эти проекты, однако, вызывают противодействие группы, потому что все больше ориентируются на вполне классическую политику авторов. Самым крупным и престижным изданием, выпущенным *Recherches*, будут выходявшие с 1977 года пять томов «Истории французских страстей (1848–1945)» Теодора Зельдина. Перевод и покупка прав на столь монументальное произведение требовали вложений, несопоставимых со средствами CERFI. Кроме того, против этой инициативы решительно, хотя и безуспешно, выступил Оливье Керуй, руководящий Центром.

Исследованные CERFI объекты дали повод для публикаций в журнале на самые разные темы, и по прошествии времени можно оценить значение каждого из этих исследований. Среди многочисленных публикаций журнала, начиная с 1971 года, можно выделить три излюбленные области. В первую очередь это безумие³⁷, главная сфера компетенции CERFI,

35. Кристиан Бургуа, интервью с автором.

36. Там же.

37. См., в частности: *Cahiers de l'Immuable* de Fernand Deligny (№ 18–20–24, 1975, 1976); *Psychiatrie: le secteur impossible* (№ 17, mars 1975); *Histoires de La Borde* (№ 21, avril 1976); *L'Asile* (№ 31, février 1978); *Déraisonances* (№ 36, mars 1979).

имеющего в качестве точки привязки Ла Борд, место стажировки большинства из членов группы. Вторая очень большая область может быть обозначена термином Фуко «дисциплинарные миры»: это изучение прошлого и настоящего государственных институтов методами, опирающимися на Фуко, Делёза, Гваттари, в качестве вектора территориальной фиксации, нормализации, дисциплины и разметки. CERFI прямо противопоставляет выражение желания логикам власти в соответствии с бинарным подходом. Фурке критически дистанцируется от него в 1982 году, когда будет подводить итоги деятельности CERFI. В этот момент он рассматривает государство как, безусловно, центральный, но не единственный институт, чья функция больше состоит в присвоении, чем в подавлении: «Первейшая функция государства-захватчика — захватывать, а не истощать, канализировать, а не преграждать, концентрировать, а не блокировать»³⁸. Ибо в этом процессе господствующие и подчиняющиеся силы переплетаются настолько тесно, что выделить логику, внешнюю по отношению к гражданскому обществу, невозможно, хотя именно она преобладала в большинстве работ CERFI. Тем не менее конкретные исследования, внимание, уделяемое опыту и речи участников событий, позволяют работам CERFI сохранить ценность и интерес, несмотря на парадигму, продемонстрировавшую свою ограниченность. Третья группа публикаций CERFI посвящена вопросу сексуальности, что неудивительно для течения, называющего себя «желающим», поскольку оно ставит на первое место удовлетворение всевозможных желаний, а значит, уничтожение любых препятствий. В самый разгар периода, ставящего под вопрос традиции, создаются благоприятные условия для массового восприятия идей, нашедших выражение в номерах, посвященных сексуальному освобождению.

В 1979–1980 годах критическая парадигма в гуманитарных науках переживает общий кризис: марксизм и структурализм все больше наталкиваются на собственные границы. Политический контекст меняется сам и меняет существующую ситуацию — в связи с наплывом в Западную Европу советских диссидентов с рассказами о ГУЛАГе встает тема прав человека. Становятся известны истинные масштабы резни, устроенной режимом Пол Пота в Камбодже, которая по размаху близка к геноциду. Все это способствует серьезной переоценке и прежде всего пересмотру утопий, которыми вдохновлялись критические исследова-

38. François Fourquet, «L'accumulation du pouvoir ou le désir d'État», *Recherches*, № 46, septembre 1982, p. 64.

ния в 1960-е и 1970-е годы. Это серьезно отразилось на CERFI. Для организации, утратившей центр и заменившей его мелкими децентрализованными группами, для которой 250 квадратных метров на бульваре Бомарше — далекий золотой век, наступил час расколов. CERFI оказался на грани выживания, разместившись в двух крошечных комнатах возле площади Насьон, на улице Плейель.

В этом контексте Лион Мюар и Патрик Зильберман пишут текст, адресованный другим членам организации, в котором выдвигается ряд предложений о радикальном пересмотре прошлых ориентиров и о новых ориентирах на будущее. Без лишней дипломатии в тексте сразу заявляется, что для журнала в его нынешнем виде, «как нам кажется, время прошло»³⁹. Мюар и Зильберман ставят журналу суровый и непререкаемый диагноз: «Находясь при смерти, журнал может умереть красиво своей смертью, быть как можно скорее похороненным или может резко сменить курс — и руководство. Три варианта, из которых рассмотрения заслуживает только последний»⁴⁰. Разногласия накапливаются уже несколько лет. В первую очередь не скрывается радикальное неприятие ориентации, представленной «Гомосексуальным фронтом»: «Наш проект, который еще предстоит определить, целиком отвергает футуристскую и фашистскую формулировку Окенгема: „Мы за поверхность, насилие и секс“»⁴¹. Проект, который хотя бы предложить взамен Мюар и Зильберман, ставит своей целью опереться на этику ответственности, открыться международным веяниям и тем самым избавиться от французского изоляционизма и сосредоточенности на своих проблемах: «Два голоса раздраженно рассказывали нам о негодовании, которое вызывает нищета этого интеллектуального Лихтенштейна, каким является Франция с ее ксенофобией и самокопанием»⁴². Они предлагают настоящую «революцию в революции»: прекратить упоминать CERFI в журнале, вывести Гваттари из руководства, передать руководство секретариатом редакции в руки брату Мюара — Ньюма, а также привлечь новый круг авторов: Жана-Мари Дубле, Франсуа Эвальда, Кондомина-младшего, Марселя Гоше, Кшиштофа Помяна и т. д.

39. Лион Мюар, Патрик Зильберман, машинописный текст, о котором автору рассказал Лион Мюар. Он был адресован членам CERFI Анна, Лианс, Феликсу, Мишелю, Франсуа, Ньюме, Оливье, Клоду А., Жоржу, Клоду Р., Жерару, Люку, Филипу, Флоранс, Франсуаз.

40. Там же.

41. Там же.

42. Там же.

Главный конфликт, возникший в конце 1970-х годов между Мюраром и Зильберманом, с одной стороны, и Гваттари — с другой, связан и с отказом основателя CERFI четко и ясно осудить итальянских и немецких левых экстремистов, призывающих к вооруженному насилию. В 1979–1980 годах Лион Мюрар, наоборот, требует безоговорочного осуждения терроризма: «Я добавил в своем тексте: „Не так ли, Феликс?“ Феликс позвонил мне, он был в ярости, что и понятно, но это был всего лишь текст для внутреннего употребления. Он угрожал мне своими адвокатами. После двадцати лет совместной работы это меня озадачило. В конце концов я решил переписать эти злощастные пять строчек»⁴³. Этот текст даже не будет обсуждаться на общем собрании — еще один симптом распада группы — и только усугубит внутренний кризис.

В контексте происходящего в 1980 году Анн Керьян считает, что необходимость поворота журнала к защите демократических идеалов по крайней мере заслуживает обсуждения. Кроме того, она все более критически относится к не слишком демократической организации работы журнала, в котором главный редактор сосредоточил в своих руках всю власть, по-настоящему в него не вкладываясь. Несмотря на безупречную верность Гваттари, ее раздражают противоречивые чувства и ей нравится идея реорганизации журнала, предложенная Мюраром и Зильберманом. В октябре 1980 года она пишет примиряющий текст и тут же получает звонок от Гваттари, который обвиняет ее в переходе на сторону его врагов, и сообщает, что больше не желает ее видеть: «Я затряслась как безумная и очнулась уже в больнице Святой Анны»⁴⁴. Растерянность Анн Керьян можно понять, если учесть, что в CERFI рабочая и аффективная сферы не разделялись. У тех, кто отдавался научной работе, как она, не было установленного графика, и они должны были постоянно проявлять самоотверженность, к этому добавлялись аффективные связи, анализ, перенос... Дело осложнялось тем, что Керьян проходила анализ у Гваттари и обычно, лежа на кушетке, рассказывала ему о проблемах CERFI. Гваттари уже однажды сказал ей слова, от которых она пришла в ужас: «Когда я вижу мертвое дерево и пробивающиеся зеленые побеги, я смотрю на побеги, и мне плевать, что дерево внутри погребло, потому что, если срезать побеги, погибнет все»⁴⁵.

43. Лион Мюрар, интервью с автором.

44. Анн Керьян, интервью с автором.

45. Феликс Гваттари, процитированный Анн Керьян в: Janet H. Morford, «Histoire du CERFI», p. 163.

От этого внутреннего раскола CERFI так никогда и не оправится. В 1981 году Гваттари уходит со своего поста и передает руководство журналом Лиан Мозер. Впрочем, *Recherches* больше не выступают в качестве журнала CERFI. Будет опубликовано несколько номеров вплоть до последнего, 49-го номера в апреле 1983 года, вышедшего под совместной редакцией Феликса Гваттари и Лиан Мозер.

Подводя итоги, можно оценить, насколько богатым был этот коллективный опыт. CERFI, конечно, расплатился сполна за отказ образовать институционализированную команду. Но дух центра был среди прочего в том, чтобы без усталости искать себя, идти непроторенными путями, укрепляться за счет своих собственных кризисов. Что такое CERFI: группа ученых в области социальных наук? идейное движение? интеллектуальное движение? союз желаний? школа мысли? коллективный опыт в духе фаланстера? научно-производственный кооператив? Хотя у каждого был свой уникальный опыт в CERFI, еще сильнее привязанный к группе из-за отсутствия у нее объединяющей институциональной поддержки, все же у этой галактики, состоявшей из разных планет, был свой центр притяжения, солнце по имени Гваттари: «Это была театральная сцена, на которой разыгрывалось множество аффектов, конфигураций отношений... Я думаю, что CERFI был прежде всего созданием сцены»⁴⁶. Его оригинальность была основана на добровольном соединении теоретических ставок и практического опыта, интеллектуального измерения и аффектов, социума и индивидуальных желаний. Такая артикуляция не была само собой разумеющейся, она требовала определенного героизма от тех, кто на нее решился.

Во многих областях CERFI был инновационной структурой, а его результаты — очень ценными. Если взять исследовательскую методологию, которую центр привнес в господствующий дух 1970-х годов, мы с удивлением обнаружим, как сильно она предвосхитила прагматический поворот, который будут переживать в конце 1980-х все гуманитарные науки. Лучшее всех ее научную практику, без сомнения, осмыслил Франсуа Фурке в двух важных книгах⁴⁷. По всей видимости, поскольку он критически относился к концепту субъекта, оторванного от со-

46. Феликс Гваттари, цит. по: Janet H. Morford, «Histoire du CERFI», p. 218.

47. François Fourquet, Lion Murard, *Histoire de la psychiatrie de secteur*, Paris: Recherches, 1980 (déjà parue sous le titre *Psychiatrie: le secteur impossible?*, Recherches, №17, mars 1975); François Fourquet, *Les Comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan*, coll. «Encres», Paris: Recherches, 1980.

циума, и в то же время искал процессы субъективации, ему пришлось полагаться на участников событий и проявлять максимальное этическое уважение к их словам как источнику смыслов и главному пространству исследований.

Слушать участников событий

Работая над своей «Историей государственной психиатрии», вышедшей в 1975 году, Франсуа Фурке и Лион Мюрар общались с психиатрами и администраторами, которые были участниками этой трансформации психиатрической практики⁴⁸: «Мы в основном собрали разные высказывания, которые потом расположили в определенном порядке, и именно эта работа по сборке доставила нам наибольшее удовольствие»⁴⁹. Впоследствии Фурке осмысляет методологические проблемы этого исследования. Он уточняет две особенности, которые заставили отдать приоритет записанным на магнитофон свидетельствам участников истории, а не письменным архивам. Работа исследователя в основном состояла в разработке вопросов для анкеты и составлении окончательного текста из отрывков. Использование журналистских и социологических методов позволяло авторам избежать выбора между структурой и индивидом: «Речь не идет о том, чтобы заменить Структуру на Индивида и сказать: историю делают индивиды»⁵⁰. Где же тогда искать истинную движущую силу этой истории психиатрии, чтобы связать вместе разные течения ее эволюции? Фурке поначалу подумал о термине «исторические матрицы». Например, автор циркуляра 1960 года доктор Ожалё вписывает свои решения в своего рода деголлевскую матрицу, у которой есть одновременно и теоретический, и практический аспекты и которая действует на индивида в обход его сознания. Таким образом, есть сложная игра, в ходе которой могут связываться деголлевская матрица доктора Ожалё, или коммунистическая матрица доктора Люсьена Боннафе, или протестная матрица доктора Жоржа Домезона, или матрица молодежных турбаз докторов Ури и Гваттари... «А потом это не сработало. Наши матрицы в итоге надоели нам

48. Ожалё, Байи-Сален, Люсьен Боннафе, Жорж Домезон, Феликс Гваттари, Робер-Анри Азманн, мадам Лоренсо, мадмуазель Мамле, д-р Миньо, Жан Ури, Даниэль Сабурен-Сивадон, Поль Сивадон, Орас Торрубия, Франсуа Тоскейес, Шарль Вайе.

49. François Fourquet, Lion Murard, «Présentation», *Histoire de la psychiatrie de secteur*, p. 6.

50. François Fourquet, *ibid.*, p. 314.

самим. Они стали походить на „паттерны“ американской культурологии плюс либидо»⁵¹.

В 1980 году Фурке, на сей раз один, публикует новое исследование о финансовой отчетности, в котором продолжает размышления об использовании устных источников⁵². Как мы уже писали, в 1976 году он уезжает из Парижа в Ардеш и вернется жить в Париж только в 1994-м. Между тем он не бездействует и ездит в Париж и обратно изучать самую большую государственную организацию: «Я приезжал в Париж в длинном шерстяном кардигане, обутый в сабо и в таком виде отправлялся к Пьеру Мендесу Франсу и остальным!»⁵³ При таком далеком от академизма подходе ему нет нужды культивировать дистанцированность исследователя, она и так бросается в глаза. Благодаря месту, которое он отводит устным источникам, Фурке удастся изложить особенно сухую и строгую тему финансовой отчетности в удобной для восприятия форме и представить эту историю так, как будто ее рассказывают ее участники⁵⁴. Основным, хотя и не единственным, источником становятся интервью с 26 участниками, которые он провел в 1978–1980 годах. Собрав несколько интервью, он отправляется изучать свои источники в Ардеш: «Если ученый как следует слушает, он может открыть совершенно замечательные вещи, тогда как обычно дело имеют только с элементами, выхолощенными, анестезированными академическим дискурсом»⁵⁵. Его исследование подчеркивает фундаментальное изменение экономического менталитета, произошедшее в период между довоенной мальтузианской фазой и послевоенным продуктивистским волюнтаризмом и связанное с тем, что государство максимально взяло под свой контроль экономические механизмы, чтобы максимизировать факторы роста. Опираясь на опыт исследования государственной психиатрии, Фурке продолжает свою работу, не теряя преемственности с исследованием, которое «показало мне необыкновенное превосходство современной истории, рассказанной самими ее участниками, над исследованием, которое называет

51. Ibid., p. 316.

52. François Fourquet, *Les Comptes de la puissance. Histoire de la comptabilité nationale et du plan*.

53. Франсуа Фурке, интервью с автором.

54. Клод Альфандери, Анри Ожак, Луи-Пьер Блан, Бейнар Жан, Франсуа Блок-Лене, Жан Денизе, Рене Фроман, Пьер Гаванье, Клод Грюзон, Этьен Хирш, Эдуар Малинво, Жан Маржевски, Пьер Массе, Жак Мейер, Пьер Мендес Франс, Рене Мерсье, Симон Нора, Франсуа Перру, Шарль Пру, Жан Рипер, Мишель Рокар, Жан Сен-Грур, Жан Серизе, Пьер Юри, Андре Ванולי, Андре Венсан.

55. Франсуа Фурке, интервью с автором.

себя научным и зачастую ограничивается тем, что переписывает речь участников событий так, что в ней неразличимым для читателя образом смешивается первичная информация, полученная от источников, и комментариев самих ученых»⁵⁶.

Фурке очень хорошо осознавал неизбежный конфликт между высокомерной позой ученого, предположительно знающего и считающего себя способным изобличить в словах участников самообман, искусственное оправдание и задние мысли, и идей, что для того, чтобы понять другого, его нужно сначала выслушать и усвоить его логику. С этим конфликтом сталкивается исследователь, который не должен склоняться ни в одну, ни в другую сторону, но удерживать обе. Именно за счет этих творческих конфликтов между волей и знанием, социумом и либидо, знанием и властью существовали сотрудники CERFI, доводя их до апогея.

56. François Fourquet, *Les Comptes de la puissance*, p. XI.

Глава 16

«Молекулярная революция»: Италия, Германия, Франция

В 1976 ГОДУ Страна басков переживает волнения, особенно в районах, граничащих с Испанией, где организация ЭТА начала вооруженную борьбу против мадридских властей. В этот период Феликс Гваттари мечтает создать федерацию всех региональных протестных движений, способных открыть второй фронт и ослабить национальное государство. Несмотря на свои связи, ему не удастся реализовать этот замысел, как минимум чреватый пересечением грани между демократической борьбой и террористическими актами.

Итальянский май 1968 года: 1977

Зато они с друзьями видят настоящий источник обновления в итальянских событиях. Окунувшись в гущу событий мая 1968 года, они через десять лет оказались на улицах Болоньи и потрясенно наблюдали за молекулярной революцией, на которую так уповали, за движением протеста против всех структур, говорящим на совершенно новом языке и действующим неслыханными методами. В 1977 году, когда вышла книга Гваттари «Молекулярная революция», в Италии разворачивается движение настолько радикальное, что на его фоне французский май 1968-го выглядит невинной студенческой забавой.

Италия 1977 года переживает беспрецедентный кризис. Экономические показатели удручают. Каждый месяц страна все больше погружается в пропасть. В ней теперь насчитывается два миллиона безработных, и официальные прогнозы не обещают ничего хорошего: в январе 1977 года сам министр промышленности в виде новогоднего поздравления объявил о дополнительных 600 000 безработных в феврале. Темпы инфляции, составляющие 25% в год, обрушили лиру, которая потеряла 38,9% по отношению к доллару за три года. Парадоксально, но именно в этой стране, теряющей рабочие места

и ориентиры, образовалось большое протестное движение, которое не требовало равного распределения рабочих мест, работы для всех, индексации заработной платы с учетом роста цен, но гораздо более радикальным образом намеревалось разрушить самые основы системы, напрямую атаковав трудовые ценности, собственность, полномочия власти и делегирование высказывания.

Если экономический и социальный кризис набирает обороты, то политическая ситуация полностью парализована. Правительство Андреотти управляет страной наугад. Что касается другой влиятельной альтернативной силы, Итальянской коммунистической партии, во главе которой стоит Берлингуэр, то она призывает к национальному оздоровлению, моральному порядку и принятию режима строгой экономии. Итальянская компартия пошла на «исторический компромисс» с правительством. В этот период итальянские коммунисты дистанцировались от советского «старшего брата». Они стали боевым крылом «еврокоммунизма», на зависть соратникам из других стран. В то же время их примирение с итальянскими властями и стремление к альянсу со столь дискредитированной партией, как христианские демократы, лишило перспектив широкие массы «исключенных», по которым кризис ударил особенно тяжело и которые потеряли всякую надежду.

Этот свинцовый гнет питает радикальность, становится причиной стихийных взрывов и жестоких столкновений. Если в мае 1968 года движение говорило на старом языке, языке марксизма-ленинизма в его троцкистской или маоистской версии, то десять лет спустя итальянский протест ищет новых везаний. Целый ряд итальянских крайне левых течений найдет у Делёза и Гваттари и в особенности в «Анти-Эдипе», итальянский перевод которого вышел в 1975 году, новый язык, в частности тот, что вращается вокруг понятия «машины желания». «Славное тридцатилетие» стало далеким воспоминанием, и у студентов нет теперь никаких надежд, что их дипломы будут что-то значить. Поскольку будущего больше нет, альтернативные, автономные течения призывают изменять настоящее. Они надеются изобрести новое здесь и сейчас, в пространствах коллективного общежития, местах самоуправления, сообществах, способствующих освобождению личности. Всего через десять лет после 1968 года происходит настоящая смена поколений.

Еще один важный фактор итальянской ситуации способствует радикализации конфликтов. Это сохранение в Италии фашистской партии, MSI (Итальянское социальное движе-

ние), которая не только может опереться на активные боевые группы, но и имеет сеть пособников на самом высоком уровне государственного аппарата, поскольку может использоваться как дополнительная сила для подавления любых поползновений к общественному протесту. К этой и без того взрывоопасной ситуации добавляется стратегия христианских демократов, близких к истощению и надеющихся использовать фашистское насилие как средство запугивания общественного движения и оправдания безудержного подавления крайне левых течений. Таким образом, разделение ролей расписано как по нотам: фашисты постоянно совершают акты насилия, полиция преследует левых активистов, свалив вину на них и сделав их мишенью народного недовольства, а итальянская компартия попустительствует, более того, с удовлетворением наблюдает за тем, как ее соперники подвергаются репрессиям.

Взрыв в Милане на площади Фонтана 12 декабря 1969 года, в результате которого погибло 16 человек, а 80 были ранены, стал, по словам Изабель Сомье, «первичной травмой». На следующий день после этого террористического акта полиция арестовала 27 левых радикалов. Последовали другие террористические акты: крушение поезда 22 июля 1970 года (6 погибших, 50 раненых), взрыв в Брешии во время антифашистских манифестаций (8 погибших, 94 раненых), взрыв в поезде 4 августа 1974 года (12 погибших, 105 раненых). «Стратегия напряжения» непрерывно прогрессирует на всем протяжении 1970-х годов, а вместе с нею растет и число жертв. Разразился скандал с масонской ложей Пи-2, продемонстрировавший общественному мнению степень проникновения фашистских организаций во власть. Когда итальянское руководство компрометирует себя связями с худшими врагами демократии, а итальянская компартия становится певцом «исторического компромисса», исключенным и несогласным ничего не остается, как пойти по пути радикальной оппозиции. Когда генеральный секретарь центральной итальянской профсоюзной организации Всеобщая итальянская конфедерация труда (CGIL) Лучано Лама приезжает в Римский университет, его без лишних слов выставляют за дверь, что приводит к столкновениям между студентами, силами полиции и охраной итальянской компартии.

Что касается итальянских левых, то они в период 1968–1977 годов переживают настоящую трансформацию, принявшую у одних форму творческих поисков, а у других — обращения к терроризму. Организации ленинистского типа, вышедшие из 1968 года, почти полностью исчезли с политического гори-

зонта¹. На их останках зародилось движение, требующее рабочей автономии и собравшее под свои знамена множество групп, среди которых особенно мощные существуют на крупнейших итальянских предприятиях — *Fiat*, *Pirelli*, *Alfa Romeo*, *Policlinico*. Его характерная черта — принципиальный отказ от традиционных форм делегирования власти и слова. В нем можно встретить много бывших активистов организации *Potere Operaio*, «Рабочая власть». В 1977 году «Метропольные индейцы», наиболее креативное крыло движения, настаивают на необходимости трансформировать отношения между людьми и используют в качестве главного оружия насмешку и иронию в отношении системы. Они образуют шайки «краснокожих», все вместе разъезжают по крупным итальянским городам и выступают за легализацию наркотиков, «реквизицию пустых домов, создание антисемейных сетей, чтобы забирать у родителей несовершеннолетних детей, которых те притесняют, за квадратный километр зелени на каждого жителя, отправку на родину всех животных, содержащихся в зоопарках»².

Эти протестные движения не нуждаются, как в 1968 году, в провозглашении союза рабочих и студентов: такой союз между студентами, молодыми рабочими и многочисленными люмпен-пролетариями и безработными уже давно существует, они отождествляют себя с новым движением, подчеркивающим свою автономию по отношению к любым формам манипуляции. До 1977 года рабочая автономия проводит множество акций, и многие из них, будучи политическими по замыслу, по факту представляют собой правонарушения: захват частных домов, самовольное сокращение тарифов на коммунальные услуги, налеты и ограбления банков. 1977 год становится кульминацией этих волнений: в этот год «число нападений на чужую собственность выросло на 77,62% по сравнению с 1976 годом»³. Молодежь, студенты, рабочие и маргиналы образуют молодой пролетариат, расшатывающий систему требованием о принятии незамедлительных мер для изменения своего положения. Напряжение между этим неуправляемым движением и находящейся на последнем издыхании властью постоянно растет.

-
1. «Рабочая власть» была основана в 1969 году, но в 1973 году самораспустилась. Среди руководителей этой влиятельной организации были Тони Негри, Оресте Скальцоне, Франко Пиперно, Нанни Балестрини, Серджо Болонья. «Борьба продолжается», родившаяся в тот же момент, тоже самоликвидируется несколько позднее, в ноябре 1976 года.
 2. Fabrizio Calvi, *Italie 77, le «Mouvement», les intellectuels*, Paris: Seuil, 1977, p. 29.
 3. Isabelle Sommier, *La Violence politique et son deuil. L'après-68 en France et en Italie*, Rennes: PUR, 1998, p. 102.

К этому добавляетсяотягчающее обстоятельство, которого не было во Франции в мае 1968 года и после, — терроризм, который все активнее практикует определенное число итальянских левоэкстремистских организаций. «Красные бригады», возникшие в 1970 году, имеют реальную связь с заводами и в особенности с вотчиной Аньелли, «Фиатом» в Турине. В 1972 году они сыграли важную роль в стихийных забастовках, которые сотрясают промышленную группу, затем сеют панику среди мастеров и рабочих, не участвующих в забастовках, инициировав движение «красных платков». Но постепенно «Красные бригады» переориентируются на терроризм, мишенями похищений становятся в основном юристы и политические деятели. В это террористическое крыло, помимо «Красных бригад», входит также образовавшаяся в 1974 году организация «Вооруженное ядро пролетариата», собравшая в своих рядах радикальных левых активистов и бывших уголовников. Две эти организации призывают к подпольной вооруженной борьбе и к терроризму. В 1977 году и месяца не проходит, чтобы не случилось похищения, взрыва или убийства.

Другие организации выбирают свободу слова и диалог, а не 38-й калибр. Благодаря окончанию монополии RAI, решение о котором принято в 1976 году, радиоэфир заполняет множество свободных радиостанций, открывая возможности для трансляции контркультуры. Среди этих многочисленных полюсов культурной агитации вещание из Милана ведет «Народное радио», имеющее внушительную аудиторию и способное к большой мобилизации. В декабре 1976 года оно транслирует в прямом эфире волнения, случившиеся на открытии театра «Ла Скала», а в марте 1977-го «объявляет о смерти женщины, которой было отказано в аборте, который ей требовался по медицинским причинам: спустя минуты на улицу выходят 5000 женщин»⁴.

Среди всех эти контркультурных радиостанций не последнее место занимает *Radio Alice*, запущенное бывшим членом руководства «Рабочей власти» Франко Берарди по прозвищу «Бифо». Это радио вещает из Болоньи, студенческого города, а также витрины «исторического компромисса» — муниципалитет в нем возглавляют коммунисты. У него большая аудитория, увлеченная и очень привязанная к этому несогласному голосу. Бифо служил в армии, когда в двадцать три года открыл для себя «Психоанализ и трансверсальность». Размышления Гваттари о психоанализе и о том, как он меняет отно-

4. Fabrizio Calvi, *Italie 77, le «Mouvement», les intellectuels*, p. 34.

шения с политикой, вызывают у него политический восторг. В предисловии к книге об этом радио Гваттари пишет: «*Radio Alice* входит в эпицентр культурного циклона — подрыв языка, появление газеты *A/Traverso*, — но оно также прямо погружается в политическое действие, которое хочет „трансверсализировать“»⁵. В 1976 году Бифо арестован за «моральное подстрекательство к бунту»: «*Radio Alice* имело невероятное значение на национальном уровне. У него было очень много слушателей. На заводах были группы рабочих, приходившие к себе в цех с радиоприемником и включавшие это радио»⁶. Но в 1977 году ситуация осложнилась.

8 февраля 1977 года большинство крупных итальянских университетов занято студентами, протестующими против университетской реформы. В конце месяца в Риме проходит национальная ассамблея студентов, которая приводит к жестоким столкновениям с полицией. 11 марта 1977 в Болонье убит карабинерами активист «Борьба продолжается» Франческо Ло Руссо, из-за чего на следующий день на улицы Рима выходят 100 000 человек. Раздаются выстрелы, город оказывается на осадном положении. В Болонье ситуация тоже очень напряженная: «В марте 1977 года мы перешли от оккупации к созданию „свободных зон“. Было решено, что есть часть города, в которую полицию и фашистов не пускают, были построены баррикады. Полиция открыла огонь и убила одного студента»⁷. Новость о его гибели моментально распространилась по Болонье благодаря *Radio Alice*, в результате на улицы вышло 10 000 человек.

12 марта «в 22:25 полиция захватила улицу, на которой находится *Radio Alice*, зону, в которой до этого ничего не происходило. Она закрывает бары и рестораны, применяет слезоточивый газ и предстает перед этим „опасным логовом“ с автоматами на перевес и в бронежилетах»⁸. Радиостанция закрыта, полиция арестовала восемь человек за призывы к противоправной деятельности и объединение с подрывными целями, но Бифо поймать не смогла. На следующий день, 13 мая, Болонья оказывается в осаде. Три тысячи карабинеров и полицейских, а также танки занимают университетскую зону по призыву префекта, члена партии христианских демократов. Мэр города, коммунист Дзангари призывает правоохранительные органы к са-

5. Félix Guattari, préface, Collectif A/Traverso, *Radio Alice, radio libre*, Paris: éd. Jean-Pierre Delarge, 1977, p. 6.

6. Франко Берарди, интервью с Виржини Линар.

7. Там же.

8. *Les Untorelli, Recherches*, 1977, № 30, p. 19.

мым суровым репрессиям: «С 11 по 16 мая в Болонье произошло что-то вроде восстания. Весь центр был перегорожен баррикадами, студенты удерживали целые кварталы, не отставали от них и молодые рабочие. Был разграблен оружейный склад»⁹. Похороны убитого студента выливаются в жестокие столкновения. 16 марта христианские демократы вместе с Итальянской коммунистической партией организуют большое шествие против насилия численностью 150 000 человек, тогда как по улицам Болоньи маршируют 15 000 студентов. В ходе полицейской облавы в Болонье арестованы 300 человек. 13 мая министр внутренних дел принимает антитеррористические меры: отныне виновники террористических актов приговариваются к пожизненному заключению.

Бифо бежит в Милан, затем в Турин, а оттуда во Францию. Он прибывает в Париж 30 мая, ему не терпится познакомиться с Гваттари, тексты которого он так любит. Художник Джанмарко Монтесано, друг Бифо и философа Тони Негри, представляет его Гваттари. Монтесано — бывший активист «Рабочей власти», которому руководство организации поручило установить отношения с Европой и найти контакты для создания сетей альтернативных левых. Он уже какое-то время находится в Париже и познакомился в Высшей нормальной школе с Яном Мулье-Бутаном, который готовится к агрегации по социальным наукам. Вместе они образуют группу «Товарищи», которая публикует брошюру с информацией и аналитическими материалами под названием «Материалы для вмешательства». В этой группе Монтесано познакомился с социологом Даниэль Гийерм: «Когда я предложил „Товарищам“ перевести что-нибудь о движении в Италии, о *Radio Alice*, она предложила мне встретиться и обсудить это с Феликсом»¹⁰. Из этой встречи родится книга о *Radio Alice* с предисловием Гваттари¹¹.

Поначалу Гваттари мало что знает об итальянской ситуации, за исключением антипсихиатрии, с которой у него тесные связи. Его главный источник сведений о тамошней политике — Монтесано: «Мои первые встречи с Феликсом были сугубо практического свойства»¹². Первой мотивацией было желание создать эффективную международную активистскую сеть, но вслед за этим быстро завязывается дружба, и Гваттари начинает проявлять все больше интереса к ситуации в Италии.

9. Франко Берарди, интервью с Виржини Линар.

10. Джанмарко Монтесано, интервью с Виржини Линар.

11. Collectif A/Traverso, *Radio Alice, radio libre*.

12. Джанмарко Монтесано, интервью с Виржини Линар.

Он принимает Монтесано у себя на улице Конде, в месте, через которое проходят все диссиденты и маргиналы. Когда Бифо, хорошо знавший Монтесано, оказывается в Париже, он без труда знакомится с Гваттари.

Бифо несколько раз видится с Гваттари в июне 1977 года и сразу становится его другом. 7 июля он приезжает к подруге в Париж: у дверей его ждет итальянская полиция. Он арестован и заключен в тюрьму Санте, затем во Френе. Гваттари незамедлительно организует кампанию за его освобождение. Именно это становится поводом для создания Центра инициатив по новым пространствам свободы (CINEL)¹³, главная цель которого — обеспечение защиты активистов, которых преследует правосудие. Эта организация издает газету с редакцией на улице Вожиар и незамедлительно встает на защиту Бифо.

Процесс, в центре которого требование об экстрадиции, направленное итальянскими правоохранительными органами, проходит всего через несколько дней после его ареста. Хотя Бифо преследуют как организатора свободного радио, в документах на экстрадицию он представлен как главарь банды, несущий ответственность за похищение в Болонье. Команда французских адвокатов, среди которых Жорж Кьежман, без труда доказывает безосновательность официальных причин для судебного преследования. 11 июля выносится решение о том, что Бифо не подлежит экстрадиции, и Франция дает ему политическое убежище: «После обеда, когда я вышел из тюрьмы, мы написали обращение к французским интеллектуалам с просьбой поддержать требование о прекращении репрессий в Италии»¹⁴. Бифо поселился у Гваттари на улице Конде. Они едва знакомы, но он уже считает Гваттари почти что «старшим братом»¹⁵. Бернарди и Гваттари составляют это обращение, в котором осуждаются репрессии, обрушившиеся на итальянское движение, а вина прямо возлагается на христианских демократов у власти и на политику «исторического компромисса», проводимую компартией. Эта инициатива поначалу вызывает недовольство у итальянской стороны: интеллектуалы и политики очень обижаются на вмешательство французов в дела, в которых те ничего не понимают, и не признают за теми право указывать, что им делать.

13. Помимо Гваттари, в CINEL входят среди прочих юрист Жерар Сулье, художник Жерар Фроманже, Ян Мулье-Бутан, Эрик Алье, Жан-Пьер Фай, Жан Шено, Жиль Делёз.

14. Франко Берарди, интервью с Виржини Линар.

15. Там же.

Ответный удар Болоньи

Чтобы выступить против репрессивной политики и вернуть себе инициативу, все итальянские левые радикалы собираются на съезд в Болонье 22–24 сентября 1977 года. Итальянская компартия, управляющая городом, заявляет о провокации, и Энрико Берлингуэр, ее генеральный секретарь, разоблачает «разносчиков чумы». Ждали мародеров, а вместо этого произошел трехдневный съезд дантовских масштабов в городе средних размеров, каким является Болонья: спокойно, без грабежей и насилия его заняли 80 000 человек, что, учитывая напряженную атмосферу и численность собравшейся толпы, кажется чудом. Бифо эти три дня узнает по телефону новости о городе, в который не может поехать, потому что его сразу арестуют. Но вся «шайка» Гваттари уже там, изумленно ходит по улицам. Присутствуют все левые радикалы, от террористического крыла до сторонников рабочей автономии, а также «Метропольные индейцы», феминистки, гомосексуалы, «Красные дайки»... Члены итальянской компартии стараются не привлекать к себе внимания в своем собственном городе, символе «исторического компромисса», обеспечивая ночлег и еду на протяжении трех дней десяткам тысяч молодых людей. Заключено тайное соглашение с «Красными бригадами» о том, что они откажутся от любого насилия. «Красные бригады» соблюдают условия договора, но ловко пользуются уникальной возможностью публично разгуливать по улицам и массово вербовать новых сторонников: «Это явно произошло без нашего ведома, мы не учли такой возможности»¹⁶. В течение трех дней манифестации в Болонье идут днем и ночью, дебаты разворачиваются повсюду, в особенности во Дворце спорта, куда сотни людей приходят на форум, чтобы обсуждать тактику, стратегию, упразднение труда... Из окон болонской мэрии руководство Итальянской компартии бесильно наблюдает за этим многоцветным человеческим морем. «Впервые мы увидели демонстрацию, на которой 20 000 молодых женщин изображали пальцами вагину и кричали. Это было прекрасно! Впервые мы увидели, что это возможно: власть женщин!» — с воодушевлением вспоминает Жерар Фроманже¹⁷.

В Болонье Гваттари принимают как героя, видя в нем одного из главных вдохновителей итальянского левого движения. Он переживает острое счастье, видя, как его идеи стано-

16. Франко Берарди, интервью с Виржини Линар.

17. Жерар Фроманже, интервью с автором.

ваются социальной и политической силой. На следующий день после съезда крупные ежедневные и еженедельные газеты помещают его фотографию на первых полосах и представляют инициатором этой мобилизации. Гваттари внезапно становится итальянским Кон-Бендитом: «Когда он ходил по улицам Болоньи, все бросались к нему, чтобы поприветствовать, дотронуться до него, обнять. Это было какое-то неслыханное безумие. Он был как Иисус, идущий по воде. Я был очень доволен, потому что мне тоже кое-что перепало от этого обожания»¹⁸. Эти три дня Эрве Мори жил в Болонье в той же гостинице, что Гваттари, Кристиан Бургуа и Мария Антоньетта Мачокки: «Я был с Франсуа Пэном как Фабрицио при Ватерлоо, я ничего не понимал. Это был огромный праздник замирения среди ультралевых движений, и в то же время, когда мы отправились к тюрьме освобождать товарищей, я увидел, как молодежь вытаскивает 9-калиберные вальтеры»¹⁹.

Издатель Кристиан Бургуа, уязвленный кампанией, развязанной итальянцами против французских интеллектуалов, решает вместе с Яном Мулье-Бутаном отправиться в Болонью объясниться. Он ходит на демонстрации вместе с лидером «Лиги коммунистов-революционеров» Анри Вебером:

Мы оказались в Болонье с десятками тысяч человек, повторяя себе, что это наших рук дело, с чувством страха, не за себя, а за то, во что все это может вылиться—безответственность была полная. Я тогда получил важный урок итальянской политики, коммунистов нигде не было видно. Они стояли в коридорах домов, мимо которых шла демонстрация, во внутренних дворах. Полиция наблюдала за городом, но держалась в стороне²⁰.

Итак, среди членов французской делегации в Болонье находится Ян Мулье-Бутан, главный сторонник франко-итальянской солидарности, одним из первых установивший связь с итальянцами из движения за автономию, политические взгляды которого он разделяет. Активист с 1968 года в Сансье, в 1970 году он предлагает давать убежище итальянским товарищам. Он придерживается ориентации *Cahiers de Mai*, еженедельника, родившегося из майских событий 1968 года, который будет выходить до 1974 года. В 1972 году он организует встречу в Жюссье с участием представителей «Борьба продолжается» и «Рабочей власти». В 1973–1974 годах занимается агитацией в иммигрантских

18. Жерар Фроманже, интервью с Virginie Linar.

19. Эрве Мори, интервью с автором.

20. Кристиан Бургуа, интервью с автором.

группах, подчеркивая автономный характер этого движения: идею автономии он позаимствовал у итальянцев. Предполагается, что нужно учитывать уникальность каждой из групп. Политически это также означает, что каждая группа сама определяет свои задачи. Исходя из этой концепции, общественное движение понимается не как складывающееся вокруг формальной единицы, но как исходящее из связи множественностей. Работая над усвоением французским движением итальянских идей бок о бок с Монтесано, Мулье-Бутан познакомился в 1977 году с Гваттари и вступил в CINEЛ, чтобы бороться за освобождение Бифо. Совершенно естественно, что в сентябре он попал в Болонью: «Именно в связи с этим вопросом об обращении по поводу Болоньи я познакомился с Феликсом на улице Конде». Он отправляется в поездку вместе с художником Жераром Фроманже²¹.

Не все участники шествия были паиньками: несколько сотен членов «Красных бригад», надев балаклавы, размахивают оружием. В итоге эта демонстрация силы сыграла им на руку, так как помогла перетянуть большую часть движения на свою сторону. Праздник не перешел в насилие, тем не менее Болонью можно в какой-то мере рассматривать как поражение, потому что, кроме эйфории момента, съезд не предложил никакой ясной перспективы движению, распавшемуся, как только оно снова столкнулось с репрессиями и изоляцией.

Германия под гнетом

Протестное движение в Европе все сильнее подвергается репрессиям, и государственные органы обзаводятся соответствующим арсеналом судебных инструментов. Во Франции 8 июня 1970 года в силу вступил «Закон против беспорядков». В Италии закон, предложенный президентом республики в августе 1977 года и содержащий «новые меры по защите общественного порядка», еще больше усиливает главный юридический инструмент итальянских репрессий — закон Реале, вступивший в силу в 1975 году, который уже позволял задерживать людей на неопределенный срок. Таким образом, приходится организовывать протесты против нарушения прав, и CINEЛ, способный мобилизовать интеллектуалов, постоянно находится настороже.

Всего два месяца спустя после событий в Болонье в CINEЛ пришли двое немцев. Их приняли Гваттари и Фроманже: «Они сказали: мы хотим, чтобы вы сделали для нас то же, что делали

21. Ян Мулье-Бутан, интервью с Виржини Линар.

для итальянцев в Болонье, иначе мы сойдем с ума»²². Они ищут международную поддержку для сотен альтернативных сообществ в Берлине, чья жизнь становится все более сложной из-за напряженных отношений с государством, подозревающим любого маргинала в связях с бандой Баадера. Гваттари уже пообещал поехать в Бразилию, чтобы встретиться с лидером рабочей партии Лулой. Он просит своего друга Жерара Фроманже откликнуться на просьбу немцев.

Фроманже, не считающий себя готовым к такой миссии и не говорящий по-немецки, называет распоряжение Феликса «безумием», но все же берется его выполнить. Он летит в Берлин с одним из своих товарищей по CINEЛ Жилем Эрвье. Уже во время пересадки во Франкфурте они понимают масштабы атмосферы запугивания, царящей в Германии, когда видят, что все заклеено фотографиями разыскиваемых террористов: «Прилетаем в аэропорт Берлина: никого. Начинаем задаваться вопросом, что мы тут делаем. Чуть не улетели обратно, пока несколько часов спустя не заметили в глубине аэропорта чувака с шейным платком, который опускался почти до носков ботинок, и девушку с красивыми светлыми кудряшками»²³. Это и есть их контактные лица, и они отправляются в центр Берлина на собрание, на котором шесть десятков человек решают вопросы организации большого митинга во Франкфурте, где ожидается около 100 000 манифестантов. Чтобы его подготовить и ослабить давление на берлинское сообщество, необходимо через два месяца собрать несколько тысяч человек в Берлине: «На самом деле в Берлине в течение трех дней и трех ночей собиралось по 27 тысяч по кодовому слову, которое сами придумали: *Tunix* (Ничего не делай)»²⁴. Неформалы из Берлина, которых постоянно подозревали в связях с RAF («Фракция Красной Армии»), не могли даже свободно передвигаться по своему собственному району, женщин без конца оскорбляли, обзывали «грязными шлюхами». Как только кто-нибудь на улице собирался втроем, полиция тут же бралась за автоматы, обыскивала их, затаскивала девушек в участок. В течение этих трех дней полиция чудесным образом испарилась, предоставив свободу берлинскому движению:

Будучи художником, я придумал трюк с красками: 10 000 тюбиков с красками, теплых и холодных цветов. У каждого с собой было две-три и каждый раз, когда мы проходили возле танка: хоп! Воз-

22. Жерар Фроманже, интервью с автором.

23. Там же.

24. Там же.

ле Стены: хоп! Очень скоро танки запестрели всеми цветами радуги. Депардон фотографировал. Феликс тоже там был вместе с Делёзом и Фуко²⁵.

Как и в Болонье, Берлин принимает постоянный форум в огромной поточной аудитории Политехнического университета, которая могла вместить до 5000 человек.

CINEL также находится на переднем краю мобилизации в 1977 году, когда проходит кампания за освобождение адвоката Ульрики Майнхоф²⁶ Клауса Круассана, по приезду в Париж заключенного в тюрьму Санте. CINEL решает вместе с «Лигой прав человека» организовать митинг в Мютюалите в защиту адвоката. Зал заполнен под завязку: 6000 человек. Этой мобилизации, однако, недостаточно, чтобы помешать экстрадиции Круассана по требованию властей Германии:

С самого полудня мы толпимся в узком коридоре Дворца правосудия перед дверями зала, предусмотрительно заполненного полицейскими в штатском, где суд должен «публично» зачитать решение о предоставлении политического убежища Клаусу Круассану. Войти невозможно, чего тогда ждать? Многие потихоньку расходятся, ничего не добившись. Но только не Феликс — волосы развеваются, на губах усмешка, очки вот-вот куда-то улетят. Нас было несколько десятков, которые, как он, продержались долгие часы, чтобы не уступить, быть свидетелями и в конце концов узнать, что кассационная жалоба отклонена. Вот таким был Феликс... Всегда был готов за все расплачиваться сам²⁷.

Вечером в день экстрадиции небольшая группа из «Лиги прав человека» приходит протестовать перед тюрьмой Санте. В эту группу входит несколько адвокатов — Жан-Жак де Фелис и Мишель Тюбианá, а также Фуко.

На собраниях CINEL на улице Вожирар многие участники в ходе мобилизации в защиту Круассана захотели подражать террористам из итальянских «Красных бригад» или банды Баадера, что уже тогда насторожило юриста Жерара Сулье. Он рассказал Гваттари об угрызениях совести, которое у него вызывает подобный перекокс: он категорически отказывается следовать этим курсом и признается, что готов выйти из CINEL. «Феликс

25. Там же.

26. Ульрика Майнхоф считается мозгом организации RAF. Она родилась в 1934 году в Ольденбурге, изучала в 1950-е годы философию, социологию и педагогику. Она стала журналисткой и участвовала в освобождении Андреаса Баадера 14 мая 1970 года, а также в ряде покушений.

27. Jean Chesneaux, *L'Engagement des intellectuels 1944–2004. Itinéraire d'un historien franc-tireur*, Toulouse: Privat, 2004, p. 259–260.

мне сказал: „Нет, наоборот, очень важно, чтобы ты остался“. Я только тогда понял, что он хотел сделать. Понял, что он занимался коллективной психотерапией и что если у нас обошлось без таких крайностей, как в Италии и Германии, это его заслуга. И это был момент катарсиса»²⁸.

Эрик Алье подтверждает, что Гваттари занял очень твердую позицию по вопросу о дрейфе в сторону терроризма, хотя Бернар-Анри Леви и обвинял его в том, что тот питал слабость к террористам:

В свинцовые годы в Италии, например, нужно было, как это делал я, выезжать на место событий, в университеты Рима или Болоньи, говорить с потенциальными сторонниками «Красных бригад», чтобы разубедить их переходить к крайним мерам. Но напрямую дискутировать с членами «Бригад», с убийцами, как это делал какой-нибудь Гваттари, — ну уж нет²⁹.

Действительно, Гваттари в 1977–1978 годах публично не осудил действия «Красных бригад» в Италии или RAF в Германии. Это молчание, по-видимому, объясняется подпольной работой, которую он вел, стремясь не столько осуждать, сколько разубеждать тех, кто испытал искушение обратиться к терроризму, объясняя им, до какой степени их выбор опасен для других и разрушителен для них самих. Гваттари, таким образом, выполнял важную роль, когда в своей квартире на улице Конде принимал в эти годы радикалов всех мастей: «Как потрясающе Феликс принимал этих людей! Он говорил мне: „Мне противно, что за нами шпионят!“ Он принимал людей, которых загнали в угол как крыс и которые были готовы взяться за оружие. И он добавлял: „Социальное страхование должно было бы возмещать мне расходы“»³⁰. Еще один товарищ Гваттари по CINET Жан Шенген подтверждает:

Если во Франции обошлось без вооруженных авантюр в духе «Красных бригад» или RAF, это во многом были плоды терапевтических контактов с маргиналами и автономистами, испытывавшими искус прямого насилия. Кроме того, Феликс сам говорил, что нарочно водился с такими людьми, потому что вместо того, чтобы изготавливать коктейли Молотова, они ложились к нему на кушетку³¹.

28. Жерар Сулье, интервью с автором.

29. Bernard-Henri Lévy, entretien avec Éric Conan, Denis Jeambar et Renaud Revel, *L'Express*, 10 janvier 2005.

30. Эрик Алье, интервью с автором.

31. Жан Шено, интервью с автором.

Свинцовые годы в Италии

Когда «Красные бригады» казнили в 1978 году бывшего председателя совета министров Альдо Моро, репрессии и судебные преследования в Италии усилились. CINEЛ все еще находится на передовой, — в частности, когда судебные власти Италии требуют экстрадиции Франко Пиперно, задержанного в Париже 18 сентября 1978 года, и Ланфранко Паче, которых подозревают в том, что они замешаны в убийстве Моро. Когда это требование выполнено не было, последовало еще одно требование об экстрадиции, на этот раз на основании уголовных правонарушений. Однако в их личных делах доказательств не было, эти политические активисты никогда не были связаны с террористическими кругами. В Италии обращение к судебным властям подписали многие видные деятели, среди которых Леонардо Шаша, Альберто Моравиа, Умберто Эко и другие. Во Франции CINEЛ собирает подписи против экстрадиции³². Пиперно, бывший активист «Рабочей власти», отсидит в тюрьме, прежде чем стать профессором университета Калабрии и прославленным физиком, претендующим на Нобелевскую премию.

Но больше всего шуму в конце 1970-х годов наделало другое дело — арест другого бывшего руководителя «Рабочей власти». Тони Негри тоже не связан с террористическими кругами «Красных бригад». Так же, как и его друг Джанмарко Монтесано, он выступает за рабочую автономию. Как философ, Негри обладает статусом важного политического лидера, он уже выпустил несколько книг. Он приезжает в Париж в 1977 году и благодаря Монтесано знакомится с Гваттари, который тогда готовил съезд в Болонье. Не защищая в своих текстах «Красные бригады», он тем не менее выступает за вооруженное насилие.

Согласно ордеру, Тони Негри должны арестовать как лидера группы «Автономия» и в особенности группы «Миланские красные». Будучи профессором политологии и социальных наук в университете Падуи, он вынужден бежать сначала в Швейцарию, где пробудет всего три месяца, затем в Париж, куда прибывает в сентябре 1977 года. Он находит приют у Гват-

32. Среди подписавших, кроме Гваттари и Делёза, также Жерар Сулье, Пьер Хальбвакс, Клод Бурде, Жорж Казалис, Луи Арагон, Луи Альтюссер, Кристиан Декам, Жан-Клод Полак, Даниэль Герен, Жак Ланг, Жан-Пьер Фай, Мишель Тюбианá, Кристиан Бургуа, Ален Жюффруа, Ян Мулье-Бутан, Жером Линдон, Жерар Фроманже, Мони Элькаим, Жан-Жак Лебель, Даниэль Кон-Бендит, Рене Шерер, Бернар Ноэль, Матта, Жан Шено...

тари на улице Конде. Они становятся друзьями, и Негри будет часто приезжать на выходные в Дюизон по соседству с Ла Борд.

Ян Мулье-Бутан приглашает его при посредничестве Альтюссера в Высшую нормальную школу вести семинар по «Экономическим рукописям 1856–1857 годов» Маркса, который выйдет отдельной книгой в 1979 году³³. Негри будет посещать курс Делёза в Венсене: «Слушать Жилия Делёза было для меня как очистить мозг от усвоенных стереотипов... Под влиянием его курсов я стал спинозистом»³⁴. В 1978 и 1979 годах Негри, забыв об осторожности, курсирует между Францией и Италией. 7 апреля 1979 года его задержали вместе с другим лидером «Рабочей власти», Оресте Скальцоне: их обвинили в том, что они были ширмой для «Красных бригад» и замешаны в убийстве Альдо Моро. Их сразу же поместили в «спецтюрьму», итальянский аналог секретных тюрем. Негри проведет в тюрьме четыре с половиной года, и по окончании судебного процесса, который пройдет в 1983 году, кассационный суд Рима приговорит его к тридцати годам тюремного заключения, а Скальцоне — к двадцати, за создание подрывной организации и вооруженной банды. CINEЛ с Гваттари во главе мобилизуется мгновенно: «Идея, что Негри — главарь „Красных бригад“, так же смешна, как если бы сказали, что Троцкий в 1937 году был главой КГБ»³⁵.

CINEЛ направляет своих активистов навестить Негри и Скальцоне в тюрьме. Для CINEЛ это момент очень интенсивной деятельности. Дела об экстрадиции и заключении множатся: «Привлекаются юристы CINEЛ, адвокаты: Жан-Пьер Миняр, Жан-Дени Бреден, Жорж Кьежман, судья Ив Лемуан, кое-кто из социалистической партии, например, Франсуа Лонкль, сенатор Парментье. Идет мобилизация, подписываются петиции, пишутся обращения к видным фигурам, оспариваются пункты обвинения»³⁶.

Сразу же после того, как Негри поместили в тюрьму, и еще до начала судебного процесса Делёз заявляет о его невиновности в письме его судьям, опубликованном в *La Repubblica* 10 мая 1979 года³⁷. Он выражает удивление, что человека могут преследовать и посадить за решетку без каких бы то ни было веских доказательств в его деле, и проводит аналогию, — которой позднее

33. Toni Negri, *Marx, au-delà de Marx*, Paris: Christian Bourgois, 1979.

34. Toni Negri, «Surpris par la nuit», émission d'Alain Veinstein, France Culture, 23 avril 2002, archives de l'INA.

35. Ян Мулье-Бутан, интервью с Виржини Линар.

36. Жизель Доннар, интервью с Виржини Линар.

37. Gilles Deleuze, «Lettera aperta ai guidieri di Negri», *La Repubblica*, 10 mai 1979; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux Régimes des fous*, p. 115–159.

воспользуется Карло Гинзбург во время суда над его другом Адриано Соффри, — с судами инквизиции. Делёз указывает несколько принципов: «Прежде всего правосудие должно следовать некоторому идентитарному принципу»³⁸. В данном случае у обвинения не было никаких веских оснований для судебного преследования. Во-вторых, расследование и судебное разбирательство должны вестись с минимальной последовательностью, согласно принципу дизъюнкции, или исключения, тогда как обвинение «действует через включение, накапливая противоречащие друг другу категории»³⁹. Обвиняемый не может находиться одновременно в разных местах, как это утверждает итальянская пресса, наделяющая Негри даром вездесущности, потому что он в одно и то же время мог присутствовать в Риме, Париже и Милане. Наконец, Делёз предвосхищает упреки во вмешательстве, выдвинутые итальянцами французским интеллектуалам в связи с Болонским обращением. Он подчеркивает, что «Негри — теоретик, важный интеллектуал не только в Италии, но и во Франции»⁴⁰. Некоторое время спустя, по случаю издания у Бургуа в 1979 году работы Тони Негри «Маркс по ту сторону Маркса», Делёз снова берется за перо в *Le Matin de Paris*, чтобы напомнить о невиновности автора книги. Он призывает судей, разбирающихся в намерениях Негри и степени его причастности к делу Моро, прочесть его книгу, которая «в буквальном смысле доказывает его невиновность»⁴¹, потому что изложенные в ней идеи свидетельствуют о том, что он не мог поддерживать подобное убийство.

Гваттари несколько раз ездил в Италию навестить Негри в тюрьме, и на протяжении более четырех лет между ними шла переписка. Письма прежде всего приносят утешение Негри, которому невыносимо сидеть в тюрьме. В мае 1980 года Гваттари снова навещает Негри и предлагает ему обмениваться письмами на более регулярной основе. Два месяца спустя Негри пишет ему о своей апатии: «Мне было довольно плохо — начинаю чувствовать усталость от тюрьмы в психологической ситуации, располагающей к лени»⁴². В конце 1980-х годов Тони Негри переводят в тюрьму Ребиббия в Рим для проведения первых допросов после ареста, то есть после 17 месяцев предварительного заключения. Там он прочитал последнюю книгу Делёза и Гваттари: «Я наконец прочел почти полностью „Тысячу плато“.

38. Ibid., p. 156.

39. Ibid., p. 157.

40. Ibid., p. 158.

41. Gilles Deleuze, *Le Matin de Paris*, 13 décembre 1979; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux Régimes des fous*, p. 161.

42. Тони Негри, письмо Феликсу Гваттари, 18 июля 1980 года, Трани, I M.E.C.

Это важная книга. Возможно, самая важная из тех, что я читал за последние двадцать лет»⁴³.

Чтобы помочь другу справиться с испытаниями, Гваттари предлагает ему в 1982 году написать совместную книгу на основе их переписки. Негри с удовольствием принимает это предложение, которое может помочь ему отвлечься от тоскливой жизни в тюрьме, он надеется также воспользоваться опытом совместного письма, который Гваттари накопил в работе с Делёзом: «У тебя больше, чем у меня, опыта работы вдвоем, и думаю, что ты сам должен окончательно скомпоновать книгу»⁴⁴.

В июне 1983 года Негри освободили из-под стражи до того, как был формально объявлен приговор, так как он был избран депутатом в Европейский парламент от Итальянской радикальной партии. В тот момент, когда он выходит из тюрьмы, политические круги мобилизуются с целью лишить его депутатской неприкосновенности. Убеденный в том, что его снова посадят, Негри обращается к Гваттари. В сентябре 1983 года с перевесом в четыре голоса — 300 против 296 — итальянский парламент постановляет лишить его депутатской неприкосновенности: «Я уехал на Корсику на яхте, которая наверняка была оплачена Феликсом»⁴⁵. Негри тайно прибывает в Париж при поддержке Жерара Сулье и Гваттари.

Итак, он продолжает, теперь в непосредственном контакте с Гваттари, работу над книгой, которая уже довольно далеко продвинулась: «С 1983 по 1987 год меня называли Антуан Гваттари. Он оплачивал всё. Я переехал с площади Италии на бульвар Пастера, затем на улицу Мсье-ле-Принс»⁴⁶, в квартиры, которые подыскивал Гваттари. «Гваттари и в самом деле возился со мной как с братом. Он во всем мне помогал»⁴⁷. Квартира на улице Конде продолжает быть местом встречи членов движения. Именно там Негри познакомился с журналистом *Le Monde* Даниэлем Верне, с Сержем Жюли и Режи Дебре: «Там складывалась „доктрина Миттерана“⁴⁸. Это не была внешняя позиция по отношению к Италии. Она созревала изнутри»⁴⁹.

43. Тони Негри, письмо Феликсу Гваттари, 28 ноября 1980 года, Рим, I МЕС.

44. Тони Негри, письмо Феликсу Гваттари, 10 июля 1982 года, Ребиббия, Рим, I МЕС.

45. Тони Негри, интервью с автором.

46. Там же.

47. Тони Негри, интервью с Виржини Линар.

48. То, что называется «доктриной Миттерана», отсылает к решению президента Республики Франсуа Миттерана в 1985 году не экстрадировать бывших итальянских левых радикалов, порвавших со своим прошлым «свинцовых лет».

49. Тони Негри, интервью с автором.

Книга «Новые пространства свободы» вышла в 1985 году. Она начинается с защиты «коммунизма», слова, покрытого позором, при этом уточняется, что «мы понимаем коммунизм как путь освобождения индивидуальных и коллективных сингулярностей»⁵⁰. Разрыв с традиционной марксистской схемой состоит в утверждении, что «сообщества и сингулярность не противопоставляются друг другу»⁵¹. Эта книга подтверждает, что опыт по-прежнему берет свои истоки в событиях 1968 года, которые дали название второй главе: «Революция началась в 1968-м»⁵². Майское движение не было лишь освободительным политическим движением, оно было выражением истинной воли к свободе, одновременно радикальной и множественной.

То, что некоторые называют смертью политики, — всегда только рождение нового мира, новой политики: успех реакции в 1970-е годы, появление лозунга «Нет будущего», связанного с формированием мирового интегрированного капитализма, который устанавливает свой собственный порядок на всей планете. При интегрированном мировом капитализме индивиды оказываются закабалены тем больше, чем труднее им локализовать власть. Мировой рынок представляется эффективным инструментом «разметки» бедности, «концентрации» маргинализации. Несмотря на разметку социального мира в мировых масштабах, революция не завершилась, а значит, надежда еще жива.

В конце книги приведены два личных свидетельства, одно Гваттари — «Свобода в Европе», а второе Тони Негри — «Археологическое письмо». Здесь можно снова оценить то, насколько сильно, несмотря на общие цели борьбы, открытый подход Гваттари с глубокой проблематизацией отличается от желания Негри любой ценой ухватиться за революционную традицию. Гваттари объясняет, что борьба за защиту прав «Бифо» Берарди, Круассана, Пиперно, Паче, Негри заставила его пересмотреть свое представление «о важности так называемых формальных свобод, которые сегодня кажутся мне неотделимыми от других, „исконных“ свобод»⁵³. Гваттари радуется позитивная роль, которую во Франции играют такие организации, как «Международная амнистия», «Лига прав человека», «Франция, страна политического убе-

50. Félix Guattari, Toni Negri, *Les Nouveaux Espaces de liberté*, éd. Dominique Bedou, 1985, p. 7.

51. Ibid., p. 12.

52. Ibid., p. 15.

53. Ibid., p. 98.

жища», «Симад». Он предлагает говорить о «степенях свободы или даже о ее дифференциальных коэффициентах»⁵⁴. Эта плюрализация понятия свободы соединяется со стремлением больше не представлять государство как монстра, внешнего по отношению к обществу, — власть, согласно теориям Фуко, повсюду и прежде всего в нас самих, и «с этим надо как-то „жить“»⁵⁵. Негри же в своем тексте выражает непоколебимую приверженность ленинизму.

Если во Франции репрессии и расширение арсенала власти происходят не с таким размахом, как в Германии и Италии, то не потому, что здесь сильнее демократические традиции. Во Франции просто не было настоящего террористического движения, за исключением нескольких маргиналов. И тем не менее желание французских властей искоренить левую угрозу, закон против нарушения общественного порядка, принятый в июне 1970 года, и силовое подавление некоторых демонстраций внесли свой вклад в то, чтобы придать международной атмосфере 1970-х годов «свинцовый» оттенок.

19 сентября 1979 года арестован и отправлен за решетку один из лучших друзей Гваттари, режиссер Франсуа Пэн. Его преследуют за события, произошедшие полгода назад: 23 марта 1979 года он участвовал в демонстрации металлургов, которая закончилась столкновениями и эксцессами. Пэн оказался в центре города на бульваре, который громили «автономисты», разбивавшие витрины дорогих магазинов и грабившие их. На Пэна, проходившего мимо магазина *Lancel*, вдруг упала сумка, и когда он взял ее в руки, чтобы понять, что это за предмет полетел в его сторону, его сфотографировали посреди группы людей в балаклавах. Эта фотография появилась на страницах ультраправого еженедельника *Minute*. Пэн хорошо известен своими связями с итальянскими левыми, а также поддержкой свободных радиостанций, поэтому его сразу опознали и посадили за решетку за кражу сумки, которую полиция при этом так и не нашла! Хороший повод через Пэна заставить Гваттари расплатиться за его поддержку итальянцев.

На допросе Франсуа Пэн уверен, что его арестовали за то, что он только что вернулся из Рима, где помогал прятать активистов, разыскиваемых итальянской полицией. «Когда они показали мне фотографию сумки, я испытал облегчение. Я расхохотался»⁵⁶. Спешно подключается CINET, защитниками Пэна

54. Félix Guattari, Toni Negri, *Les Nouveaux Espaces de liberté*, p. 103.

55. Ibid., p. 108.

56. Франсуа Пэн, интервью с автором.

становятся Жан-Пьер Миняр и ассистентка Жоржа Кьежмана. На собрании в CINEЛ разгоряченные участники выступают с предложениями о том, как привлечь внимание общественности, одно страннее другого. Когда кто-то в задних рядах кричит «Надо собрать бабки для Пэна!», Гваттари замечает: «Гениально! Именно такую кампанию нам нужно устроить». Франсуа Обраль вспоминает, что в этот момент «тип, сидевший рядом со мной, сказал: «Если они будут продолжать в том же духе, он останется в тюрьме пожизненно, меня зовут Анри Леклерк, это я его защищаю»⁵⁷. Поначалу против Пэна выдвигают обвинения в нарушении закона об общественном порядке: он отсидит четыре с половиной месяца. Его друг Гваттари, регулярно навещающий его в тюрьме Санте, решает одновременно с кампанией за его освобождение начать борьбу против предварительного заключения, которое позволяет судье полгода держать Пэна в тюрьме до начала судебной процедуры. За него вступается Национальный аудиовизуальный институт, с которым работает Пэн, а CINEЛ привлекает все новых свидетелей, чтобы дать ему моральную характеристику: «Меня очень насмешил рассказ о том, что Жан-Люк Годар хотел прийти защищать меня с кусочком сахара, украденным в кафе, чтобы бросить его в судью. Судья бы его поймал, и он бы сказал: „Это хранение краденого. Этот сахар был украден“»⁵⁸. Кампания делает свое дело, и не происходит и дня, чтобы эта история не упоминалась в прессе. В феврале 1980 года Франсуа Пэн может наконец выйти из тюрьмы. Убеденный в том, что на самом деле акция была направлена против него, Гваттари оплатил Пэну и его подруге Марион «две недели пребывания на марокканском Юге, чтобы доставить нам удовольствие»⁵⁹.

В конце 1979 года Гваттари и сам становится мишенью операции полиции, которая приезжает с обыском в Ла Борд в рамках расследования похищения миллиардера Анри Лельевра Жаком Мерином, врагом государства номер один. Полиция вернулась с пустыми руками, что не мешает газете *L'Aurore* поместить статью «Левацкий путь» за подписью Пьера Дюма и раскрыть мнимые связи между уголовными преступниками и левыми кругами! Она раздувает дело некоего Шарля Боэра, которого Гваттари ввел в эти круги по просьбе своего друга Пьера Гольдмана и который затем стал сообщником Мерины.

57. Франсуа Обраль, интервью с автором.

58. Франсуа Пэн, интервью с автором.

59. Там же.

От королевского шута к свободному эфиру

В марте 1980 года *Charlie-Hebdo* выступает с идеей выдвинуть Колюша кандидатом в президенты. Но в октябре 1980-го то, что поначалу было всего лишь шуткой, принимает иной оборот: первые опросы показали, что за Колюша готовы проголосовать около 17% опрошенных. Чтобы довести дело до конца, нужно собрать пятьсот подписей выборных должностных лиц. Однако то, что для большой политической партии пустая формальность, гораздо сложнее для кандидата, не имеющего партийной поддержки. В октябре 1980 года юристу Жерару Сулье позвонил его друг Гваттари: «Ты даже не представляешь, — говорит он мне и никак не может дойти до сути дела. — Мне только что позвонил Жиль Делёз. Знаешь, что он мне сказал? Что он поддерживает кандидатуру Колюша!»⁶⁰ Жерар Сулье счастлив. Он не только, как и многие другие, любит юмор Колюша, он уже полгода втайне надеется на выдвижение его кандидатуры. Итак, он бросается составлять знаменитую петицию «кандидата от чайников».

Вслед за Делёзом и Гваттари свою поддержку Колюшу выражает целый ряд интеллектуалов и, в частности, CINEEL вместе с Жан-Пьером Файем:

Феликс звонит мне и говорит: «Мы с Жилем решили поддержать право Колюша выдвинуть свою кандидатуру». Правые считали, что Колюш погубит Францию, левые — что он погубит левых, а ему нужны были его 500 подписей. Я спросил: «Колюш? А кто это?», — и он мне ответил: «Это „Отец Дюшен“»⁶¹.

Жан-Пьер Фай, автор книги о боевом листке времен Французской революции «Отец Дюшен», прекрасно видит, насколько этот персонаж может внести свежую струю в французскую политическую систему. Он дает согласие и принимает активное участие во встречах с Колюшем.

Чтобы понять это решение и силу его динамики, нужно вспомнить политический тупик осени 1980 года, когда почти все были уверены в том, что Валери Жискар д'Эстен будет избран еще на семь лет. Считалось, что Франсуа Миттеран, не способный резко изменить судьбы левых, готовится повторить свое поражение 1974 года. Многим не оставалось ничего, кроме как смеяться над происходящим, и в этом суть эфемерной ди-

60. Жерар Сулье, интервью с автором.

61. Жан-Пьер Фай, интервью с автором.

намики выдвижения Колюша: «И вот появляется Колюш, и это тот еще придворный шут, потому что чертовски талантлив»⁶², — объясняет Поль Вирилио, который по этому случаю познакомился с Гваттари и позднее станет его издателем.

В конце 1970-х годов радиовещание без государственной лицензии, как на нескольких частных радиостанциях, таких как «Европа-1», «Радио Люксембург» или RMC, — правонарушение, которое может повлечь суровые юридические санкции. Франсуа Пэн, специалист по этим технологиям, вместе со своим другом Гваттари особенно активно участвует в создании альтернативных радиостанций, вещающих без ведома полиции: «Я организовал тайные поставки передатчиков из Италии»⁶³. Итальянская сеть, естественно, связана с *Radio Alice* из Болоньи, где один умелец делает отличные передатчики, которые Пэн регулярно забирает на Лионском вокзале.

Как только свободные радиостанции пеленгуют, полиция тут же начинает их глушить. Но их число растет, инициатив становится все больше, что указывает на очевидное желание высказываться через десять лет после мая 1968 года. Гваттари симпатизирует одному профессионалу, увлеченному борьбой за свободные радиостанции, который создал в сентябре 1977 года Ассоциацию за свободный эфир (ALO). Ассоциация распространяет обращение за либерализацию радиоэфира, которое подписали 18 видных деятелей, включая Делёза, Гваттари и Фуко. Со своей стороны, Франсуа Пэн удалось создать объединение мелких радиостанций на большом съезде радиостанций, прошедшем в 1978 году. Из него родилась ассоциация ALFREDO, объединившая множество мелких станций⁶⁴. Получив большинство в движении свободных радиостанций, течение, разделяющее позиции Гваттари, учреждает Национальную федерацию свободных некоммерческих радиостанций.

Один из сыновей Гваттари, Брюно, которому в 1978 году исполнилось двадцать лет, тоже включается в эту авантюру. В 1979 году, когда подавляются любые попытки создать свободную радиостанцию, Брюно пользуется вольностями университета Пьера и Марии Кюри, чтобы поддерживать местное радио. Начав с вещания с небольшим охватом, он переходит к более амбициозному проекту «Радио Париж-80», нашедшему своих

62. Поль Вирилио, интервью с Виржини Линар.

63. Франсуа Пэн, интервью с автором.

64. ALFREDO: аббревиатура, в которой соединяются l'ALO (Ассоциация за свободу радиоэфира) и FRED (Федерация демократических радиостанций), — Федерация итальянских объединенных радиостанций.

слушателей, для которого он готовит материалы. Когда Феликс Гваттари и Франсуа Пэн создают «Свободное радио Парижа», в декабре 1980 года переименованное в «Радио Томат», Брюно Гваттари займется его программами.

Репрессивный аппарат укрепляется: закон от июля 1978 года предусматривает штраф от десяти до ста тысяч франков за любое нарушение вкупе с тюремным заключением от месяца до года. Эти меры не ослабляют решимости тех, кто хочет освободить радиоэфир. Кульминацией становится большой фестиваль под названием «Антиглушилка-1978», организованный летом 1978 года в парке Йера, где участники могут бесплатно слушать музыку нон-стоп в течение 48 часов. Среди его участников самые модные исполнители: Жак Ижлен, *Téléphone...* Однако для некоторого числа маленьких радиостанций риски слишком велики, и осенью 1978 года они либо должны отказаться от вещания, либо уйти в подполье. Что касается таких известных людей, как Гваттари, власть, естественно, не хочет опозориться, отправив их за решетку, но их то и дело вызывают в суд. Адвокат и друг Жерара Сулье Мишель Тюбианá, будущий президент «Лиги за права человека», выступает защитником в большинстве дел о свободных радиостанциях:

Над ними часто шутили. Нередко случалось, что мы выходили со слушаний, и нас интервьюировали с радиопередатчиком, установленным прямо в машине. Никогда не забуду, что произошло в 17-м суде. Мы вызвали около сорока свидетелей, и заседание, начавшись в полвторого, продлилось до одиннадцати вечера. Юрист «Французского телевидения» заканчивает свое выступление просьбой о символическом франке возмещения убытков. 17-й суд — это довольно длинный зал, он весь забит народом, и кто-то запустил монету в один франк из другого конца зала, она подкатилась к ногам адвоката и упала! Это был очень смешной момент⁶⁵.

Созданное в конце 1980 года, в самый разгар президентской кампании, «Радио Томат» собирает прежде всего активистов CINEЛ: «Сначала вещание велось с кухни Феликса, потом нашли что-то вроде погреба в здании Фонда Франции на улице Ласепед»⁶⁶. Радиостанция работает круглые сутки и делает как культурные передачи о кино, музыке, театре, так и социально-политические, с дебатами и аналитикой. У Гваттари своя регулярная передача, посвященная политическим дебатам,

65. Мишель Тюбианá, интервью с автором.

66. Жизель Доннар, интервью с Virginie Linar.

по понедельникам после обеда. Там можно услышать также репортажи о сквоттерах или африканца, который ведет ночную программу «Дерево со словами». Выходят вполне серьезные новостные передачи. Новостным вещанием среди прочего занимается Жизель Доннар, активистка CINEЛ: она организует дебаты о ситуации в Польше, войне в Ливане, израильско-палестинском вопросе. Но записанный материал не настолько хорошего качества, чтобы его было удобно слушать, и охват радиостанции остается слабым: «Радио Томат» так и не смогло завоевать аудиторию.

Этот эксперимент с радиоэфиром, однако, стал продолжением на практике теорий Делёза и Гваттари. Здесь мы фактически имеем дело с трансверсальной ризоматической вписанностью, которая порывает с вертикальной логикой — государственной или коммерческой. Как в любой ризоме, подключения могут производиться в любой точке, что дает довольно необычные и неизменно оригинальные картографии, когда, например, «Радио Бастилия» связывается с соседним «Радио Онз'Дебруй», которое, в свою очередь, сотрудничает с «Радио Розовая линия»: «Благодаря этой ризоматической организации, охватывающей станции и людей, движение свободных радиостанций смогло развиваться как настоящая машина войны в аудиовизуальной сфере»⁶⁷.

Когда 10 мая 1981 года Франсуа Миттеран становится президентом, он решает открыть эфир, и все, кто вел теневое вещание, могут этим воспользоваться. Между тем возникают новые проблемы. Чтобы продолжать вещание, нужно перегруппироваться. Но с кем будет жить вместе «Радио Томат»? Сначала выбирается «Радио Е», но на «Радио Томат» слишком много сторонников Палестины, чтобы этот союз состоялся. Значит, это будет «Радио Солидарности»: «Но на нем работали антисемиты, и все закончилось дракой... Наконец мы нашли помещение только для себя»⁶⁸.

Идея ассоциации свободных радиостанций столкнулась с очень серьезной проблемой, когда в эфир вышли коммерческие станции, в распоряжении которых совсем иные средства: «На поверхности аквариума плавали радиоманьяки, мелкая рыбешка, но в глубине были большие акулы из рекламного бизнеса»⁶⁹. Чтобы отстоять свою концепцию экспериментальных общественных радиостанций, Гваттари приглашает министра

67. Matthieu Dalle, «Les radios libres, utopie deleuzo-guattarienne», *French Cultural Studies*, 2006, vol. 17, № 1, p. 67.

68. Франсуа Пэн, интервью с автором.

69. Félix Guattari, *Libération*, 27 août 1981.

культуры Жака Ланга, с которым он в хороших отношениях, на дебаты в прямом эфире «Радио Томат» с участием его самого, Жан-Пьера Файя и Франсуа Пэна. Дебаты были частично опубликованы в *La Quinzaine littéraire*⁷⁰. В конце 1981 года точка зрения министра мало отличается от точки зрения Гваттари: «Нельзя, чтобы это была свобода лисы в курятнике. Мы говорим „да“ свободе при условии, что она не будет на руку тем, у кого уже есть власть, что это будет свобода для тех, кто придумывает, и тех, кому есть что сказать»⁷¹.

Новые свободы также преодолевают стену, разделяющую коммунистический мир и Западную Европу. В конце 1970 года во Франции находит политическое убежище ряд диссидентов из СССР и стран Восточной Европы. CINEЛ и CERFI вносят свой вклад в распространение их свидетельств о лагерях. Им даже посвящен один из номеров *Recherches*, редактором-составителем которого стала родившаяся в 1936 году в Москве Наталья Горбаневская⁷².

CINEЛ предоставлял Гваттари возможность продемонстрировать эффективность микрополитики с минимальной организационной поддержкой и непосредственной связью с действием, позволявшей выйти за пределы традиционных схем. Это был политический пандан к CERFI, чья деятельность затрагивала гуманитарные науки. Практически как и в случае «Движения 22 марта» речь шла о том, чтобы объединить разных людей, пришедших из самых разных сфер, вокруг общей задачи, в данном случае ради того, чтобы не дать заикнуться на одних и тех же мыслях в гнетущей атмосфере свинцовых лет. По сути дела, не имея ни организации, ни программы, но просто располагая местом для регулярных встреч, «машина» CINEЛ смогла сенсифицировать и мобилизовать людей, а также доказала свою политическую эффективность в некоторых критических ситуациях.

70. «Entretien avec Jack Lang sur les radios libres», *La Quinzaine littéraire*, 16–30 nov. 1981.

71. Ibid.

72. *Nous, dissidents, Recherches*, 1978, № 34.

Глава 17

Делёз и Фуко: философская дружба

НЕДВУСМЫСЛЕННУЮ фразу Мишеля Фуко, сказавшего в 1969 году, что «возможно, однажды нынешний век назовут веком Делёза»¹, повторяли часто. Тогда как сам «Жиль по-настоящему восхищался Мишелем Фуко»². Хотя они часто виделись и участвовали бок о бок в общих сражениях, вместе они на самом деле никогда не работали. Однако на прощании с Фуко на кладбище Сальпетриер, где присутствовало несколько сотен человек, глубоко потрясенных этой преждевременной кончиной, именно Делёз берет слово и зачитывает фрагмент из предисловия к «Использованию удовольствий». Возможно, определенная конкуренция за роль главного представителя критической мысли несколько отравила их отношения, став причиной некоторых принципиальных разногласий, по крайней мере со стороны Фуко. Поль Вен, близкий друг Фуко, подтверждает, что у последнего были подобные чувства: «У Фуко я замечал определенное соперничество с Делёзом»³. Фуко, раздосадованный тем, что творчество Ницше оказалось настолько тесно связанным с той интерпретацией, которую дал ему Делёз, подшучивал над Венom, заявляя ему, что в Ницше он любит исключительно «Ницше Делёза»⁴.

Нельзя сказать, что эта тень зависти накрыла и Делёза, который неизменно подчеркивал свою близость к Фуко: «С Фуко я не работал. Однако я полагаю, что существовало много соответствий между нашей [с Гваттари] работой и его, несмотря на определенную дистанцию из-за большого различия в методах и даже в цели этой работы»⁵. По поводу гипотезы соперничества он заявляет: «Я намерен сказать: тот факт, что су-

1. Мишель Фуко, «Theatrum philosophicum», Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 438.

2. Фанни Делёз, интервью с автором.

3. Поль Вен, интервью с автором.

4. Там же.

5. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 112–125.

ществовал Фуко, личность столь сильная и столь загадочная, что он написал такие прекрасные книги в таком стиле, никогда не вызывал у меня ничего, кроме радости»⁶. Соперничество с Фуко для Делёза было просто немыслимым, поскольку он испытывал к нему исключительно восхищение:

Быть может, мы познакомились слишком поздно. Я уважал его безмерно. Когда он входил в комнату, менялась сама атмосфера. Веяло другим воздухом. Менялись сами вещи. Это было что-то в воздухе, какая-то эманация-Фуко... Жесты Фуко поражали: металл, сухое дерево, прекрасные жесты⁷.

История их сообщничества началась довольно рано. Первая встреча датируется октябрём 1952 года, она состоялась в Лилле. Делёз, тогда преподаватель в лицее в Амьене, со своим другом Жан-Пьером Бамберже приходит на лекцию Фуко, ассистента психологии в университете Лилля. В начале 1950-х годов Фуко достаточно близок к Французской компартии, и это не ускользает от внимания Делёза: «То, что я услышал, имело явно марксистскую ориентацию»⁸. По окончании лекции Бамберже приглашает обоих к себе на ужин. Эта первая встреча, довольно прохладная, кажется, не должна была получить продолжения.

Следующий случай представится только через десять лет, в 1962 году. Фуко, преподаватель в Клермон-Ферране, как раз заканчивает своего «Раймона Русселя» и «Рождение клиники». Делёз же только что опубликовал «Ницше», работу, которая Фуко очень нравится. Поскольку Жюль Вюйемен избран в Коллеж де Франс, в университете Клермон-Феррана освобождается место, и Фуко предлагает Вюйемену кандидатуру Делёза. Делёз, которого прочат на эту должность, приезжает в Клермон, где проводит один день с Фуко, увидевшись с ним впервые с того самого ужина в Лилле: «Встреча прошла гладко, и все были довольны. Кандидатура Делёза нашла единодушную поддержку факультета философии, усилиями Вюйемена Совет факультета также единодушно проголосовал „за“»⁹. Однако эта возможность работы Фуко и Делёза на одном факультете философии не осуществляется: министерство успело отдать эту кафедру функционеру компартии и члену политбюро Роже Гароди. Тем временем Делёза назначили в Лионский университет,

6. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 115.

7. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

8. Жиль Делёз, цит. по: Дидье Эрибон, *Мишель Фуко*, Москва: Молодая гвардия, 2008, с. 87.

9. Там же, с. 170.

но эта небольшая война против Гароди сблизила Фуко и Делёза: «Когда Делёз бывает в Париже, они регулярно встречаются. И хотя они не стали по-настоящему близкими, они общаются настолько тесно, что Фуко даже разрешает Делёзу с женой жить в его квартире в то время, когда она пустует»¹⁰.

В начале 1960-х годов Фуко и Делёз вместе работают в издательстве *Gallimard* над изданием полного собрания сочинений Ницше, которое должно обеспечить радикальное обновление его интерпретаций¹¹. Они встречаются на двух важных событиях, ставших вехами этого «возвращения к Ницше», — на конференции в Ройомоне в 1964 году, а потом на конференции в Серизи 1972 года. Обе конференции были связаны с Пьером Клоссовски, который перевел «Веселую науку» еще в 1954 году, и это их первая большая встреча на территории философии. Делёз уже давно знаком с Клоссовски, с которым общался во время войны в кругу Мари-Мадлен Дави. Публикуя в 1969 году свою работу «Ницше и порочный круг», Клоссовски посвящает ее Делёзу и его книге «Ницше и философия».

Их параллельные размышления о Клоссовски приводят к формированию у Фуко и Делёза совместной проблематики, напрямую связанной с его творчеством¹². Эта проблематика осенена знаком продолжения трансгрессивной литературы, которая скрещивает вымысел и философию в модусе симулякра: «Благодаря этому парадоксальному мимесису, одновременно актуализирующему и производящему акт экзорцизма, симулякр становится точкой обращения отношений профанного и сакрального»¹³. Важно заново поставить под вопрос мнимое тождество вещей и существ, спровоцировав разрыв, обеспечиваемый симулякром и умножением масок. Здесь обнаруживается фукианская тема смерти человека, которая в «Словах и вещах» принесет успех Фуко и в то же время станет поводом для скандала: «Все творчество Клоссовски устремлено к одной цели: удостоверить утрату личной идентичности и растворить самость»¹⁴. Фуко и Делёз разворачивают таким образом свое ницшеанство, то есть свое антигегельянство, используя симулякр как машину войны против мысли тождества и репрезентации.

10. Там же, с. 171.

11. См. главу 7 настоящего издания.

12. Michel Foucault, «La prose d'Actéon», *La Nouvelle Revue française*, № 135, mars 1964, p. 444–459; переиздано в: *Dits et écrits*, tome I, Paris: Gallimard, 1994, p. 326–337; Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 366–394.

13. Philippe Sabot, «Foucault, Deleuze et les simulacres», *Concepts*, 8, Sils Maria, 2004, p. 6.

14. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 370.

Последнее эссе Клоссовски «Бафомет» (посвященное Фуко) Делёз приветствует как рассказ, позволяющий избежать моральной и теологической дилеммы Добра и Зла, показывая, что две системы не альтернативны, а синхронизированы, составляя, таким образом, «грандиозное продолжение Заратустры»¹⁵.

Делёз находился в Лионе, а Фуко — в Сиди-Бу-Саиде в Тунисе, но они в равной мере разделяют энтузиазм мая 1968 года. В своем курсе о Фуко Делёз подчеркивает значение этого события для понимания ставок философии Фуко, которые являются не только теоретическими, но и практическими. Говоря об этом основополагающем событии в 1986 году, Делёз напоминает о его международном значении, об экссессе, неопишемом и немислимом в пустыне 1980-х годов¹⁶. Оператор этого разрыва он связывает с критикой различных форм централизма.

Когда летом 1968 года встанет вопрос о создании университета в Венсене, Фуко, который должен был стать главой философского факультета, обращается, естественно, к Делёзу, который, однако, из-за проблем со здоровьем вынужден временно отказаться от предложения. Именно в этот момент Делёз публикует «Различие и повторение» и «Логику смысла», работы, которые Фуко считает настоящей философской революцией. Он не стесняется восторгаться тем, что называет «сверкающей молнией, которой когда-нибудь дадут имя Делёза: новая мысль возможна; мысль снова возможна. Эта мысль пребывает не в будущем, обещанном самыми далекоидущими из новых начинаний. Она налицо в текстах Делёза — бьющая ключом, танцующая перед нами, среди нас; мысль генитальная, интенсивная, утверждающая, акатегориальная»¹⁷. Фуко уже в 1969 году хорошо понимает, что философия Делёза — это прежде всего, как полагает Франсуа Зурабичвили, «философия события»¹⁸. Он демонстрирует фундаментальный вопрос Делёза: он спрашивает, что значит мыслить, и располагает мыслимое в «утверждаемой дизъюнкции» события и фантазма¹⁹. Сам Делёз, как будто подхватывая это замечание, говорит 20 мая 1986 года, завершая свой курс о Фуко: «Единственная вещь, которая всегда интересовала Фуко, — что значит мыслить?»²⁰

15. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 392.

16. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

17. Мишель Фуко, «*Theatrum philosophicum*», с. 470.

18. François Zourabichvili, *Deleuze. Une philosophie de l'événement*, Paris: PUF, 1994.

19. Мишель Фуко, «*Theatrum philosophicum*», с. 451.

20. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 20 мая 1986 года, звуковой архив, BNF.

История Группы информирования о тюрьмах

В начале 1970-х годов эта философская близость получает политическое развитие благодаря созданию Мишелем Фуко Группы информирования о тюрьмах (GIP) и с привлечением к ее деятельности Делёза. GIP создается по случаю роспуска GP («Пролетарских левых») в мае 1970 года министром внутренних дел Раймоном Марсленом. В период после 1968 года власть начинает жестче подавлять левую агитацию и отправляет в тюрьмы многих активистов упраздненной организации, таких как Ален Гейсмар. В сентябре 1970 года заключенные активисты начинают 25-дневную голодовку, требуя статуса политических заключенных, которого они так и не получают. В январе 1971 года начинается новая голодовка протеста, получившая отклик у широкой публики.

Аудиенция у министра юстиции Рене Плевена, которой потребовали Альфред Кастлер, Поль Рикёр и Пьер Видаль-Наке, позволяет добиться обещания о создании комиссии, которая должна будет определить ситуацию с тюремным содержанием. Наконец, после голодовки, которую некоторые продержали 34 дня, «адвокаты Анри Леклерк и Жорж Кьежман заявляют 8 февраля 1971 года на пресс-конференции в капелле Сен-Бернар о приостановке голодовки»²¹ и установлении особого режима заключения. На этой пресс-конференции три известных интеллектуала — Мишель Фуко, Пьер Видаль-Наке и директор журнала *Esprit* Жан-Мари Доменак заявляют о создании Группы информирования о тюрьмах. Первоначально эта группа возникла непосредственно из маоистского течения, а целью ее была защита от произвола преследуемых активистов «Пролетарских левых» (GP). Старые члены GP создали, собственно, ОРР (Организацию политических заключенных), которой руководил Серж Жюли, а потом Бенни Леви. Но на самом деле GIP быстро приобретает автономию.

Даниэль Дефер, не договариваясь с Фуко заранее, предлагает его на роль того, кто мог бы заняться комиссией по расследованию ситуации в тюрьмах. Фуко принимает это приглашение и «собирает в конце декабря у себя дома тех, кого считает способными либо войти в комиссию по расследованию, либо

21. Philippe Artières, Laurent Quéro, Michelle Zancarini-Fournel, *Le Groupe d'information sur les prisons*, archives d'une lutte 1970–72, IMEC, 2005, p. 28.

участвовать в ее подготовке»²². Вскоре вырабатывается метод расследования: адвокат Кристин Марино заканчивает книгу о работе в тюрьме и уже разработала вместе с философом Даниэль Рансьер анкету, которую теперь надо донести до заключенных: «нашей моделью было исследование рабочих у Маркса»²³. В конечном счете по инициативе Фуко, несколько обжегшегося на народных расследованиях, проводившихся маоистскими активистами после 1968 года²⁴, проект комиссии по расследованию превратится в Группу информирования о тюрьмах. GIP организуется в совершенно децентрализованной форме (по группе на тюрьму). В скором времени парижская модель распространяется и на провинциальные тюрьмы, где содержатся активисты. Делёза, конечно, привлекает организация подобного типа, ориентированная на практическое сопротивление, эффективная, порвавшая со всякой формой централизованного бюрократического аппарата и определяющаяся как микро-структура: «GIP придумала одну из немногих левацких групп, которые действовали без централизации. Фуко сумел не строить из себя начальника»²⁵.

Ссылаясь на растущее напряжение, возникшее после бунта в тюрьме в Клерво в сентябре 1971 года, который закончился тем, что двое заключенных, Бюффе и Бонтан, взяли в заложники охранника и медсестру, министр юстиции в качестве коллективной санкции, нацеленной на успокоение охранников, принимает решение об отмене рождественских подарков для всех заключенных в целом. Это решение привело к росту протестных настроений в тюрьмах: зимой 1971–1972 годов было зафиксировано тридцать две попытки бунта, некоторые дошли до разрушения камер и занятия крыш тюрем. В рождественский вечер GIP организует перед тюрьмой Санте в Париже манифеста-

22. Daniel Defert, «L'Émergence d'un nouveau front: les prisons», dans *Le Groupe d'information sur les prisons*, p. 317. В эту группу из двадцати человек, образовавшуюся вокруг Фуко, входили Даниэль Дефер, Касамайор, Жан-Мари Доменак, Луи Жуане, Фредерик Поттеше, Кристиан Ревон, Жан-Жак де Фелис, Кристин Марино, Даниэль Рансьер, Жак Донзло.

23. Ibid., p. 318.

24. В частности, в деле Брюэ-ан-Артуа в 1972 году. Неподалеку от шахтерского поселка в Брюэ нашли голое и искаленное тело 16-летней дочери шахтера, Брижит Девевр. Судья Паскаль быстро решил, что виновен известный местный житель, нотариус Пьер Леруа. Маоистский ежедневник *La Cause du peuple* предполагает, что только буржуазная свинья могла совершить подобное преступление, а потому под лозунгом народной справедливости собирается народный суд.

25. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

цию, в которой принимают участие Фуко и Делёз. Весь декабрь 1971 года проходят ожесточенные стычки, в частности в центре тюрьмы города Туль, по завершении которых там было обнаружено около пятнадцати раненых среди заключенных.

Интеллектуалам из GIP требовалось периодически бывать в провинции. Например, в Нанси, где бунт был жестоко подавлен и где шестеро из двухсот бунтовщиков были отданы под суд. Делёз, Даниэль Дефер, Элен Сиксу, Жан-Пьер Фай, Жак Донзло и другие отправляются туда, чтобы принять участие в манифестации протеста. Фуко, арестованный за то, что вмешался, чтобы помочь иммигранту, которого избивали в метро, не может приехать. На площади в центре города Жан-Пьер Фай разговаривает с журналистом из *L'Est républicain*, который объясняет ему, что манифестация эта совсем не интересна. Но Фай все равно советует ему подождать немного и посмотреть, что будет: «Не успел я напрогнозировать, и тут же нагрянули полицейские»²⁶. Делёз поднимается на скамейку, чтобы взять слово, его тут же осаждает полицейский отряд, но он успевает бросить: «Поскольку моего шефа тут нет, я буду говорить вместо него». Под натиском полиции Делёзу, у которого проблемы с дыханием, пришлось совсем несладко — его укладывают на землю в состоянии едва ли не комы. Молодой Жак Донзло, друг Фуко, волнуется за него и остается рядом с ним: «Когда он пришел в сознание, он сказал мне: „А, ты тут? Как это мило!“»²⁷

Когда Донзло защищал свою диссертацию о «Полиции семей»²⁸ в университете Париж-VIII под руководством Жан-Клода Пассрона, Делёз вызвался быть членом комиссии: «Я вдруг перепугался и, едва не утратив дар речи, только и смог сказать: „Как же я смогу сделать доклад, если вы меня уже читали?“, на что Делёз ответил: „Это ничего, я сделаю доклад по диссертации вместо тебя“. Ну хорошо!»²⁹ Когда зашла речь о публикации его диссертации, Делёз предложил Донзло написать предисловие. Однако между двумя друзьями, Фуко и Делёзом, все больше чувствуется некоторое напряжение. Донзло только что защитил диссертацию, которая по своему духу была вполне фукианской, и когда он сказал Фуко, что у него будет предисловие Делёза, в ответ услышал: «Какой ужас. Терпеть не могу, когда старики накладывают лапу на работу молодежи»³⁰. В ко-

26. Жан-Пьер Фай, интервью с автором.

27. Жак Донзло, интервью с автором.

28. Jacques Donzelot, *La Police des familles*, Paris: Minuit, 1977.

29. Жак Донзло, интервью с автором.

30. Мишель Фуко, цит. по: Жак Донзло, интервью с автором.

нечном счете, чтобы не раздражать Фуко, Делёз напишет не предисловие, а послесловие³¹.

17 января 1972 года GIP, протестуя против репрессий в тюрьмах, собирает манифестацию, в которой участвуют одновременно Сартр и Фуко. Небольшая группа известных людей ставит себе цель проникнуть внутрь министерства юстиции на Вандомской площади, чтобы провести там пресс-конференцию. Все эти знаменитости рассаживаются в коридоре министерства, чтобы послушать Фуко, который начинает читать заявление заключенных Мелена. Полиция вмешивается, но не пытается применить силу, ее действия сопровождаются улюлюканьем и криками «Плевена в тюрьму!» и «Плебен убийца!»: «Полицейские начинают теснить нас. Нервничают. Сартр упирается. Упирается Фуко. Упирается Фай. Делёз упирается, не переставая смеяться. Но в конце концов полицейские берут верх и выводят группу на тротуар»³². Оказавшись за пределами министерства, защищенного тремя рядами бойцов спецназа в касках и с оружием, группа проводит пресс-конференцию в офисе Агентства прессы *Libération* на улице Дюссуб.

Вскоре Делёз пишет в *Le Nouvel Observateur*: «То, чего ждут от нас заключенные...»³³ Он напоминает их требования по отмене цензуры, залу судебных заседаний, карцеру, по эксплуатации труда и условному освобождению, и усматривает в словах заключенных нечто совершенно новое, что относится уже не к «публичной исповеди», а к «персонализированной критике»³⁴. Фуко на этих манифестациях проявлял особое внимание к состоянию здоровья своего друга Делёза. Так, 16 декабря 1972 года в момент стычек с силами правопорядка Клод Мориак после полицейской атаки оказался рядом с Фуко и небольшой группой: «„Вы видели Делёза?“... „Надеюсь, его не арестовали“... Фуко волнуется — он очень бледен»³⁵.

Помимо акций, касающихся тюрем, GIP занимается также делами, связанными с репрессиями и расизмом. Весной 1971 года разгорается дело Жобера. Ален Жобер, журналист *Nouvel Observateur*, — свидетель полицейского насилия при разгоне манифестации по поводу Антильских островов. Его затащили в автозак и там избili бойцы спецназа. Фуко заявляет о создании комис-

31. Делёз пишет ему замечательное послесловие под названием «Восхождение социального» (Gilles Deleuze, «L'ascension du social», Jacques Donzelot, *La Police des familles*, p. 213–220).

32. Alain Jaubert, *Michel Foucault, une journée particulière*, Lyon: Aedelsa éd., 2004, p. 15.

33. Gilles Deleuze, *Le Nouvel Observateur*, 31 janvier 1972.

34. Ibid.; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 286.

35. Claude Mauriac, *Mauriac et Fils*, Paris: Grasset, 1986, p. 388.

сии по информированию, воспользовавшись поводом, которым стало собрание под руководством Клода Мориака. Пресс-конференция проходит 21 мая 1971 года. После выступления Дени Ланглуа слово берет Делёз: «Первая группа вопросов относится к коммюнике, опубликованному префектурой полиции еще 30 мая... Это коммюнике настолько неправдоподобно именно потому, что оно и не желает, чтобы ему верили. У него другая цель — запугать...»³⁶

Осенью 1971 года один молодой алжирец грубо обошелся с консьержкой своего дома в парижском квартале Гут д'Ор. Ее муж увидел сцену, взял ружье и убил этого алжирца, по имени Джелали, как он утверждает, случайно. В этом деле дает о себе знать растущее расовое напряжение в Гут д'Ор, а на манифестациях обличается расистское преступление. По инициативе Фуко создается новая комиссия по расследованию, в которую, помимо прочих, входят Делёз, Жан Жене, Клод Мориак и Жан-Клод Пассрон. 27 ноября 1971 года Сартр и Фуко председательствуют на собрании в Гут д'Ор, обращаясь с «Призывом к рабочим квартала», подписанным Делёзом, Фуко, Мишелем Лейрисом, Ивом Монтаном, Жаном Жене, Сартром, Симоной Синьоре³⁷.

Эти активистские мероприятия 1971 и 1972 годов позволяют Делёзу и Фуко вступить в диалог об определении новых задач интеллектуалов в отношении власти. В этом интервью 1972 года Делёз использует формулировку Гваттари: «Все мы — маленькие группки»³⁸. В GIP Делёз видит пример организации нового типа, способной обновить отношения между теорией и практикой, заключив их в более конкретные, локальные и частичные, рамки: «Для нас интеллектуал-теоретик перестал быть субъектом, репрезентирующим и репрезентативным сознанием»³⁹. Фуко, со своей стороны, полагает, что универсальная роль интеллектуала как воплощения дискурса Истины закончилась, поскольку демократизация общества позволила каждой социальной категории свободно выражать свое недовольство без помощи интеллектуалов. Так что последние должны сосредоточиться на борьбе с различными формами власти. Их задача — определить очаги власти и отследить их генеалогию.

Хотя эти годы стали периодом сближения двух друзей на территории политической практики, их концепции поли-

36. Жиль Делёз, архив университета Париж-VIII-Венсен, BDIC.

37. Дидье Эрибон, *Мишель Фуко*, с. 262–263.

38. Gilles Deleuze, «Les intellectuels et le pouvoir», *L'Arc*, № 49, 4 mars 1972; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 289.

39. Ibid., p. 289.

тического действия не совпадают. «Фуко, с одной стороны, исходит из опыта и практик, которые он концептуализирует. Делёз и Гваттари изобретают машины войны и экспериментируют с ними»⁴⁰. Фуко занимается психиатрией в больнице Святой Анны, создает GIP, а потом пишет «Надзирать и наказывать» и работает над аналитикой власти, тогда как Делёз и Гваттари создают концепты, машины, а потом проверяют, что они могут дать в социальной жизни. Гваттари встраивает свои размышления в цепочку социальных практик, связанных с активизмом, в институциональную психотерапию, а также в цепочку таких исследовательских организаций, как CERFI, которые оказываются еще и местами эксперимента с понятиями, разработанными совместно с Делёзом.

Фуко, несмотря на свои сомнения по поводу Гваттари и желание держаться подальше от его групп, поддается на уговоры Делёза и принимает участие в нескольких номерах изданий CERFI. Так, он участвует в двух номерах журнала *Recherches: «Хозяйство власти»* (№ 13, декабрь 1973 года) и «Три миллиарда извращенцев» (1973)⁴¹. В тот же период, в 1971–1972 годах, Делёз принимает участие в семинаре Фуко в Коллеж де Франс. Это стало поводом исследовать с разных точек зрения случай Пьера Ривьера, который в XIX веке зарезал свою мать, отца и сестру, когда ему было всего двадцать лет, и оставил мемуары, частично опубликованные в 1836 году.

Момент расколов

Другим моментом общей мобилизации Фуко и Делёза станет чуть позже дело Клауса Круассана в 1977 году. Адвокат банды Баадера прибыл в Париж 11 июля 1977 года, чтобы попросить политического убежища, поскольку в своей стране он объявлен «агентом» Баадера, то есть пособником террористов. Не успел он приехать в Париж, как немецкие власти потребовали его ареста и экстрадиции. 30 сентября его арестовала французская полиция.

Адвокат Жерар Сулье, друг Гваттари и активный член CINET, узнает о новости из *Le Monde* перед сном: «Сна как ни бывало!»⁴² Он спрыгивает с дивана, берет справочник адвокатов и звонит Жан-Жаку де Фелису, Тюбианá и Антуану Конту, ко-

40. Жюдит Ревель, интервью с автором.

41. См. главу 15 настоящего издания.

42. Жерар Сулье, интервью с автором.

торые организуют пресс-конференцию с участием председателя Лиги прав человека Анри Ногера. Со своей стороны, Ален Пейрефит, в те времена министр юстиции, заявляет 26 октября 1977 года, что «Франция, разумеется, не может стать убежищем для террористов». В начале ноября в 10-й палате апелляционного суда Парижа начинаются слушания, на которых должно быть вынесено решение об экстрадиции, а 16 ноября 1977 года перед тюрьмой Санте собирается группа людей, среди которых и Фуко с Делёзом. Полиция разгоняет демонстрацию. Круассана этапируют к немецкой границе.

На этот раз разногласия между двумя друзьями грозят порвать их дружеские связи. Хотя оба они протестуют против экстрадиции Круассана, Фуко отказывается подписать петицию, под которой уже поставили свои имена Делёз и Гваттари, поскольку считает, что она слишком снисходительна к террористам RAF. Он считает, что поддержать нужно исключительно адвоката Круассана⁴³. Клод Мориак вспоминает о том, как позвонил Фуко, «чтобы спросить у него, как он отреагировал на звонок Гваттари в связи с требованием экстрадировать адвоката Баадера, Клауса Круассана. Мы, не сговариваясь, успели отказаться подписывать этот текст, поскольку были согласны в том, что экстрадиции надо сказать безоговорочно „нет“, но при этом мы оба не соглашались с тем, что было сказано в этом тексте о Германии»⁴⁴.

Спустя много лет американский биограф Фуко Джеймс Миллер спросил у Делёза, что могло оказать столь необратимое воздействие на их дружбу. Делёз дал ему ответ из трех пунктов 7 февраля 1990 года, то есть через пять лет после смерти Фуко:

Прежде всего... очевидно, что нет одного ответа... Один из нас мог сегодня отвечать одним образом, а завтра по-другому. Не из-за непостоянства, но потому, что это сфера, где причин множество, и ни одна не является «необходимой». Именно потому, что ни одна из этих причин не была необходимой, всегда действовали несколько одновременно. Единственное, что важно, это то, что долгое время я был ведомым [Фуко] в политике, но в определенный момент перестал полностью разделять его оценку многих проблем.

Во-вторых, это не повлекло «охлаждения» между нами, никакого «выяснения отношений». В силу обстоятельств мы стали реже видеть друг друга, и поэтому нам становилось все сложнее встречаться друг с другом снова. Как ни странно, мы перестали видеть-

43. Впоследствии, намного позднее, станет известно, что этот демократический деятель, профессиональный адвокат, был на самом деле агентом Штази.

44. Claude Mauriac, *Mauriac et Fils*, p. 294.

ся не из-за разногласий, напротив, как раз оттого, что мы больше не встречались, между нами установилось некоторое непонимание, или дистанция.

В-третьих, я могу сказать, что я постоянно и все сильнее сожалел о том, что не вижу его. Что помешало мне позвонить ему по телефону? Именно здесь проступает причина более глубокая и существенная, чем все остальные. Был ли я прав или ошибался, но я считал, что он желает более глубокого уединения для своей жизни, для своего мышления, и что он нуждается в этом уединении, сохраняя отношения только с самыми близкими друзьями. Теперь я думаю, что мне следовало сделать попытку встретиться с ним, но я не думал о ней из уважения к Фуко. Я все еще страдаю из-за того, что не встречал его более, страдаю тем сильнее, что не вижу для этого какой-то явной причины⁴⁵.

В письме о радикальном разрыве Фуко и Делёза говорится многословно, но уклончиво, и чтобы лучше понять его причины, следует вернуться к нескольким пунктам расхождений.

Во-первых, в 1977 году произошло решительное размежевание по поводу «новых философов», которых Фуко поддерживал, а Делёз резко отверг⁴⁶. К делу Круассана следует добавить также глубокое расхождение по израильско-палестинскому вопросу. Эдвард Саид говорил о нем с Джеймсом Миллером в ноябре 1989 года. Он полагает, что ближневосточный конфликт стал одной из главных причин размолвки Делёза и Фуко: «Он получил эту информацию от самого Делёза»⁴⁷, и Делёз не отрицал этого, когда Миллер его спросил. Делёз написал статью, восхваляющую Ясира Арафата⁴⁸, тогда как Фуко развенчал резолюцию ООН, приравнивающую сионизм к нацизму⁴⁹, а в 1978 году, в самый разгар ливанского кризиса, обрушился с критикой на тоталитаризм Сирии и СССР, щадя при этом израильскую политику.

Еще одно политическое разногласие возникает в связи со сменой власти в 1981 году, когда в правительство приходят левые. Первые шаги президента Миттерана соблазняют и даже воодушевляют Делёза. Он считает, что социалистам нужно не мешать

45. Жиль Делёз, письмо от 7 февраля 1990 года Джеймсу Миллеру, цит. по: Джеймс Миллер, *Страсти Мишеля Фуко*, Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2012, с. 410–411.

46. См. главу 20 настоящего издания.

47. Джеймс Миллер, *Страсти Мишеля Фуко*, с. 408.

48. Gilles Deleuze, «Grandeur de Yasser Arafat», *Revue d'études palestiniennes*, № 10, 1984, p. 41–43 (texte de septembre 1983); переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 221–225.

49. Michel Foucault, *Le Monde*, 17–18 octobre 1976; перепечатано в: *Dits et écrits*, tome 11, p. 96.

и поддерживать их. Фуко же считает, что их нужно критиковать как всякую власть и даже больше, тем более что в новое правительство Пьера Моруа вошли коммунисты. Жак Донзло встречается в последний раз с Делёзом: «Это было в 1981 году, в Пантеоне. Он следил за Миттераном. Я пересекался с ним, сам я шел в другом направлении. Он говорит мне: „То, что происходит, прекрасно“, на что я ему сказал, что ничего хорошего в этом нет, что это просто циничный политик, которому удалось повернуть дельце. Но он был очень увлечен»⁵⁰. Эта разница в оценках дает о себе знать и в связи с государственным переворотом генерала Ярузельского в Польше в 1981 году, который привел к крушению надежд руководителя «Солидарности» Леха Валенсы. Фуко вместе с Бурдьё составляет обращение, в котором вина возлагается на новое социалистическое правительство, спасовавшее перед силовым сталинистским переворотом. Делёз, к которому обратились с просьбой подписать этот текст, отказывается и подписывает другое обращение, инициатором которого стал Жак Ланг, а составил Жан-Пьер Фай — в нем репрессии в Польше разоблачаются, но действия Миттерана при этом одобряются.

Ко всем этим расхождениям политического порядка следует прибавить и заметные различия в философских ориентациях, пусть даже они недостаточны, чтобы объяснить разрыв. Фуко, выразивший свое полное восхищение «Различием и повторением» и «Логикой смысла», озадачен «Анти-Эдипом». Конечно, в 1977 году он напишет предисловие к американскому изданию, в котором «Анти-Эдип» будет представлен в качестве первой книги по этике, написанной за очень долгий период времени. Но, по словам его друга Донзло, в этом предисловии истинные чувства Фуко по поводу книги его друга не отразились: «Фуко не любил „Анти-Эдип“. Он очень часто мне об этом говорил»⁵¹. И когда сам Жак Донзло пишет довольно-таки восторженную рецензию для журнала *Esprit*⁵², Фуко чувствует облегчение, поскольку ему самому этим заниматься не нужно: с его точки зрения, книга представляет собой «эффект языка, что-то от Селина. Он [Фуко] уехал с моей статьей, чтобы отдать ее в какой-то американской журнал, и, таким образом, мог снять с себя вину за то, что ничего о книге не написал»⁵³.

В 1976 году Фуко решает свести счеты с психоанализом, Лаканом и его теорией нехватки, публикуя первый том «Истории

50. Жак Донзло, интервью с автором.

51. Там же.

52. См. главу 10 настоящего издания.

53. Жак Донзло, интервью с автором.

сексуальности»⁵⁴. В этом основополагающем труде он разбирается с желанием в его фрейдовском смысле и выстраивает свою позицию как альтернативу тезисам, утверждающим, что общество начиная с классической эпохи становится якобы все более репрессивным. Он показывает, что мы наблюдаем не постепенное сокращение числа дискурсов о сексе, а наоборот, их умножение. В эту бурю, созданную фукианской критикой желания и «желающих», оказываются втянуты и Делёз с Гваттари. Делёз отвечает Фуко личным письмом, переданным через Франсуа Эвальда, в котором он подробно разбирает ряд пунктов. В этом письме, опубликованном намного позднее, в 1994 году, под названием «Желание и удовольствие»⁵⁵, Делёз задается вопросом, можно ли мыслить в качестве эквивалентов то, что, с его точки зрения, относится к порядку «тел без органов-желаний», и то, что у Фуко оказывается на стороне «тел-удовольствий». В этом тексте он напоминает, что само понятие желания вызывает у Фуко бурную реакцию: «В последний раз, когда мы виделись, Мишель сказал мне, не без эмоций, но в то же время любезно, примерно следующее: мне невыносимо само это слово „желание“; даже если вы употребляете его иначе, я невольно думаю или ощущаю, что желание — это нехватка, или что желание называет себя подавленным»⁵⁶. Тогда как Делёз полагает, следуя спинозизму, что удовольствия — не более чем препятствия на пути желания быть, конатуса, самоосуществления, упорствования в Бытии, а потому могут вести лишь к потере. Удовольствие, с его точки зрения, прерывает «процесс, имманентный желанию»⁵⁷.

Обиженный Фуко так и не ответит. В этом письме он видит еще один повод порвать со своим другом: «Вскоре после этого Фуко внезапно решил, что больше не будет встречаться с Делёзом»⁵⁸. Чтобы лучше понять, почему Фуко не просто задет скептической реакцией Делёза, нужно напомнить, что, разумеется, его книга сразу же стала бестселлером: к первому тиражу в 22 тысячи экземпляров пришлось допечатывать еще 22 тысячи. Пресса ей также благоволит. В то же время главный тезис книги, который ставит под сомнение антирепрессивную борьбу, в окружении Фуко приводит многих в замешательство. Непо-

54. Мишель Фуко, «Воля к знанию», *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, Москва: Касталь, 1996, с. 97–268.

55. Gilles Deleuze, «Désir et plaisir», *Le Magazine littéraire*, octobre 1994, № 325; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 112–122.

56. Ibid., *Deux régimes de fous*, p. 118–119.

57. Ibid., p. 119.

58. Джеймс Миллер, *Страсти Мишеля Фуко*, с. 408.

нятно, как целое десятилетие освободительной борьбы, которая велась от имени сексуальных меньшинств, было выдано за пример развертывания биовласти. Многие критикуют и недоумевают, а работа Бодрийера «Забыть Фуко» становится последней каплей в этом контексте, ударившей по философу настолько сильно, что он оставил намеченный им план. Второй том своей «Истории сексуальности» он опубликует только в 1984 году, то есть спустя семь лет молчания, причем работа будет построена на принципиально новых основаниях.

Этот вопрос желания имеет еще большее значение для разрыва с Фуко потому, что сама их встреча состоялась под одним и тем же императивом — мыслить желание⁵⁹. По Делёзу и Фуко, Фрейд и Лакан не смогли помыслить желание, сведя его к нехватке и запрету: «Но хотя два философа участвуют в общем деле, в котором они едины более, чем во всем остальном, они все равно разделены непреодолимой дистанцией»⁶⁰. В 1983 году Фуко недвусмысленно высказывается об этом разногласии в длинном интервью с Жераром Роле, который спрашивает его, допускает ли он определенное родство с Делёзом: «Распространяется ли это родство также и на делезовскую концепцию желания?» Фуко отвечает резко и категорично: «Нет, конечно, нет»⁶¹. На самом деле на общие им вопросы они дают разные ответы. Хотя им обоим свойственно стремление построить этику нефашистской жизни и хотя они согласны в том, что у желания нет никакой естественности и спонтанности, поскольку оно всегда заключено в определенные сборки, проект Делёза и Гваттари требует рассмотреть желание в качестве связки сборок с предельно конструктивистской точки зрения: «Философский гений Делёза состоит в том, что он изобрел новый витализм, стал искать условия не возможности, а реальности между выражением и конструированием»⁶². На различиях в их концепциях желания сказывается также и их личная интерпретация Ницше, в которой Делёз основное внимание уделяет вопросу желания в «Воле к власти», тогда как Фуко больше интересуется вопросом истины в «Генеалогии морали».

Ницшеанская привязка желания у Делёза должна быть дополнена еще одним немаловажным моментом — спинозист-

59. David Rabouin, «Entre Deleuze et Foucault: penser le désir», *Critique*, juin-juillet 2000, № 637–638, p. 475–490.

60. Ibid., p. 485.

61. Michel Foucault, entretien avec Gérard Raulet, «Structuralisme et post-structuralisme», *Telos*, vol. XVI, № 55, 1983, p. 195–211; переиздано в: *Dits et écrits*, tome IV, p. 445.

62. Эрик Алье, интервью с автором.

ской силой бытия. В онтологию необходимо ввести силу бытия. В своем курсе о Фуко Делёз в 1986 году вернется к понятию желания/удовольствия, представив отказ Фуко от понятия желания и привязанность к идее тела и его удовольствий как выражение сексуальности без пола, которым он заканчивает свою работу «Воля к знанию». Это стремление заменить «молярную» концепцию, центрированную на поле, молекулярным подходом многообразных удовольствий вдохновляется, по мысли Делёза, Прустом, который определяет три уровня в «Содоме и Гоморре»: уровень больших ансамблей гетеросексуальной любви, второй уровень, на котором тождественное отсылает к тому же самому: мужчина к мужчине и женщина к женщине; наконец, Пруст вводит третий уровень — «трансверсальный, уже не вертикальный»⁶³, на котором у каждого мужчины обнаруживается женская составляющая, а у каждой женщины — мужская, но они не сообщаются между собой, отсюда необходимость четырех терминов и молекулярных сборок. Распыляя тему ответственности, Пруст «доходит до того, что говорит о локальных удовольствиях»⁶⁴.

Истина

С публикацией «Воли к истине» у Фуко и Делёза возник еще один повод для разногласий — возвращение темы истины. Жак Донзло вспоминает: «Делёз часто говорил со мной по этому вопросу: „Жак, ты сам как думаешь, Мишель совсем сбрендил, что вытаскивает нам это старье, истину? Он хочет вернуть нас к этой старинной теме, к правдивому высказыванию! Нет, это совершенно невозможно“»⁶⁵. В письме Фуко Делёз открыто высказывает свою обеспокоенность воскрешением этой тематики в работах своего друга: «Опасность в следующем: возвращается ли Мишель к некоему аналогу „конституирующего субъекта“ и почему он ощущает потребность воскресить истину, пусть даже он делает из нее новый концепт?»⁶⁶ С точки зрения Фуко, дело не в возврате к традиционному прямому противопоставлению истинного и ложного. Беседуя однажды вечером с Полем Веном о концепции истинного у Хайдеггера и Витгенштейн-

63. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 21 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

64. Ibid.

65. Жак Донзло, интервью с автором.

66. Gilles Deleuze, «Désir et plaisir», *Le Magazine littéraire*, p. 59; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 113.

на, Фуко высказывается так: «дословно (поскольку я записал эту его фразу) вопрос таков: как получилось, что истина столь не-истинна?»⁶⁷ Если требуется извлечь это понятие из дремы традиции, задача именно в том, чтобы «разыграть его на другой сцене, пусть даже ценой его обращения против самого себя»⁶⁸.

Однако Делёз в своем письме 1977 года выражает недоумение в отношении средств такого обращения. Отправляясь от мысли о том, что диспозитивы власти и контрвласти являются носителями истины, Фуко ставит вопрос об истине в зависимости от вопроса о власти. Тогда встает «проблема роли интеллектуала у Мишеля; и способа введения категории истины, поскольку, полностью обновляя ее и ставя в зависимость от власти, он пробует найти в этом обновлении материал, который можно обратить против власти. Но я не понимаю, как»⁶⁹. Пытаясь понять использование Фуко понятия истины, Делёз в своем курсе 1985–1986 годов подмечает дизъюнкцию в творчестве Фуко, расхождение между областями видения и речи, между видимым и высказываемым. Игра истины разыгрывается из этого парадоксального напряжения, поскольку говорить — не видеть. Однако позиции двух друзей-философов в какой-то мере симметричны. В конечном счете Фуко обнаруживает в обращенности на истину саму функцию философии: «Я знаю мало иных определений слова „философия“, кроме этого»⁷⁰. И наоборот, по Делёзу, не истина определяет важность утверждения или понятия: «напротив, именно его важность и новизна определяют его „истину“»⁷¹.

Расхождения между Фуко и Делёзом можно обнаружить на разных уровнях, в частности в сфере общих авторов-источников, которых они используют разным, а порой противоположным образом. Так, Делёз, перестав заниматься фигурами из истории философии, в «Логике смысла» в значительной мере опирался на стоицизм. Фуко же использовал стоические концепции в своих последних публикациях. Стоический горизонт «Логике смысла» он принял в расчет, хотя и не стал

67. Paul Veyne, Le dernier Foucault et sa morale, *Critique*, N° 471–472, 1986, note 1, p. 940.

68. Hervé Couchot, «Philosophie et vérité: quelques remarques sur un chassé-croisé», *Concepts*, 8, Sils Maria, 2004, p. 29.

69. Gilles Deleuze, «Désir et plaisir», p. 118.

70. Michel Foucault, introduction au cours de l'année 1978 au Collège de France, 11 janvier 1978, enregistrement public, cité par Hervé Couchot, «Philosophie et vérité: quelques remarques sur un chassé-croisé», p. 39, note 1.

71. Hervé Couchot, «Philosophie et vérité: quelques remarques sur un chassé-croisé», p. 43.

углубляться в эту тему, еще в «Порядке дискурса» (1970), где он утверждает, что высказывания нужно наделить свойственной им «материальностью», которая относится к порядку бестелесной материальности. У Делёза и Фуко общий враг — платонизм, и они осваивают одни и те же аспекты стоицизма, в частности, примат события: «Фуко и Делёз подчеркивают и то, что это стоическое искусство события нацелено на включение субъекта в имманентность мира и времени»⁷². Однако применяют они стоиков по-разному: Делёз больше вписывает их в философскую историю философии и видит в них смещение всей рефлексии, в которой «философия сливается с онтологией»⁷³. Делёз же скорее ведет исследования на материале ранних стоиков, тогда как Фуко предпочитает стоиков эпохи Римской империи, Эпиктета или Марка Аврелия, имеющих репутацию моралистов.

В то же время их общее отношение к греческой мысли и для одного, и для другого опосредовано творчеством Ницше, с точки зрения которого философ, начиная с греческой эпохи, — это тот, кто утверждает жизнь: «Воля к власти у Ницше — это утверждение жизни, а не осуждение жизни с позиции Желания-суверена»⁷⁴. Интерес Фуко к грекам в «Использовании удовольствий» также берет начало в Ницше, но он выдвигает совершенно независимые тезисы. Какой свободный человек, по Фуко, может быть выбран на роль пастыря гражданского сообщества в античном греческом полисе? «Другими способен управлять только тот, кто умеет управлять собой»⁷⁵. Делёз видит в этом основную идею Фуко, которая расходится с его предшествующими работами: управление собой отделяется от знания, но в то же время и от власти, становясь истинным «искусством себя»⁷⁶. Эта сила субъективации не является, однако, первичной, поскольку зависит от сингулярности «греческой диаграммы».

Близость Фуко и Делёза, сохраняющаяся, когда речь идет о греческих источниках, кажется уже не такой явной, если сравнивать утвердительную по самому своему существу и решительно спинозистскую философию Делёза, который совершает метафизический демарш, основанный на Спинозе, и философию

72. Thomas Bénatouil, «Deux usages du stoïcisme: Deleuze et Foucault», dans Frédéric Gros et Carlos Lévy, *Foucault et la philosophie antique*, Paris: Kimé, 2003, p. 31.

73. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 235.

74. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 6 мая 1986 года, звуковой архив, BNF.

75. Там же.

76. Мишель Фуко, *Использование удовольствий. История сексуальности*, СПб.: Академический проект, 2004, т. 2, с. 122.

Фуко, по сути кантианскую, поскольку негативность в ней порой доходит до скептицизма: «С моей точки зрения, его книги — великие скептические книги. Истина Фуко в этом, в современном скептицизме, связанном с определенной формой совершенно таинственной ангажированности»⁷⁷. Это не значит, что Спиноза был для Фуко не важен: «Даниэль Дефер сказал мне, что Фуко использовал Спинозу, его книга была с ним рядом, когда он умирал. Он его как раз перечитывал»⁷⁸.

Но если Делёз следует за Спинозой в вопросе о темпоральности, то есть вечности, свойственной конатусу, который ускользает от хроноса, то Фуко предпочитает практиковать разрывы, радикальные сбивки в темпоральной ткани. В этом плане Делёз оказывается сторонником онтологии силы, которая постоянно возрастает, тогда как Фуко ближе к кантианскому критицизму. В своем курсе 1985–1986 годов Делёз и правда отмечает: «У Фуко заметно своего рода неокантианство»⁷⁹. Пользуясь своим «небольшим заходом» в Канта как поводом, Делёз искренне восхваляет кантовскую ясность, которую находит потрясающей⁸⁰. Фуко, по Делёзу, обнаруживает кантианское зияние, поскольку проводит различие между видением и говорением, которые различаются по природе, а потому одно измерение невозможно свести к другому. Если заполнить этот зазор невозможно, как тогда возможно знание? Делёз в этом кантианском вопросе усматривает аналогию между положением Канта, оказавшегося меж двух способностей, рассудка и созерцания, и позицией Фуко, стремящегося разобраться с двумя гетерогенными измерениями — видимым и высказываемым.

С другой стороны, хотя делезовский витализм часто противопоставляли, как нечто опасное, неокантианству у Фуко, более уважительному к пределам, сам Делёз не раз называет позиции Фуко опасными. Он объясняет это так:

Опасного — да, потому что у Фуко есть определенная сила. Он обладал огромной силой воли, самообладанием, мужеством. В некоторых случаях сила просто кипела в нем. Его считали нетер-

77. Матьё Потт-Боннвиль, интервью с автором.

78. Жюдит Ревель, интервью с автором.

79. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, звуковой архив, BNF.

80. «Кант первым определил человека по тому зиянию, которое в нем раскрывается» (Там же). Кант воплощает начало современной философии, различая два гетерогенных измерения и подчеркивая взаимную несводимость восприимчивости и спонтанности, созерцания и понятия, благодаря чему конечность становится конститутивным принципом: «С Кантом появляется то, что не могло появиться раньше» (Там же).

пимым... И его стиль, по меньшей мере в его последних книгах, которые покоряют своей ясностью, — это стиль кнута, это ремень, с его изгибами и складками⁸¹.

Делёз разделяет точку зрения Поля Вена на Фуко-воина, всегда готового превратить историю мысли в машину войны, в полемический подход, зачарованный смертью. Делёз же больше ценит хитрость, греческий интеллект, *metis*, смех, уничтожительный юмор.

Зеркальные отражения

Эту зеркальную игру двух линий творчества, которые развиваются каждая по своей собственной траектории, но с темами, подчас весьма близкими, философ Жюдит Ревель замечает во многих моментах их общения, раскрывая ее как отношение сильное и в то же время всегда смещенное. И тот и другой близки к истории, но это разная близость, поскольку Фуко — больше кантианец, который задает себе вопрос об условиях возможностей, тогда как Делёз работает на уровне условий реальности. Фуко в 1968–1969 годах с восторгом открывает у Делёза основания политики различия, которая стыкуется с его поисками фигуры другого, инаковости, сделавшими возможной его «Историю безумия» (1961). Фуко, таким образом, чувствует, что его позиции подтверждаются, причем Делёз позволяет ему найти выход из структурализма, который позже он будет отрицать, хотя в 1967 году яростно его защищал. Опыт шизофрении увлекает обоих как способ выйти за пределы структуралистской бинарной кодификации: «Она, как казалось, допускала такие повествования, которые в то же время служили пособиями по разбору кода»⁸².

В своих курсах в Коллеж де Франс в начале 1970-х годов Фуко развивает идею медикализации общества, психиатризации социального, институционального становления практик власти, которым следует противостоять, опираясь на антиинституциональные практики знания. Эта позиция близка к тезисам Делёза и Гваттари, провозглашенным в 1972 году в «Анти-Эдипе», в частности, к практикам институциональной психотерапии в Ла Борд⁸³. Однако то, что кажется общим подходом, на самом

81. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 136.

82. Judith Revel, «Foucault lecteur de Deleuze: De l'écart à la différence», *Critique*, № 591–592, 1996, p. 734.

83. См. главу 2 настоящего издания.

деле таковым не является, поскольку горизонт вопросов у Фуко сосредоточен в этот период на вопросе власти, тогда как Делёза и Гваттари интересуют процессы субъективации: группы-субъекты, коллективные субъекты высказывания... «Потом Фуко обратится к субъективации, в „Надзирать и наказывать“, и нам казалось, что они пересекутся, но пересечения не произошло»⁸⁴.

Жюдит Ревель, подробно изучившая переключки в мысли двух авторов, утверждает, что с конца 1970-х годов, когда Фуко углубляется на территорию этики, становятся заметны следствия разрыва: «В материалах 1977–1978 годов видно, что отсылки друг к другу больше нет. Наступает полное молчание»⁸⁵. Тогда как в применении пространственной метафоры Фуко и Делёз, как и большинство мыслителей этого поколения, весьма близки, что соответствует у них желанию выйти за пределы гегельянства и лежащей в основе философии истории — благодаря пространственности и ее логикам: логике плана имманентности у Делёза и Гваттари, с ее стратами и гладкими пространствами, дырами и линиями ускользания, которые позволяют произвести картографию феноменов. Фуко же определяет выдвигаемую им общую историю как возможное развертывание «пространства рассеивания»⁸⁶. Как подчеркивает Делёз, под терминами генеалогии и археологии у Фуко скрывается геология с ее тектоническими покрытиями, сдвигами почвы и расхождениями. Делёз в общем-то определяет Фуко как «нового картографа». Конечно, выбор позиции по отношению к истории у Фуко и Делёза очень различается, что недвусмысленно подтверждает последний Делёз в 1988 году: «У нас (с Феликсом) всегда был вкус к всеобщей истории, тогда как он ее презирал»⁸⁷.

Два философа события

Фуко и Делёз освободились от философии истории в смысле гегелевско-марксистской телеологии, чтобы найти место для философии события. И тот и другой будут, учитывая их различия в отношении к истории, историкам и архиву, отслеживать возникновение нового, вспышки, которые сотрясают привычки и устоявшиеся способы мысли. Именно на стадии кризиса,

84. Жюдит Ревель, интервью с автором.

85. Там же.

86. Мишель Фуко, *Археология знания*, СПб.: Гуманитарная академия, 2004, с. 49.

87. Gilles Deleuze, entretien avec Raymond Bellour et François Ewald, *Le Magazine littéraire*, septembre 1988, p. 24.

мутации обнаруживаются эти моменты кристаллизации, которые столь важны для понимания происходящего в социальной истории и истории мышления. Собственно, именно это и подтверждает сам Делёз, рассматривая мысль Фуко с точки зрения ее сдвигов, переходов, свидетельствующих о кризисных моментах, преодоление которых освещает напряжение, испытываемое мыслью в промежутке между виртуальностью и актуальностью. В своем внимании к новому Фуко оказывается наследником всей школы французской эпистемологии, то есть Башляра, Кангилема и ницшеанской генеалогии. Отталкиваясь от этой традиции, он провозглашает дисконтинуальный подход ко времени, в котором предпочтение отдается радикальным цезурам: их он какое-то время называет «эпистемами» (после «Слов и вещей» этот термин он использовать не будет)⁸⁸.

Вслед за Ницше Фуко заменяет поиски темпоральных истоков и причинно-следственных связей критическим позитивизмом, который стремится выявлять разрывы путем описания материальных потенций. Во-вторых, Фуко намеревается выявить сингулярность событий за пределами их явных целей. Наконец, введение событий позволяет отодвинуть на задний план фигуру сознательного субъекта и его иллюзию управления временем: «„Действительная“ история заставляет событие вновь раскрыться в том, что в нем есть уникального и действенного»⁸⁹. Фуко противопоставляет трем платоновским модальностям истории свое собственное применение исторических мифов, их подрывающее. Историю-признание он заменяет пародийным применением реальности; историю-непрерывность — применением, разрушающим тождество, а историю-познание — применением, разрушительным для истин. При таком подходе тотальная история-синтез оказывается, с его точки зрения, иллюзией, поскольку «задача эта предполагает, что сомнению подвергается все то, что принадлежит времени, образуется во времени... в результате выявляется тот вневременной, внеисторический разрыв, из которого проистекает и само время»⁹⁰.

88. «Знать, даже в хронологическом порядке — не значит „вновь обретать“ и, в особенности, „обретать себя“. История будет „действительной“ в той мере, в какой она внесет прерывность в само наше бытие. Она расчленил наши чувства, она драматизирует наши инстинкты, она умножит наше тело и противопоставит его ему же... Знание, тем самым, создано не для понимания, оно создано для подрыва» (Мишель Фуко, «Ницше, генеалогия и история», *Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов*, Минск: Красико-принт, 1996, с. 88).

89. Там же, с. 101.

90. Мишель Фуко, *Слова и вещи*, СПб.: А-кад, 1994, с. 353.

Делёз и Гваттари, со своей стороны, подчеркивают в своей концепции события момент появления нового, начинания, начала, которым событие служит самому себе. В «Диалогах» Делёз говорит о «поверхностном блеске молнии»⁹¹. В работе «Что такое философия?» Делёз и Гваттари опираются на Шарля Пегги и его диалог «Клио» (1912) в объяснении того, что существует два способа рассматривать событие. Один — выявление его свершения в истории, его обусловленности, а другой — возвращение к событию, погружение в него и анализ всех его составляющих и сингулярностей. В «Тысяче плато» заявляется о важности событийных разметок, ведь каждое из тринадцати плато помечается определенной начальной датой: «История никогда не избавится от дат. Возможно, именно экономика или финансовый анализ лучше всего демонстрируют присутствие и мгновенность таких решающих действий в общем процессе»⁹².

Эта мысль события не имеет ничего общего с презентизмом. Напротив, философия как создание концептов должна порвать со своей эпохой. Она фундаментально неактуальна и несвоевременна, что вытекает из концепции Ницше, которую разделяет и Фуко: «действовать несвоевременно, то есть вразрез с нашим временем, и благодаря этому влиять на него, — нужно надеяться, в интересах грядущей эпохи»⁹³. Делёз проводит различие между историей и становлением. Создание нового всегда неактуально, оно задает становление. Последнему, конечно, нужна история, определенные положения вещей, чтобы не остаться совершенно неопределенным, но в то же время оно от них ускользает. Становление прорывается во время, но никогда не сводится к нему.

То же самое относится и к событию, в которое оказались непосредственно втянуты Делёз, Гваттари и Фуко, к маю 1968 года, который нельзя понимать только в координатах исторических фактов втягивания, поскольку такой взгляд упустил бы самое главное, креативный аспект этого события. Событие — это вызов традиционной концепции истории. Более того, оно представляет собой кризис этой концепции. Эту позицию Делёз и Гваттари защищают по той причине, что, с их точки зрения, происходящее нельзя объяснить исключительно историей. Время создает кризис причинности, под которой царит неуничтожимый случай, делающий ее онтологически вторичной,

91. Gilles Deleuze, *Dialogues*, avec Claire Parnet, p. 80.

92. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 135.

93. Фридрих Ницше, «Несвоевременные размышления. Часть вторая. О пользе и вреде истории для жизни», *Собр. соч.* в 13 т., Москва: Культурная революция, 2014, т. 1, кн. 2, с. 87.

но при этом не отрицающий. В «Логике смысла» Делёз отвергает два подхода к событию. Во-первых, подход платонистский и эссенциалистский, который подводит множество событий под одно чистое Событие, и, во-вторых, подход обстоятельственный, согласно которому событие сводится к засвидетельствованному происшествию. В противовес им он подчеркивает множественность событий как «потоков сингулярностей»⁹⁴, как и то, что событие как таковое выводит на вопрошание: «Событие само по себе является проблематическим и проблематизирующим»⁹⁵. В «Складке» Делёз отвечает на вопрос Уайтхеда: «Что такое событие?» По его мысли, оно проявляется как вариация с бесконечными гармониками, как экстенсивные серии, возникновение нового, как одновременно публичное и частное, потенциальное и актуальное, помеченное интенсивностями.

Можно ли при таких условиях мыслить событие и включить его в свою речь? Событие превосходит свое оформление дискурсивностью. После «Археологии знания» Фуко в «Порядке дискурса», инаугурационной лекции в Коллеж де Франс, выходит на генеалогическую программу, в которой особое внимание уделяется дискурсивному уровню. Он разворачивает программу проблематизации жизни, преступности и безумия благодаря исследованию условий обоснованности знания. В таком случае «нужно вернуть дискурсу его характер события»⁹⁶, ориентируясь на отношения разрыва: «Дискурсы должно рассматривать как прерывные практики»⁹⁷. В этом отношении Фуко предстает счастливым позитивистом, причем еще со времен «Археологии знания» (1969), и ему важно исследовать то, чем является фундамент высказывания самого по себе, в его позитивности и действительности.

Этот избыток события по отношению к речи Делёз выражает путем акцентуации его сингулярного характера. В своем доказательстве он опирается на Дунса Скота, у которого берет понятие *hecceitas*, определяя им событийную индивидуальность. Отсюда вытекают две существенные характеристики. С одной стороны, событие определяется одновременным сосуществованием двух разнородных измерений во времени, в котором будущее и прошлое постоянно совпадают друг с другом, надвигаются друг на друга, оставаясь при этом различными

94. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 77.

95. Там же.

96. Мишель Фуко, «Порядок дискурса», *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности*, с. 79.

97. Там же.

ми и в то же время неразличимыми. Во-вторых, событие — то, что происходит, и его аспект принципиальной новизны не отделен от прошлого. Это интенсивность, которая приходит и просто отличается от других интенсивностей. Идеальное событие как таковое, определяемое Делёзом в «Логике смысла», оказывается, таким образом, сингулярностью или же множеством сингулярностей.

Чтобы мыслить событие, Делёз и Гваттари полагают, что последнее должно склоняться в двух разных модусах темпоральности. В-первых, есть его осуществление в порядке вещей, в настоящем. В таком случае оно относится к какому-то определенному времени, которое называется хроносом и в котором событие фиксирует вещи и людей, задавая им определенную меру. Но в то же время событие не сводится к своему осуществлению, отсюда необходимость рассмотреть его во втором его временном измерении, которое Делёз и Гваттари называют эоном, представляющим парадоксальной вечностью, благодаря которой нечто бестелесное, неосуществимое выплескивается, раскрывается на неопределенное время события, это «плавающая линия, знающая только скорости и непрерывно разделяющая то, что подступает в некоем уже-здесь и в некоем еще-не-здесь, одновременно слишком поздно или слишком рано, что-то, что вот-вот произойдет и только что произошло»⁹⁸.

Эта акцентуация События отсылает у Делёза и Гваттари к сфере действия, что соответствует принципам практической философии Спинозы, а также стоиков⁹⁹. Таков стоический путь, который в виталистическом жизненном порыве стремится быть достойным всего происходящего, ориентироваться на всякий проблеск, способный скрываться в происходящем, и ценить его: событие, скорость, становление. *Eventum Tantum* может быть неразличимым, но при этом все изменить:

Сотворить событие, сколь бы малым оно ни было, — самая сложная вещь в мире, противоположность драмы или истории. Любить тех, кто таковы: когда они входят в комнату, это не лица, герои или субъекты, это атмосферная вариация, перемена в тоне, незаметная молекула, дискретная популяция, туман или дождевая туча. Все на самом деле изменилось. Великие события создаются точно так же: битва, революция, жизнь, смерть... Истинные Сущности — это события¹⁰⁰.

98. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 432.

99. «Не быть ниже события, стать ребенком своих собственных событий» (Gilles Deleuze, *Dialogues*, avec Claire Parnet, p. 80).

100. Ibid., p. 81.

Делёз, читатель Фуко

На протяжении всей своей карьеры Делёз был более чем внимателен к творчеству Фуко, работы которого регулярно рецензировал. В частности, в 1970-м, а потом в 1975 году он написал две статьи: одну об «Археологии знания», а другую о «Надзирать и наказывать»¹⁰¹. Главное, однако, в том, что в 1985–1986 годах он посвящает Фуко целый курс, а летом публикует свою книгу «Фуко».

Когда Фуко не стало, сам факт, что он решил заняться его творчеством, свидетельствует о крепости их связи и трудной работе скорби, которой занят Делёз, потерявший в Фуко не только друга. На вопрос, почему он написал книгу о Фуко, он отвечает совершенно недвусмысленно: «Она необходима мне самому и вызвана восхищением им, эмоциями по поводу его смерти, прервавшей его работу»¹⁰². Делёз будет скорбеть об ушедшем Фуко по-своему — выявляя логику его мысли и пытаясь найти общую линию, связывающую его творчество, несмотря на различные кризисы, скачки, постоянные смещения. Следуя уроку Марциала Геру, Делёз защищает представление о том, что невозможно выделить из творчества какую-то его часть. Нужно взять все целиком и восстановить его логику, его жест: «Логика мышления, которая как ветер, толкающий нас в спину, как серия порывов и шквалов. Мы верили, что находимся в порту, а оказались выброшенными в открытое море, согласно выражению Лейбница. Это в высшей степени характерно для Фуко»¹⁰³. Таким образом, Делёз восстанавливает всю траекторию творчества Фуко и обнаруживает в нем глубинное единство и в то же время важные сдвиги. Все его творчество, по мысли Делёза, обусловлено различием по природе между видением и говорением, видимым и высказываемым. Он придерживается фундаментально дуалистического взгляда на этот вопрос и разворачивает два этих измерения, несводимых друг к другу: «Но для него предпочтительность высказываний вовсе не противоречит исторической нередуцируемости видимого»¹⁰⁴.

В то же время он выявляет важные переходные этапы. Вплоть до публикации «Археологии знания» в 1969 году глав-

101. Gilles Deleuze, «Un nouvel archiviste», *Critique*, № 274, mars 1970; «Écrivain non: un nouveau cartographe», *Critique*, № 343, déc. 1975. Статьи в переработанном виде вошли в издание: Жиль Делёз, *Фуко*, Издательство гуманитарной литературы, 1998, с. 22–46 (первая статья), 46–72 (вторая статья).

102. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 125–126.

103. Там же, с. 126.

104. Жиль Делёз, *Фуко*, с. 75.

ным остается вопрос знания. Потом, с выходом «Надзирать и наказывать» и «Воли к знанию», Фуко выбирает новое измерение — измерение власти. Делёз задается вопросом о том, что заставило его перейти от одного регистра к другому, и предполагает, что проблема Фуко — это проблема двойника, поскольку «высказывание — это двойник того, что ему тождественно»¹⁰⁵. Поскольку знание выступает интеграцией силовых отношений, оно также играет на двойном распределении: силовые отношения, образующие власть, дополняют отношения форм, образующие знание. В таком случае из эндогенного отношения знания с властью возникают особые сингулярности.

Однако это зеркальное отношение знания и власти натывается на апорию. Чтобы вернуть динамику, требуется ввести третью ось, которую Делёз считает присутствующей с самого начала, но в малозаметной форме, ось, которая будет интересовать позднего Фуко, в двух его последних работах, где он изучает модусы субъективации, которые ошибочно были приняты за возвращение субъекта. Это измерение субъективации «присутствовало у Фуко, но не в собственном виде, а как примесь к знанию и власти»¹⁰⁶. Главный вопрос, который он ставит себе, заключается тогда в том, как власть и знание пытаются завоевать эту третью ось, ось субъективации, желая переприсвоить ее внутри своей собственной логики. Таким образом, динамика возвращается из-за того, что «чем больше власть захватывает субъективацию, тем больше образуется новых модусов субъективации»¹⁰⁷.

Можно ли сказать, что Делёз поступил с Фуко так же, как и с другими философами традиции, то есть сделал ему ребенка у него за спиной, сведя его к своим собственным позициям? В каком-то смысле именно такого мнения придерживается Потт-Бонвиль, который видит в работе Делёза лучшее введение в творчество Фуко, своего рода приглашение прочесть его и прояснить, но в то же время попытку «затемнения, маскировки некоторых аспектов мысли Фуко. Так, из виду полностью исчез вопрос истории, что в случае Фуко выглядит довольно странным»¹⁰⁸.

Когда специалист по творчеству Фуко Фредерик Гро публикует исследование, посвященное образу Фуко у Делёза, он усматривает в нем своего рода «метафизический вымы-

105. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 17 декабря 1985 года, звуковой архив, BNF.

106. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 6 мая 1986 года, звуковой архив, BNF.

107. Там же.

108. Матьё Потт-Бонвиль, интервью с автором.

сел»¹⁰⁹. Он не узнает в нем своего Фуко, да и вообще не понимает, как к этому относиться, но при этом он напоминает, что для Делёза понимать Фуко — не значит составить научный комментарий к его работам: «Для Делёза понять того или иного автора — это в каком-то смысле сначала *уфредить* его... высвободить метафизику, присущую его творчеству»¹¹⁰. Нужно вымечтать, выдумать этого автора, увидеть его в качестве двойника того, кем он был, то есть в качестве метафизика. Конечно, Фредерик Гро признает удивительную последовательность, выявленную в творчестве Фуко интерпретацией Делёза, связанную с тем, что «читая Фуко, Делёз обнаруживает в нем достижения своего собственного прочтения Бергсона»¹¹¹. Впрочем, после этой статьи, написанной в 1995 году, Фредерик Гро смог оценить точность некоторых координат делезовской интерпретации:

Книга Делёза — книга подлинно философская. Все, что он говорит об отношении высказываемого и видимого, показывает, что он понял какой-то глубинный момент, который я обнаружил в последних курсах Фуко в Коллеж де Франс, к которым, однако, у Делёза не было доступа. А именно идею о том, что он строит прямую этику, стремясь соотнести видимую канву жестов с *logoi*, высказываниями. Поражает, что Делёз, который не был знаком с этими курсами в Коллеж де Франс, смог дать столь точную интерпретацию¹¹².

Как писал в своей рецензии Робер Маджори, Делёз «не объясняет Фуко, который и сам себя отлично объясняет в своих книгах, не комментирует его — тот уже и сам погружен в комментарии. Делёз, как шахтер, уважающий сопротивление горной породы, ловко снимает один за другим слои шлаков, копая до тех пор, пока в творчестве Фуко не будет обнаружен самый продуктивный момент, и повышая тем самым возможности мысли»¹¹³.

Кончина

В 1984 году по Парижу пополз слух о том, что Фуко тяжело болен — но чем? Никто не знает, но кто-то узнал о госпитализации. Делёз обеспокоен здоровьем своего друга, с которым не об-

109. Frédéric Gros, «Le Foucault de Deleuze: une fiction métaphysique», revue *Philosophie*, N° 47, sept. 1995, p. 53–63.

110. Ibid., p. 54.

111. Ibid., p. 63.

112. Фредерик Гро, интервью с автором.

113. Robert Maggiori, «Gilles Deleuze-Michel Foucault: une amitié philosophique», *Libération*, 2 septembre 1986.

щался с конца 1970-х годов: «За две недели до смерти Фуко Делёз позвонил мне в крайнем смятении, чтобы спросить, знаю ли я что-то, и сказал: „Ты знаешь, что происходит? Что у него?“ Я ничего не знал, кроме того, что его положили в больницу. Делёз добавил: „Но, может быть, ничего страшного, и Фуко выпитается из больницы и сам нам скажет, что все нормально“»¹¹⁴. Со своей стороны, по свидетельству Дидье Эрибона, Фуко, уже зная, что обречен, горячо желал помириться с Делёзом. Но они так и не увидятся больше. Тот факт, что Даниэль Дефер попросил Делёза выступить с речью на похоронах Фуко, свидетельствует об этом желании сблизиться несмотря на то, что смерть окончательно разлучила их.

Делёз, ненавидевший конференции, ради своего друга Фуко делает исключение и принимает участие в международной конференции «Что такое диспозитив?», организованной в его честь в 1988 году¹¹⁵. В курсе, который Делёз посвящает Фуко в 1985–1986 годах, он говорит о его смерти в связи с акцентированием безличного «они» или «он», с критикой всякой персонологии. В «Литературном пространстве» Бланшо использовал выражение «умирают» как событие, предполагая, что смерть может прийти лишь извне. Эта тема — «умирают» — обнаруживаются и в интерпретации Фуко, который «умер так, как мыслил смерть»¹¹⁶. «Фуко говорил нам то, что напрямую касается его»¹¹⁷, смерть — не какое-то неделимое, предельное событие, предельный момент, как он виделся моралистам и врачам. Мы умираем постоянно: «Фуко проживает смерть на манер Бишá. Так он умер. Он умер, заняв свое место в выражении „умирают“, в модуле „частичных смертей“»¹¹⁸.

Есть ли смысл говорить о некоем «фуко-делезианстве», невзирая на их различия и распри? Мы уже выяснили, что не следует увлекаться подобным термином, поскольку он грозит обойти уникальность каждого из них, стереть предметы разногласий, скрыв их под румянами бесплодного экуменизма. В таком случае скорее можно будет говорить, ориентируясь на отношение Делёза и Гваттари, о «дизъюнктивном синтезе».

114. Франсуа Реньо, интервью с автором.

115. Gilles Deleuze, «Qu'est-ce qu'un dispositif?», *Michel Foucault philosophe*, Paris: Seuil, 1989, p. 185–195.

116. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 26 ноября 1985 года, звуковой архив, BNF.

117. Там же.

118. Там же. (Мари Франсуа Ксавье Бишá (1771–1802) — французский анатом и физиолог. — Прим. ред.)

За пределами собственно философского наследия их близость можно оценить по тому, как они используют литературу. Им обоим свойственна клиническая работа с литературой, отличающая их от корпорации профессиональных философов, которые чаще всего не выходят за пределы академической философии. Известно, как крик Арто в «Логике смысла» деконструирует ученые поверхностные коннекции Льюиса Кэрролла; причем Делёз обнаруживает Арто в самой сердцевине вопросов, которыми задавался Фуко: «Немыслимое как двойник мысли, и в самом конце „Слов и вещей“ появляется тема двойника, характерная для Фуко, которую он интерпретирует по-своему и которая роднит его с Арто, Хайдеггером, Бланшо»¹¹⁹. Фуко обнаруживает здесь опыт, близкий опыту Арто, который достиг в мысли чего-то такого, что выходит за пределы мысли и становится для писателя «витальным бессилием»¹²⁰.

Эта тема двойничества присутствовала еще в одной из первых книг Фуко, посвященной другому писателю, Раймону Русселю¹²¹. Рассуждая об искажении, возникающем в пространстве между зрением и речью, Фуко находит в литературе источник вдохновения. Отношение к языку вместе с желанием практиковать это отношение в его пределах, общим для Фуко и Делёза, может быть выражено одной фразой Русселя: «Вскрыть вещи, вскрыть слова»¹²². Одна из интуиций Русселя состояла в том, что можно построить два высказывания на основе бесконечно малого различия, которое, однако, меняет их глобальный смысл на фундаментальном уровне¹²³. С точки зрения Фуко, как и Делёза, литература обладает не иллюстративной или экзотической ценностью, а ценностью эксперимента, акта творения, и если философия, по Делёзу, состоит в изобретении концептов, то литература сопровождает ее в этом созидании.

В отношении Фуко и Делёза можно обнаружить не только общее основание, но и линию становления фукианства, продолженную Делёзом. В своем тексте «Post scriptum к обществам контроля», опубликованном в 1990 году, Делёз развивает жест Фуко¹²⁴. Как и Фуко, Делёза волнует актуальная ситуация,

119. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 22 апреля 1986 года, звуковой архив, BNF.

120. Там же.

121. Michel Foucault, *Raymond Roussel*, Gallimard, 1963.

122. Raymond Roussel, *Comment j'ai écrit certains de mes livres*, UGE, 10/18, 1977.

123. Пример: «Белые буквы на лентах старого бильярда» («Les lettres du blanc sur les bandes du vieux billard»); «Письма белого человека о бандах старого грабителя» («Les lettres du blanc sur les bandes du vieux pillard»).

124. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 226–233.

он чувствует, что перемены требуют осмысления. Он исходит из предложенной Фуко исторической схемы, в которой выделена модель общества, основанного на суверенитете, когда власть являла себя в своей способности предавать смерти. Затем, в современную эпоху, то есть в XVIII–XIX веках, была установлена дисциплинарная модель, определяющая человеческую деятельность по схеме «великого заточения», которое привело к всеобщему распространению закрытых универсумов с их дисциплиной, захватывающей каждую частицу социального тела. Было построено множество тюрем, казарм, школ, заводов и т. п. по образцу паноптикона. Функция власти уже не в том, чтобы предавать смерти, а в том, чтобы дисциплинировать тела, заставлять их жить, оптимизировать потенциальности и позволять им умирать.

Уже при жизни Фуко можно было наблюдать возникновение новой социальной модели, вращающейся вокруг биовласти и биополитики населения, модели, которая в какой-то мере расходится с дисциплинарными логиками. Делёз развивает эту интуицию и указывает в 1990 году на появление обществ нового типа, а именно обществ контроля. Такие общества формируются с конца Второй мировой войны, которая заканчивается общим кризисом всех сред заточения: «Речь идет лишь о том, чтобы управлять их агонией»¹²⁵. Делёз высказывает своего рода предупреждение в этом анализе, который он развивает и в своих курсах о Фуко. Он замечает (и это замечание в дальнейшем только подтвердится), что наряду с этим управлением жизни, реализуемым в рамках открытых, произвольных множеств, присутствует и совершенно другое управление, управление контроля, которое влечет трансформацию правового субъекта. Последний больше не ограничивается личностью, как в гуманистическую эпоху, поскольку он включает в себя иные популяции, отличные от людей — например, зерновые, а также стада коров, баранов, птицу, да и вообще всякое живое существо. В эпоху общества контроля субъектом права становится живое как таковое: «Живое в человеке»¹²⁶.

Заточение больше не нужно, «поскольку известно, что они все в такой-то час окажутся в своих машинах на шоссе. Исчисление вероятностей эффективнее тюрьмы»¹²⁷. Еще с 1980-х годов Делёз констатирует распад всей сети заточения, в частности

125. Там же, с. 227.

126. Жиль Делёз, курс о Мишеле Фуко, университет Париж-VIII, 8 апреля 1986 года, звуковой архив, BNF.

127. Там же.

заводской сети, которая разрушается под ударами временно-го и домашнего труда, а также перекраивания рабочего времени в целом. В школе складывается менее дисциплинарный мир, однако контроль в нем усиливается: «Индивидуумы становятся „дивидуумами“, а массы — сэмплами, рынками и банками данных»¹²⁸. В трансформациях, которые разрушают старые дисциплинарные структуры, высвобождая место электронным чипам, мобильным устройствам, позволяющим постоянно контролировать каждого, но именно что в открытом пространстве, где уже не различается внутреннее и внешнее, — во всех этих трансформациях значение имеет то, что «мы стоим на пороге чего-то нового»¹²⁹. На этих неизведанных путях должны возникнуть новые формы субъективации и сопротивления.

128. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 230.

129. Там же, с. 232–233.

Глава 18

Альтернатива психиатрии?

ЛА БОРД часто путали с антипсихиатрией, представляя клинику в Луар и Шер французским ответвлением этого направления. Но достаточно послушать ее директора Жана Ури, чтобы убедиться в том, что тезисы антипсихиатрии и институциональную психотерапию разделяет пропасть. В Ла Борд занимаются психиатрией, подписываясь под ней: «Он [Феликс] был в тот же период увлечен антипсихиатрами. И это вызвало туман в голове плохо информированных людей, у которых Ла Борд смешалась с антипсихиатрией. Меня это вечно злит»¹. Ури полагает, что антипсихиатры — «очень опасные эстеты. Я очень любил Базалью за его импульсивный характер, но не за его политику. У него больные уходили по утрам, а возвращались вечером, и больницу закрывали. Больные исчезли физически. Быть может, это и есть конкретная антипсихиатрия — больных отменяют и они исчезают»².

Антипсихиатрия

Антипсихиатрия появилась в Италии вместе с Франко Базальей, который еще в 1961 году решил отказаться от принципа изоляции душевнобольных, открыть все отделения своей больницы и организовать общие собрания, доступные для всех. Сначала психиатры его больницы не знали, что и думать, но затем присоединились к нему, и там иногда проводилось более пятидесяти собраний на неделе. У некоторых больных, которые лежали в больнице безо всяких изменений по 15–20 лет, был замечен удивительный прогресс. Некоторых даже удалось отправить домой — настолько их состояние улучшилось. После этого

1. Жан Ури, цит. по: Jean Oury, Marie Depussé, *À quelle heure passe le train...*, Paris: Calmann-Lévy, 2003, p. 223.

2. Жан Ури, интервью с автором.

первого этапа Базалья решил изучать другие психиатрические эксперименты в Европе. В 1965 году он отправился в Ла Борг вместе с другим представителем итальянской антипсихиатрии, Джованни Джервисом. Однако сам Базалья не проникся практиками институциональной психотерапии, которые считал слишком уж реформистскими, интеграционными и конформистскими. В те времена он не скрывал, что его цель — уничтожить психиатрию как институт. Позже движение, основанное Базальей, «Демократическая психиатрия», выдвинет требование взять и просто закрыть все психиатрические больницы.

В атмосфере политической радикализации, которая сложилась в Италии в 1960-е годы, движение антипсихиатрии станет довольно заметным игроком. Гваттари не разделяет экстремистских взглядов Базальи. В 1972 году он спрашивает себя, не идет ли речь попросту о «бегстве вперед», то есть о попытке «безнадежного характера»³. С другой стороны, Гваттари критикует безответственность некоторых позиций Базальи, который отказывается давать своим пациентам лекарства под предлогом того, что врач тем самым маскировал бы свою неспособность вступить в настоящие отношения с больным. Гваттари даже задается вопросом, не отнимут ли таким образом, несмотря на все благие намерения, у безумца право на безумие? Отрицание самой институции у Базальи оказывается в таком случае отрицанием (во фрейдовском смысле) уникальности душевной болезни.

Другой важный источник антипсихиатрии — британский, он представлен Рональдом Лэйнгом и Дэвидом Купером⁴. Гваттари знакомится с ними по случаю «Дней детей с психическими расстройствами», организованных в 1967 году психоаналитиком Мод Маннони. На них присутствует Лакан. Эти дни задали тему двух номеров журнала *Recherches*⁵. Но и на этом мероприятии Гваттари высказывает определенные сомнения касательно антипсихиатрических практик, по его мнению, остающихся в плену той эдиповой схемы, которую они с Делёзом пытались преодолеть в «Анти-Эдипе». Вскоре после этого он берется за радикальную критику англосаксонского опыта психиатрии⁶.

3. Félix Guattari, «Guérilla en psychiatrie», *La Quinzaine littéraire*, № 94, mai 1970; переиздано в: Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*, p. 263.

4. Ronald Laing, *La Politique de l'expérience*, Paris: Stock, 1969; David Cooper, *Psychiatrie et antipsychiatrie*, Paris: Seuil, 1970.

5. *Recherches*, № 7, «Enfance aliénée I», septembre 1967; *Recherches*, № 8, «Enfance aliénée II», déc. 1968.

6. Félix Guattari, «Mary Barnes ou l'Œdipe antipsychiatrique», *Le Nouvel Observateur*, 28 mai 1973; переиздано в: Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, p. 125–136.

Первый эпизод становления англосаксонской антипсихиатрии связан с Рональдом Лэйнгом и лондонским пригородом Кингсли-холл, датируется он 1965 годом. В этом известном месте, входящем в анналы истории английского рабочего движения, предпринимается попытка стереть институциональные границы между лечащими врачами и больными. Психиатры, медсестры и больные отменяют иерархические отношения и различия в статусе. В этой группе психиатров основными активистами Кингсли-холла наряду с Лэйнгом становятся Дэвид Купер и Максвелл Джонс. Их опыт вызывает негативную реакцию окружения, так что «освобожденная территория» превращается в осажденную крепость. Гваттари в своей критике рассматривает случай знаменитой пациентки Кингсли-холла, Мэри Барнс, которая вместе со своим психиатром Джозефом Бекон написала книгу, описывающую ее опыт. В этом рассказе он видит «скрытую сторону англосаксонской антипсихиатрии»⁷, которая представляет собой смесь необихевиористского догматизма, фамилиализма и традиционного пуританства. Мэри Барнс, по профессии медсестра, совершает шизофреническое «странствие», осуществляя регрессию до границ смерти. Фамилиализм, в котором она замыкается, приводит ее к отрицанию окружающей социальной реальности. Каким же должен быть вклад антипсихиатрии? Довести этот фамилиалистский дрейф до предела и, вместо того чтобы поместить его в рамку отношений пациента и его психиатра, дать ему коллективное и театральное продолжение, которое привело бы к обострению всех его эффектов. Гваттари считает, что направление лечения было выбрано неверно. Мэри Барнс было нужно не больше семьи, а больше общества.

В Германии адепты антипсихиатрии собираются в SPK (Социалистическом коллективе пациентов), сложившемся вокруг доктора Хюбера в поликлинике при университете Гейдельберга. Образуются терапевтические группы, в которых объединяется по сорок больных вместе с врачом — эти группы отвергают психиатрию как институт, выступающий инструментом подавления. Руководство университета принимает решение ликвидировать это протестное движение. В июле 1971 года, ссылаясь на беспорядки, вызванные свободным передвижением больных по городу и его окрестностям, а также на случившиеся перестрелки, три сотни полицейских, вооруженных автоматами, захватывают здание SPK под прикрытием вертолетов, которые кружат над городом. Начинаются обыски. Больных и врачей

7. Ibid., p. 127.

арестовывают, СПК вынужден прекратить деятельность. Доктор Хюбер с женой проводят несколько лет в тюрьме, а их адвокатов запугивают, принуждая отказаться от дела, так что в суде их представляют государственные защитники.

Внимание Гваттари привлекает прежде всего политическая сторона борьбы СПК, а не защита их психиатрической практики:

Возникло что-то совершенно новое, составляющее своего рода идеологию, произошел переход к настоящей политической борьбе. Именно этот момент важен у активистов СПК, а не то, что они смешивают социальное отчуждение и индивидуальное или что их терапевтические методы вызывают вопросы... Точно так же, как и 22 марта в Нантере, СПК вступил в реальную борьбу — и поэтому репрессии были неизбежны!⁸

В 1972 году, когда проходит судебный процесс, Делёз и Гваттари отправляются в Гейдельберг. Там в университете как раз учится один из венсенских студентов Делёза, Пьер Бланшо. Он приехал в Гейдельберг в 19 лет, чтобы сбежать от изучения классической филологии и вволю пожить после 1968 года, и в этот день ему кажется, что у него начались видения: «И вот я вижу перед собой Делёза и Гваттари! Я кричу: „Делёз, что вы здесь делаете?“ А он мне отвечает: „Я тут случайно!“»⁹. Конечно, это шутка, поскольку поездка преследовала активистские цели, тем более что Делёз терпеть не может путешествовать... На самом деле, Делёз и Гваттари вместе с группой голландских, итальянских и французских психиатров приехали выразить свою солидарность с СПК. Пьер Бланшо увязывается за ними в кампус, где группа ультралевых студентов призывает к мобилизации против репрессий. Он рассказывает Делёзу о своих проблемах с деньгами — ему едва хватает на жизнь в Гейльдельберге:

Он сказал мне: «Ну что, дать тебе денег?» И он дал мне 400 франков, в те времена это была довольно большая сумма, я жил на них две недели. Он сказал мне: «Отдашь, когда разбогатеешь». Много лет спустя, когда у меня в 1983 году уже была должность лектора, я предложил ему в письме вернуть долг, но он ответил: «Нет, знаешь, это как сувенир из путешествия, а я ведь мало где бываю...»¹⁰

Хотя у «антипсихиатрического момента» появляются адепты в Италии, Англии и Германии, во Франции ситуация совершенно иная. Это исключение связано, судя по всему, с тем,

8. Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, p. 152–153.

9. Пьер Бланшо, интервью с автором.

10. Там же.

что тут были сделаны кое-какие послабления в государственной психиатрии, получили некоторое признание положения институциональной психотерапии и появились такие клиники, как Ла Борд. Во Франции несколько групп причисляют себя к антипсихиатрии, например, GIA (Группа информации по лечебницам), которая стремится объединить психиатрических пациентов и их семьи в борьбе с психиатрическим аппаратом: «С нашей точки зрения, нет хорошей психиатрии, левой психиатрии, которая бы противопоставлялась буржуазной... Есть лишь количественные различия в уровне репрессии, изоляции, зомбирования, приватизации и медикализации безумия»¹¹. В тот же период появляется много других групп, в частности *Cahiers pour la folie*, *Garde-fous*, *Marge*, *Tankonalasanté*, *Brèche*, *Le Vouvray*, *Psychiatrie en liberté de Saint-Dizier*, *La Gratte*, но все эти организации не выходят за свои довольно узкие границы.

В начале 1970-х годов Гваттари посещает США и знакомится с Мони Элькаимом, психиатром марокканского происхождения, который приобрел международную известность благодаря своей деятельности в области внеинституциональной семейной терапии. Мони Элькаим организовывал открытые пространства реабилитации в одном из наиболее неблагополучных районов Нью-Йорка, в Южном Бронксе. Там он работает, в частности, с Объединением родителей Бронкса, ассоциацией, основанной в 1966 году по инициативе родителей учеников пуэрториканцев, которые выступили против практик дискриминации. В том же самом районе революционные активисты принимают решение занять один из этажей нью-йоркской больницы «Линкольн» и запускают, как они сами ее называли, «Линкольн-детокс-программу», программу по дезинтоксикации наркоманов: вместо того, чтобы пичкать их метадоном, их теперь потчуют иглоукалыванием и отправляют на сеансы политпросвещения. Идея активистов состояла в том, что наркотики специально распространялись властями, чтобы сломить упорство революционеров. Сначала эти программы вызвали подозрение официальных институтов, но потом были приняты и получили финансовую поддержку.

Мони Элькаим, интересовавшийся соотношением психического здоровья и социальных проблем, работает в США в именно этом русле, когда знакомится с Гваттари: «Я познакомился с ним у друзей, которые жили на Манхэттене, он был

11. GIA, brochure: *Psychiatrie, la peur change de camp*, dans *Gardes Fous*; переиздано в: Alain Jaubert, Jean-Claude Salomon, Nathalie Weil, Ian Segal, *Guide de la France des luttes*, Paris: Stock, 1974, p. 371.

тогда с Арлетт, и встреча была очень теплой. Я тут же предложил ему остановиться у себя в квартире в Государственной больнице Бронкса, а сам перебрался в другое место»¹². На столе в квартире Гваттари обнаруживает статью Мони Элькаима «Антипсихиатрия, к эпистемологическому пересмотру», в которой критикуется карикатурный взгляд, механически связывающий причину психической болезни с обществом и семьей: «Феликс сказал мне: „Знаешь, у нас очень похожие идеи, хотя мы и вышли из совершенно разных областей“. После этого он отправился во французский книжный магазин на Манхэттене, чтобы купить „Анти-Эдип“ мне в подарок»¹³. Они оба сходятся в пункте, который станет впоследствии основой для международной инициативы: они оба отводят большую роль политике как одному из аспектов своего подхода к психиатрическим вопросам.

На самом деле Мони Элькаим работает над тем, чтобы вывести семейную терапию за узкие рамки фамилиализма, связав ее с социальной средой. Такая работа ведется, в частности, в Нью-Йорке, где он поддерживает связи с революционными группами — «Черными пантерами» и *Young Lords*. Он руководит командой психологов и социальных работников, в которую также входят и случайные люди, взятые с улицы и получившие образование благодаря федеральным стипендиям. Гваттари, увлеченный этим новым другом и его инновационной работой, несколько раз приезжает в Нью-Йорк: они встречаются, обмениваются опытом, посещают джазовые клубы на Манхэттене.

«Сеть — Альтернатива психиатрии»

Прежде чем вернуться в Европу в 1974–1975 годах, Мони Элькаим организует в Бронксе большую конференцию на тему «Обучение работников психиатрии в городских гетто», намереваясь объединить разные психиатрические школы. Помимо делегаций из Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и нескольких других передовых городов США, в конференции принимают участие Гваттари, Робер Кастель и Джованни Джервис. Конференция оказалась успешной еще и потому, что Мони Элькаим привлек средства, обеспечившие свободный вход и бесплатную еду для местных жителей Бронкса, многие из которых не преминули отобедать в этой праздничной обстановке.

12. Мони Элькаим, интервью с Виржини Линар.

13. Там же.

Мони Элькаим занимается психиатрией в Бельгии в бедном квартале Брюсселя и в 1975 году принимает вместе с Гваттари решение объединить различные практики и собрать всевозможные диссидентские психиатрические школы в международную сеть. У Мони Элькаима солидная репутация в сфере семейной терапии. Гваттари, в свою очередь, очень близки его системные тезисы, преимущество которых в том, что терапия трактуется в категориях групп, а не десоциализованных индивидов. Итак, в январе в Брюсселе они решают создать «Сеть — Альтернативу психиатрии». В этой инициативе Гваттари намеревается пойти дальше институциональной психотерапии: «Кажется, эта Международная открывает новую страницу. Мы больше не хотим „к чему-то идти“! Мы стремимся к тому, чтобы ситуация определялась самими заинтересованными лицами»¹⁴.

Моделью в этом начинании в какой-то мере становится опыт Южного Бронкса. С точки зрения Гваттари и Мони Элькаима, задача этой сети заключается еще и в том, чтобы вырваться из изоляции, в которую попадают новаторы, сталкивающиеся с репрессиями и конформизмом. Такова, в частности, ситуация в колыбели антипсихиатрии на севере Италии, где инициатива, возникшая в 1969 году и продолженная Джованни Джервисом в Реджо-Эмилия, находится на грани закрытия из-за растущих политических препятствий. Что касается SPK, мы уже видели, как это движение было подавлено в 1971 году. В то же самое время в Англии Дэвид Купер отказался от своих попыток, а Рональд Лэйнг увлекся Индией.

В Испании же, наоборот, после завершения эпохи франкизма появляется новая надежда. В сентябре 1975 года собрание интернов психиатрических больниц Испании, состоявшееся в Сантьяго-де-Компостела, приглашает «Сеть — Альтернативу психиатрии» принять участие в их работе и помочь им в борьбе с репрессиями. Поводом для этого собрания послужило решение испанского правительства уволить десяток интернов, двух главврачей и одного управляющего за то, что они увлеклись авантюрными реформами. С 1973 года они занимались реформированием структур психиатрической больницы Конско в Сантьяго-де-Компостела, которая на тот момент была настоящей психиатрической каторгой: «больные были прикованы цепями, их по любому поводу избивали и бросали грудой на солому...»¹⁵

В 1975 году Мони Элькаиму удастся собрать Гваттари, Кастеля и Франко Базалью, который приехал, несмотря на свои раз-

14. Félix Guattari, *La Révolution moléculaire*, p. 149.

15. Ibid., p. 155.

ногласия с Гваттари, благодаря посредничеству Кастеля. Первоначальное название «Альтернатива сектору» вскоре признается слишком узким, и принимается предложение Базальи: «Сеть — Альтернатива психиатрии»¹⁶. Гваттари много занимается этой сетью, активно встающей на защиту Франко Базальи и немецких антипсихиатров: «Феликс был прекрасным активистом, всегда был готов помочь мне с написанием текстов или писем. В те времена охотно на все откликался. Регулярно бывал в Брюсселе, где участвовал в наших мероприятиях»¹⁷.

Сеть организует многочисленные международные встречи, начиная с учредительного собрания в Брюсселе, — в Париже (март 1976 года), Триесте (сентябрь 1977), Куэрнавике в Мексике (сентябрь 1978), Сан-Франциско (сентябрь 1980 года). Цель этих съездов не в том, чтобы создать новое догматическое учение, а в том, чтобы прислушиваться к происходящему в разных местах. На выступлениях в рамках Сети Гваттари неизменно придерживается этой позиции, чуждой всякого прозелитизма. В этой сфере наука не может играть объединяющую роль, поскольку эффективные практики могут возникать только из микрополитики, единичность которой не сводится к уровню анализа малых групп, предполагая постоянный диалог и непрерывный процесс разработки на макросоциальном уровне. Речь не идет о том, чтобы создать островки, оторванные от всего остального общества во имя некоей альтернативной логики.

На международных встречах серьезные выступления сочетаются с шутливостью внеинституциональной сети, которой руководят люди, не привычные к ограничениям. Это особенно относится к Дэвиду Куперу, книга которого «Психиатрия и антипсихиатрия»¹⁸ сыграла важную роль в интеллектуальной карьере Мони Элькаима. Последний очень ценит Франко Базалью, к которому он очень близок: «Франко был человеком удивительной чуткости. Однажды он, делая в Брюсселе пересадку с одного самолета на другой, заехал ко мне с цветами. Когда я ночевал у него в Венеции или Триесте, он часто приносил мне завтрак в постель и пересказывал свои сны»¹⁹.

Одна из последних больших международных встреч Сети прошла в Сан-Франциско, в Калифорнии, спустя месяц после смерти Базальи в сентябре 1980 года. Во время этой встречи

16. См.: Mony Elkaïm (sous la dir.), *Réseau-Alternative à la psychiatrie. Collectif international*, Paris: 10/18, 1977.

17. Мони Элькаим, интервью Virжини Линар.

18. David Cooper, *Psychiatrie et antipsychiatrie*.

19. Мони Элькаим, интервью Virжини Линар.

группа «Пациенты против психиатрической агрессии» принимает гостей у себя дома. Мони Элькаима разместили в одной комнате с Гваттари, но в комнате полно тараканов: «Я не мог уснуть из-за тараканов! Всю ночь просидел, скрючившись на стуле!»²⁰ С рассветом Мони бросается искать гостиницу, несмотря на протесты Гваттари, который боится обидеть хозяев. На дневном заседании, когда Элькаим дает слово Гваттари, итальянская делегация встала, чтобы покинуть зал в знак протеста. Элькаим, рассердившись, требует от них объяснения. Их представители поясняют, что не собираются слушать человека, который лечит больных электрошоком, имея в виду метод, который и в самом деле применялся в Ла Борд. Элькаим отвечает, что, поскольку Феликс не является врачом, это все их фантазии, после чего они садятся обратно на свои места.

Обвинения в педофилии

После 1980 года активность Сети падает. Будет проведено лишь несколько встреч, например, в 1983 году в Югославии. На ней о своем опыте внесистемной работы с проблемными детьми во Франции рассказывает Клод Сигала. Он недавно стал жертвой репрессий: отбывал тюремный срок с конца 1982 года. Получив диплом воспитателя и пройдя курсы прикладной психологии, Клод Сигала около десяти лет подвизался в официальных учреждениях. Но он не был доволен работой, не одобрял специализацию и с трудом встраивался в иерархические отношения, а потому, познакомившись с Гваттари, Фернаном Делиньи, Роже Жанти и Мод Маннони, решил заняться альтернативными проектами.

В конце 1976 года Фернан Делиньи и Мод Маннони отправляют ему двух детей, и он основывает ассоциацию *Coral* на Юге Франции, возле Нима, в Эмарге. Речь идет об общине детей и взрослых, целью которой является создание среды для проблемных детей. Принцип заключался в том, чтобы создать «место жизни», благоприятное для реабилитации и развития ребенка, который мог бы таким образом избежать психиатрической изоляции. Эта ассоциация, естественно, примкнула к «Сети — Альтернативе психиатрии». В 1982 году Клод Сигала организует первый слет «мест жизни» в Ниме. Инициатива набирает обороты. На Юго-Востоке Франции учреждается несколько таких «мест жизни», где принимают детей-психотиков, аутистов или инвалидов. Эти центры, получившие поддержку

20. Там же.

социальных служб, в какой-то мере опираются на методы работы с детьми Фернана Делины, но в то же время имеют более выраженную политическую направленность.

В этих общинах детей и взрослых возникает деликатная проблема возможных отношений и их границ. Клод Сигала «попытался внедрять телесные отношения между воспитателями и детьми как возможный модус отношений»²¹. Но здесь они сталкиваются с границами определенного табу, табу педофилии. Гваттари пытается убедить Сигала не идти по этому пути, который грозит компрометацией его начинания и может завести его в тупик. Ассоциация Клода Сигала привлекает ряд воспитателей, которые, как выясняется, были педофилами. В марте 1982 года против ассоциации возбуждается дело на основании показаний одного из детей. Этот ребенок, помещенный в *Coral* Управлением санитарно-социальной помощи департамента Гар, был особенно трудным. Несколько раз он попадал в новости из-за своих побегов, а после того, как ему предъявили обвинение в изнасиловании девочки из Эг-Вив и в попытке поджога леса, он выдвинул обвинение против *Coral* в том, что его там изнасиловали. В конце года Сигала был арестован и попал под следствие за то, что якобы покрывал эти практики. Ассоциации *Coral* приписываются связи с международной сетью педофилов, которые торгуют порнографией. В итоге в деле от этого обвинения ничего не осталось, однако судья все равно оставляет Клода Сигала в тюрьме: «Нужно, чтобы ты срочно посмотрел дело! Меня это начинает (!) доставать. Мое заключение вообще НИЧЕМ не оправдано», — пишет он Гваттари²².

Клода Сигала поддерживает не только Гваттари, но и другие — Эдгар Морен, Брюно Фраппа, издание *Canard enchaîné*: «Феликс, мне нужно выбраться во что бы то ни стало из этой дыры: я схожу с ума, я боюсь всех этих несправедливостей и мерзостей. Ты знаешь, как я люблю *Coral* и все то, чем я там занимаюсь... Мои девочки в полной растерянности... Жена в панике: вот настоящее преступление»²³. В тексте, отправленном Гваттари и написанном в тюрьме, Клод Сигала уточняет свою позицию по вопросу педофилии:

В сексуальных меньшинствах меня интересует вовсе не извращение. Я очень быстро заметил, что *Coral* стал местом, которое интересно педофилам, не потому, собственно, что там принимают детей, а, главное, потому, что там свободная структура самоуправ-

21. Жан-Клод Полак, интервью с автором.

22. Клод Сигала, письмо Феликсу Гваттари, 22 января 1983 года, I МЕС.

23. Там же.

ления, в которой основное место отводится несовершеннолетним. Мы всегда умели установить границы уважения к Другому. Видеть в педофиле индивида, который выслеживает ребенка, чтобы «поймать его» — это слишком ограниченная картинка, которая имеет мало оснований в реальности и соответствует лишь одному типу, который я считаю чрезвычайно редким. Я никоим образом не защищаю подобных извращенцев. Но чаще всего, как мне кажется, встречаются люди, которые любят детей и дарят им свободу. Ребенок нуждается в Любви. И любовь, приходится это повторять, — это не обладание, а наоборот, способность сделать другого счастливым...²⁴

В итоге Клода Сигала оправдали, и он, выйдя из тюрьмы, смог продолжить свою деятельность в *Coral*, где в мае 1992 года собрал второй слет с участием психиатра Роже Жанти, Гваттари, Мод Маннони, Эдгара Морена, психоаналитика Тони Лэне и философа Корнелиуса Кастириадиса. Тем временем он успел опубликовать работу с предисловием Гваттари²⁵, к которому чувствует себя настолько близким, что 9 августа 1992 года, то есть за двадцать дней до смерти последнего, предлагает ему написать вместе книгу: «Мне хотелось бы, чтобы наши практические и теоретические идеи поняло как можно больше людей. Тебе хорошо известно, что твои книги затрагивают лишь ничтожную долю интеллектуалов и студентов. Я предлагаю тебе организовать переписку, которую потом мы опубликуем в виде карманного издания»²⁶.

Захват поместья Гурга

Еще одно событие, тесно связанное с Гваттари и «Сетью — Альтернативой психиатрии», происходит в его поместье Гурга, в департаменте Гар, в 1977 году. Мы помним, что в 1967 году Гваттари приобрел этот большой каменный дом у подножья Севенн на территории коммуны Монобле и временно разместил там Фернана Делиньи. Дом служил местом летнего отдыха для нескольких пациентов Ла Борд и руководителей CERFI, но также использовался для встреч всевозможных представителей протестных движений и маргинальных групп. В 1977 году в Гурга вместе с женой и тремя детьми поселился друг Гваттари Луи Оран, старый активист рабочего движения, который взялся управлять имением. Но антипсихиатрическая община деревни Рутье в Од, а также несколько других похожих общин,

24. Клод Сигала, письму Феликсу Гваттари, 4 февраля 1983 года, IMES.

25. Claude Sigala, *Vivre avec*, éd. du Coral, 1987.

26. Клод Сигала, письму Феликсу Гваттари, 9 августа 1992 года, IMES.

образовавшихся на Юго-Востоке Франции, извещают Луи Орана о том, что собираются обосноваться в Гурга. Первая делегация требует от него покинуть это место или по крайней мере ограничиться небольшой квартирой. Но эта первая попытка наталкивается на четкий и недвусмысленный отказ. Гваттари, хозяин имения, держится в стороне и в своих «Письмах издалека» проповедует взаимопонимание и полюбовное соглашение. Поскольку достичь взаимопонимания не удалось, община Рутье при поддержке парижских активистов из антипсихиатрического движения *Marge* прибывает в Гурга и обосновывается там. Луи Оран не имеет возможности привлечь силы правопорядка, а потому вынужден уступить. Впрочем, новые жильцы оставили ему, его семье и паре-тройке его друзей... квартиру на две комнаты.

Интернационализация сети

В 1980-х годах сеть растет, постепенно приобретая интернациональный размах. В 1986 году латиноамериканское отделение «Сети — Альтернативы психиатрии» собирается в Буэнос-Айресе. Гваттари выступает на собрании на тему смены парадигмы, которая касается не только социальных практик в сфере «психологии», но и всей совокупности процедур субъективации, связанных с информационной, робототехнической и телематической революцией, а также с генной инженерией. Гваттари видит во всем этом переход от технически-научной к «этико-эстетической парадигме, которая, соответственно, предполагает моральную ответственность, микрополитическую ангажированность, требуя в каждом конкретном случае и в каждой частной ситуации креативной установки, которую я соотношу с общей темой новой сингуляризации праксиса»²⁷. Основной социальный эффект заключается в распространении прекарности, то есть в отмене гарантированного труда, которая может ударить даже по чиновникам в развитых странах.

В этот период движение против психиатрии лишилось двух крупных фигур — ушли из жизни Франко Базалья и Дэвид Купер. Тем не менее этому направлению удалось найти для себя важное и динамичное место в Триесте, когда преемником База-

27. Félix Guattari, «Un changement de paradigme», intervention au Panel «Analyse critique du modèle médical et bases épistémologiques pour de nouvelles pratiques», третья встреча «Латиноамериканская сеть — Альтернатива психиатрии». Буэнос-Айрес, 17–21 декабря 1986 года, машинописный текст, I M E C.

льи стал Франко Ротелли. Сеть открывается другим национальным пространствам, подхватывая опыт организаций из Греции, Югославии, Испании и Латинской Америки. Она может оказать помощь в распространении информации и повышении эффективности лечения.

Один из важнейших участков деятельности — Греция. В 1987 году психиатры из команды Триеста, которой руководит Франко Ротелли, работают в больнице в Салониках. Воспользовавшись приглашением на международный съезд сторонников антипсихиатрии, Гваттари посещает это учреждение, полностью реформированное благодаря их участию. Два года спустя, в 1989 году, пресса раздула скандал. На одном из прекраснейших островов Додеканеса, Леросе, сохранилась психиатрическая тюрьма, где в заточении содержится 1200 больных: «Концлагерь безо всякого медперсонала, даже без психиатра. Показанные по телевидению картинки ужасают: голые тела, исхудавшие лица, застывшие в маске ужаса и тревоги, за решетками: казалось, смрад проникает даже через экран телевизора»²⁸. Франко Ротелли принимает решение собрать международную команду с участием итальянцев, голландцев, ирландцев и немцев, чтобы провести расследование на Леросе. Каждая группа состоит из двенадцати человек, а за всю программу в целом отвечает Европейское экономическое сообщество. Гваттари выезжает из Парижа в Афины 8 октября 1989 года. Подборка газетных статей, которую в самолете ему передает журналист Эрик Фавро, производит особенно удручающее впечатление: больные за колючей проволокой, которых держат в железных клетках, 85% из них привязаны, в смиренных рубашках. В прессе рассказывается о том, как их лечат — бьют, поливают водой, чтобы успокоить, и «в итоге по пять-шесть десятков смертей в год. За тридцать лет ни один пациент из лечебницы не вышел!»

Из Пирея Гваттари с друзьями отправляются на корабле до Коса, потом доходят до Калимноса и высаживаются на Леросе 9 октября, достигнув острова на частной яхте. Прибыв в эту больницу с дурной репутацией и ожидая худшего, Гваттари в итоге обнаруживает вполне заурядную ситуацию, возмутительную, но не более, чем любая другая: «Должен сразу признать, что здесь не хуже, чем в других местах. То же самое было и в большинстве французских лечебниц двадцать пять лет назад»²⁹. Посещение заведения со всей очевидностью показыва-

28. Félix Guattari, 27 septembre 1989, Paris, «Le Journal de Léros», машинописный текст, IMES; переиздано в: *Chimères*, №18, hiver 1992–1993, p. 36.

29. Félix Guattari, 9 octobre, «Le Journal de Léros», *ibid.*, *Chimères*, p. 44.

ет, что пресса все преувеличила в погоне за сенсацией: «Факт остается фактом: здесь больше нет больных, которые бы валялись голые в нечистотах. Раньше были; никто этого не отрицает; но вот уже несколько месяцев нет»³⁰. Один из психиатров Лероса, Лукас Яннис, был учеником Базальи и многого ждал от прибытия итальянской делегации, которая должна помочь, по его мнению, с реформированием этого заведения, сталкивающимся с многочисленными препонами.

На самом деле, как Гваттари заметил в разговоре с Франко Ротелли, за этим скандалом может скрываться другой: больница в Дафни в пяти километрах от Афин, где содержатся 1900 человек и которая определенно хуже, чем в Леросе. Гваттари проводит сложные переговоры, чтобы получить разрешение посетить это лечебное учреждение со своими друзьями. Когда они прибывают туда 11 октября, то обнаруживают огромный больничный комплекс на 16 отделений, разделенных на 33 корпуса. Управляющий заведением, который проводит гостей по этому лабиринту, доктор Савас Цитувидес, старается всеми силами скрыть худшее. Но он не учитывает осведомленности одной из руководительниц команды из Триеста, которая около года работает в Афинах. Кьяра Струлти

...прошептала нам: «Попросите показать корпус 11». Эрик Фавро настаивает: «А теперь корпус 11!» Деваться ему некуда, и вот мы идем туда. Это кошмар! 95 человек — если их еще можно так называть — воют, мечутся, некоторые совершенно голые, другие привязаны... Неопишуемая груда тел... Чтобы ободрить меня, Кьяра Струлти объясняет, что в другом корпусе они отвязали детей, которые были пристегнуты в течение четырех лет!³¹

Подводя итоги деятельности «Сети — Альтернативы психиатрии» в 1990 году, Гваттари полагает, что, если исходить из первоначальных намерений 1975 года, достичь удалось немногого. Так, Сети не удалось изменить государственную политику в области психиатрии, если не считать Италии. Однако, если учесть, что ее деятельность пришлась на консервативный период 1980-х годов, на «зимние годы», аномалией кажется уже то, что подобная сеть вообще смогла сохраниться. Кроме того, ей удалось создать настоящий бастион сопротивления определенным практикам — благодаря группам из Триеста, которые оказывали влияние не только на остальную Италию, но и на Южную Европу и Латинскую Америку.

30. Félix Guattari, 10 octobre, «Le Journal de Lérós», *ibid.*, *Chimères*, p. 46.

31. Félix Guattari, 11 octobre, «Le Journal de Lérós», *ibid.*, *Chimères*, p. 51.

В начале 1990-х годов Гваттари полагает, что пришло время снова запустить альтернативную сеть, поскольку недавние события могут обеспечить ее успех. Прежде всего, падение Берлинской стены в 1989 году, а вместе с ней и всех коммунистических режимов выводит на первый план проблему политического применения психиатрии тоталитарными режимами: «Было бы желательно, если бы „Сеть — Альтернатива психиатрии“ или то, что от нее осталось, выступила в позиции переговорщика»³². Ставя важную проблему образования, он указывает на больницу в Триесте, опору движения, которая может стать «международным образовательным центром»³³. В этом месте можно было бы заниматься профессиональным обучением, которое, что немаловажно, предоставлялось бы и неспециалистам, как это практиковалось в кооперативах Триеста.

Утверждая, что задача не в том, чтобы обучать ради воспроизводства, Гваттари рассматривает обучение в качестве своего рода аутопоэзиса, как его определяет Франциско Варела, предполагая, что на каждом уровне люди, работающие в психиатрии, должны получить «максимум свободы»³⁴. С точки зрения Гваттари, речь не о том, чтобы возродить старый миф о самоуправлении, который оборачивается автаркией. Истинное образование и перезапуск сети требуют обязательного сопряжения теории и освоения единичных опытов и историй с опорой на теории самоорганизации³⁵.

32. Феликс Гваттари, машинописный текст о «Сети — Альтернативе психиатрии», 1990, ИМЕС.

33. Феликс Гваттари, рукописное письмо Марии Грации и Франко о «Сети — Альтернативе психиатрии», ИМЕС.

34. Там же.

35. См.: Francisco Varela, *Autonomie et connaissance* (1980), Paris: Seuil, 1989.

Глава 19

Делёз в Венсене

В КОНЦЕ 1969 года — в решающий год знакомства с Гваттари, — Делёз был назначен штатным доцентом на факультет философии нового экспериментального университета в Венсене, который был сформирован осенью 1968 года. Делёз приходит на место Мишеля Серра, который покидает кампус. Май 1968 года Делёз провел на периферии движения, в Лионе, но теперь, начиная с учебного 1970–1971 года, он погружается в самую гущу событий.

Венсенский котел

Этот микрокосм, не имеющий ничего общего с академической университетской традицией, представляет собой настоящий котел, расположенный в Венсенском лесу рядом со стрельбищем. Министр обороны на время передал Парижу территорию для спешного возведения экспериментального университета, открытого уже с начала 1968–1969 учебного года. Этот новый университет Париж-VIII, своего рода анти-Сорбонна, исповедует междисциплинарность, отказывается от традиционных программ, готовящих к общенациональным конкурсам, и требует развития исследовательских навыков. Лекционные курсы, за несколькими исключениями, отменяются, занятия ведутся в группах, в небольших семинарских аудиториях. Сорбоннская академическая традиция не допускается в этот университет, который стремится быть по-настоящему современным, применять наимоднейшие технологии и самые современные методы наук о человеке, чтобы реформировать старые гуманитарные дисциплины. Интерьеры представляют собой нечто невероятное, это настоящий бриллиант в короне потасканного голлистского режима, который создает для себя демонстративную витрину: ковровые покрытия во всех поточных аудиториях; каждая семинарская аудитория оборудована телевизором, подключен-

ным к аппаратной; отделка от фирмы *Knoll*, и все это в окружении зелени, никакого городского шума, не считая далеких выстрелов, доносящихся с учебного стрельбища для новобранцев.

В Венсене находят прибежище самые нестигаемые активисты мая 1968 года; собирается много маоистов. Здесь встречаются живые силы протеста 1968 года, оказавшиеся запертыми в этом замкнутом, изолированном универсуме, где можно сколько угодно заниматься агитацией под защитой общества, крайне довольного тем, что ему удалось загнать зло в лес, образующий своеобразный санитарный кордон.

Уже в первые годы факультет-витрина впадает в нищету: власть выделяет недостаточно средств, поэтому едва удастся сводить концы с концами. Центр, лишенный необходимой материальной поддержки, в то же время сталкивается с притоком абитуриентов, многократно превышающим его возможности приема. Потолки в задании вскоре разобраны студентами в попытке выяснить, не установила ли полиция микропередатчики для слежки за ними. Однако Венсен всегда будет поддерживать на плаву желанием всех его участников, ревностно относящихся к завоеванным свободам, качеству общения и свободной речи, которая стала фундаментальным достижением мая 1968 года. За этой витриной, за активистской агитацией одних и показным гедонизмом других, скрывается каждодневная работа, малозаметный труд, цель которого — утвердить университет как наиболее современный и научный из всех гуманитарных университетов Франции. Вскоре, впрочем, университет получает известность и за границей. Пусть Париж и не Франция, зато Венсен может стать целым миром.

Обустройством нового университета занимается декан из Сорбонны, специалист по английской литературе Раймон Лас Верньяс. В октябре 1968 года под его руководством собирается консультационная комиссия из примерно двадцати человек, среди которых Ролан Барт, Жак Деррида, Жан-Пьер Вернан, Жорж Кангилем, Эммануэль Ле Руа Ладюри и другие. Около десяти человек выбраны для формирования первоначального ядра, которое должно будет заняться подбором преподавательского состава: профессоров, доцентов и ассистентов. Поставлена амбициозная задача — сделать из Венсена маленький MIT, Массачусетский технологический институт, университет на американский манер, своего рода образец современности, то есть анклав международного влияния, открыто нацеленный на междисциплинарность.

Самая поразительная из новостей, несомненно, — главой философского факультета назначена одна из тогдашних звезд, Ми-

шель Фуко. Он отвечает за набор преподавателей и сначала обращается к своему другу Делёзу, который из-за болезни придет преподавать в Венсен лишь два года спустя. А вот Мишель Серр сразу же соглашается принять участие в венсенской авантюре. Осенью 1968 года Фуко обращается к Высшей нормальной школе на улице Ульм при посредничестве руководства журнала *Cahiers pour l'analyse* с конкретной целью: позвать в Венсен альтюссеро-лаканианцев. В итоге ему удается убедить дочь Лакана, Жюдит Миллер, а также Алена Бадью, Жака Рансьера и Франсуа Реньо. Таким образом, будет преобладать структурно-маоистская тональность, пусть даже несколько других назначений составят противовес маоистам, а именно Анри Вебер из LCR (Революционной коммунистической лиги) и Этьен Балибар, философ-альтюссерянец и член Французской компартии. Чтобы весь этот коллектив работал без трений, Фуко приглашает в качестве координатора фигуру, воплощающую согласие — Франсуа Шатле.

Фуко участвует также в создании экспериментального центра, не включенного в факультет философии. Он хочет убрать психологов и заменить их психоаналитиками, которые, обладая всеми необходимыми регалиями и степенями, могли бы организовать собственный факультет. Идея о создании подобного факультета, которым теперь занимается Фуко, возникла в свое время у Жака Деррида. Руководить им будет Серж Леклер с согласия Лакана. Хотя сам Лакан в Венсене не работает, лаканизм становится важнейшим направлением, официально внедряя психоанализ в гуманитарный университет: все преподаватели факультета психоанализа являются членами Парижской школы фрейдизма, они ведут не менее 16 семинаров.

На своем общем учредительном собрании 11 декабря 1968 года философский факультет объявляет программу: свое призвание он видит не в том, чтобы учить «сторожевых псов», а в том, чтобы продолжить политическую и идеологическую борьбу. Философствование должно быть подверстано под этот императив. Задачи факультета определяются в марте 1969 года. Они состоят в том, чтобы точно определить «философский фронт» и изучать науку как ставку в классовой борьбе, способствуя тем самым «насаждению в студенческих массах представления о теоретическом превосходстве марксизма-ленинизма»¹.

Власть, конечно, была готова уступить маю 1968 года и студенческому протесту этот центр «революционной борьбы», но в январе 1970 года ее начинает беспокоить демонстрируемый

1. Проект общего направления преподавания философии, март 1969 года. Архивы «Vincennes», BDIC.

факультетом философии радикализм, столь далекий от любых академических норм. Министр национального образования Оливье Гишар в январе 1970 года изобличает «марксистско-ленинистский» характер преподавания философии в Венсене и слишком большие вольности в выставлении оценок студентам. В интервью *L'Express* Жюдит Миллер, активистка «Пролетарских левых», прямо заявляет: «Некоторые группы решили оценивать знания студентов при помощи изложений, а другие — выдавать диплом любому студенту, посчитавшему, что он его заслуживает»². Диплом философского факультета перестает признаваться на общенациональном уровне. Фуко опротестовывает это решение и пытается оправдать политическую ангажированность философов из Венсена.

В 1970 году Фуко покидает Венсен, но, вопреки распространившимся на кампусе слухам, не потому, что его отправили в ссылку в среднюю школу, а потому, что только что избран профессором в Коллеж де Франс. Он оставляет руководство факультетом философии Франсуа Шатле, единственному штатному профессору, способному управлять этим пьяным кораблем. Под жарким солнцем маоизма число студентов сокращается: 416 абитуриентов подали документы на философский факультет в первый год (1968–1969); 247 — в 1970–1971 учебном году, 215 — в 1971–1972-м, то есть количество абитуриентов сократилось почти вдвое, тогда как в университете в целом численность студентов выросла с 7900 человек в 1968-м до 12 500 в 1971–1972 году³.

Внутренняя борьба

Именно в этот контекст, определяемый острым кризисом и борьбой за первенство среди маоистов, в 1970–1971 учебном году попадает Делёз, когда посвящает свои первые курсы темам, плохо согласующимся с духом заведения: «Логика и желание» и «Логика Спинозы». Курсы, прочитанные Делёзом в университете Париж-VIII, отличаются особым богатством и всегда связаны с его публикациями. В 1970–1972 годах он на-

2. Жюдит Миллер, интервью с Мадлен Шапсаль и Мишель Мансо, *L'Express*, 16 марта 1970 года. На это провокационное заявление тут же последовала реакция. 3 апреля 1970 года Жюдит Миллер получает письмо от министра, который лишает ее права преподавать в высших учебных заведениях и переводит в сферу среднего образования.

3. Цифры взяты из: Charles Soulié, «Le destin d'une institution d'avant-garde: histoire du département de philosophie de Paris VIII», *Histoire de l'éducation*, № 77, 1998, p. 57.

чинает с сюжетов, которые станут основой для «Анти-Эдипа»: коды, потоки, кодирование и раскодирование, двойное послание, либидо и труд, психоанализ и его мифы, тело без органов и его интенсивности, аксиоматика, капитализм, Маркс и Фрейд, шизофрения. Он сразу же оказывается на одной волне с аудиторией, при этом ничуть не жертвуя на своих занятиях философским содержанием. Слава, заработанная им до Венсена, его педагогический талант и парижские слухи об исключительном характере его курсов — все это сразу привлекает к нему огромное число слушателей. Они набиваются в маленькую аудиторию, где по вторникам он проводит свои занятия, до последнего отказываясь вещать с кафедры в поточной аудитории. Поступив на работу в Венсен осенью 1970 года, Делёз покинет его лишь с выходом на пенсию в конце 1986–1987 учебного года.

Его тут же покорила разношерстная публика Венсена, которая прекрасно соответствует тем занятиям, в которых ставится цель выйти за рамки классического корпуса философии, открыв его для науки и искусства. Венсен кажется ему своего рода скачком во времени: «Когда я заглянул на другой факультет, у меня было впечатление, что я опять вернулся в середину XIX века»⁴. Разнообразие компетенций и интересов его студентов следует дополнить другими особенностями Венсена: прием людей без аттестата зрелости и значительная доля иностранцев. Последних привлекает уровень публикаций Делёза и его личность: «Они идут волнами, только что прошли пять-шесть австралийцев, непонятно откуда взявшихся. Потом японцы — это постоянная величина, 15–20 каждый год, потом южноамериканцы, чернокожие...»⁵

Когда Делёз поступает на философский факультет, которым руководит его большой друг Франсуа Шатле, обстановка там еще очень нервная. Весь июнь 1971 года и осенью в начале учебного года университет наполовину парализован длительной забастовкой, в которой участвуют внештатные работники, сотрудники административных и технических служб, а также копировального центра, протестующие против скудного материального обеспечения, негарантированного положения и слишком низких зарплат. 23 июня 1971 года философский факультет заявил о поддержке забастовки; наряду с руководителем факультета Шатле это заявление подписали еще девять штатных преподавателей, включая Делёза⁶. Это движение, ко-

4. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

5. *Ibid.*

6. Архивы «Vincennes», BDIC.

торое 11 июня привело к коллективной отставке Совета университета и его председателя Клода Фриу, подпишет протокол о соглашении только 9 ноября 1971 года.

В 1974 году на философском факультете разгорается другой конфликт. Все началось с попыток перестроить соседний факультет психоанализа, который, оставаясь структурно связанным с философами, реформируется по указке Парижской школы фрейдизма, то есть Лакана, действующего через своего зятя. В 1974 году Жак-Ален Миллер становится руководителем психоаналитического направления в Венсене. Журналист Роже-Поль Друа рассказывает об этой истории в *Le Monde*: он называет такой захват власти чисткой и изобличает вишистский дух этой инициативы⁷. Этот семейный захват пришелся не по вкусу Делёзу и Лиотару: они вместе составляют манифест, который распространяют в декабре и публикуют в *Les Temps modernes*⁸. Делёз и Лиотар называют эту историю «сталинской операцией», считая ее первым прецедентом такого рода в области университетского образования, поскольку традиция запрещает частным лицам вмешиваться в дела университета, назначать на должности и снимать с них: «Любой терроризм сопровождается промыванием, и промывка бессознательного выглядит не менее страшной и авторитарной, чем промывка мозгов»⁹.

Факультет психоанализа Венсена, которым отныне руководит Жак-Ален Миллер, строго следует букве лакановского учения. В 1969 году Лакан предупреждал: «Вы обретете господина», но студенты наивно решили, что он имеет в виду Помпиду, тогда как на самом деле речь шла о нем самом. Психоанализ в Венсене возобновляет свою функцию жестко упорядочивающей структуры, которая одерживает верх над волнениями, чтобы восстановить иерархию. Провернув этот «путч», Лакан требует, чтобы обучение в Венсене соответствовало тому, чего, с его точки зрения, хотел Фрейд. Основное внимание должно уделяться лингвистике: «Лингвистика — которая, как известно, здесь главная... Областью применения лингвистики выступает то, что я называю *lalangue*, как опора бессознательного, и действует она в нем, придерживаясь пуризма, выступающего в разных формах, ведь он совершенно формален»¹⁰. К лингвистике добавляются логика, топология и антифилософия, «коей

7. Roger-Pol Droit, *Le Monde*, 15 novembre 1974.

8. Gilles Deleuze, Jean-François Lyotard, «À propos du département de psychanalyse à Vincennes», *Les Temps modernes*, № 342, janvier 1975, p. 862–863; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 56–57.

9. Ibid., p. 57.

10. Jacques Lacan, «Peut-être à Vincennes», *Ornicar?*, № 1, janvier 1975, p. 3.

я охотно назвал бы исследование того, чем университетский дискурс обязан своей „образовательной“ посылке»¹¹.

В то же самое время факультет философии будоражит проблема преподавателей-почасовиков. Поскольку все зазвали на преподавательские должности своих знакомых, число преподавателей резко выросло: их не меньше пятидесяти, причем большинство не утруждает себя посещением университета ради проведения занятий. Факультетское начальство под руководством Шатле принимает решение не возобновлять контракт со значительной частью таких преподавателей, поскольку они не соблюдали условия договора. Это решение, инициаторами которого выступили Ален Бадью, Жак Рансьер, Франсуа Реньо и Жан Боррей, принимается в том самый момент, когда идет реорганизация на факультете психоанализа. Делёз и Лиотар, которым сообщили об этом событии исключенные, называющие его большевистским переворотом, интерпретируют это решение как начало охоты на ведьм: «Они организовали своего рода голодную забастовку на курсе Делёза»¹². Формируется движение преподавателей, которые заручаются поддержкой Делёза и Лиотара. Шатле, поначалу утвердивший решение о невозобновлении контрактов, в итоге вынужден отступить. Однако страсти бушевали еще долго, и раны затянутся не скоро. Франсуа Реньо, один из проигравших, принимает решение перейти на факультет психоанализа, куда его приглашает Жак-Ален Миллер, хотя он совсем не психоаналитик. Что касается Бадью, Рансьера, Линара и Вебера, на факультете философии они образуют недолговечный «Сектор», который претендует на относительную независимость от руководства.

Реальным следствием всех этих внутренних дразг стало разделение философского факультета на мелкие группы: каждый преподаватель замкнулся на своих личных интересах. Что касается директора Шатле, он, ко всеобщему удовлетворению, перед каждым решением консультируется с коллегами по телефону: «Тогда проходили общие собрания двух типов: праздничные собрания на факультете и собрания для решений, которые проводились за пределами университета»¹³. На одном из таких собраний, как раз во время кризиса на двух факультетах, философии и психоанализа, рассматривается дело Жерара Миллера. Брат Жак-Алена — преподаватель-почасовик на факультете философии: общее собрание философов, настроенное против этого

11. Jacques Lacan, «Peut-être à Vincennes», p. 5.

12. Жак Рансьер, интервью с автором.

13. Там же.

нового путча, принимает решение снять его с должности, и обстановка накаляется до предела: «В этот момент, как раз после голосования, слово берет Делёз: „Я считаю, что мы совершили подлость!“, ему удается убедить общее собрание пересмотреть свое решение и продлить контракт с Жераром Миллером»¹⁴. Эта позиция свидетельствует о том, что превыше всего Делёз ставит справедливость: ведь его трудно заподозрить в симпатиях к лакано-маоистскому течению.

В 1970-е годы факультет философии Венсена переживает по меньшей мере кризис публичного признания. Когда он не дискредитирует сам себя внутренними дрызгами, его бичует власть, которая порой ничуть не скрывает свою ненависть, например, когда министр университетов Алис Сонье-Сеите заявила на званом обеде 16 июня 1978 года, то есть за две недели до объявления о переезде Парижа-VIII в Сен-Дени: «Нельзя делать все что угодно, подобная распушенность недопустима. В Венсене дипломы и правда выдавали кому попало»¹⁵.

Чтобы как-то противодействовать этой ненависти и оттоку студентов с философского факультета, Шатле и Делёз принимают решение основать Политехнический институт философии. Это несколько громкое наименование на факультете звучит странно, но это новое «заведение» позволит выдавать дипломы, которые дадут их обладателям хотя бы минимальное социальное признание. Идея состояла в том, что должны защищаться дипломы по конкретным художественным проектам — литературным, музыкальным или кинематографическим. Конечно, количество одобренных этим институтом диссертаций оказалось небольшим: «Вероятно, Делёз переоценил творческие способности студентов. Он всегда стремился поощрять изобретательность и работу за рамками университетских правил. Однако большая часть студентов, очевидно, довольствовалась повторением»¹⁶. Тем не менее институт, открывшийся непосредственно перед переездом в Сен-Дени, оказался вполне эффективным. Благодаря ему многие студенты, особенно иностранные, смогут получить дипломы, признаваемые на рынке труда.

С момента поступления на работу в Венсен Делёз всегда ощущал особую близость к старому другу Франсуа Шатле. Они часто встречаются за пределами университетского кампуса. Впрочем, нельзя сказать, что у них общий круг чтения: целая пропасть

14. Там же.

15. Алис Сонье-Сеите, цит. по: *Ouest-France*, 19 juin 1978; переиздано в: Pierre Merlin, *L'Université assassinée. Vincennes 1968–1980*, Paris: Ramsay, 1980, p. 82.

16. Рене Шерер, интервью с автором.

отделяет страсть Шатле к истории, Гегелю и политической философии от философского пантеона Делёза. Но в середине 1970-х годов они намеревались сделать общий курс вместе с Жаном-Франсуа Лиотаром и Кристианом Декамом. Они питали друг к другу чувство глубочайшего уважения: «Я помню, как Франсуа всегда говорил мне, что Делёз — величайший философ. Он по-настоящему им восхищался и думал, что именно он придумал нечто принципиально новое в этом столетии»¹⁷, — вспоминает жена Шатле Ноэль, которая поступает в Венсен защищать диссертацию под руководством Делёза. Она защитилась в 1973 году перед комиссией, состоящей из ее научного руководителя Делёза, Ролана Барта и Никоса Пуланзаса.

Ноэль Шатле познакомилась со своим мужем в 1962 году, когда ей было 19, а ему 35: «Я была поражена его страстью, сама я была тогда простушкой-стипендиаткой. Франсуа ответил мне тем, что мне потом сильно помогло: „Я люблю то, что из тебя получится“»¹⁸. На своих занятиях Шатле уподоблялся Сократу, выступая мастером майевтики, увлеченным самим процессом интеллектуальной коммуникации. За две недели до смерти, когда он был прикован к дыхательному аппарату и уже не мог по-настоящему говорить, он хотел тем не менее провести у себя дома последнее занятие: «Вдруг я услышала, как жизнь вернулась в его голос. Последнее его занятие было посвящено счастью»¹⁹.

Франсуа Шатле пришлось пережить настоящие мучения. Заболев раком легких из-за курения и перенеся трахеотомию, в последние два года жизни он был прикован к кислородному аппарату и не мог выходить из дома. В 1982 году Шатле получает следующее письмо от своего друга Жилия:

Я думаю в Эврё о тебе. В конце концов, ты — живое доказательство существования души, ведь только ради нее ты держался, когда тело твое сдавало. Я был поражен тем, что в худший момент и когда ты так страдал, ты оставался самим собой, это был единственный знак, который ты мог нам подать. Ты чудесный человек, и Ноэль тоже чудесная (я, конечно, понимаю, что у меня скудный лексикон)... Студенты к тебе привязаны невероятно: им чего-то не хватает, то есть кого-то, тебя. Пусть все плохое вскоре закончится. Все эти этапы твоего лечения, а потом и выздоровления, а после этого — изобретения более щадящего образа жизни, — все это ты сможешь. Для начала Нормандия, но это также похоже на невероятное внутреннее путешествие. Мы с Фанни тебя обнимаем и любим²⁰.

17. Ноэль Шатле, интервью с автором.

18. Там же.

19. Там же.

20. Жиль Делёз, письмо Франсуа Шатле, 3 мая 1982 года, фонд Шатле, I МЕС.

В 1983 году, за два года до своей кончины, Франсуа Шатле находится в больнице между жизнью и смертью: врачи реанимации делают осторожные прогнозы. К нему приходит Делёз, убеждающий его согласиться на трахеотомию и сохранить жизнь. Они сообщники еще и на этой территории страдания, территории тела, которому не хватает воздуха, территории тяжелых дыхательных заболеваний: «Жиль пришел к Франсуа в реанимацию и сказал: „Пока можешь держать ручку, ты можешь жить“. Один философ просит другого продолжать. Это значит, что надо жить, пока ты еще можешь заниматься философией»²¹. Два этих последних года семейство Шатле практически каждое воскресенье принимало в гостях супругов Делёз: «Жиль говорил о философии с Франсуа. Потом сказал: „Ну, перейдем теперь к серьезным вещам“, он научил нас играть в бридж-белот, поскольку считал, что настоящий белот нам не по силам. Это единственный момент, когда я называла Жилия „Жилу“. Он был моим партнером, а Фанни — партнером Франсуа»²².

Делёз воздаст дань уважения своему ушедшему другу. Сразу после его смерти, приступая к занятиям, он обратится к студентам, отметив, что «отдать ему дань уважения можно, перечитав его книги, чтобы понять, насколько они сильные. Он оставил после себя настоящее произведение»²³. В *Libération* Делёз напишет: «Он всегда будет звездой, не в смысле *star*, а в смысле того, кто светит»²⁴. В этой статье Делёз коротко описывает путь своего друга с того момента, когда оба они были студентами. Он вспоминает о забытых вещах — о том, что Шатле специализировался вначале на философской логике и что тогда многие прочили его в преемники Кавайеса и Лаутмана; что потом он увлекся историей под влиянием одного из популяризаторов Гегеля во Франции, Эрика Вейля. Делёз выражает восхищение и говорит о том, с каким волнением он перечитывал «фицджеральдовскую» книгу Шатле «Годы разрушения», и чувствует в его лице умелого кормчего, который вел корабль Венсена: «На нем держался весь философский факультет в университете Париж-VIII. Именно он руководил этим сложным факультетом, и его политическое чутье всегда требовало жестких переговоров, что отнюдь не равно компромиссу»²⁵. В ско-

21. Ноэль Шатле, интервью с автором.

22. Там же.

23. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 7 января 1986 года, звуковой архив, BNF.

24. Gilles Deleuze, «Il était une étoile de groupe», *Libération*, 27 décembre 1985, p. 21–22; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 247.

25. Ibid., p. 249.

ром времени Делёз прочтет лекцию о своем друге, в которой воздаст должное великолепной философии имманентности, отношения потенции и акта: «В этом Шатле является последователем Аристотеля»²⁶. Природа этого акта у Шатле определяется его рационализмом, поскольку «акт — это разум»²⁷, понимаемый как процесс, а не просто способность. Делёз напоминает, что первая публикация его друга была посвящена Периклу²⁸, а у своего героя он научится тому, что эмпирический плюралистический рационализм рождается на агоре «истории в настоящем времени»²⁹. Политическому аспекту соответствует его контрапункт — музыкальное сочинение: «Больше всего Шатле, возможно, любил оперу Верди о Перикле»³⁰.

После смерти Шатле руководить факультетом философии постепенно начинает его друг Рене Шерер, с которым он познакомился очень давно, еще когда в 1946–1947 годах готовился к агрегации. Когда Шатле назначают в алжирский Оран в 1948 году, его принимает Шерер, который попал туда годом ранее. Через Шатле Шерер знакомится в конце 1940-х годов с Делёзом, с которым затем встречается в Париже, вернувшись во Францию в 1954 году. Когда создается университет Венсена, Шатле приглашает туда Шерера.

Хотя до этого момента Шерер не ощущал какой-либо симпатии к работам Делёза, публикация «Анти-Эдипа» ускоряет их сближение: «С этого момента я начал в каком-то смысле усваивать мысль Делёза»³¹. Сближению способствует Гваттари и CERFI, участие Шерера через Ги Окенгема в нескольких номерах журнала *Recherches*³². Когда позиция Шерера в 1982 году оказалась под ударом из-за дела *Coral*, которое было прекращено в 1985 году из-за отсутствия состава преступления³³, Делёз сразу же встал на его сторону. С уходом капитана Шатле Делёз доверяет корабль Шереру: «С какого-то момента философский факультет оказался на мне. Я зашел как-то к Делёзу, и, не помню уже почему, он назвал меня наиболее компетентным в административных вопросах, что на самом деле было не так, просто сам он их не любил, поэтому полагался на мои оцен-

26. Gilles Deleuze, *Périckès et Verdi. La philosophie de François Châtelet*, Paris: Minuit, 1988, p. 8.

27. Ibid., p. 9.

28. François Châtelet, *Périckès*, Paris: Club français du livre, 1960.

29. Gilles Deleuze, *Périckès et Verdi*, p. 20.

30. Ibid., p. 25.

31. Рене Шерер, интервью с автором.

32. См. главу 15 настоящего издания.

33. Там же.

ки»³⁴. Когда Делёз выходит в 1987 году на пенсию, они настолько близки, что Делёз передает своих докторантов Шереру³⁵.

Еще одна важная фигура философии в Венсене, достаточно близкая к Делёзу, — Жан-Франсуа Лиотар, выходец из группы «Социализм или варварство». Его союз с Делёзом возникает в связи с Ницше и конференцией 1972 года в Серизи: «Они вместе приехали и вместе уехали, и у них была очень близкая интерпретация Ницше»³⁶. Лиотар приветствует публикацию «Анти-Эдипа»³⁷. «Либидинальная экономика»³⁸ Лиотара становится пунктом их наибольшего сближения. «В то же время эта связь была своего рода недоразумением. Лиотар вовсе не был сторонником шизоанализа», — считает дочь Лиотара, философ Корин Энодо³⁹. Она полагает, что ее отец, в противоположность Делёзу, был настоящим политиком: «В этом как раз и кроется истинное разногласие. Я помню, как отец возвращался домой и злился на Делёза, который все сваливал на других и ничего не делал. Он его передразнивал: „Послушай, Жан-Франсуа, знаешь, я полагаю, что мне нечего сказать об этом решении...“ Делёз вел себя как ребенок, у которого есть родители: Шатле и Лиотар, от которых требовалось следить за институциональными делами»⁴⁰.

Несмотря на эти поводы для раздражения, Делёз и Лиотар были тесно связаны друг с другом, и в период 1972–1979 годов их публикации воспринимались как выражение общего подхода. Их даже считали двумя возможными и вполне совместимыми модальностями одной и той же философии различия. Но публикация «Состояния постмодерна»⁴¹ обозначает разрыв: Делёзу не понравится, что его друг защищает радикально релятивистские позиции, а Гваттари будет издеваться над отказом от любого метаповествования: «Больше никаких волн (*vagues*), одни моды (*vogues*)»⁴².

Тут-то и выясняется, что они представляют совершенно разные философские направления, и в своей «Распре»⁴³

34. Рене Шерер, интервью с автором.

35. Среди многочисленных докторантов, переданных Делёзом Шереру по наследству, — Ивон Торо, Жан-Кле Мартен, Джорджо Пассероне...

36. Кристиан Декам, интервью с автором.

37. См. главу 10 настоящего издания.

38. Жан-Франсуа Лиотар, *Либидинальная экономика*, Москва, СПб.: Издательство Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.

39. Корин Энодо, интервью с автором.

40. Там же.

41. Жан-Франсуа Лиотар, *Состояние постмодерна*, СПб.: Алетейя, 1998.

42. Слова Феликса Гваттари переданы Жаном Шено в интервью с автором.

43. Jean-François Lyotard, *Le Différend*, Paris: Minuit, 1983.

Лиотар вообще не ссылается на Делёза и Гваттари. Лиотар не следует за Делёзом и его монизмом, противопоставляя ему дуалистический подход, связываемый с Кантом, Фрейдом и в особенности с языковым поворотом англосаксонской философии, с опорой преимущественно на Витгенштейна. Общим для них остается антигегельянство, противостояние примирительной диалектике, которую Лиотар в «Распре» разносит в пух и прах. Несмотря на то что начиная с 1979 года их отношения ухудшаются, Лиотар по-прежнему искренне уважает Делёза, и это безусловное уважение он выразит по случаю его смерти. Он напишет: «Я всегда думал, что он был одним из двух гениев нашего философского поколения»⁴⁴. Его дочь, крайне удивившаяся употреблению столь высокопарных выражений, совсем ему не свойственных, спросила, кто же второй. Лиотар ответил, что это Жак Деррида, добавив, что все дело в том, что «каждый из них понял всю историю философии еще в 19 лет»⁴⁵.

Делёз-педагог

Венсен — то место, в котором в 1970–1987 годах раскроется исключительный педагогический талант Делёза. Своим занятиям, которые проходят во вторник, он придает очень большое значение, и основную часть недели посвящает их подготовке. Друг семьи Пьер Шевалье, который в 1973–1983 годах жил у Делёзов на улице Бизерт, вспоминает, с каким тщанием Делёз отнесился к подготовке курсов в Венсене: «Я видел, как Жиль работает с воскресного утра, иногда с субботы. За три дня лекция доводилась до ума; это была как будто физическая подготовка к какому-нибудь забегу»⁴⁶. На занятие он приходит во вторник с утра и выступает с записями в руках, но они ему не нужны, потому что он знает лекцию наизусть. Впрочем, он создает впечатление, что проговаривает мысль непосредственно в момент ее продумывания, кажется, что это чистая импровизация и разработка идей в полном контакте со слушателями. Используя этот прием, он достигает главного, добиваясь восхищения и изумления студентов, увлеченных его интеллектуальной строгостью.

44. Jean-François Lyotard, *Libération*, 5 novembre 1995; переиздано в: *Misère de la philosophie*, Galilée, 2000, p. 194.

45. Слова Жана-Франсуа Лиотара переданы Корин Энодо в интервью с автором.

46. Pierre Chevalier, «Gilles Deleuze: avez-vous des questions à poser?», *France Culture*, 20 avril 2002, émission de Jean Daive et Clotilde Pivin, archives INA.

По его мнению, курс — это «материя в музыкальном движении, из которого каждая группа берет то, что ей подходит. Не всё одинаково подходит всем. Курс — это вопрос эмоции. Если нет эмоции, нет интеллекта и интереса, ничего не будет»⁴⁷.

Клод Жегле прекрасно передал полифонию, различные регистры голоса, пронизывающие тело профессора Делёза⁴⁸. Тишина в его разномастной аудитории раскрывает силу речи и ее драматургии. Он ведет своих слушателей к вершинам, которые ему хорошо знакомы, и, чтобы убедиться в том, что никто не отстал, часто спрашивает: «Что это значит?» «Те секунды, когда Делёз схватывает какое-нибудь понятие на вершине развития цепочки аргументов, вызывают в аудитории приостановку рефлексии, и именно в момент этого субъективного апноэ осуществляется передача мысли»⁴⁹. Жегле выделяет несколько фигур Делёза, в том числе фигуру шалуна, которого на самом деле не интересует философия: «Шалун в голосе Делёза обозначается живым и хитроватым прононсом, немного в нос»⁵⁰. Однажды Делёз удивился, что дверь аудитории, где он читает курс, оказалась открытой, и он объясняет студентам, что администрация ввела строгий порядок, чтобы помешать студентам забирать стулья в соседние аудитории: «Теперь приходится следовать довольно странной схеме. По прибытии я должен зайти к дежурному. Я отдаю ему жетон, а он дает мне ключ от аудитории, но жетон остается у него. Закрыв аудиторию, я отношу ему ключ, а он возвращает мне жетон...»⁵¹ В другой раз, 17 января 1984 года, когда ему предложили маленькую грязную аудиторию в новом блочном здании университета Париж-VIII в Сен-Дени, он дает следующее ее шутливое описание:

Аудиторию я посмотрел: это просто дворец, где мы познаём счастье. Представьте себе небольшой двор, с газоном в центре. Вокруг одноэтажные строения, очень миленькие, горчичного и зеленого цвета. Двери открываются наружу, что в случае пожара нас спасет... Зал определенно больше, чем здесь. Потолок пониже, но это даже лучше для концентрации. Большие оконные проемы с двойными окнами: никаких проблем ни с шумом, ни с отоплением. Нам там будет хорошо, а если нас выгонят, пойдем на парковку. Там мы познаем счастливые, блаженные часы, там будем

47. Gilles Deleuze, *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*, lettre P, «Professeur».

48. Claude Jaeglé, *Portrait oratoire de Gilles Deleuze aux yeux jaunes*, PUF, 2005.

49. Ibid., p. 18–19.

50. Ibid., p. 24.

51. Слова Делёза цит. по: «Gilles Deleuze: avez-vous des questions à poser?», France Culture, 20 avril 2002.

свободны. Единственная проблема — перейти бульвар... Это блочный дворец, аудитории для ученых занятий, там никто не болтается. Вы попадете в атмосферу безмятежности; подумать только! это существовало у нас под носом, а мы не знали⁵².

К шалуну близок клоун, который играет с повторениями, проговаривая пунктуацию длинных философских рассуждений. Он представляет собой «ритмического свидетеля», который периодически бросает: «Почемууу?» Рядом с клоуном умирающий в агонии: он проживает свои последние минуты — слышны его хрипы и урчание. Он стонет: «Ааааа» эдаким «старческим голосом, в котором каждое слово похоже на бульканье»⁵³. Все эти персонажи сопровождают Делёза-соблазнителя, шармёра, «голос которого — чары, завораживающая песнь»⁵⁴. Все эти голоса образуют драматургию, которая инсценирует философский театр Делёза, играющего всех их одновременно перед завороченной, покоренной аудиторией.

Самоуверенность одного из вернейших студентов Делёза доходит до того, что на каждом занятии он подолгу высказывается, спорит с учителем. Жорж Контес узурпировал роль постоянного собеседника, с выступлениями которого аудитории приходится мириться, но Делёз принимает его замечания приветливо и с неизменной любезностью. Контес, посещающий все занятия и прочитавший все публикации учителя, усвоивший стиль его речи и его понятия, берется сопровождать мысль Делёза, постоянно подвергая ее сомнению, выдвигая возражения, проверяющие ее на прочность.

В начале 1970-х годов среди студентов, зачарованных Делёзом, оказывается и Элизабет Рудинеско, член Парижской школы фрейдизма с 1969 года, которая вскоре понимает, как резко он критикует психоанализ. Этот период совпадает с пиком подготовки «Анти-Эдипа». Конечно, она не может согласиться с этой радикальной критикой господствующего Означающего, которому противопоставляется сила потоков, с критикой Эдипа, нехватки, Единого, которому противопоставлено многое, и в то же время она увлечена мыслью Делёза:

Делёз, воодушевленный, но всегда толерантный, был самым кратическим философом, какого только можно вообразить. Он не делал из себя кумира какого-то религиозного культа, ничего подобного, свою публику он зачаровывал тем, как одновре-

52. Жиль Делёз, лекция 17 января 1984 года, звуковой архив, BNF.

53. Claude Jaeglé, *Portrait oratoire de Gilles Deleuze aux yeux jaunes*, p. 32.

54. Ibid., p. 33.

менно нежно и варварски помогал родиться на свет их желанию... Он говорил, не обращаясь ни к кому конкретно, без опоры на записи, как будто бы книга, которую он носил в себе, была извечно записана в глубинах его души⁵⁵.

Восхищение Делёзом не помешает Элизабет Рудинеско встретить «Анти-Эдип» суровой критикой⁵⁶.

В эту толпу, которая собирается по вторникам, затесался и внимательный экзегет Делёза, посещавший уже самые первые курсы 1970-х годов, — Филипп Манг, в те времена преподаватель, готовящий будущих школьных учителей в Нормальной школе Бурже. Он разрывается между лаканизмом и увлечением Делёзом и Лиотаром: «Я впервые встретил Жиля Делёза в университете Венсена, только что основанном. И это был настоящий шок!»⁵⁷ Прибывая на занятия по вторникам, он придерживается одного и того же ритуала. Делёз приходит, когда помещение уже битком набито студентами. На его месте вырос лес звукозаписывающей аппаратуры. Делёз обращается к присутствующим: «очень мило с вашей стороны. Меня радует, что собралось столько народа, но все же мне нужно немного места, чтобы положить свои книжки»⁵⁸. Делёз всегда приходил с большой стопкой книг под мышкой и заботливо их складывал, — в них были вложены листы с записями, которых, он, впрочем, не касался. Когда в 1973 году Филипп Манг, устав от психологии педагогики в Нормальной школе, сообщает своему инспектору о своем недовольстве и желании заняться метафизикой, тот отвечает ему, что он может надеяться лишь на полставки преподавателя философии на юге Франции. Он принял предложение и уехал из Парижа. Защитив в 1986 году диссертацию по садизму под руководством Лиотара перед комиссией под председательством Делёза, он садится писать о творчестве своего учителя, которому посвятит две книги⁵⁹.

Самые разные причины влекут студентов к курсам Делёза. Преподаватель философии из Нантера Жан-Мишель Салански недавно прошел агрегацию по математике, и тут он благодаря работам Лиотара увлекается философией, открывая для себя еще и «Различие и повторение». Ришар Пина, который

55. Élisabeth Roudinesco, *Généalogies*, Paris: Fayard, 1994, p. 53.

56. См. главу 11 настоящего издания.

57. Филипп Манг в: Yannick Beaubatie (sous la dir.), *Tombeau de Gilles Deleuze*, Mille Sources, Tulle, 2000, p. 49.

58. Слова Жиля Делёза, переданные Филиппом Мангом в интервью с автором.

59. Philippe Mengue, *Gilles Deleuze ou le système du multiple*, Paris: Kimé, 1994; *Deleuze et la question de la démocratie*, Paris: Kimé, 2003.

тоже пришел от Лиотара, в размолвке двух его учителей встанет на сторону Делёза. После смерти последнего он сыграет важнейшую роль в распространении его идей, создав сайт, на котором будет выкладывать постоянно растущее число курсов, прочитанных в Венсене, — на французском, английском, испанском и немецком языках. Пина упорно посещает все занятия Делёза в Венсене с 1970 по 1987 год, часто заходит к нему домой, чтобы подбросить его в университет на машине. В дороге Пина регулярно обсуждает его курсы, а после занятий обменивается с ним мнениями за обедом. Он извлечет пользу и из отношения Делёза к книге, лишенного всякого фетишизма: «Он давал мне немало редких работ, некоторые экземпляры были с пометками и посвящениями...»⁶⁰ Чтобы не таскать слишком большую стопку книг, Делёз, не колеблясь, вырывал страницы, нужные ему на занятии.

С течением времени число политических активистов, посещающих курсы, заметно сократилось. Вначале они составляли около трети, но постепенно уступили место аудитории, в 1980-х годах состоявшей преимущественно из студентов-философов. Ришар Пина в эти годы, проведенные рядом с Делёзом, стал свидетелем воплотившейся в нем греческой философской традиции дружбы. В области философского знания Делёз избегал директивности и всегда повторял, что нужно брать то, в чем есть потребность для себя: «Я прочел Спинозу поздно, к 30 годам, но он сказал мне: „Придет день, когда он тебе понадобится, и в этот момент он тебе по-настоящему пригодится“. И правда, пять лет спустя эффект был совершенно другим»⁶¹.

Пьер Бланшо, студент-филолог, изучающий немецкий язык, которому тогда было всего 18 лет, тоже один из первых поклонников курсов 1970–1972 годов. Его отец, самоучка, рассказывает ему о Делёзе летом 1968 года, увлекшись его работой «Ницше и философия». Отец и сын вместе решают посещать курс Делёза, читаемый в Венсене по вторникам, и курс Фуко, который тот читает в Коллеж де Франс по средам: «Я не понимал практически ничего, но мне было хорошо. Это был настоящий праздник. У него была такая изысканная манера речи! Он и правда очаровывал. Я сразу же его полюбил»⁶².

В 1984–1987-м, в последние годы преподавания, к Делёзу приходит несколько профессиональных философов. Среди них и тот, кто станет одним из выдающихся специалистов по Делё-

60. Ришар Пина, интервью с автором.

61. Там же.

62. Пьер Бланшо, интервью с автором.

зу, хотя его путь трагически оборвется в 2006 году — Франсуа Зурабишвили. Он посещает курсы двух последних лет в Венсене, и когда издательство PUF заказывает ему работу о Делёзе, он обменивается с ним некоторыми соображениями⁶³. Франсуа Зурабишвили, изучавший философию в Сорбонне, сразу же увлекся Делёзом, который тогда читал курс о Фуко, а потом о Лейбнице: «Чтобы занять место в первых десяти рядах, надо было прийти за час, и однажды, удивившись тому, что там всегда сидели одни и те же люди, я захотел узнать, когда же они приходят. Я пришел примерно за три часа, но они все уже были там»⁶⁴. Особенно ему нравится упорство, с которым Делёз возвращается к одним и тем же темам. И это был не рефрен, а способ наращивания новых моментов на исходное суждение, способ, который выражался в литании, оказывающей поразительное педагогическое воздействие: аудитория, возможно, и не понимает лекцию, которая сейчас читается, но когда одна и та же тема возвращается в разных конфигурациях, она в конце концов усваивается.

Для Франсуа Зурабишвили все началось с чтения «Пруста и знаков» на подготовительных курсах летом 1982 года: «Я прочитал ее и был очень удивлен, поскольку это не было похоже ни на что из того, что я читал из литературной критики. Это было что-то совершенно философское»⁶⁵. Потом он точно так же увлекается «Ницше», две первые страницы которого перечитывает снова и снова, под впечатлением от того, как читателя сразу же подводят к сути дела — краткими, действенными, легко запоминающимися фразами. Его погружение в Делёза обусловлено стилистической близостью и общими интересами, поскольку свою магистерскую диссертацию он пишет о Спинозе⁶⁶. Желая посвятить работу какому-нибудь современному философу, Франсуа Зурабишвили делает очевидный выбор и посещает все последние курсы Делёза начиная с 1985 года. В Сорбонне удивлены тем, что такой серьезный и компетентный исследователь, как Зурабишвили, мог выбрать Делёза, которого в его среде не считают настоящим философом. Коллеги в лучшем случае числят его блестящим эклектичным комментатором и денди: «Я поставил себе задачу показать, что это настоящая философия. Моя цель состояла в том, чтобы взорвать в философии делезианскую бомбу»⁶⁷.

63. François Zourabichvili, *Deleuze. La philosophie de l'événement*.

64. Франсуа Зурабишвили, интервью с автором.

65. Там же.

66. François Zourabichvili, *Spinoza: une physique de la pensée*, Paris: PUF, 2002; *Le Conservatisme paradoxal de Spinoza: enfance et royauté*, Paris: PUF, 2002.

67. Франсуа Зурабишвили, интервью с автором.

Но даже в этот, самый поздний период на курсы Делёза ходят не только философы. На последнем курсе 1986–1987 года, посвященном Лейбницу, один работник центра реабилитации, которому давно надоела его работа, регулярно усаживается рядом с Франсуа Зурабишвили. Отправившись за интересными лекциями в Венсен, он нашел прибежище на курсе Делёза: «Это нравилось ему, а однажды было довольно сложное рассуждение по поводу картезианского когито и Канта. Он повернулся ко мне и сказал: „Я не слишком понимаю, о чем речь, но мне это нравится“. И правда, казалось, что Делёз обращается ко всем»⁶⁸. Те же самые вещи заметил и Элиас Санбар, приехавший в Париж-VIII послушать своего друга Делёза: «На всех лекциях присутствовала одна пожилая дама. В тот год было довольно холодно. Когда на перемене большинство студентов вышло покурить, я остался. Я подошел к ней и спросил, не работает ли она над чем-нибудь, почему она не пропускает ни одной лекции. Но она ответила: „Знаете, мсье, он помогает мне жить“. В его мысли и в самом деле было то, что помогает людям жить»⁶⁹.

Среди молодых философов последнего периода в университете Париж-VIII курс о Фуко 1985–1986 учебного года посещает и Давид Лапужад, которого Делёз в конце года приглашает к себе в гости. С этого момента Лапужад становится близким знакомым, сначала в рамках отношений студента и преподавателя. Спустя четыре года постоянного общения его приглашают в Сен-Леонар-де-Нобла, в лимузенское имение Делёза. Летние дни проходят тихо и спокойно: прогулки, шахматы, карточные игры: «Он тратил много времени на корреспонденцию, по-скольку систематически отвечал на письма своим неровным почерком»⁷⁰. Но Делёз там иногда и работает, например, большая часть новых статей, вошедших в «Критику и клинику», написаны в Лимузене. Во всем остальном «Лимузен был местом семейной жизни, отдыха, салонных игр с друзьями, прогулок на машине»⁷¹. Эти минуты покоя разделяют, помимо членов семьи, близкие друзья — Жан-Пьер Бамберже, Пьер Шевалье, Клэр Парне и Давид Лапужад.

В небольшой аудитории в университете Париж-VIII рядом с учителем всегда неподвижно сидит один японский студент, который более десяти лет занимает одно и то же место по втор-

68. Франсуа Зурабишвили, интервью с автором.

69. Элиас Санбар, интервью с автором.

70. Давид Лапужад, интервью с автором.

71. Там же.

никам, для чего ему приходится очень рано вставать. Хиденобу Сузуки приехал во Францию из Токио в 1974 году, чтобы улучшить свой французский, и о философии он тогда ничего не знал. Он записывается в новую Сорбонну, где находит, чем удовлетворить свой вкус к французской литературе: «Однажды один японский друг, которого я встретил в Сорбонне, дал мне почитать „Кафку“ Делёза и Гваттари»⁷². Хиденобу, сам большой поклонник Кафки, большую часть произведений которого он прочел в Японии, увлечен новизной этого подхода, а позднее узнаёт о том, что Делёз читает лекции в Венсене. Он решает отправиться туда, чтобы прослушать курс 1978–1979 учебного года. В этот период на кампусе продолжаются волнения, и лекции Делёза то и дело прерывают разными требованиями и просьбами. Например, могут прийти люди, заявляющие, что надо помочь их товарищам, попавшим в беду, и попросить денег на какое-нибудь дело: «Почти каждый раз Жиль пускал свою шляпу по кругу в аудитории, да и сам вытаскивал из кармана несколько банкнот. Я увидел в нем пример щедрости, пример человека, который не замкнулся в своей башне из слоновой кости»⁷³. Подобное поведение резко контрастировало с японскими университетскими обычаями. Хиденобу, участник ультралевых японских движений, с удивлением открывает, что такие академические работы, как у Делёза и Гваттари, могут иметь прямое практическое применение: «Посещение его курсов стало моей страстью»⁷⁴. Заметив еще в первые дни, что вокруг Делёза много магнитофонов, Хиденобу ставит там и свой, последнюю модель *Sony*. Этот магнитофон становится отдельным институтом, и когда какой-то знакомый Делёза сожалеет о том, что не смог посетить ту или иную лекцию, Делёз советует ему попросить послушать кассету у японского студента⁷⁵.

Вторник, 2 июня 1987 года, — самый страшный день для всех, кто посещал последний курс. Конечно, событие это давно запланировано, а Делёз отнекивается от него, полагая, что может быть только предпоследний курс, как предпоследний стакан, но это все равно событие, и на встрече помимо привычных магнитофонов полно камер. Этот момент описан одним из представителей международной диаспоры, собравшейся вокруг Делёза, италья-

72. Хиденобу Сузуки, интервью с автором.

73. Там же.

74. Там же.

75. Все эти записи доступны в аудиовизуальном зале BNF: 177 курсов, 400 часов — начиная с 1979 и заканчивая 1987 годом. Фредерик Астье опубликовал их перечень: *Les Cours enregistrés de Gilles Deleuze: 1979–1987*, Mons: Sils Maria éditions, 2006.

янским студентом Джорджо Пассероне, переводчиком «Тысячи плато»⁷⁶. Пассероне, приехавший из Генуи участник радикального левого движения итальянских автономистов, посещает курсы Делёза с 1977 года: «Потом я наткнулся на „Анти-Эдипа“, и решил, что это и есть дорога в жизни, и свое магистерское сочинение я посвятил идее различия у Делёза»⁷⁷. Итальянская ситуация ухудшается по мере того, как все больше народу решает присоединиться к вооруженной борьбе «Красных бригад», тогда как другие, потеряв надежду, увлекаются тяжелыми наркотиками. Пассероне подает заявку на получение стипендии, устраивается во Франции и посещает курсы Делёза: «Курс во вторник всегда работал именно так, как производственная лаборатория с Делёзом в роли оператора, задача которого была в том, чтобы читать философов, показывая, в чем их оригинальность»⁷⁸.

Этим последним курсом завершается, однако, не только работа, посвященная Лейбницу, но и весь цикл преподавательской жизни. Итоговой темой становится гармония, которую следует вывести из философского понятия «согласования тела и души». Делёз, как обычно, обращается к вселенной творчества, чтобы оценить то, что может дать эксперимент с этой гармонией. Он отсылает к реформированию понятия гармонии в барочной музыке: «Задача „музыкантов“ на этом семинаре — разобрать историю трансформации понятия гармонии»⁷⁹. Он обращается к таким музыковедам, как Паскаль Критон, прося их разобратся с гипотезой изменения в статусе гармонии, которая основывается уже не на правильных интервалах, а на аккордах. Эта трансформация, которая, получается, создала барочную музыку, должна соответствовать тому, как Лейбниц понимает свою идею гармонии, благодаря которой проводится различие между тремя способами проблематизации отношений души и тела: влияния, отсылающего к мелодии; сопровождения, соответствующего контрапункту; наконец, согласия, отвечающего концепции аккорда. Курсы Делёза завершаются на этом открытом вопросе, но не заканчиваются, поскольку они требуют новых исследований. Свое последнее занятие он завершает словами: «Эта история музыки дает мне отправной пункт, которого у меня без этого семинара не было бы»⁸⁰.

76. Giorgio Passerone, «Le dernier cours?», *Le Magazine littéraire*, N° 257, septembre 1988, p. 35–37.

77. Джорджо Пассероне, интервью с автором.

78. Giorgio Passerone, «Le dernier cours?», p. 36.

79. Ibid., p. 36.

80. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 2 июня 1987 года, звуковой архив, BNF.

Глава 20

1977: год сражений

НА ПОЛПУТИ между «Анти-Эдипом» (1972) и вторым томом «Капитализма и шизофрении», «Тысячей плато» (1980), Делёз и Гваттари пишут небольшой текст, меньше чем на сто страниц, ставший своего рода программой, — «Ризому»¹. В нем утверждается множественность возможных входов в произведение: «ни один вход не обладает привилегией», «поэтому мы войдем с любого конца»². Ризома, соответственно, понимается как теория рецепции, чтения, она оправдывает активность читателя по отношению к автору и его предполагаемую интенциональность. Она рассматривается как возможное выражение прагматической теории чтения: «Ризома как теория чтения, таким образом, принимает в расчет акт чтения и превращает рецепцию в активное производство, истинное преобразование и схватывание произведения»³.

Этот концепт становится сам по себе манифестом их новой мысли. Он приобретает полемический характер, выступая боевой машиной, противодействующей западной традиции вертикальности, альтернативой знаменитому древу познания. Он предлагает также иной способ мыслить в модусе горизонтальности, плана имманентности, в соответствии с растительной моделью ризоматических растений, разветвления которых горизонтальны и в то же время множественны. Посредством этой аналогии Делёз и Гваттари намереваются порвать с рассуждением, идущим от ствола к ветвям дерева в соответствии с причинной линейной схемой, и заменить его не имеющим ни исходной, ни конечной точки модусом мысли, который довольствуется исключительно означающими соединениями.

1. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, «Ризома», *Тысяча плато*, с. 6–45.

2. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Кафка: за малую литературу*, Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015, с. 5.

3. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 120.

В то же время они добиваются того, что всякий разрыв получает возможность стать значимым в каждой из точек.

Делёз и Гваттари противопоставляют мысли Единого, имеющей глубокие корни, необходимые, чтобы развертываться в рамках бинарной логики, мысль множественного, «системы-корешка», произведенной неудачным укоренением и уже развертывающей логику складки, которую позднее Делёз тематизирует, обратившись к Лейбницу: «вкладывание или вгибание (*pliage*) одного текста в другой, конституирующее множественные и даже случайные корни (можно сказать, черенки), подразумевает измерение, дополнительное к измерению рассматриваемых текстов. Именно в таком дополнительном измерении вкладывания или вгибания единство продолжает свою духовную работу»⁴. Космосу-корню противопоставляется утверждение хаосмоса-корешка, множественность которого недостаточно собирать, поскольку ее нужно еще и произвести: «Множественное *нужно создать*»⁵.

Противопоставляя клубни и корневища корням, Делёз и Гваттари используют, как обычно, дуалистическую логику, чтобы как можно более успешнее подорвать бинарность. В то же время они предостерегают своих читателей от упрощений и злоупотреблений, противопоставляющих добро злу, поскольку в ризоме может быть и наилучшее, например картофель, и наихудшее, например пырей. Ризома вводит особый метод, определенное количество принципов. Упрощений было, конечно, предостаточно, поскольку в ризоме видели оправдание интеллектуальной беспринципности, которая довольствуется коллажами, тогда как на самом деле Делёз и Гваттари проповедуют метод аскезы. Для создания множественности требуется трезвость, сжатие, вычитание и сокращение способностей Единого для установления никогда прежде не выявлявшихся трансверсальных продуктивных связей.

Первыми принципами выступают принципы соединения и гетерогенности: «любая точка ризомы может — и должна быть — присоединена к любой другой ее точке»⁶. Другой принцип — принцип множественности — это вклад, который Делёз считает своим собственным, понимая его в бергсониянской традиции: «Различие макро- и микро- очень важно, но оно больше относится к Феликсу, чем ко мне. У меня же скорее различие двух типов множественности. Для меня это самое важное: и то,

4. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, «Ризома», с. 10.

5. Там же, с. 11.

6. Там же, с. 12.

что один из двух этих типов отсылает к множественностям, — лишь следствие. Понятие множественности, введенное Риманом, одно и то же для проблемы мысли и даже для наук, представляется мне важнее понятия микрофизики»⁷. Множественность понимается, тем самым, как субстантив, и, в отличие от множественного, более не отсылает к Единому. Не имея ни субъекта, ни объекта, множественность характеризуется лишь разделением или разными величинами: «значит, мы будем говорить о *плане консистенции* множеств»⁸. Гваттари, со своей стороны, привносит в это понятие свою тему трансверсальности, которая может разветвляться на совершенно новые линии.

Еще один важный принцип — принцип «не-означающего» (*asignifiante*) разрыва... Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте»⁹. Плодотворное отношение осы и орхидеи служит иллюстрацией возможных множественных сборок гетерогенных элементов. В данном конкретном случае животное и растение детерриториализуются и снова ретерриториализуются, создавая необычное подключение двух живых существ, несоразмерных друг другу. Ризома возникает не из калькирования уже наличного или из генеалогической преемственности; она раскрывается на невиданное, на захват, выходит к всегда новым линиям ускользания, к новой открытости внешнему.

Другие принципы ризомы обусловлены выбором картографии, а не калькирования и его бесконечной воспроизводимости, которые Делёз и Гваттари обнаруживают в двух образцовых науках структурализма — лингвистике и психоанализе. Из этого вытекает совершенно иная логика: вместо того чтобы представлять скрытые коды, она требует экспериментов; она придумывает, соединяет гетерогенные поля, расшевеливает реальное, умножая число возможных входов, углов зрения. Лингвистика и психоанализ допускают ошибку, когда навязывают реальному во всей его сложности свой понятийный аппарат, неизменно остающийся моделью означивания. Редукционистскому чтению, основанному на подобном аппарате, авторы противопоставляют картографический подход Фернана Делины: последний рекомендует воспитателям детей-аутистов рисовать, чтобы прочертить их неведомые траектории. Приоритет дерева Делёз и Гваттари представляют в качестве своего рода цивилизационного инварианта, характерного для Запада. Со-

7. Gilles Deleuze, «Réponses à une série de questions», dans André Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, Paris: Belin, 1999, p. 131.

8. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, «Ризома», с. 15.

9. Там же, с. 16. Перевод изменен. — Прим. пер.

ответственно, они регионализируют определенный модус мысли, ранее считавшийся универсальным, и противопоставляют ему иное отношение к природе, отношение восточное, которое сталкивается со степью и садом, с пустыней и оазисом, отношение, чьи культуры — это культуры клубней. В работах Жана Одрикура они находят подтверждение этому противопоставлению восточного «втыкания» клубней и засеивания зерновых в западной агрокультуре. И вот такой обновленный подход к живому миру предлагают наши авторы, претендующие не на учреждение новой науки, а скорее на такое изменение оптики, которое реализуется в горизонтальных планах, как нам демонстрируют растения: «Мы называем „плато“ любое множество, соединимое с другими посредством близких к поверхности подземных стеблей так, чтобы формировать и распространять ризому»¹⁰.

Делёз и Гваттари этим эссе, по сути манифестом, ставшим потом введением ко второму тому «Капитализма и шизофрении», словно настоящим ящиком с инструментами, открывают не что иное, как поле экспериментов, проводимых по новым правилам. Эта экспериментальная мысль приложима к любым сферам деятельности. Анн Сованьярг подчеркивает вклад этой мысли в область эстетики, где она позволяет понять художественное творчество как схватывание сил, отвергающее классическое разделение между искусством и жизнью или между произведением и его интерпретацией¹¹. На основе этого понятия можно также определить новую форму мысли, которая уже не соответствует поискам миметического отношения между предположительной объективной реальностью и идеей о ней, которую мы составляем в соответствии со схемой репрезентации. Отныне не нужно искать начала, онтологические основания, служащие прочным фундаментом истины; привилегию получают, наоборот, пересечения потоков, встречи, среди которых надо будет провести различие между тупиками и, напротив, плодотворными открытиями линий ускользания, для чего потребуется клиническая техника. Благодаря ризоме можно также открыть континент научного знания, поскольку мыслить мышление в категориях связей — значит подтверждать открытия нейробиологии.

По многомерности этого понятия можно оценить ту силу убеждения и ту привлекательность, которую оно приобретает. Его краткий очерк в этой небольшой работе, намного более доступной, чем более поздняя «Тысяча плато», во многих отноше-

10. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, «Ризома», с. 39.

11. См.: Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 181–183.

ниях пугающая, превратила этот небольшой манифест, скорее тезисный, чем полемический, в вызов, который спровоцирует контратаку тех, кто почувствовал себя мишенью этого нового направления мысли.

«Картофельный фашизм»

Одним из недовольных становится Ален Бадью, философ и коллега Делёза по Венсену, где он будет преподавать добрых тридцать лет. Он быстро понял привлекательность этой небольшой работы. Бадью, в прошлом ученик Сартра, а потом и Альтюссера, в этот период является главой небольшой группы маоистов и руководит журналом *Cahier Yéna*, поддерживающим «Великого кормчего». В 1977 году Бадью, недовольный успехом «Анти-Эдипа», в котором он усмотрел конкурента, поскольку благодаря этой работе курс Делёза на философском факультете Венсена становится практически обязательным, на этот раз объявляет, что «Ризома» — это уже перебор. Делёз зачисляется во «враги народа». В *Cahier Yéna* Бадью публикует статью «Поток и партия», предметом критики в которой становится «Анти-Эдип», там же выходит затем вторая статья Бадью под псевдонимом Жоржа Пейроля, в которой он расправляется с «Ризомой». У статьи особенно красноречивое название: «Картофельный фашизм».

В первой статье Делёз и Гваттари разоблачаются как приверженцы философии желания, которое «значит практически то же, что и усыпительная сила опиума»¹². При этом они объявляясь представителями самого вульгарного морализма, который заключается в вымученном доказательстве, ценой «культурного пустозвонства» и «субверсивного поигрывания мускулами», того, что свобода коррелирует с благом, а необходимость — со злом; тем самым они заявляют не что иное, как возврат к Канту, забывая об уроках марксизма-ленинизма, воплощающего в себе «серьезность науки»¹³. За игривостью «Анти-Эдипа» Бадью без труда усматривает истинное лицо врагов народа:

Что в итоге говорят эти враги всякой организованной революционной политики, ненавидящие ее? Читаем: выполнить «тот процесс, который всегда оказывается выполненным уже в своем развертывании и поскольку он развертывается» (АЭ, с. 601)... Сло-

12. Alain Badiou, «Le flux et le parti», *Cahier Yéna*, № 4, Maspero, 1977, p. 26.

13. Ibid.

вом, надо течь, подобно гною... Посмотрим на этих старых кантианцев, которые делают вид, что играючи ломают безделушки культуры. Посмотрим на них: время поджигает, и они уже чувствуют, что их песенка спета¹⁴.

Во второй части обвинительного акта, написанного под прикрытием псевдонима, позиция коллеги, Делёза, и его наперсника Гваттари характеризуется в качестве «протофашистской». Что, собственно, обнаруживается за множественностью ризомы? «Ревизионистской деспот»¹⁵. Бадью цепляется за то, что мишенью в «Ризоме» выступает Единое, которое делится на два, то есть знаменитая диалектическая машина для разбиения кирпичей, которая служит стратегии товарища Линь Бяо: «Делёза и Гваттари нельзя считать безграмотными. А потому их нужно считать мошенниками»¹⁶. Их махинации служат войне с диалектической мыслью, а под ударом оказываются справедливые интересы народа. Сведение Единого пролетариата к Единому метафизики — не что иное, как бесспорное доказательство их глубочайшего консерватизма: они метят в пресловутый классовый выбор, необходимый для справедливой пролетарской революции. Делёз и Гваттари в конечном счете призывают своих читателей ограничиться мирной ролью наблюдателя, отрешенного от всего на свете на манер Раймона Арона, то есть толкают их к предательству рабочего класса: «Играть в своем уголке — вот максима ризоматических множественностей»¹⁷. Но за этой витриной послушных детей, наводящей на мысль об оранжерее,

...Делёз и Гваттари оказываются протофашистскими идеологами. Отрицание морали, культ естественного утверждения, отказ от антагонизма, эстетика множественности, позволяющая существовать за ее пределами тираническому Единому — в качестве ее политического условия, образуемого методом вычитания, и ее неизменной точки притяжения¹⁸.

Обвинительный акт не терпит апелляций. Эта мощная атака станет апофеозом многих лет словесной «герильи», которую вели Бадью и его маоистские банды, боровшиеся с Делёзом на кампусе Венсена еще с начала 1970-х годов. Когда стычки ожесточаются, Делёз не всегда может закончить лекцию, тогда он надевает шляпу, показывая, что выходит из игры. Чаще всего этими актами

14. Alain Badiou, «Le flux et le parti», p. 40–41.

15. Georges Peyrol, «Le fascisme de la pomme de terre», *ibid.*, p. 43.

16. *Ibid.*, p. 44.

17. *Ibid.*, p. 50.

18. *Ibid.*, p. 51–52.

саботажа занимаются «люди» Бадью, но бывает, что Мэтр и сам приходит на лекцию Делёза, чтобы ему помешать, что он и сам признает в книге 1997 года, посвященной Делёзу:

Для маоиста, коим я являюсь, Делёз, философский вдохновитель того, что мы называли «анархией желаний», враг, тем более страшный, что он находится внутри «движения», а его курс стал Меккой в Университете. Я никогда не сдерживал своих выпадов, консенсус — не моя сильная сторона. Я атаковал его средствами тогдашней тяжелой артиллерии. Однажды я даже возглавил «отряд», вторгшийся на его лекцию¹⁹.

В 1970 году Ален Бадью и Жюдит Миллер создали квалификационную комиссию, призванную контролировать политическое содержание курсов на философском факультете. Ален Роже, ученик Делёза, а потом и друг, и сегодня вспоминает о том, как однажды Делёз был сильно не в духе, поскольку ему нужно было освидетельствоваться у «бригады» Бадью: «Мне надо идти, у меня сейчас по расписанию банда Бадью»²⁰. Делёз на эти провокации реагировал неизменно спокойно и избегал прямого столкновения. Но чаще всего нарушители спокойствия приходят толпой, иногда вдесятером, с очевидным намерением сорвать лекцию: «Хорошо, Делёз, все, что ты делаешь, просто замечательно, но ты тут стоишь один и вещаешь перед публикой покорных обожателей! Посмотри, какая перед тобой челядь собралась. Стоят, разинув рот! Ничего не говорят! Вот чем ты занимаешься? Дай определение твоей практики!»²¹ Филипп Манг вспоминает, что эти обвинители ничего не стеснялись и «пытались подловить Делёза на противоречиях, хватались за тексты Ницше и ставили вопросы, которые, по их мнению, должны были смутить Делёза»²². Порой «бригада» устанавливает прямо в аудитории «народный закон», призывая студентов организовать осаду под предлогом общего собрания в первой поточной аудитории или же провести какой-нибудь еще акт поддержки трудящихся и их борьбы. Делёз на все это реагирует спокойно, притворяется, что полностью разделяет их чувства, пользуясь иронией как оружием.

Впрочем, не один Делёз становится жертвой «бригад» Бадью. Лиотар, еще один «желатель», также попал в расстрельные списки тех, кого надо приструнить, чтобы спасти паству. Даже Фран-

19. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера, 2004, с. 10. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

20. Слова, переданные Аленом Роже в интервью с автором.

21. Слова, переданные Филиппом Мангом в интервью с автором.

22. Там же.

суа Шатле, коммуникатор, на котором с ухода Фуко держится весь факультет, попал в число неблагонадежных. К концу 1970-х годов маоистские атаки ослабевают, когда постепенно снижается число групп приверженцев Мао. Лекции Делёза все меньше страдают от вторжений почитателей маленькой красной книжицы.

Впрочем, когда в 1995 году Делёз уходит из жизни, Бадью отдает ему искреннюю дань уважения. С этого момента он даже считает себя достойным преемником Делёза как философского авторитета в Париже-VIII, правда, при одном условии — работы Делёза надо прочесть, приложив к ним критерии «хорошей философии». Спустя два года после смерти Делёза он посвящает ему книгу, в которой намеревается наконец засвидетельствовать свою близость к Делёзу, хотя при жизни последнего он с ним только конфликтовал²³. Конечно, с конца 1980-х годов тон у Бадью уже не такой воинственный. Хотя он по-прежнему ссылается на Сталина и Пол Пота, маоизм уже похоронен. Делёз же с 1987 года на пенсии. Бадью находит некоторые достоинства в его новых книгах, в частности в эссе о Лейбнице, «Складке» 1988 года, хвалебную рецензию на которую он публикует в «Философском ежегоднике». Неизменно любезный Делёз его сердечно благодарит, что позволяет Бадью счесть, будто они оказались, «никогда не договариваясь об этом между собой (и даже совсем наоборот!), чем-то вроде парадоксального тандема»²⁴.

После этого начинается несколько запоздалая переписка, следующая за публикацией «Бытия и события» Бадью в 1988 году. Эта переписка, продлившаяся с 1992 по 1994 год, в основном касается вопросов философии математики и эпистемологии. Инициатива исходила от самого Бадью. Цель ее, которая, впрочем, уже достигнута, состоит в том, чтобы гарантировать своего рода делезианскую преемственность в университете Париж-VIII, где многие студенты-философы хотят писать диссертации по Делёзу, а в Бадью видят человека подходящей квалификации. В 1991 году Бадью предлагает своему коллеге провести дискуссию — как раз в тот момент, когда последний дописывает работу «Что такое философия?». Делёз отказывается, но вполне аргументированно, и Бадью ему отвечает. Из этого обмена репликами тем не менее складывается важная переписка, которая продлится до конца 1994 года, когда обе стороны принимают общее решение ее завершить. Но Делёз отказывается

23. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*.

24. Там же, с. 14.

от какой-либо публикации и уничтожает переписку, как он поступает со всеми следами своей деятельности, чтобы потомкам остались только его опубликованные работы. Тем не менее вся переписка целиком есть у Бадью, хотя он и не может ее издать.

Упражнение, которому Бадью предается в своей работе 1997 года, посвященной Делёзу, заключается в составлении портрета Делёза, который бы походил на него, но в то же время не имел бы ничего общего с портретом делезианцев и еще меньше — Гваттари, то есть был бы своего рода чистым Делёзом, экстрактом Делёза, пропущенным через сито, идеей Делёза без Делёза. «Какой именно Делёз?», — спрашивает себя Бадью. Ответ: его собственный. С некоторым удивлением мы узнаем, что Делёз, оказывается, предлагает обновленное понятие «Единого»: «именно приходу Единого, переименованного Делёзом во Всеединое, посвящает себя мысль в своем высочайшем предназначении»²⁵, и свой тезис он подкрепляет цитатой, вырванной из источника: «Один-единственный голос за тысячеголосое множество»²⁶, которая дает название его книге. Бадью полагает, что может распознать в творчестве Делёза не философский призыв к освобождению множественности, а желание разработать метафизику Единого. Этот возвышенный горизонт требует отделить Делёза от его многочисленных учеников и его отношения к наследию 1968 года: «Этот „чистый автомат“, конечно, куда ближе к делезовскому образцу, чем бородатые сторонники шестьдесят восьмого, выставлявшие напоказ свои сальные желания»²⁷.

Привести Делёза к Единому — такова стратегия Бадью, противоположная всей мысли Делёза, помещавшей множественности в самый центр философских построений: «Их Бытие, Единое и Целое искусственны и ненатуральны, неизменно ущербны, преходящи, пористы, хрупки и ломки... Ибо разнообразие разнообразного эти философы заменяют тождеством или противоречием, а нередко и тем и другим сразу»²⁸. В своей лекции от 10 декабря 1985 года, прочитанной в рамках курса, посвященного Мишелю Фуко, Делёз задается вопросом о том, что может представлять собой дуалистическая позиция. Он выделяет три типа дуализма. Во-первых, это, по его словам, истинный дуализм, который сводится к утверждению двух несоизмеримых аспектов. В качестве примера он приводит объективный и субстанциальный дуализм Декарта, который проводит различие

25. Там же, с. 19.

26. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 363.

27. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, с. 21.

28. Жиль Делёз, *Логика смысла*, с. 348.

между мыслящей субстанцией и протяженной, или же субъективный дуализм Канта, который отличает способность восприимчивости от спонтанности. К этому истинному дуализму следует добавить другое применение дуализма, который, соответственно, выступает промежуточным этапом на пути к Единому. Целью в таком случае является глубинное единство, достигаемое благодаря самому этому движению раздвоения. Здесь в качестве примера Делёз приводит Спинозу, который проводит различие между атрибутами мышления и протяженности, стремясь достигнуть единства субстанции. Точно так же Бергсона обычно считают сторонником дуализма, то есть противопоставления длительности и пространства, материи и памяти или же двух источников морали и религии, но это все методологические жесты, подготавливающие восстановление горизонта единства. Эти идеи остаются по существу своему монистическими, так что потрясение, вызванное напряжением дуализма, приводит к окончательному триумфу жизненного порыва, обосновывающего их единство.

Дуализм, практикуемый Фуко и Делёзом, совершенно иного толка. Делёз приписывает ему первостепенную значимость, утверждая даже, что именно это больше всего сближает его с Фуко, пусть последний практически никогда не употребляет термин «множественность», предпочитая ему «дисперсию» или «рассеяние». Что же это за третий вид дуализма, который практикуют Делёз и Фуко? Подобный дуализм является, как у Спинозы и Бергсона, подготовительным этапом, однако горизонтом выступает уже не конструирование Единого, а выход на множественности, то есть в плюрализм. Из множественности Делёз берет не прилагательное «множественный», а факт становления субстантивом, то есть саму «множественность», а не просто атрибут. В таком случае множественность может мыслиться сама по себе, и работа Делёза посвящена именно этому, так же, как и в его диссертации «Различие и повторение», где речь шла о необходимости помыслить различие как таковое. В таком случае множественность — это единственная машина войны, которая может иметь значение не для обретения Единого, а для его разгрома: «Единственный способ вести критику Единого — это критиковать его за счет множественности, а не множественного. Я не могу уничтожить Единое, не субстантивируя множественное»²⁹.

С другой стороны, Бадью верно понимает то, что сам он называл «аскезой» в мысли Делёза, которую он объясняет родством

29. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 10 декабря 1985 года.

со стоиками. Однако сто́ит ему выделить строгость, свойственную жесту Делёза, как он тут же берется утверждать, что проповедуемая им философия жизни на самом деле является «философией смерти»³⁰. Как же тот, кем двигал Спинозовский конатус и кто в 1988 году сказал: «Все, что я написал, было виталистично, по крайней мере, я на это надеюсь»³¹, может питаться неким влечением к смерти? Вопреки всякой очевидности, Бадью настаивает: «Эта тождественность мышления и умирания озвучена в воистину хвалебной песни, посвященной смерти, где Делёз без малейших усилий движется в русле Бланшо»³².

По словам студентов Парижа-VIII, Делёз был неизменно любезен, несмотря на бесцеремонные выходки сторонников Бадью, а также многочисленных шизофреников, приходивших на его лекции. Но однажды он разозлился, когда обнаружил на своем столе листовку «отряда смерти» с призывами к самоубийству. В своей лекции 27 марта 1980 года он утверждает, что смерть может прийти только извне и ее нельзя мыслить в качестве процесса: «Когда я слышу о том, что смерть может быть процессом, у меня просто сердце кровью обливается, это просто чудовищно»³³. Влечение к смерти физически пугает его, и он всеми силами сопротивлялся ему, желая, чтобы возобладали силы жизни и креативности.

Рассуждая в том же духе открытия неизвестного Делёза, Бадью делает из него теоретика систематичной абстрактной мысли, для которой не слишком важна уникальность конкретных случаев, поскольку задача в том, чтобы утвердить систему мысли, производящей концепты, «которые я не побоюсь назвать однообразными»³⁴. Парадный портрет Делёза, написанный Бадью, не слишком похож, как он и сам признает, на то, что он называет «доксой», сложившейся вокруг Делёза. Вдобавок ко всему есть и вишенка на торте: Бадью называет Делёза аристократическим мыслителем и видит доказательства этого в его презрении к спорам и дискуссиям, которое принимает за антидемократическую позицию.

В своем доказательстве Бадью принижает уникальность Делёза, уподобляя его позицию простой производной хайдеггерианской онтологии. Получается, что Делёз, вопреки своим намерениям мыслить не в такт со своим временем, в конечном

30. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, с. 23.

31. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 187.

32. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, с. 23.

33. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 27 мая 1980 года.

34. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, с. 25.

счете оказался лишь бледной копией столетия, в котором господствует Хайдеггер. Уподобляя философию онтологии, Делёз нацеливается на Бытие. В этом смысле он избежал разрыва современности, произведенного Кантом, и остался в стороне от критической природы его философии. То есть остался сугубо классическим мыслителем, и в этой позиции Бадью охотно узнает самого себя. В то же время он расходится с Делёзом в том, что последний отводит стратегическое положение виртуальному, оказываясь, таким образом, заложником трансцендентности: «И это понятие самым решительным образом отделяет меня от него»³⁵. Итак, наш мыслитель имманентности попал в ряды тех, кто потерпел явную неудачу, если судить по критериям его собственного философского начинания.

Переписка 1993 года начинается именно с вопроса виртуального, когда Бадью пишет Делёзу о том, что эта категория поддерживает определенную форму трансцендентности: «Делёз сразу согласился, что именно здесь лежит причина наших разногласий»³⁶. В своем ответе тот настаивает на реальности виртуального. Основываясь на аргументах, которыми они обменялись в переписке, Бадью производит поразительную операцию по перевертыванию. Ссылаясь на утверждение Делёза о том, что неразрешимость бросков костей остается привязанной к одному и тому же бросанию, Бадью противопоставляет ему свою концепцию несводимости каждого из бросков костей, которые в онтологическом плане всякий раз отличаются друг от друга. Из этого Бадью делает вывод, что сам он находится в лагере защитников множества, события как разрыва, тогда как Делёз оказывается сторонником Единого, непрерывного, вечного возвращения того же самого: «Для Делёза случай — игра Целого, неизменно переигрываемая заново такой, какая она есть. По моему мнению, случаи многообразны (и редки)»³⁷.

Предложенная Бадью интерпретация «Складки» подкрепляет его гипотезу: Делёзу в конечном счете отводится место почитателя прошлого, который играет в складки и изгибы традиции, уже-бывшего в памяти, предлагающейся в качестве формы субъективации, тогда как сам он, Бадью, — единственный из них двоих, кто по-настоящему восприимчив к абсолютным началам и истинным событиям. Крайняя чувствительность Делёза ко всем формам радикальной креативности во всех сферах жизни составляет, по мысли Бадью, множество полей эксперимен-

35. Ален Бадью, *Делёз. Шум бытия*, с. 54.

36. Там же, с. 64.

37. Там же, с. 105.

тирования, свидетельствующих о различных способах разглаживания Бытия. Делёз, таким образом, присоединяется к Бадью в метафизическом осмыслении бытия и его онтологического основания, но он отказывается решать задачу, продемонстрировав неспособность провозгласить радикально новую мысль. Утверждая себя в качестве истинного наследника вопроса Истины, Бадью превращает Делёза в защитника неподвижного времени. Читатель, сколько-нибудь знакомый с Делёзом, не может не поразиться и тому трюку Бадью, когда он, отрицая какую-либо уникальность Делёза и его особое отношение к Ницше, изображает его певцом долга памяти, апологетом бремени памяти, завершающим свою философию на «необходимости начинать сызнова»³⁸. Делёз, выходит, настоящий антиницшеанец! На сцене этого *disputatio* сталкиваются, таким образом, учитель Истины и события, каким представляется Бадью, и сторонник традиции памяти и культа Ложного, в роли которого выступает Делёз. Бадью, настоящий маоист, остается верным логике чистки, чистой доски, лишенной всякого прошлого, используемой как инструмент против тех, кого он в своей недавней книге называет еще и «ренегатами»³⁹.

В этом карикатурном портрете ни один серьезный читатель Делёза не смог бы найти ни малейшего сходства. Подобный маневр искажения-присвоения чрезвычайно груб, даже больше, чем лобовая атака. И делезианцы не могли не заметить этого. Они среагировали на этот портрет псевдо-Делёза, за которым безошибочно угадывается двойной Бадью. С наиболее резкой отповедью выступил Арно Виллани, большой знаток творчества Делёза, который ставит под вопрос сам метод Бадью, якобы обсуждающего тезисы другого философа, но не принимающего в расчет и не объясняющего, что тот действительно думал⁴⁰.

По словам Виллани, Бадью приписывает Делёзу «врожденную нечестность»⁴¹, поскольку получается, что тот сознательно культивировал двусмысленности, дабы манипулировать своими очарованными учениками. В подборке в журнале *Futur antérieur* он резко критикует образ Делёза как философа, одержимого смертью. Бадью придумывает Делёза — сторонника Единого, сражающегося со множественным, своего рода «одноногую философию», как говорит Виллани, тогда как сам Бадью, как ис-

38. Там же, с. 90.

39. Ален Бадью, *Век*, Москва: Гнозис, 2016.

40. «А тогда получается, это не „двойной удар“, не Бадью о Делёзе, а раздвоение, Бадью о Бадью» (Arnaud Villani, «La métaphysique de Deleuze», *Futur antérieur*, № 43, avril 1998, p. 56).

41. Ibid., p. 56.

тинный ученик Мао, продолжает идти на двух ногах. В той же самой подборке португальский делезианец Жозе Жиль отвечает на «злую книгу»⁴², как он ее называет, выявляя неумолимую логику доказательства, которое сводится к тому, чтобы убедить читателя, что там, где Делёз потерпел неудачу, Бадью, наоборот, добился успеха, так что работы Делёза нужно оставить в покое, а читать, напротив, труды Бадью. Тогда как Жиль, наоборот, выявляет эндогенное движение мысли Делёза, ее повороты, в том числе тот решающий, с точки зрения самого Делёза, момент, когда он констатирует едва ли не полный провал онтологической работы. Именно в этом смысле основополагающее значение имеет встреча с Гваттари: с этого момента он работает не только в области концептов, позволяя последним «орошаться и преодолеваться движением, которое рождает их, но само приходит извне, движением, которому они задают направление и скорость»⁴³.

Философ Ги Лардро публикует в 1999 году небольшую работу, в том же духе, что и Бадью, под красноречивым названием «Отложенное упражнение в философии»⁴⁴, задача которой — показать, почему Делёз не выполнил своих обещаний, исполненных не кем иным, как Бадью. Лардро понимает свою эскападу как дополнение к книге Бадью: «„Делёз. Шум бытия“ — эта книга позволяет мне взяться за метафизику Делёза окольным путем, поскольку сама она подходит к ней напрямик»⁴⁵. Конечно, между Лардро и Делёзом пробежала черная кошка, поскольку Делёз разоблачал «новых философов», в том числе и Лардро, который к тому же еще и старый маоист. Но в то же время Лардро — представитель поколения, на которое очень сильно повлияли книги Делёза, так что, подражая Энгельсу, он заявляет, что «в истории философии все мы на какое-то время стали делезианцами»⁴⁶.

Лардро изобличает в Делёзе тактика-оппортуниста, который, словно клещ, пробирается под кожу философской традиции и институтов, дабы извратить их изнутри, высасывая из них кровь: «Политика Делёза заключалась во „внедрении“»⁴⁷, и в качестве доказательства он приводит многочисленные клятвы вер-

42. José Gil, «Quatre méchantes notes sur un livre méchant», *Futur antérieur*, № 43, p. 71–84.

43. Ibid., p. 77.

44. Guy Lardreau, *L'Exercice différé de la philosophie. À l'occasion de Deleuze*, Paris: Verdier, 1999.

45. Ibid., p. 60, note 7.

46. Ibid., p. 15.

47. Ibid., p. 44.

ности Делёза своим первым учителям, Ипполиту, Алкье, Кангилему, а также собственно академии как институту. То есть Делёз оказывается «фальсификатором», но Лардро утоняет, что сознательного делезианца это не может шокировать, поскольку их предводитель и сам прославлял ложное. Делёз отлично понимал, что это за трюки, и чтобы лучше утвердить их в качестве новой доксы, он, по словам Лардро, занимался настоящим интеллектуальным терроризмом, основанным на запугивании. И если можно признать в нем верность кому-либо, то она сведется к его бергсонизму: «Делёз — это просто плохо написанный Бергсон»⁴⁸. Одного имени Бергсона достаточно, чтобы дисквалифицировать этого автора и выбросить на свалку вместе со спиритуализмом и апологией порядка: «Он интересовался только теми учениями, которые верны существующему порядку»⁴⁹. Таким образом выстраивается сцена, на которой все преимущества у диалектического материализма Бадью, противника старого спиритуализма ложно-современного Делёза.

В 1977 году Жан Бодрийяр публикует работу «Забыть Фуко», мишенью которой становится автор «Слов и вещей», но также и работа Делёза и Гваттари⁵⁰. Бодрийяр разоблачает этих мыслителей желания как сторонников существующего порядка, жаждущих власти. Подобно Нарциссу, они — пленники своего собственного образа, от которого не могут оторваться, тогда как Фуко, получается, своей трилогией знания-власти-желания «способствовал тому, чтобы власть функционировала тем же образом, что и желание, точно так же как у Делёза желание функционирует в качестве будущих форм власти. Эта тайная связь слишком красива, чтобы не вызывать подозрений»⁵¹. Бодрийяр нападает на «Анти-Эдипа», усматривая в нем тщетную попытку спасти марксизм и психоанализ. Эдипова критика психоанализа может вести лишь к возвеличиванию крайних форм аксиоматики желания. Что касается защиты «продуктивности» «желающих машин», то она тоже возвращается к «очищенным аксиомам марксизма и бессознательного»⁵². Тогда как, по словам Бодрийяра, в симулякре присутствует лишь круговая логика, производство, как и власть, — теперь не более чем обманка: «Но тут от Фуко ускользает, что власть, даже бесконечно малая, начинает разрушаться»⁵³.

48. Ibid., p. 62.

49. Ibid., p. 63.

50. Жан Бодрийяр, *Забыть Фуко*, СПб.: Владимир Даль, 2000.

51. Там же, с. 47.

52. Там же, с. 55.

53. Там же, с. 67.

Новые философы: «проходняк»

1977 год — прежде всего, период серьезной конфронтации с «новыми философами», которые максимально использовали прессу, инсценируя перед самой широкой публикой полутрагическую, полукомическую пьесу, сводившуюся к их прощанию с маоистским прошлым в рядах «Пролетарских левых» (GP). Поскольку революционная эсхатология сильно потускнела, всему этому поколению пришло время отбросить в едином порыве свой опыт мая 1968-го и перейти к исповедям, чтобы замолить свои грехи: «Эти испорченные дети, великовозрастные сорванцы хотели немедленной революции! Но нет, она так и не началась, и вот они топают ножкой. [...] Бедные потерянные котики»⁵⁴, — причитает над ними журналист Пьер Виансон-Понте. Поклонники Мао, Андре Глюксманн, Кристиан Жамбе, Ги Лардро, Бернар-Анри Леви и другие, сторонники мистической смычки с Великим кормчим, с превеликим изумлением открывают для себя скромное очарование либерализма и ужас тоталитаризма, понятие которого они, по их собственным словам, сами и изобрели, забыв о решающем вкладе той же Ханны Арендт.

В 1977 году Бернар-Анри Леви публикует книгу «Варварство с человеческим лицом», которая тут же становится бестселлером, настолько она созвучна духу времени. В ней разоблачается май 1968 года, превратившийся в образ Зла, за которым скрывается Господин. В движении мая 1968 года он видит бледные сумерки XX века: «Мы переживаем конец истории, поскольку живем в пространстве непрерывного капитализма»⁵⁵. В этом памфлете Бернар-Анри Леви яростно нападает в числе прочих и на Делёза с Гваттари, которые снова признаются выразителями обычного фашизма, «фигурами варварства». Безосновательно уподобляя их философию идеологии желания, он изобличает в ней новый способ варварства: «Они хорошо известны, эти рыцари бойкого вида, апостолы ухода вразнос и певцы множественности, антимарксисты и радостные иконоборцы... У них есть свои кормчие, у матросов современного корабля дураков, — святой Жиль и святой Феликс, пасторы большой семьи и авторы „Анти-Эдипа“»⁵⁶. Превращение фашизма в вопрос либидо на поверхности социального тела ради флук-

54. Pierre Viansson-Ponté, préface à J. Paugam, *Génération perdue*, Paris: Laffont, 1977, p. 15–16.

55. Bernard-Henri Lévy, *La Barbarie à visage humain*, Paris: Grasset, 1977.

56. Ibid., p. 20.

туаций силовых отношений — часть этого «варварства с человеческим лицом», заклеянного Бернаром-Анри Леви. Приговор выносится безапелляционный: «Идеология желания — это фигура варварства в том совершенно строгом смысле, в каком я дал ему определение»⁵⁷.

Этот пасквиль написал красивый молодой человек в белой рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами. Леви, быстро ставший брендом VNL (Bernard-Henri Lévy), был любимчиком известной издательницы Франсуаз Верни, радостно потиравшей руки, глядя на его тиражи. Ему, любимому ребенку издательства *Grasset*, рукоплещет внушительная аудитория, жадная до самобичеваний, которыми расплачиваются за прошлые заблуждения. Все остальное — вопрос маркетинга и связей, позволяющих прыгать из телестудии в газету и обратно.

С точки зрения Делёза и Гваттари, вся эта ажитация — скорее цирк, чем философские размышления. То есть разве что повод для шуток. Но когда в нее в качестве защитника «новых философов» включается Мишель Фуко, хранить молчание становится невозможно. Собственно, Фуко выступает с апологией работы Глюксманна «Господа-мыслители» в *Le Nouvel Observateur*⁵⁸. Эту работу он чувствует как одну из «крупнейших философских книг». По его словам, Глюксманн «в сердце одного из возвышенных философских дискурсов обнаруживает беглецов, жертв, непримиримых борцов, этих вечных диссидентов, то есть все эти „окровавленные головы“ и белые призрачные фигуры, которые Гегель желал вытравить из мировой ночи»⁵⁹. Все это предприятие, получив благословение настоящего философа, которым является глубоко уважаемый Делёзом Фуко, становится по-настоящему серьезным и теперь требует достойного ответа.

Два молодых философа, Франсуа Обраль и Ксавье Делькур, не договариваясь с Делёзом и Гваттари, собираются выпустить небольшую критическую антологию с разоблачением «новой философии»⁶⁰. Ответственная за контакты с прессой издательства *Gallimard* Поль Нёвэглиз ищет повод «раскрутить» Обралья до участия в очень ответственной телепрограмме Бернара Пиво «Апострофы». Она добивается, чтобы его поставили одним из диспутантов Филиппа Соллерса в передаче «Человек под вопросом». Обраль справился со своей задачей без обиня-

57. Ibid., p. 140.

58. Michel Foucault, «La grande colère des faits», *Le Nouvel Observateur*, 9–15 mai 1977, p. 84–86.

59. Ibid.

60. François Aubral, Xavier Delcourt, *Contre la nouvelle philosophie*, Paris: Gallimard, 1977.

ков: «Филипп Соллерс, вы были маоистом, папистом, феминистом и антифеминистом. Вы были практически всем. Кто вы на самом деле?»

Франсуа Шатле рассказал своему другу Делёзу о том, что вскоре будет опубликована небольшая полемическая работа, посвященная «новым философам», и тот, посмотрев телепередачу, с удовлетворением замечает, что Франсуа Обраль не отличается излишней уважительностью. Он просит о встрече и приглашает в гости обоих авторов готовящейся книги: «И вот мы провели вечер у Делёза, ослепленные им. Делёз превратился в великого кудесника в этой истории новых философов»⁶¹. Франсуа Обраль и Ксавье Делькур сразу же заявляют, что удивлены молчанием таких людей, как Делёз и Шатле. Они указывают Делёзу на то, что хватило бы нескольких его слов, небольшой статьи, чтобы все это прекратить: «Ну да, — говорит он нам, — но знаешь... Будут ведь говорить, что старик просто завидует молодежи. И к тому же я не хочу выступать в прессе. Ты знаешь, что я туда не пойду, это не в моем стиле»⁶².

Потом Делёз спрашивает, что он мог бы сделать, как именно выступить: «Мы же находимся в ситуации самиздата. Мы в меньшинстве. Нужно объяснить вам, что это за типы. Они всегда на стороне власти, что бы ни случилось»⁶³. Этим вечером Делёз вместе со своими гостями рассматривает несколько гипотез. В частности, он подумал о книжке, которую он мог бы написать сам и к которой дали бы предисловие Обраль и Делькур, однако это предложение вызывает лишь приступ веселья. К концу беседы Делёз пожелал гостям побольше мужества и предупредил их о том, что их ждет: «Все так и вышло, я же не знал Глюксманна-трибуна: как только вы поднимаете в студии интеллектуальную тему, он тут же забрасывает вас концлагерями, поляками... и вы пропали»⁶⁴.

Делёз говорит себе, что лучше всего обратиться к Жерому Линдону в издательстве *Minuit*. Он подумывает о том, чтобы написать несколько страниц в форме небольшой брошюры, а поскольку денег на этом не заработать, предлагает Линдону разослать брошюру бесплатно по всем книжным магазинам, которые могли бы выкладывать ее для покупателей у касс. Сказано — сделано. Жером Линдон одобряет эту затею, которая пока должна храниться в тайне. Но какие-то слухи доходят до га-

61. Франсуа Обраль, интервью с автором.

62. Слова Жили Делёза, переданные Франсуа Обралем в интервью с автором.

63. Там же.

64. Франсуа Обраль, интервью с автором.

зеты *Monde*, которая 19–21 июня 1977 года публикует этот текст в своем разделе «Идеи». Тем временем брошюру в книжных отделах выдают с руками.

Текст Делёза, датированный 5 июня 1977 года, публикуется в виде интервью. Исключительная ситуация требует исключительного ответа, поэтому Делёз пренебрегает своим принципом не ввязываться в полемику, склонную паразитировать на его силе утверждения. Но в этот раз он не скупится на колкости, понимая, какую опасность представляют эти философы-халтурщики для философии в целом. На вопрос «Что ты думаешь о „новых философах“?», Делёз отвечает прямо: «Ничего. Я считаю, что их мысль ничтожна. И я вижу две возможные причины этого ничтожества. Прежде всего, они оперируют слишком крупными понятиями, большими как гнилые зубы. Закон, Власть, Господин, Мир, Восстание, Вера и т.д. Они могут составлять из них чудовищные смеси, схематичные дуализмы: закон и восстание, власть и ангел. В то же самое время, чем слабее содержание мысли, тем больше важничает сам мыслитель, тем больше *субъект высказывания* важничает в сравнении с пустыми высказываниями»⁶⁵. Делёз объясняет, что изменение в ситуации, потребовавшее его вмешательства, заключается в публикации «прекрасной бодрящей книги» Обраля и Делькура.

Серьезность этого дела, по Делёзу, в том, что оно на самом деле не серьезно, и в том, что эта псевдомысль соблазняет иллюзией, будто можно обойтись безо всякой работы по усложнению, по определению тонких понятий, позволяющих избежать этих дуалистических дилемм, служащих упрощениями: «Они разрушают работу», — комментирует он, в особенности ту, которой они занимались с Гваттари. Поэтому пришло время расставить точки над *i*, и Делёз распознает в феномене «новых философов» особый кастинг, тщательное распределение ролей⁶⁶. Новизна феномена определяется внедрением правил маркетинга в сферу философии, и, по словам Делёза, именно это требовало осмысления.

Для объяснения триумфа «новых философов» Делёз приводит две основные причины. С одной стороны, это переворот

65. Gilles Deleuze, «À propos des nouveaux philosophes et d'un problème plus général», Supplément à la revue *Minuit*, № 24, mai 1977; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 127.

66. «В Клавеле есть что-то от доктора Мабузе, евангелического доктора Мабузе, а Жамбе с Лардро — это Шпёрри и Пеш, два помощника Мабузе (они хотят „взять за шкуру“ Ницше). Бенуа — посыльный, Нестор. Леви — то импресарио, то ассистентка режиссера, то масовик-затейник, то диск-жокей...» (Ibid., Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 129).

в отношениях между журналистикой и интеллектуальным творчеством. Теперь событие определяется именно журналистским актом, и это приводит, когда мысли больше не дают времени на развитие, к «мысли быстрого приготовления». С другой стороны, этими позерами движет ненависть к 1968 году: «Вопрос в том, кто лучше плюнет на май 68-го... Злость на 68-й — больше им продавать нечего»⁶⁷. Приближается десятилетняя годовщина мая 1968-го, и заметная часть этого поколения с радостью отрывается от своего опыта разочарований, радуя за провал революционных попыток. В отвержении «новых философов» и их заигрываний с культурой смерти мы снова обнаруживаем глубочайшую установку Делёза:

У меня вызывает отвращение одна простая вещь: новые философы занимаются мартирологом, ГУЛАГом, жертвами истории. Они паразитируют на трупах... Жертвы должны были мыслить и жить совсем не так, как те, кто воспользовались ими, чтобы рыдать, мыслить и поучать от их имени. Тот, кто рискует своей жизнью, обычно мыслит в категориях жизни, а не смерти, горечи или болезненного тщеславия. Борцы — это скорее великие живые⁶⁸.

Итак, Делёз приглашает воспеть жизнь, столкнувшись со смертоносными опасностями, грозящими стереть века работы мысли. И если вся работа Делёза и Гваттари нацелена на то, чтобы впустить свежий воздух, то новые философы «вернули душное замкнутое помещение, в котором почти нет воздуха. Это отрицание всякой политики и всякого эксперимента. Короче говоря, я критикую их за то, что они гонят проходняка»⁶⁹.

67. Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 131.

68. Ibid., p. 132.

69. Ibid., p. 133.

Часть III
Сверхскладки:
1980–2007

Глава 21

Гваттари между культурным активизмом и экологией

В МАЕ 1981 года давние надежды на «изменение жизни» политическими средствами воплотились в фигуре Франсуа Миттерана, который представлял левых еще с 1965 года, когда выступал единственным кандидатом, способным составить конкуренцию генералу Де Голлю. Порыв мая 1968 года, который, как считалось, оборвала победа голлистов на парламентских выборах 30 июня того же года, наконец получает политическое развитие. Нужно отметить, что с послевоенных времен левые в коридоры власти не попадали. Этот политический поворот, положивший конец безальтернативному, единоличному пребыванию правых у власти, сразу же вызвал в стране волну энтузиазма.

Делёз и Гваттари тоже захвачены этой политической эйфорией. Делёз отправляется на церемонию инаугурации президента Миттерана в Пантеоне 21 мая 1981 года и принимает участие во всеобщих торжествах. Гваттари, в свою очередь, радуется назначению нового министра культуры Жака Ланга: тот уже доказал близость к художникам, желание трансформировать и развивать культурные практики. Гваттари в 1983 году даже опубликовал едва ли не апологетическую статью, желая защитить Ланга от клеветы, обрушившейся на него: «И тут наконец пришел Жак Ланг...»¹ Гваттари выражает восхищение стилем министра, который порывает с условностями своим умением слушать, своим энтузиазмом, даже своим видом, в котором нет ничего протокольного: «Поступаясь всяким правдоподобием, Ланга обвиняют в том, что он занимается огосударствлением культуры вроде того, что проводилось в странах Восточной Европы. Станный какой-то Жданов, если он поощряет столь разные и порой совершенно неожиданные ини-

1. Félix Guattari, «Enfin Jack Lang vint...», *Le Quotidien de Paris*, 18 mars 1983; статья также появилась в *Le Nouvel Observateur* под заголовком «Мольба о «диктаторе»».

циативы»². Жак Ланг принял ряд оригинальных решений, например, об учреждении «Праздника музыки», который сразу же стал чрезвычайно популярен. Кроме того, благодаря маю 1981 года была выиграна одна из главных битв Гваттари, битва за свободу эфира.

Коридоры власти

Гваттари будет играть при Жаке Ланге роль генератора идей: «Еще мы бы хотели сообщить тебе один сюжет, который нам особенно интересен: создание четвертого телевизионного канала, культурного телевидения, которое будет посвящено творчеству и экспериментальным поискам», — пишет ему Гваттари уже в августе 1981 года³. В феврале 1982 года Гваттари предлагает Лангу создать фонд для местных инициатив, институциональных инноваций, активных изысканий в области социальных наук, поддержки культуры и культурных исследований. Министр поручает контроль за проектом своему сотруднику Дюпавийону со следующим комментарием: «Им нужно помочь... Это очень важно». Идея Гваттари в том, что децентрализация может остаться на бумаге, если сведется к простой передаче власти. Отсюда возникает идея создания третьего сектора, «который бы вклинился между капиталистическим рынком и системой государственного контроля»⁴. Ланг поддерживает проект и добивается для важной делегации под руководством Гваттари встречи с «главным советником» Франсуа Миттерана Жаком Аттали в Елисейском дворце. Для этого института временно выбрано сокращенное название Фонд инноваций, исследований и творчества (FIRC). Гваттари активно вращается в правительственных кругах, стремясь реализовать этот проект, и встречается с Эриком Арно и Сеголен Руаяль, хотя ни до чего конкретного дело так и не доходит. Он даже встречается с генеральным секретарем Президента республики Жаном-Луи Бьянко, предлагая перевести этот фонд в подчинение какому-нибудь важному министерству.

2. Félix Guattari, «Enfin Jack Lang vint...».

3. Феликс Гваттари, письмо Жаку Лангу, 22 августа 1981 года, I МЕС.

4. Феликс Гваттари, записи касательно проекта фонда, посланные Жаку Лангу, 13 февраля 1982 года, I МЕС. Фонд был ответом на стремление создать демократический и децентрализованный институт, чтобы установить необходимые связи с некоммерческими ассоциациями: «Должно быть провозглашено право на исследования. Работники предприятий и учреждений, матери семейств в районе должны иметь возможность стать инициаторами исследования» (Там же).

Пока Гваттари активно занимается подготовкой празднования столетия Кафки и даже оказывает несколько конфиденциальных услуг, например, пишет Миттерану речь для выступления в Сорбонне по вопросам культуры, Жак Ланг присваивает ему в январе 1983 года звание Командора искусства и литературы: «Поскольку я не особенно восприимчив к знакам отличия и еще меньше способен о них судить, я принимаю это звание как знак твоей дружбы»⁵.

В 1980-е годы сотрудничество между Лангом и Гваттари становится еще более дружеским. Ланг даже приезжает в Ла Борд по приглашению Гваттари, который подыскал ему дом в регионе Блуа: «Еще раз спасибо за прием в Луар и Шер. Это было великолепно»⁶. В 1984 году, когда подготовка к юбилею Кафки была в самом разгаре, Гваттари приглашает на обед с Лангом в министерство. Перед этим обедом Гваттари составил для Ланга записку, резюмирующую состояние проектов, по большей части проблемных. Это настоящий фейерверк: Ланг устраивает для Гваттари встречи в нескольких министерствах. Так, в 1986 году он добивается для него встречи с министром социального обеспечения и национальной солидарности Джорджиной Дюфуа. В 1991 году он предлагает премьер-министру Мишелю Рокару назначить Гваттари в Социальный и экономический совет.

В конце 1980-х годов Гваттари предлагает Лангу устроить в 1989 году, к двухсотлетию Французской революции, всемирную выставку на тему «Встречи с пятым миром», которая бы стала грандиозным международным съездом представителей племенных и кочевых меньшинств из самых разных стран, от Аляски до Амазонки и от Китая до Сахары, а также цыган со всего света. Целью этого съезда было бы не только отдать должное угнетенным и преследуемым народам, но и признать их вклад в мировую культуру. Несмотря на весьма позитивную реакцию Ланга («Замечательный проект. У нашего друга Гваттари полно идей»⁷), политический климат эпохи для таких инициатив не годится, и проект не пройдет. Тем не менее, благодаря своему другу Жан-Пьеру Файю, тесно связанному с руководством социалистов, Гваттари получает доступ к высшим лицам государства. Так, он оказывается за одним столом с Миттераном: «Феликс взял слово, чтобы защитить Ланга, потому что Ланг был тогда уже всего лишь делегированным министром, которого сослали

5. Феликс Гваттари, письмо Жаку Лангу, 26 января 1983 года, I МЕС.

6. Жак Ланг, письмо Феликсу Гваттари, 6 января 1986 года, I МЕС.

7. Комментарий Жака Ланга к письму Феликса Гваттари, 14 апреля 1984 года, I МЕС.

в один из министерских отделов. Смело бросившись на амбразуру, мой малыш Феликс берет слово и заявляет президенту: „Вы должны предоставить культуре всю полноту ее прав“»⁸.

При поддержке Файя Гваттари подключился также к организации Международного коллежа философии. Идея возникла в связи с тем, что философский факультет университета Париж-VIII, переведенный из Венсена в Сен-Дени, чьи дипломы не признаются на общенациональном уровне, оказался в тупике⁹: «Увидишь Агтали, замолви ему словечко за этот проект „Коллежа философии“, венсенской душой которого стали бы Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Туда можно было бы приглашать почтенных иностранцев или людей не из университета, чтобы проводить семинары, как короткие, так и длинные»¹⁰. Когда министром образования назначается Жан-Пьер Шевенман, Фай перезапускает свой проект и получает поддержку министра, который поручает ему организовать званый обед. На обеде соберутся Жан-Пьер Шевенман, Жан-Пьер Фай, Франсуа Шатле, Жак Деррида и Доменик Лекур, и в итоге будет создан Международный колледж философии, руководство которым возлагается на Деррида. Файя, в свою очередь, назначат главой «Высокого совета» коллежа, куда вместе с ним войдут Гваттари и несколько светил вроде Рене Тома, Владимира Янкелевича, Ильи Пригожина и Изабель Стенгерс. Очень быстро выяснилось, что реальная власть сосредоточена в руках Деррида. Конфликт тем более неизбежен, что, несмотря на свое громкое название, «Высокий совет» не распоряжается денежными средствами и целиком зависит от коллежа, контролирующего бюджет.

Сумбур в отношениях

Несмотря на все это оживление, отношения Гваттари с властью социалистов в 1980-е годы не безоблачны и не обходятся без кризисов, всплеск страстей и необратимых разрывов. Политика правительства социалистов вызывает у Гваттари все меньше сочувствия, и у него возникает все больше поводов для несогласия, что в основном и объясняет, почему многие из его проектов в итоге застопорились. Осенью 1984 года негодование Гваттари вызвало соглашение между французским и испанским правительством об экстрадиции баскских националистов из орга-

8. Жан-Пьер Фай, интервью с автором.

9. См. главу 19 настоящего издания.

10. Жан-Пьер Фай, письмо Феликсу Гваттари, 26 октября 1981 года, I M E C.

низации ЭТА в Испанию. Сначала он сообщает об этом лично Жаку Лангу:

Я негодую при мысли об этих выдачах и высылках. Не могу поверить, что французские социалисты дошли до такого! Знаю, что ты не имеешь никакого отношения к этому делу, и могу себе представить, что ты чувствуешь в душе. Но, учитывая сложившуюся ситуацию, полагаю, что больше невозможно поддерживать «публичные» отношения, которые были между нами прежде. Поверь, я искренне об этом сожалею и по-прежнему испытываю к тебе самые теплые дружеские чувства¹¹.

Гваттари не останавливается на личных упреках, он выступает против этой политики, подписывая вместе с Делёзом и Шатле открытое письмо, адресованное Франсуа Миттерану, генеральному секретарю Социалистической партии Лионелю Жоспену и премьер-министру Лорану Фабиусу, «За единое и неделимое право на политическое убежище», которое будет опубликовано в *Le Monde*¹².

В 1983 году Макс Галло, тогдашний пресс-секретарь правительства, публично жалуется на оглушительное молчание левых интеллектуалов, которые и пальцем не пошевелили, чтобы помочь политическому выживанию социалистов. Этот упрек, брошенный на самом высоком уровне, вызовет целую волну выступлений по поводу роли интеллектуалов и их отношений с властью. Дискуссия становится крайне оживленной. Жан-Франсуа Лиотар диагностирует появление «могилы интеллектуалов»¹³, а Морис Бланшо, отказавшись от привычного молчания, предостерегает от идеи вечного покоя интеллектуалов¹⁴. Таков контекст публичных дебатов, в котором выступает и Гваттари, разозленный этим обвинением. Он заклеил выступление Макса Галло, названное им «проповедью о размягчении мозгов у левых интеллектуалов», и в то же время оспорил

11. Феликс Гваттари, письмо Жаку Лангу, 26 сентября 1984 года, IMES.

12. Отрывки из этого открытого письма: «Экстрадиция и высылка басков, нашедших приют во Франции, наносит тяжелый, возможно, непоправимый урон доверию, которое мы, несмотря на все сомнения, испытываем к правительству Франсуа Миттерана. До сих пор право на политическое убежище рассматривалось в качестве одного из фундаментальных прав... Какую Европу мы построим такими действиями? Свободную или подчиненную требованиям социального контроля и безопасности, возведенным в культ?» (*Le Monde*, 18 октября 1984 года, под заголовком «Какую Европу мы собираемся строить?»).

13. Jean-François Lyotard, «Tombeau des intellectuels», *Le Monde*, 8 octobre 1983; переиздано в: *Tombeau des intellectuels et autres papiers*, Paris: Galilée, 1984.

14. Maurice Blanchot, «Les intellectuels en question. Ébauche d'une réflexion», *Le Débat*, N° 29, mars 1984.

саму идею того, что интеллектуалы должны обязательно становиться чьим-то рупором.

В тот же период, в конце 1983 года, Гваттари обеспокоен возрождением расизма и снова призывает ответственных политиков к серьезным действиям: «Мы имеем тот расизм, которого заслуживаем. После 10 мая уже не так очевидно, что мы имеем дело с поддержанием сложившегося положения вещей. Таким образом, неспособность правительства социалистов изменить характер социальной ткани невольно вызвала подъем расизма»¹⁵. По его мнению, избавиться от боязливости и страхов, которые вызывают отвержение другого, можно, если сделать ставку на третий сектор, то есть сектор ассоциаций. На фоне успеха Национального фронта на европейских выборах 17 июня 1984 года Гваттари снова выступает с критикой социалистов, теряющих поддержку, поскольку они не проявили приверженности политике перемен. По его мнению, социалисты вынуждены ввязаться в

...нелепое соревнование с правыми на поле безопасности, экономии и консерватизма. Хотя левые и вправду могли бы добиться всех необходимых уступок в экономике и справиться с кризисом и конверсией производства, если бы внесли реальный вклад в сборку *новых модусов коллективов высказывания*, вместо этого они дали надеждам увянуть, корпоративизму — заново утвердиться, а давним фашиствующим перверсиям — отвоевать себе место под солнцем¹⁶.

В начале 1980-х годов CINEL занимается рядом инициатив, позволяющих наглядно продемонстрировать его позицию международной солидарности. Он выступает с международным публичным призывом поддержать Никарагуанский Сандинистский фронт в борьбе с диктатурой Сомосы. Однако офис Центра, расположенный по адресу «Париж, улица Конде, 9» — не что иное, как квартира Гваттари. 26 марта 1985 года он принимает участие в международном конгрессе «по коллективным правам малых народов в Европе» в Испании, в Бильбао. Он обрушивается с критикой на презрение, с каким относятся к этому вопросу, считающемуся утратившим актуальность в момент преодоления национальных рамок и создания Европейского союза. В результате ряд меньшинств оказались «лишними»

15. Félix Guattari, «On a le racisme qu'on mérite», *Cosmopolis*, novembre 1983; переиздано в: Félix Guattari, *Les Années d'hiver*, Barrault, 1985, p. 39.

16. Félix Guattari, «La gauche comme passion processuelle», *La Quinzaine littéraire*, juillet 1984; переиздано в: Félix Guattari, *Les Années d'hiver*, p. 53.

для этого исторического движения. Гваттари называет, в частности, «палестинцев, армян, басков, ирландцев, корсиканцев, литовцев, уйгуров, цыган, индейцев, австралийских аборигенов»¹⁷. Он видит в этом партикуляристском национальном самовыражении особую форму сингулярности, которую нужно сохранить в момент всеобщей унификации, не рассматривая их при этом в качестве культурно-языковых анклавов.

Экологическая революция

В 1980-е годы Гваттари особенно активно участвует в различных экологических движениях. Прежде чем добиться первого успеха на выборах 1981 года, экологическому движению в 1970-е годы удалось провести масштабную мобилизацию, в особенности на почве протестов против атомной энергетики. Пьер Фурнье, который первым организовал крупную экологическую демонстрацию во Франции, объединившую в октябре 1971 года около 15 000 человек, попытался оседлать эту волну, запустив в ноябре 1972 газету *La Gueule ouverte*. В 1971 году по инициативе Алена Эрве была учреждена французская секция «Друзей земли», движение, в котором очень быстро лидирующие позиции занял Брис Лалонд, воплотивший в себе наследие «детей мая 1968 года»¹⁸. Впервые экология громко заявила о себе в 1974 году на президентских выборах, когда почетный президент «Друзей земли» Рене Дюмон набрал 1,32% голосов.

В июле 1977 года в Крей-Мальвиле прошла грандиозная акция протеста против строительства сверхмощного реактора *Super-Phénix*, на которую собралось 40 000 человек, несмотря на запрет префекта полиции. Дело обернулось плохо: полиция напала на демонстрантов, один человек погиб, около полусотни было ранено. Продемонстрировав способности к общественной мобилизации, в мае 1981 года экологи вышли на президентские выборы. Брис Лалонд получает 3,9% голосов, что составляет более миллиона избирателей. После выборов Лалонд институционально оформляет этот интерес к экологическим проблемам в Экологическую конфедерацию, которая отдает предпочтение разным формам ассоциаций и децентрализованным инициативам. В ноябре 1984 года на конгрессе в Клиши Эко-

17. Феликс Гваттари, «Пятый националитарный мир», доклад в Бильбао 26 марта 1985 года; переиздано в: Félix Guattari, *Les Années d'hiver*, p. 71.

18. Raymond Pronier, Vincent Jacques Le Seigneur, *Génération Verte. Les écologistes en politique*, Paris: Presses de la Renaissance, 1992, p. 27.

логическая конфедерация и организация «Экология и выживание», созданная Антуаном Вештером на востоке Франции, объединяются, создав «зеленых», которые на этой волне набирают на европейских выборах в конце года 3,4% голосов. Но организацию раздирают политические разногласия между левым крылом, которое представляют Дидье Анжер и Ив Коше, и правым крылом, возглавляемым Жаном Бриером и Антуаном Вештером. В этой атмосфере Гваттари решается наконец вступить в 1985 году в ряды Партии зеленых. Это тот самый год, когда *Rainbow Warrior*, флагманский корабль «Гринпис», был потоплен 10 июля французскими секретными службами в бухте Окленда, в Новой Зеландии. Жан Шено, позднее ставший почетным президентом французского «Гринписа», организует небольшую группу протеста «Не топи мой корабль» и устраивает плавающую акцию протеста при поддержке мэра Конфлан-Сент-Онорина Мишеля Рокара: «Сошлись на том, что мэрия даст судно, на котором мы устроим митинг на Сене, и мы наивно полагали, что там будут сотни яхт с гирляндами протеста против ядерной энергетики. Их оказалось всего пять. И Гваттари там был»¹⁹.

В кругу экологов Гваттари находит среду, восприимчивую и к его стремлению к глубоким изменениям в обществе, и к критике политики левых, стоящих у власти. Он, конечно, сразу попадает в левое крыло, альтернативное Партии зеленых. После мощного студенческого движения протеста 1985 года и выхода небольшой группы активистов из Объединенной социалистической партии Франции (PSU), которая медленно умирает²⁰, призыв к «Радуге в небе» преследует цель перегруппировки на полюсе, способном стать альтернативой традиционным левым партиям. Эту инициативу поддерживают и Рене Дюмон, и Даниэль Кон-Бендит. Гваттари подписывает обращение вместе с несколькими лидерами Партии зеленых, такими как Дидье Анжер, Ив Коше или Доминик Вуайне, но также и с теми, кто не является членом «зеленых», как, например, Ален Липиец и несколько активистов PSU. За образец было взято мощное движение немецких «зеленых», *Die Grünen*, которое сумело создать ассоциативные анклавы внутри немецкого общества и стать делегатом политической надежды. Подписанты обращения по поводу «Радуги» хотят «объединить силы для трансформации общества в радуге их многообразия». Кон-

19. Жан Шено, интервью с автором.

20. Речь идет о GOR («Рабоче-крестьянские левые»), куда входили Марк Ергон, Ален Рист, Ален Липиец, Ален Дежарден, Жерар Перьер.

гресс PSU в декабре 1986 года, на котором рассматривается возможность самороспуска партии, попросил внешних участников высказать свою точку зрения на их предложения. Гваттари вместе с Даниэлем Кон-Бендитом подготовил ответы на вопросы PSU, заявив, что нужно «поддерживать, как мы это называем, культуру диссенсуса, стремясь к углублению частных позиций, к новой сингуляризации индивидов и групп людей... Нужно стремиться не к программному соглашению, стирающему различия, но к коллективной диаграмме, позволяющей сочетать их практики в интересах каждой из групп, чтобы ни одна не подавляла другую»²¹. Видно, что это заявление насквозь проникнуто словом Гваттари.

Президентские выборы, намеченные на 1988 год, еще больше разделяют «зеленых»: на сторонников кандидатуры бывшего коммуниста Пьера Жюкена и сторонников Антуана Вештера, который занял позицию «ни правые, ни левые». Вештер предлагает свою кандидатуру и выигрывает, получив контроль над организацией и став официальным кандидатом «зеленых». Он набирает 3,89% голосов против 2,1% у Жюкена. Новый премьер-министр Мишель Рокар назначает Бриса Лалонда государственным секретарем, а потом министром экологии. В 1989 году на выборах в Европейский парламент экологи самого разного толка добиваются неплохого результата: 11% голосов, 9 депутатов.

В 1989 году Гваттари присоединяется еще к одной экологической группе, которая вышла из «Группы десяти», а именно к группе «Наука и культура», участниками которой были, среди прочих, Рене Пассе, Жак Робен и Анн-Брижит Керн. Эта группа ставила вопрос о том, как придумать новое левое движение. Первая встреча прошла в 1989 году дома у Гваттари, ее тема — информационные изменения: «С моей точки зрения, он представлял трансверсальность, и я сказал ему, что мы собираемся издавать журнал, который должен называться *Transversales*. Он присоединился к нам и написал об экофилософии во второй номер»²². Гваттари входит в группу, разрабатывающую программу журнала: «Было много интересных совещаний у Саши Гольдмана с участием Эдгара Морена, Поля Вирилио, Феликса Гваттари, Рене Пассе и меня»²³. Гваттари включает экологические идеи в многочисленные выступления, подчерки-

21. Félix Guattari et Daniel Cohn-Bendit, «Pavane pour un PSU défunt et des Verts mort-nés», octobre 1986, IMEC.

22. Жак Робен, интервью с Виржини Линар.

23. Там же.

вая дисбаланс между Севером и Югом и его катастрофические последствия, указывает на этические аспекты проблемы: «Быть ответственным за ответственность другого, говоря словами Эмманюэля Левинаса, отнюдь не значит предаваться идеалистическим иллюзиям»²⁴.

В 1990 году Брис Лалонд создает «Поколение экологии», организацию, которая должна занять позицию левее Социалистической партии, причем она допускает двойное членство. Немало видных деятелей выражают поддержку новой инициативе, среди них Гваттари, который, однако, является членом Партии зеленых. По сути, Гваттари будет состоять в двух конкурирующих организациях, так как он равно недоволен практиками и Вештера, и Лалонда. Двойное членство не по душе руководству «зеленых», которое отправляет Гваттари заказное письмо, призывая его выбрать кого-то одного и грозя исключением:

Таким образом, если ты хочешь оставаться членом «зеленых», тебе следует выйти из «Поколения экологии», по какому случаю мы просим тебя прислать нам копию твоего заявления о выходе не позже 14 мая, даты следующего заседания нашего Регионального совета... Если ответа с твоей стороны не последует, мы будем вынуждены считать тебя исключенным по факту²⁵.

Гваттари отвечает на это распоряжение тактической уловкой, заявляя, что, так как он получил это письмо только 13-го, он не имел возможности включить в свои планы совещание 14 мая, и добавляет: «Я уже давно считаю, что „зеленые“ стали организацией партийно-сектантского типа, замкнутой в себе, гораздо больше озабоченной своей внутренней бюрократической деятельностью, чем открытостью общественной жизни и изобретением новых способов политического активизма»²⁶. В то же время он добавляет, что очень критически относится к Брису Лалонду, и заявляет, что не намерен в дальнейшем участвовать в «Поколении экологии», но «поскольку я никогда формально не входил в это объединение, мне не нужно из него официально выходить»²⁷.

В начале 1992 года по случаю подготовки к региональным выборам Гваттари снова, на этот раз в газете *Le Monde*, говорит о том, насколько разногласия между Вештером и Лалондом малозначительны в сравнении со «смутным, но значимым упова-

24. Феликс Гваттари, апрель 1990 года, I МЕС.

25. Письмо секретариата Феликсу Гваттари, 7 мая 1991 года.

26. Феликс Гваттари, письмо от 13 мая 1991 года в секретариат «Зеленых», I МЕС.

27. Там же.

нием на то, что откроется „нечто новое“... Задача плюрального экологического движения — выразить это упование»²⁸. На протяжении всего 1992 года Гваттари пытается найти точки соприкосновения между «зелеными», «Поколением экологии» и другими экологическими ассоциациями. После успеха экологов на выборах 22 марта 1992 года ему удается убедить ряд активистов этих конкурирующих организаций принять совместное обращение. Сожалея об отсутствии единства и бесплодных спорах, он призывает провести Генеральные штаты экологии, которые бы выполнили функцию объединения и мобилизации.

Таким образом, последним из многочисленных сражений, которые вел Гваттари, была битва на экологическом фронте. Среди его рукописных заметок есть текст, написанный за месяц до смерти, под названием «К новой экологической демократии»²⁹, в котором он с удовлетворением отмечает, что все большая часть общественного мнения воспринимает сторонников экологического движения как единственную силу, способную поставить важнейшие вопросы эпохи по-новому. Он сожалеет лишь о том, что две составляющие этого движения, каждая из которых имеет свои заслуги, слишком сильно полагаются на модель классической партии: «Нужно, чтобы живые составляющие, присутствующие в обоих этих движениях, взаимодействовали и установили связь с движением ассоциаций»³⁰.

Однажды в конце 1980-х годов Гваттари приглашает к себе Поля Вирилио, которого знает еще со времен комитета поддержки кандидатуры Колюша. Вирилио в те годы вел книжную серию в издательстве *Galilée*. Он вспоминал: «Я пришел к нему. Мы поговорили. Мы были очень дружны, и я ему сказал: „Знаешь, я очень бы хотел опубликовать твою книгу в моей серии“. Он мне ответил: „А давай, у меня как раз есть тут одна. Никто не хочет ее публиковать“. Я посмотрел и взял ее. Он спросил, прочел ли я ее. Я сказал, что нет, но все равно возьму»³¹. Это «Шизоаналитические картографии», которые Вирилио издает в *Galilée* в 1989 году и которые без сомнения являются самой сложной, непонятной, логицистской книгой Гваттари. В ней нашел отражение семинар, который он вел с момента окончания работы над «Тысячей плато» в 1980 году³²: «Это в некотором роде архив Гваттари, а так как он мало публиковался,

28. Félix Guattari, «Une autre vision du futur», *Le Monde*, 15 février 1992.

29. Félix Guattari, «Vers une nouvelle démocratie écologique», juillet 1992, IMEC.

30. Ibid.

31. Поль Вирилио, интервью с Виржини Линар.

32. См. главу 14 настоящего издания.

его архив был мне интересен. Я понимал, что читать книгу будет трудно, но для меня это было неважно»³³. Он решил опубликовать эту книгу в престижной книжной серии по собственной прихоти, на волне восторга. Путь этой книги, между тем, окажется трудным, и ей, по сути, так и не удастся найти своего читателя³⁴.

К этой довольно большой книге Гваттари хочет добавить несколько текстов об экологии. Вирилио объясняет ему, что этого делать не следует, и предлагает опубликовать их отдельным изданием³⁵: «У меня чутье на все новое, а свежесть мысли была у Феликса определяющим элементом. Текст об экологии был таким же свежим, как и „Ризома“»³⁶. Диагноз, как оказалось, был поставлен верно: «Три экологии», вышедшие в 1989 году, пользуются успехом у читателей. Гваттари излагает в книге свое понимание экософии как необходимого соотношения политического и этического измерений вопросов трех регистров — окружающей среды, социальных связей и субъективности. Здесь снова обнаруживается его неизменное стремление учесть модусы субъективации, выстроив их, отправляясь от их точек пристрастия. Так, он констатирует, что технологический прогресс позволяет человеку высвободить время, но ставит вопрос об использовании этого свободного времени. Он подчеркивает, что в эпоху глобального рынка анализ может вестись только в планетарных масштабах. Целью новой, этико-эстетической, парадигмы будет осмысление трех регистров — ментальной экологии, социальной экологии и экологии окружающей среды. Его метод, как и в самом начале, остается трансверсальным и состоит в том, чтобы в каждой ситуации выделять потенциальные векторы субъективации, обеспечивающие раскрытие разных форм сингулярности. Благодаря информационной революции и развитию биотехнологий «на свет появляются новые модальности субъективации»³⁷. Гваттари избегает и алармистского дискурса, и жалоб. Наоборот, он радуется будущим свершениям и тому, что наступит день, когда потребуются больше обращаться к уму и инициативе людей. Именно этим его так захаровывает Япония, сумевшая «привить передовые индустрии к коллективной субъективности, сохранившей связи с довольно далеким прошлым (в случае Японии восходящим к синто-буд-

33. Поль Вирилио, интервью с Виржини Линар.

34. О положениях «Шизоаналитической картографии» см. главу 14 настоящего издания.

35. Félix Guattari, *Les Trois Écologies*, Galilée, 1989.

36. Поль Вирилио, интервью с Виржини Линар.

37. Félix Guattari, *Les Trois Écologies*, p. 62–63.

дизму)»³⁸. Именно этот конфликт призвана осмыслить новая дисциплина «экофилософия».

Идеи, изложенные в «Трех экологиях», попадают в 1989 году в контекст, в котором среда экологов разрывается между консервативными сторонниками защиты природной среды, желающими отгородиться от технического прогресса, и экологами, наделяющими свою деятельность политическим смыслом: «Меня интересовало то, что чуть ли не впервые Феликс описывал три экологии, то есть настоящее место человека в природе, вместе с которой ему нужно попытаться эволюционировать»³⁹. Поль Вирилио тоже крайне воодушевлен этой книгой: «Важно, что экология больше экологии. Экология — наука будущего. Без нее не обойтись. Экологией будут называться поиски единства между экономикой в самом сложном смысле слова и экономией в экологическом смысле. Два этих уровня сливаются, я в этом полностью убежден, как и Феликс»⁴⁰.

В «Новом экологическом порядке», вышедшем в 1992 году, Люк Ферри выступает с резкими обвинениями в адрес политической экологии. Идеи Гваттари он постарался свести к фундаменталистской, ультралевацкой концепции экологии, в которой нет места правам человека, нет публичного пространства для дискуссий и республиканских институтов. Не брезгуя передергиванием фактов, Ферри желает дискредитировать мысли соперника, в данном случае экологические идеи Гваттари, возведя их генеалогию к автору нацистских законов о защите природы Вальтеру Шенихену: «Для Гваттари, как и для Шенихена, культура — онтологическая реальность, а не абстракция: она вписана в бытие людей»⁴¹. Именно в этом проявилось полное непонимание Люком Ферри смысла экологической битвы, которую ведет Гваттари, при каждом удобном случае подчеркивавший, что его идеи не повернуты к прошлому.

Хаосмос

Последней книгой Гваттари станет «Хаосмос», вышедший в 1992 году⁴². Он позаимствовал это название у своего любимого автора, Джойса, придумавшего термин «хаосмос», которым

38. Ibid., p. 63.

39. Жак Робен, интервью с Жиржини Линар.

40. Поль Вирилио, интервью с Жиржини Линар.

41. Luc Ferry, *Le Nouvel Ordre écologique*, Paris: Grasset, 1992, Livre de Poche, 1998, p. 176.

42. Félix Guattari, *Chaosmos*, Paris: Galilée, 1992.

пользуются и Гваттари, и Делёз. Последняя книга, ставшая лебединой песней Гваттари, является, вероятно, наиболее доступным для читателя, наиболее законченным текстом из всех написанных им в одиночку. Это своего рода интеллектуальное завещание, которое он оставил в год своей смерти. Своей доступностью эта книга обязана моменту кристаллизации и всем тем теоретическим и практическим наработкам, которые Гваттари удастся в ней синтезировать, а также значительной редакции, которую выполнила его подруга, психоаналитик Даниэль Сивадон: «Мы переписывали ее два раза. Он отослал в *Galilée* совершенно нечитаемую рукопись, бессюжетную, без знаков препинания. Нам пришлось полностью ее переделывать сначала на первом наборе гранок, потом на втором»⁴³.

Гваттари поставил себе задачу создать новую эстетическую парадигму, которая должна стать результатом процесса, снова возвращающегося к субъективности, пройдя через машинное. Он снова подтверждает множественный, полифонический характер своей концепции субъекта и значение вопроса о субъективности, с которым постоянно сталкивался как психотерапевт-практик. По его мнению, трансверсальный метод наиболее эффективен, когда надо отобразить тот, порой взрывоопасный, коктейль современных субъективностей, которые охвачены конфликтом между технологической современностью и архаизирующей привязанностью. Гваттари вспоминает свою критику структурализма и его редукционизма: «Со стороны структуралистского течения было большой ошибкой претендовать на то, чтобы подвести все, что касается психики, под эгиду языкового означающего»⁴⁴. Он опирается на работы Даниэля Стерна о младенцах, чтобы показать эмерджентный, гетерогенный характер субъективности⁴⁵. В конце этого пути заметно неявное возвращение Гваттари к тому, чем было отмечено его начало, к Сартру и экзистенциальному вопросу: по его мнению, консистентность дискурсивных систем следует искать на стороне содержания, «то есть этой экзистенциальной функции»⁴⁶.

Признавая за фрейдизмом его исторический вклад, Гваттари предлагает иной подход, который не вращался бы вокруг противопоставления сознания и бессознательного, но рассматривал бессознательное как наложение гетерогенных слоев субъективности разной консистентности, производящих пото-

43. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

44. Félix Guattari, *Chaosmose*, p. 16.

45. Daniel Stern, *Le Monde interpersonnel du nourrisson*, Paris: PUF, 1989.

46. Félix Guattari, *Chaosmose*, p. 87.

ки, которые он, собственно, и пытается раскрыть в своих шизоаналитических картографиях⁴⁷. Аналитическая работа должна отсылать не к универсалиям, не к предустановленным структурам, а к «конstellации Универсума. Речь не об Универсуме координат как таковых, но об областях бестелесных сущностей, которые производятся по мере своего обнаружения... Они даются в миг творчества, как „этости“»⁴⁸. Внимание к субъективации приводит к отказу от замыкающих моделей, которые отрицают новое, поскольку ищут исключительно регулярности, значимые средние величины. Гваттари, напротив, выбирает процессуальность, необратимость и сингуляризацию. А чтобы выйти за рамки бинарных оппозиций, он предлагает «концепт онтологической интенсивности. Он предполагает этико-эстетическое ангажирование сборки высказывания»⁴⁹. Фрейдизм взял за образец невроз, тогда как, согласно Гваттари, образцом для шизоанализа является психоз: именно в нем другой оказывается по ту сторону личной идентичности, и этот разлом позволяет построить подлинный гетерогенез.

Опираясь на работы философа Пьера Леви, Гваттари показывает, почему нельзя сводить понятие машины к идее механического функционирования. С одной стороны, через все машины проходят «абстрактные машины», но в эпоху робототехники и информатики они все больше связаны с человеческим интеллектом⁵⁰. Как и Пьер Леви, Гваттари считает, что нужно разрушить «онтологический железный занавес», который философская традиция установила между духом и материей. Здесь он находит самую суть той другой метафизики, которую они с Делёзом строили в их совместных работах.

Гваттари предлагает позаимствовать у Франсиско Варелы понятие аутопоэзиса, обозначающее организмы, сами порождающие свое собственное функционирование и свои специфические пределы, но при этом расширить область его применения, перенеся его из биологии на социальные системы, технические машины и на любые эволюционирующие существа, когда эти элементы оказываются изначально включены в сингулярные сборки, сборки становления. Возвращаясь к критике сосюрковского разрыва между языком и речью и показав тесную взаимосвязь двух этих аспектов, Гваттари в конце этой книги, собравшей в себе его итоговые размышления, определяет

47. Félix Guattari, *Cartographies schizoanalytiques*.

48. Félix Guattari, *Chaosmose*, p. 33.

49. Ibid., p. 49–50.

50. Pierre Lévy, *Les Technologies de l'intelligence*, Paris: La Découverte, 1990.

новую эстетическую парадигму, которая выступает его целью. Он исходит из следующей идеи: то, что в обществах прошлого относилось к области технических или социальных императивов, в наше время воспринимается как эстетическое явление и указывает на все большую эстетизацию взаимоотношений современного человека с миром: «Эстетическая сила ощущений, как нам кажется, должна вот-вот получить привилегированное место в коллективных сборках высказывания нашей эпохи»⁵¹. Это знак того, что современная цивилизация может сохранить себя, лишь постоянно стремясь к новому. Подобный процесс трансформации то и дело ставит вопрос о субъективности, под самыми разными углами. Если субъективность точно так же, как вода или воздух, больше не является природной данностью, то «как помочь ее освобождению, то есть ресингуляризации?»⁵²

Крушение мира: 1989 год

С той же аналитической ясностью Гваттари пережил большие потрясения 1989 года: падение Берлинской стены, крушение коммунизма и завершение «холодной войны». Хотя он сознает риски сектантского и фундаменталистского замыкания в идентичности, которое происходит все чаще, его оптимизм и вечная устремленность к «лучшим становлениям» от этого несколько не страдают. Наоборот, для него это уникальный шанс «переизобрести политику»⁵³. Как только мир перестает быть разделенным на Восток и Запад, он включается в процесс интеграции по модели «мирового интегрированного капитализма», МИК. В 1987 году в *Libération* Гваттари излагает то, что понимает под «Новыми мирами капитализма»⁵⁴: одна из характеристик постиндустриального капитализма, или МИК, — переход от структур, производящих товары и услуги, к структурам, производящим знаки и субъективности, будь то медиа, социологические опросы или рекламные сообщения.

Из этих размышлений возникает очень личный текст, написанный за несколько недель до смерти автора и опубликованный посмертно в *Le Monde diplomatique*, в номере от октября

51. Félix Guattari, *Chaosmose*, p. 141.

52. Ibid., p. 187.

53. Félix Guattari, «Réinventer la politique», *Le Monde*, 8 mars 1990.

54. Félix Guattari, «Les nouveaux mondes du capitalisme», *Libération*, 22 décembre 1987.

1992 года⁵⁵. Этим текстом Гваттари желает поколебать усиливающуюся пассивность мира, наблюдающего за своей судьбой на экране, как будто она от него неумолимо ускользает, тогда как перемены могли бы на самом деле учредить новые коллективные сборки высказывания, способные повлиять на всю социальную ткань в целом. По этому случаю он снова утверждает концепцию, которая постоянно развивается, становясь в итоге почти что самоочевидной, концепцию множественности каждого человека: «Вот на чем я хочу сделать акцент: на плюралистическом, полицентричном, гетерогенном характере современной субъективности, сохраняющемся, несмотря на гомогенизацию, которой она подвергается в силу масс-медиатизации. В этом отношении индивид — уже „коллектив“ гетерогенных составляющих»⁵⁶. Фордистские и тэйлористские концепции устарели, поэтому нужно подумать о новых коллективных сборках труда, рассматривая их с точки зрения возможной трансверсальности, связывающей их со всеми остальными видами общественной деятельности. Гваттари настаивает на необходимости безотлагательного ответа на эти новые вызовы, в противном случае последствия инерции могут оказаться слишком тяжелыми и разрушительными: «Без поддержки такой субъективности различия, атипичности, утопии, наша эпоха может погрязнуть в кровавых конфликтах идентичности, подобных тем, что переживают народы бывшей Югославии»⁵⁷.

Эти отсылки к катастрофе, которую тогда переживала бывшая Югославия, и на опасность распространения военного насилия на всю планету показывают обеспокоенность Гваттари, который анализирует первую войну в Ираке в 1991 году как проявление американской гегемонии, навязавшей свое решение международному сообществу. Не отрицая важной роли иракского диктатора в развязывании войны, Гваттари говорит о ситуации искажения международного порядка, которая привела к этому катастрофическому итогу. Составляющие этой ситуации — сообщничество мировых держав в конфликте между Ираком и Ираном, нерешенные палестинский и ливанский вопросы, политика крупных нефтяных компаний и «вообще тот факт, что отношения между Севером и Югом развиваются все в том же катастрофическом режиме»⁵⁸.

55. Félix Guattari, «Pour une refondation des pratiques sociales», *Le Monde diplomatique*, octobre 1992.

56. Ibid.

57. Ibid.

58. Félix Guattari, «Le courage d'une politique», *Lettre d'information de Génération Écologie*, N° 6, 28 janvier 1991.

Война в Ираке вызывает столь же сильное отторжение и у Делёза, который вместе со своим коллегой по университету Париж-VIII Рене Шерером подписывает необычайно резкий текст: «Мерзкая война»⁵⁹. В нем авторы разоблачают уничтожение иракского народа под предлогом освобождения Кувейта Пентагоном, представленным как «орган государственного терроризма, экспериментирующий со своим оружием»⁶⁰. Они также обрушиваются с критикой на французское правительство, порицая его за излишнюю сговорчивость: «Наше правительство не перестает отрицать собственные заявления и все сильнее втягивается в войну, которой у него была возможность воспротивиться. Буш поздравляет нас, как поздравляют слуг»⁶¹.

По настоянию друга Гваттари Саши Гольдмана в этой атмосфере после войны в Персидском заливе и в самый разгар войны в бывшей Югославии начинается многоэтапный диалог между Гваттари и Полем Вирилио. Они провели три сессии: 4 мая, 22 июня и 4 августа 1992 года: «Война в Испании была лабораторией... Война в Персидском заливе, война в Югославии — лаборатории для чего-то, что придет позже... То, что произошло в 1990-е годы, кладет конец оружию массового поражения, которое меняется на оружие массовой информации»⁶². В этом диалоге Гваттари постоянно возвращается к своему главному вопросу о способах трансформации субъективности, связывая новые военные технологии, новые стратегии с «условиями производства субъективности, с которыми они смыкаются»⁶³. Саша Гольдман посылает партнерам распечатку этого диалога в августе. Вирилио сидит за корректурой текста, когда раздается телефонный звонок от Антуана де Годемара: «Он сказал: „Поль, знаешь, что случилось с Феликсом?“ Я ответил: „Нет, он разозлился?“ Потому что мы немного повздорили, и я думал, что он больше не хочет писать со мной книгу. А он мне ответил: „Нет, он умер“»⁶⁴.

59. Gilles Deleuze, René Schérer, «La guerre immonde», *Libération*, 4 mars 1991.

60. Ibid.; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 351.

61. Ibid., p. 351.

62. Paul Virilio, «Le concept de guerre», transcription dactylographiée du dialogue avec Guattari, du 4 août 1992, IMEC.

63. Félix Guattari, ibid., dialogue du 4 mai 1992.

64. Поль Вирилио, интервью с Виржини Линар. См. главу 28 настоящего издания.

Глава 22

Делёз идет в кино

НАЧИНАЯ утром 10 ноября 1981 года свой курс, посвященный кино, мог ли Делёз по-настоящему измерить открывшийся ему фронт работ? Он посвятит этому курсу не меньше трех университетских лет¹, 250 часов лекций и две книги². Этот новый цикл изысканий разворачивается непосредственно после совместной работы с Гваттари. Можно ли считать это исследование, выходящее за классические рамки философии, своеобразным отдыхом? Едва ли. Как это часто бывает, вторжение в область кинематографа вызвано случайными и внешними факторами и в то же время внутренними потребностями его философской мысли.

Попутчик *Cahiers du cinéma*

В 1980 году экспериментальный университет Париж-VIII уезжает из Венсенского леса, откуда его изгнала министр университетов Алис Сонье-Сеите, и должен искать пристанище в Сен-Дени. Помимо сокращения площади, переезд имеет последствия и для научной жизни и преподавания. Кризисная ситуация способствовала некоторым плодотворным сближениям, например, между факультетом кино- и аудиовизуальных искусств Венсена и философским факультетом³. Обучение объединяло теорию и практику, на факультет приглашали кинематографистов — например, там читал курсы Жак Риветт. Когда в 1970 году этому решили положить конец, на его место пригласили одного из ре-

1. 1981–1982; 1982–1983; 1984–1985.

2. Жиль Делёз, *Кино*, Москва: Ад Маргинем, 2004.

3. Факультет кино университета Венсен родился из факультета «искусств», образованного при создании Парижа-VIII осенью 1968 года. Но большой приток студентов очень быстро заставил разделить этот переполненный факультет. Несколько преподавателей образовали факультет кино, чтобы удовлетворить тягу к седьмому искусству.

дакторов *Cahiers du cinéma* Жана Нарбони: «В министерстве нам смеялись в лицо, когда мы просили оборудование для съемок. Нам говорили, что мы обесцениваем университет, что это недостойно, что для этого есть киношколы, но мы держались за эту связь теории и практики»⁴.

Факультет кино разрабатывает специальную программу с дипломами. Но чтобы открыть аспирантуру, нужно было найти профессоров с правом научного руководства диссертантами: руководство обратилось к философскому факультету. Ги Фиман и Клодин Эзикман, бывшие участники «Движения 22 марта», с самого начала руководившие факультетом, сохранили очень хорошие отношения с Жаном-Франсуа Лиотаром. Со своей стороны, Жан Нарбони и другие, например, режиссер Серж Ле Перон или Жан-Анри Роже, а также специалист по эстетике кино Доменик Виллен, скорее принадлежат к делезианцам. С конца 1970-х годов Фиман и Эзикман решают посвятить свой семинар осмыслению кино в категориях Бергсона:

В связи с этим сложилась новая ситуация, в которой диссертационные исследования по кино на нашем факультете получили поддержку коллег-философов, Жана-Франсуа Лиотара, посвятившего свой семинар возвышенному, и Жили Делёза, воспользовавшегося случаем, чтобы наконец соединить свою любовь к кино с философскими интересами⁵.

В книге Делёза о Бергсоне, вышедшей в 1966 году, действительно нет упоминания его вклада в осмысление кино⁶. Связь между Бергсоном и кино Делёз впервые проведет в своем интервью о Годаре в *Cahiers du cinéma* в 1976 году⁷.

Наряду с серьезными диссертациями встречаются и совсем странные: так, Делёзу предлагают руководить диссертацией о кукольном театре в Ливане: «Делёз позвонил мне и сказал, что совершенно некомпетентен в этом вопросе, я ответил, что я тоже»⁸. Когда Делёз уже собирался великодушно подписать эту заявку и поддержать исследование, ливанские студенты его предостерегли: в Ливане никогда не существовало кукольного театра, и есть подозрения, что человек, принесший заявку, — агент полиции. «В другой раз речь зашла об исследовании

4. Жан Нарбони, интервью с автором.

5. Guy Fihman, «Deleuze, Bergson, Zénon d'Élée et le cinéma», dans Olivier Fahle, Lorenz Engell (sous la dir.), *Le Cinéma selon Deleuze*, Paris; Weimar: Verlag der Bauhaus-Universität; Presses de la Sorbonne nouvelle, 1997, p. 66.

6. Gilles Deleuze, *Le Bergsonisme*, PUF, 1966.

7. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 54–66.

8. Жан Нарбони, интервью с автором.

места рабочих в сирийском кино, и Делёз снова позвонил мне, чтобы сообщить, что не разбирается в теме, и снова я признался ему, что знаю не больше его»⁹.

Когда студент из Бразилии Андре де Суза Паренте, приехавший из университета Рио-де-Жанейро, где он впервые познакомился с работами Фуко и Делёза, переводится в 1982–1983 учебном году в университет Париж-VIII, на его счету уже несколько экспериментальных фильмов. Приехав в Париж писать диссертацию по кино, он поступил в университет Париж-VIII, но не нашел никого, кто бы мог ей руководить. Официальным руководителем его диссертации Делёза назначил факультет кино. Эта административная случайность принесла Паренте удачу. Больше увлекающийся философией, чем теорией кино, он прилежно посещает лекции Делёза и представляет ему свою диссертационную работу под названием «Нарративность и ненарративность в кино». Делёз, поначалу не хотевший им заниматься, отсылает его на факультет кино, но студент настаивает на том, чтобы он дал свой отзыв. «Делёз прочитал мою диссертацию, и с этого момента все переменялось. Он сказал мне: „Я не только нахожу все это очень интересным, но вы вообще будете нужны мне в следующем году“. Он собирался читать курс по вопросам семиологии»¹⁰. Паренте защитил диссертацию в 1988 году под руководством Делёза¹¹.

Делёз показал себя синефилом задолго до того, как написал две свои книги. Критик *Cahiers du cinéma* Серж Тубианá вспоминает, что с середины 1970-х годов регулярно встречал Делёза на «Неделе неофициального кино» в кинотеатре «Аксьон-Републик», которую каждый год проводил журнал: «Когда мы регулярно видели его в толпе зрителей, пришедших открывать „наши“ фильмы, у нас возникало чувство гордости»¹². По мнению Тубианá, Делёз был единственным из больших мыслителей этого времени, «по-настоящему любившим кино»¹³. Очень скоро он понял силу кино и необходимость осмыслить этот новый способ выражения для того, чтобы осмыслить мир.

9. Там же.

10. Андре де Суза Паренте, интервью с автором.

11. Он опубликует книгу на эту тему только в 2005 году. На тот момент он занимает пост директора Центра исследований культуры и технологии образов в федеральном университете Рио-де-Жанейро (André De Souza Parente, *Cinéma et narrativité*, Paris: L'Harmattan, 2005; эта книга была уже опубликована в Бразилии с предисловием Раймона Беллупа).

12. Serge Toubiana, «Le cinéma est deleuzien», *Cahiers du cinéma*, № 497, décembre 1995, p. 20.

13. Ibid.

Из этого выросла настоящая встреча между критиками *Cahiers du cinéma* и Делёзом, поэтому в некрологе на смерть Делёза Тубианá напишет: «Кино — это движение мысли. Кино — делезианское»¹⁴.

Первое публичное вступление Делёза на тему кино датируется 1974 годом. Тогда он встал на защиту фильма Уго Сантьяго «Другие», вызвавшего скандал на Каннском фестивале, в котором сыграла молодая жена его друга Франсуа Шатле — Ноэль. В этом фильме ему импонирует подвижность камеры, которую Делёз сравнивает с жестами человека, сажающего рис: он не закапывает зерно в землю, а производит как бы множество уколов¹⁵.

Три года спустя, после того как Министерство внутренних дел в 1976 году запретило большое количество фильмов, в феврале 1977 года под запрет попадает и фильм Даниэля Шмида «Тень ангелов». Около пятидесяти кинематографистов, критиков и несколько интеллектуалов подписывают петицию протеста против того, что им представляется ограничением свободы выражения, тем более что решение властей сопровождается актами насилия, например, в кинотеатре «Сент-Андре-дез-Ар» запускают петарды, чтобы распугать и без того немногочисленных зрителей. Противники фильма считают его антисемитским, с чем не соглашались подписавшие петицию и Делёз, опубликовавший 18 февраля 1977 года колонку в *Le Monde*.

Хотя Делёз не отрицает, что антисемитские фильмы существуют, в данном случае он констатирует «идиотизм обвинения. Какой-то бред»¹⁶. Да, в фильме есть персонаж, названный «богатым евреем», но ведь режиссер объяснил, что постоянно стремился устанавливать дистанцию между лицами, актерами и их словами. Без толку искать мотивы этого «бредового обвинения в антисемитизме»¹⁷: Делёз предупреждает о росте неофашизма, вызванного накопившимися мелкими страхами и большими тревогами, а также микропроявлениями фашизма, частью которых стал запрет этого фильма.

Поддержка, оказанная Делёзом фильму Шмида, стоила ему резкой отповеди в той же газете от его старого друга Клода Ланц-

14. Serge Toubiana, «Le cinéma est deleuzien», p. 21.

15. Gilles Deleuze, «Un art de planteur», dans *Deleuze, Faye, Roubaud, Touraine parlent de «Les Autres» — un film de Hugo Santiago, écrit en collaboration avec Adolfo Bioy Casares et Jorge Luis Borges*, Christian Bourgois, 1974; переиздано в: *L'île déserte et autres textes*, p. 401–403.

16. Gilles Deleuze, «Le juif riche», *Le Monde*, 18 février 1977; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 123.

17. Ibid., p. 124.

мана: тот поведал публике о глубокой пропасти, образовавшейся между ними с послевоенных лет. Ланцман считает, что антисемитизм этого фильма очевиден: «Законное дитя „Еврея Зюса“ и „Вечного жида“, прямой наследник нацистских картин времен расцвета, „Тень ангелов“, антисемитский фильм Р. В. Фассбиндера и Даниэля Шмида, тем не менее был обелен левой критикой во Франции»¹⁸. Ланцман напоминает, что год назад израильская делегация покинула зал Каннского фестиваля в знак протеста против показа этой картины, и обвиняет синефильскую тусовку в «терроризме». Он обрушивается на Делёза, вставшего на защиту чудовищного: «Так и быть, слащаво признает Делёз, выражение „богатый еврей“ очень важно. Не слово важно, Делёз, а вещь. И не просто важно, в нем вся суть. Без „богатого еврея“ — и Делёз знает это — фильма бы не было»¹⁹.

Связь Делёза с *Cahiers du cinéma* в эти годы обеспечивает Жан Нарбони. Впервые о Делёзе ему рассказал Барбе Шрёдер: однажды в 1964 году он пришел в редакцию и восторженно отозвался о книге, которую только что прочел, «Пруст и знаки» Делёза. Однако знакомство произошло не сразу, поскольку *Cahiers* начиная с середины 1960-х годов переживал маоистский период. Журнал придерживался гипертеоретической, лаканально-тюдессерианской линии, слегка одобренной популизмом «Маленькой красной книжицы» председателя Мао, и решительно разошелся с буржуазным кинематографом. Эта линия привела к разрыву отношений с Франсуа Трюффо, потребовавшим в начале 1970-х годов, чтобы его имя больше не упоминалось в журнале. Все это пагубно сказалось на продажах²⁰. После 1968 года образовался так называемый «Фронт Q» (культурный), в который входили *Tel Quel*, *Cahiers* и *Cinéthique*, в результате на страницах *Cahiers du cinéma* развернулись разгромные кампании против Ива Буассе, Луи Маля, Жана-Луи Бертюселли и других «буржуазных» режиссеров. В 1972 году через Паскаля Бонитцера журнал поддержал «Мамочку и шлюху» Жана Эсташа и «Большую жратву» Марко Феррери, оставшихся совершенно недооцененными: «У меня было чувство полного тупика. Нам были адресованы великие произведения искусства, а мы были неспособны их смотреть»²¹.

18. Claude Lanzmann, «Réponse à Gilles Deleuze. Nuit et Brouillard», *Le Monde*, 23 février 1977.

19. Ibid.

20. В период с 1968 по 1973 год тираж журнала падает с 15 000 проданных номеров (по подписке и в киосках) до 3403! Цифры взяты из: Antoine De Baecque, *Cahiers du cinéma, histoire d'une revue*, tome 2, Paris: Cahiers du cinéma, 1991, p. 225.

21. Серж Тубианá, интервью с автором.

Хотя журнал четко выражает свою приверженность революционному движению, этого все равно недостаточно, и летом 1973 года *Cahiers du cinéma* должны доказать свою лояльность и объединить активистов, чтобы пропагандировать идеи председателя Мао. На это, в соответствии с новой программой «Фронта Q», журналу дается всего год. Однако с этого момента ситуация начинает меняться: левое движение и маоизм идут на спад. Линия журнала на какое-то время еще больше сужается: теперь он одобряет только Жана-Мари Штрауба и Жана-Люка Годара, ЖМШ и ЖЛГ.

Под влиянием Сержа Данея и Сержа Тубианá новая команда, расположившаяся в редакции на Буль-Бланш, в квартале Бастилии, отказывается от догматической линии и возвращается к «критической функции» (Серж Даней), а журнал, соответственно, — к своим читателям. К Штраубу и Годару добавляется множество иностранных режиссеров: Роберт Крамер, Ханс-Юрген Зиберберг, Мануэл ди Оливейра, Юсеф Шахин, Рауль Руис, Акира Куросава, Вим Вендерс, Барбе Шрёдер и другие. Журнал, ищущий в том числе новые теоретические источники, обращается к Мишелю Фуко, Марку Ферро, Даниэлю Сибони. Редакция *Cahiers*, Паскаль Бонитцер, Серж Даней и Серж Тубианá, берет длинное интервью у Фуко, опубликованное в сентябре 1974 года. По этому случаю Тубианá знакомит Фуко с Рене Аллио, которые займутся экранизацией его исследования о Пьере Ривьере. Даней и Тубианá восстановят отношения с Трюффо и в 1975 году попросят его о финансовой помощи. Он им ее не предоставит, однако объявит, что отныне относится к журналу с доброжелательной нейтральностью: «Он сказал, что не ставил нам в вину политическую ориентацию, но его раздражало, что мы оставили название *Cahiers du cinéma*, принадлежавшее традиции Базена, и при этом сделали с журналом то, что сделали. Он намекнул, что нужно было изменить название, что мы предали базеновское наследие»²².

Вот в таком контексте летом 1976 года телеканал *Antenne 2* начинает показывать по воскресеньям шесть недель подряд сериал Годара «Шесть раз по две»²³. Жан Нарбони, как и Делёз, преподающий в Венсене, решил воспользоваться случаем, тем

22. Серж Тубианá, интервью с автором.

23. «Шесть раз по две/О и про коммуникацию» — серия передач, выходивших на телевидении в 1976 году с предупреждением о том, что в них нет привычных характеристик других программ. В этой серии Годар предлагает размышления о коммуникации и, в частности, о производстве, передаче и получении информации на телевидении. В каждой из шести программ две дополняющие друг друга части: одна теоретическая, о производстве

более что от Каролин Шампетье он узнал, что Делёз высоко ценит Годара и что на него большое впечатление произвел этот сериал. Итак, Нарбони берется за перо, чтобы попросить Делёза написать о Годаре в *Cahiers du cinéma*. Делёз согласен на интервью, которое и было записано в редакции журнала. По его окончании Делёз не позволил публиковать расшифровку и предложил написать симулякр интервью под названием «Три вопроса о „Шесть раз по две“», в котором было бы четыре вопроса, придуманных им самим:

Это «интервью» о «Шесть раз по две» нас потрясло. Он намечает линии осмысления творчества Годара, которые с тех пор многократно подхватывали, цитировали, повторяли, воровали: творческое заикание, урок слов и вещей, политика границ, изобретение иностранного языка внутри своего родного, населенное одиночество и так далее²⁴.

Делёз выражает здесь надолго сохранившуюся эмоцию, а Годар выступает как одинокий ремесленник, чем-то напоминающий его самого, как тот, кто накладывает отпечаток на свое время, не зная настоящего успеха, прочерчивая «свою собственную линию, — линию активного ускользания, всегда ломаную, зигзагообразную, подпольную»²⁵.

Делёзу нравится фраза Годара «никаких верных образов, только образы», которую он возводит в принцип философии: «Никаких правильных идей, просто: идеи (*pas d'idées justes, juste des idées*)»²⁶. Делёз считает, что режиссер поднимает настоящую проблему, когда отменяет понятие рабочей силы, предлагая выплачивать телезрителям вознаграждение за то, что они предоставляют общественную услугу. Еще один сдвиг, произведенный Годаром, связан с тем, что он поставил радикальный вопрос об информации как форме управления. Делёз воспроизводит анализ Андре С. Лабарта, который в начале 1960-х годов отметил, как Годар стирал переходы, заменяя их на соединительное «и», тем самым разрушая линейность повествования за счет ложных монтажных стыков между эпизодами.

Эта публикация стала исходной точкой для регулярных встреч и дискуссий между Делёзом и Нарбони. Они видятся все чаще, особенно после выхода в 1979 году совместной кни-

и потреблении образов, вторая — интервью с кем-либо, предлагающим субъективную точку зрения.

24. Jean Narboni, «Gilles Deleuze... une aile de papillon», *Cahiers du cinéma*, № 497, décembre 1995, p. 24.

25. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 55. Перевод изменен. — Прим. пер.

26. Там же, с. 56. Перевод изменен. — Прим. пер.

ги Делёза и Кармело Бене под названием «Наложения». Итальянского режиссера особенно активно защищал журнал и сам Нарбони, которого глубоко потряс его фильм «Богоматерь турок», вошедший в 1968 году в программу Венецианского кинофестиваля. Второй фильм Кармело Бене представлен в 1971 году на обложке журнала, и Нарбони встречается с ним в один из его приездов в Париж, в тот момент, когда Бене решил бросить кино и заниматься исключительно театром. Они дискутируют в присутствии специалиста по итальянской литературе Жан-Поля Монганаро и Делёза. В Венсене Нарбони преподаёт этажом выше Делёза, и один из его студентов вспоминает, как был заинтригован, когда, упоминая своего друга Нарбони, «он [Делёз] показывал пальцем в потолок так, словно там была трансцендентная инстанция, которая могла воплощать высшую власть»²⁷. Оба они приходили заранее во вторник утром, чтобы не опоздать на лекцию, и у них было время пообщаться друг с другом, прежде чем пойти к студентам.

Публикация «Анти-Эдипа» в 1972 году несколько поколебала марксистско-ленинистскую линию *Cahiers*. Поначалу мало что изменилось, однако со временем благодаря тематике этой работы уверенность редакции в своей правоте дала трещины, через которые пробьются потоки желания. Паскалю Бонитцеру этот урок пригодится позднее, во второй половине 1970-х годов, когда он будет отстаивать эстетику кино и напишет множество статей о «взгляде-камере», «закадровом пространстве» или «декадрировании». Осенью 1977 года с длинными теоретическими текстами было покончено, на их место пришло кино как таковое, и тогда Паскаль Бонитцер открыто заявил о потребности в нарративе: «Почему мы так яростно противились этому? Сегодня почти повсюду чувствуется недостаток историй, хороших историй»²⁸. В этом контексте, как считает Бонитцер, выступления Делёза, посвященные кино, вносят особенно свежую ноту, в частности в сравнении с семиологическими теориями Кристиана Метца, которые, по его мнению, ничего не дали для критики. Кинематографическое искусство «находит выражение в произведениях, это не язык, который выражается через систему узуса. Делёз был глубоко погружен в кино как произведение и имел очень живое и личное понимание режиссеров, которых мы любили»²⁹.

27. Жан Нарбони, интервью с автором.

28. Паскаль Бонитцер (1977), цит. по: Antoine De Baecque, *Cahiers du cinéma, histoire d'une revue*, tome 2, p. 296.

29. Паскаль Бонитцер, интервью с автором.

Делёз, со своей стороны, регулярно наведывается в редакцию *Cahiers* и посещает программы, которые в «Студии 43» организует Доминик Паини: «Иногда он приходил со своей дочерью Эмили, которая сама снимала фильмы, а иногда с женой Фанни»³⁰. Паини, стремившийся делать продуманные, рефлексивные программы, обычно подбирал старые и новые фильмы под какую-то тему. Так, среди прочего, он подготовил для своего зала программу «Роль водных путей и рек в формировании кинематографического письма во французском кинематографе со времен немого кино». Эта тематика воды, лабильности попадет в «Образ-движение» в качестве характеристики французского кино, на которое наложили важный отпечаток водные магистрали, проходящие по территории Франции — лучше всех это сумел выразить Жан Ренуар.

Жана Нарбони особенно поражает способность Делёза строить классификации и таксономии, и он в шутку выдвигает гипотезу, что теоретическая ячейка у него наверняка должна предшествовать содержанию. Нарбони считает, что в лучшее из написанного о кино следует обязательно включить то, что Делёз писал об образе-влечении, аффекте, крупном плане, лице, силах и качествах. Делёз проводит между первородным миром глубин (Штрогейм, Бунюэль, Николас Рэй, Кинг Видор, Лоузи) и экстракорпоральными сущностями (Дрейер, Брессон) трансверсальную линию, «явно связанную с двумя другими линиями, линией мозга и линией мысли, города-мозга. Думаю, что его любимым режиссером был скорее всего Рене»³¹.

Доказательством близости к *Cahiers du cinéma* служит предисловие, которое Делёз написал к книге Сержа Данея «Кино-журнал»³². Делёз видит в Данее человека, который, как и он сам, ищет глубокую связь между мыслью и кинематографом в духе критической традиции Базена и *Cahiers du cinéma*. Делёзу нравится, как Даней сумел отыскать основания для критического оптимизма в устремлениях первых режиссеров, таких как Эйзенштейн или Ганс, погубленных трагедиями XX века: «Кино остается связанным не только с мышлением коллективным и триумфальным, но и с мышлением рискованным, сингулярным, которое улавливается и сохраняется уже только в своей „немощи“»³³. Наконец Делёз располагает книгу Данея под знаком путешествия, но не такого, в кото-

30. Доминик Паини, интервью с автором.

31. Jean Narboni, «Gilles Deleuze... une aile de papillon», p. 25.

32. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 95–111.

33. Там же, с. 99.

рое отправляются в поисках экзотики, а в прустовском смысле — путешествия мечтателя, которому требуется проверить собственные догадки: «И вот то, что вы, со своей стороны, желаете проверить в своих путешествиях, — тот факт, что мир на самом деле создает свое кино, не перестает его создавать»³⁴. Несмотря на это теплое предисловие, Даней и Делёз встречались редко, всего два раза. Отвечая на их взаимное желание увидеться, Раймон Беллур, работающий в журнале *Trafic*, организует в 1992 году за два месяца до смерти Данея последнюю встречу между ними.

Делёз-синефил в основном остается верен линии Базена³⁵: в его пантеон входит та же самая триада Росселлини-Ренуар-Уэллс и, подобно Базену, основателю *Cahiers du cinéma*, он видит в итальянском неореализме главное событие кинематографа модерна. Кино как нечистый жанр — инструмент, дающий возможность нового подхода к реализму. Для Базена, который был учеником Эммануэля Мунье и испытал на себе влияние феноменологии, «экран — транссубстанциация реального, и у этого феномена есть имя: реализм»³⁶. Этот реализм, однако, не то, что отсылает к простому мимесису реального, потому что камера всегда ищет в реальном «таинственного другого» реальности, который ее подтачивает, при этом удостоверяя³⁷. Делёз усвоил интеллектуальное наследие *Cahiers du cinéma*: «Не думаю, что он ставил под сомнение большую тему „Новой волны“. По большей части он принял историю кино такой, как до него ее понимали Ланглуа, „Новая волна“, Базен, *Cahiers du cinéma*, Трюффо и Годар»³⁸.

Близость с *Cahiers du cinéma* не исключает другие влияния. Решив писать о кино, Делёз связывается со своим бывшим учеником по лицею Людовика Великого, который стал главным редактором журнала *Positif*, Мишелем Симаном: «Он сознавал, что у него был длительный перерыв в знакомстве с кино. Ему нужны были материалы, которыми я его снабдил»³⁹. Делёз несколько раз встречался с ним в кафе *Wepler* на площади Клиши. Симан порекомендовал ему несколько книг и дал подборки журнала *Positif*, в том числе с блоками статей о Лоузи, Казане и вообще об американском кино, своей главной страсти: в начале 1980-х годов Симан опубликовал две книги о нем, которыми

34. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 109.

35. См.: Dudley Andrew, *André Bazin*, Paris: Cahiers du cinéma, 1983.

36. Antoine De Baecque, *Cahiers du cinéma, histoire d'une revue*, tome 1, p. 58.

37. André Bazin, *Qu'est-ce que le cinéma?*, Paris: Cerf, 1976.

38. Серж Тубианá, интервью с автором.

39. Мишель Симан, интервью с автором.

Делёз будет активно пользоваться⁴⁰. Симан же, со своей стороны, использовал «Представление Захер-Мазоха» Делёза, когда писал 1967 году небольшую брошюру об Эрихе фон Штрогейме.

Третий важный журнал о кино, которым пользуется Делёз, — *Le Cinématographe*, основанный в 1970-е годы Жаном Фьески, выходцем из *Cahiers du cinéma* и *La Nouvelle Critique*. Среди тех, кто пишет в этот журнал, сильнее связанный с профессиональными кругами, — продюсеры, такие как Филипп Каркассон, или сценаристы, как сам Фьески или Жером Тоннер. Родившийся в какой-то мере как ответ на слишком идеологизированный дискурс *Cahiers du cinéma*, *Le Cinématographe* ратует за кино, которое проходит через письмо: «Это было начало эготистской эпохи, хотя никто и не писал от первого лица, но было особое инвестирование»⁴¹. У журнала дендистская репутация, и, хотя он в основном рассказывает об актуальном кинематографе, в нем публикуются также подборки об итальянском неореализме, Висконти, Годаре, кинематографе третьего мира... Так или иначе, везде один и тот же пантеон режиссеров, за исключением нескольких нюансов, меняющихся от журнала к журналу. Мишель Симан даже считает Делёза «позитивистом»: он сходил с *Positif* в своей любви к Казану, Лоузи или Кубрику. Но, как мы видели, Делёз остается близок к *Cahiers du cinéma* и всем сердцем поддерживает их в битве за Хичкока: «Критики из *Positif*, которые были преимущественно либертарианцами, сюрреалистами, были в ужасе от того, что *Cahiers* делал из Хичкока воплощение искупления, сводя все к греху, признанию, исповеди, и они критиковали эти взгляды в шутливой манере»⁴².

Вспомним, что *Cahiers du cinéma*, со своей стороны, проигнорировали (маоизм, ничего не поделаешь) Скорсезе, Олтмена, Копполу и многих других американских режиссеров, якобы испорченных империализмом. Кроме того, две синефилии различаются своими индивидуальными симпатиями: у *Positif* это определенный вид левого итальянского кино, Антониони и Висконти, а также Бунюэль и Франжю, тогда как *Cahiers* выступают прежде всего за Хичкока и Росселлини. В 1960-е годы оба журнала сближает поддержка молодого кинематографа Восточной Европы, третьего мира или Канады.

Делёз так глубоко погрузился в мир кино, что даже мельком появляется перед камерами, приняв дружеское предложение

40. Michel Ciment, *Kubrick*, Paris: Calmann-Lévy, 1980; *Les Conquistadors d'un nouveau monde: essais sur le cinéma américain*, Paris: Gallimard, 1981.

41. Ален Мениль, интервью с автором.

42. Мишель Симан, интервью с автором.

Мишель Розье сыграть эпизодическую роль Ламменэ в ее фильме о Жорж Санд «Жорж кто?», вышедшем в 1974 году. Он появляется два раза, в салоне и в тюремной камере в Сен-Пелажи. В конце 1970-х годов он какое-то время колеблется, когда Филипп Вено и Раймон Беллур, писавшие сценарий по «Дневнику» Жюля Мишле, предлагают ему сыграть уже главную роль, самого Мишле⁴³.

Новая бергсоновская метафизика

В ходе этого путешествия в кинематографическую вселенную Делёз может снова выйти во внефилософские миры. Показывая, что кино предвещает настоящую философскую революцию, он выдвигает чисто философский проект, уточнив позднее, что не ставит перед собой задачу написать историю седьмого искусства.

В своих размышлениях Делёз следует в русле Бергсона, у которого заимствует некоторые открытия, доводя их до логического конца: «Открытие Бергсоном „образа-движения“ и более глубокого „образа-времени“ по сей день сохраняет столь громадное значение, что нельзя сказать наверняка, все ли последствия этого открытия нам известны»⁴⁴. Делёз находит это новое в «Материи и памяти», работе, опубликованной в 1896 году, до официального рождения кинематографа. В «Творческой эволюции», изданной в 1907 году, Бергсон откажется от развития своих ранних гипотез. За этот проект почти столетие спустя возьмется Делёз, приняв вызов, который Бергсон бросил на полпути, когда взялся критиковать присущую кино механическую иллюзию. Тем не менее ему пришла в голову идея возможной философской революции, аналогичной той, которая в тот самый момент зарождалась в области кино.

Делёз берет у Бергсона три тезиса о движении. Первый сводится к тому, чтобы преодолеть путаницу между движением и пройденным пространством. Если движение отсылает к акту, акту прохождения, который не поддается делению, то пространство, в свою очередь, делимо. Движение, таким образом, возникает из другого измерения, образованного длительностью. Хорошо известно, что для иллюстрации трудностей, связанных с пониманием движения, используется знаменитый парадокс Зенона об Ахилле, который никогда не сможет догнать чере-

43. Раймон Беллур, интервью с автором.

44. Жиль Делёз, *Кино*, с. 39.

паху, пустившуюся в путь раньше него, если пользоваться простым пространственным делением движения каждого из них. Кроме того, Бергсон полагает, что невозможно передать движение при помощи неподвижных срезов, производимых на траектории. Есть несводимость движения, которое не возникает из абстрактного времени. Если Ахилл в конце концов все-таки обгонит черепаху, это произойдет потому, что его движение несоизмеримо. Каждое движение определяется и производится в соответствии со своими собственными делениями. Не является ли чистое движение, отделенное от своего пространственного субстрата, тем самым движением, которое может выразить кино?

Второй тезис Бергсона состоит в том, что есть два способа воспроизводить движение в соответствии с неподвижными срезами: либо через привилегированные моменты, либо через какие-угодно-мгновения, определяемые в зависимости от их равноудаленности. Старая философия рассматривала движение с точки зрения привилегированных моментов. Второй способ, наоборот, проистекает, согласно Бергсону, из современной науки; она вводит время как специфическую переменную и требует новой метафизики: «Современная научная революция состояла в соотношении движения уже не с привилегированными моментами, а с каким-угодно-мгновением»⁴⁵. Этот второй способ, собственно, и есть манера кинематографической техники, и Делёз задается вопросом, не несет ли кино в себе ту новую метафизику, к которой стремился Бергсон: «следовало бы сказать: кино как метафизика»⁴⁶. Таким образом, нужно мыслить время, как его мыслил Бергсон, как изобретение: «Либо время есть изобретение, либо оно ничто»⁴⁷.

Третий тезис состоит в том, что не только мгновения — неподвижные срезы движения, но и движение есть «подвижный срез длительности, то есть глобального или какого-нибудь частного целого. А это подразумевает, что в движении выражается нечто более глубокое, относящееся к изменению в длительности или в целом»⁴⁸. Тогда надлежит рассматривать временную перспективу как неотъемлемую часть образа, показываемого в кино, а из этого следует, что образ — больше чем образ в движении, что он сам — образ-движение. Но целое, о котором идет речь, настаивает Делёз, ни в коем случае не является тотально-

45. Там же, с. 43.

46. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII 1 декабря 1981 года, аудиовизуальный архив, BNF.

47. Анри Бергсон, *Творческая эволюция*, ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001, с. 323.

48. Жиль Делёз, *Кино*, с. 48.

стью, замкнутой в самой себе. Наоборот: «Целое не замкнутый ансамбль, оно само открытость, измерение интервала, который меняется и тем самым длится и производит новое»⁴⁹. Этот аспект открытости позволяет памяти двигаться в глубине времени: «Это открытый план. В этом заключен дух кино»⁵⁰.

В «Материи и памяти» Бергсон даже различает два вида образов: образы-время как феномены поверхности, происходящие из актуального, и образы-воспоминания, появляющиеся из глубины и отсылающие к виртуальности. Затем, сосредоточившись только на поверхностных образах, он различает образы-восприятия, образы-действия и образы-аффекты. Именно благодаря этому последнему измерению, измерению аффектов, которое помечает совпадение между субъектом и объектом как источник особого качества, движение перестает быть чистым переводом и становится «движением выражения»⁵¹. Что-то занимает промежуток между образом-восприятием и образом-действием, не наполняя его смыслом, и это образ-аффект.

Еще одна вещь, которую Делёз берет у Бергсона, — путь, отличный от пути, по которому идет феноменология. На рубеже веков классическая психология переживает тяжелый кризис. Она уже не в состоянии мыслить разделение между образами, место которых в сознании, и движением, которое внеположно ему. Открываются два пути выхода из этого тупика. Феноменология Гуссерля определяет сознание как сознание чего-то и кладет начало философскому течению, которому суждено особенно богатое будущее. Бергсон, более изолированный, определяет сознание как нечто. Согласно Делёзу, он идет гораздо дальше Гуссерля в том, чтобы вывести психологию из тупика: «Я вмешался, чтобы восстановить справедливость, потому что феноменологи жестко обошлись с Бергсоном»⁵².

Бергсон внес решающий вклад в осмысление образа как движения, не меньший вклад он внес и в осмысление образа-времени. Бергсон различает два вида распознавания: одно непосредственное, отсылающее к привычке, а второе альтернативное, обращенное к прошлому. Последнее, образ-воспоминание, занимает зазор между восприятием и действием в измерении аффекта. Именно эти воспоминания, в зависимости от настоящей

49. Paola Marrati, «Deleuze. Cinéma et philosophie», dans *La Philosophie de Deleuze*, Paris: PUF, 2004, p. 251.

50. Alain Ménil, «Deleuze et le bergsonisme du cinéma», *Philosophie*, N° 47, septembre 1995, p. 49; см. также Alain Ménil, *L'Écran du temps*, Lyon: PUL, 1992.

51. Жиль Делёз, *Кино*, с. 97.

52. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 5 января 1982 года, аудиовизуальный архив, BNF.

ситуации и того, что она предполагает в качестве реакции, актуализируются в образах и направляют действие. Образ-воспоминание имеет разный статус при непосредственном и при внимательном распознавании. Он может играть роль виртуального образа в случае образа-воспоминания как способ кристаллизации внимания. При этом, по утверждению Бергсона, сам по себе образ-воспоминание не виртуален, он только актуализирует виртуальность «чистого воспоминания». Он — оператор, который, хотя и не в состоянии воскресить прошлое, тем менее является следом бывшего настоящего. Но это обращение часто натывается на препятствия и терпит неудачи, на которые Бергсон обращает внимание, потому что именно эти несообразности кажутся ему наиболее интересными.

Кино сделает своим излюбленным объектом эти дизъюнкции внимательного распознавания: «Европейское кино весьма рано столкнулось с определенным рядом феноменов, таких как амнезия, гипноз, галлюцинации, бред, видения умирающих, а в особенности — наваждение и грезы»⁵³. Эти образы-воспоминания отсылают к измерению памяти и настоящего. Кажется, что ленты прошлого сменяют друг друга в последовательном хронологическом порядке. Но для Бергсона «с точки зрения актуального настоящего, каждый раз символизирующего их общий предел либо наиболее сжатый из этих регионов, они существуют»⁵⁴. Бергсон использует метафору конуса, чтобы показать точку, которая собирает или конденсирует образы-воспоминания, требующиеся для действия, в двойном движении сжатия в ситуации оживленного внимания или расширения в состоянии покоя.

Отсюда возникает вопрос метафизического порядка: почему настоящее происходит? Это прохождение настоящего в действительности происходит одновременно с самим настоящим. Есть, таким образом, одновременность прошлого и настоящего, которое было, поскольку настоящее конституируется как прошлое в тот самый момент, когда оно возникает как настоящее. Настоящее, таким образом, удваивается по мере своего развертывания: в каждое мгновение оно оказывается расщепленным между прошлым и настоящим⁵⁵. Именно этот план неразличи-

53. Жиль Делёз, *Кино*, с. 351.

54. Там же, с. 401.

55. Прошрое, одновременное настоящему, дает виртуальный или зеркальный образ: «Согласно Бергсону, „парамнезия“ (иллюзия *déjà-vu* или уже пережитого) как раз и существует только для того, чтобы дать ощутить эту очевидность» (Там же, с. 379). Эта чистая виртуальность нуждается в актуализации в той мере, в какой она встроена в настоящий актуальный образ. Она рожда-

мости удвоения времени создает то, что Гваттари назвал «кристаллом времени», который Делёз позаимствует, сделав опорой образа-времени, этого прямого доступа образа ко времени, освободившемуся от своей зависимости от движения.

С образом-кристаллом кино получает средство прямого доступа ко времени и, как в случае хрустального шара, возникает вопрос не просто о восприятии, а о прозрении. Перед мышлением встает задача создавать новые цепочки, чтобы передавать непрерывно движущуюся реальность. По словам Делёза, это прекрасно делает Росселлини, когда в «Европе 51» его героиня наблюдает, как рабочие заходят на завод, и заявляет: «Я подумала, что вижу приговоренных». Она проводит связь, и не только метафорическую, между миром тюрьмы и капиталистическим предприятием. Все эти цепочки, которые несет в себе кино, рождаются не из одной только психологии, «это регионы бытия и мысли»⁵⁶.

Для Бергсона мыслить — значит помещать себя в один из этих регионов, содержащих вопрос, который мы не способны сформулировать, хотя мы и в состоянии раскрыть аспект реальности, который был до сих пор скрыт и таким образом открывается на мыслительную цепочку, не представляемую ранее. Именно на это «искусство мыслить»⁵⁷ нацелен Делёз, исследуя кино при помощи бергсоновских прозрений.

Критика семиологии кино

Когда в начале 1980-х годов Делёз выбирает в качестве объекта для изучения кино, самым глубоким критическим взглядом представляется семиология кино, наследующая структуралистской парадигме. У нее есть свой теоретик, Кристиан Метц, активно занимающийся разработкой семио-лингвистических интерпретаций. В 1968 году он публикует книгу, которая откроет совершенно новое течение в семиологии, — «Этюд о значении в кино»⁵⁸.

Метц полагает, что кино — это речевая деятельность (*langage*) без языка (*langue*), характеристикой которой является наррация,

ется не из психологического состояния, не из сознания, но из одного только временного измерения. Но речь идет об особой, нехронологической темпоральности, которая проглядывает в кристалле: «Кроноса, а не Хроноса» (Там же, с. 382).

56. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 7 июня 1983 года, аудиовизуальный архив, BNF.

57. Там же.

58. Christian Metz, *Essais sur la signification au cinéma*, Paris: Klincksieck, 1968.

кинообраз при этом может быть приравнен к высказыванию: «План фильма похож скорее на высказывание, чем на отдельное слово»⁵⁹. Если задаться вопросом, при каких условиях этот образ становится высказыванием, то придется устанавливать правила его употребления, и в этом и состоит проект семиологии кино, ориентирующейся на соссюрговскую лингвистику.

Метц переходит от синефилии к новому подходу к кино, применяя к нему понятийный аппарат, разработанный им на основе его «большой синтагматики»: «Предметом моей интеллектуальной страсти была сама языковая машина»⁶⁰. Его первый семиологический текст 1964 года исходит из того, что кинокритика игнорирует открытия лингвистики и держится в стороне от достижений семиологии, но при этом постоянно апеллирует к частному кинематографическому языку: «Здесь я отталкивался от соссюрговского понятия языка. [...] мне показалось, что кино можно сравнить с речевой деятельностью, а не с языком»⁶¹.

Эта радикальная формализация кинематографического языка находит свой лингвистический источник преимущественно в работах Ельмслева, который дал определение понятию выражения, по мнению Метца, очень подходящее для базовой единицы фильмической «речевой деятельности», если считать, что кодификация исходит из чисто формального, логического и реляционного подхода: «В том смысле, в котором его понимал Ельмслев (= форма содержания + форма выражения), код — поле коммутабельности, означающих дифференциальностей. Таким образом, в одном языке может быть множество кодов»⁶².

Делёз радикально порывает с этой ориентацией, господствовавшей в университете Париж-III, в то время — центре теоретических исследований кино во Франции. С его точки зрения, кинообраз нельзя определить как язык: это означало бы упустить то, что характеризует образ как движение и как время. Делёз называет Метца «кантианцем», что в его устах звучит скорее как похвала, но при этом добавляет, что Метц, по всей видимости, этого не понимает. Кант — тот, кто отправляет в докритическое прошлое платоновский метафизический вопрос «Что есть?», чтобы заменить его другим вопросом — вопросом об условиях возможности. На смену давней паре сущности и ви-

59. Ibid., p. 118.

60. Christian Metz, entretien avec Marc Vernet et Daniel Percheron, *Ça, Cinéma*, mai 1975, p. 26.

61. Christian Metz, entretien avec Raymond Bellour, *Semiotica*, IV, 1, 1971, p. 242.

62. Ibid., p. 266.

димости, за которой она открывается, приходит пара достоверных фактов и условий их возможного появления. Ибо Метц — кантианец в том смысле, что он отодвигает как ложный вопрос о том, является ли кино, как это провозглашали пионеры кинематографа, универсальным языком. Он задает другой вопрос: «При каких условиях кино может рассматриваться как язык?»⁶³

Делёз хвалит Метца за осторожность, когда тот разворачивает свое доказательство на основе достоверного исторического факта господства голливудского кинематографа как матрицы нарративного кино. Но Делёз отказывается следовать за Метцем в том, какую цену за это приходится платить: «Как только образ заменяется высказыванием, он наделяется фальшивой внешностью, а его наиболее подлинно явленная черта — движение — от него отчуждается»⁶⁴. Все сводится к языку с его правилами, и потому по Метцу получается, что различие между фотографией и кинообразом только в нарративности: «Перейти от одного образа к двум — значит перейти от образа к языку»⁶⁵. Ученики Метца идут тем же путем выведения движения за скобки в рамках так называемой семиокритики.

Метц стремится построить «большую синтагматику», что вызывает у Делёза улыбку: «Меня смех разбирает, потому что мне в этом слышится: „Большая мадемуазель мертва!“», это чистый Боссюэ»⁶⁶. Все так же иронизируя, Делёз говорит, что ждет, когда за большой синтагматикой последует большая парадигматика, но Метц считает, что для кино это не имеет значения, потому что такая парадигматика остается бесконечной в своих возможностях.

Соссюровской семиологии Делёз противопоставляет другой источник вдохновения, который позволяет ему выстраивать гармоничные знаки, продолжающие то, что он делал с Прустом. Когда Делёз говорит о кино, он имеет в виду классификацию знаков. Когда он объявляет студентам 2 ноября 1982 года, что собирается вернуться к своему курсу прошлого года о кино и его пережевывать, «подобно корове», он следует своему чутью, что ухватил нечто важное. Он собирается продолжать систематическое исследование знаков: «Я не говорю, что эта классификация у меня получится наверняка, что это изменит мир, но это изменит меня, и я собираюсь получить огромное удоволь-

63. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 26 февраля 1985 года, аудиовизуальный архив, BNF.

64. Жиль Делёз, *Кино*, с. 321. Перевод изменен. — Прим. пер.

65. Christian Metz, *Essais sur la signification au cinéma*, p. 53.

66. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 5 марта 1985 года, аудиовизуальный архив, BNF.

ствие»⁶⁷. Делёз не ставит перед собой задачи сделать для кино что-то вроде таблицы Менделеева. Не Соссюр, а скорее первооткрыватель семиотики Чарльз Сандерс Пирс сыграет здесь роль универсального инструмента и даст исследованиям совершенно иное направление — прагматическое, отдающее предпочтение действию и использованию⁶⁸. Пирс настаивает на том, что каждый уровень содержит предыдущие уровни. Но его главный интерес, с точки зрения Делёза, в том, что он предлагает концепцию знаков, которая исходит из логики, отличающейся от языковой. Его триада фактически возникает из образа-движения и позволяет осмыслять кинообраз в соответствии с его эндогенной логикой. Тем не менее Делёз не замыкается во «влечении» Пирса к классификаторству. Во-первых, он дает иное определение понятию знака. Но самое главное, он не хочет замыкать систему при помощи троичности. Соссюровская модель не подходила Делёзу, потому что она была синхронической, отрицала любое движение ради закона, который управляет системой, и, кроме того, принципиально исключала речь как объект лингвистической науки, отдавая предпочтение одному только языку.

Первопроходцы изучения кино в университете

Факультет киноведения в университете Париж-III был открыт в 1969 году. Преподавание в нем было тогда делом кучки людей и плодом воли одного человека, Алена Вирмо, специалиста по Арто и Вилю; Вирмо помогала его жена. На следующий год Вирмо расширил свою команду и по совету Раймона Беллура позвонил в *Cahiers du cinéma*, чтобы найти преподавателей там: Жак Омон, Пьер Бодри, Паскаль Бонитцер и Паскаль Кане принимают его предложение и, несмотря на полное отсутствие опыта, пускаются в эту авантюру, которая, как окажется впоследствии, будет иметь огромный успех. Студенты идут валом, и кинокритикам приходится проводить свои занятия в большой поточной аудитории, в которую набивается от двухсот до трехсот человек. Однако в 1971 году, несмотря на успех, четверо отцов-основателей из *Cahiers* узнают, что контракт с ними не продлен. Они настроены решительно, нанимают адвоката, занимают вместе со студентами кабинет ректора университета и в итоге одерживают победу. Чтобы закрепить

67. Там же, 2 ноября 1982 года.

68. Charles Sanders Peirce, *Écrits sur le signe*, Paris: Seuil, 1978.

успех, они приглашают руководить факультетом кинематографиста Рене Жильсона. Тот, в свою очередь, приглашает Мишеля Мари, активиста-коммуниста, хорошего организатора, который закладывает академическую базу факультета.

Париж-III получил столь широкое признание, что стал центром академических исследований по теории кино во Франции: именно здесь в 1983 году были присвоены первые научные степени в этой области. В то время в соседнем учебном заведении, Высшей школе социальных исследований, господствовала структуралистская семиология кино, как ее понимал Кристиан Метц, который вел там семинар, часто продолжавшийся уже в Париже-III. Главными фигурами на факультете кино Парижа-III становятся Мишель Мари, Роже Оден, Жак Омон, Франсуа Жост и Марк Верне.

Все это объясняет, почему, когда 1983 году выходит первый том книги Делёза о кино, «Образ-движение», он вызывает ужас и негодование у академических специалистов в этой области: «Книга вызвала у меня страшное отторжение. Бергсон был мне совершенно неинтересен, это был враг народа, я прилежно штудировал [Жоржа] Политцера в детстве⁶⁹. Кроме того, мне казалось, что Делёз ломится в открытые двери: на трехстах сложнейших страницах объяснять, что образ находится в движении, спасибо, мы это и так знали»⁷⁰. Находящейся на пересечении этих двух течений Раймон Беллур считает делезовскую критику теории Кристиана Метца слишком суровой. Он полагает, что Делёз, чей вклад в теорию кино он оценивает очень высоко и которому посвятил целый курс в 1989–1990 годах, слишком резко отбросил вопрос о нарративности. Он согласен с идеей Андре де Суза Паренте о том, что есть «образные нарративные процессы», позволяющие утверждать, что нарративность изначально присуща образу.

Со своей стороны, пресса приветствует эту вылазку философа Делёза на новый континент. *Le Monde* публикует пространное интервью с ним Эрве Гибера. В нем Делёз уточняет, что не собирался писать историю кино, а хотел представить классификацию образов и знаков. Он рассказывает, какое удовольствие получает в специализированных кинотеатрах, таких как «Мак-Маон», где может посмотреть все фильмы Джозефа Лоузи.

69. Имеется в виду памфлет *Fin d'une parade philosophique: le bergsonisme* (1929), изданный под псевдонимом Франсуа Аруэ. В переработанном виде вышел уже под именем Жоржа Политцера посмертно: *Le bergsonisme — Une mystification philosophique* (1946). Недавно переиздано в: G. Politzer, *Contre Bergson et quelques autres. Ecrits philosophiques 1924–1939*, Paris: Flammarion, 2013. — Прим. ред.

70. Жак Омон, интервью с автором.

Когда же речь заходит о том, что побудило его написать книгу, он объясняет, что десятилетним ребенком, еще до войны, часто ходил в кино: «Мне запомнились фильмы и актеры той эпохи. Мне нравилась Даниэль Дарьё, и Сатюрнен Фабр тоже очень нравился, потому что он меня и пугал, и смешил одновременно, он изобрел особую манеру говорить»⁷¹. Но после войны его почти полностью поглотила философия: «Написать о кино меня побудило то, что я уже давно вожусь с проблемой знаков. Мне казалось, что лингвистика не способна с нею справиться»⁷². *Libération* посвятит книге целую страницу, предоставив слово и самому Делёзу⁷³. То же самое сделают и *Cahiers du cinéma*⁷⁴. Жером Бенде приветствует выход книги, показывающей, что появление седьмого искусства в наш век создало потребность в философской революции, которую и произвел Делёз⁷⁵.

Однако основная часть теоретиков кино раскритиковала книгу Делёза, порой даже язвительно. Хотя Кристиан Метц на своем семинаре принимает критику положений своей теории, он уточняет, что они с Делёзом говорят о разных вещах. Тем самым Метц избегает прямой конфронтации: «Метц совершенно не был философом, его квалификационная работа была посвящена грамматике, и он чувствовал себя очень задетым. При этом он был невероятно ранимым человеком. Но он решил не вступать в полемику и сделал вид, что его это не касается»⁷⁶.

Когда вышел «Образ-движение», Метц уже не принадлежал к лидерам общей семиологии, переживающей бурный расцвет, и все больше изолировался. Уход Метца в себя заставляет консолидироваться ближайший круг его учеников, в который входят Мишель Мари, Роже Оден, Марк Верне, Франсуа Жост и другие завсегдатаи его семинара, и дать резкий отпор Делёзу. Такая реакция академических кругов оставит долгий след. За несколькими исключениями пришлось ждать 1990-х годов, чтобы студенты смогли наконец заставить преподавателей обратить внимание на книги Делёза о кино. Именно это произошло с Жаком Омоном, который сегодня возвращается к своим первым, негативным впечатлениям от книги, уже исходя из работ своих учеников и, в частности, Дорка Забуняна, писавшего

71. «Portrait du philosophe en spectateur», entretien avec Gilles Deleuze, Hervé Guibert, *Le Monde*, 6 octobre 1983.

72. Ibid.

73. «Gilles Deleuze: Cinéma 1, Première», *Libération*, 3 octobre 1983.

74. «La photographie est déjà tirée dans les choses», entretien avec Gilles Deleuze par Pascal Bonitzer et Jean Narboni, *Cahiers du cinéma*, № 352, octobre 1983.

75. Jérôme Bindé, *Le Nouvel Observateur*, 21 octobre 1983.

76. Жак Омон, интервью с автором.

у него диссертацию⁷⁷. А вот Доминик Шато настроен критически и полемически даже в 1990-е годы. Он видел в Делёзе стража философского храма: стремившийся лишь к тому, чтобы сохранить монополию на концепт, представляя «каннибальскую концепцию философии»⁷⁸. Книга Делёза о кино, на его взгляд, это не более чем рядящаяся в философские одежды базеновская концепция, которая не может справиться с достижениями кино-лингвистической теории Метца: «Делёз отвергает лингвистическую теорию, чтобы вернуться к упрощающим базеновским (и бергсоновским) постулатам»⁷⁹.

В среде теоретиков кино некоторое исключение представляет Жан-Луи Лётра: он смог избежать семиологии Метца и при этом очень рано познакомился с творчеством Делёза. Хотя в 1960-е годы он учился в Лионе, Делёз у него не преподавал (он изучал литературу), однако одним из его преподавателей был Робер Мози, написавший большую рецензию на «Пруста и знаки». Таким образом, Лётра довольно рано открыл Делёза и, когда выходят книги о кино, уже довольно хорошо знает делёзовскую проблематику, которая, по его мнению, может стать союзником в борьбе с семиологической волной, уносящей кинокритику в непродуктивном, как ему кажется, направлении. Когда в 1988 году Лётра публикует книгу о кино, он посвящает ее Жилью Делёзу⁸⁰, послав тому ее заранее, чтобы заручиться его согласием. В итоге они будут обмениваться письмами и несколько раз встретятся.

Лётра, хорошо знакомый с творчеством Делёза, отмечает у него рост количества ссылок на кино, начиная с «Повторения и различия» (1968). Его анализ фильма Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» и утверждение о том, что «время больше не подчиняется движению»⁸¹, предвосхищает разрыв между образом-движением и образом-временем, который он концептуализирует позднее. В «Анти-Эдипе» упоминается только один фильм Николаса Рэя «За зеркалом» и фильм Чаплина «Новые времена». Но уже в «Тысяче плато» (1980) можно найти технические размышления о крупном плане и отсылки к Годару, Эйзенштейну, Херцogu, Хичкоку, Штернбергу, Вендерсу или Даниэлю Манну. В этой совместной с Гваттари книге предлагается ряд важнейших концепций: «дивидуальное» или об-

77. Dork Zabunyan, *Gilles Deleuze. Voir, parler, penser au risque du cinéma*, Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2006.

78. Dominique Château, *Cinéma et philosophie*, Paris: Nathan, 1996, p. 107.

79. Ibid., p. 142.

80. Jean-Louis Leutrat, *Kaléidoscope*, PUL, 1988.

81. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 140.

ширный фронт работ, связанный с исследованием виртуального, так что две книги о кино следует рассматривать как прямое продолжение философских исканий Делёза. Например, «часть „Образ-движения“ разрабатывается на основе второй главы „Различия и повторения“»⁸².

Лётра был одним из немногих, кто смог вписать книги Делёза о кино в его творчество в целом. Когда в киноведении постепенно началась мода на Делёза, Лётра стали все чаще приглашать стать научным руководителем диссертаций или участвовать в диссертационных комиссиях, тем более что он мог похвастаться солидной академической должностью ректора университета Париж-III, которую занимал пять лет. Когда Делёз уходит на пенсию в конце 1987 учебного года, он передает Лётра своих аспирантов, работающих в области исследований кино: Вероник Такен, специалиста по Дрейеру, и Алена Мениля⁸³.

Буря 1939–1945 годов

Специалистов по Делёзу, знающих о его сугубо ницшеанском недоверии к бремени истории, несколько успокаивает уточнение Делёза, что цель его проекта о кино — создать классификацию знаков и образов. Но очень быстро они замечают противоречие, когда оказывается, что книга строится вокруг очень четкого исторического водораздела, исходя из которого разворачиваются два режима образов: образ-движение до Второй мировой войны и образ-время после. Каким образом, спрашивают они себя, такой философ, как Делёз, столь легко впал в историцизм, с которым формально всегда боролся? Может быть, это неизбежная уступка интриге, нарративным условностям, навязанным развитием во времени его проекта по классификации знаков?

Наша гипотеза состоит в том, чтобы принять всерьез это деление, независимо от нарративных условностей, связав его с гораздо более глубоким сомнением в теологическом взгляде на историю, которое выливается в постоянную критику гегелевской диалектики. Мыслить современность, по Делёзу, — значит «отказаться от Гегеля», как к этому призывал уже Поль Рикёр во «Времени и рассказе». Отказаться от этого великого философа необходимо, потому что наши отношения с миром серьезно поколебал триумф нацистского варварства в самом сердце Ев-

82. Jean-Louis Leutrat, *Kaléidoscope*, p. 146.

83. Alain Ménil, *L'Écran du temps*, 1998.

ропы. Больше нельзя оставаться с наивным линейным видением истории, осуществляющей, в соответствии с поступательным движением человеческого рода, царство Разума. Отношения с миром должны испытать на себе воздействие этой катастрофы, и именно в этом смысле Делёз в полной мере — дитя Второй мировой, которая не отпускала его еще с юности. И кино может стать для него любимым наблюдательным пунктом, с которого можно оценивать масштабы воздействия этой трагедии XX века.

Главная амбиция кинематографа, которую выразило первое поколение кинематографистов, — глубокое обновление отношений с миром и его осмысление. Кино становится массовым искусством для масс, в котором народ является предметом кинематографической мысли, объектом вдохновения и сюжета — как для Эйзенштейна или Абеля Ганса. Согласно этим первым кинематографистам, в кино мог найти выражение универсальный язык, который в итоге разобьется о трагедию истории: вместо этого оно станет орудием пропаганды, манипулирования массами, одной из составляющих тоталитарной политики. Здесь Делёз продолжает линию Сержа Данея, считавшего, что освободительные устремления кино обернулись проектом порабощения.

То, что было поставлено под вопрос после Второй мировой войны и спровоцировало радикальный разрыв с кино, понятым как образ-движение, это были «гигантские политические постановки, государственная пропаганда, превратившаяся в живые картины, первые перемещения человеческих масс»⁸⁴. Политика концентрационных лагерей и кинопродукция, которая ее сопровождала, как, например, творчество Лени Рифеншталь, имели своим обоснованием мечты о свободе, которые нес в себе кинематограф. Вместо того, чтобы стать рычагом обновления мысли, кино становится местом ее подавления. Казалось, что массы можно будет превратить в хозяев их собственной истории, а вместо этого кино способствовало их порабощению, фашизации и всеобщему озверению. Война всегда была гигантской постановкой, которая становилась все более изощренной по мере своей модернизации, и она старается не столько скрыть, сколько выставить напоказ свои ловушки. По утверждению Поля Вирилио, до самого падения Рейха Геббельс стремился конкурировать с Голливудом. Таким образом, между двумя мирами, противостоящими друг другу на поле боя, но объединенными одним и тем же образом мышления, существовали зеркальные отношения.

84. Serge Daney, *La Rampe*, Paris: Gallimard, 1983, p. 172.

По окончании войны между кино и мыслью складывается новый союз. Одновременно с крахом прогрессистского эволюционизма Запада, уничтоженного тоталитаризмом, после войны потерпела крах американская мечта о всеобщем братстве. Это выразилось прежде всего в кризисе Голливуда и в пошатнувшейся мечте об американской интеграции как плавильном котле единой цивилизации. Кроме того, развитие техники, породившее множество самых разных форм образов, способствовало общему кризису их способности воплощать в себе мир. Ко всему этому нужно добавить проблематизацию сюжетности в американском романе, в частности в творчестве Дос Пасоса: «Тотальность остается, но это рассеянная тотальность»⁸⁵. Из этого через двадцать лет родится новый американский кинематограф Роберта Олтмена, Сидни Люмета или Джона Кассаветиса, в котором больше нет главного героя, а есть множество случаев, не выстраивающихся в иерархию и образующих «повествование-пэтчворк»⁸⁶. Окружающий мир стал нечеловеческим, невыразимым. Варварство поглотило надежды на освоение. В мир больше не верят, и новая функция кино в том, чтобы «внушить веру в отношения человека с миром»⁸⁷.

Эта связь человека с миром будет непоправимым образом нарушена между 1939 и 1945 годами: «А значит, эта связь должна стать объектом верования: невозможное можно вернуть лишь с помощью веры. Религия уже не обращается к иному, преобразенному, миру»⁸⁸. Конечной целью кино, таким образом, перестает быть отражение предполагаемой реальности, ею становится выражение самой веры в мир, которая посредством иллюзии и новой зачарованности им восстанавливает веру в существование социального основания человеческой жизни: «Христиане или атеисты, в нашей универсальной шизофрении мы обладаем потребностью в основаниях для веры в этот мир»⁸⁹. Из-за этого разрыва происходит разрушение сенсорно-моторных схем, лежавших в основе образа-движения. Классический кинематограф до этого разрыва был тональным кинематографом, производящим рациональные соединения в соответствии с линейной и логичной схемой. Речь идет о кинематографе-истине, в котором сцепления экстериоризировали предположительно истинностное целое. Реальный или выдуманный — с точки зрения

85. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 4 мая 1982 года, аудиовизуальный архив, BNF.

86. Там же.

87. Жиль Делёз, *Кино*, с. 485.

88. Там же, с. 486. Перевод изменен. — Прим. пер.

89. Там же, с. 486.

Делёза, это не важно, — этот классический кинематограф нацелен на достижение истины. Еще один аспект, присущий классическому кино, — давать не прямое представление о времени, поскольку оно зависит от движения с его логичными связями и его экстерииоризацией в тотальности, осуществляемой благодаря процедуре монтажа.

Современный кинематограф порывает с этими элементами и предлагает совершенно иную конфигурацию. Он уже не тотальный, а серийный, основанный на режиме сцепления образов, исходящего из дизъюнкций или иррациональных соединений. Он больше не претендует на истину, но показывает телесные позы, возникающие из гестуса, или же поведение, которое не преобразуется в пережитый опыт, но пытается оторваться от своих ограничений и от ограничений истории.

От образа-движения к образу-времени

Согласно трем модальностям, определенным Бергсоном (образ-восприятие, образ-аффект и образ-действие), кино — это прежде всего движение. Делёз различает четыре течения в кино, отличающихся друг от друга монтажом, потому что движение и его вехи разворачиваются именно на этом уровне.

Американская школа отдает предпочтение органическому в композиции образов-движений. Дальше всех здесь идет Гриффит. Этот организм, постоянно грозящий рухнуть, образует интригу этой новой нации, сложившейся в результате разных волн эмиграции и вынужденной сохранять свое хрупкое единство: «В действительности органическому множеству и подobaет всегда находиться под угрозой; в „Рождении нации“ чернокожих как раз обвиняют в том, что они захотели расколоть недавно достигнутое единство Соединенных Штатов и извлечь выгоду из поражения Юга»⁹⁰.

Что касается советского кино, то в ту же эпоху у него другая проблема. Перед ним стоит задача показать, что нынешние жертвы вписываются в диалектическую логику движения к лучшему миру. В этой диалектике разделение — двигатель исторического движения, несущего в будущее согласно законам генетического развития. Это видение довел до апогея Эйзенштейн. Здесь тоже есть единство, но в соответствии с динамикой, заражающей его неумолимым движением. Оно выражается в патетике, в которой сознание открывается самому себе как участ-

90. Жиль Делёз, *Кино*, с. 76.

ник исторического движения. Эйзенштейн выражает на экране главный закон диалектики: «Единое, становящееся двумя и порождающее новое единство, сочетает органическое целое и патетический интервал»⁹¹.

Во Франции режиссеры предлагают иной путь механического создания образов-движений в соответствии с двумя модальностями: модальностью машины-автомата вроде часов или модальностью паровой, термодинамической машины: «Кинетический союз человека и машины определяет Человека-Зверя — отнюдь не живую марионетку; его новые измерения сумел исследовать и Ренуар»⁹². К этой механике твердых тел во Франции добавляется механика жидкостей, подчеркивающая пристрастие французских режиссеров к текущей воде, берегам рек, морю.

Наконец, еще один центр динамичного творчества этой эпохи находится в Германии с ее экспрессионизмом, сосредоточенным на свете как векторе интенсивности в движении. Вегенер, Мурнау — признанные мастера этого жанра, цель которого — передать силы пропасти, темноту глубин, чтобы лучше выделить сияние и игру светотени. Экспрессионизм черпает вдохновение в неорганической жизни: это «витальность мощных предорганических ростков»⁹³.

Осознание кризиса образа-движения произойдет только после 1945 года. Тогда становится совершенно ясно, что действие едва может изменить глобальную ситуацию. Образ тогда начинает отсылать уже не к органическому единству, а к единству разрозненных, рассеянных элементов. Кроме того, нить, связывавшая один образ с другим, рвется, и на место логических связей приходит контингентность. Действие, определявшееся своей целью, превращается в блуждание, близкое к бродяжничеству, открытое всем сюрпризам. Наконец, беспокойная, темная сила, смешивающаяся с носителями коммуникации, кажется, отождествляется со своими эффектами: «Таковы пять внешних свойств нового образа: дисперсивная ситуация, намеренно ослабленные связи, форма-прогулка, осознание клише, разоблачение заговора»⁹⁴.

И снова Делёз ссылается на исторические причины, чтобы объяснить, почему именно Италия после войны первой пережила крах образа-движения с появлением неореализма. Выйдя из войны, Италия оказалась в двусмысленной ситуации. Она

91. Там же, с. 85.

92. Там же, с. 90.

93. Там же, с. 100. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

94. Там же, с. 283.

наравне с нацистской Германией участвовала в порабощении Европы, но в то же время ее народ восстал против фашизма. Именно на этом минном поле, в центре ковра из опавших листьев и утраченных иллюзий рождается вместе с Росселлини, Де Сикой и другими этот новый кинематограф, взрывающий все то, что внутренне связывало образ-движение. Так, Де Сика деконструирует отношения действие-ситуация-действие, которое связывает события в «Похитителях велосипедов», отводя главное место контингентности. Фигура фальшивомонетчика, обманщика приходит на смену поискам истины классического кинематографа.

Этот кризис образа-действия отражается в том, что сенсорно-моторная схема заменяется сингулярностью, присущей отдельным оптическим и звуковым ситуациям, которые ценны сами по себе. Они рожают новые знаки, которые Делёз называет «опзнаками» и «сонзнаками» (*opsignes/sonsignes*), их задача — стирать границы между реальным и воображаемым: «Такой режим обмена между воображаемым и реальным в полной мере предстает в „Белых ночах“ Висконти»⁹⁵. Судьба итальянского неореализма нашла наиболее яркое проявление в фигурах Висконти, Феллини, Антониони, Пазолини...

Этот разрыв между двумя эпохами кино, классической и современной, оспаривается Жаком Рансьером: «Это разделение, ясное в изложении, становится менее ясным, когда мы переходим к изучению двух вопросов, которые оно ставит»⁹⁶. Рансьер полагает, что между образом-движением и образом-временем действительно есть различие в точке зрения, но оно приписывается и образам, которые могут попеременно изучаться как образы-аффекты или образы-кристаллы. То есть эта оппозиция оказывается чисто фиктивной. У Делёза, по мнению Рансьера, есть также форма фукианства, выражающаяся в его практике разрывов, в разделении между моментом сенсорно-моторной логики, моментом образа-движения, и моментом его проблематизации в образе-кристалле.

Мысль-образ

Интерес Делёза к кино вызван прежде всего констатацией автоматизма кинематографического образа, который уподобляется работе мышления. В этом отношении он открывает пред-

95. Жиль Делёз, *Кино*, с. 300.

96. Jacques Rancière, *La Fable cinématographique*, Paris: Seuil, 2001, p. 146.

шественника в Эпштейне, который в начале века пытался построить «философию кино»⁹⁷. По мнению Эпштейна, изобретение этой новой технологии открывает новый способ мышления, способный изменить наши отношения с миром. Эпштейн, как и позднее Делёз, настаивает на возможности прямого доступа ко времени: «Для Эпштейна время проявляется в кино как четвертое измерение, добавляющееся к трем пространственным... В кино время проявляется как пребывающее в вещах»⁹⁸.

Согласно Эпштейну, автоматизм камеры — источник позитивности, и новая субъективность, которая из нее рождается, оказывается связана с машиной: «Кинематографический образ рисует мир без посредника, добывается чистого присутствия. В этих условиях Эпштейн мыслит мир как по преимуществу поэтический, он позволяет восстановить прямую, сугубо чувственную связь с миром»⁹⁹. В этом источнике вдохновения на самом деле нет ничего удивительного, поскольку на Эпштейна оказал большое влияние бергсонизм. У него встречается то же стремление избежать разделения между порядком сознания и порядком мира, которое проводится феноменологией.

Образ-движение — это само-движение, автоматическое движение, оно стимулирует образ мысли. Этот автоматический характер происходит от технологии фиксации и проекции, но он точно так же присутствует и в представляемом содержании. Тот факт, что немецкие экспрессионисты выводят на экран големов, сомнамбул и прочих зомби, указывает на эту зачарованность автоматизмом. Для Робера Брессона кинематографическая модель тоже была духовным автоматом. Этот автоматизм дает новый толчок стремлению добратья до бессознательных механизмов мышления. Позаимствовав у Бахтина понятие хронотопа, пространственно-временного континуума, Делёз собирается воссоздать благодаря кинематографическому выражению хронотоп мысли, претерпевающий вариации, логике которых может понять философ: «Это пространство-время размечено криками»¹⁰⁰. Под слоями дискурса, таким образом, нужно обнаружить сингулярность философских криков. Философия предполагает образ мышления, который является одним из условий ее возможности, и этот

97. Jean Epstein, *L'Intelligence d'une machine, Écrits sur le cinéma* 1, 2, Paris: Seghers, 1974.

98. Suzanne Hème De Lacotte, «Epstein et Deleuze, cinéma et image de la pensée», *Chimères*, № 57, automne 2005, p. 76–77.

99. Ibid., p. 79.

100. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 30 октября 1984 года, аудиовизуальный архив, BNF.

образ отсылает к хронотопу, в котором резонирует сингулярность, присущая каждому мыслителю.

Таким образом, встреча кино-образа и образа мышления для Делёза связана с этой спонтанностью, с автоматизмом, присущим образу в кино. Второе поколение кинематографистов отмечено именно этой прямой связью со временем. Так, для Робера Брессона фильмы — способ представить духовные автоматы, способные обнаружить автоматизм в повседневности: «Кино, таким образом, выявляет в нас духовный автомат. Какая прекрасная идея!»¹⁰¹ Можно ли при помощи этого автоматизма добраться до бессознательных механизмов мышления? В самом конце XIX века именно это предполагал психиатр Пьер Жане в тот момент, когда зарождалось кино.

Делёз иронизирует над критической концепцией кино, предложенной Жоржем Дюамелем, который жаловался на то, что не может больше думать, потому что движущиеся изображения в кино вытесняют его собственные мысли. Он, таким образом, проводил радикальное разделение между образом и мышлением. Делёз утверждает, что это негодная концепция: «Кино фундаментальным образом связано с мышлением именно потому, что способно оживить духовный автомат»¹⁰². Связь с философской мыслью устанавливается с двух сторон: на уровне сверхсознательной формальной логики и на уровне исследований деятельности мозга и способов передачи через связывание нейронов.

Эта сторона сближает Делёза с исследованиями передачи от одного нейрона к другому в когнитивных науках, а особенно с исследованиями Жильбером Симондоном топологической структуры мозга¹⁰³. Делёз, таким образом, снимает вопрос о репрезентативной истине — излюбленную мишень его критики: образ-мысль, к которому нам дает доступ кино, ни в коей мере не является продолжением некоей интериорности или экстериорности, истина которой проецируется на экран. Наоборот, образ-мысль провоцирует мысль, поскольку производит диэюнкцию, за которой проглядывает прямой доступ ко времени: «Время проявляется, скорее, как сила, провоцирующая мысль, разъединяя мысль с ее образом или с ее „истинностной“ саморепрезентацией»¹⁰⁴. Исходя из этого постулата, любой принцип

101. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 30 октября 1984 года, аудиовизуальный архив, BNF.

102. Там же.

103. Gilbert Simondon, *L'Individu et sa genèse physico-biologique*, Paris: PUF, 1964.

104. D. N. Rodowick, «La critique ou la vérité en crise», *Iris*, № 23, printemps 1997, p. 8; см. также: *Gilles Deleuze's Time Machine*, Durham; London: Duke University Press, 1997.

тождественности распадается, и истинное больше не может отсылать к неизменному, к тождественному: «То, что некогда называлось „законами“ мышления (принцип тождественности, противоречия и исключенного третьего), оказывается лишено любого основания»¹⁰⁵. Истина переносится в подвижное, трансформируемое поле; она отсылает к неумолимому изменению, к силам ложного, к становлению дифференциации: «Делёз в данном случае переписывает онтологический принцип Бергсона, согласно которому временная дизъюнкция между восприятием и воспоминанием влияет на нашу свободу мышления и выбора, приводя его к ницшеанскому утверждению вечного возвращения различия в повторении»¹⁰⁶. Критическая цель Делёза с его акцентом на том, что делает возможным образ-время, — зазор, который этот образ создает по отношению к готовому мнению, к доксе.

На экране представляются также выплески, эксцессы прирученного сознания: «Мыслить и означает учиться тому, что может не мыслящее тело, узнавать его способности, позы или повадки. Кино становится родственным духу и мысли именно через тело (даже не через посредство тела)»¹⁰⁷. К тем, кто, по мнению Делёза, дальше всех пошел по пути выражения телесности вне речи, относятся Антониони, Кассаветис, Риветт, Годар, чуть позднее также упоминаются Шанталь Акерман, Жан Эсташ, Филипп Гаррель с их кинематографом поз, гестуса, различных повадок тела. Некоторые режиссеры смогли даже выразить возможные дизъюнкции между телесными позами и мозгом, как например Антониони, творчество которого, вопреки распространенному мнению, не сводится к теме одиночества и некоммуникабельности, а затрагивает глубокий дуализм между мозгом современного человека, ориентированным на творческие потенции, предлагаемые миром, и его телом, изношенным, усталым, охваченным неврозом, делающим его бесплодным. Рене также был великим исследователем механизмов мозга. То, что раскрывается кинематографом, не ограничивается миром образов; он также показывает важнейшую сторону жизни, обращенную к длительности, сторону кристаллов времени: «Кристалл — это выражение. Выражение движется от зеркала к зародышу»¹⁰⁸. Вернер Херцог сопрягал актуальное и виртуальное в образе-кристалле, в частности, в «Стеклянном

105. Ibid., p. 14.

106. Ibid., p. 22.

107. Жиль Делёз, *Кино*, с. 506.

108. Там же, с. 373.

сердце». То же относится к кинематографу Андрея Тарковского: «Зеркало», «Солярис», «Сталкер». Макс Офюльс, в свою очередь, смог восстановить чистый кристалл: «В образе-кристалле присутствуют взаимные поиски материей и духом друг друга, проходящие вслепую и ощупью»¹⁰⁹. С образом-кристаллом Делёз еще раз возвращается к бергсоновским истокам идеи о временном переплетении настоящего и прошлого, потому что через кристалл воспринимается именно это дублирование времени: «В кристалле видно истечение жизни, времени, в его удвоении или в его дифференциации»¹¹⁰. Кристалл дает доступ ко времени в процессе его раскола, а следовательно, воспринимается не столько само время, сколько сила, которую оно несет, его процесс.

Делёза увлекало возникновение времени в кристалле, который позволяет обойти уровень психологического и нейронного анализа для объяснения действий человека. Он еще раз уточняет это в важном выступлении в киношколе *Femis* 17 марта 1987 года: «Что такое акт творения?» Философ, уточняет Делёз, не ставит перед собой задачу рефлексии о кино, поскольку кинематографисты не нуждаются в том, чтобы он объяснял им, как они должны осмыслять свою практику. Он определяет свой вклад как способ теоретизирования не кинематографа, а «концептов, вызванных кинематографом к жизни»¹¹¹.

109. Жиль Делёз, *Кино*, с. 374–375.

110. Там же, с. 395.

111. Там же, с. 614.

Глава 23

Гваттари и эстетика, или Компенсация за зимние годы

К СЕРЕДИНЕ 1980-х годов у неутомимого Гваттари, вечно ищущего новые идеи, земля, похоже, начинает уходить из-под ног. Череду самых разных событий обрушивалась на того, кто всегда казался непотопляемым. Он продолжает выступать на публике, отвечать на просьбы, которыми его со всех сторон осаждают, но несколько друзей, знающих о том, что пружина лопнула, безуспешно пытаются вытащить его из депрессии. У такого поворота, разумеется, не единственная причина, а несколько, сказывающихся на психической структуре, в которой уже было множество трещин, хотя раньше их, казалось, удавалось законопатить¹.

Философ детерриториализации внезапно лишается всех своих территориальных привязок. Прекращается аренда замка в Дюизоне возле клиники Ла Борд, с его 300 гектарами земли, восемью прудами и четырьмя фермами. Его также выгоняют из большой парижской квартиры на улице Конде с шестью комнатами и большой гостиной в центре, квартиры в самом сердце Латинского квартала и в двух шагах от Люксембургского сада.

Гваттари на самом деле намного больше склонен к оседлости и укорененности, чем можно подумать по его поведению. Траур по двум этим местам, игравшим важную роль в его частной и публичной идентичности, проходит особенно болезненно. Он селится в скромном доме в Ла Борд неподалеку от Жана Ури и устраивает рабочий кабинет в своей довольно темной комнате. Разрыв с местами и ритуальными происходит в тот самый момент, когда он теряет мать. Гваттари, этот обличитель семейной жизни, то и дело говорит о боли, вызванной этой утратой: «Он постоянно повторял, что осиротел»².

1. См. главу 1 настоящего издания.

2. Арлетт Донати, интервью с Ив Клоарек, 25 октября 1984 года, I M E C.

Эти потери усугубил политический климат «зимних лет», в котором внезапно дали о себе знать атавистические явления, считавшиеся давно отмершими, например расизм, нашедший политическое отражение в электоральном успехе ультраправых и их лидера Жана-Мари Ле Пена. Это время ухода в себя на фоне утраченных иллюзий. Многие предпочитают возделывать свой собственный сад, замуровать в своей внутренней жизни, закрыв посторонним доступ к ней. Утопия, вдохновлявшая борьбу Гваттари все эти годы, подобно миражу, скрылась за линией горизонта. Когда число разочарований растёт, Гваттари становится все труднее превращать свои экзистенциальные тревоги в проекты, в которых бы выражались политические надежды. В 1978 году Жерар Лозье, известный своей язвительностью, нарисовал портрет некоего «Жиля Гваттарёза», странного гибрида Делёза и Гваттари, за которым гоняется истеричка и который решает обратиться в полицию, чтобы ее забрали в лечебницу³. Гваттари это очень задело: «Я знаю, что Феликса очень обидели карикатуры Лозье»⁴. Когда Франсуа Фурке после довольно долгого перерыва встречается с Гваттари, он сразу замечает подавленность своего друга: «„Знаешь, Франсуа, что со мной произошло. Меня выгнали с улицы Конде и сразу же из Дюизона“. Он был как старый шизофреник. Я почувствовал, что он в полном смысле слова потерял управление, как корабль, попавший в штиль и не знающий, куда плыть»⁵.

Творческая эйфория, связанная с совместной работой с Делёзом, закончилась с публикацией «Тысячи плато» в 1980 году, ставшей завершением если не дружбы, то по крайней мере их общего приключения. В начале 1980-х годов Делёз поглощен своим кинопроектом, затем книгой «Фуко» и работой над Лейбницем, которая завершится в 1988 году «Складкой». На протяжении всего этого периода каждому приходится возвращаться к себе, заново определять свои личные цели. У Делёза, имеющего постоянное место работы в университете, с этим проще, чем у Гваттари, оказавшегося в изоляции. Кроме того, вернув-

3. «Драма безумия: пять жандармов ранено в Сен-Тропе. Жиль Гваттарёз позвонил в полицию с просьбой забрать его любовницу. Довольно-таки странно было видеть, как прославленный теоретик антипсихиатрии бежит за комиссаром полиции Сен-Тропе и умоляет его: «Вы же не отправите ее в Ла Борд или в другое такое место? Она от них сбежит! Сбежит! Нет, нужно серьезное заведение, палата для буйнопомешанных и все такое» (Gérard Lauzier, «Déboutez votre cerveau», *Tranches de vie*, 4, 1978; переиздано в: *Le Meilleur des années 70*, Dargaud, 2001).

4. Франсуа Фурке, интервью с Виржини Линар.

5. Там же.

шись в Ла Борд, Гваттари переживает трудный период: начались ссоры с управляющим комитетом клиники, который считает, что Гваттари получает слишком много денег за работу здесь. Подобные обвинения не могут не усилить чувство изоляции и меланхолии у Гваттари: с 1950-х годов он постоянно тратил свои собственные деньги на то, чтобы Ла Борд блистала во французском и международном интеллектуальном пейзаже.

Все эти невзгоды сказываются на хрупкой структуре психики, о которой мы уже упоминали, когда рассказывали о детстве и юношестве Гваттари. Соскальзывание в депрессию становится еще более выраженным, длительным и глубоким. Два эпизода из взрослой жизни Гваттари, о которых рассказал его друг Жан Шено, свидетельствуют о его паталогическом отношении к смерти. Первый касается Пьера Хальбвакса, сына социолога Мориса Хальбвакса, настоящего политического активиста, который так и не оправился после того, как его отец погиб в Бухенвальде, пожертвовав собой ради них с братом, когда отдал им свой паек. По Пьеру Хальбваксу, страдающему раком легких из-за курения, видно, что он болен и скоро умрет. Жан Шено предлагает Гваттари его навестить: «Когда мы вышли от него, я был очень расстроен, зная, что он обречен, но Феликс, спускаясь по лестнице, сказал мне: „Зачем ты меня к нему привел? У него все будет хорошо“»⁶. За этим отрицанием смерти последовал еще один эпизод. Шено предлагает другу пройтись по кладбищу Пер-Лашез: «Это одно из самых трогательных мест в Париже. Там можно хорошо побродить среди памятников, легенд этого святилища культуры. Я увидел, как он постепенно бледнел. Мы едва прошли пару аллей. Он заметил калитку и убежал»⁷.

Гваттари, известный своей ненасытностью, граничащей с булимией, погружается в кататонию, уходит в себя, постоянно сидит в обнимку с подушкой, словно хочет защититься от агрессии окружающего мира. Он проводит целые дни перед телевизором, поглощая одну идиотскую передачу за другой. Кроме того, у него обнаруживаются все более тяжелые проблемы со здоровьем. После острых приступов почечной колики Гваттари пичкает себя лекарствами, пытаясь заглушить боль. Иногда у него обнаруживаются в моче камни, ему приходится следить за своим питанием. За два года до смерти у него было несколько сердечных приступов, но он настолько подавлен, что так и не сделал необходимые обследования.

6. Жан Шено, интервью с автором.

7. Там же.

Жозефина

В этой беспокойной атмосфере у Гваттари случился тяжелый роман. В 1983 году на улице Турнон у него происходит встреча, которая окажется смертоносной. Жозефина прекрасна, на тридцать лет моложе Гваттари, и поначалу у них все замечательно: «Жозефина, когда он с ней познакомился, была прелестной девушкой, хорошенькой, очень простой в общении. Но мало-помалу она стала женой известного парижского интеллектуала, начала тратить огромные деньги, накачиваться наркотиками»⁸. Эта катастрофическая история ввергнет Гваттари в глубочайшую депрессию. В 1986 году они поженились и нашли на улице Сен-Совер роскошную квартиру. Гваттари пришлось влезть в долги, чтобы купить ее. А Жозефина стала еще больше сорить деньгами, что в итоге привело к серьезным проблемам. Ее потребность в тяжелых наркотиках растет и обходится все дороже, при этом она рассчитывает, что новоиспеченный супруг будет ей их доставать. Их поначалу очень тесные отношения заставляют отдалиться от Гваттари весь его прежний круг друзей и знакомых. Жозефина захлопывает дверь перед непрошеными гостями, недвусмысленно давая понять, что они больше не на улице Конде, куда круглые сутки мог зайти любой случайный знакомый. За это приходится расплачиваться близким друзьям Гваттари, таким как Франсуа Пэн. После того, как его демонстративно выставили за дверь, он вынужден держаться подальше.

К этому добавляются многочисленные любовные связи Жозефины. Гваттари признается Пэну, что у него проблемы с молодой супругой:

Феликс сказал: «Ты же знаешь, что я от этого с ума схожу. Скажи прямо, что с Жозефиной у меня полный крах. Ты должен мне помочь, сходить поговорить с ней». И добавил: «С тем же успехом ты можешь увидеть, что я лежу после аварии в канаве, и сказать: нужно выбираться, но не протянуть мне руки»⁹.

Вспоминая об этих отношениях с Жозефиной, Жан-Жак Лебель говорит о них как о большой трагедии, от которой у него до сих пор бегут мурашки по коже: «Я наблюдал за саморазрушением этого человека, друга, брата. Я не говорю, что Жозефина его убила. Я хочу сказать, что он использовал Жозефину, чтобы по-

8. Даниэль Сивадон, интервью с автором.

9. Франсуа Пэн, интервью с автором.

губить себя»¹⁰. Как и другие, Лебель старается как можно чаще навещать Гваттари, чтобы составить ему компанию. Кроме того, Гваттари часто сам зазывает друзей к себе, в том числе среди ночи, чтобы заглушить невыносимое одиночество. Тогда Лебель приезжает на улицу Сен-Совер смотреть телевизор, включенный на полную громкость: Гваттари смотрит его днем и ночью, открыв рот.

Однажды Лебель, по требованию Гваттари, приезжает к нему вместе с Аленом Гинзбергом, Эдуаром Глиссаном, Паоло Фаббри и Кристианом Бургуа, надеясь, что, увидев важных гостей, его друг вылезет из домашних тапочек, помоемся, выйдет за покупками и приготовит хороший ужин, то есть совершит один из обыденных жестов, которые он давно перестал делать: «Это был странный ужин, — вспоминает Кристиан Бургуа, — потому что в самый его разгар, как призрак, появилась жена Гваттари, и я помню неловкость, вызванную ее появлением»¹¹. Гваттари на самом деле ничего не приготовил, Жозефина спустилась в магазин купить готовую овощную нарезку и вывалила все на стол в пластиковых тарелках. Оставив гостей за столом самих разбираться, она вернулась в свою комнату на первом этаже их двухэтажной квартиры. Анорексичная, тонкая, она проходила между гостями как тень. Лебель вспоминает «женщину, которая была совсем худой, ушедшей в себя и не говорила ни слова, словно призрак на грани между жизнью и смертью»¹². Живя вместе с Гваттари, она завела долгий роман с писателем Жаном Роленом, который напишет о ней рассказ после ее смерти от передозировки наркотиков в марте 1993 года¹³.

В этой застойной атмосфере Гваттари иногда удается вернуться к своему былому динамизму, в особенности если надо уехать из Парижа, отправиться в другие страны. Но в этом депрессивном состоянии сдвинуть его с места нелегко. В 1988 году его друг Эрик Алье изо всех сил старается убедить его, что он обязательно должен быть рядом с ним в Бразилии: «Я без конца звонил ему из Бразилии, и мы подолгу висели на телефоне, то и дело замолкая»¹⁴.

К счастью, хотя Гваттари устал от этого места, в которое он так вложился, мир Ла Борд все равно сохраняется. Осознавая, в каком тяжелом состоянии находится его друг, Жан Ури

10. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

11. Кристиан Бургуа, интервью с автором.

12. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

13. Jean Rolin, *Joséphine*, Paris: Gallimard, 1994, p. 20.

14. Эрик Алье, интервью с автором.

организует группу из четырех человек, которые на протяжении 1980-х годов будут собираться по четвергам после обеда, чтобы неформально обсуждать разные темы. Рядом с Ури каждую неделю сидят Гваттари, муниципальный советник города Блуа Люсьен Мартен и психиатр Даниэль Руло: «Это было важно, было точкой входа, позволившей ему побороться за себя»¹⁵. К сожалению, Гваттари в этой группе не рассказывает о своих личных проблемах, зато возвращается к своей практике 1960–1970-х годов. В последний период он даже регулярно посещает семинар Жана Ури. Не говоря ни слова, он делает заметки в небольшой черной тетради. Ури очень ценит своего слушателя, поскольку его присутствие означает, что они снова вступили в диалог, который давно прервался, еще в период работы Гваттари с Делёзом: «В конце каждого семинара Феликс ничего не говорил, но они просто подолгу сидели вдвоем в большом пустом зале. Сидели на двух стульях друг возле друга и разговаривали каждый раз добрый час»¹⁶.

В маленьком доме, где он проводит почти всю неделю и не может никого принимать, Гваттари одинок. Время больших совместных трапез в Дюизоне давно осталось в прошлом. К нему регулярно навещается его сын Брюно, который живет в Луар и Шер. Его присутствие успокаивает отца, и он привозит еду на выходные. Когда Гваттари опубликует в 1992 году свою последнюю книгу «Хаосмос», он напишет посвящение сыну: «Брюно, который часто отыскивал меня в моей пещере». Долгий унылый период конца 1980-х годов приводит к тому, что его дочь Эмманюэль уезжает в Нью-Йорк. Атмосфера квартиры на улице Сен-Совер стала ей невыносима, и она испытывает острую потребность уехать подальше от отца. Когда она вернется во Францию в 1991 году, она найдет его в довольно печальном состоянии. Эмманюэль привезет книгу Даниэля Стерна, которую просил отец: та очень его увлекает, и он отводит ей большое место в «Хаосмосе». Он обсуждает книгу Стерна с дочерью, между ними завязывается настоящий диалог, какого никогда не было. Жозефина запретила детям приходить в квартиру на улицу Сен-Совер, поэтому Эмманюэль приезжает к отцу на выходные в Ла Борд: «Мы много гуляли. Он был очень эмоционален»¹⁷. Эмманюэль Гваттари переживает с отцом времена, которых бы никогда не было, не случись у него депрессии: «Я бы никогда с ним не сошлась, это было невоз-

15. Жан Ури, интервью с автором.

16. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

17. Эмманюэль Гваттари, интервью с Виржини Линар.

можно. Это место освободила депрессия»¹⁸. Однако интеллектуальная машина продолжает работать, даже в худшие времена: «Он никогда не останавливался, даже перед телевизором. Поглощал, проводил связи, работал все время»¹⁹.

Писательство

Несмотря на свою кататонию, Гваттари остается всё таким же активным участником всех сражений своего времени, и многие из его знакомых даже не подозревают о его психическом состоянии. В этот период он активно включается в борьбу за экологию и продолжает путешествовать по всему свету, от Бразилии до Японии. Но деятельностью, которая позволяет ему хотя бы немного облегчить тяжелейшие из страданий, становится письмо. Он всегда хотел писать, быть писателем. Гваттари, настоящий многостаночник, ни на минуту не перестает писать — то ведет дневник, то делает заметки в блокнотах, то пишет статьи и книги.

В 1980-е годы у него статус известного и признанного автора, в основном благодаря книгам, написанным вместе с Делёзом. Однако от этой истории у него остался осадок, потому что в его тандеме с Делёзом публика замечает в основном последнего, как философа, и потому что Гваттари и сам надеется написать литературное произведение. Он создает множество набросков, черновиков, эскизов, которые в итоге ни во что не соберутся. Тем не менее он испробовал все литературные жанры: стихи, романы, пьесы, сценарии, исповеди, описания сновидений... «Он не был настоящим писателем и, видимо, страдал из-за этого. Он хотел творить. Думаю, он был слишком одержим Джойсом»²⁰. Так, в литературном тексте 1975 года, в котором критикуется использование бетона в парижских пригородах, он прямо упоминает Джойса: «Со времен „Поминок по Финнегану“ они гадают, что бы еще предпринять! Они думали, что если снесут как можно больше, сохранят главное»²¹. Опубликовав вместе с Делёзом «Кафку», Гваттари погрузился в написание романа с загадочным названием, отсылающим к его личной истории, дате его рождения: 33 333 — он родился 30 марта 1930 г. Этот набросок романа, который так и не увидит свет, включает множе-

18. Там же.

19. Там же.

20. Мари Депюссе, интервью с Виржини Линар.

21. Félix Guattari, «L'Amateur Amate», IMES, опубликовано в: Marc Pierret, *Le Divan romancier*, Paris: Ch. Bourgois, 1975.

ство заметок, наблюдений, касающихся личного опыта, среды, некоторых болезненных страхов и эдипова треугольника, который он образует со своими родителями и который полностью устранен из теории, созданной им вместе с Делёзом.

В 1986 году Гваттари собирает поэтический сборник, который носит название, отчасти отсылающее к теме складки (ею в это время как раз занимается Делёз), — «Трещина в плане, а не складка» — и который так и останется неопубликованным²². Из всех этих набросков в итоге получится один более законченный текст, «Ритурнели», фрагментарная автобиография, окончательный вариант которой он соберет в 1992 году при помощи своего друга, художника Жерара Фроманже: «Он позвонил мне и сказал: „Я написал отличный текст!“». Он передает его мне, а там 300 страниц. Я ответил: „Тут 200 лишних страниц, это невозможно читать, сплошные повторы, ужас“. И предложил ему поработать вместе²³. Гваттари принимает предложение с тем бóльшим энтузиазмом, что сам он совершенно не в состоянии в одиночку отредактировать текст. Вместе с Фроманже они упорно трудятся целых полгода. Они изучают каждую строчку на четырехчасовых совместных сессиях, которые проводят в Париже или в студии Фроманже в Италии. Фроманже читает текст вслух и советует выкидывать любое место, которое могло утомить читателя: «Я говорил, как [комик-кабаретист] Фернан Рейно: „Здесь продаются прекрасные апельсины, недорогие! — И так видно, что это апельсины! — Вычеркиваем апельсины...!“ Я проделывал тот же фокус»²⁴. В конце этой долгой работы от трехсотстраничной рукописи остается кусок всего в 80 страниц. Фроманже, по-настоящему полюбивший эту книгу, напишет по ее мотивам огромное полотно под названием «Хаосмос», на котором представлены все цвета этой бурной и жестокой эпохи — эпохи войны в Персидском заливе и террористической атаки на «башни-близнецы». Сразу после смерти Гваттари в конце августа 1992 года Аньес Б. позвонила Фроманже и предложила за свой счет издать текст Гваттари, а от него требовалось только проиллюстрировать этот текст своими рисунками. Он вышел в двух номерах *La Nouvelle Revue française* в 1999 году²⁵. В этом внутреннем монологе Гваттари приводит фрагменты воспоминаний: знаменитая дама в черном, с оружием и холодильным шкафом перед кро-

22. Félix Guattari, «Crac en plan pas un pli», avril 1986, textes dactylographiés, IMEC.

23. Жерар Фроманже, интервью с автором.

24. Жерар Фроманже, интервью с Виржини Линар.

25. Félix Guattari, «Ritournelles», *La Nouvelle Revue française*, janvier 1999, p. 338–374; avril 1999, p. 314–329; rééd. éditions Lume, 2007.

вать, смерть деда, цифра 33333, все темы, преследовавшие его до самого конца, складывающиеся в литературный поток очень коротких фраз, задуманный как музыкальная композиция.

В том же 1989 году Гваттари глубже разрабатывает тему ритурнели, которая уже присутствовала в 1980-м в «Тысяче плато»: «С давних пор музыкальные объекты связывали со временем. Казалось очевидным, что музыка живет во времени. Но что если все наоборот, если это время живет в музыке, если оно живет в ансамбле его развертывания, по крайней мере внутри определенного типа его ритурнелей?»²⁶ В своих рассуждениях Гваттари идет от самого простого, от того, как многие виды птиц помечают свою территорию уникальной ритурнелью. Затем он переходит к усложнению, обращаясь к цифровой записи, лейтмотивам Вагнера или повторяющимся музыкальным ячейкам Филипа Гласса, в конце же опять возвращается к простому: «Концепт ритурнели, который я предлагаю, учитывает, напротив, все типы музыкальных произведений, например рок-музыку, которой многие молодые люди приписывают функцию своеобразной инициации в транснациональную поп-культуру»²⁷. Но точно так же он отмечает и другие возможные виды выражения, которые возвращают музыке тишину и шум, как в произведениях Джона Кейджа, Маурисио Кагеля или Жоржа Апергиса с его жестовой музыкой: «Таким образом, встает задача завоевания времени повседневной жизни, ее эстетической „ритурнелизации“, необходимой, чтобы очистить ее от банальности, вернуть ей сингулярность, воссоздать и изобрести невиданные способы присутствия в мире»²⁸.

В период, когда он вместе с Делёзом работал над соответствующей главой в «Тысяче плато», Гваттари написал пространный этюд о Прусте под названием «Ритурнели утраченного времени»²⁹, вышедший в 1979 году. В романе «В поисках утраченного времени» он видит огромную ризоматическую карту, состоящую из детерриторIALIZED ментальных объектов. «Краткая фраза Вентейля» играет роль материи выражения, создающей реальные эффекты. Гваттари изучает различные сборки, в которые попадает эта фраза, размечающая «Поиски утраченного времени». Он прослеживает движение этой сонаты, выполняющей функцию ритурнели во всем произведении, в самом конце которого она перестает ассоцииро-

26. Félix Guattari, «Les ritournelles Essere», notes manuscrites, archives IMEC, mai 1989.

27. Ibid.

28. Ibid.

29. Félix Guattari, «Les ritournelles du temps perdu», *L'Inconscient machinique*.

ваться с юными девушками, покидая область музыкального: «Тут само письмо становится музыкальным. Музыка проходит через ноты, звуки, стены... Сам мир становится гигантским органом, а письмо — музыкой, изливающейся во все стороны за пределы своей музыкальной вселенной»³⁰.

Написание романа и концептуальный комментарий — не единственные области, которые исследует Гваттари в поисках новых форм выражения. Для театрального режиссера Филиппа Адриана, с которым он дружит со времен написания пьесы «Сны Кафки», он в январе 1985 года пишет текст к будущей постановке под названием «Хозяин Луны», в которой танец должен сочетаться с художественной инсталляцией. Он предполагает, что это будет спектакль для десятка актеров, положенный на музыку Жоржем Апергисом, с хореографией Даниэля Доббеля, костюмами Аделаиды Виньолы и сценографией Жерара Фроманже. Гваттари отсылает пьесу Энцо Корману, которого, несмотря на их дружбу, текст совершенно не убедил. Гваттари просит его прислать критические замечания, но Корман отвечает, что «бред не критикуют»³¹.

Гваттари много раз предлагал ему написать пьесу вместе, но Корман не принимает всерьез эту в действительности вполне искреннюю просьбу. В 1987 году они организуют кооператив французских авторов³², в который войдет много разных участников. Кооператив проведет с десятков собраний по вопросу программы, которая должна определить, какого рода творчество они поддерживают, но эта мобилизация ни к чему не приводит. Тем не менее они выпустят вместе небольшой литературный спектакль. Гваттари отправляет своему другу Корману с десятков пьес. Из них Корман выберет небольшую вещь «Сократ», шутливый тон которой его забавляет. Он поставит пьесу в «Открытом театре», с Арно Карбонье в главной роли, в рамках недели современных авторов. Гваттари сидит на спектакле в четвертом ряду, рядом с ним Жозефина. Когда в 1991 году Корман соберет свою собственную труппу, занимающуюся музыкальным театром, он окрестит ее «Большой ритурунелью» в честь концепта Делёза и Гваттари.

Живопись тоже вызывает у Гваттари огромный интерес, прежде всего творчество его друга Фроманже, о котором он

30. Félix Guattari, «Les ritournelles du temps perdu», p. 308.

31. Enzo Cormann, «Comme sans y penser», *Chimères*, № 23, été 1994, p. 25.

32. В первоначальное ядро входили Дениз Бональ, Энцо Корман, Ролан Дюбийяр, Жан-Клод Грюмберг, Феликс Гваттари, Жан Журдей, Ромен Венгартен, Жан-Поль Вензель.

в 1980-е годы пишет: «Эта сногшибательная фреска „Ночь, день“, от которой цепенеешь — на восьми квадратных метрах в эротическом и смертельном танце кружатся нагие тела-краски»³³. Он считает своего друга Фроманже художником-акционистом, отвечающим на метафизический вопрос «Что значит рисовать?» практической демонстрацией, перформативным жестом. Рисовать — значит действовать, если перефразировать Остина. Освободив цвета от их иерархических отношений и установив между ними равенство, Фроманже, по мнению Гваттари, сделал их главным вектором выражения. Далекий от деконструктивизма, художник отдает предпочтение «процессуальной живописи»³⁴.

В 1986 году Гваттари пишет комментарий к серии «Китира, новый город» по случаю Международной ярмарки современного искусства (FIAC). В эту эпоху подмораживания, когда искусство замирает, как сонная муха, Фроманже оказывается своего рода исключением и как ни в чем ни бывало продолжает свои художественные искания: «Его, по видимости, спасает то, что его вопросом всегда было не „почему“, а „как“»³⁵. В сфере живописи у Гваттари завязались также отношения с Мерри Жоливе, сыном композитора Андре Жоливе, и он пишет текст, посвященный его творчеству, по случаю его выставки в Париже в мае 1975 года. Но самое интенсивное живописное выражение мира как «хаосмоса» в 1980-е годы Гваттари находит у японца Имаи Тошимитцу. Этот художник одновременно «родом из детства», проведенного в Киото, и пропитан опытом бродячего художника на Монпарнасе, где в 1950-е годы сражался с холодом и голодом, пока не получил признание. В то же время «за Имаи как ценностью, признанной истеблишментом, всегда угадывался хулиган из поколения битников, художник-акционист и автор хеппенингов»³⁶.

Высоко ставит Гваттари и творчество американского художника, поэта, фотографа и скульптора Дэвида Войнаровича, в основе которого — бродяжничество и бунт. Войнарович бродяжничал, подобно Керуаку, после тяжелого детства, когда ему пришлось выживать всеми правдами и неправдами и даже заниматься проституцией. Гомосексуал, взбунтовавшийся против конформизма американского общества, он вел маргинальный образ жизни, вращался в кругах контркультуры, и только

33. Félix Guattari, «Gérard Fromanger, la nuit, le jour», *Eighty Magazine*, № 4, août 1984; переиздано в: *Les Années d'hiver*, p. 249.

34. Ibid., p. 256.

35. Félix Guattari, «Cythère, ville nouvelle», FIAC 1986, Grand Palais, 24 octobre — 2 novembre 1986, notes manuscrites, IMEC.

36. Félix Guattari, «Imai, peintre de la chaosmose», texte dactylographié, IMEC.

в 1985 году выставился на прославленной «Биеннале Уитни». Вначале он рисовал по трафарету на стенах в Нью-Йорке, изображая в основном загоревшиеся самолеты-бомбардировщики и взрывающиеся дома, затем писал огромные фрески на заброшенном складе, где к нему присоединились несколько десятков друзей-художников, создав вместе то, что станет одним из важнейших центров нью-йоркской живописи, *East Village Art*. В этой живописи главным вектором выражения всегда был вопрос о сопротивлении официальной власти. Гваттари наверняка близок этот бунт против смерти, о приближении которой знает художник: в возрасте 38 лет он умирает от СПИДа — в том же 1992 году, что и Гваттари.

Гваттари попытался даже несколько раз попробовать себя в кино, когда в начале 1980-х годов написал сценарий для своего друга режиссера Роберта Крамера «Любовь UIQ». Не придавая кино такого же значения, как Делёз, Гваттари тем не менее несколько раз анализировал кинематографические произведения. Большинство своих текстов о кино он в итоге собрал в одной из глав книги «Молекулярная революция», названной «Кино: малое искусство»³⁷. В основном он отвечает в ней на предложения высказаться по вопросу отношения между кино и репрезентацией безумия. Хотя проблема безумия всегда была одной из устойчивых тем кинематографа, в 1970-е годы наблюдается значительное расширение аудитории, интересующейся этой темой, благодаря успеху «Семейной жизни» Кена Лоуча, «Лечебницы», а также фильма «Никто или все» (*Matti da slegare*) Марко Беллоккьо. Кино — малое искусство? «Да, если уточнить, что малое искусство — искусство, служащее людям, составляющим меньшинство, и потому это не уничижительное название»³⁸. В *Libération* он дет пространный комментарий по поводу фильма Теренса Малика «Пустоши», подчеркивая, что, помимо жестоких убийств, он показывает историю безумной любви, преодоления любых пределов в безостановочном шизодрейфе.

По другому поводу, в декабре 1973 года в Болонье на конференции на тему «Эротика и кино», Гваттари выступает против узкой классификации, которая выделяет эротический кинематограф в отдельную категорию. Гваттари, по-прежнему востребованный в роли психоаналитика, в 1975 году пишет в тематический номер журнала *Communications*, посвященный теме

37. Félix Guattari, «Le cinéma: un art mineur», *La Révolution moléculaire*, p. 203–238.

38. Félix Guattari, «Le cinéma doit devenir un art mineur», *Revue Cinématographie*, №18, avril 1976; переиздано в: *La Révolution moléculaire*, p. 205.

«Психоанализ и кино»³⁹. Он проводит параллель между убеждением психоаналитиков по отношению к кино и, наоборот, увлеченностью адептов седьмого искусства психоанализом, начиная с огромного контракта в сто тысяч долларов, который киностудия *Goldwin* предложила Фрейду за анализ знаменитых любовных историй. По мнению Гваттари, психоаналитики могли бы найти в кино пищу для размышлений, которая позволила бы лучше понять бессознательные инвестиции в социальное поле, ведь кинематографисты должны улавливать изменения в социальном воображаемом, чтобы оставаться на одной волне с публикой. Кроме того, кино располагает не только словами, но и другими средствами передачи интенсивностей, реляционных значений, и, подобно речи пациента во время сеанса, «семиотические составляющие фильма скользят друг по другу, никогда не останавливаясь и не стабилизируясь»⁴⁰.

Гваттари понимает кино как уникальный способ машинной сборки, существенно влияющий на субъективность зрителей. Он предостерегает от недооценки коммерческого кино, ведь оно оказывает глубочайшее бессознательное воздействие: «Коммерческое кино является бесспорно фамилиалистским, эдипальным и реакционным!»⁴¹ Гваттари разделяет энтузиазм Делёза по поводу кинематографа Штрауба и Юйе и пишет текст, приуроченный к выходу в 1987 году «Смерти Эмпедокла». Он сближает поэтику этих новых музыкальных опытов, начавшихся с «Моисея и Аарона» и «Хроник Анны Магдалены Бах», с созданием «декламации», соответствующей метрике текста Гёльдерлина.

Наконец, архитектура — еще одна важная область, которая захватывает Гваттари, поскольку он проводит связь между креативностью и социальной эволюцией. В 1988 году он пишет текст о высказывании в архитектуре, отвечая на смятение архитекторов, растерявшихся перед взрывным ростом мегаполисов по всему миру: «Кому в таком, например, городе, как Мехико, который бешеными темпами приближается к 40 миллионам жителей, захочется сегодня вспоминать о Ле Корбюзье! Тут бы даже барон Осман не помог!»⁴² Архитекторам не остается ничего другого, кроме как уйти в создание немногочисленных вычурных строений: предмет архитектуры как таковой рассыпается на части. Если архитектуру и можно изобрести заново, для это-

39. Félix Guattari, «Le divan du pauvre», *Communications*, № 23, avril 1975.

40. Ibid., p. 233.

41. Ibid., p. 237.

42. Félix Guattari, «L'énonciation architecturale», texte dactylographié, archives IMEC.

го надо не создавать особый стиль или школу, а переосмыслить само «архитектурное высказывание», а на его основе и саму профессию архитектора. Последний больше не должен довольствоваться созданием пластических архитектурных форм, он должен «предстать в роли первооткрывателя виртуальных пространственных желаний, связанных с отдельными местами, траекториями и территориями... в роли художника и мастерского чувственного и реляционного опыта»⁴³. Это определение снова сдвигает предмет архитектуры к его истоку, поскольку замыслом и спецификой вклада архитектуры становится способность схватывать различные аффекты пространственного высказывания в соответствии с их масштабами и функциями.

Все эти вылазки в сферу художественного и литературного творчества свидетельствуют о желании Гваттари экспериментировать с тем, что на уровне теории он называет эстетической парадигмой. В наследство он оставил — скорее, конечно, в своих теоретических текстах, чем в художественных произведениях — «инструментарий», позволяющий осмыслить искусство, о чем пишет Николя Буррио⁴⁴. По его мнению, гваттарианская концепция субъективности предоставляет эстетике парадигму, подтверждающуюся в художественной практике как минимум трех десятилетий. Его трансверсальный подход помогает объяснить произведения Дюшана, Уорхола, Раушенберга или Бойса: «Все они основывали свое творчество на системе коммуникации с социальными потоками, свержая миф об интеллектуальной „башне из слоновой кости“, который романтическая идеология приписывала художнику»⁴⁵.

Будучи гетерогенезом, субъективность, по убеждению Гваттари, связана с искусством на фундаментальном уровне. Он не выделял искусство в отдельную сферу, ограниченную эстетикой, не делал из него вершину человеческой деятельности, но представлял его как погружение в саму жизнь: «Территория художественного творчества не была для Гваттари предметом обособленного анализа, она была самим его пространством... Художественные практики размечают для [него] экзистенциальные картографии, в которых субъективность и социальность открывают для себя новые ориентиры, новые координаты, новые возможности ускользания»⁴⁶.

43. Félix Guattari, «L'énonciation architecturale».

44. Nicolas Bourriaud, «Le paradigme esthétique», *Chimères*, hiver 1994, p. 77–94.

45. Ibid., p. 84.

46. Olivier Zahm, «Félix Guattari et l'art contemporain», *Chimères*, été 1994, p. 48.

Глава 24

Делёз в диалоге с художественным творчеством

ХОТЯ Делёз и представлял себя в качестве чистого философа, чистого метафизика, его особенностью всегда было то, что в свои философские размышления он интегрировал мир перцептов и аффектов, литературных и художественных произведений. В художественном творчестве он находил источник для философских размышлений, но никогда не довольствовался сторонними наблюдениями за этой сферой. Он и сам работал с художниками и писателями, чтобы лучше понять процесс творчества. Для Делёза, как и для Гваттари, эстетика — не отдельная область, и его художественная философия придает особый, ключевой статус акту творчества. Философия, определяющая сама себя как «создание концептов», должна внимать процессу художественной сингуляризации.

Работа с художниками

Мы уже видели, какую роль Делёз отводит кино, литературе, что ясно по его работам о Прусте и Захер-Мазохе, затем о Льюисе Кэрролле и Антонене Арто, основных героях «Логик смысла» (1969). Литература для него всегда оставалась излюбленным полигоном для проверки философских гипотез. Будучи философом жизни, он устанавливает фундаментальную связь между жизнью и литературой. Быть философом или писателем — значит иметь дело с проблемой письма, стиля: «Писать — это дело становления, которое никогда не завершено и все время в состоянии делания и которое выходит за рамки любой обживаемой или прожитой материи»¹. Письмо по самой своей сути — акт разрыва, становления другим, будь то становления-женщиной, становления-животным или растением,

1. Жиль Делёз, *Критика и клиника*, СПб.: Machina, 2002, с. 11.

но при этом речь всегда идет о становлении миноритарным, о простом соседстве: «Если Леклезлио становится-индейцем, то индеец этот всегда далек от завершенности, так что не умеет „ни выращивать маис, ни выдалбливать пирогу“»². Литература, согласно Делёзу, существует только в движении отделения от своего собственного прошлого, от своей жалкой эдипальной истории. Она уходит в отрыв благодаря своей способности избавляться от «я»: «Своими неврезами не пишут»³.

Именно эта способность отдаться детерриториализации привлекает Делёза в американской литературе, открытой мощнейшим ветрам приключения, самовыражению определенного малого народа (*d'un peuple mineur*), говорящего на господствующем языке, английском, но исходя из далеких, множественных корней: «Американо-английская литература без усталости представляет эти разрывы, этих героев, которые намечают собственные линии ускользания, творят при помощи линии ускользания»⁴. У Томаса Харди, Германа Мелвилла, Роберта Льюиса Стивенсона, Вирджинии Вулф, Томаса Вулфа, Дэвида Лоуренса, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Генри Миллера, Джека Керуака «всегда присутствует отбытие, становление, переход, прыжок, демон, связь с внешним. Они творят новую Землю»⁵.

Коллективное дыхание, новаторские сборки пронизывают эти произведения, вдохновленные идеей фронта, завоевания Запада, одновременно конкретного и воображаемого, который приходит на смену небесному Иерусалиму. Конечно, эти линии ускользания могут оказаться опасными, даже губительными. Достаточно вспомнить алкоголизм Фицджеральда или самоубийство Вирджинии Вулф — любое новое начало несет в себе серьезные риски. В этом новом начале может присутствовать извращение, предательство, возникающее в ходе процесса, в котором трещины способны оставаться незаметными, как в долготу времени романов Фицджеральда.

Речь о том, чтобы сойти с проторенного пути, подобно проку, обходящему стороной простой путь повиновения: «В чем виноват капитан Ахав у Мелвилла? В том, что выбрал Моби Дика, белого кита, вместо того чтобы подчиниться закону рыбаков, по которому любой кит подходит для охоты»⁶. Капитан Ахав следует за своим становлением-китом, которое явля-

2. Жиль Делёз, *Критика и клиника*. Перевод изменен. — Прим. пер.

3. Там же, с. 12.

4. Gilles Deleuze, *Dialogues*, avec Claire Parnet, p. 47.

5. Ibid., p. 48.

6. Ibid., p. 53–54.

ется не простой имитацией, а захватом силы и кода. Каждый элемент несет свою собственную детерриториализацию, в конце которой «письмо всегда дается тем, у кого его нет, но они, в свою очередь, наделяют письмо тем становлением, без которого его бы не было»⁷. Литературе, которая скрывает свою маленькую тайну или лишь скупно делится ею с читателем, заставляя его брать на себя всю работу интерпретации, Делёз предпочитает литературу, ориентированную на новые эксперименты, на практику, и именно это привлекает его в англо-американской: «Английская или американская литература — это процесс экспериментирования»⁸.

Экспериментируя с линиями ускользания, эта литература, однако, не бежит от жизни. Наоборот, ею движет желание создать иную реальность. Такая литература реализует действие основного концепта «Тысячи плато», сборки, поскольку предполагается на пересечении внутреннего и внешнего, и именно модальности этих сборок определяют ее канву: «Единственная выгода, говорил я себе, какую я могу извлечь из акта письма, — увидеть, как исчезают стеклянные стены, отделяющие меня от мира»⁹. Американская литература, таким образом, с самого начала была коллективной сборкой высказывания, поскольку стала способом выражения в своих нарративах народа, которого нет, то есть всей Америки. Эта литература, кажется, выполняет то, к чему стремился Пруст, считавший ее ролью изобретение иностранного языка, понимаемого как становление-другим родного языка: «Каждый писатель обязан придумать свой язык»¹⁰.

Очевидно, что в силу такой позиции Делёз очень чутко относился к вопросам перехода с одного языка на другой. Когда его бывший студент, германист Пьер Бланшо, в 1982 году пожаловался ему на проблемы с издателями в связи с его новым переводом Клейста (он отказался смягчать текст Клейста, чтобы сделать его более читабельным для французов), Делёз его сразу поддержал: «Пьер Бланшо относится к числу тех немногих переводчиков Клейста, которым удалось поставить проблему стиля»¹¹.

Заставить язык заикаться — главное средство для писателя, который хочет сойти с проторенного пути, и Беккет — тот автор, который на высочайшем уровне раскрыл эту манеру demonstra-

7. Ibid., p. 55.

8. Ibid., p. 60.

9. Henry Miller, *Sexus*, Paris: Buchet-Chastel, p. 29.

10. Marcel Proust, *Correspondance avec madame Strauss*, lettre 47, Paris: Livre de poche, 1972, p. 110–115, цит. по: Жиль Делёз, *Критика и клиника*, с. 16.

11. Жиль Делёз, *Критика и клиника*, с. 149.

ции включенных дизъюнкций. Замечательную иллюстрацию серий заикания Делёз находит в литературе в знаменитой фразе Бартлби у Мелвилла: «Я бы предпочел не» (*I would prefer not to*), которую он пространно комментирует¹². Он полагает, что фраза Бартлби является ярким примером позиции пишущего — и в силу ее загадочного характера, выражающего отказ отвечать ожиданиям других, и потому что, что она позволяет найти лазейку, которая бы не была ни бунтом, ни диалектическим переворачиванием ситуации, но была бы линией ускользания, граничащей с безумием: «В каждом случае возникает впечатление, что безумие только возрастает: безумие не „исключительно“ Бартлби, но вокруг него»¹³. Как подчеркивает Делёз, формула оказывает такое опустошительное воздействие благодаря своей способности создавать зону неразличимости, неопределенности, хотя от героя ждут, что он либо согласится сделать то, что от него требуется, либо откажется. Каждый раз, когда он произносит свое магическое заклинание, то повергает окружающих в ужасную неловкость, и все начинается снова. Когда Делёз выдвигает гипотезу о том, что навязчивая тема творчества Мелвилла — это восстановление единства человеческого и нечеловеческого, он, не говоря этого открыто, возвращается к своему собственному философскому проекту, проекту иной метафизики, нацеленному на восстановление связи между человеком и его собственным хаосмосом.

Еще один аспект — сообщество братьев, освободившихся от отцовской власти. Это некоторое человечество, призванное придумать свой собственный мир, утвердить его как процесс, как «некую стену, сложенную из свободных, не скрепленных раствором камней, в которой каждый элемент ценен сам по себе и вместе с тем соотносится с другими»¹⁴. Оригинальность как ритуфель, подобная формуле Бартлби, повторяющейся в форме серии, — вот, согласно Делёзу, единственный способ обойти двойное препятствие: войну партикуляризм и растворение в Целом, во Всеобщности, отрицающей сингулярности: «Братство, согласно Мелвиллу или Лоуренсу, — это дело оригинальных душ»¹⁵. Но это братство, основанное на прагматизме, истинным героем которого выступает Бартлби, терпит неудачу. Бартлби сталкивается с поражением братства, показавшего себя ничем не лучше советского общества всеобщей пролетаризации.

12. Жиль Делёз, *Критика и клиника*, с. 96–124.

13. Там же, с. 98.

14. Там же, с. 119.

15. Там же, с. 121.

По мнению Жака Рансьера, этот провал общества братьев отмечает собой тупик, в который попытка делезовского освобождения заводит его читателя — сама стена, пусть и сложенная из камней, не связанных друг с другом, становится символом этого тупика. Делёз намечает путь и в то же время «заставляет его упереться в стену»¹⁶. На Бартлби возлагается прометеевская задача вроде той, которую Ницше поручает своему Заратустре. Он становится героем перехода от онтологии к политике, но «литература не открывает никакого перехода к делезианской политике. Дионисийской политики не существует»¹⁷.

Хорошо знает и со студенческой скамьи на философском факультете изучает творчество Делёза главный редактор журнала *Esprit* Оливье Монжен. Основываясь на литературно-критических работах Делёза, он отмечает развертывание определенной географии, «мысли, которая движется с места на место»¹⁸. Так, Монжен считает, что в интерпретации Делёзом Захер-Мазоха центральное место занимает вопрос вины, то есть проблема, которую можно встретить в формальном кантовском законе: «Из него Делёз извлекает урок о том, что моральный закон, формальный и лишенный содержания, вменяет вину. Таким образом, европейский мир оказывается миром вечной вины, а отсюда один шаг до Кафки»¹⁹. Как мы только что указали, Делёз, покинув европейский горизонт, испытывает притяжение Америки, где он ищет сообщество братьев, освобожденных от отцов: «Он не находит его и тем более не верит в идею советской революции»²⁰. Когда он не находит этого общества мечты в Новом Свете, ему не остается ничего, кроме как изучать людей на границах с пустыней, чем он и занимается в «Тысяче плато». Место, которое исследует Делёз, — не Америка и не Европа, но территории гетерогенной гибридности, языковых и культурных смещений.

Писатель и друг Делёза и Гваттари Эдуар Глиссан убедительно выражает эту гибридность в собственном литературном творчестве на пересечении афроамериканской и французской культур. Родившись на Мартинике, в Сент-Мари в 1928 году, он изучает философию, затем антропологию в Сорбонне, а в 1958 году получает приз Ренодо за первый роман «Ящерица». Он знакомится с Гваттари в Париже и, пораженный его

16. Jacques Rancière, *La Chair des mots*, Paris: Galilée, 1998, p. 203.

17. Ibid., p. 202.

18. Оливье Монжен, интервью с автором.

19. Там же.

20. Там же.

интеллектом, вскоре становится его другом: «Я говорил себе: „Я слушаю Сократа“. Я слышал ту же мудрость, иронию, сухость подхода и фундаментальную благожелательность»²¹. Эдуар Глиссан проникся идеями и концептами Делёза и Гваттари, поскольку нашел у них философию, учитывающую устное измерение языка. Он тут же подхватывает концепт ризомы как «системы вторжения в идентичность»²², что отсылает к составной идентичности, знакомой ему по Карибскому региону: «Они мыслят фрактально. Это фрактальное, номадическое, блуждающее мышление»²³. Глиссан пользуется понятием «трепещущей мысли», трепета мира, напоминающего заикание в языке, о котором говорит Делёз. Если мир сильно гибридизировался под воздействием западной колонизации, Эдуар Глиссан предпочитает отстаивать ценности креолизации, то есть смешения культур, индивидов и коллективностей, выступающего источником неожиданностей. Все поэтическое творчество Глиссана проникнуто концептами, очень близкими к концептам Делёза и Гваттари, как показала шведская исследовательница Кристиана Куллберг: «Хаос-мир у Глиссана указывает на глобализацию, которую Глиссан называет мирностью, а его понятие непрозрачности очень близко к понятию сингулярности у Делёза и Гваттари. Для него также важна тема разнообразия, которое он называет разнообразностью, как и понятие „Общего Места“, отсылающее к идее общего пространства»²⁴.

Для Делёза литература — прежде всего эксперимент, она служит ему аргументом против интерпретативного подхода. Как мы уже отмечали, работа о Кафке во многих отношениях стала манифестом литературного эксперимента. Своими многочисленными вылазками в эту область Делёз не собирается добавлять вторую степень рефлексии, философскую, к классической литературной критике. Он, напротив, изымает, производит «хирургическую ампутацию»²⁵ и очерчивает смешанное, одновременно критическое и клиническое пространство. Вместе с Гваттари он посвящает в «Тысяче плато» целую главу (восьмое плато) трем новеллам, завязанным на концепт события, чтобы ответить на вопрос, который часто ставит в тупик: «Что произошло?»²⁶ Новеллу как жанр определяет именно ответ на этот вопрос, в отличие от сказки, отвечающей на вопрос

21. Édouard Glissant, «Philosophie de la mondialité», 25 juillet 2003, France Culture.

22. Ibid.

23. Ibid.

24. Кристиана Куллберг, интервью с автором.

25. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, Paris: PUF, 2005, p. 19.

26. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 316–349.

«Что произойдет?» Для развития этого тезиса Делёз и Гваттари берут, в частности, новеллы Генри Джеймса «В клетке» (1898), Фицджеральда «Крушение» (1936) и, наконец, французскую новеллу Пьеретт Флётю «История пропасти и подзорной трубы» (1976). Творчеством Фицджеральда в целом движут не большие разломы, а «микротрещины, как на тарелке; куда тоньше и гибче, и они возникают, скорее, тогда, когда на другой стороне все идет к лучшему»²⁷. То есть эти незаметные, крошечные, молекулярные изменения мало-помалу разрушают фундамент союзов, идентичностей и уверенности. Фицджеральд в своей новелле использует три линии, проходящие через каждого из индивидов: линию среза, линию трещины и линию разрыва.

К знакомству Делёза с Пьеретт Флётю привело случайное стечение обстоятельств. В 1975 году, приехав из Америки, Флётю селится в крошечной комнате в одном доме с Делёзом в 17-м округе Парижа, затем переезжает на другую сторону улицы в студию на первом этаже как раз напротив квартиры Делёза. На тот момент Пьеретт Флётю только что издала свою первую книгу «История летучей мыши», и Делёз заинтригован и странной парой, которую она, тридцатилетняя, образует со своим бывшим учеником, которому всего 18 лет, и сюжетом самого романа, рассказывающего о фантазии женщины, уверенной, что в ее длинных волосах живет летучая мышь. Делёз и Флётю быстро находят общий язык. Она с воодушевлением открывает для себя «Анти-Эдипа», «Кафку» и особенно «Ризому», которые оставят глубокий отпечаток на стиле ее письма, сосредоточенного на темах потока, кодирования и перекодирования, детерриториализации, а также «становления-животным», которым одержима женщина с летучей мышью. Психотический мир всегда рядом: «Я написала много абстрактных историй, своего рода машинных сборок. Это соответствовало его словам. Он видел вещи, позволявшие мне идти по этому пути машинной фантастики. Я считаю его гениальным выдумщиком»²⁸.

Каждый день Делёз с одной стороны улицы и Флётю с другой вступают в безмолвное общение. Один открывает окно, чтобы выкурить первую сигарету, другая в окне напротив расчесывает свои длинные волосы. Делёз стал частью повседневной жизни писательницы, которая вывела его в качестве персонажа в своей книге «Мы вечны»²⁹. В главе, в которой он фигурирует,

27. Там же, с. 326.

28. Пьеретт Флётю, интервью с автором.

29. Pierrette Fleutiaux, «Le philosophe, Dloures, le philosophe», dans *Nous sommes éternels*, Paris: Gallimard, 1990; Folio, 1992, p. 679–692.

появляется известная тема пробивающейся травы, противопоставляемой дереву, занимающему сторону власти: «Я была так рада видеть эту пробивающуюся траву, смотрела на нее, когда ходила по улицам города, она была танцем нашего города»³⁰. В этом воспоминании о Делёзе, своем соседе, писательница упоминает о его силуэте в окне напротив.

Делёз, любитель так называемых малых жанров, воздаст должное новелле, отдавая ей видное место в «Тысяче плато». Еще в 1960-е годы он вернул достоинство другому жанру, тогда презираемому, но впоследствии легитимированному, а именно детективу. По случаю тысячного выпуска «Черной серии» в 1966 году Делёз пишет о необыкновенном прорыве, который удалось совершить этой серии, сумевшей перевести классический полицейский детектив, всегда нацеленный на поиски истины, как в своем рациональном французском изводе, так и в британской версии в духе Конан Дойля, в совершенно иной регистр — сцепления ошибок и «потенций ложного»³¹, который выражается в триединых отношениях разоблачения, коррупции и пыток. Таким образом, «Черная серия» связана с великой традицией, которую Делёз возводит к Светонию и Шекспиру, прибегнувшим к зловещей сборке гротескного и ужасного, позволявшей им свободно распоряжаться жизнью и смертью своих персонажей.

Делёз изучал также и проклятую литературу. Можно вместе с Раймоном Беллуром отметить необыкновенную близость между Делёзом и Анри Мишо³². Раймон Беллур в своем предисловии представляет поэта как «разновидность множественностей»³³, составленных из сильных впечатлений, например, когда он был врачом или матросом, прежде чем стать писателем, поставившим себе цель передать этот опыт и его аффекты в своем письме или живописи. Согласно Беллuru, который в данном случае повторяет делезовское определение настоящего писателя, Мишо заставил «язык заикаться». Его фрагментарность, потоки, размеченные купюрами, представляются наиболее точным литературным отражением философской проблематики Делёза: «Писать — значит отвечать. Делать из языка, понимаемого

30. Pierrette Fleutiaux, «Le philosophe, Dloures, le philosophe», dans *Nous sommes éternels*, p. 681.

31. Gilles Deleuze, «Philosophie de la série noire», *Arts et Loisirs*, №18, 26 janvier — 1 février 1966, p. 12–13; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 117.

32. Раймон Беллур посвящает свое предисловие к собранию сочинений Анри Мишо, среди прочих, Жилью Делёзу и Феликсу Гваттари: Henri Michaux, *Œuvres complètes*, tome 1, Paris: Gallimard, Pléiade, 1998.

33. Raymond Bellour, *ibid.*, p. X111.

как часть чувственного, место реакции на чувственное, на его многочисленные случайности»³⁴. Поиски Мишо в данном случае в некоторой степени сближаются с поисками сюрреалистов, с которыми он, однако, порвал: задача состояла в том, чтобы исследовать мышление через письмо или живопись.

Как отмечает Беллур, Делёз воспроизводит в своей книге о Фуко сразу три названия из Мишо, упоминая одно за другим «пространство внутреннего», «далекое внутреннее» и «жизнь в складке»³⁵. Подписывая «Различие и повторение» для Мишо, Делёз написал: «Вы сумели сказать о шизофрении намного лучше и больше того, что когда-либо было сказано, и всего на нескольких страницах: это великие испытания мышления»³⁶. Мишо — писатель, чаще всего цитируемый в работе «Что такое философия?», отмечает Беллур³⁷. В ключевой главе книги о плане имманентности он упоминается в конце линии, начинающейся с Эпикура и проходящей через Спинозу, чтобы указать на то, что проблема мышления — вопрос бесконечной скорости. После этого он упоминается вместе с Бланшо и Фуко в связи с оксюмороном «интимность как Внешнее». Особый статус, приписываемый Мишо, как считает Беллур, связан с двусмысленным положением этого писателя, являющегося еще и философом, а также с литературным статусом философии, как ее понимает Делёз, использующий Мишо для того, чтобы набросать ряд философских тезисов. Эту исключительную близость подчеркивает и Анн Сованьярг, которая видит в ней общую для них обоих попытку уловить жизненные силы и аффекты, равно как и желание высвободить сингулярности³⁸.

Мишо стоит на стыке литературы и изобразительного искусства, и его творчество становится для Делёза предметом интенсивных размышлений. С художником Жераром Фроманже Делёз познакомился в 1971 году при странных обстоятельствах. Фроманже закончил серию картин, и галерист Карл Флинкер пообещал ему устроить выставку. Но потом Флинкер замолчал, и Фроманже решил явиться к нему без приглашения. Он пришел на улицу Турнон, возле Сената, прошел через экспозицию на первом этаже, поднялся на второй, где находился кабинет Флинкера. Тот представил ему руководительницу галереи, некую Фанни, в присутствии которой и произошла стычка между

34. Ibid., p. xvii.

35. Gilles Deleuze, *Foucault*, Minuit, 1986, p. 126.

36. Henri Michaux, *Œuvres complètes*, tome III, 2004, p. xxxix.

37. Raymond Bellour, dans Éric Alliez (sous la dir.), *Gilles Deleuze. Une vie philosophique*, Synthélabo, 1998, p. 537–543.

38. Anne Sauvagnargues, *Gilles Deleuze et l'art*, p. 200–208.

галеристом и художником. Флинкер объяснял свое молчание страхом — он боялся левацкого окружения Фроманже, выборного представителя ассоциации по меньшей мере трехсот художников: «Он сказал мне: „Боюсь, что вы забросаете мою галерею коктейлями Молотова. Это будет бесконечная генеральная ассамблея днем и ночью, у меня нет на это времени“, а затем добавил: „Ты-то очень милый, мне нужно подумать“»³⁹. Фроманже встал, показав, что понял его мысль. Вместе с незнакомой ему женщиной, которая присутствовала при ссоре, стоя на пороге, он зашел в бистро напротив. Там она рассказала ему, что поражена жестокостью отношений между торговцами искусством и молодыми художниками: «Она сказала мне, что для нее это невыносимо, и добавила, что ее мужу нравится то, что я делаю, и пригласила меня в гости. Я спросил, чем занимается муж, и она ответила: „Он преподаватель философии, пишет книги, философ“»⁴⁰. В тот же вечер Фроманже оказался на ужине с Делёзом, очень польщенный интересом, который тот проявил к его творчеству.

Они сразу же сдружились. Делёз спросил Фроманже, не может ли он посмотреть картины у него в студии, что положило начало долгому сотрудничеству. Делёз задавал художнику вопросы о том, как он работает, о его приемах, о том, как он обдумывает свое произведение: «Жиль сказал мне: „Я буду задавать тебе глупые вопросы“, и спросил, почему у меня в этом месте красный. В ответ я проговорил около часа, он делал заметки, все время меня подбадривая: „О! Прекрасно! Замечательно!“ Я нашел подтверждение мысли Леонардо да Винчи о том, что живопись — это идеи, нечто умственное»⁴¹. Около двух недель спустя Делёз позвонил Фроманже с просьбой о втором совместном сеансе: «Он сказал, что ему еще кое-чего не хватает и нужно, чтобы я ему еще что-то объяснил. Я был рад, но сомневался, что смогу сообщить ему что-то по-настоящему важное»⁴². Делёз спросил у Фроманже, как он пишет на холсте, который изначально бел: «Я сказал ему: „Это тебе холст кажется белым, на самом деле он черный“, и он воскликнул: „Отлично! Черный! Почему черный?“, и я ответил: „Черный из-за всего того, что на нем написали все другие художники до меня“. И он прокомментировал: „То есть нужно не затемнить холст, а, наоборот, отбелить...?“»⁴³. Делёз повторяет эту идею слово в слово в книге «Что такое философия?»:

39. Жерар Фроманже, интервью с автором.

40. Там же.

41. Жерар Фроманже, интервью с Ив Клоарек, 22 октября 1984 года, I M E S.

42. Там же.

43. Там же.

Живописец пишет не на чистом полотне, а писатель — не на белой странице, но на странице или холсте, уже настолько испещренных предсуществующими, предзаданными клише, что материал приходится сперва оттирать, отчищать, отскабливать, даже разрывать, чтобы пропустить свежий ветерок хаоса, приносящего нам видение⁴⁴.

После первых сеансов интенсивной совместной работы Фроманже получил от Делёза приглашение на ужин с уточнением, что всей его семье нужно его мнение по одному очень важному вопросу. Фроманже с удовольствием принял приглашение. Когда он пришел, «Жиль был в чем-то похожем на костюм, мальчик, Жюльен, которому тогда должно было быть 10–12 лет, надел маленький галстук. Я спросил, что происходит, и Жиль ответил, что это особый случай»⁴⁵. После десерта Делёз повернулся к камину, взял с него конверт и попросил Фроманже его открыть. Фроманже открыл конверт и увидел чек на 8000 франков, это была зарплата его жены Фанни за первый месяц работы, и небольшое письмо, адресованное Карлу Флинкеру, в котором Делёз сообщал, что, учитывая отношение галериста к Фроманже и, возможно, ко всем молодым художникам, его жене будет трудно с продолжать с ним работать, и потому она решила уйти с поста директора галереи. Делёз спросил у Фроманже, согласен ли он с этим: «Я ответил, что это не мое дело, соглашаться или нет, тогда он спросил, справедливо ли это, и я сказал, что да»⁴⁶. Делёз взял чек, отдал его своему сыну Жюльену, и тот разорвал его, после чего «Жиль вложил разорванный чек в конверт и сказал мне: „Жерар, ты опустишь конверт в почтовый ящик“»⁴⁷.

Эта история, случившаяся в самом начале их отношений, их очень укрепила. Это была реальная жертва, потому что в то время, в 1971 году, чета Делёз еще небогата. Делёз написал предисловие к каталогу выставки Фроманже, прошедшей в 1973 году на улице Боз-Ар, 9, вскоре после их первой встречи⁴⁸. В результате этой совместной работы над осмыслением устройства мыслительного процесса в живописи Делёз пустится в рассуждения о цветах, подчеркивая их отвлеченность от эксплицитного смысла: «Цвета ничего не значат: зеленый не обозначает надежды, желтый — тоски, красный — радости. Только теплое

44. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, с. 235.

45. Жерар Фроманже, интервью с автором.

46. Там же.

47. Там же.

48. Gilles Deleuze, «Le froid et le chaud», dans *Fromanger, le peintre et le modèle*, Baudard Alvarez, 1973; переиздано в: *L'île déserte et autres textes*, p. 344–350.

и холодное. Материал в искусстве: Фроманже рисует, то есть заставляет картину функционировать. Картина-машина художника-механика»⁴⁹.

Музыка прежде всего

Делёз вел работу не только с писателями и художниками, но и с музыкантами. Для него любое погружение в сферу, не являющуюся его собственной, всегда опосредовано встречей с профессиональными умениями, о которых он узнает от других. Делёз написал книги о кино, литературе и живописи, но не написал книгу о музыке. Однако незадолго до своей смерти в сентябре 1995 года он позвонил другу, Ришару Пина: «Жиль говорил о Равеле, о книге о музыке, которую ему хотелось бы написать, о форме книги, которую хотелось бы преодолеть»⁵⁰.

Впервые он выступил на этом поле в 1978 году, на пике создания «Тысячи плато» с Гваттари. Он участвует в семинаре о музыкальном времени, организованном IRCAM (Институт исследования и координации акустики и музыки) по инициативе Пьера Булеза, с участием Ролана Барта и Мишеля Фуко. На вечере памяти Делёза в «Сите де ла мюзик» в январе 1996 года Булез скажет на открытии: «Жиль Делёз был одним из немногих интеллектуалов, которые глубоко интересовались музыкой»⁵¹. На публичных дебатах произошел небольшой инцидент. Во время выступления Делёза встал какой-то человек и сказал, что ничего не понял. В зале началось волнение, встал рассерженный Булез, потребовав от выступившего покинуть зал, если он не в состоянии понять Делёза. В этой суматохе Делёз спокойно наблюдает за залом, затем снова берет слово, пообещав, что постарается быть предельно понятным, но на самом деле продолжает воспроизводить свой тщательно подготовленный текст. Отталкиваясь от размышлений о серии из пяти произведений, предложенных для прослушивания Булезом, Делёз расслышал единство серии в непугирующем времени, которое обособляется от времени пугирующего: «Необходимо выяснить, в чем именно состоит это непугирующее время. Эта разновидность парящего време-

49. Gilles Deleuze, «Le froid et le chaud», *L'Île deserte et autres textes*, p. 344.

50. Richard Pinhas, *Les Larmes de Nietzsche, Deleuze et la musique*, Paris: Flammarion, 2001, p. 24.

51. Пьер Булез, цит. по: David Rabouin, *Le Magazine littéraire*, février 2002, p. 40.

ни»⁵². Такое время отсылает к длительности, к времени, освобожденному от меры, к «времени в чистом состоянии», каким его видел Пруст, времени, состоящему из гетерохроний, не коммуницирующих и не совпадающих друг с другом. Делёз проводит аналогию с исследованиями в области биологии, столкнувшейся с проблемой соотнесения разрозненных молекул. Можно ведь говорить и о «звуковых молекулах, которые в связке друг с другом способны проходить через слои ритмичности, предельно гетерогенные слои длительности»⁵³.

Эта бинарная оппозиция пульсирующего/непульсирующего времени близка к оппозиции гладкого и рифленого пространства, о которой Делёз и Гваттари пишут в «Тысяче плато». Кроме того, подобное тематическое сближение позднее будет разработано Делёзом в тексте о Булезе, написанном в 1986 году: «От рифленого пространства-времени, в свою очередь, отделяется гладкое, или неппульсирующее, пространство-время, которое отсылает к хронометрии лишь глобально: срезы в нем не детерминированы»⁵⁴. Эта двойная оппозиция осмыслена самим Булезом в 1960-е годы⁵⁵: у него Делёз обнаруживает «приоритет креативной текучести перед формальной нормой, хотя и признается необходимость последней для написания и исполнения произведения»⁵⁶.

Кроме того, один из самых прилежных завсегдатаев курса Делёза в Винсене, Ришар Пина, ставший его близким другом, еще и композитор. Он первым во Франции стал использовать в рок-музыке синтезатор, хотя начинал с минимализма. Он посещает курс Делёза с момента его появления в Венсене в 1971 году и до его выхода на пенсию в 1987-м. Периодически Делёз просит Пина подготовить ему краткую справку по тому или иному вопросу музыковедения: «Это было время, когда я много работал с аналоговыми синтезаторами, и это похоже на то, что можно встретить в конце главы „О ритурнели“ в „Тысяче плато“, в том месте, где говорится о синтетическом»⁵⁷. Обмен идеями действует в обоих направлениях. Пина считает, что его музыка во многом вдохновлялась некоторыми концептами Делёза: «Электронная музыка основывается на звуковых потоках,

52. Gilles Deleuze, «Rendre audibles des forces non audibles par elles-mêmes» (1978), *Deux régimes de fous*, p. 143.

53. Ibid., p. 144.

54. Gilles Deleuze, «Occuper sans compter: Boulez, Proust et le temps» (1986), *Différence et répétition*, PUF, 1968, p. 274.

55. Pierre Boulez, *Penser la musique aujourd'hui*, Paris: Gonthier, 1963.

56. Mireille Buydens, *Sahara. L'esthétique de Gilles Deleuze*, Paris: Vrin, 1990, p. 154.

57. Ришар Пина, интервью с автором.

на срезах потока и на размышлениях над последовательностями»⁵⁸. Таким образом, существует прямая связь между идеями Делёза о материалах и об игре сил, которую из них можно извлекать, и электронными композициями Пина. К этому добавляются размышления Делёза о времени и машинности: «В синтезаторах только и было, что срезы со связками и повторениями, в отличие от современной цифровой музыки»⁵⁹. Ришар Пина был просто изумлен: «Если взять последние страницы главы о ритурах в „Тысяче плато“, видно, что ему удалось на четырех страницах выразить то, что хотел бы написать любой музыкант, пытавшийся теоретически осмыслить музыку. В этом и состоит его гений»⁶⁰.

Эта способность понять самую суть музыки тем более удивляет, что, в отличие от Гваттари, Делёз очень поздно начал ее слушать, слушал мало и его музыкальные вкусы больше склонялись к Пиаф, Полу Анке и... Клоду Франсуа, что не мешало ему любить «Болеро» Равеля, о котором он даже собирался писать. Однажды в 1972 году Ришар Пина привел Делёза в студию звукозаписи и дал ему прочесть текст Ницше о его собственной музыке: «Ему надели наушники, и его это очень забавляло. Он, кстати, много работал на синтезаторах»⁶¹. Пина понимает музыкальное произведение как форму одновременности, близкую к ницшеанско-делезианской концепции времени как вечности и временной тотальности. Не обращая внимания на музыкальные жанры, Пина рассматривает все звуковое производство как один и тот же поток, соединяющий Баха, Вагнера, Хендрикса, Стива Райха или Филипа Гласа в разных степенях интенсивности. По мнению Пина, логика ощущения, о которой писал Делёз в связи с творчеством Фрэнсиса Бэкона, также может быть перенесена на музыкальное произведение: «Модуляции и ритм обладают теми же модальностями и той же сферой конституирования, что и ощущение, как его определяет Жиль Делёз: неизменно синтетическим характером и различием конститутивных уровней»⁶².

В 1975 году Паскаль Критон, музыкант и студентка-музыковед, оказалась на лекции Делёза — она зашла за подругой. Лекция шла к концу. Она открывает дверь и слышит, как Делёз проводит аналогию между тем, что он хочет сказать на фило-

58. Ришар Пина, интервью с автором.

59. Там же.

60. Там же.

61. Richard Pinhas, «Deleuze Variations», France Culture, 21 avril 2002.

62. Richard Pinhas, *Les Larmes de Nietzsche, Deleuze et la musique*, p. 200.

софском уровне, и хроматизмом в музыке. Обращаясь к слушателям, он говорит, что было бы интересно послушать, что об этом думает кто-то разбирающийся в этом вопросе. Паскаль Критон всего 21 год, это довольно робкая девушка, случайно очутившаяся на лекции, но она как раз занимается хроматическими вариациями в африканских культурах. Она набралась смелости, встала и коротко изложила то, что можно считать точкой зрения специалиста по этому вопросу. Когда занятие закончилось, а студенты стали шумно расходиться, двигая стулья и столы, «он сделал мне знак, взглянув на меня поверх очков. Я оглянулась, чтобы посмотреть, к кому он обращается, и поняла, что ко мне»⁶³. Паскаль Критон подходит к Делёзу, терпеливо дожидается, пока разойдутся окружившие его студенты, он снова бросает на нее взгляд: «Он пересказал мою речь о хроматизме и спросил, не хочу ли я прийти рассказать поподробнее, дать послушать музыку»⁶⁴. Она соглашается, но говорит, что не понимает, чем ему может быть полезна: «Тогда он сказал мне: „Все просто, просто поставьте нам музыку или принесите материалы и сделайте небольшое выступление на основе ваших знаний о хроматизме в музыке“. Идея мне понравилась»⁶⁵.

Неделю спустя начинается работа над хроматизмом: Паскаль Критон приносит магнитофон, чтобы дать послушать «„Затонувший замок“ Дебюсси, „Хронохромия“ Мессиана, а также африканские песнопения, записанные Жильбером Руже. Очень быстро удается связать между собой разные уровни: Делёз как раз разрабатывает понятия машины войны и аппарата государства. Хроматизм соседствовал с машинами войны!»⁶⁶ Паскаль Критон не ограничивается этим вкладом, помимо этого ее зачаровывает сам тембр голоса и ритмика речи Делёза, его манера мыслить вслух.

В это же время Паскаль Критон знакомится с великим русским музыкантом Иваном Вышнеградским, жившим тогда в Париже, где он умрет в 1979 году. Делёз интересовался работой Критон с этим русским композитором, первопроходцем в том, что он назвал «ультрахроматизмом». Критон напишет о нем в 1996 году книгу, которую посвятит Делёзу⁶⁷. Делёз получил несколько вариантов рукописи и написал ей:

63. Паскаль Критон, интервью с автором.

64. Там же.

65. Там же.

66. Pascale Criton, «L'invitation», dans André Bernold et Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*, Paris: Hermann, 2005, p. 56.

67. Pascale Criton, préface à Ivan Wyschnegradsky, *La Loi de la pansonorité*, Contre-champs, Genève, 1996.

Я очень верю в твою работу... Она мне очень понравилась, и по закону прекрасных совпадений я как раз сейчас работаю над виртуальным. Меня очень привлекает идея звукового континуума, подразделяемого на отдельные частичные континуумы игрой интервальных качеств. Последние, возможно, еще не определились... процесс актуализации, предшествующий актуальности, индивидуальности или звуковому качеству. Замечательные страницы, где ты показываешь, что в процессе актуализации предел неразличим, как переход с одного плана на другой⁶⁸.

В своем собственном музыкальном творчестве Паскаль Критон испытала сильное влияние делезо-гваттарианской тематики. Она утверждает, что в пьесах для фортепиано, которые писала в 1980-е годы, она добралась до молекулярного материала, добившись разжижения звукового материала, а в своей работе над музыкальным континуумом она использует понятие «перекодирования», изобретенное Гваттари. Делёз, со своей стороны, прислушивался к специалисту: «Он никогда не строил из себя специалиста в музыке. Это была лаборатория, мысль, которая строилась в процессе. Он говорил мне: „Это правильно?“, „Могу я так сказать?“»⁶⁹

В начале 1980-х годов, когда Делёз пишет о кино, он не забывает о его музыкальной составляющей. Вместе с Паскаль Критон он изучает теоретические работы Эйзенштейна о гармониях между образом и звуком: «Это было связано с интермедийальностью, с сенсорной трансмодальностью, мы много об этом говорили и читали много теории»⁷⁰. В ходе этих сессий она знакомит Делёза также с творчеством Жерара Гризе, ученика Мессиана, положившего начало так называемому «спектральному движению», которое в середине 1970-х годов заново ввело в музыку временные процессы. У Гризе был один автор, на которого он ориентировался, единственный философ, чьи работы помогали ему осмысливать музыку: Делёз. Скоропостижно скончавшийся в возрасте 52 лет, Гризе оставил теоретические работы, с которыми Паскаль Критон познакомила Делёза.

Делёз, посвятивший свой последний курс в 1987 году гармонии, признается Паскаль Критон, что хочет написать вместе с ней работу, скорее всего, книгу о музыке, но обстоятельства этому препятствуют: состояние здоровья Делёза ухудшается, как и состояние матери Паскаль Критон, Доменик д'Ашер, которая вместе с дочерью ходила на лекции: «Это стечение обстоя-

68. Жиль Делёз, письмо к Паскаль Критон, 20 декабря 1993 года.

69. Pascale Criton, «Deleuze Variations», France Culture, 21 avril 2002.

70. Паскаль Критон, интервью с автором.

тельств пугало меня, шли месяцы, я чувствовала, что не в состоянии быть рядом с ним и писать эту работу о музыке»⁷¹.

Хотя Делёз с энтузиазмом занимается темами кино, живописи и музыки, с театром дело обстоит иначе. Этот вид искусства его интересует мало. Откуда берется эта дистанция — быть может, от его неизменной язвительной критики репрезентации? Однако и в этой области было несколько исключений, благодаря которым он столкнулся с театральной режиссурой. Прежде всего, это знакомство с Кармело Бене, создателем особого жанра, инсценирующего музыку, голос и образ, хотя начинал Бене в кино.

Знакомство случилось при посредничестве того, кто станет близким другом Делёза, итальянского писателя и переводчика Жан-Поля Манганаро: «В 1975 году я встретился с Кармело Бене в Риме, чтобы пригласить его приехать в Париж, и имел слабость спросить у него, с кем он хочет повидаться в Париже. Он ответил: с Бартом, Делёзом, Клоссовски, Лаканом и Фуко. Я был знаком только с Бартом и Фуко, и мне пришлось набраться смелости и позвонить Делёзу, который оказался необыкновенно мил и приветлив. Он уже знал несколько фильмов Бене»⁷². С этой встречи Кармело Бене и Делёз будут постоянно говорить о театре, что выльется в итоге в совместную книгу, изданную в 1979 году⁷³. Ее название «Наложения» указывает на то, что Делёз в ней не занимается внешней интерпретацией, не навязывает еще один дополнительный комментарий к творчеству Кармело Бене, но теоретизирует акт изъятия, который сам Бене произвел в «Ричарде III» Шекспира. Критическое и одновременно клиническое пространство, придуманное Делёзом, в данном случае означает хирургическую ампутацию. Делёз, не любивший путешествовать, все же соглашается на то, чтобы Манганаро отвез его в 1977 году в Рим на постановку пьесы. Актер, ставший режиссером, кинорежиссер, ставший театральным деятелем: Делёза притягивает амбивалентность, та мощь, которая позволяет Бене преодолевать разделение между автором, актером и режиссером и которую применительно к нему Делёз называет «акториальной машиной».

В основе этого театра мы обнаруживаем, помимо темы малого языка, еще и тему вариации: «Значение имеют отношения скорости или медлительности»⁷⁴. Тем самым совершается раз-

71. Там же.

72. Жан-Поль Манганаро, интервью с автором.

73. Carmelo Bene, Gilles Deleuze, *Superpositions*, Paris: Minuit, 1979.

74. Ibid., p. 113.

рыв с трагической идеей репрезентации конфликтов и противоречий, которые нужно преодолеть, что особенно радует Делёза. Отказавшись от такой интересубъективной диалектики, Бене запускает линии вариаций, отвечающие различным модальностям и скоростям, которые развиваются по траектории миноритарных становлений. В этом театре также присутствуют размышления о телесности, близкие делезовским темам. Театральная работа, по мнению Кармело Бене, ставит вопрос о том, как быть актерским телом без органов и одновременно пребывать на сцене. Речь о том, чтобы выразить «невозможность тела хотеть, мочь: преграды — препятствия, если воспользоваться термином Жилия Делёза, — которые ему мешают и сбивают его с пути»⁷⁵. В этом театральном выражении Бене придает особую важность голосу, его непрерывным вариациям, относящимся к порядку изречения и соответствующим в его театре трем разным потокам: голосу актера на сцене, записанному голосу и искаженному реальному голосу актера, тембр которого то повышается, то понижается.

Что касается темы голоса — Делёз напишет замечательный оммаж своему старому другу Алену Кюни, с которым он познакомился в юности у Мари-Мадлен Дави⁷⁶: «Если голос что-то и раскрывает, так это то, что концепции не абстрактны... Когда это голос такого актера, как Ален Кюни... возможно, это один из самых прекрасных примеров театра у микрофона. Можно было бы только мечтать об „Этике“ Спинозы, прочитанной Аленом Кюни. Голосом, который словно подхвачен ветром, гонящим волны доказательств»⁷⁷.

В 1992 году Делёз публикует важный текст под названием «Изможденный» — послесловие к сборнику «Quad и еще четыре телевизионные пьесы» Беккета⁷⁸. Мир Беккета, его персонажи и их диэюнкции близки увлеченности Делёза Бартлби и его фразой «Я бы предпочел не». Отсутствие возможного в театре Беккета, как считает Делёз, отсылает к теме изможденности, исчерпания, которая не сводится к простой усталости: усталость еще располагает какими-то возможностями, хотя и неспособна их осуществить, тогда как у изможденного этих возможностей нет: «Он изможденный, потому что исчерпал возможное, и на-

75. Jean-Paul Manganaro, préface à Carmelo Bene, *Notre-Dame des Turcs*, Paris: POL, 2003, p. 17.

76. Gilles Deleuze, «Ce que la voix apporte au texte», dans *Théâtre national populaire: Alain Cuny «Lire»*, Lyon: Théâtre national populaire, nov. 1987; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 303–304.

77. Ibid., p. 303–304.

78. Samuel Beckett, *Quad et autres pièces pour la télévision*, suivi de *L'Épuisé* par Gilles Deleuze, Paris: Minuit, 1992.

оборот»⁷⁹. Согласно Делёзу, есть четыре способа исчерпания возможного: составлять исчерпывающие серии вещей, приглушать поток голосов, исчерпывать потенциальности пространства и рассеивать силу образа: «Измощенное — это исчерпывающее, приглушенное, исчерпанное и рассеянное»⁸⁰.

Эстетика, по Делёзу, отнюдь не индивидуальная вотчина специалистов: она присутствует в каждом как симбиоз перцептов и аффектов в сингулярных комбинациях того, что он, опираясь на Бэкона, называет «логикой ощущений». На тот момент, когда Делёз передал Гарри Янковичи из издательства *La Différence* свое эссе о Бэконе, он не был лично знаком с художником. Его издатель Жоаким Виталь часто обсуждал с Делёзом живопись, и, хотя он считает, что у того получился увлекательный и оригинальный анализ живописи Бэкона, Виталь также констатирует, что «его багаж в сфере искусства был невелик, а вкусы были спорными»⁸¹. Тем удивительнее, что Делёзу удалось на основе анализа творчества Бэкона найти работающие концепты.

Как только этюд Делёза был опубликован, его сразу прислали Бэкону⁸², который поразился его прозорливости: «Этот парень словно заглядывал мне через плечо, когда я писал свои картины!», — отметил он⁸³. Жоаким Виталь, большой поклонник Бэкона, организует встречу между автором и художником в Париже, ужин на улице Трюден, в *l'Auberge du Clou*. Но то, что должно было стать сном наяву, превратилось в кошмар:

Ужин вышел отвратительным — таким же отвратительным, как диалог между ними. «Дорогой Жиль», «Дорогой Фрэнсис»... Они улыбались друг другу, говорили комплименты, снова улыбались. Мы изумленно слушали, как они перебирают банальности. Мы подбрасывали им темы: египетское искусство, Догэн, Шекспир, Суинберн, Пруст, Кафка, Тёрнер, Гойя, Мане, письма Ван Гога брату, Арто, Беккет. Каждый подхватывал ту или иную тему, обыгрывал ее в одиночку, не заботясь о другом. Откупорили бутылку бордо, что Бэкон воспринял как личное оскорбление, а Делёз произнес первоклассную речь об университете⁸⁴.

Делёз, со своей стороны, когда у него спросили, знаком ли он с Бэконом, прокомментировал: «Да, познакомился уже после книги. В нем чувствуется сила и мощь, равно как и большое оча-

79. Gilles Deleuze, *L'Épuisé*, p. 57.

80. Ibid., p. 78.

81. Joachim Vital, *Adieu à quelques personnages*, Paris: La Différence, 2004, p. 228.

82. Жиль Делёз, *Фрэнсис Бэкон. Логика ощущения*, СПб.: Machina, 2011.

83. Фрэнсис Бэкон, цит по: Joachim Vital, *Adieu à quelques personnages*, p. 228.

84. Ibid., p. 236–237.

рование. Стоит ему час посидеть на месте, его начинает корешить во все стороны, и сразу видно, что это Бэкон»⁸⁵.

В своей книге Майкл Пеппат пишет, что нигде в мире Бэкон не пользовался такой известностью, как в Париже⁸⁶. Но предметом этого этюда является не только он, это еще и исследование живописи, нацеленное на размышления об эстетике, о доступе к «чистой фигуральности» путем изъятия и изоляции: «Живопись должна оторвать Фигуру от фигуративного»⁸⁷. Делёз, таким образом, продолжает размышления о лицевости, начатые вместе с Гваттари в «Тысяче плато». Он видит в Бэконе художника, который разрушает лица, чтобы выявить под влиянием эффекта сверхкодирования множественные становления лиц как продолжения тел. Откуда возникает сильное чувство, испытываемое перед картиной Бэкона? Из его способности уловить игру сил, которая действует на картину, определяя ее форму. У Бэкона можно найти желание фигуративно представить жизнь: «Материя — это жизнь».

Благодаря всем этим экспериментам Делёз создает трансцендентальную эстетику ощущения. Стремясь преодолеть противопоставление критики и клиники, он разрабатывает «физику интенсивности»⁸⁸, оставаясь верным первому вдохновению, почерпнутому у Ницше, не уступая в своем желании уловить силы, действующие в этом творческом процессе. В центре этой эстетики стоит витализм, о чем напомнил сам Делёз в письме Мирей Бюидан в ответ на книгу, которую она ему посвятила: «Надеюсь, что вы и сами заметили, что для меня самое главное — это „витализм“, или концепция жизни как неорганической силы»⁸⁹. Зато когда Мирей Бюидан снова вводит в делезовскую эстетику серию дуализмов, понятых как противоречащие друг другу, таких как сила и форма, чтобы в итоге прийти к констатации «аформализма», она упускает то, что стремился выразить Делёз, о чем он сам рассказывает Арно Виллани: «Делёз, когда я ему изложил эту проблему, решительно от нее отмежевался (сообщение в частной переписке)»⁹⁰.

85. Gilles Deleuze, «La peinture enflamme l'écriture», propos recueillis par Hervé Guibert, *Le Monde*, 3 décembre 1981; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 170–171.

86. Michael Peppiatt, *Bacon. Anatomie d'une énigme*, Paris: Flammarion, 2004.

87. Жиль Делёз, *Фрэнсис Бэкон. Логика ощущений*, с. 25.

88. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 260.

89. Gilles Deleuze, «Lettre-préface», dans Mireille Buydens, *Sahara. L'esthétique de Gilles Deleuze*, p. 5.

90. Arnaud Villani, «De l'esthétique à l'esthésique: Deleuze et la question de l'art», dans Alain Beaulieu (sous la dir.), *Gilles Deleuze, héritage philosophique*, Paris: PUF, 2005, p. 105.

С точки зрения Виллани, главное место у Делёза занимает не эта игра оппозиций, а тело, и именно тело интересует его у художников: «Действие и реакция предшествуют знанию. Нужно, чтобы эстетика репрезентации уступила место эстетике активного субъекта»⁹¹, поскольку вся его философия тяготеет к телу как еще не исследованной силе, как его когда-то понимал Спиноза.

Складки имманентности

Под конец своей преподавательской деятельности в университете Париж-VIII Делёз находит концепт, созвучный всем его философским разработкам, концепт складки. Это понятие возникает в результате длительного путешествия по мысли Лейбница, которым Делёз занимался часть учебного 1979–1980 года, но больше всего в последний год своего преподавания, в 1986–1987 году. Опубликовав в 1988 году книгу о нем⁹², Делёз как бы снова вернулся к своим первым монографиям, к искусству портрета, которым был отмечен первый период его творчества. Делёз возвращается к автору, которого он извлекает на свет, чтобы сделать одним из своих современников, и в то же время хочет воссоздать Лейбница как философа барокко, решающего проблемы своего времени.

Главным вопросом, самым драматическим образом открывшим новый период, эпоху современности в самый разгар XVII века, стал вопрос о разрушении самого здания теологии. Основанная на закрытой и моноцентричной системе, она пострадала от огромной брешы, проломленной Коперником и Галилеем, и, соответственно, столкнулась с бесконечностью. Как мыслить эту бесконечность? Вот с какой задачей имели дело философы XVII века. Лейбниц — философ, попытавшийся ответить на эту проблему двумя способами: эстетическим, доводя характерные для барокко операции до бесконечности, и эпистемологическим, включив событие и предикат в монаду как единство, замкнутое в самом себе и в то же время содержащее весь мир в его целостности, несмотря на отсутствие «окна наружу».

Мир оказывается сложенным (*plié*) в каждой душе, но всякий раз в разных конфигурациях. Как обычно, Делёз дистанцируется от ряда стереотипов или господствующих интерпретаций. Лейбниц порой представляется таким блаженным

91. Ibid., p. 120.

92. Жиль Делёз, *Складка. Лейбниц и барокко*, Москва: Логос, 1997.

оптимистом, утверждающим, что мир основан на предустановленной гармонии. Делёз же, напротив, показывает, что его идея зиждется на концепции проклятия, согласно которой «именно на спинах проклятых является лучший из возможных миров»⁹³.

Когда не только рушится теология, но и истощается сам оптимистический разум эпохи Просвещения, Лейбниц помогает Делёзу отреагировать на столь же неотложный по своей теллурической силе вызов. Поэтому современные попытки спасти хоть что-то и строить на новых основаниях делают нас «ближе к Лейбницу, чем к Вольтеру»⁹⁴. Кроме того, иная метафизика, которую разрабатывает Делёз, метафизика, преодолевающая разрыв между субъектом и миром, наводящая мосты между живым существом и космосом, потому что повсюду в мире есть складки, хорошо согласуется именно с тематикой Лейбница: «Чтобы субъект существовал для мира, нужно вложить мир в субъект. Вот эта-то скрученность и образует складку между миром и душой»⁹⁵. Такую складку можно разглядеть как в складках древнейших гор, например в герцинской складчатости, так и в потоках, в растениях и живых организмах — как в человеке, так и в животных.

Понятие складки становится оператором той самой трансверсальности, к которой стремился Гваттари. Кроме того, этот концепт может найти отклик у многих людей, так как соответствует ситуациям повседневной жизни. Именно эта связь с самой жизнью особенно радовала Делёза, о чем он упоминает в 1988 году, в год публикации книги, в «Алфавите». Он говорит о множестве писем, полученных от людей, которым показалось близким такое использование складки, например, от Ассоциации сгибаемых бумаги, у которой есть свой собственный журнал и которая выразила Делёзу признательность: «Мы занимаемся одним и тем же делом. „Это просто чудо!“, — отметил Делёз»⁹⁶. Когда Делёз опубликовал свою книгу, уже существовала традиция изучения Лейбница: среди специалистов по нему — Луи Кутюра, Бертран Рассел, Марциаль Геру, Ивон Белаваль и в особенности Мишель Серр, благодаря которому мысль Лейбница в 1970-е и 1980-е годы зазвучала громче.

Можно ли говорить о том, что Делёз, как он сам выражался, сделал ребенка Лейбницу у него за спиной, в складках его мысли? Едва ли. Мишель Фишан, специалист по Лейбницу, вполне

93. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 210. Перевод изменен. — Прим. пер.

94. Там же.

95. Жиль Делёз, *Складка*, с. 48.

96. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

согласен с делезовским взглядом на Лейбница: «Перечитывая „Складку“ я подумал, что Делёз гораздо более верен Лейбницу, чем может показаться»⁹⁷. Снабдив книгу подзаголовком «Лейбниц и барокко», Делёз скорее уж вписывает себя в культурную, символическую рецепцию Лейбница, такую как у Кассирера, чем в собственно эпистемологическую рецепцию философии математики и логики, как у Кутюра: «Оригинальность подхода Делёза к Лейбницу в том, чтобы подойти к нему со стороны барокко»⁹⁸. С этой точкой зрения согласен и Брюно Паради, определяющий стиль Делёза через концепт, которым тот характеризовал метод Фуко, концепт «диагонали»⁹⁹. Фактически Делёз находит у Лейбница чувство множественностей, разрозненных элементов, разных областей, которые могут быть при этом связаны друг с другом благодаря захвату одного поля другим. Диагонали способны прочерчивать линии, вкладывать одни знания в другие и тем самым заставить резонировать друг с другом математику, поэзию, архитектуру, философию, музыку...

Наведение мостов остается постоянной задачей Делёза, который видит в Лейбнице философа, обеспечивающего циркуляцию между складками души и складками материи, складками мира. Это понятие помогает также уклониться от выбора между континуальностью и дисконтинуальностью, неподвижностью и разрывами, поскольку складка несет в себе «одновременно и реальное различие, и неразделимость»¹⁰⁰. Складка становится вектором смешанных чувственных и умопостижимых интенсивностей: она не отправляет ни к началу, ни к концу, ни к глубине, ни к высоте, но к одному только плану имманентности. Делёз ставит перед собой задачу выписать понятие складки таким образом, чтобы оно следовало за всеми изгибами мысли Лейбница: «Его гипотеза состоит в том, что барокко складывает складки»¹⁰¹. Барокко, конечно, не само изобрело складки, которые можно найти еще в греческих скульптурах, но барочная складка, и именно это он подчеркивает, уходит в бесконечность: «Она [душа] не может с одного раза раскрыть в себе все свои тайны (*replis*), ибо они идут в бесконечность»¹⁰². В лейбницевской системе Делёз находит форму витализма, близкую его собственным позициям. Витализм Лейбница со-

97. Давид Рабуэн, интервью с автором.

98. Там же.

99. Bruno Paradis, «Leibniz: un monde unique et relatif», *Le Magazine littéraire*, № 257, septembre 1988, p. 26.

100. Ibid., p. 29.

101. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 октября 1986 года.

102. Лейбниц, «Монадология», § 61, *Собр. соч.* в 4 т., Мысль, 1982, т. 1, с. 424.

стоит в утверждении, что «живое — это машина... Механическому противопоставляется именно машина»¹⁰³. Различает их то, что машина занимает сторону бесконечности, тогда как механическое — сторону конечности.

Бернар Каш, молодой архитектор, только что закончивший Политехническую школу в Лозанне, приезжает в Венсен в 1979–1980 году, когда Делёз начинает читать свой курс о Лейбнице. «Я сказал себе: вот оно! Именно то, что я ищу. Не знаю еще, что это, но это оно»¹⁰⁴. Он решает пройти курс по философии и выбирает Делёза своим научным руководителем. У них начинается длительный диалог, который прервет только смерть Делёза в 1995 году. Начало «Складки» подтверждает важную роль, которую Бернар Каш сыграет в понимании подхода к математике и геометрии у Лейбница. По утверждению Делёза, барочная математика как образцовая область вариации начинается именно с Лейбница. Перспективизм Лейбница — аналог релятивизма, но не того, о котором можно подумать, «это не варьирование истины сообразно субъекту, а условие, при котором субъекту предстает истинность варьирования»¹⁰⁵. Складки души, согласно Лейбницу, оборачивают виртуальности различных инфлексий: «Весь мир — не что иное, как виртуальность, существующая актуально лишь в сгибах выражающей его души»¹⁰⁶. Бернар Каш превратил эти принципы в материальные силы, придумав объекты, которые создаются на основе алеаторных моделей, что позволяет делать их модульными, нестандартными, но в то же время произведенными серийно. Он создал предприятие, название которого, «Диффузия объектилей», подсказал ему Делёз: «Однажды он сказал мне, что объекты, которые я определял в лейбницевском духе через параметрические функции, это на самом деле объектили»¹⁰⁷. На этом своем предприятии он преобразует философские принципы путем самого настоящего сингулярного производства, переходя от лейбницевской алгебраической складки к геометрической складке Дезарга. С точки зрения Каша, речь идет о своеобразном неофинализме, который был бы «философией денатурации!»¹⁰⁸

103. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 28 октября 1986 года.

104. Бернар Каш, интервью с автором.

105. Жиль Делёз, *Складка*, с. 36.

106. Там же, с. 41.

107. Бернар Каш, интервью с автором.

108. Bernard Cache, «Objectile: poursuite de la philosophie par d'autres moyens?», dans Rue Descartes/20, *Gilles Deleuze. Immanence et vie*, Paris: Collège international de philosophie, PUF, 1998.

Лейбница монада связана прежде всего с барокко и с его темными меблированными интерьерами-обманками, интерьерами без внешнего и фасадами без внутреннего. Барочное пространство разделено надвое одной простой складкой. Это бинокулярное видение можно, в частности, обнаружить у Тинторетто или Эль Греко. Известно, что барокко ввело новый режим освещения при помощи светотени: «Светотень и заполняет монаду, сообразно некоей серии, по которой можно пройти в двух направлениях»¹⁰⁹. Эта связь между двумя этажами и двумя световыми интенсивностями отсылает к еще одному разделению — между бесконечностью возможных миров и конечностью миров реальных, но между ними двумя есть еще и виртуальные миры, который актуальны в монадах, выражающих их так, что они не становятся реальными. Таким образом, мир для Лейбница — «Единое», но он должен мыслиться на двух разных уровнях, что заметно также и в отношении между душой и телом, которые действуют по своим собственным законам. Душа выражает мир, тогда как тело, со своей стороны, актуализирует его: «Это не два града, не земной и небесный Иерусалимы, а крыши и фундаменты одного и того же города, два этажа одного и того же дома»¹¹⁰.

В том, что касается вопроса музыкального творения, в идее Лейбница о душе, которая спонтанно поет аккордами, тогда как глаза читают партитуру, а голос следует мелодии, подчеркивается момент обертывания сообразно складываниям различных операций, результатом которого становится гармония: «Та же самая проблема выражения непрестанно занимала композиторов вплоть до Вагнера и Дебюсси, а в наши дни — Кейджа, Булеза, Штокхаузена, Берио. Это — проблема не соответствия, а „fold-in“, или „складки к складке“»¹¹¹. Мы остаемся лейбницианцами, пишет в завершение Делёз, ибо речь по-прежнему идет о складывании, развертывании, изгибании.

Тема кристалла в творчестве Делёза повсеместна, поскольку кристаллический план образует модель события как плана имманентности. Как указывает Кристин Бюси-Глюксман¹¹², которая была одной из его первых студенток, кристалл имеет первоочередное значение для построения эстетики виртуального. Кристин Бюси-Глюксман, опубликовавшая в 1986 году кни-

109. Жиль Делёз, *Складка*, с. 59.

110. Там же, с. 207.

111. Там же, с. 240.

112. Christine Buci-Glucksmann, «Les cristaux de l'art: une esthétique du virtuel», dans Rue Descartes/20, Gilles Deleuze. *Immanence et vie*.

гу о барокко¹¹³, обсуждает с Делёзом, который как раз готовит книгу о Лейбнице, барочную эстетику: «Мы постоянно обсуждали барокко, то есть лейбницевскую модель складки, Бернини, Италию, концепт и все то, что с чем я работала: барокко пустоты, неаполитанскую, венецианскую, испанскую барочную риторику»¹¹⁴. Смерть Делёза прервала этот плодотворный диалог, но Бюси-Глюксман продолжила разрабатывать эстетику виртуального, «предприняв попытку выработать третий режим образов, постделезианский, который я назвала образом-поток; он перестал быть образом-кристаллом, в котором еще были перерывы. Это в некоем роде непрерывный виртуальный образ»¹¹⁵. Работы Бюси-Глюксман очень близки концептам Делёза. Она проверяет их на ряде выразительных средств, например, в своей книге о Японии¹¹⁶. В ней она выделяет ряд матриц, характерных для «глаза японца», основываясь на своих наблюдениях, касающихся архитектуры и урбанизма. Первую матрицу она находит в эффекте волны: «Волны и спирали, как и облачность в изображениях или складки, — это всегда виртуальные инфлексии в том самом смысле, в каком о них говорили Жиль Делёз и Бернар Каш»¹¹⁷. Это область множественных вариаций, линий-универсумов, инфлексий, хорошо передающих смысл японского выражения «волновой ум», которое в некотором смысле является обратным западному выражению «задним умом».

Совершенно справедливо Эрик Алье видит в этом построении онтологии виртуального наиболее чистую направляющую линию делезовской мысли¹¹⁸:

Всё, таким образом, происходило так, словно Делёз начал с распространения на всю современную философию, кантовскую и гегелевскую, на диалектику и феноменологию, той критики, которую Бергсон адресовал Эйнштейну: последний спутал актуальное и виртуальное, опрокинул математическую логику задач на онтологическую проблематику вопроса о материи и времени. И именно в силу того, что сюжетом делезовской мысли является не что иное, как виртуальное, она может называться как угодно — философией становления, философией различия, имманентности или события — потому что именно виртуальное позволяет

113. Christine Buci-Glucksmann, *La Folie du voir. De l'esthétique baroque*, Paris: Galilée, 1986.

114. Кристин Бюси-Глюксман, интервью с автором.

115. Там же.

116. Christine Buci-Glucksmann, *L'Esthétique du temps au Japon. Du zen au virtuel*, Paris: Galilée, 2001.

117. Ibid., p. 97–98.

118. Éric Alliez, «Sur la philosophie de Gilles Deleuze: une entrée en matière», dans Rue Descartes/20, *Gilles Deleuze. Immanence et vie*, p. 49–57.

выразить, с точки зрения действительно трансцендентального материализма, каждое из этих понятий само по себе и вместе с другими¹¹⁹.

Общий друг Делёза и Гваттари Раймон Беллур, совершенно потрясенный «Анти-Эдипом» и взявший у них для журнала *Les Temps modernes* интервью настолько длинное, что оно так и не было опубликовано, сумел убедить главного редактора *Magazine littéraire* сделать в 1988 году подборку материалов, посвященных Делёзу, в связи с выходом «Складки»¹²⁰. Беллура особенно увлекает вопрос об актуальном и виртуальном, который, в русле его работы о Лейбнице, будет занимать Делёза до самого конца. Последняя запланированная им книга, так и оставшаяся ненаписанной, должна была называться «Множества и множественности». Его последний текст, «Имманентность, жизнь», и текст, опубликованный в приложении к «Диалогам», «Актуальное и виртуальное», должны были составить его две первые главы: «Это была бы небольшая книга с очень короткими главами. Он хотел высказаться о логических множествах Рассела и Фреге и о концепции виртуального. Но после написания двух этих текстов он покончил с собой»¹²¹.

В одном из двух этих последних текстов он возвращается к своему определению философии как теории множественностей, которая прямо ставит проблему актуального и виртуального: «Любая множественность предполагает актуальные и виртуальные элементы. Не бывает чисто актуального объекта. Каждый объект окружен туманом виртуальных образов»¹²². Что же касается плана имманентности, то он включает в себя оба этих измерения так, что нельзя сказать, что именно происходит от одного, а что от другого. Эту проблематику виртуального в философии Делёза можно встретить уже в его диссертации, где он утверждает полноценную реальность этого виртуального измерения: «Виртуальное противостоит не реальному, но лишь актуальному»¹²³. Возникает потребность в многомерной концепции времени, и Делёз ищет ее в образе-времени с кристаллом времени как нехронологическим временем, приоткрывающим нам сингулярные становления. При помощи кристалла он подчеркивает значение материи, организованной

119. Ibid., p. 56–57.

120. «Gilles Deleuze. Un philosophe nomade», *Le Magazine littéraire*, № 257, septembre 1988.

121. Давид Лапужад, интервью с автором.

122. Gilles Deleuze, «L'actuel et le virtuel», *Dialogues*, avec Claire Parnet, p. 179.

123. Жиль Делёз, *Различие и повторение*, с. 256.

на границе между органическим и неорганическим, значение синтезированного осадка.

Хотя в последних работах Делёза почти не упоминается кино и больше внимания уделяется литературе — возможно, это связано с тем, что в последние годы он жил затворником, — он, несомненно, не оставлял идеи продолжить свои исследования кино. В последние месяцы жизни, в 1995 году, по воспоминаниям Раймона Беллура, они обсуждали вопрос о виртуальном, о том измерении, которое, не будучи актуальным, тем не менее всегда реально: «Он готовил книгу о виртуальном, и я помню, как говорил с ним об этом по телефону летом 1995 года, когда он был в Сен-Леонар-де-Нобла»¹²⁴.

124. Раймон Беллур, интервью с автором.

Глава 25

Художественная философия

ЗАВЕРШЕНИЕМ совместной работы Делёза и Гваттари становится как нельзя более классический вопрос, который они до сего момента отвергали, утверждая призмат связки «и» над любыми дефинициями. В 1991 году, ко всеобщему удивлению, выходит книга «Что такое философия?». Идея этого проекта зародилась очень давно, поскольку еще во времена публикации «Тысячи плато» Делёз высказывал желание проработать эту тему. Тогда свой курс в Венсене 1979–1980 годов он завершил словами: «В следующем году нужно будет найти что-нибудь новенькое. Я мечтаю сделать курс по вопросу „Что такое философия?“»¹, но у студентов эти слова вызвали приступ веселья, поскольку они решили, что это шутка. Позднее, в 1980-е годы, он снова будет говорить студентам об этом желании, но так и не реализует его, поскольку, по его словам, еще не готов ответить на этот обманчиво простой вопрос. О важности для него этого проекта Делёз говорит несколько раз и по разным поводам².

Положение этой книги представляется двойственным: она возникла как итог совершенно личного проекта Делё-

1. Жиль Делёз, лекция в университете Париж-VIII, 3 июня 1980 года, звуковой архив, BNF.

2. Философу и коллеге Микелю Дюфрену, который, как и он сам, с 1988 года страдал тяжелой формой легочной недостаточности, Делёз в 1991 году пишет: «Дорогой Микель, спасибо за весточку на вкладке [из журнала] „Эстетика“. Но, к сожалению, я не смогу участвовать в этом номере, поскольку, завершив наконец книгу, которая, думаю, будет для меня последней, „Что такое философия?“, я хотел бы остановиться, по крайней мере на два-три года, и на самом деле выйти на пенсию. Впрочем, это необходимо и потому, что зима очень плохо сказалась на моем здоровье: долгие приступы удушья, я привязан как собака к баллону с кислородом, болей нет, но часто бывает паника из-за дыхания. Выздоровление затягивается. Все эти жалобы не столько для того, чтобы поплакаться, сколько для того, чтобы дать тебе знак, пожелать тебе самому здоровья...» (Жиль Делёз, письмо Микелю Дюфрену, 25 апреля 1991 года, *Revue d'esthétique*, Vol. 30, 1996, p. 57).

за, как своего рода завершение его философской биографии, причем написана была, очевидно, им одним³. Но в то же время можно понять, что принятое Делёзом решение поставить подпись Гваттари является не только доказательством их исключительно крепкой дружбы, но и способом указать на то, что развиваемые в ней тезисы и сам язык, используемый для их формулирования, принадлежат контексту их совместной работы, которой они занимались с 1969 года. Книга 1991 года представляется кульминацией этой работы, продлившейся двадцать лет, и в этом отношении двойная подпись — не подлог, она воздаст должное той сборке, благодаря которой смогла появиться эта книга.

Философствовать значит создавать концепты

Работа эта, встреченная публикой лучше, чем «Тысяча плато», становится настоящим событием, поскольку идея ее чрезвычайно ясна и прозрачна: философия определяется через свою задачу, которая выступает ее отличительным качеством и состоит в способности создавать концепты. В этом пункте Делёз и Гваттари идут против мейнстрима 1990-х годов, когда все вроде только и делают, что создают и распространяют концепты, особенно в рекламе. Во всех компаниях по подбору кадров, в кабинетах начальников, вообще везде — только и слышно, что о «концептах». Скажи мне твой концепт, и я скажу, кто ты! Но не все так просто!

Идея находит живой отклик у знатоков философии Делёза и Гваттари, поскольку в книге обнаруживается ряд тем, хорошо им знакомых. Их друг Робер Маджори сопровождает хвалебную рецензию в *Libération* длинной статьей об их совместном творчестве по материалам интервью с обоими авторами. В нем они утверждают силу своей связи, совместную природу концептов, произведенных «машинным подключением», но также отсутствие дружеского слияния между ними, упоминая, например, и то, что они обращаются друг к другу на «вы»⁴. Маджори подчеркивает преемственность в самом жесте, заложившем бомбу сначала под психоанализ — в «Анти-Эдипе», а потом, в 1991 году, и под философию как дисциплину, поскольку «книга Делёза и Гваттари для сегодняшней философии является со-

3. См. пролог в настоящем издании.

4. Robert Maggiori, «Une bombe sous la philosophie», *Libération*, 12 septembre 1991; переиздано в: *La Philosophie au jour le jour*, Paris: Flammarion, 1994, p. 374–381.

вершенно *неусвояемой*»⁵. Он называет «конструктивистским» предложенное ими определение философии, которая для создания концептов должна отделить события от разных существ и вещей, изобрести концептуальных персонажей и обеспечить согласование, соединение последних в плане имманентности. Роже-Поль Друа, со своей стороны, публикует на той же неделе рецензию в *Le Monde*: «Эту книгу ждали давно. Делёз обещает ее уже несколько лет. Возможно, всю свою жизнь»⁶. Он тоже подчеркивает несвоевременность этого жеста, его, казалось бы, неуместную веселость: «Эта книга находится на уровне неисчерпаемости. Она относится к тому малому числу книг, которые заставляют вас отказаться от ненужных библиотек, захватывают вас и гонят вас в путь»⁷. На пути от «Анти-Эдипа» к «Что такое философия?» одни понятия появились, а другие исчезли. Делёз и Гваттари приучили своих читателей к специфическому языку, который составляет разительный контраст с классическим философским дискурсом.

Сильвен Луазо, докторант, занимавшийся классической филологией, а потом переквалифицировавшийся в лингвиста, готовит под руководством Франсуа Растье в университете Париж-Х диссертацию по теме «Семантика философского дискурса», в которой рассматривается философия 1960-х годов во Франции. Работая с текстами Лиотара, Деррида и Фуко, он включает в свой корпус материалов также и основные произведения Делёза и Гваттари. Соответственно, он смог на лексикографическом уровне определить, в какой именно мере они реализовали данное ими определение философии, а именно изобретение концептов. Благодаря количественному анализу лексических единиц, проведенному после оцифровки корпуса текстов, Сильвен Луазо доказывает наличие определенного числа семантических структурных черт, таких как «противопоставление ограниченного/неограниченного, которое выступает текстуальной константой, особенно в „Анти-Эдипе“»⁸.

Выявление корреляций в словоупотреблении позволяет также, когда Делёз и Гваттари говорят о субъекте или акторе, восстановить лексические единицы, демонстрирующие приписываемые им функции и семантические роли: «Актеры специализируются на конфликтных отношениях с континуумом. Они должны „переходить на другую сторону“, „разрушать

5. Ibid., p. 379.

6. Roger-Pol Droit, «La création des concepts», *Le Monde*, 13 septembre 1991.

7. Ibid.

8. Сильвен Луазо, интервью с автором.

коды“, „ломать границы“, „смешивать“, „доказывать автономию“»⁹. На уровне языка Сильвен Луазо выявляет разрыв, определенный встречей с Гваттари. Работы Делёза, написанные им в 1968–1969 годах в одиночку, все еще остаются в пространстве достаточно классической семантики, даже «Логика смысла»: «В наибольшей степени особняком стоит „Тысяча плато“»¹⁰.

Конечно, эта творческая работа не ведется *ex nihilo*; философ создает свои концепты не тогда, когда в одиночестве сражается с пустой страницей; ему нужны концептуальные персонажи, такие как «друг», который свидетельствует о греческом происхождении философии: «Благодаря философии греки решительно изменили положение друга, который оказался соотношенным уже не с иным человеком, а с неким Существом, Объектностью, Целостностью»¹¹. Концептуальные персонажи могут воплощаться в таких психосоциальных фигурах, как «деспот», «кочевник», «пророк», «предатель», «воин», «странник», если брать примеры, важные для «Тысячи плато».

Список концептуальных персонажей, которых может призывать философ, — открытый. Один из них — идиот: «Идиот — это частный мыслитель, противостоящий публичному преподавателю»¹². У каждого из этих персонажей есть своя «минута славы», свои места, в которых они укоренены, связанные с тем или иным духом времени, дислоцированным в каком-то определенном пространстве. Так, идиота можно заметить в христианском контексте, и он появляется на славянской, русской сцене, где Достоевский наделяет его особой силой. В то же самое время он претерпевает определенные метаморфозы. Так, новый идиот противопоставляется старому в том, что он больше не довольствуется очевидностями, а желает, напротив, абсурда.

В том же смысле, в каком Жюль Мишле в предисловии к своей «Истории Франции» (1869) отметил, что является не отцом своего произведения, а его плодом — то есть, по сути дела, сын порождает отца, — Делёз и Гваттари отводят главную роль концептуальному персонажу, тогда как философу достается роль простой оболочки. Эти концептуальные персонажи, как и ритуальники, имеют отношение к изначальному месту, к территории с ее логиками детерриториализации и ретерриториализации. Некоторые из их черт определяются историче-

9. Сильвен Луазо, интервью с автором.

10. Там же.

11. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, Москва: Академический проект, 2009, с. 7. Перевод изменен. — Прим. пер.

12. Там же, с. 71. Перевод изменен. — Прим. пер.

ской и географической средой их возникновения, но в то же время, будучи чистыми событиями, они уходят от положения вещей, в котором родились, а потому относятся к «чисто мыслительному и мыслимому определению»¹³. И только в этом случае они достигают статуса концептуальных персонажей. Делёз и Гваттари определяют философское существование как то, что концентрируется в факте «начертания, изобретения, творения»¹⁴.

Три эти операции связаны друг с другом и заключаются не в том, чтобы найти дофилософский план на плане имманентности, а в том, чтобы изобрести или оживить про-философских персонажей и, наконец, создать философские концепты. Заниматься историей философии — значит в конечном счете найти этот тройственный жест, что позволяет извлечь проблему, которую философ сделал предметом размышлений. Именно в кризисных ситуациях философ может максимально приблизиться к подлинным проблемам и в то же время создать новые концепты, поскольку «философия живет в условиях перманентного кризиса. План работает рывками, концепты выстреливают очередями, а персонажи движутся прыжками»¹⁵. Поэтому ошибкой было бы думать, что можно просто накладывать слои один на другой, подобно тому как эрозия приводит к отложению осадочных слоев на земной коре. Критерий, всегда остающийся актуальным, — это интересность: «Даже будучи оттачивающим, концепт должен быть интересным»¹⁶. Отправляясь от этого критерия, можно в древнейшей истории философии найти то, что позволит сделать старый, дремлющий концепт «интересным», но лишь при условии, что он поможет пробудить иные становления на новой сцене, «хотя бы и обернув его против него самого»¹⁷, в соответствии с методом извращения, столь ценным Делёзом.

Таким образом, философия занимает территорию изобретения, но чем же она тогда отличается от логической науки и искусства? Эту проблему Делёз и Гваттари ставят во второй части «Что такое философия?». Наука, несомненно, тоже изобретает, однако ее предметами являются не концепты, а функции. Она, как и философия, имеет дело с хаосом, но действует прямо противоположным методом, отказываясь от своей бес-

13. Там же, с. 81.

14. Там же, с. 89.

15. Там же, с. 96.

16. Там же, с. 97. Перевод изменен. — *Прим. пер.*

17. Там же.

конечности, чтобы выиграть в операциональности и «добиться референции, способной актуализировать виртуальное»¹⁸. Науке нужно размечать вехи, задавать фиксированные пределы, чтобы выстраивать свои опыты не на плане имманентности, а на плане референции. Функции, которые являются ее делом, состоят не из концептов, а из «функтивов». Философия и наука сходятся в том, что обе они — модальности, два гетерогенных типа множественностей. Концепт, между тем, может преобразоваться, став пропозиционным, и тогда он называется «проспектом». Но в этом случае «концепт утрачивает все те характеристики, которыми он обладал как философский концепт, — автореференцию, эндоконсистенцию и экзоконсистенцию»¹⁹. Эта констатация бьет по позициям аналитической философии, ставшей абсолютным гегемоном в университетском мире Северной Америки. Уподобляя философию простой логической науке, смешивая концепты с функциями, сторонники аналитической философии становятся могильщиками философии: «В своем соперничестве с философией и желании подменить ее собой логика движима настоящей ненавистью. Она дважды убивает концепт»²⁰.

Такое уподобление проистекает из неверного понимания того, что такое концепт как чистое событие смысла, выходящее за пределы своей функциональности в том или ином конкретном положении дел: «Концепт есть форма или сила, но никак не функция в каком бы то ни было смысле слова»²¹. Здесь Делёз и Гваттари отрывают философию от ее зачарованности-зависимости, в которой она давно пребывает, попав под влияние науки. Но концепт относится к порядку события, уклоняясь, по самому своему определению, от всякой функционализации, поскольку событие — «та часть всего происходящего, которая ускользает от своей собственной актуализации»²². Следовательно, существует желание быть достойным события, которое мы должны воплощать в себе: «Стать достойным события — у философии нет другой цели, а тот, кто противостоит событию, это как раз и есть концептуальный персонаж»²³. Из этого различия в природе науки и философии Делёз и Гваттари не делают вывод, будто две эти сферы деятельности должны отвернуться друг от друга.

18. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, с. 136.

19. Там же, с. 159.

20. Там же, с. 162.

21. Там же, с. 167.

22. Там же, с. 180.

23. Там же, с. 185.

Дело лишь в том, что они должны не смешиваться, а пересекаться, не забывая об уникальности друг друга, «следуя каждая своей линией»²⁴.

Аффекты и перцепты

Философия делит с искусством и сферу творчества, но и в этом случае их предметы различны. Искусство — область аффектов и перцептов, которые отличаются от чувств и восприятий своей способностью сохраняться, выплескиваться за рамки тех моментов, когда мы их испытываем. Задача искусства — сделать возможным это сохранение и передачу, которая бы не замыкалась на конечность существования и опыта: «Ощущения, перцепты и аффекты — это существа, которые важны сами по себе, вне всякого опыта»²⁵. Если философ создает концепты, то перцепты и аффекты создает художник самыми разными способами, такими как архитектура, письмо, скульптура, живопись или музыка... Эта многообразная художественная способность, которая сводится к тому, чтобы выйти за пределы положения дел, составляет сердцевину проблематизации философии у Делёза и Гваттари.

Итак, эстетика получает статус, отличный, разумеется, от философии, но не рассматривается как отдельная сфера, обособленная от всей остальной философской спекуляции, поскольку перцепты и аффекты неотделимы от образов мысли, они являются их условиями возможности, а также наиболее важным экспериментальным полем, на котором испытываются человеческие способности к творчеству. Аффекты, как и концептуальные персонажи, могут играть наиважнейшую роль, которую примеряют на себя определенные герои²⁶. Искусство не ограничивается сферой человеческого, у Делёза и Гваттари оно восстанавливает свое активное отношение к миру и его трансформации: «Искусство возникает вместе с животными — по крайней мере, с момента, когда животное выделяет свою территорию и устраивает себе дом»²⁷. Подобно философии, которая желает жить, лишь создавая концепты, искусство вечно стремится создавать новые перцепты и аффекты. Несмотря

24. Там же, с. 187.

25. Там же, с. 189.

26. Так, ревность у Пруста понимается Делёзом и Гваттари не как простое производное обманутой любви: «если и стоит кого-то любить, то ради того, чтобы ревновать» (Там же, с. 203).

27. Там же, с. 213.

на разницу в методах и предметах, у искусства, логической науки и философии один и тот же горизонт: задача в том, чтобы создать конечное, которое выводит на бесконечность, которое могло бы воссоединяться с окружающим хаосом, выделяя из него различные планы. Нельзя отдать приоритет какому-либо из этих подходов, поскольку они представляют собой три варианта мысли, а их отношение друг к другу предполагает встречу, условием которой является, однако, недопущение какого бы то ни было отождествления и ложного синтеза.

Цель трех этих форм выражения креативности — освобождение жизненных сил везде, где они в плену, восстановление их витальности в операции дестратификации. Поскольку в плане имманентности нет речи о детерминизме, все моменты и все места могут быть плодотворными источниками экспериментирования. Отсюда обобщенный конструктивизм, на который указывает творческий бриколаж, присваивающий любые формы выражения жизни с целью их пересборки, а потом оценивающий результаты. Иными словами, эта иная метафизика требует эмпиризма — и здесь мы возвращаемся к первым работам Делёза о Юме²⁸.

Фундаментальный жест, постоянно отстаиваемый Делёзом и Гваттари, — жест приведения природного, животного и человеческого мира в движение путем тщательного наблюдения за тем, как случаются разные вещи. Это требует философского «стиля», который всегда внимателен к новым сборкам, новым концептам, который мог бы выражать творчество в самой его силе, переводить его в слова в соответствии с принципами художественной философии или эстетической парадигмы, поле экспериментов которой не сводится к художественной сфере как таковой.

В начале 1990-х годов эта художественная модель получает развитие в работах биолога Франсиско Варелы, посвященных когнитивным наукам. Он занимает критическую позицию по отношению к гуссерлевской феноменологии, не сумевшей, по его мнению, пробиться к структуре самого опыта и замкнувшейся в акте абстрактной философской интроспекции, которой недостает прагматического измерения. Варела вводит понятие «знак-ции», то есть телесно воплощенного действия, представляющего собой циклическое взаимодействие организма и его среды, остающихся строго автономными по отношению друг к другу²⁹.

28. Жиль Делёз, «Эмпиризм и субъективность», *Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза*, Москва: ПЕР СЭ, 2001.

29. См.: Francisco Varela, Evan Thompson, Eleanor Rosch, *L'Inscription corporelle de l'esprit*, Paris: Seuil, 1993.

Такой подход требует особого внимания к самым разным сборкам гетерогенных элементов, а также оценки эмерджентных феноменов, которые появляются одновременно как осмысленный мир: «Есть много отношений между эстетикой энакции и эстетикой территории в смысле Делёза и Гваттари»³⁰.

Эстетика жизни

Эстетика у Делёза и Гваттари приобретает иной смысл. Она пронизывает все области человеческой деятельности, обнаруживая свои корни в собственных линиях ускользания и детерриториализации. Совокупность практик, видов деятельности, которые имеют отношение к новому, то есть к той или иной форме детерриториализации, могут быть представлены в качестве различных модальностей определенной эстетической парадигмы или же художественной философии. И, очевидно, искусство концентрирует в себе этот феномен обнажения нового: «Создавать — значит подвергаться [рisku]»³¹.

Психиатр и психотерапевт Мони Элькаим, друг Гваттари, который много работал с ним в рамках сети альтернативной психиатрии³², после его смерти говорит о своем долге перед ним:

Феликс в жизни одного из нас сыграл ключевую роль. Признавая плодотворность работы с системами, открытыми в зоне, далекой от равновесия, и способными перейти в режимы стабильной активности, а также к нестабильностям и бифуркациям, выводящим на иные модусы деятельности, он боялся, как бы такая отсылка к системам не стала простым лозунгом, позволив терапевту забыть об этических и эстетических аспектах своей работы. Именно благодаря его влиянию понятие системы, для которой главным был идеал постижимости, было заменено на понятие сборки, признаком которой выступает гетерогенность³³.

Основываясь на этом свидетельстве, можно оценить, в какой мере концептуальные вопросы и теоретические позиции, занимаемые Делёзом и Гваттари, касались в то же время злободневных социальных тем. Так, психотерапевт, опирающийся на эту креативную идею и становящийся художником сборки,

30. Mony Elkaïm, Isabelle Stengers, «Du mariage des hétérogènes», *Chimères*, Félix Guattari, hiver 1994, № 21, p. 150.

31. Ibid., p. 153.

32. См. главу 18 настоящего издания.

33. Mony Elkaïm, Isabelle Stengers, *Du mariage des hétérogènes*, p. 159.

не может больше довольствоваться распознаванием своих аналитических категорий в той или иной ситуации, которое бы отвечало формуле «Я понял», указывающей на заранее заготовленную систему интерпретации. Он сталкивается с риском созидания, инновации, произведенной его единичным бриколажем.

То есть между искусством и философией возникает прямая смычка. Художественное творчество не ограничивается какой-то надстройкой, оно конститутивно для систем ценностей и источников идентичностей: «Вспомните о возникновении полифонической музыки на Западе, это мутирующий модус субъективации»³⁴. Искусство рассматривается в качестве основной области сопротивления. Как уже говорилось, оно сохраняет аффекты и перцепты, бросая вызов преходящему времени, но и является возможным средством сопротивления процессам гомогенизации, то есть подспорьем множественности: «Искусство идет в направлении гетерогенеза и против капиталистического гомогенеза»³⁵. Произведение искусства, будучи аутопоэзисом, свидетельствует о процессе аутопроизводства нового и представляется возможной — эстетической — парадигмой, способной служить образцом как для науки, так и для философии.

Говоря об отношении Делёза к искусству, Анн Сованьярг проводит различие между тремя периодами, из которых первый соответствовал привилегии литературного выражения, второй (определявшийся встречей Делёза с Гваттари), — прагматическому повороту к политическому аспекту художественного творчества, а третий, уже после «Тысячи плато», — разработке общей семиотики художественного творчества, опосредованной образом и исследованием кино. И хотя можно и вправду более или менее убедительно выделить акценты на разные художественные формы, цель, четко заявленная уже в «Различии и повторении», сохраняется на протяжении всего творческого пути Делёза: схватывать образы мысли, к чему бы они ни относились — к плану говоримого или к плану видимого, в максимальной близости от них, в самом сыром виде, подчинить критику клинике и наоборот, сконцентрировать аналитический взгляд философа на самой сердцевине творческого акта в момент его реализации. Искусство, с точки зрения такого подхода, — это не просто воспроизводство реального, это и есть реаль-

34. Félix Guattari, «Entretien avec Olivier Zahm, 28 avril 1992», *Chimères*, Félix Guattari, vol. 2, été 1994, № 23, p. 50.

35. Ibid., p. 51.

ное: «Образ не представляет предположительную реальность, он сам является всей своей реальностью»³⁶.

Благодаря этой концепции Делёз и Гваттари смещают основную схему лаканизма, в которой проводится различие между тремя гетерогенными уровнями, соответствующими отношению РСВ (Реальное-Символическое-Воображаемое): в этой схеме приоритет отдается уровню символического, тогда как полюса реального и воображаемого удалены друг от друга, представляясь едва ли не антитезами. Делёз и Гваттари подчеркивают, напротив, реальность воображаемого и буквальный характер высказываний как образов. Искусство радикально преобразует способность воздействовать и испытывать воздействие, «поэтому то, что мы называем искусством или литературой, состоит в симптоматологии реальных отношений, в „захвате сил“, оказывающемся клиникой»³⁷. Философия в таком случае схватывает выражение сил в формах и пытается оценить таящуюся в них способность, следуя Ницше. Спиноза позволяет Делёзу и Гваттари провести различие между двумя формами индивидуации, соответствующими двум гетерогенным линиям: долготе, которая является экстенсивной и внешней, поскольку относится к состоянию сил и знаков, и широте, которая представляет интенсивный, внутренний уровень, относящийся к аффектам. Именно это двойное отношение между долготой и широтой является конститутивным для индивидулирующей сингулярности, называемой «этостью». Сущие не распределены по таксономическим схемам, они не занимают клеточек, отведенных разным видам, поскольку на самом деле распределяются согласно собственной интенсивности, то есть своему аффекту. Эта проблематика получает развитие в совместной работе с Гваттари в силу того, что аффекту в их работе придается новое значение, требующее расстаться с лакановскими тезисами, в которых все значение приписывается господствующему Означающему, символическому, но ни в коем случае не аффекту. Соответственно, по Делёзу, аффект — это элементарная частица живого. Так, основываясь на этологических исследованиях, в 1988 году он говорит в «Алфавите» о модусе бытия клеща, который ограничивается тремя аффектами: визуальным стимулом, который заставляет его забираться на вершину ветки, где он оказывается на свету, обонятельным стимулом, заставляющим его падать на добычу, и, наконец, тактильным возбудителем, толкающим

36. Gilles Deleuze, «Portrait d'un philosophe en spectateur», entretien avec Hervé Guibert, *Le Monde*, 6 octobre 1983; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 199.

37. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 58.

его искать ту точку, в которой можно проникнуть под кожу: «Все это вместе — целый мир»³⁸.

Согласно теории становления Делёза и Гваттари (стать-животным, статья-интенсивностью, статья-незаметным), художественное творчество должно функционировать в качестве захвата сил. Таким образом, они открывают путь, радикально отличающийся от интерпретационной традиции, поскольку «захват сил позволяет заменить отношение формы-материи отношением сил-материала. Соединяя гетерогенные силы, производящие неожиданный захват, произведение связывает создателя и получателя в реальном становлении, которое объясняет мутацию культур»³⁹. Благодаря этой критике интерпретационного подхода Делёз и Гваттари утверждают радикально имманентную философию. Искусство понимается лишь как одна из многих сил, что противоречит любой концепции, основанной на идее искусства для искусства, то есть искусства, отрезанного от сил, его составляющих⁴⁰. Эмпиризм, с этой точки зрения, не был для Делёза всего лишь аперитивом, поскольку он оказался устойчивым компонентом его работы, что показывает Филипп Шул: «Инициатива Делёза состоит в том, чтобы освободить эмпиризм от его комплексов и пользоваться им как машиной войны, как троянским конем против идеализма и рационализма»⁴¹.

38. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

39. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 107.

40. «Но искусство никогда не является целью, оно — лишь инструмент, чтобы чертить линии жизни, то есть все те реальные становления, которые не производятся только в искусстве, все те активные ускользания, которые не состоят в том, чтобы ускользнуть в искусство, укрыться в искусстве, все те позитивные детерриторизации, которые никогда не собираются ретерриторизоваться на искусстве, а скорее сметают его сами в области а-означающего, а-субъективного и без-ликого» (Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато*, с. 309).

41. Philippe Choulet, «L'empirisme comme apéritif. Une persistance de Deleuze», dans André Bernold, Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*, p. 93–111.

Глава 26

Завоевание Запада

АМЕРИКУ за один день не завоеешь. Нужны посредники, проводники. Когда в середине 1970-х годов Делёз и Гваттари впервые ступили на этот континент, американские кампусы уже успели пристраститься к *French Theory*¹. Однако интеллектуальными звездами тех времен были скорее Ролан Барт, Мишель Фуко, а потом, с 1975 года, и Жак Деррида, который регулярно преподает в США, начиная с 1966-го. В этот период Делёз и Гваттари, несмотря на оглушительный успех «Анти-Эдипа» во Франции, остаются бедными родственниками этой *French Theory*. Делёз, который не любит путешествовать и ненавидит конференции и конгрессы, пока еще в Америке не бывал. Но одна встреча изменит ситуацию, позволив тандему Делёза и Гваттари обзавестись в Америке связями.

Лотренже как проводник

У Сильвера Лотренже удивительная судьба. Польский еврей, родившийся в Париже в 1938 году, он получает французское гражданство в возрасте трех месяцев. Детство он проводит во Франции, оккупированной нацистами, позаимствовав при поддержке сетей Сопротивления документы у французского рабочего с завода Рено без его ведома. Он встретится с ним через тридцать лет: «У меня есть эта небольшая дистанция, которая позволяет мне сохранять независимость. Спасли меня французы, но в то же время Франция меня предала. Поэтому я всегда покидал Францию»². Когда в 1948 году образуется государство Израиль, он еще подростком вместе с родителями уезжает туда, но проживет там лишь год. Вернувшись во Францию, он впоследствии поступает в 1957 году в Сорбонну.

1. François Cusset, *French Theory*, Paris: La Découverte, 2003.

2. Сильвер Лотренже, интервью с автором.

В студенческие годы Лотренже вступает в ряды ультралевой сионистской организации *Hachomer Hatzair*. Поскольку его уже тогда привлекает издание журналов, он создает в Сорбонне литературный журнал *L'Étrave*. С 1959 года он, впрочем, часто пишет и для *Les Lettres françaises*. Поступив сначала на психологию, он выбирает максимально длинные курсы, чтобы не попасть в армию в период войны в Алжире, и в итоге оказывается на философском. Лотренже вскоре становится довольно известным активистом, отметившимся выступлениями против алжирской войны, он входит в число руководителей парижского гуманитарного сектора профсоюза студентов UNEF.

В 1972 году Лотренже получает кафедру в Колумбийском университете в Париже, в Рид-Холл на улице Шеврез на Монпарнасе, и занимается там организацией летних школ, посвященных гуманитарным наукам и семиотике. Знакомясь со многими людьми, он приглашает Катрин Клеман, Сержа Леклера, Цветана Тодорова, Дени Олье и некоторых последователей Деррида. В то же время в 1972 году Лотренже открывает для себя «Анти-Эдип», который его крайне воодушевляет. Когда вышла книга, он знакомится с Гваттари, который рад тому, что может преподавать, и на несколько лекций приводит Делёза. Между Гваттари и Лотренже вскоре устанавливаются доверительные отношения. У них одни и те же интересы и, главное, общая склонность что-то затевать, желание создавать что-то новое. В 1974 году Лотренже проводит академический отпуск в Париже, намереваясь поработать вместе с Гваттари, в квартире которого на улице Конде он частый гость. Свободное время он использует для того, чтобы участвовать в исследованиях вместе с CERFI, с которым выпустит один из номеров журнала, посвященный Соссюру. В том же году Лотренже принимает решение запустить в США новый журнал, получивший название *Semiotext(e)*. Команда собирается в Париже: редколлегия состоит преимущественно из американских студентов, занимающихся французской литературой, и нескольких коллег, включая Влада Годжича, Дени Олье, Питера Коза и Джона Райхмана.

Благодаря *Semiotext(e)* Лотренже создает антиакадемическую машину войны, которая должна поспособствовать распространению мысли Делёза и Гваттари в США. В этот период Лотренже часто бывает в Ла Борд, хотя бы для того, чтобы навестить Гваттари в его доме в Дюизоне. Отправившись в США в 1975 году, он принимает решение вместе со своим коллегой и другом Джоном Райхманом, редактором журнала, организовать с небольшой командой большой симпозиум в Колумбийском университете, посвященный «Шизо-культуре», целью

которого стала бы прививка Делёза и Гваттари к американской почве. Чтобы план удался, нужно обязательно привезти какое-то количество известных французских интеллектуалов, включая, конечно, Делёза и Гваттари. Однако Лотренже и его журнал, пока еще частный, не обладают институциональной поддержкой и финансовыми ресурсами, необходимыми, чтобы проверить такое дело.

Этот проект будет, однако, реализован благодаря Иву Мабену, руководителю французских миссий за рубежом, который станет близким другом Делёза. Он принимает решение собрать небольшую рабочую группу, способную грамотно проконсультировать по вопросу, кого именно нужно включить в состав миссии в США, поскольку до сего момента интеллектуалы приглашались исключительно по инициативе американских академиков: «Идея была в том, чтобы через эти миссии представить произведения»³. Составляется список, который должен обновляться каждый год, но не должен зависеть от каких бы то ни было идеологических представлений. В него попали четыре профессора Коллеж де Франс, примерно двадцать руководителей исследований из EHESS (Высшей школы социальных исследований) и несколько доцентов университета, у которых уже есть свои публикации: «Вот при каких обстоятельствах я написал Жилью Делёзу, которого знал только по работам. В отличие от тех, кто считает, будто интеллектуалы должны служить государству, я всегда был убежден в обратном»⁴. Ив Мабен спрашивает его, согласится ли тот принять участие в миссии в США, чтобы американская публика могла познакомиться с его творчеством. Делёз, хотя и не слишком воодушевлен, все же заинтригован. Он просит Мабена о встрече, и тот принимает его в своем кабинете на улице Клебер: «Он усаживается передо мной, пододвигает свое кресло к столу, и вот я словно бы подозреваемый перед комиссаром Мегре»⁵. Делёз желает больше узнать о том, что могло послужить мотивом для этого неожиданного предложения: «Мы проговорили целый час и сразу же поняли друг друга»⁶. Делёз делится с Ивом Мабеном своими сомнениями, связанными с поездками такого рода, но тот непоколебим — он добавляет, что его миссия провалится, если Делёз не присоединится к этой программе, на которую уже подписался Гваттари. В конечном счете ему удастся убедить Делёза.

3. Ив Мабен, интервью с автором.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

Делёз и Гваттари готовы ответить на приглашение Лотренже. Последний убежден, что их философские позиции намного больше соответствуют тому, что представляет собой американское, а не французское общество. «То, что во Франции казалось утопической теорией, стало в Нью-Йорке обыденной реальностью»⁷. Для своей конференции, посвященной «Безумию и тюрьме», Лотренже пытается найти американцев, похожих по взглядам на Делёза и Гваттари, но, поскольку ему это не удастся, он приглашает, помимо нескольких известных интеллектуалов, таких как Артур Данто или психиатр Джоэл Ковел, писателей и художников, которые, по его мнению, по своим позициям должны быть близки к «Анти-Эдипу»: «Я был поражен тем, что тот же Джон Кейдж, интервью которого с Даниэлем Шарлем я перевел на английский, пришел к взгляду на капитализм, очень близкому к позиции Делёза и Гваттари»⁸. Он приглашает его, а также Уильяма Берроуза, Ричарда Формана и Ти-Грейс Аткинсон, известную феминистку. Из числа французов он, помимо Делёза и Гваттари, привлекает Фуко, который как раз должен быть в Нью-Йорке проездом из Бразилии. Присоединиться обещают также Лиотар и Жан-Жак Лебель, специалист по хеппенингам, который сопровождает Делёза и Гваттари на этом симпозиуме, где он должен познакомить их с американскими художниками, певцами и писателями, с многими из которых уже знаком. Он останавливается в «Челси» в одном номере с Гваттари, и в этой совершенно расслабленной атмосфере контркультуры Лебеля порой замечают прогуливающимся по отелю в голом виде... Зная, что он билингв, ему поручают вести всю эту неделю, пока идет конференция, передачу на радио WBAI, левой нью-йоркской станции. Он приглашает в эфир разных людей, предлагая им устраивать свои собственные дискуссионные клубы по любым темам: «Он говорил мне: приходите! Это будет настоящий угар. Приводите кого хотите, возможно все!»⁹

На объявленное событие собирается огромная толпа. Хотя амфитеатр Тичер-колледжа довольно объемён, Лотренже не знает, что делать со своим успехом. Поскольку Колумбийский университет сдает свое помещение по высокой цене, он вынужден продавать билеты по пятнадцать долларов за штуку, но люди не скупаются. Поскольку у Лотренже есть связи с газетой *Village Voice*, он получает от них так называемый *Pick*

7. Sylvère Lotringer, «No Comment», *Chimères*, № 37, 1999, p. 14–15.

8. Ibid., p. 15.

9. Сильвер Лотренже, интервью с Virginie Linar.

of the Week, то есть попадает со своей конференцией по семиотике в список главных событий недели: «Поскольку никто не знал, что такое семиотика, мне ежедневно звонили сотни людей, которые спрашивали цену на билет и добавляли: расскажите мне немного о семиотике»¹⁰. За три дня на конференцию собралось две тысячи человек.

Все ингредиенты для этого перегретого котла были собраны, и он не преминул взорваться. Выступление Делёза проходит без особых проблем. Отказываясь от переводчика, он говорит очень медленно и часто использует доску для чертежей. В частности, он рисует ризомы, и публика вроде бы довольна его выкладками. Потом наступает черед Гваттари, который пользуется услугами синхронного переводчика. Но его выступление вскоре вызывает все более враждебный гул, а часть аудитории начинает освистывать его. Дело не в излагаемых им концепциях власти и желания — против него как мужчины поднимается предводительница радикального феминистского движения Ти-Грейс Аткинсон, которая пришла со своим отрядом, для которых мужчина — это обязательно фаллократ, который только усугубляет свое положение тем, что осмеливается говорить о женщинах и о желании: «Я до сих пор помню, как Феликс стоял, сгорбившись на подиуме. Он собрал свои бумаги и собирается сесть рядом с Делёзом и Фуко. Все началось плохо, и он был страшно зол»¹¹.

Затем черед стать жертвой дежурных нападков приходит для Фуко, который выступает с докладом о сексуальности ребенка. Резко критикуя сторонников Франкфуртской школы, которые полагают, что делают хорошее дело, разоблачая при каждом удобном случае применение властью цензуры, он навлекает на себя гнев «Профсоюзно-революционного комитета» Ларуша, якобы марксистской группы, которая обвиняет его в том, что ему платит ЦРУ (на деле эта группа, «Рабочий комитет», лишь притворялась марксистской, а в действительности это была ультраправая группа, нацеленная на провокации в среде американских радикальных левых). К концу первого дня Фуко окружают потрясенные люди, спрашивающие его, правда ли то, что было сказано о нем и ЦРУ. Фуко, просто вне себя от гнева, обрушивается на аудиторию и опровергает последнее выступление на этом симпозиуме, указывая, что оно иллюстрирует все перегибы, характерные для 1960-х годов. Одновременно он клянется, что больше не будет участвовать в мероприятии.

10. Сильвер Лотренже, интервью с автором.

11. Сильвер Лотренже, интервью с Виржини Линар.

Вечером Делёз, Гваттари и Фуко собираются в «Челси» вместе с Джоном Райхманом и приступают к кризисному планированию этого мероприятия, которое грозит превратиться в фарс. Пережив столь катастрофическое начало, бедняга Сильвер Лотренже спрашивает себя, выступит ли Фуко еще раз, на второй день, когда намечен круглый стол с психиатром Рональдом Лэйнгом и радикальной активисткой Джудди Кларк. Фуко страшно обижен, он не спал ночь, но наутро он находит адекватный ответ, позволяющий ему перетянуть аудиторию на свою сторону, когда провокатор обращается к нему с тем же обвинением: «Он бросил ему: „Да, я агент ЦРУ, Лотренже тоже агент ЦРУ, и все мы агенты ЦРУ. За исключением вас, поскольку вы — агент КГБ“. Чувак тут же сдулся, а публика взорвалась смехом»¹². Но атмосфера остается натянутой. На многие встречи вторгаются группы по двести человек, которые выкрикивают разнообразные обвинения, нападают на лекторов, в том числе и физически.

Правда, «эффект симпозиума» все же присутствовал, в том числе имело место положительное влияние в плане популяризации идей Делёза и Гваттари и журнала *Semiotext(e)*, который становится по-настоящему известным. В 1978 году выходит номер, посвященный «Шизо-культуре», тиражом 15 000 экземпляров, который расходуется за три недели. Готовится второй номер, но Лотренже не верит в успех и принимает решение остановиться на достигнутом. Это становится причиной недовольства Гваттари, статья которого была запланирована как раз во второй номер: «Он был очень зол и говорил мне: „Но как же так? Ведь это я помог тебе провести эту конференцию“»¹³. В то же время журнал *SubStance*, основанный в 1971 году, который ставит себе задачу стать в США рупором передовой французской мысли, публикует в номерах 1974 и 1976 годов тезисы Делёза и Гваттари о шизоанализе, а номер 1978 года посвящает Делёзу и Фуко. В этот же период, в 1977 году, выходит перевод «Анти-Эдипа» с прекрасным предисловием Фуко¹⁴.

Курс на Дикий Запад

После симпозиума Лотренже наш тандем продолжает путешествие — теперь уже вместе с другим гидом, Жан-Жаком Лебелем, который знакомит их с альтернативными нью-йоркски-

12. Sylvère Lotringer, «No Comment», p. 16.

13. Сильвер Лотренже, интервью с автором.

14. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Anti-Edipus*, New York: Viking Press, 1977.

ми кругами. Он отвозит их в Массачусетс, в Лоуэлл, родной город Керуака, на концерт Боба Дилана и Джоан Бааз. Аллен Гинзберг принимает участие в турне Дилана. Перед самым антрактом он выходит на сцену под кайфом — со своей длинной бородой, клешами и гармоникой: «Концерт был прекрасный. Мы проходим через заграждение. Я падаю в объятия Гинзберга, но он не знал, кто такие Жиль и Феликс»¹⁵. Затем они продолжают путешествие, отправляясь в Калифорнию: «Мы садимся на так называемый „Красный глаз“, ночной самолет. Красные глаза у пассажиров, поскольку они не спят. Я сидел с Феликсом, а Жиль с Клэр Парне. Клэр уснула, а Жиль с Феликсом проговорили все 7 или 8 часов, обсуждая свои понятия из „Анти-Эдипа“ и готовящейся „Тысячи плато“. Это была своего рода постоянная лабораторная работа с редкими передышками. Я слушал их так, как если бы это были Рембо или Ницше»¹⁶.

В Калифорнии они приходят послушать Патти Смит в Беркли: «Мы пошли их представить, они были взволнованы»¹⁷. Ночью они на машине отправляются в Сан-Франциско, чтобы встретиться с поэтом Лоуренсом Ферлингетти, построившим хижину, в которой Керуак написал две свои книги. После этого снова отправляются в путь, чтобы посетить дом Генри Миллера в Биг Сюр: «Жиль знал книги Керуака и Миллера лучше Феликса, почти наизусть. К тому же строил теории о том, что такое литература кочевничества и линии ускользания. В диалоге с Клэр Парне он сказал очень важные вещи о книге „В дороге“»¹⁸. Лебель вводит Гваттари в психоаналитическое сообщество, в частности знакомит его с неким Артуром Ждановым, тогдашним всеобщим любимчиком, которому удавалось выкачивать деньги из миллиардеров Голливуда: «Мой друг Джон Леннон увлекся этим Ждановым и его „Первым криком“, концепцией, согласно которой нужно вернуться к крику новорожденного, когда он выходит из утробы своей матери. Абсолютное шарлатанство!»¹⁹ Лебель, хорошо знакомый с Нью-Йорком и его бардачным мирком, побывает там несколько раз вместе с Гваттари. Гваттари, не успев приехать, тут же арендует самую большую машину: «Он хотел и любил ездить по автотрассе. Ему очень нравилось нестись на машине под радио на полную громкость»²⁰.

15. Jean-Jacques Lebel, «Gilles Deleuze: avez-vous des questions à poser?», France Culture, émission de Jean Daive, 20 avril 2002.

16. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

В этих поездках Гваттари знакомится с бывшей актрисой французского театра Мартин Барра, которая живет в отеле «Челси» и занимается проблемными кварталами — Гарлемом и Бронксом. Еще она увлекается фотографией и видео. Она знакомит Гваттари с бандами Бронкса, с которыми работает над своими видеопроектами: «Феликс часто бывал с нею в Бронксе. Она делала материалы о женских бандах в Бронксе, которые я опубликовал в *Semiotext(e)*»²¹. Гваттари буквально влюбляется в Нью-Йорк, часто там бывает, постоянно встречаясь со своим другом Лотренже в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Однако в области собственно психиатрии диалог с его тезисами о шизоанализе так и не начался. Получив в 1974 году, еще до знаменитой конференции, приглашение в США по линии французской культурной миссии, чтобы узнать о состоянии психиатрии, он посещает несколько городов — Сан-Франциско, Беркли, Стэнфорд, Чикаго, Анн-Арбор, Йель и Нью-Йорк. По возвращении он предоставляет отчет французским властям, в котором хвалит программу, реализованную экономистом Пьером Табатони и его командой, но в то же время высказывает некоторое недоумение в связи с эволюцией американской психиатрии: «Развитие психиатрии и смежных дисциплин в США произвело на меня несколько неприятное впечатление. Раньше я не мог оценить значение возвращения в сферу гуманитарных наук бихевиоризма и негативные следствия крайней специализации»²². При этом он подчеркивает интерес, вызванный у него двухнедельным участием в жизни одного из наиболее важных сообществ Сан-Франциско (*Project One*), удобно устроившегося и работавшего вот уже четыре года на территории бывшего завода, но и там наблюдения скорее его огорчают: «Парадокс в том, что участники коммуны, как мне показалось, не освободились от своего рода конформизма... Я обнаружил там все то же одиночество и даже подавленность, которые замечал у многих людей, повстречавшихся мне в США»²³.

Университетская эстафета

После этого героического периода первой рецепции творчества Делёза и Гваттари, когда оно распространялось преимущественно в контркультурных кругах, среди художников, маргиналов

21. Сильвер Лотренже, интервью с Виржини Линар.

22. Félix Guattari, «Notes sur mon voyage aux États-Unis», septembre-octobre 1974, IMES.

23. Ibid.

и активистов, наступил второй период — рецепция в университетской среде. Это второе дыхание популяризации Делёза и Гваттари было связано с фигурой нового, весьма активного посредника, которым стал канадский академический ученый греческого происхождения Константин Бундас, преподаватель философского факультета Университета Онтарио в Канаде. Работая в 1970-е годы над диссертацией о Рикёре, он ищет в постструктуралистской теории что-нибудь строгое, но чтение Барта, Деррида, Фуко и Лиотара его не удовлетворяет: «В 1981 году я проводил академический отпуск в Париже, и недалеко от отеля на улице Кюжа нашел в книжном магазине „Тьер-Мит“ много книг Делёза. Я купил „Различие и повторение“, принес в номер и прочел за пять дней, главного, конечно, не понял, но все равно был под большим впечатлением и убедился, что это то, что мне нужно»²⁴. Бундас пишет своему научному руководителю, что меняет тему диссертации, которая отныне посвящена Делёзу. Начав читать все доступные на тот момент публикации Делёза и Гваттари, он встречается с Франсуа Ларюэлем, который подтверждает правильность его выбора.

Вернувшись в Онтарио, он убежден в том, что хочет писать о Делёзе, но в 1981 году на английском доступны лишь немногие из его работ²⁵: «Делёза на факультетах философии тогда еще совсем не знали. Деррида, Фуко, Лиотар — другое дело, но не Делёз»²⁶. Тогда Бундас — в одиночку и без контракта с издательствами — берется за огромную переводческую работу: перевод «Диалогов», «Логика смысла», «Различия и повторения» и «Эмпиризма и субъективности»²⁷. В конце 1980-х годов издательство Колумбийского университета заказывает ему подготовку сборника работ Делёза. В 1989 году, воспользовавшись поездкой в Париж, он навещает Делёза, чтобы обсудить наиболее верный выбор, и предлагает ему свой план. Разговор проходит в доброжелательных тонах, однако Делёз заменяет план Бундаса собственной подборкой, состоящей из более коротких текстов, взятых из большего числа публикаций. Делёз упоминает о книге,

24. Константин Бундас, интервью с автором.

25. Помимо уже упомянутого «Анти-Эдипа», который был опубликован в 1977 году, имелись также «Мазохизм» (Gilles Deleuze, *Masochism*, New York: G. Braziller, 1971) и «Пруст и знаки» (Gilles Deleuze, *Proust and signs*, New York: G. Braziller, 1972).

26. Константин Бундас, интервью с автором.

27. В переводе Константина Бундаса будет опубликован только «Эмпиризм и субъективность»: Gilles Deleuze, *Empirism and Subjectivity*, New York: Columbia University Press, 1991; также Бундас выступит редактором перевода «Логика смысла», сделанного Марком Лестером и Чарльзом Стивалем (Gilles Deleuze, *The Logic of Sense*, New York: Columbia University Press, 1990).

которую он собирается выпустить, — «Что такое философия?», и Бундас говорит ему, что вроде как над близкой темой работает Рикёр, на что Делёз отвечает: «Да, но он христианин»²⁸.

Бундас, изолированный в своем Онтарио, крайне нуждается в общении с другими исследователями, работающими на базе Делёза. Он сыграет роль организатора нескольких первых встреч англосаксонских делезианцев. В 1991 году он вместе с рядом специалистов по творчеству Делёза и Гваттари, среди которых Рональд Бог, Пол Паттон, Брайан Массуми, Дэвид Лэнд, Дэн Смит, Юджин Холланд, принимает участие в первой встрече, которая проходит в Англии, в Оксфорде — она организована Британским обществом феноменологии.

При поддержке Доротеи Олковски, коллеги из университета Огайо, и Совета по исследованиям в социальных и гуманитарных науках Канады Бундас в мае 1992 года организует первую международную конференцию в Университете Трент, посвященную теме «Жиль Делёз. Плюрализм, теория и практика». Участники в основном из США, Канады, Австралии и Англии, но есть и несколько человек из Франции²⁹. В 1996 году Константин Бундас организует, опять же в Университете Трент, вторую большую конференцию, в которой принимают участие исключительно англосаксонские исследователи. Затем, в мае 1999 года, проходит третья международная конференция, задача которой — определить сходства и различия между Фуко, Деррида и Делёзом, тема — «Ризома, генеалогия, деконструкция». Конференция привлекает большое число участников, включая многочисленных французов и даже бразильцев, как Петер Паль Пелбарт³⁰. Это развитие продолжается и на четвертой международной конференции в Университете Трент, прошедшей в 2004 году и добившейся еще большего успеха, на тему «Жиль Делёз: эксперименты и интенсивности. Науки, философии, политики, искусство».

28. Слова Жили Делёза, переданные Константином Бундасом в интервью с автором. Указанный сборник работ Делёза выходит в США в 1993 году: *The Deleuze Reader*, New York, Columbia University Press, 1993.

29. Constantin Boundas, Dorothea Olkowski (ed.), *Gilles Deleuze and the Theatre of Philosophy*, Routledge, New York; London, 1994. Эта первая делезовская конференция стала поводом для создания сети исследователей, заинтересованных его творчеством. Сначала в ней не более двадцати участников, которые, однако, очень заинтересованы в углублении и развитии своих связей. Также это повод для новых инициатив, одной из которых занимается Чарльз Стиваль, который налаживает контакты для подготовки посвященного «Тысяче плато» номера журнала *SubStance*, который выйдет в середине 1990-х годов.

30. Основные материалы этой конференции были опубликованы в специальном номере британского журнала *Angelaki* (Vol. 5, 2000).

Популяризация работ Делёза и Гваттари в англосаксонских странах связана также с ролью тех, кто посещал курсы Делёза в университете Париж-VIII. Это относится к австралийцу Полу Паттону, который в 1975 году поступает на философский факультет, интересуясь одновременно марксизмом, Альтюссером и наукой. Он готовит диссертацию «Марксизм и философия науки: Альтюссер и Поппер», а в 1979 году переходит с ней под руководство Франсуа Шатле. Когда Пол Паттон открывает дверь небольшой аудитории, где Делёз по вторникам вел занятия, он еще ничего не знает о нем и не знаком с ним, разве что немного слышал о его репутации: «Я вошел в аудиторию и был тут же зачарован, не имея при этом никакого представления о том, что происходит. И я остался. Он вел курс по „Тысяче плато“, говорил о становлении, становлении животным, колдунах. Я совершенно не понимал, что он хочет сказать, и вообще не видел в его словах никакой связи с философией и сказал себе, что это скорее поэзия, но это настолько меня привлекло, что я стал ходить постоянно»³¹.

В 1980-х годах повальное увлечение Фуко, которое несколько мешало распространению идей Делёза и Гваттари, постепенно становится не таким тотальным, и появляется волна новых переводов их работ³². К началу 1990-х годов у исследователей складывается, таким образом, основной корпус работ Делёза и Гваттари в английских переводах. В 2001 году канадец Гари Геноско, преподаватель социологии в университете Лейкхед в Онтарио, издает три увесистых тома, в которых собрана значительная часть вышедших за все это время исследований, посвященных Делёзу и Гваттари³³. Когда в 2004 году Константин

31. Пол Паттон, интервью с автором. Многим студентам, приезжающим в этот период в Париж, Пол Паттон будет советовать курс Делёза. С этого началось создание небольшой, но очень крепкой колонии австралийских студентов в Венсене. Вернувшись в 1981 году в Австралию, Паттон начинает переводить на английский «Ризому» и пять лет тратит на перевод диссертации Делёза «Различие и повторение», которая на английском будет опубликована в 1994 году. Также Пол Паттон редактирует сборник *Deleuze Critical Reader*, в который вошли работы и французских, и англосаксонских специалистов: Patton P. (ed.), *Deleuze Critical Reader*, Oxford, Blackwell, 1996.

32. Gilles Deleuze, *Nietzsche And Philosophy*, 1983; *Kant's Critical Philosophy*, Minnesota, 1984; Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Kafka*, Minnesota, 1986; Gilles Deleuze, *The Movement-Image*, Minnesota, 1986; *Dialogues*, Columbia, 1987; Gilles Deleuze, Félix Guattari, *A Thousand Plateaux*, Minnesota, 1987; Gilles Deleuze, *Foucault*, Minnesota, 1988; Gilles Deleuze, *Bergsonism*, Zone Books, 1988; Gilles Deleuze, *Spinoza, Practical Philosophy*, San Francisco: City Lights Books, 1988; Gilles Deleuze, *Cinema 2*, Minnesota, 1989.

33. Gary Genosko (ed.), *Deleuze and Guattari*, London; New York: Routledge, 3 vols, 2001.

Бундас перед своим выходом на пенсию организует последний конгресс в Университете Трент, посвященный их творчеству, видно, что первоначальное небольшое ядро, состоявшее примерно из двадцати человек, пополнилось множеством новых участников, собрав в итоге около 150 исследователей самых разных национальностей и специальностей, которые демонстрируют самые разные подходы — от спекулятивных исследований чистой философии до культурологии и литературных или художественных приложений.

Американец Юджин Холланд, который входит в это первоначальное ядро делезоведения, тоже какое-то время посещает курсы Делёза в Париже-VIII, в начале 1980-х годов посвященные кино. Сначала он изучал Деррида, который тогда преподавал в Йеле. Затем в 1974 году перебрался в Калифорнию, в Сан-Диего, где должен был писать докторскую и где на факультете сравнительного литературоведения он посещал семинар Фредрика Джеймисона; именно там он впервые услышал об «Анти-Эдипе». Джеймисон, философ-марксист, в 1976 году предлагает совместимую со своими позициями интерпретацию главы «Дикари, варвары, цивилизованные». Юджин Холланд, особенно заинтересовавшийся этой интерпретацией потому, что он и сам марксист, организует небольшую группу, в которой вместе с другими докторантами Сан-Диего занимается чтением работ Делёза и Гваттари: «Полгода мы собирались дважды в месяц для чтения „Анти-Эдипа“, пытаясь понять, что же дает эта работа»³⁴. В университете Сан-Диего преподает выдающийся ученый Мишель де Серто³⁵. Когда Джеймисон уходит из Сан-Диего, Холланд выбирает Серто и его друга Дика Тердимана в качестве научных руководителей. Получив в 1985 году место преподавателя в государственном университете Огайо, Холланд в 1999-м публикует введение в «Анти-Эдип»³⁶.

Поскольку на большинстве философских факультетов США исповедуется аналитическая философия, они не придают почти никакого значения так называемой континентальной философии. Поэтому творчество Делёза и Гваттари распространяется не через официальные заведения, специализирующиеся на философии. Но есть и исключения. Это, например, Общество феноменологии и экзистенциальной философии, на еже-

34. Юджин Холланд, интервью с автором.

35. См.: François Dosse, Michel de Certeau, *Le marcheur blessé*, Paris: La Découverte, 2002.

36. Eugene Holland, *Deleuze and Guattari's Anti-Œdipus*, Routledge, 1999.

годных конференциях которого регулярно читаются доклады, посвященные творчеству Делёза. В этой среде «интерес к работе Делёза значительно возрос за последние полтора десятилетия, что связано с возрождением интереса к Бергсону и Спинозе»³⁷. Возможно, в большей степени теория Делёза получает известность в области континентальной философии науки. Эта область исследований ранее была монополизирована аналитической философией, которая считала ее вторичной дисциплиной, тогда как континентальная философия замыкалась в пост-хайдеггерианском горизонте деконструкции.

Развитие научной мысли в направлении теории хаоса, генетических теорий и физики частиц позволило создать новые связи с философской онтологией, а потому и с позициями того же Делёза. Катрофелло, преподаватель философии в университете Чикаго, видит в этом важное направление развития мысли Делёза, присутствующее, в частности, в «Различии и повторении»³⁸. Дэниэл Прайс, еще один философ — специалист по творчеству Делёза и Гваттари, преподающий в университете Хьюстона в Техасе, а учившийся в Чикаго, начал читать их работы в конце 1980-х годов. Особенно интересуясь теоретизацией социального и политического движения, он подтверждает изолированность делезоведения в универсуме, в котором господствует аналитическая философия: «Если студент хочет писать о Делёзе и выбрать его в качестве своей основной темы, его попытаются отговорить, поскольку аналитические философы в массе своей просто не признают Делёза за своего»³⁹.

Кроме того, творчество Делёза стало обязательным источником в теоретическом киноведении, причем некоторые американские академические ученые весьма способствовали популяризации его идей. Это относится к Дадли Эндрю, автору биографии Андре Базена, который открывает для себя Делёза, когда в 1973 году выходит английский перевод «Пруста и знаков». В те времена он был студентом в Айова-Сити, где работал над биографией Базена. Будучи связанным с французскими синемфильскими кругами и, в частности, с критиками из *Cahiers du cinema*, опекуном которых был Базен, Дадли Эндрю сразу же узнает о первом томе работы Делёза о кино, вышедшем в 1983 году: «Меня тогда очень интересовал Бергсон, и когда я увидел, что Делёз начинает с Бергсона, мне это очень понра-

37. Эндрю Катрофелло, интервью с автором.

38. Andrew Cutrofello, *Continental Philosophy: A Contemporary Introduction*, Routledge, 2005.

39. Дэниэл Прайс, интервью с автором.

вилось»⁴⁰. Эндрю распознает влияние основателя *Cahiers*: «Общим для Базена и Делёза является отношение к большим авторам, великим режиссерам»⁴¹.

Творчество Делёза и Гваттари становится важным источником и для самого молодого поколения, пусть и по несколько иным причинам. Это относится к Джулиану Бургу, студенческие годы которого пришлись на конец 1980-х и начало 1990-х годов — он учится в Бостоне, где в чести исследования семиотики. Это также важный период для *French Theory*: друг с другом скрещиваются тексты Лиотара, Делёза, Фуко и Лакана. Джулиан Бург, выходец из католической среды, в которой важен вопрос о социальной справедливости, увлечен и в то же время озадачен: «Я наткнулся на вопрос релятивизма, критики субъекта и истории»⁴². Когда нужно было выбрать тему диссертации, Джулиан Бург принимает решение столкнуть *French Theory* с этической проблематикой. Его исследования сосредотачиваются на публикациях Делёза и Гваттари 1968–1972 годов: «Я рассматриваю их как путь, заблокированный для этических вопросов»⁴³. Восстанавливая источники и влияния, которые в итоге привели к тому потоку, которым стал «Анти-Эдип», Джулиан Бург выявляет присутствие этического вопроса уже в тот период и его сохранение у Делёза, что обосновывается его Спинозистской позицией. Его диссертация выходит в 2007 году, в ней Делёз и Гваттари помещаются к контекст того, что можно назвать «настоящей мыслью 1968-го», существенно отличающейся от мысли 1968-го, заклеянной Люком Ферри и Аленом Рено⁴⁴.

В начале 1990-х годов свою докторскую диссертацию в Университете Дьюка в Северной Каролине готовит также Элеанор Кауфман. На факультете теологических исследований профессор Кен Сурин ведет курсы о Делёзе, тогда как его супруга, Дженел Уотсон, занимается творчеством Гваттари. Университет

40. Дадли Эндрю, интервью с автором.

41. Там же. Применение теорий Делёза в киноведении постоянно расширяется. Родовик, профессор в Гарварде и автор замечательной книги о его теории кино, в мае 2005 года организовал в Гарварде большую международную конференцию, посвященную Делёзу, *Afterimage of Gilles Deleuze's Film Philosophy*, формальным поводом для которой стала десятая годовщина его смерти и 20-летие выхода «Кино 2». Упомянем также коллегу Дадли Эндрю, Джона Маккея, который работает в Йеле и преподает ранний кинематограф, в частности читает курсы по Вертову, а также каждый год ведет семинар по Делёзу.

42. Джулиан Бург, интервью с автором.

43. Там же.

44. Julian Bourg, *Forbidden to Forbid: May 1968 and the Return to Ethics in Contemporary France*, Montréal: McGill-Queen's University Press, 2007.

Дьюка стал одним из первых американских университетов, заинтересовавшихся Делёзом: «Тогда на самом деле был очень большой интерес к „Анти-Эдипу“, „Тысяче плато“ и „Логике смысла“, которые только что перевели на английский. В нашей исследовательской группе было около двадцати человек»⁴⁵. Элеанор Кауфман вместе с несколькими другими студентами берет на себя организацию конференции по Делёзу в марте 1993 года. Этот конгресс, если не считать тех, что проводились Константином Бундасом в Канаде, стал одной из первых конференций по Делёзу в Америке и оказался чрезвычайно успешным.

Элеанор Кауфман подтверждает впечатление, которое было у Сильвера Лонтриже еще в 1972 году: отношение к миру, заданное теорией Делёза и Гваттари, больше годится для американской реальности, чем для Старой Европы. «Особенно идея неиерархизированных, имманентных пространств. Я родилась в стране огромных пространств. И это всегда помогало мне понимать, откуда я — из Миссури, из самого центра Среднего Запада. Я считаю, что они говорят о глубинной Америке. Существует это огромное измерение, и есть американская литература людей, которые не движутся, например, книги Германа Мелвилла или Эмили Дикинсон, у которых люди остаются на месте. Наряду с Делёзом кочевничества есть еще и Делёз, который мыслит положение маленьких людей, которые остаются на месте»⁴⁶.

Сильные связи между феноменологией и делезианством составляют предмет диссертации канадского академического ученого Алена Больё. Он узнает о Делёзе в Страсбурге в 1997-м от своего преподавателя Даниэля Пэйю и в следующем году начинает работать в Париже над диссертацией, намереваясь изучить отношение Делёза к феноменологии, которое считает амбивалентным и подрывным: «Я занимался феноменологией, изучая философию в Монреале у Жана Грондена, а потом два года провел в Германии, занимаясь Хайдеггером»⁴⁷.

45. Элеанор Кауфман, интервью с автором.

46. Там же.

47. Алэн Больё, интервью с автором. Диссертация Больё, опубликованная в 2004 году (Alain Beaulieu, *Gilles Deleuze et la phénoménologie*, Mons: Sils Maria, 2004), ставит задачу максимально подробно исследовать почти что любовное сражение Делёза с тезисами феноменологии. По Больё, каждый из ключевых концептов Делёза является способом позиционирования и демаркации от феноменологического подхода, то есть задания собственного направления, дистанцирующегося от последнего. В этом исследовании он надеется дополнительно прояснить теоретизацию Делёза, выявив ее подлинную территорию и вопросы, на которые она отвечает, — вопросы, совпадающие с феноменологическими, но рассматриваемые с иной точки зрения.

Издательство Колумбийского университета с самого начала играло важную роль в распространении произведений Делёза и Гваттари, однако решающим посредником стало издательство Университета Миннесоты, активно публикующее *French Theory* и сделавшее Делёза одним из приоритетов своей деятельности. Особенно это относится к Байодуну Иджинле, в те времена редактору этого издательства. Через два дня после смерти Делёза он написал: «В субботу 4 ноября 1995 года я потерял единственного интеллектуального отца, который у меня когда-либо был»⁴⁸. К октябрю 1990 года, когда Иджинла, сменив Линдси Уотерса и Терри Кокрана на их посту, стал ведущим редактором Делёза, издательство Университета Миннесоты успело выпустить восемь книг из всего корпуса, доступного на тот момент в англосаксонском мире. Эта политика популяризации творчества Делёза нашла в Иджинле как нельзя более активного сторонника⁴⁹.

Философ Реда Бенсмайя, преподававший в Университете Миннесоты, ответственный редактор журнала *Lendemain*, становится другом Делёза, когда выходит посвященный ему специальный номер журнала⁵⁰. Он несколько раз встречался с Делёзом и раньше, когда издательство Университета Миннесоты публиковало его работы: «Мне даже случалось привозить ему гранки его книг»⁵¹. Их дружеское общение нашло выражение в переписке, следы которой можно обнаружить в «Переговорах»⁵², в письме, где Делёз выражает благодарность за высокое качество статей, вышедших в номере, редактором которого выступил Бенсмайя.

48. Biodun Iginla, «Gilles Deleuze — In Memoriam (1925–1995). A Personal Note», *Iris*, № 23, printemps 1997, p. 191.

49. Gilles Deleuze, *The Fold: Leibniz and the Baroque*, Minnesota, 1993; *Essays Critical and Clinical*, Minnesota, 1997; Francis Bacon, Minnesota, 2004. Иджинла, ставший впоследствии редактором, был студентом Делёза в университете Париж-VIII с 1975 года, а потом продолжил образование в области сравнительного литературоведения в университете Миннесоты. По его словам, понятие ризомы «сильно помогло мне в карьере редактора» (Biodun Iginla, «Gilles Deleuze — In Memoriam (1925–1995). A Personal Note», p. 193). Прочсть «Анти-Эдипа» ему посоветовал в 1973 году Том Конли, еще до того, как он стал посещать курсы Делёза: «Книга стала моей библией» (Ibid., p. 194). По его мнению, пророчество Фуко уже свершилось: «В определенном смысле, этот век уже стал делезианским. Например, он построил теорию различия актуального и виртуального по меньшей мере за два десятилетия до того, как кибернетика и техно-евангелисты начали говорить о различии между реальной жизнью (RC) и виртуальной реальностью (VR)» (Ibid., p. 195).

50. Réda Bensmaïa (éd.), *Lendemain*, № 53, 1989.

51. Реда Бенсмайя, интервью с автором.

52. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 211–214.

В то же самое время, в 1989 году, Лоуренс Крицман, американский специалист по французской интеллектуальной истории, работавший тогда преподавателем в Дартмунде, знакомится с Делёзом по случаю запуска в издательстве Колумбийского университета новой серии под названием «Европейские перспективы». Первая книга, в ней опубликованная, — «Что такое философия?»⁵³: «Я очень гордился ею, поскольку, с моей точки зрения, это шедевр французской мысли второй половины XX века»⁵⁴. В 1989 году Делёз принимает его у себя на улице Бизерт: «Обычно, когда приезжаешь в Париж к известным мыслителям, они рассказывают вам о том, чем занимаются, но Делёз, наоборот, спросил меня, чем занимаюсь я»⁵⁵.

Отныне у Делёза и Гваттари в Северной Америке есть хорошие и компетентные экзегеты из числа университетских преподавателей, которые многое сделали для популяризации их творчества. Один из них, Чарльз Стиваль⁵⁶, создал важный интернет-сайт, ставший хранилищем текстов Делёза и Гваттари, посвященных им статей и местом для коммуникации сети исследователей, интересующихся их творчеством. Брайан Массуми, преподаватель факультета коммуникации Университета Монреаля и переводчик «Тысячи плато» на английский⁵⁷, публикует и свои собственные работы, а также выступает редактором коллективных сборников о творчестве Делёза и Гваттари⁵⁸.

53. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *What is Philosophy?*, Columbia, 1994.

54. Лоуренс Крицман, интервью с автором.

55. Там же.

56. Charles Stivale, *The Two-Fold Thought of Deleuze and Guattari*, Guilford Press, 1998 [см. также сайт: <http://www.langlab.wayne.edu/CStivale/D-G/index.html>].

57. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *A Thousand Plateaux*, Minnesota, 1987.

58. Brian Massumi, *User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari*, MIT Press, 1992; *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*, Duke University Press, 2002; Brian Massumi (ed.), *A Shock to Thought: Expressions after Deleuze and Guattari*, Routledge, 2001. «Делёз Америки: исключенное третье. То есть утверждение, наше возможное невозможное. Читать Делёза между искренностью и цинизмом, то есть погружаться в ученичество мысли как практику переоткрытия. Линия ускользания, непокорный прагматизм» (Брайан Массуми, высказывание цит. по: Élie During, *Le Magazine littéraire*, février 2002, p. 56). Австралийский преподаватель Йен Бьюкенен также стал весьма плодовитым специалистом по творчеству Делёза, которое он сначала сближал с работами Мишеля де Серто, ориентируясь на концепт плана имманентности (Ian Buchanan, *Michel de Certeau: Cultural Theorist*, London: Sage, 2000). В бытность свою преподавателем в Университете Тасмании он издал коллективный сборник, посвященный творчеству Делёза (Ian Buchanan, John Marks (ed.), *Deleuze and Literature*, Columbia University Press, 2001), с тех пор Бьюкенен стал одним из ведущих представителей делезианства в Британии. Сегодня он преподает в Кардиффе и работает редактором в издательстве Эдинбурга.

Американское помешательство

С конца 1990-х годов количество публикаций, посвященных Делёзу и Гваттари в англосаксонском мире, резко увеличивается. В период 1998–2000 годов публикуется пять-шесть книг ежегодно, но уже в 2001-м выходит не менее десятка. В начале нового тысячелетия эта тенденция только закрепляется. Наибольший интерес проявляют факультеты сравнительного литературоведения. Так, по мнению Даны Полан, переводчика «Кафки» Делёза и Гваттари⁵⁹, хороший пример возможного использования «Анти-Эдипа» в литературной критике показывает марксист Фредрик Джеймисон, пусть он и не всегда согласен с книгой и иногда ее упрощает⁶⁰. В 1987 году важный журнал *Cultural Critique* посвящает два номера малым дискурсам, в которых в массовом порядке используется делезо-гваттарианский концепт, применяемый к дискурсам групп так называемых субалтернов.

Эта рецепция делезо-гваттарианства никоим образом не ограничивается литературной теорией. Их концепция становится довольно важным источником и для ряда ученых, желающих навести мосты между двумя культурами, опираясь, в частности, на самую передовую технологию. Здесь следует сказать о Мануэле Деланде, который начинал свою карьеру с экспериментальных фильмов, потом стал программистом и цифровым художником, а уже затем — преподавателем на философском факультете Колумбийского университета. Деланда поставил себе цель преодолеть разрыв между точными и гуманитарными науками. Для этого ему понадобилось представить делезианскую онтологию в качестве философии наук, занимающихся комплексностью и нелинейной динамикой⁶¹. Следует учитывать также политическую и протестную рецепцию в англосаксонском мире, примером которой выступает Майкл Хардт⁶², ученик итальянского философа Тони Негри, написавший вместе с ним несколько книг по социально-политической критике, опирающихся на концепции Делёза и Гваттари и получив-

59. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Kafka*, Minnesota, 1986.

60. Fredrick Jameson, *Fables of Aggression: Wyndham Lewis*, University of California Press, 1979.

61. Manuel Delanda, *Intensive Science and Virtual Philosophy*, Continuum International Publishing Group, 2002; *New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, Continuum, 2006.

62. Michael Hardt, Gilles Deleuze: *An Apprenticeship in Philosophy*, University of Minnesota Press, 1992.

ших широкую известность⁶³. В этих работах ставится задача обосновать определенную форму политического радикализма, которая бы опиралась на критику капиталистической системы и на ту надежду на решительные перемены, которую дает марксизм, пересмотренный в свете концептов Спинозы, Делёза и Гваттари.

Впрочем, не стоит ограничивать рецепцию творчества Делёза и Гваттари исключительно университетской средой, пусть она и признала его — с некоторым опозданием, но зато в полной мере и весьма продуктивно. Также следует учитывать рецепцию в феминистских кругах; ей не помешало то грубое отвержение, жертвой которого они стали на знаменитом симпозиуме в Колумбийском университете в 1975 году: «Вплоть до середины 1990-х годов в американском феминизме господствует инстинктивное недоверие к тому, как Делёз и Гваттари „молекуляризуют“ женский вопрос»⁶⁴. Подобный подход считается диверсионным маневром, порывающим с фундаментальными задачами, которые относятся к «молярному» уровню. Однако в 1990-е годы феминистское движение развивается, постепенно свыкаясь с менее эссенциалистскими подходами, которые создадут возможность более позитивной рецепции тезисов о «становлении-женщиной», о сексуальной дезидентификации, становлении письма миноритарным, будь оно мужским или женским, о сексуальной индетерминации и ее фундаментальной амбивалентности. Так, в сборнике, вышедшем под редакцией Константина Бундаса и Доротеи Олковски, обнаруживаются два феминистских исследования, в значительной мере опирающихся на тезисы Делёза и Гваттари⁶⁵. Еще больше удаляясь от университетского мира, можно встретить и такие применения делезо-гваттарианства, в которых от имени «политики киборга» превозносится машинное становление человечества: об этом говорит Донна Харауэй, определившая в 1985 году киборга как «кибернетический организм, гибрид машины и организма, творение как социальной реальности, так и вымысла»⁶⁶.

63. Michael Hardt, Toni Negri, *Empire*, Harvard University Press, 2000; французский перевод: La Découverte, 2001; *Multitudes: Guerre et démocratie à l'âge de l'Empire*, La Découverte, 2004; русский перевод: Майкл Хардт, Тони Негри. *Империя*, Праксис, 2004; Майкл Хардт, Тони Негри, *Множество: война и демократия в эпоху империи*, Культурная революция, 2006.

64. François Cusset, *French Theory*, p. 163.

65. Elizabeth Grosz, «A Thousand Tissy Sexes: Feminism and Rhizomatics»; Rosi Braidotti, «Toward a New Nomadism: Feminist Deleuzian Tracks, or Metaphysics and Metabolism», in Constantin Boundas, Dorothea Olkowski (eds), *Gilles Deleuze and the Theater of Philosophy*, New York: Routledge, 1994.

66. Донна Харауэй, цит. по: François Cusset, *French Theory*, p. 270.

Еще одна область, которая играет все большую роль в американской академии, — это постколониальные исследования (*Postcolonial Studies*) и субалтерные исследования (*Subaltern Studies*), в которых концепты Делёза и Гваттари также нашли широкое применение. В значительной мере их влияние связано с фигурой видного палестинского интеллектуала, профессора Колумбийского университета Эдварда Саида, которому «трактат о номадологии», включенный в «Тысячу плато», позволяет картографировать современный мир и описывать детерриториализованную судьбу палестинского народа. Другая известная фигура *Subaltern Studies*, Гаятри Чакраворти Спивак, по происхождению индианка, также стала пользоваться концептами Делёза и Гваттари. Ее критика тотализующих систем и ее концепция концепта как, прежде всего, практического и тактического призвания, ее определение интеллектуала и апология литературной миноритарности — все это свидетельствует о ее близости к Делёзу и Гваттари.

Делёзо-гваттарианский концепт машины не только послужит машиной войны против структурализма, но и получит развитие в США — в области первых электронных сетей, теорию которых создал друг Сильвера Лотренже Хаким Бей, понимающий их в качестве «временных автономных зон» (англ. *TAZ, temporary autonomous zones*)⁶⁷. Он призывает к незаконному, повстанческому применению интернета: «Работы Феликса Гваттари, написанные им без участия Делёза, оказали заметное воздействие на этих первых американских киберкоммунитаристов»⁶⁸. Выдвинув понятие ризомы, Делёз и Гваттари стали великими пророками Сети, позволяющей прочувствовать план имманентности, расходящиеся во всех направлениях подключения, устранение иерархии, сингулярные и трансверсальные траектории. Так, на одном сайте, названном *Deleuze & Guattari RhizOma*, предлагается модуль цитат, «украденных» у наших двух авторов, который запускается гипертекстовыми ссылками⁶⁹. Последователи Делёза и Гваттари, освоившие интернет, чувствуют там себя как рыба в воде, поскольку их чувства подкрепляются усвоенными концептами. Так, в своей практике они возвращаются к желанию десубъективации, о котором говорили их учителя и которое они сами практикуют в сети. Они на одной волне с понятиями множественности, с тактиками демульти-

67. Hakim Bey, *The Temporary Autonomus Zone: Ontological Anarchy, Poetric Terrorism*, Autonomedia, New York, 1991.

68. François Cusset, *French Theory*, p. 265.

69. Ibid., p. 266.

пликации, с дизъюнктивными синтезами, с машинной демультипликацией и производством, и даже со знаменитым ТбО, телом без органов, которое используется как характеристика сети, ставшей «зоной тела без органов».

Все эти многочисленные применения делезо-гваттарианства на американской почве стали осуществлением стремления Делёза к «поп-философии», в которой самое главное — это практики. Судя по всему, ими подтверждается головокружительный успех сделанной когда-то прививки. Строгое соответствие между концептуальными тезисами, выдвинутыми Делёзом и Гваттари, и цивилизационной исключительностью Америки сходится, таким образом, с мнением Сильвера Лотренже, считавшего, что Делёз и Гваттари говорят не с американцами, а об Америке.

Глава 27

На всех широтах

РАСПРОСТРАНЕНИЕ влияния Делёза и Гваттари не ограничивается Северной Америкой. Их творчество становится известным по всему миру — от Азии и до Латинской Америки, не говоря уже о Европе. Гваттари часто сам путешествует, сопровождая свои работы, тогда как Делёз, за редкими исключениями, наблюдает за следами своих текстов, разошедшихся по всему свету, оставаясь неподвижным странником в своей «обсерватории» в Париже-VIII, где на его курс стекаются исследователи из самых разных стран.

Если говорить об англосаксонском языковом пространстве, несколько центров делезианства появляется в Англии, в частности Уорвикский университет, где преподают Кейт Анселл-Пирсон и Ник Ланд, деятельность которых становится известна во всем англоязычном мире. Эмпиризм Делёза, утвердившийся уже в его работе о Юме, а также ориентация его самого и Гваттари на прагматизм не могли не прийтись по душе некоторым англичанам. Однако в Великобритании рецепция началась довольно поздно и была менее глубокой, чем в американских кампусах. На самом деле в этой стране, где глубокий след оставили эмпиризм и прагматизм, люди, более всего способные заинтересоваться Делёзом и Гваттари, ищут во французской мысли скорее иной путь и примыкают к другим авторам *French Theory*, для которых важнее структуралистские логики. Впрочем, благодаря тому, что в 1980–1990-е годы становятся доступны английские переводы, рецепция работ Делёза и Гваттари значительно ускоряется: «В Англии „делезианцы“ не пытаются ни комментировать его работы, ни применять. Скорее, они стремятся „подключать их“ — к кино, скульптуре, перформансам, рок-музыке»¹. Кейт Анселл-Пирсон, философ из Уорвика, переходит

1. Hugh Tomlinson, Robert Galeta, *Le Magazine littéraire*, septembre 1988, p. 60.

на откровенно делезианские позиции и даже называет Делёза «инженером различия»².

Ник Ланд, ставший своего рода мифом, поскольку никто его не видел с тех пор, как он оставил карьеру преподавателя, также читал философию в Уорвикском университете. Он стремился соединить два тома «Капитализма и шизофрении» с работами Норберта Винера по кибернетике, а также с эзотерикой и научной фантастикой. В 1990-е годы он организует несколько культурных манифестаций на такие темы, как «Виртуальные будущие», «Афробудущие», «Видеотехника», объединяя в подобных мероприятиях конференции и технофестивали, которые проходят в уважаемом Уорвикском университете, не привыкшем к подобным ритмам.

Одна из ведущих областей социальных исследований в Великобритании — «культурные исследования», *Cultural Studies*, в которых влияние Делёза и Гваттари малозаметно. Однако Лоуренс Гросберг, один из ведущих представителей этого движения, в конце 1970-х годов начинает читать Фуко, когда уезжает преподавать в Иллинойс: «В этом контексте я и обнаружил перевод „Анти-Эдипа“ и тогда собрал группу для чтения из нескольких аспирантов и коллег из других университетов. В нее входил и Чарльз Стиваль, который готовил тогда докторскую диссертацию по французской литературе в Иллинойсе. Мы потратили целый год на построчное чтение Делёза и Гваттари»³. С начала 1980-х годов Гросберг начинает использовать концепты Делёза и Гваттари, выступая одновременно против деконструкции и против герменевтики. Он требует уделять внимание собственно политическому аспекту культуры, что позволит избежать проблемы релятивизма: «В Делёзе (и Фуко) я видел способ выйти за пределы хайдеггерианского поворота к своего рода мистицизму его последних работ, как и за пределы деконструкции Деррида»⁴. В середине 1980-х годов Гросберг знакомится с Меган Моррис, австралийской специалисткой по *Cultural Studies*, которая училась у Делёза. Гросберг приглашает ее в университет Иллинойса, где под их руководством формируется поколение студентов, обучающихся на работах в сфере *Cultural Studies* и неплохо знакомых с творчеством Делёза и Гваттари. Таким образом, Гросберг использует Делёза и Гваттари для своей уни-

2. Keith Ansell-Pearson, *Germinal Life: The Difference and Repetition of Deleuze*, London; New York: Routledge, 1999; Keith Ansell-Pearson (ed.), *Deleuze and Philosophy. The Difference Engineer*, London; New York: Routledge, 1997.

3. Лоуренс Гросберг, интервью с автором.

4. Там же.

кальной концепции *Cultural Studies* как радикального проекта политического контекстуализма и анализа дискурса: «Я считаю себя скорее прагматиком, использующим делезовские концепты, когда это требуется, чтобы объяснить контекст»⁵.

Саймон Торми, представитель молодого поколения британцев, по происхождению ирландец, преподает политику и критическую теорию⁶ в Ноттингемском университете, где также работает известный специалист по творчеству Делёза и Гваттари Филип Гудчайлд⁷. Когда он открывает для себя эти работы, его взгляд на мир радикально меняется: «Для меня открытие Делёза и Гваттари означало выход в цветной мир, который раньше был исключительно черно-белым»⁸. При этом ничто не предрасполагало Торми к такому переходу: «Я и представить не мог глубину, выразительность, силу их мысли»⁹. В области художественного творчества Делёз стал источником вдохновения для некоторых художников. Это относится, к примеру, к британскому писателю Яну Пиндару, который старается создавать ризоматические произведения. То же самое можно сказать и о театральном деятеле Бенджамине Мэе, который намеревался поставить на сцене само понятие «тела без органов», особым образом руководя актерами.

Земля обетованная: Япония

Япония, весьма далекая от англосаксонского мира, становится страной, в которой делезо-гваттарианство находит куда более радужный прием. Отказ от всякой трансцендентности и имманентная мысль Делёза и Гваттари вполне созвучны японскому буддизму. Мы уже говорили о Хиденобу Сузуки, которому мы обязаны настоящим сокровищем — архивом записей курсов Делёза в Париже-VIII с 1979 по 1987 год¹⁰. Вместе с ним с середины 1970-х годов посещал курсы и будущий ведущий переводчик Делёза на японский язык Куниичи Уно. Защитив магистер-

5. Лоуренс Гроссберг, интервью с автором.

6. Simon Tormey, *Anti-Capitalism: A Beginner's Guide*, Oxford; New York: Oneworld, 2004.

7. Philip Goodchild, *Deleuze and Guattari. An Introduction of the Politics of Desire*, London; New Delhi: Sage Publications; Thousand Oaks, 1996; Philip Goodchild, *Gilles Deleuze and the Question of Philosophy*, Plainsboro Township: Associated University Press, 1996.

8. Саймон Торми, интервью с автором.

9. Там же.

10. См. главу 19 настоящего издания.

скую диссертацию по Рембо, Уно предлагает Делёзу руководить его диссертацией об Антонене Арто, которую он защищает в 1980 году. Во Франции Уно вплоть до 1983 года входит в одну группу с Сузуки и некоторым числом других японских студентов: «Мы занимались переводом „Тысячи плато“, и я спросил у Делёза: почему книга так называется? Он ответил мне: «Ты знаешь плато Мильваш? Для меня это оно, не знаю, как для Феликса, но для меня это так»¹¹. Эти пять студентов включаются в переводческий проект под руководством известного японского профессора, переводчика «Ризомы» Куичи Тойосаки. Сложность перевода некоторых понятий потребовала многочисленных пояснений со стороны самих авторов: «У нас была возможность работать вместе с Делёзом и Гваттари, обсуждая с ними сложные моменты и во многом загадочные термины»¹².

Когда в 1983 году Уно возвращается в Японию, он начинает сотрудничать с журналом современной философии *Gendai-Shiso*, поддерживающим структурализм и французскую мысль в целом. Благодаря ему японскую аудиторию удастся познакомить с творчеством Делёза и Гваттари. Но настоящую известность в Японии они приобретают в середине 1980-х годов благодаря публикации японского перевода «Анти-Эдипа». Уно, ставший преподавателем на факультете литературоведения в Университете Риккио в Токио, перевел «Изможденного», «Фуко», «Складку», а также участвовал в переводе «Тысячи плато». В каждую из поездок в Париж вплоть до 1992 года Уно посещает Делёза у него дома: «Когда я закончил перевод „Складки“, он сказал мне, что хотел бы еще поработать над отношением между Лейбницем и Востоком»¹³. В Японии особое признание получила «Тысяча плато», особенно в кругах архитекторов и социологов: «Тело без органов — нам, японцам, это о многом говорит»¹⁴.

Что касается Гваттари, то он по-настоящему влюбился в Японию и побывал там восемь раз: «Два города, которые больше всего интересовали Феликса, — Сан-Паулу и Токио»¹⁵. Уно, как только он вернулся в Японию, пригласил его, а потом его приглашал и Акира Асада, который в 1983 году опубликовал «Структуру и силу», бестселлер, посвященный французской мысли. Воспользовавшись приглашением, Гваттари

11. Хиденобу Сузуки, интервью с автором. (*Millevaches* означает буквально «тысяча коров». — Прим. ред.)

12. Куниичи Уно, интервью с автором.

13. Там же.

14. Там же.

15. Хиденобу Сузуки, интервью с автором.

читает лекцию по шизоанализу в Киотском университете. Благодаря Уно он знакомится с весьма политизированными активистскими кругами Окинавы, посещает ряд психиатрических больниц. Уно, со своей стороны, в 1984–1985 годах регулярно навещает Гваттари в Ла Борд и записывает несколько интервью для журнала *Gendai-Shiso*, один из специальных номеров которого посвящен Делёзу и Гваттари: «На всемирной выставке дизайна в Нагоя Гваттари выступал перед огромной аудиторией, состоявшей из тысячи архитекторов. Он прочел лекцию о том, как архитектура способна видоизменять городскую среду»¹⁶.

Завязав отношения с лучшими японскими танцорами, фотографами и архитекторами, Гваттари привлекает их к клинике Ла Борд и ее пациентам. Так, он приглашает танцора Тураками и даже собирается делать фильм с фотографом Кеичи Тахавой, который должен был называться «Черный свет». Но из-за преждевременной кончины друга Тахаве придется снимать фильм в одиночку. Гваттари обожал бродить по Токио, где гигантские ультрасовременные небоскребы соседствуют с двухэтажными домами в кварталах, похожих на деревни. Любовь к Японии подтолкнула его к созданию Франко-японской ассоциации, призванной налаживать и развивать культурные связи двух стран. Когда заходит вопрос об организации культурных мероприятий или приглашении японских деятелей культуры, Гваттари консультирует Кристиана Декама, руководителя Лекционного сектора Центра Помпиду в 1984–1994 годах.

Масааки Сугимура — переводчик работ Гваттари на японский¹⁷. Он называет себя «человеком 68-го». И правда, впервые Гваттари он видит в самый разгар мая 1968 года во время взятия Одеона. Когда в 1970 году Сугимура возвращается в Японию, ему на десять лет запрещают въезд во Францию, поскольку он признан опасным левым активистом. Он обращается к вопросам японской политики, чтобы создать в стране новые левые силы. Уно, занятый переводом «Тысячи плато», однажды просит его перевести «Молекулярную революцию», которой никто заниматься не хочет, поскольку книга считается слишком политической: «Я взялся за работу и нашел в книге воспоминания о том, что сам пережил в 1960-е годы»¹⁸. Активно участвуя в протестных движениях, выступающих против японского императора и критикующих основания императорской систе-

16. Куниичи Уно, интервью с автором.

17. В 1988 году он перевел «Молекулярную революцию», а затем «Три экологии», «Психоанализ и трансверсальность» и, наконец, «Зимние годы».

18. Маасаки Сугимура, интервью с Виржини Линар.

мы, Сугимура находит у Делёза и Гваттари инструменты, позволяющие продумать рождение активистских групп нового типа, тогда как идея молекулярной революции представляется ему особенно значимой для действий в контексте японского общества. В начале 1980-х годов работы Делёза и Гваттари начинают переводиться на японский, «они становятся модными. Многие японские интеллектуалы числят себя сторонниками их подхода»¹⁹. Япония в послевоенный период и в самом деле весьма восприимчива к актуальным французским идеям. Сугимура знакомится с Гваттари лишь после перевода «Молекулярной революции». Они встречаются в Киото: «Мы сразу же понаравились друг другу. Говорили о мае 1968-го, и в Феликсе я нашел старшего брата [...]. Обнаружить в нем человека, разделяющего мои идеи, — для меня это было большое облегчение. Три года до самой его смерти мы поддерживали тесные отношения»²⁰.

В Японии Феликс Гваттари был влюблен прежде всего в архитектуру. По приглашению ассоциации японских архитекторов он в 1987 году участвует в проектной группе, работающей на конкурсе идей, цель которого — найти «Символ Франции-Японии»²¹. Одно свое исследование он посвящает одному из самых известных японских архитекторов, Шину Такамацу, поводом для чего послужила выставка 1989 года²². Представляя свой доклад, Кристиан Жирар утверждает, что «Гваттари дает архитекторам возможность теоретического осмысления своей практики»²³. Гваттари видит в японской архитектуре путь, обособленный от международной стилистической модели. В истории японской архитектуры было несколько великих творцов, среди которых Кэндзо Тангэ и его ученик Арата Исодзаки. Порвав с распространенным в те годы функционализмом, они переориентировались на то, что Гваттари называет «процессуализмом»²⁴. Такамацу удается проектировать здания, выражающие «становление-машиной»²⁵ субъективности, например, стоматологическую клинику в Киото, построенную по образцу барочного локомотива, что обусловлено непосредственной близостью

19. Там же.

20. Там же.

21. «Ширмы («Les paravents»), проект для конкурса «Символ Франция-Япония», организованного INA (Национальным аудиовизуальным институтом). Команда: Ф. дю Кастель, Ш. Жирар, Ф. Гваттари, Ж. Кальман, Х. Сузуки.

22. Félix Guattari, «Les machines architecturales de Shin Takamatsu», *Transfiguration* (catalogue de l'exposition «Europalia 89, Japan in Belgium»), p. 99–107; переиздано в: *Chimères*, hiver 1994, p. 127–141.

23. Christian Girard, *Chimères*, hiver 1994, p. 128.

24. Félix Guattari, «Les machines architecturales de Shin Takamatsu», p. 130.

25. Ibid., p. 131.

железнодорожной линии и вокзала: «Словно по мановению волшебной палочки это позволило превратить среду в своего рода растительный машинный пейзаж»²⁶.

Японская чувствительность к неустойчивому равновесию экосистем и к экологическим вопросам создает почву для успешной рецепции тезисов Гваттари, развитых в его книге «Три экологии», ставшей в Японии бестселлером. Имя Феликса Гваттари «использовалось даже для рекламы сорта виски и японского саке»²⁷.

Бразилия: страна надежд

В начале 1970-х годов Гваттари знакомится с одной бразильянской родом из польских евреев, Сули Рольник. Она студентка-социолог в университете Сан-Паулу, увлекается марксизмом и контркультурой. В январе 1970 года она попадает в тюрьму, когда бразильская диктатура свирепеет. Переехав в 1971 году в Париж, она посещает лекции Пьера Кластра, потом поступает в Венсен на социологию и ходит на занятия Делёза: «В начале у меня был еще довольно плохой французский, но сам тембр его голоса и его поза, язык, который проходил через его тело, сама плоть его слова — все это глубоко тронуло меня и вернуло к жизни»²⁸. Сули Рольник просит Гваттари начать ее анализ... поскольку она себя чувствует хорошо. Гваттари хватается за этот повод: «Ему это показалось очень привлекательным, и он тут же взял меня в анализ, который вел бесплатно. Он сказал мне: „Начинаем завтра в семь утра“»²⁹. После небольшого времени, потраченного на классический анализ, проводившийся, как обычно, на кушетке, Гваттари переходит к процедуре шизоаналитического типа, пытаясь видоизменить сам образ жизни Сули Рольник. Он приглашает ее заняться организацией празднования Рождества 1972 года в Ла Борд, темой которого стала Китайская революция. Поэтому он просит ее организовать мартовский карнавал, как будто это что-то само собой разумеющееся: «Это быстро привело меня в чувство. Я организовала много мероприятий с людьми, которые в конечном счете обосновались в Ла Борд. Так, там были артисты из *Living Theater*, Джулиан Бек»³⁰. В то же время Сули Рольник продолжает

26. Félix Guattari, «Les machines architecturales de Shin Takamatsu», p. 134.

27. Масааки Сугимура, интервью с Виржини Линар.

28. Сули Рольник, интервью с автором.

29. Там же.

30. Там же.

проходить университетский курс социологии в Венсене, затем переходит на психологию в Париж-VII. «Однажды в 1973 году я была у Феликса, и он сказал мне еще утром: „Хочу, чтобы ты осталась, поскольку на обед придет Делёз, и тебе надо с ним познакомиться. Вы друг другу нужны“»³¹.

Проработав в психиатрических службах в парижском регионе, по прошествии девяти лет изгнания Сули Рольник принимает решение вернуться в Бразилию, где берет-ся за докторскую диссертацию по психологии. Она поступает на работу в психиатрическую клинику в Сан-Паулу и понимает, что в Париже у Делёза и Гваттари она нашла именно то, что искала — микрополитику, отношения между психоанализом, политикой и культурой в контексте после 1968-го... Вернувшись в Бразилию, она пытается популяризировать все эти принципы в бразильском интеллектуальном мире. В психиатрических и клинических кругах эти идеи почти сразу же завоевывают признание, сыграв важную роль в той борьбе, которая шла в сфере душевного здоровья еще до падения диктатуры. Сули Рольник в то же самое время ведет семинар, в котором около восьмидесяти участников, — он представляет собой образовательную инициативу, ориентированную на делезо-гваттарианство. Она легко могла бы создать и настоящую школу, однако у Сули Рольник есть основания видеть в этом искушении опасность предательства тех целей, которые преследуют Делёз и Гваттари. Она предпочитает форму сети, ветви которой прорастают в самые разные латиноамериканские страны. Бразильцы очень быстро усваивают «Анти-Эдип» и вскоре, в 1976 году, переводят книгу. В 1981 году Сули Рольник публикует книгу Гваттари под названием «Политическая пульсация желания», в которой воспроизводится значительная часть его «Молекулярной революции»³².

Гваттари посетит Бразилию семь раз, более того, у него даже был план обосноваться там. В 1982 году Сули Рольник организует для него программу встреч в нескольких штатах с важными микрополитическими движениями бразильского общества, а также с представителями психоаналитических и психиатрических кругов. «Это единственная страна, в которой психоанализ занимает такие сильные позиции»³³. Она записывает все эти встречи, на основе записи позднее делается расшифровка в триста страниц, с которой она начинает работать. В 1986 году выхо-

31. Там же.

32. Félix Guattari, *Pulsation politique du désir*, Soulina, 1981.

33. Сули Рольник, интервью с автором.

дит работа, основанная на этом материале, которая выдержит шесть переизданий³⁴.

Однажды Гваттари приезжает в Бразилию в тот момент, когда там возрождаются надежды на политические перемены. Сули Рольник занята в штабе поддержки профсоюзного деятеля Луиса Инасиу да Силва по прозвищу «Лула», лидера новой Партии рабочих, который избирается в городское правительство Сан-Паулу. Она организует встречу Лулы и Гваттари. Еще в прошлый приезд, в 1979 году Гваттари встречался с руководителем профсоюза нефтяной отрасли Жаку Биттаром, а также с рядом активистов из числа рабочих. Тогда речь шла о создании новой партии. В 1982 году дело решено: Лула становится средоточием чаяний Партии рабочих. Гваттари, в свою очередь, говорит ему о своей надежде на то, что партия сможет изобрести новые инструменты коллективной борьбы и даже новую микрополитическую логику.

Вернувшись в Париж, Гваттари благодаря Сули Рольник сохраняет связи с Бразилией. Она регулярно сообщает ему о развитии сети в психиатрической среде, а в переписке часто выражает полную поддержку его теоретических позиций. Действительно, Бразилия кажется единственной страной, в которой прививка шизоанализа по-настоящему принялась. Он был настолько «усвоен» в некоторых академических кругах, что его включили в образовательные программы третьего цикла клинической психологии. Также во многих исследовательских центрах создаются посвященные ему работы. В чем причина такого успеха? Если придерживаться культуралистского подхода, среди возможных причин можно упомянуть тот факт, что бразильское общество, чрезвычайно смешанное, гибридное и локальное, вероятно, более других созвучно лабильности конструирования субъекта с его множественными путями становления и субъективности, которая по самой своей сути является гетерогенетической. В Бразилии Гваттари притягивает не экзотика, а напротив, намечающиеся там новые опыты субъективации, которые могли бы дать ответы на политические вопросы, встающие в Старой Европе: «Если вы продолжите в том же ритме, в котором занялись трансформацией Бразилии, возможно, вы справитесь с молекулярными революциями быстрее нас»³⁵.

34. Félix Guattari, Suely Rolnik, *Micropolítica. Cartografias do Desejo*, Vozes, Petrópolis, 1986; на французском: Félix Guattari, Suely Rolnik, *Micropolitiques*, Paris: Les empêcheurs de penser en rond, 2007.

35. Félix Guattari, Suely Rolnik, *Micropolítica*, 4e éd., 1996, p. 311 (дискуссия состоялась в 1982 году).

В мае 1992 года, за несколько месяцев до смерти, Гваттари в последний раз посещает Бразилию, а именно Рио-де-Жанейро. Поводом для визита стала публикация бразильского издания работ «Хаосмос» и «Что такое философия?»³⁶ По этому случаю 21 мая 1992 года издательство *Éditions 34* и Международный коллеж трансдисциплинарных философских исследований проводят круглый стол, на котором собираются французские и бразильские ученые. Этот исследовательский центр, куда много раз привозили Гваттари, был создан другом Делёза и Гваттари, хорошо знакомым с их работами, философом Эриком Алье.

Впервые Эрик Алье отправляется в Бразилию вместе с Гваттари — их поездку организует Сули Рольник. Он испытывает то же воодушевление, что и Гваттари. Когда в 1987 году он защищает диссертацию под научным руководством Делёза, его приглашает один бразильский институт, Бразильский научно-исследовательский центр физики (*Centro Brasileiro de Pesquisa Fisicas, CBPF*), представить свои работы о темпоральных логиках, основанные на диссертации³⁷. Бразильцы очень заинтересованы французским опытом Международного коллежа философии, где Алье ведет семинар вместе с Изабель Стенгерс. Считая возможным создать подобный институт и в Бразилии, Алье играет ключевую роль в отношениях с этой страной. Активное освоение шизоанализа в психоаналитических кругах Бразилии связано еще и со слабостью позиций Лакана в Бразилии, в отличие от Аргентины.

После смерти Делёза Эрик Алье запускает важную инициативу, повлиявшую на распространение делезо-гваттарианства: при поддержке института, в создании которого он принимал непосредственное участие, а именно Международного коллежа трансдисциплинарных философских исследований, 10–14 июня 1996 года он проводит международную конференцию в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу³⁸. В этом процессе распространения делезоведения важную роль сыграли еще два философа: Бенто Прадо, переводчик книги «Что такое философия?», который защитил диссертацию по Бергсону³⁹, и Роберто Мачадо, философ, близкий к Фуко, написавший работу о генезисе философии

36. Félix Guattari, *Caosmose — um novo paradigma estético*, Rio: Éditions 34, 1992; Gilles Deleuze, Félix Guattari, *O que é a filosofia?*, Rio: Éditions 34, 1992.

37. Éric Alliez, *Les Temps capitaux*, Paris: Le Cerf, 1999.

38. Доклады, прочитанные на этой встрече, были опубликованы в сборнике: Éric Alliez (sous la dir.), Gilles Deleuze. *Une vie philosophique*.

39. Bento Prado, *Presencia a campo transcendental. Consciencia e negatividade na filosofia de Bergson*, São Paulo: EDUSP, 1989.

Делёза⁴⁰. В Рио-де-Жанейро Норман Мадараш, преподаватель философии венгерского происхождения с канадским гражданством, который провел около десяти лет в Париже, также относит себя к делезианству. В курсе, который он читает в Рио-де-Жанейро, он преподаёт некоторые аспекты мысли Делёза, в том числе его интерпретацию Ницше, вместе со своим коллегой Хорхе Васконселлосом. Последний полагает, что философия сможет распространить свое влияние за пределы интеллектуальных кругов тогда, когда станет «поп-философией», поскольку только так она может пробиться к обездоленным частям населения. Эту задачу он и пытается решить в своей книжной серии *Filosofia e arte*, которая выходит в издательстве *Ciência Moderna*.

Мексиканские границы

В отличие от Бразилии, Мексика не стала заповедной страной делезо-гваттарианства, несмотря на успешную рецепцию *French Theory*, состоявшуюся благодаря Арнальдо Орфиле, директору Фонда экономической культуры, а потом и основателю своего собственного издательства *Siglo 21*. Этот издательский поворот больше благоприятствовал Броделю, школе «Анналов», Фуко, Деррида и Альтюссеру, чем Делёзу или Гваттари. Впрочем, благодаря визитам Гваттари все же были налажены связи с некоторыми психоаналитическими группами. В 1975 году книга Гваттари «Психоанализ и трансверсальность» публикуется на испанском языке издательством *Siglo 21* (Аргентина). Его влияние не было решающим ни в Аргентине, ни в Мексике. Но небольшая группа мексиканских психиатров и психоаналитиков все же принимает решение обсуждать его теорию, чтобы углубить свою критику института психиатрии, уже опиравшуюся на принципы антипсихиатрии Купера и Базальи. Итальянский антипсихиатр по приглашению Ивана Иллича посещал Мексику, CIDOC⁴¹ в Куэрनावаке еще в 1973 году. Первый съезд этих противников психиатрии проходит в 1976 году в той же Куэрनावаке, с участием Мари Лангер, австрийского психиатра, которая в 1936 году бежала от нацистов в Испанию, затем в Аргентину, где основала АРА⁴², а впоследствии переехала в Мексику. В съезде принимают участие Томас Сас, Франко Базальи

40. Roberto Machado, *Deleuze e a filosofia*, Rio: Graal, 1990.

41. CIDOC: Центр документации в Куэрनावаке.

42. Аргентинская психоаналитическая ассоциация.

и Игорь Карусо. Новый съезд проходит в 1978 году все в той же Куэрनावаке, на этот раз его организует Сильвия Маркос. В круглом столе «Психиатрия и антипсихиатрия» принимает участие Гваттари.

Воспользовавшись визитом Гваттари, альтернативная по отношению к психиатрии сеть в Мексике, совет студентов факультета психологии и руководство факультета психологии автономного университета Нуэво Леон организуют конференцию «Психическое здоровье, безумие и общество», которую ведут два мексиканских психоаналитика: Родольфо Альварес дель Кастильо и Фернандо Гонсалес. Конференция проходит в Монтеррее с огромным успехом. Гваттари выступает перед аудиторией, в которой собралась тысяча студентов, рассказывая ей об опыте Ла Борд и практиках институциональной психотерапии⁴³.

Фернандо Гонсалес, как и другие психоаналитики, принимавшие участие в конференции 1978 года, читал и ценил «Анти-Эдип», где дается жесткая критика принципов психоаналитической интерпретации, подчас слишком строго кодированных: «Это дало мне возможность дистанцироваться от психоаналитической машины»⁴⁴. Понятие трансверсальности, с точки зрения Фернандо Гонсалеса, также помогло ему в собственных работах, в которых пересекаются психоанализ, история, философия и социология: «Именно благодаря Гваттари в 1978 году я начал, работая в больнице, применять институциональный подход»⁴⁵. Вернувшись в 1983 году в Мексику, он видит, что делезо-гваттарианская прививка на самом деле не принялась: «Лаканизм здорово закрепился. Это было самое начало его импорта и всеобщего увлечения Лаканом»⁴⁶. Позиции Гваттари сохранились лишь в некоторых анклавах, таких как магистерская программа по социальной психологии групп и институтов, созданная Фернандо Гонсалесом в филиале Автономного университета в Сочимилько (УАМХ), в который набирают по два десятка студентов в год. К этому небольшому анклаву следует присовокупить некоторые следы

43. После этого приглашения 1978 году он еще вернется в Мексику и прочтет лекцию в UNAM (Автономном национальном университете Мексики) в октябре 1981 года: Félix Guattari, «Les temps machiniques et la question de l'inconscient», conférence prononcée à Mexico en octobre 1981; переиздано в: *Les Années d'hiver*, p. 125–137.

44. Фернандо Гонсалес, интервью с автором. См.: Fernando Gonzalez, *La guerra de las memorias. Psicoanálisis, historia e interpretación*. Mexico: Universidad Iberoamericana, 1998, особенно гл. 2, посвященную Фрейду и психоаналитической интерпретации.

45. Ibid.

46. Ibid.

его влияния в Мексиканской ассоциации психоаналитической групповой психотерапии (AMPPG), основанной в 1966 году, где активную деятельность продолжает один из ее основателей Хорхе Марголис.

Чилиец, бежавший от Пиночета

В 1970-х годах происходит плодотворная встреча между Гваттари и одним чилийским интеллектуалом, бежавшим от диктатуры Пиночета. Мигель Норамбуэна — студент факультета изящных искусств в Сантьяго и ультралевый активист. В период государственного переворота его арестовывали и пытали военные, но ему удается бежать в Швейцарию. Ему было 23 года, к этому времени он уже знал и ценил антипсихиатрические принципы Купера; с ним и его спутницей Мариной Секкой он знакомится в Париже в 1976 году и начинает работать. Однажды Гваттари звонит по телефону в тот момент, когда у Купера и его группы идет рабочий сеанс. Гваттари хочет убедить его присоединиться к митингу против репрессий в Италии у здания государственной страховой компании. Туда отправляется вся группа, и вечером в ресторане Мигель Норамбуэна случайно усаживается напротив Гваттари, который рассуждает о репрессивной атмосфере и внезапно обращается к своему визави: «Он обратился ко мне и спросил: „А ты кто такой?“. Я рассказал ему о себе. И тогда он сказал: „Знаешь, твоя история мне интересна. В следующий раз, когда будешь у Дэвида, заходи в гости“»⁴⁷.

Мигель Норамбуэна совершенно разбит в этот период, когда он едва ли не чудом вырвался из тюрьмы, а потому не заставляет себя упрашивать и регулярно навещается на улицу Конде, где в конце концов оказывается на кушетке Гваттари. На первых этапах терапии Норамбуэна постоянно жалуется, оплакивает погибших чилийцев, говорит, что виноват в том, что он здесь, в безопасности. Гваттари работает с ним так, как он привык, постепенно переходя к активным мерам:

Он говорил мне: «Конечно, ты потерял корни и будешь и дальше хныкать о них. Но если ты на этом остановишься, я тебе помочь не смогу. Но если ты переживешь это как сорняк, как ризому, тогда я со временем смогу сделать что-то, поскольку она прорастает иначе, не в тебе и не у тебя». Я ничего не понял, а когда вернулся домой, посмотрел в словаре слово «ризом»⁴⁸.

47. Мигель Норамбуэна, интервью с автором.

48. Там же.

На следующем сеансе Норамбуэна понял мысль, которую хотел донести до него Гваттари, и вместе с ним погружается в шизоаналитическую работу, которая продлится с 1979 по 1986 год.

Отношения между этим чилийским активистом и Гваттари свидетельствуют о том, что последний отвергал всякую форму терроризма и даже стратегию военного столкновения. Норамбуэна четыре раза незаконно приезжает в Чили, чтобы помочь своим товарищам, и каждый раз Гваттари пытается отговорить его от поездки, хотя и безрезультатно: «К моему огромному удивлению, он не поддерживал вооруженную борьбу, даже в Чили. Он был принципиально против и тратил по много часов на чилийских товарищей, которых я приводил к нему и которые надеялись заручиться его поддержкой. Он же, напротив, отговаривал их от вооруженной борьбы»⁴⁹.

Мигель Норамбуэна отправляется в Чили вместе с Гваттари, когда политическая ситуация немного улучшается, в мае 1991 года, и вскоре они публикуют работу на испанском языке с введением Норамбуэны, составленную из лекций, прочитанных Гваттари в Чили⁵⁰. Принципы шизоанализа оказывают, несомненно, заметное воздействие: «Если бы Делёз и Гваттари сегодня отправились в Чили, они бы не поверили своим глазам»⁵¹, — утверждает Мигель Норамбуэна, который приезжает туда в самом конце 2005 года. Три университета приглашают его прочитать доклад на тему шизоанализа, и в каждом он обнаруживает битком набитые аудитории на 500 человек. Сам Норамбуэна по-прежнему живет в Женеве, где с 1985 года руководит весьма оригинальным психиатрическим заведением *Le Racard*, в котором под одной крышей собраны шизофреники, наркоманы и другие маргиналы, составляющие микроструктуру на девять коек: организация и психосоциальные практики здесь в изрядной мере скопированы с Ла Борд.

Еще одна заповедная страна: Италия

В Европе Италия — несомненно, страна, где Делёза и Гваттари читали и ценили больше, чем где-либо еще. Можно вспомнить об участии Гваттари в альтернативной борьбе в Италии в конце 1970-х годов. Гваттари там очень популярен, в нем видят сво-

49. Там же.

50. Félix Guattari, *Cartografia del deseo*, introduction de Miguel Norambuena, Buenos Aires: La Marca, 1995.

51. Мигель Норамбуэна, интервью с автором.

его рода итальянского Кон-Бендита. Хорошо известны его связи с Франко «Бифо» Берарди, Тони Негри, Оресте Скальцоне и многими другими итальянскими активистами⁵². Его критика психиатрии как института в Италии встречает особенно много откликов потому, что антипсихиатрический опыт Франко Базальи в Триесте стал средоточием многих культурных и политических надежд. В этих условиях «Анти-Эдип», переведенный в самом скором времени и выпущенный в 1975 году большим итальянским издательством *Einaudi*, получил широкую известность, вписавшись в середине 1970-х годов в радикализацию движения итальянских автономистов⁵³. Успех был оглушительным, а потому и реакция оказалась как нельзя более суровой, когда в 1980-е начался спад альтернативных движений. Во Франции это время Гваттари называет «зимними годами», но в Италии наступает настоящий ледниковый период, и мысль Делёза и Гваттари, отождествляемая с радикальной критикой, оказывается под ударом. Издательство *Einaudi*, у которого были права на «Тысячу плато», переведенную еще в 1981 году, то есть спустя всего год после французской публикации, в конечном счете отказалось выпускать книгу.

Она выйдет в свет лишь в 1987 году, в атмосфере общего безразличия — университетская критика ее решительно проигнорирует. Вплоть до 1990-х годов Делёз и Гваттари совершенно забыты. Но потом ситуация немного меняется, и итальянцы заново открывают их работы. В академических кругах Италии долго господствовали хайдеггерианские интерпретации Ницше, но постепенно там знакомятся и с подходом Делёза, радикально от них отличающимся. Появляются разные прочтения Делёза и Гваттари, проводятся различные мероприятия, например, Тициана Виллани создала в Милане журнал *Millepiani*, относящий себя к линии Делёза и Гваттари.

Тициана Виллани, по первому образованию географ, переориентируется на философию и особенно интересуется вопросами урбанизма. Обращая особое внимание на трансверсальность, она защищает докторскую диссертацию под руководством Тьерри Пако, руководителя журнала *Urbanisme*, для которого она собирает философов, социологов, урбанистов, литературных и художественных критиков⁵⁴. При журнале основывается не-

52. См. главу 16 настоящего издания.

53. «Движение 1977 года с его „emarginati“, с краснокожими мегаполисов, газетами (*Attraverso*), свободными радиостанциями (*Radio Alice*) нашло в „Анти-Эдипе“ настоящую инструкцию к применению» (Giorgio Passerone, *Le Magazine littéraire*, septembre 1988, p. 61).

54. «Millepiani»: директор — Тициана Виллани. Редколлегия: Роберто Каллегаро, Марко Дотти, Убальдо Фаддини, Франческо Галлуци.

большая книжная серия *Hétérotopie*. Больше всего идеями Делёза и Гваттари интересуются художники, архитекторы и урбанисты. В других итальянских городах есть другие центры популяризации их идей, например, журнал *Aut-Aut* в Триесте, которым руководит философ-герменевт, друг Ваттимо, Пьер Альдо Роватти.

В Италии произошел разрыв между актуальной рецепцией Гваттари, которого больше ассоциируют с его политическими позициями, и освоением Делёза, который воспринимается в качестве более классического, но в то же время выдохшегося философа. Выступая против этой дихотомии, Люка Кремонези, докторант Веронского университета, подчеркивает политический аспект мысли Делёза. Тем не менее в итальянских университетах тексты Делёза, особенно его первые работы, монографии, большая часть которых переведена на итальянский, используются в довольно классическом режиме для приобщения студентов к философии.

Делёзу помогли связи, которые сложились на его курсах в университете Париж-VIII. Если говорить об Италии, то здесь свою роль сыграли отношения со студентом Джорджо Пассероне, который посещал его лекции в Венсене с 1977 года. В июне 1980-го он просит Делёза о встрече, еще не определившись с темой своей диссертации: «Он дал мне главу из „Тысячи плато“, посвященную новелле, и сказал: „Вы можете перевести ее, а потом показать издательствам“. Я отправился в Италию и начал ходить по издательствам»⁵⁵. Осенью у Джорджо Пассероне появляется тема исследования: стиль. Он регулярно встречается с Делёзом и поступает в аспирантуру университета Париж-VIII, где защищается в 1987 году. В том же году в Италии выходит наконец и «Тысяча плато», переведенная Пассероне и снабженная ранее не издававшимся предисловием Делёза и Гваттари⁵⁶.

Некоторые исследователи из числа молодых итальянцев очень активно интересуются мыслью Делёза и Гваттари; в частности, это относится к Джузеппе Бьянко, который учился в Триесте у Пьера Альдо Роватти: «Там в 1996 году шел семинар по „Логике смысла“, и меня это очень захватило»⁵⁷. Бьянко, который ищет подходы к творчеству Делёза, находит их далеко не сразу. В конечном счете он решает, что ключевой концепт, сердцевина этой философии обнаруживается в понятии «мно-

55. Джорджо Пассероне, интервью с автором.

56. Gilles Deleuze, Félix Guattari, «Préface pour l'édition italienne de *Mille Plateaux*»; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 288–290.

57. Джузеппе Бьянко, интервью с автором.

жественности». Установив сразу же связь с Бергсоном, он принимается за своего рода генеалогическую работу, стремясь изучить рецепцию бергсонизма с 1920-х по конец 1960-х годов, дабы прояснить не только бергсоновские корни Делёза, но и его уникальный путь — не феноменологический, но и не структуралистский.

Итальянский философ Манола Антониоли также много занималась творчеством Делёза и Гваттари, опубликовав во Франции несколько работ, посвященных их мысли⁵⁸. Сначала «Анти-Эдип» и «Тысяча плато» были для нее работами слишком темными и малопонятными. Однако с 1995–1996 годов она начинает регулярно посещать дом 125 на бульваре Сен-Жермен, где Жан-Клод Полак продолжает вести семинары Гваттари. Она понимает актуальность и даже прогностичность их книг, которые поначалу выглядели слегка бредовыми, какой-то литературой: «Мне особенно кажется, что после 11 сентября 2001 года „Тысяча плато“ стала читаться лучше, поскольку там шла речь о вещах, которые в годы написания книги еще не состоялись и могли показаться научной фантастикой»⁵⁹.

58. Manola Antonioli, *Deleuze et l'histoire de la philosophie*, Paris: Kimé, 1999; Manola Antonioli, *Géophilosophie de Deleuze et Guattari*, Paris: L'Harmattan, 2003.

59. Манола Антониоли, интервью с автором.

Глава 28

Две смерти

В ПЯТНИЦУ 28 августа 1992 года в клинике Ла Борд проходит штатное собрание. Директор заведения, Жан Ури, отсутствует, вместе него — его заместитель Гваттари, который, как обычно, выслушивает пациентов и многочисленные жалобы на порядок распределения задач. Так, например, встает вопрос о расхождении между запланированными задачами и реализованными. Гваттари предлагает собрать команду волонтеров, которая бы занялась этим вопросом, и команда и правда будет создана. Слово берет один из пациентов: «Я хотел, чтобы мы обратили внимание на травы. Меня достала липа. Я читал книгу о них. Мы могли бы собирать их сами. Нужно, чтобы клуб выдал нам двести франков, чтобы сделать из них настойку»¹. Гваттари серьезно отвечает, что ему эта идея кажется вполне разумной, «потом встает и выходит из комнаты, задержавшись, как мне показалось, на довольно продолжительное время. Возможно, он тогда сходил к врачу. Феликс постоянно болел. Он привык к этому, но у него накопилась усталость, ожесточенность. Потом он вернулся на собрание, проскользнув незамеченным, по своему обыкновению»². Другой пациент берет слово, чтобы поставить вопрос о слабой организации потока машин и пешеходов в парке клиники и потребовать более четкого регулирования их движения. Его слова всех рассмешили. Трудно представить, что в этой дикой местности можно сделать пешеходные зоны, однако «Феликс внимательно смотрит на парня: „Да, машины ездят слишком быстро, здесь у нас в Ла Борд спокойно уже не походишь. Он прав, надо организовать пешеходную зону“, — спокойно говорит он. Парень успокаивается. Собрание заканчивается. На выходе я замечаю в его глазах веселье»³.

1. Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, Paris: POL, 1993, p. 143.

2. Ibid., p. 144.

3. Ibid.

Это последнее собрание с Гваттари. Вечером кажется, что он пришел в форму. Его дочь Эмманюэль вспоминает этот последний ужин: «Какая в нем была энергия! С таким напором он не говорил уже очень давно. Он просто весь светился, искрил. Он сказал мне: „Давай, повеселись там“, со своей удивительной улыбкой. Уже очень давно я не видела, чтобы он так улыбался»⁴. Он возвращается в своей небольшой кабинет, а ночью умирает от сердечного приступа в возрасте шестидесяти двух лет. С 1990-х годов у него было несколько инфарктов, его сосуды забиты, однако из-за депрессии он не лечился. Почувствовав приступ во время этого последнего собрания, он мог и должен был лечь в больницу, однако, предпочтя держаться до конца, вернулся как ни в чем ни бывало. Его дети тут же, в Ла Борд. Бруно, обеспокоенный тем, что отец еще не встал, хотя у него была привычка работать по утрам, обнаруживает бездыханное тело в кабинете. На прикроватном столике книги: «Псы Эроса» Дэвида Лоуренса, «Улисс» Джойса на английском. В Ла Борд всеобщее уныние: «Больные плакали, когда У[ри] сообщил им на следующий день о смерти Феликса в большом зале. „Спасибо, что сказали нам“, — ответили они. Хотя многие из них бродили ночью, не в силах заснуть, они постарались не шуметь из уважения к усопшему. Ночь прошла спокойно»⁵.

Смерть настигает Гваттари в тот самый момент, когда он выходил из депрессии, возвращаясь после долгого кататонического периода к своему легендарному энтузиазму. За месяц до этой фатальной ночи он встретился с Татьяной Кекоевич, сербской актрисой 26 лет, которая бежала от войны 1992 года. Она живет в Лондоне и приезжает в Париж на вечер, организованный ее другом, рекламщиком Сашей Гольдманом:

В тот вечер я и встретила Феликса. Я приехала из Белграда, и мне было плохо, все меня постоянно критиковали из-за политики сербов. Феликс один почувствовал, что меня эти вопросы нервируют, и сказал: «Да какая разница! Ты видела Париж?» В тот же вечер он повел меня на экскурсию по Парижу⁶.

Они обмениваются координатами, встречаются друг с другом, и вскоре завязывается любовная связь, которая заставляет Гваттари забыть о неприятностях с Жозефиной. Татьяна Кекоевич «совершенно влюбляется в Феликса, а он звонит мне: „Знаешь,

4. Эмманюэль Гваттари, интервью с Виржини Линар.

5. Marie Depussé, *Dieu gît dans les détails*, p. 145.

6. Татьяна Кекоевич, интервью с Виржини Линар.

чувак, я влюбился!“ К нему вернулась вся его энергия, ребячество, юность, его любовь к жизни»⁷. Гваттари звонит своему другу Фроманже по несколько раз в день, рассказывая о своей новой страсти: «Он говорил мне: я тебе вечером позвоню, надеюсь, что это не кончится, это просто замечательно! Он решил все оставить Жозефине — квартиру, машины, и нашел комнату, чтобы жить с Татьяной»⁸.

Гваттари мобилизует всех своих друзей, чтобы найти для своей новой спутницы роль. Рассчитывает он и на своего нового друга, артиста и писателя Жаки Берройе, с которым у него несколько общих проектов. Он показывает Татьяне все места, важные для его собственной истории, в том числе улицу Эгль в Ла-Гаренн-Коломб и дом своего детства: «Он сказал мне: „Татьяна, ты красива и молода. У тебя вся жизнь впереди. У тебя будет еще полно любовников, но не бросай меня!“, и это меня поразило. Эта доброта ко мне казалась мне необыкновенной. Я хотела ему отдать все, что только могла»⁹. Татьяна Кекоевич отправилась в Лондон, чтобы организовать переезд к Феликсу в Париж, с которым она должна встретиться к концу недели. Гваттари, в свою очередь, отправляется в Ла Борд: «Я помню, как поднялась на корабль, чтобы отправиться в Англию, и очень радовалась, ведь он дал мне огромную силу. Я приезжаю домой и узнаю по телефону о его смерти»¹⁰. Татьяна Кекоевич тут же возвращается во Францию, чтобы принять участие в похоронах, на которых собирается большая толпа друзей Феликса.

Что касается Жозефины, она в это время проводит отпуск на юге Франции вместе со своим спутником Жаном Роленом в гостях у его друзей: «Накануне нашего отъезда из Моссана, как и почти каждый день на этой неделе, Жозефина долго и весело говорила по телефону с Ф[еликсом]. Вечером мы вернулись из ресторана, и на двери нашли записку о том, что Ф. снова звонил»¹¹. На следующий день друг Жана Ролена отводит его в сторону, чтобы сказать ему о смерти Гваттари, о которой сам только что услышал по радио. Ролен, в свою очередь, рассказывает Жозефине. Жан и Жозефина проезжают в ту же ночь всю Францию, чтобы на следующее утро успеть в траурный зал Блуа, а потом в клинику Ла Борд.

7. Жерар Фроманже, интервью с автором.

8. Там же.

9. Татьяна Кекоевич, интервью с Виржини Линар.

10. Там же.

11. Jean Rolin, *Joséphine*, Paris: Gallimard, 1994, p. 48.

Траур по другу

На похоронах друг Гваттари Жерар Фроманже должен выступить с надгробной речью перед толпой друзей — по меньшей мере 1500 человек собрались на Пер-Лашез: «Я сделал это. Я рыдал, а передо мной стояла Татьяна. Я перечислил всех его любовниц, по меньшей мере тридцать имен. Все плакали и смеялись. Играл джазовый оркестр, народу была куча. Это были невероятные похороны»¹². Писатель и актер Энцо Корман, со своей стороны, читает отрывки из «Ритурнелей», фрагментарного автобиографического рассказа Феликса. Он стоит перед гробом и читает под аккомпанемент духового квартета: «Сначала я сам читаю полстраницы, а потом вступает оркестр, начиная с фразы: „Вы узнаете меня?“ Я задаю вопрос, гремит музыка, я плачу, и разве это не лучшее, что я мог бы сделать?»¹³ В то же самое время друзья хотят рассказать о присущем Гваттари желании жить и его неизменном энтузиазме, так что похороны заканчиваются своего рода праздником: «Это какое-то сказочное воспоминание, просто чудесное. Там были песни, стихи, речи, а вечером все праздновали в Булонском лесу, и это было странно»¹⁴.

На похоронах присутствует вся семья Гваттари, включая его старшего брата Жана, который сыграл большую роль в его жизни. Он очень удивлен и немного смущен тем, что перед могилой брата рассказывают о его многочисленных любовных победах, но в то же время его очень трогает общее воодушевление толпы: «Каждый бросает на могилу цветок. Некоторые, как я заметил, бросали свое обручальное кольцо, связку ключей, такие вот странности!»¹⁵ После похорон Жан каждые две недели приходит на могилу Феликса и не перестает удивляться: «Два раза я вижу новые цветы и одного и того же господина. Я говорю ему: „Очень любезно с вашей стороны. Вы его знали?“ — „Нет, — отвечает он мне, — меня послала его подруга, попросившая меня регулярно его навещать“»¹⁶.

Министр культуры Жак Ланг и его жена Моника отправили послание, которое зачитывается на похоронах: «Феликс покинул нас. Как в это поверить? Его неисчерпаемое любопытство и его добрая веселость делали его таким, каким он был, веч-

12. Жерар Фроманже, интервью с автором.

13. Enzo Cormann, «Félix Guattari», *Chimères*, vol. 2, № 23, été 1994, p. 30.

14. Патрик Фарбия, интервью с Виржини Линар.

15. Жан Гваттари, интервью с автором.

16. Там же.

но молодым. В нашем горе мы хотим сохранить улыбку друга и живость мыслителя. Мы будем долго помнить о наших встречах и беседах. Тепло его голоса хранится в наших сердцах»¹⁷.

Делёз находился вместе с Давидом Лапужадом в Сен-Леонар-де-Нобла, когда узнал о смерти друга, что приводит его в смятение. Феликс должен был заехать к нему в Лимузен в тот самый день, 29 августа, когда он умер. Он пишет некролог, который выходит в журнале *Chimères*: «До самого конца моя работа с Феликсом оставалась для меня источником открытий и радости»¹⁸. В этом тексте он говорит о неисчерпаемом богатстве книг, которые его друг Феликс написал в одиночку. Он выделяет в них три основные силовые линии: его работа в области психиатрии, с которой связана вся его мысль о группах-субъектах и трансверсальных отношениях, его желание построить своего рода систему, составленную из гетерогенных элементов, наконец, его теоретические исследования, посвященные литературному и художественному творчеству. Но он не может говорить о том, кто в течение многих лет был частью этого философа о двух головах, которого они составляли вместе, не сказав о главном, о чувствах: «Душераздирающий момент в воспоминании об умершем друге — его жесты и взгляды, которые все еще достигают нас, доходят до нас, когда он покинул нас»¹⁹.

Особенно тяжел траур для Жана Ури, которому Гваттари стал едва ли не братом и для которого значил так много, пусть даже их отношения не всегда были гладкими. Вспоминая всю их совместную историю с послевоенных времен, Жан Ури говорит о том, что в лице Феликса он потерял в Ла Борд свое альтер эго: «Феликс покинул нас сегодня, без предупреждений и без приготовлений. Мы все пребываем в печали. Более сорока лет почти совместной жизни, гигантская работа, которая так и не была закончена»²⁰.

Робер Маджори уже 31 августа посвящает Гваттари первую страницу *Libération*, под заголовком «Тысяча и одна жизнь Феликса Гваттари», подчеркивая исключительную витальность и контактность того, кто остается учителем систематической дезорганизации: «Его имени уже было достаточно для определения Феликса Гваттари. Простой, жизнерадостный, добрый — он был сама энергия, горячее, сеть. Посредник, который стре-

17. Жак и Моник Ланг, текст, прочитанный на похоронах 4 сентября 1992 года, IMES.

18. Gilles Deleuze, «Pour Félix», *Chimères*, № 18, hiver 1992–93, p. 209; переиздано в: *Deux régimes de fous*, p. 357.

19. Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 358.

20. Jean Oury, «Pour Félix», *Chimères*, № 18, hiver 1992–93, p. 208.

мился определить субъективность своей великой словесной алхимией»²¹. В спешке Маджори пишет большую статью-некролог «Феликс, жизнь-ризома» и готовит большую газетную подборку со статьями Жан-Батиста Маронжу и Марка Рагона «Активист на всех фронтах», а также воспоминаниями Жана Ури, записанными Антуаном Годмаром. В них Ури утверждает, что «в свои шестьдесят он был таким же, как в пятнадцать. Он никогда не менялся: внешне он был задумчивым, но на самом деле крайне внимательным, все видел и слышал, несмотря на свою напускную небрежность, он никогда не витал в облаках. И при этом сохранял всю свою подростковую простоту»²². В подборку вошли и воспоминания Поля Вирилио об их дискуссии о войне, которые были прерваны смертью, когда он как раз правил их выступления. В *Le Monde* Роже-Поль Друа приветствует «Изобретательного провокатора», сопровождая свой текст воспоминаниями Жана Ури о «Диалектике дружбы»²³. В международной прессе тоже выходят статьи, посвященные этому событию, например, в Италии, где Гваттари был даже более популярен, чем во Франции. Даже его политические противники из Коммунистической партии Италии ставят на первую страницу *L'Unità*, своего ежедневного издания, некролог «анфан террибль» с его фотографией под заголовком «Гваттари: анти-Фрейд», напоминая, что этот страстный активист стал символом протестного движения Италии в 1977 году.

В разных группах друзей, активистов, художников, которые были так или иначе связаны с Гваттари, появляются все новые и новые некрологи и воспоминания. Команда журнала *Chimères*, основанного им вместе с Делёзом, посвящает Гваттари два специальных номера, летом и зимой 1994 года²⁴. Он был членом опекунского совета Международного центра популярной культуры, основанного в 1977 году по инициативе CEDETIM²⁵. Эта организация проводит в январе 1994-го вечер его памяти на улице Нантей, с темой: «Какое место занимает международная солидарность в философском вопрошании?»²⁶ Журнал *Transversales*

21. Robert Maggiori, *Libération*, 31 août 1992, p. 32.

22. Jean Oury, *Libération*, 31 août 1992, p. 35.

23. Roger-Pol Droit, Jean Oury, *Le Monde*, 1er septembre 1992.

24. *Chimères*, № 21, hiver 1994, «Félix Guattari», vol. 1; № 23, été 1994, «Félix Guattari», vol. 2.

25. CEDETIM — Центр исследований и инициатив международной солидарности (Centre d'études et d'initiatives de solidarité internationale).

26. Выступили с докладами: Жан-Поль Гэ, Мишель Бенасайаг, Жизель Доннар, Илан Халеви, Франсуа Лотье, Бернар Равенель, Рене Шерпер.

Жака Робена, Анн-Брижит Керн и Армана Петижана, в котором Гваттари был востребованным консультантом, отдает дань почтения своему «другу», посвятив ему отдельную подборку в номере, вышедшем в конце 1992 года²⁷.

Самый впечатляющий некролог другу Феликсу — произведение Жан-Жака Лебеля, который воздвигает «Памятник Феликсу Гваттари», выставленный в Центре Бобур в 1996 году. Этот полиморфный памятник на два с половиной месяца стал центром для публичных дебатов в холле Бобура, которые проходили по три часа каждый четверг. Приглашали всех друзей Гваттари, как знаменитых, так и безымянных, — они читают тексты, выступают экспромтом, исполняют отрывки из музыкальных произведений, декламируют стихи.

Все эти свидетельства представляются на барочной сцене, созданной Лебелем. Зная о страсти Феликса к автомобилям, он разобрал его «Рено 25», насыпал внутрь земли и вырастил там галлюциногенные грибы. Рядом с огромным портретом Феликса установлена колонка, через которую слышен его голос — он рассказывает о сне Яши [Давида] и его желании иметь машину: «Приходившие в Бобур люди говорили: что это, это Феликс? Он жив? Это была настоящая галлюцинация, тем более, что голос было слышно по всему Центру Бобур»²⁸. Лебель повесил мемориальную табличку на большой прозрачный ящик из плексигласа, приглашая людей оставлять письма, стихи, фотографии: «Было так много людей, оставивших свои записки, что мне пришлось опорожнять этот ящик три раза за время выставки, но все они были сохранены, поскольку это послания Феликсу»²⁹. Не забыл Лебель и о творчестве Гваттари: «На месте двигателя автомобиля я выложил номера *Chimères* и тексты Феликса, его рукописи и фотографии»³⁰. На крыше «Рено 25» была водружена кушетка шизоаналитика, которую подпирали тексты и разные предметы, чтобы она держалась на кузове автомобиля. На самой вершине — огромное шестиметровое сердце, которое медленно вращалось. Внизу постоянно прокручивались шесть видео. От этой выставки остался фильм, снятый Франсуа Пэном, в котором можно увидеть часть этой непрерывной процессии³¹.

27. «Félix Guattari», par Anne-Brigitte Kern, Sacha Goldman, Gilles Deleuze, Jean Oury, *Transversales*, № 18, novembre-décembre 1992.

28. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

29. Там же.

30. Там же.

31. «Памятник Феликсу Гваттари», фильм Жан-Жака Лебеля и Франсуа Пэна, режиссер Франсуа Пэн (аудиовизуальные архивы, BNF).

Кислородное голодание до самой смерти

В этой толпе не хватает одного человека — Делёза, который по состоянию здоровья не расстается со своими кислородными баллонами. Из дома он следит за коллективной демонстрацией любви к его другу Феликсу: «Жиль звонил мне каждый вечер, когда я был в Бобуре, чтобы узнать, что случилось за день. Он дал мне текст, чтобы я его зачитал»³². Чтобы материализовать присутствие Делёза, Лебель встраивает в свою скульптуру много трубок: Делёз, увидев выставку по телевидению, тут же узнает свои кислородные трубки: «Он сказал мне по телефону: „Ты поставил мои кислородные трубки“. — „Да, Жиль, я их поставил“. И он сказал мне: „Хорошо, ты преобразовал их“»³³.

«Как ты знаешь, здоровье у меня не очень. У меня проблемы с дыханием, которые часто мешают выходить и даже говорить. Я привязан к кислородному баллону как собака. Нет сомнений, болезнь — это мерзость, пусть даже от моей нет особых болей»³⁴. Несмотря на баллоны, он страдает от приступов удушья, которые становятся все сильнее. Делёз уже видел все эти мучения, когда у него на глазах умирал его друг Франсуа Шатле:

Когда Делёз должен был пройти это испытание, это была одна из причин уйти, покончить с собой, которые он называл. Он написал мне взволнованное письмо за две недели до самоубийства, сказав в нем, что не хочет переживать то, через что пришлось пройти Франсуа. Я виделась с ним у него дома на улице Ньель за несколько недель до его смерти, и чувствовалось, что он больше не хочет терпеть эти страдания³⁵.

Еще больше, чем страдания, на Делёза отрицательно подействовала всё бóльшая неспособность работать, писать, общаться. В конце он думал о более фрагментарном, насыщенном письме, однако этим попыткам помешали его сильные приступы. В сентябре 1995 года Делёз звонит из Сен-Леонар-де-Нобла своему другу Ришару Пина: «Жиль сказал мне: „У меня сильный приступ астмы“. Он вешает трубку, пытаясь вдохнуть. Еще один звонок. Жиль: „Говорить трудно“, голос металлический,

32. Жан-Жак Лебель, интервью с Виржини Линар.

33. Там же.

34. Жиль Делёз, письмо Жан-Пьеру Файю, 15 марта 1991 года, опубликовано в: Jean-Pierre Faye, Henri Maccheroni, *Dialogue et court traité sur le transformant*, Al Dante/L'enseigne des Oudin, 2000, p. 67–68.

35. Ноэль Шатле, интервью с автором.

но мягкий. В телефонной трубке какое-то жужжание, как будто бы вокруг его голоса стрекочет искусственное насекомое, машина восстановления»³⁶. В октябре Делёз возвращается из Лимузена в свою парижскую квартиру, Ришар Пина звонит ему, но он в таком состоянии, что Фанни не может передать ему трубку. То же самое на следующий день. В итоге Делёз сам перезванивает, но лишь чтобы сказать ему... что он должен повесить трубку: «Я улыбаюсь, и он прощается со мной. Я чувствую, как через весь Париж проходит нить Ариадны, которая теперь незаметным образом отделяет его от жизни»³⁷.

Его друг Ив Мабен присутствовал при некоторых из этих сильных и страшных приступов: «Он просто задыхался, и то, что он так долго держался, само по себе доказывает исключительное мужество. Он показал необычайную храбрость, продолжавшись столько времени»³⁸. Незадолго до самоубийства Делёз звонит Иву Мабену, которого как раз не было дома. Он передает ему сообщение, что перезвонит: «Он позвонил мне в четверг и сказал то, что обычно мне говорил, с огромным чувством, но я спросил себя: почему он звонит мне, чтобы это сказать?»³⁹ Встревожившись, Ив Мабен принимает решение дожидаться субботнего утра, чтобы Фанни Делёз наверняка оказалась дома, успев вернуться с рынка, и не тревожить своего друга, который чаще всего не мог даже ответить на звонок. В эту субботу 4 ноября 1995 года Фанни сообщает Иву Мабену о смерти Делёза, не сказав ему еще, что он только что выбросился из окна своей квартиры. Этого боялись все его друзья, видевшие, что ему все труднее жить. В то же самое время самоубийство настолько плохо согласуется с тем, что воплощал в себе Делёз как витальная сила, как мыслитель жизни, что некоторые попытались увидеть в нем своего рода взлет, последний акт жизни. В тот же день, 4 ноября 1995 года, становится известна еще одна трагическая новость: убит израильский премьер-министр Ицхак Рабин.

Для близких эта смерть становится началом тяжелого периода:

Париж 5 ноября 1995 года: ужасная, обескураживающая новость о смерти философа Жиля Делёза... Я думаю, что о смерти Делёза, который будет вечно хранить свою тайну, можно говорить только философски. Она определенно не связана с каким-то отчаяни-

36. Richard Pinhas, *Les Larmes de Nietzsche, Deleuze et la musique*, p. 19.

37. Ibid., p. 26.

38. Ив Мабен, интервью с автором.

39. Там же.

ем или же с «желанием смерти», поскольку само это выражение, сама идея «инстинкта смерти», популяризованная психоанализом, всегда казалась ему ошибочной и противоречивой. Вся философия Делёза — это гимн жизни, утверждение жизни⁴⁰.

Пьер Верстратен и Жюльет Симон видят в этом акте последнее «да» Делёза, «да», сказанное смерти как продолжению жизни иными средствами для того, чтобы «парировать то, что происходит с нами, являясь случайным, но уже желая этого»⁴¹.

Уже в понедельник 6 ноября Робер Маджори чувствует «порыв ветра», который в лице Делёза овеял мысль XX века: «Мы еще не понимаем, в какой мере он все перевернул, все сдвинул — и сам язык философии, и способ ею заниматься, и само ее определение»⁴². Маджори утверждает, что Делёз останется самым философским из философов. В той же подборке Антуан де Годемар возвращается к теме измождения, которая помогла Делёзу в описании театра Беккета: «Невозможно не думать о самом Делёзе, изможденном этими суровыми проблемами с дыханием, испытывающем все больше сложностей с передвижением»⁴³. Он добавляет, воспроизводя комментарий Делёза о самоубийстве Эмпедокла, что самоубийство — это событие жизни и в то же время афоризм мысли. На следующий день, 7 ноября, *Libération* дает слово ученикам, коллегам и друзьям Делёза, которые отдадут свою дань уважения — она занимает целых три страницы газеты. Ален Бадью публикует письмо, отправленное им Делёзу в июле 1994 года. Жан-Люк Нанси говорит о своей растерянности: «В тот момент, когда Жиль Делёз покидает нас, нам хочется — в великой печали и уважении к нему — удержать его в памяти как „его самого“, сделать стоп-кадр»⁴⁴. Жак Деррида утверждает, что теперь ему придется «бродить одному», и говорит о своей близости к нему: «Делёз остается, возможно, несмотря на столько различий, тем, кого я всегда считал самым близким из всего этого „поколения“. Я никогда не чувствовал в себе ни малейшего „возражения“, пусть хотя бы в наметках, которое я хотел бы выдвинуть против какого-либо из его положений»⁴⁵.

40. René Schérer, «L'écriture, la vie», *Revue des lettres, sciences et arts de Corrèze*, tome 99, 1996; переиздано в: *Regards sur Deleuze*, Paris: Kimé, 1998, p. 10.

41. Pierre Verstraeten, Juliette Simon, «Vol de l'aigle et chute profonde», dans *Gilles Deleuze*, Paris: Vrin, 1998, p. 16.

42. Robert Maggiori, «Un courant d'air dans la pensée du siècle», *Libération*, 6 novembre 1995.

43. Antoine Degaudemar, «Le geste d'un philosophe», *Libération*, 6 novembre 1995.

44. Jean-Luc Nancy, «Du sens dans tous les sens», *Libération*, 7 novembre 1995.

45. Jacques Derrida, «Il me faudra errer tout seul», *Libération*, 7 novembre 1995.

В понедельник вечером, через два дня после смерти Делёза, Лор Адлер, которая посещала некоторые из его курсов в Венсене, посвящает значительную часть своей передачи *Le Cercle de Minuit* его памяти. Лор Адлер представляет Делёза как «ценителя слов», которого она жадно слушала, вставая рано утром каждый вторник, чтобы попасть в Венсен. И если Маджори сравнивает Делёза со столяром, устроившимся со своими инструментами за верстаком, то Роже-Поль Друа подчеркивает жест, свойственный мысли Делёза: «Привести все в движение. [Способствовать разнообразным] становлениям, возникновениям — тогда как история философии мыслила скорее устойчивые вещи, те или иные формы постоянства»⁴⁶.

Смерть Делёза становится темой передовицы *Le Monde* от 7 ноября, где Роже-Поль Друа указывает на поставленный Делёзом знак равенства между восстанием и интеллектом⁴⁷. В газете воспроизводится портрет, написанный Жераром Фроманже, а Роже-Поль Друа приводит краткий список различных экспериментов Делёза. В *Le Monde des livres* публикуется большая подборка некрологов, призванная показать все стороны его творчества. Жан-Франсуа Лиотар и Фредерик Гро подчеркивают его особое отношение к будущему, его непрерывное бегство, которое всегда, однако, направлялось в будущее, но также его образ жизни и мысли, который «доверяет только тому иному времени, которое не проходит»⁴⁸. На передаче *Du jour au lendemain*, которая выходит на радио *France Culture* с ведущим Аленом Вейнштейном, искреннюю дань памяти Делёзу отдает Мишель Бютель, заявляя, что он значил для него более, чем кто бы то ни было: «До встречи с ним я вообще не встречался ни с одним умным человеком»⁴⁹. Он упоминает о его любви к жизни, об отвержении самоубийства, о том, что такой акт становится по-настоящему свободным и поразительным, раз его совершает такой человек: «Делёз для меня — это в каком-то смысле как Сэмюэл Беккет или Че. Не стремясь к этому, он, незаметно для самого себя, вознес хвалу дружбе как высшему искусству жизни»⁵⁰.

Кристиан Декам, со своей стороны, осенью готовит большую подборку статей, посвященную Делёзу, которая выходит в на-

46. Роже-Поль Друа в передаче *Le Cercle de Minuit* Лор Адлер, 6 ноября 1995 года, архивы INA.

47. Roger-Pol Droit, «La rébellion et l'intelligence d'un philosophe», *Le Monde*, 7 novembre 1995.

48. Jean-François Lyotard, «Le temps qui ne passe pas», *Le Monde*, 10 novembre 1995.

49. Мишель Бютель, передача *Du jour au lendemain*, France Culture, 7 ноября 1995 года, архивы INA.

50. Там же.

чале 1996 года в *La Quinzaine littéraire*⁵¹. Ив Мабен, работающий в Министерстве иностранных дел, говорит о том, что он считал своего друга святым:

Однажды я ужинал с ними [Жилем и Фанни]. Я говорю Жилью, что для бретонца, которым и я тоже являюсь, человек, который дал ближним нечто необходимое, что до него с начала времен никто не давал, — настоящий святой. Жиль улыбается, улыбкой, в которой взволнованность смешивается с юмором. И тогда — это один из прекраснейших жестов любви, что мне довелось видеть, — Фанни протягивает руки, берет своими длинными тонкими пальцами руки Делёза и говорит ему: Ив прав. Я тоже считаю, что ты святой⁵².

Эту тему святости подхватит в 1998 году Роже-Поль Друа⁵³. И действительно, три портрета Делёза, которые представляет Роже-Поль Друа, помещены под знаком святости: портрет философа под маской едва ли не классического преподавателя, которого в то же время невозможно классифицировать; портрет философа-творца, который постоянно занят изобретением нового; наконец, портрет экспериментатора, «который меняется в зависимости от внешних потоков, принимая отклонение, вносимое ими. Мысль у Делёза — это, следовательно, опыт жизни, а не разума»⁵⁴. Три этих портрета не исчерпывают все возможности; можно упомянуть и фигуру мудреца, которая отсылает к тому, что написано на его могиле: «Две переиначенные фразы Ницше. Одна говорит о Лейбнице: „Дерзкий и в себе таинственный вплоть до крайности“. Другая говорит о греках: „Поверхностные... благодаря глубине“»⁵⁵.

Самый последний текст Делёза опубликован непосредственно перед его смертью, осенью 1995 года, в журнале *Philosophie* — это статья «Имманентность: жизнь...»⁵⁶, которая задумывалась как один из текстов о виртуальном, но стала своего рода завещанием Делёза⁵⁷.

Философское сообщество мобилизуется, чтобы показать актуальность философии Делёза. Но инициатором выступает

51. Christian Descamps, «Pour Deleuze le minoritaire», *La Quinzaine littéraire*, 1er — 15 février 1996.

52. Yves Mabin, «Gilles, l'ami», *La Quinzaine littéraire*, 1er — 15 février 1996.

53. Roger-Pol Droit, «Saint Deleuze», dans *La Compagnie des philosophes*, Paris: Odile Jacob, 1998, p. 299–312.

54. Ibid., p. 301.

55. Ibid., p. 302.

56. Gilles Deleuze, «L'immanence: une vie...», *Philosophie*, Minuit, septembre 1995, p. 3–7.

57. См. главу 8 настоящего издания.

не основная часть академии, для которой Делёз остается прокаженным, а периферия, заграница. По инициативе Эрика Алье проходят многодневные «Международные встречи Жиль Делёза» в Рио и Сан-Паулу в июне 1996 года, материалы которых впоследствии публикуются в виде отдельного издания⁵⁸. В Париже Международный коллеж философии проводит в январе 1997 года конференцию «Жиль Делёз: имманентность и жизнь», доклады которой собраны в специальном номере журнала *Rue Descartes*⁵⁹. Чуть позже, в 2000 году, под редакцией Янника Бобати выходит книга «На могилу Делёза»⁶⁰, как пролог к большому тому, посвященному глубокой привязанности Делёза к Лимузену и окрестностям Сен-Леонар-де-Нобла, где находится его летняя усадьба Ма-Ревери, в которой он регулярно проводил три-четыре летних месяца. В последнее лето он еще мог, хотя и передвигался с трудом, прогуливаться по дороге Сен-Жермен-ле-Бель, в нескольких километрах от Сен-Леонар, гуляя по плато, которое нависает над долиной Вьенны. 25 и 26 октября 1996 года его друзья из этого региона организовали вместе с ассоциацией «Сен-Леонар в Лимузене, его художники и писатели» двухдневную конференцию и выставку в Лиможе, посвященную теме «Философ в Лимузене. Жиль Делёз». Инициатор этой выставки Элизабет Лажиске подчеркивала сильнейшую связь Делёза с Лимузеном, который он называл «глубоким регионом»: «Быть может, погружение в Лимузен нужно для того, чтобы дать такую интерпретацию, возможно, немного партизанскую и свободную, труда философа, которая все же будет вполне легитимной»⁶¹. С пятницы 10 ноября 1995 года Жиль Делёз покоится на новом кладбище Сен-Леонар-де-Нобла.

58. Éric Alliez (sous la dir.), *Gilles Deleuze. Une vie philosophique*, 1998.

59. Rue Descartes/20, *Gilles Deleuze. Immanence et vie*, Paris: Collège international de philosophie, PUF, 1998. Авторы статей: Жозе Жиль, Ален Бадью, Франсуаз Пруст, Эрик Алье, Ги Лардро, Рене Шерр, Тони Негри, Кристин Бюси-Глюксман, Люсьен Винсигерра, Жан-Кле Мартен, Даниэль Коэн-Левинас, Бернар Камп.

60. Yannick Beaubatie (sous la dir.), *Tombeau de Gilles Deleuze, Mille Sources*, Tulle, 2000.

61. Élisabeth Lagisquet, Pourquoi parler de Gilles Deleuze en Limousin?, dans *Un philosophe en Limousin. Gilles Deleuze*, publié par l'association «Saint-Léonard en Limousin, ses artistes et écrivains», 1996, p. 6.

Глава 29

Дело завершено, дело продолжается

Первые комментаторы

ТВОРЧЕСТВО Делёза и Гваттари продолжило свой путь и после кончины обоих авторов. Его освоение стало лишь интенсивнее, что мы уже имели возможность показать, когда говорили о международной арене. То же самое относится и к французской интеллектуальной сцене. Первые комментаторы их работ начали публиковаться еще до 1995 года, до смерти Делёза. Этот первый круг «учеников», пусть даже само это слово Делёз и Гваттари не признавали, состоял из тех, кто встречался с Делёзом и/или Гваттари или посещал курсы в университете Париж-VIII. Почти во всех этих публикациях, исключая Эрика Алье, основное внимание уделяется одному имени — Делёза, но не Гваттари.

Первая полноценная работа, дающая комментарий ко всему комплексу произведений Делёза, принадлежит Жану-Кле Мартену, которому на момент ее публикации было тридцать три года¹. Он жил возле Мюлуза, в Альткирхе, и никогда не был на лекциях Делёза, прочел его работы в юном возрасте, так что уже в 1988 году решил посвятить свои исследования его философии. Из-за географической удаленности с Делёзом он общается преимущественно письмами, но иногда бывает в Париже, где слушает его вживую.

Делёз впервые приглашает его в апреле 1989 года, встреча намечена ближе к вечеру, на улице гроза и темно. Делёз еще не зажег в квартире свет: «Я его в этой темноте не видел. День грациозно превращался в ночь. Мне было трудно его разглядеть, но я слышал его голос, который становился неслышимым в полной невидимости, которую прерывали удары молнии. Для меня это был по-настоящему волшебный момент. Его голос — это был

1. Jean-Clet Martin, *Variations. La philosophie de Gilles Deleuze*, Paris: Payot, 1993.

крик»². В результате этой встречи они становятся настоящими друзьями, общающимися по почте и телефону. Делёз, похоже, очень ценит в своем друге его отстраненность от парижских ту-совок, его уникальность и даже маргинальность; они обмениваются замечательными комментариями, например, по поводу подсолнухов у Ван Гога, о которых пишет работу Жан-Кле Мартен. В начале 1991 года он отправляет Делёзу поздравительную открытку с картиной Ван Гога с подсолнухами, к которой добавляет цитату из Малкольма Лаури о странных подсолнухах, смотрящих в окно. Делёз отвечает ему: «Дорогой друг, открытка прекрасная, как и текст Лаури — вот что такое перцепт! У Кафки странная лошадь смотрит в окно... Я давно не писал вам, поскольку устал от переезда и у меня опять начались мучительные проблемы с дыханием, от которых я еще не избавился, хотя сейчас уже намного лучше... Я сильно продвинулся в последней версии „Что такое философия?“»³.

Из писем Жилия Делёза Жан-Кле Мартен выбрал одно, которое опубликовал в качестве предисловия к своей книге о его философии. Делёз реагирует на его рукопись, напоминая Мартену о своей привязанности к идее системы в смысле Лейбница, но лишь при том условии, что систему нельзя соотносить с Тожественным, поскольку он стремится определить гетерогенез. Делёз полагает, что Мартен правильно понял определение философии «как творческой деятельности»⁴, как и значение вопроса множественности: «Вы очень верно уловили, насколько важно для меня понятие множественности — это самое главное»⁵.

Еще один специалист по творчеству Делёза, Арно Виллани, пришел из литературоведения. В 1960-е годы он берет двойной курс, по античной литературе (проходит агрегацию в 1967 году) и по философии (агрегация годом позже). После этого он едет работать преподавателем философии в Ниццу, в лицей Массена, где постоянно ведет подготовительные курсы. Виллани интересуется Делёзом с 1972 года, периодически пишет статьи, в которых комментирует важные направления его мысли. В Ницце он проводит летний курс для иностранцев, представляя им современную французскую философию. Первые его статьи о Делёзе появились в начале 1980-х годов⁶, а в 1999 году он пишет

2. Жан-Кле Мартен, интервью с автором.

3. Жиль Делёз, письмо Жану-Кле Мартену, 19 января 1991 года.

4. Gilles Deleuze, «Lettre-préface» du 13 juin 1990, à Jean-Clet Martin, *Variations. La philosophie de Gilles Deleuze*, p. 7.

5. Ibid., p. 8.

6. Arnaud Villani, «Modernité de la pensée philosophique. II», *Revue de l'enseignement philosophique*, N° 2, déc. 1982 — janvier 1983; «Deleuze et la philosophie microphy-

эссе, описывающее сам метод Делёза, в которое включены отрывки из их переписки начиная с 1980 года⁷. В ней Делёз предостерегает Виллани от его склонности не замечать Гваттари:

Следовало бы поправить то, что на первых страницах вы абстрагируетесь от Феликса. Ваша точка зрения остается верной, и обо мне и правда можно говорить без Феликса. Тем не менее «Анти-Эдип» и «Тысяча плато» полностью принадлежат ему, как и полностью мне, в соответствии с двумя возможными точками зрения. А потому необходимо, если вам угодно, отметить то, что вы можете ограничиться мной, но только по собственной инициативе, а не потому, что Феликс играл вторичную или «случайную» роль⁸.

Эстафета, принятая новым поколением

Новое поколение, к которому относится и небольшая группа молодых философов из Высшей нормальной школы на улице Ульм, по-настоящему «подсело» на делезо-гваттарианство. Они знакомятся с книгами Делёза и Гваттари, обнаруживая, что последние радикально расходятся с духом времени. Из этого рождается совершенно иное отношение к их творчеству, чем у предыдущего поколения, хотя бы потому, что ставки теперь другие. Все они сегодня принимают участие в работе Международного центра исследования современной французской философии в Высшей нормальной школе на улице Ульм, которым руководит их старейшина Фредерик Вормс: «Все они прошли через меня в Высшую нормальную школу, где я был „кайманом“ с 1991 по 1995 год, агреже-репетитором, и готовил их к конкурсу на агрегацию»⁹.

Но, в отличие от Фуко, который создал центр и отдельную команду, занимающуюся публикацией его работ, у Делёза и Гваттари ученики — которые в каком-то смысле были тайными учениками — оставались совершенно свободны в своей манере освоения их творчества.

Эли Дюринг узнает о Делёзе в последнем классе лицея, когда читает книгу «Фуко», смысла которой он на самом деле не понимает, хотя его сразу же увлекает сам «стиль» Делёза.

sique», dans *Philosophie contemporaine, Annales de la faculté de lettres de Nice*, N° 49, Les Belles Lettres, 1985; «Géographie physique de Mille Plateaux», *Critique*, N° 455, 1985, p. 331–347.

7. Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, Paris: Belin, 1999.

8. Жиль Делёз, письмо Арно Виллани, 1 августа 1982 года, опубликовано в: Arnaud Villani, *La Guêpe et l'Orchidée*, p. 125–126.

9. Фредерик Вормс, интервью с автором.

На предподготовительных курсах он берется за серьезное чтение монографий Делёза по истории философии, собрав группу из пяти-шести человек, решивших заняться философией. Они вместе читают и комментируют эти работы. Его друг Тома Бенатуй тоже входит в группу. Эли Дюринг и Тома Бенатуй поступают в Высшую нормальную школу на улице Ульм и знакомятся там с Давидом Рабуэном, который учится на отделении современной литературы. В отличие от своих товарищей, Рабуэн на подготовительных курсах Делёза не любил, поскольку сначала ему попалась довольно сложная книга «Эмпиризм и субъективность», которая не вполне его убедила. Делёза он по-настоящему открывает для себя через Спинозу: «Когда мы поступили в Высшую нормальную школу, я вместе с Тома Бенатуйем ходил на семинар Бернара Потра, где особое внимание уделялось Спинозе, которому мы оба посвятили магистерские работы»¹⁰. Патрис Манилье, который поступает в Высшую нормальную школу на год позже них, в 1993 году, присоединяется к этой небольшой группе делезианцев, члены которой какую-то часть своего пути пройдут вместе.

Делёз им дает, прежде всего, способ заниматься философией иначе. Эли Дюринг, ставший специалистом по Бергсону, пытается построить на основании физики теорию локального времени. Тома Бенатуй, защитив магистерскую работу по Спинозе, получает диплом об углубленном образовании по социологии, а потом становится специалистом по Эпиктету и стоикам¹¹. Давид Рабуэн, ставший эпистемологом, посвящает свою диссертацию философии математики в классическую эпоху. Что же до Патриса Манилье, он в качестве области исследований выбрал структурализм, причем Делёза он причисляет к этой парадигме, то есть к экспериментальной метафизике структурных операций.

Эли Дюринга раздражает поток публикаций и комментаторов, которые только и делают, что копируют друг друга. Он напоминает о том, что, по Делёзу, множественность недостаточно призывать, надо еще уметь создавать ее. Когда он публикует в журнале *Critique* рецензию на два больших коллективных тома о Делёзе, особенно сурово он обходится с теми, кто числит себя учениками Делёза¹². Давид Рабуэн регулярно сотрудничает

10. Давид Рабуэн, интервью с автором.

11. Thomas Bénatouil, *Faire usage: la pratique du stoïcisme*, Paris: Vrin, 2006.

12. Éric Alliez (sous la dir.), *Gilles Deleuze, une vie philosophique*; Keith Ansell-Pearson (sous la dir.), *Deleuze and Philosophy. The Difference Engineer*, London: Routledge, 1997.

с журналом *Magazine littéraire* и, воспользовавшись публикацией первого тома статей, подготовленного Давидом Лапужамом, вместе со своей командой друзей готовит номер о Делёзе¹³. Подборка статей выходит в 2002 году под недвусмысленным названием: «Зачем Делёз?» Вопрос задается весьма разным респондентам¹⁴. Представляя эту подборку, Давид Рабуэн констатирует, что концепты Делёза теперь повсюду, но без той аскезы, которая необходима для реального понимания его творчества: «Недостаточно кричать „да здравствует множественность!“ или размахивать поп-концептами, поскольку единственное, что имеет значение, — сделать из них что-то под давлением некоего „внешнего“»¹⁵.

Анн Сованьярг и Гийом Сибертен-Блан, близкие к этой небольшой группе, проводят семинар в Высшей нормальной школе на улице Ульм, отдавая в нем должное не только Делёзу, но и Гваттари. Анн Сованьярг стала первой исследовательницей, специализирующейся на делезо-гваттарианстве, которая получила прочную университетскую позицию. В 1997 году ей предлагают очень хороший преподавательский пост в Высшей нормальной школе, который она может принять лишь при условии выдвижения диссертации на защиту. Желая осмыслить отношения между философией и искусством, она выбирает современную французскую философию: «Делёз отлично под это подходил. Его творчество было довольно закрытым, настоящих комментаторов у него не было, все еще только предстояло сделать, и к тому же искусству он отводил особую роль. Это мне и было нужно»¹⁶. Ей удается убедить своего научного руководителя, Пьера-Франсуа Моро, который, впрочем, предупреждает ее, что с такой темой не сможет ее поддерживать, если впоследствии она будет претендовать на пост в Сорбонне.

Гийом Сибертен-Блан был учеником Анн Сованьярг. Когда его будущая преподавательница получает место в Высшей нормальной школе и приступает к диссертации, он еще учится на подготовительных курсах в лицее Генриха IV¹⁷. Там он и знакомится с Анн Сованьярг, которая будет готовить его к агрегации. Она проводит небольшой рабочий семинар вне курсовой программы, посвященный Делёзу и Гваттари, кото-

13. Gilles Deleuze, *L'Île déserte et autres textes*.

14. *Le Magazine littéraire*, «L'effet Deleuze. Philosophie, esthétique, politique», février 2002.

15. David Rabouin, *ibid.*, p. 17.

16. Анн Сованьярг, интервью с автором.

17. Диссертация будет опубликована под названием «Делёз и искусство»: Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, Paris: PUF, 2005.

рый в 1998–1999 годах собирает не особенно много народа: его посещают четыре человека, включая Гийома Сибертена-Блана; по завершении конкурса ему хочется глотнуть свежего воздуха.

С 2005 года Анн Сованьярг и Гийом Сибертен-Блан проводят семинар «Прочтения „Тысячи плато“ Делёза и Гваттари» в рамках рабочей группы «Делёз, Спиноза и социальные науки» в CERPHI (организации, не связанной с CERFI)¹⁸. Оба полагают, что для понимания этого сложного корпуса работ необходим «экстерналистский» метод интерпретации, в котором большое внимание уделяется источникам, использованным Делёзом и Гваттари, тогда как сами эти источники, приводимые в сносках, указывают на контекст высказывания и на ставки авторов: «Это трансформация истории философии, способ мыслить философию в ее становлении, утверждать, что нет концептов или событий вне удостоверяемой телесной позиции, определенной встречи сил, для мысли внешних»¹⁹. Весь их комментарий нацелен на то, чтобы найти сборки между текстом Делёза и текстами, с которыми он полемизировал и вел диалог, чтобы определить точки искажения, дистанцирование, возникновение новых концептов, а также их исчезновение в тех случаях, когда они свое отслужили. Для понимания того, как мысль Делёза может найти выражение в некоторых сильных тезисах, стоит потратить время на этот текстуальный и ситуативный «променад». Задача в том, чтобы отследить встречи, дизъюнктивные конъюнкции, ризомы как семиотические звенья, постигаемые в их специфическом режиме историчности. Такой метод не требует чтения в хронологическом порядке:

Мой метод характеризуется двумя аспектами. С одной стороны, я не разделяю интеллектуальное содержание и материальную стратигграфию идей. С другой, я полагаю, что материальная стратиграфия, связь автора с его источниками, определяется пересечением различий. То есть нет разницы между идеей и обществом, есть прагматика концепта — и это первая идея. Второй я обязана Пьеру-Франсуа Моро, с точки зрения которого в биографии мыслителя не бывает ключевого момента. Именно поэтому нужно перейти от статике к динамике системы, чтобы произвести живой образ²⁰.

Для этого необходимо значительное внимание к ссылочному аппарату изучаемого произведения, которое только и позволит выявить многочисленные расхождения между источниками

18. CERPHI (Centre d'études en rhétorique, philosophie et histoire des idées) — Центр исследований риторики, философии и истории идей.

19. Анн Сованьярг, интервью с автором.

20. Там же.

и их применением, а также между двумя понятиями, которые вроде бы означают одно и то же на разных этапах вызревания произведения, но при этом отсылают к разным вещам в зависимости от контекста и предполагаемой им пространственно-временной сборки: «Чтобы изучить вторжение нового, необходимо начертить график кривой концепта в системе и особое внимание уделить начальной точке, зоне рассеивания, теоретическим секторам, вводимым концептом в игру, и следующим из него практическим связям»²¹.

Новая культурная и политическая радикальность

Помимо университетского мира есть определенное число коллективов и журналов, которые также стремятся поддерживать делезо-гваттарианство. В первую очередь это относится к журналу, созданному Гваттари как продолжение его сети и семинара, *Chimères, revue des schizoanalyses*. Решение о запуске издания было принято в квартире по адресу бульвар Сен-Жермен, 25, где встречаются психиатры из Ла Борд и последователи Гваттари. В первом номере, опубликованном в 1987 году, Гваттари представлен в качестве главного редактора, а Жан-Клод Полак и Даниэль Сивадон — как шеф-редакторы. На первых этапах в журнале преобладают психиатрические темы, но при этом всегда сохраняется дух трансверсальности. Вскоре после его создания Делёз согласился официально выступить вторым главным редактором, но на самом деле он не собирался участвовать в коллективной работе, которую терпеть не мог. Сегодня журнал продолжает свою культурно-активистскую деятельность.

Chimères — по своей генеалогии совершенно гваттарианский журнал, но есть несколько других журналов, которые опираются в равной мере как на Делёза, так и Гваттари. Они придерживаются более выраженной политической ориентации, даже если это не ограничивает их цели. В качестве примера можно привести *Futur antérieur*, созданный в 1990 году по инициативе Жана-Мари Венсана, Дени Берже и Тони Негри. Публикуется 43 номера (которые выходят каждые три месяца) и два специальных номера, но в 1998 году журнал закрывается. При подаче старого друга Гваттари Яна Мулье-Бутана часть редколлегии *Futur antérieur* создает в марте 2000 года политический, художественный и культурный журнал *Multitudes*. Храня верность духу трансверсальности Делёза и Гваттари, он работает с вопросами совре-

21. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*, p. 12.

менного искусства, с осмыслением медиа, а также с различными социально-политическими вопросами, такими как феминизм, гибридизация, война, расизм, экополитика, гарантированный доход, Европа и т.д.²²

Еще один журнал, возникший из социально-политического активизма и в какой-то мере опирающийся на делезо-гваттарианскую мысль, — это *Vacarme*. Один из членов редколлегии Матьё Потт-Бонвиль знакомится с работами Делёза в самом начале 1990-х годов. Он готовится к агрегации и в 1991 году встречается в Высшей нормальной школе с Пьером Зауи, студентом-делезианцем, который проходит агрегацию в том же году и много занимается различными собраниями и активистскими мероприятиями, выступая против растущей глобализации, войны в Персидском заливе и т.п. Пьер Зауи дает почитать Потт-Бонвилю «Тысячу плато»: «Около двух лет вокруг этой книги в Высшей нормальной школе работала отдельная группа под названием „Нож между зубов“, в которую входили студенты Высшей нормальной школы, но не только»²³. Группа, состоящая примерно из двадцати человек, стала выпускать свой вестник под названием «Тетради сопротивления» (*Cahiers de la résistance*), опиравшийся в значительной мере на тезисы Делёза²⁴. Через несколько лет, в 1996 году, по инициативе Зауи этот небольшой кружок начал работать над проектом журнала, задача которого — стать для широкой публики рупором новых форм активизма и новых социальных движений. В итоге в 1997 году создается журнал *Vacarme*²⁵. Было бы преувеличением сказать, что он целиком и полностью ориентирован на Делёза и Гваттари. Его важным источником также является Фуко, но в целом он не придерживается какого-то одного интеллектуального авторитета. Для него характерна не лексика Делёза или Гваттари, а новый подход к политике. Внимание к построению сборок, к тому, что диспозитивы всегда уникальны и что их сложно оценивать извне, заставляет журнал учитывать двусмысленности, свойственные современным социальным движениям, которые вынуждены обходить неизбежные противоречия: «Когда какая-то политическая группа должна атаковать фармацевтические лаборатории, как было в случае *Act Up*, она в то же вре-

22. *Multitudes*, été 2006, главный редактор — Ян Мульс-Бутан.

23. Матьё Потт-Бонвиль, интервью с автором.

24. Эта эфемерная и крайне разношерстная группа вскоре рассеивается, а ее члены увлекаются разными формами активизма — борьбой со СПИДом, *Act Up*, поддержкой алжирских интеллектуалов, движениями безработных и социально незащищенных.

25. *Vacarme*, № 34, hiver 2006, главный редактор — Стани Греле.

мя вынуждена вести с ними переговоры, заключать постоянные или мимолетные союзы. Делёз как раз и позволяет это осмыслить, поскольку его исследования эффективны при оценке таких частных случаев»²⁶.

Делезо-гваттарианство у Тони Негри и его друга Майкла Хардта, профессора сравнительного литературоведения в Университете Дьюка, также оказывается одним из источников нового политического радикализма, своего рода машины войны против логик глобализации. В 2000 году они представляют свое исследование, «Империю», в качестве нового «манифеста Коммунистической партии», отвечающего современным условиям, — в нем глобализации и униформизации они противопоставляют своеобразную утопическую альтернативу²⁷. В 2004 году Хардт и Негри выпускают продолжение этой работы, разбираясь на сей раз с использованием войны в эпоху глобализации и составляя бинарную оппозицию между желанием демократии, присущим множеству, и подавлением, применяемым властями, чья логика суверенитета неизбежно ведет к насилию и войне. По их мнению, «множеству» нужна новая наука, которая привела бы к разрушению суверенитета, что позволило бы вернуться к ленинскому жесту. Чтобы избежать тупика термидора, они выдвигают политическую теорию, способную примирить централизм Ленина с конституционализмом Мэддисона. Хардт и Негри, сохраняя верность духу сопротивления логикам контроля, воплощенному Делёзом и Гваттари, в то же время довольно далеки от них из-за привязанности к исторической телеологии, предзаданному смыслу истории, который нужно просто наполнить новыми социальными категориями. С точки зрения Хардта и Негри, если заменить понятие рабочего класса множеством, их подход сохранит принципиальную верность той же философии истории, для которой характерна революционная эсхатология.

Манола Антониоли, работая в парадигме, подчеркивающей способность работ Делёза и Гваттари прояснить фундаментальные трансформации общества и обосновать критический взгляд вместе с политическим радикализмом, и посвятив одну свою работу Делёзу и истории философии²⁸, публикует в 2004 году новое исследование, в котором она подчеркивает плодотворность совместной работы Делёза и Гваттари, определяя значение и акцентируя прозрачность их концептов, помогающих исследовать

26. Матьё Потт-Бонвиль, интервью с автором.

27. Майкл Хардт, Антонио Негри, *Империя*.

28. Manola Antonioli, *Deleuze et l'histoire de la philosophie*, Paris: Kimé, 1999.

процессы глобализации²⁹. Манола Антониоли верно уловила то, что Делёз и Гваттари расстаются не с историей, а с определенной формой исторической телеологии, заменяя ее множеством пространственных логик. Констатируя, что все их творчество разворачивается вокруг таких концептов, как территория, почва, сети, потоки, номадизм, она ставит своей задачей исследовать «сближение географии и философии, обнаруживаемое в этих работах»³⁰. Манола Антониоли показывает, в частности, необыкновенную актуальность логик детерриториализации и ретерриториализации, которые «прочерчивают линию ускользания в направлении к будущему, пока еще непредвидимому»³¹.

Критики критики

Другие, напротив, решили отстраниться от политической направленности мысли Делёза и Гваттари. С их точки зрения, пришла пора для существенной ревизии и осознания смерти левачества определенного толка, как и печальной судьбы большинства утопий. В таком случае творчество Делёза и Гваттари должно быть отнесено к делам давно минувших дней: будучи производной радикальной мысли 1960–1970-х годов, оно, стало быть, окончательно утратило свое политическое и интеллектуальное значение. Именно этой ревизионистской работой занялся Филипп Манг, бывший студент и один из первых комментаторов произведений Делёза, поставив прямо вопрос о демократии³². Манг, сам старый «левый» и знаток делезианства, чувствует, что в середине 1980-х годов произошел политический перелом: «Я ощущаю, что в дискурсе, который был у нас, что-то перестало работать. И мы обязаны в какой-то момент сказать, что существует рациональность политического»³³. Он намеревается в полной мере выявить противоречие между апологией теории множественности и сопротивлением демократии, характеризующейся плюрализмом. Манг критикует Делёза за то, что тот не учитывает опосредующие элементы, характерные для политического, отделяясь таким образом от самой политической реальности. С его точки зрения, Делёз демонстрировал аристократическое презрение, заметное в систематическом раз-

29. Manola Antonioli, *Géophilosophie de Deleuze et Guattari*, Paris: L'Harmattan, 2004.

30. Ibid., p. 12–13.

31. Ibid., p. 252.

32. Philippe Mengue, *Deleuze et la question de la démocratie*, Paris: L'Harmattan, 2003.

33. Филипп Манг, интервью с автором.

облачении им мнения, доксы, прессы и СМИ: «Делёз занимает антидемократическую ницшеанскую позицию. Ницше плевал на газеты, а он — на СМИ»³⁴. Манг помещает политику в центр делезовской мысли, но выступает против сведения фигуры интеллектуала исключительно к воинственной позиции, воплощающей в себе гиперкритическую парадигму: «Делёз приходит к тому, что мысль должна непременно пониматься в качестве кочевой машины войны, а ее акт — в качестве герильи»³⁵.

С точки зрения Филиппа Манга, чрезмерное превознесение меньшинств, которые оказываются единственными носителями становления и по самой своей сути расходятся с господствующим порядком, приводит к радикальному обесцениванию демократии. Правовое государство действительно кажется несовместимым с тремя основными темами делезовской философии — имманентностью, меньшинствами и становлениями. Права человека и юридически-правовой государственный аппарат мыслятся в качестве трансисторических, а потому и «трансцендентных» реальностей. Что касается демократии, которая определяется своим стремлением к социальному консенсусу, то она способна заткнуть рот меньшинствам ради большинства. Согласно же Делёзу, только «представитель меньшинства является креативным. Не может быть мажоритарного становления, существует лишь миноритарное становление. Мажоритарность представляет собой остановку, спад становления, так что любые формы становлений лишь блокируются мажоритарным»³⁶. Манг, однако, предлагает помыслить и развить делезианство вопреки Делёзу, подкрепляя поправки, обусловленные нашей постмодернистской эпохой, «его концепцией гетерогенеза социального и различных становлений истории»³⁷. Путь становления делезианства он видит в микрополитике, практиках, которые в какой-то мере дистанцировались от позиции подозрения, господствовавшей в 1960-е годы. В таком случае Делёз мог бы стать основанием для новой мысли, избавленной от его зависимости от марксизма и историцизма. Филипп Манг при этом больше критикует не самого Делёза, а определенную разновидность делезианства и особенно гваттарианскую прививку политической радикализации, сделанную еще в 1969 году.

Пол Паттон возражает Мангу, указывая на то, что три ценности делезианства, которым он предьявляет обвинение, ни-

34. Филипп Манг, интервью с автором.

35. Philippe Mengue, *Deleuze et la question de la démocratie*, p. 32.

36. Ibid., p. 104.

37. Ibid., p. 204.

коим образом не являются антидемократическими³⁸. По его мнению, критика трансцендентности, заключающейся в апелляции к правам человека, у Делёза обосновывается его неудовлетворенностью тем, что относится к порядку бестелесных абстракций. Если и следует развивать права человека, делать это нужно конкретнее, обращаясь к заинтересованным группам населения, отправляясь от единичных ситуаций и изобретая новые законы. Паттон отвергает и молярное противопоставление большинства и меньшинства, используемое Мангом, поскольку оно не соответствует разработанной Делёзом и Гваттари концепции, по которой большинство и меньшинство не являются внешними или противостоящими друг другу позициями, поскольку находятся в отношении несовпадения. Что касается оппозиции философского концепта и мнения, из него не вытекает никаких следствий, которые можно было бы отнести к публичной сфере. Соппротивление настоящему, к которому призывают Делёз и Гваттари, нацелено, по мысли Паттона, на то, чтобы углубить грядущую демократию. Арно Виллани, со своей стороны, подвергает точку зрения Манга жесткой критике, поскольку она уклоняется от основного аспекта делезианства, а именно динамики, запускаемой линией ускользания, которая не имеет ничего общего с бинарными оппозициями, в которые Манг заключает делезианскую политику: «Демократию Делёз критикует не потому, что он скрытый аристократ. Дело не в том, что она делает много, а в том, что ее недостаточно»³⁹.

У Жакоба Рогозенски, написавшего в числе прочих работ прекрасную статью о Делёзе для одного из номеров *Le Magazine littéraire* 1988 года⁴⁰, мы обнаруживаем критические возражения, сформулированные Филиппом Мангом. Рогозенски по этому поводу вспоминал свой энтузиазм лицеиста, который познакомился с философией вскоре после 1969 года: «С Делёзом все стало проблематичным, все стало под вопрос»⁴¹. Спустя двадцать лет, в 1988 году, он все так же приветствует ту вспышку молнии, которой Делёз стал в небе мысли. Делёз не остается безучастным: отправляет ему небольшое послание и посвящает

38. Пол Паттон, «Делёз и демократия» (выступление на международной конференции «Жиль Делёз, Феликс Гваттари и политика», организованной Манолей Антониоли и Пьер-Антуаном Шарделем, 14–15 января 2005 года, Париж-VIII).

39. Arnaud Villani, «Comment peut-on être deleuzien?», dans André Bernold, Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*, Paris: Hermann, 2005, p. 82.

40. Jacob Rogozinski, «La fêlure de la pensée», *Le Magazine littéraire*, N° 257, septembre 1988, p. 46–48.

41. Ibid., p. 46.

своего «Лейбница». Однако, с точки зрения Жакоба Рогозенски, Делёз, в отличие от Лиотара, не позволяет мыслить катастрофы XX века: «Героизм Делёза заключается в том, что он идет до конца в радикализме 1960-х годов»⁴². Сегодня же Рогозенски особенно строг к делезианству. Он не находит в нем места для того, чтобы мыслить этику: Делёз, в совершенно спинозистском русле, не учитывает само желание творить зло. Это исключение вопроса зла не позволяет ему помыслить тоталитаризм, политический террор и, соответственно, важнейшие политические события XX века, такие как Шоа, Гулаг, красных кхмеров и т. д. Чтобы найти место для этики, необходимо найти его и для субъекта, эго, а в этом отношении, по мнению Рогозенски, Делёз, как и большинство философов его поколения, занимает позицию, которую он называет «легицидом», то есть позицию, отрицающую «я», которое должно быть унижено и раздавлено:

Его субъект — это субъект без «я», анонимный, безголовый субъект. Он всегда противопоставляется субъекту тождества. Дело в том, что врагом является не столько субъект, сколько «я», эго. Он никогда не думал, что может быть имманентная часть эго, но тогда я не знаю, как выйти на план имманентности, о котором он говорит⁴³.

Современная машинная мысль

Творчество Делёза и Гваттари служит важным источником и для новой эпистемологии наук, которая уже не основывается на разделении между наукой и обществом, между человеком и природой, объективностью и субъективностью. Это относится к философу и социологу наук Изабель Стенгерс. Она заканчивает философский факультет в 1973 году, когда публикуется «Анти-Эдип», но «именно „Различие и повторение“ заставило меня работать»⁴⁴. В работах Делёза ее сразу же захватила способность увлекаться и увлекать читателя работой по соединению тех зон, которые обычно изолированы друг от друга. Именно такое соединение того, что внешне кажется изолированным, она исследовала в отношениях наук, и именно его она обнаруживает в поле философии. В шести томах, опубликованных ею

42. Жакоб Рогозенски, интервью с автором.

43. Там же.

44. Изабель Стенгерс, интервью с автором, для работы: François Dosse, *L'Empire du sens. L'humanisation des sciences humaines*, Paris: La Découverte, 1995; rééd. La Découverte/Poche, 1997, p. 35.

в 1996–1997 годах под заглавием «Космополитики», где исследуются территории науки, а именно научные войны, термодинамика, время у Пригожина, квантовая механика и проявления эмерджентности⁴⁵, многие ее понятия опираются на Делёза и Гваттари.

Изабель Стенгерс знакома с Гваттари с 1980-х годов. Она приглашает его на встречу с учеными на десятидневной конференции в Серизи, которую организует вместе с Ильей Пригожиным, нобелевским лауреатом по химии 1977 года: «Он сделал худшее, что только можно было сделать, показав свои диаграммы. Он увлекся выкладками, в которых ученые просто ничего не поняли. Шанс был упущен»⁴⁶. Тем не менее Стенгерс будет использовать концепты Делёза и Гваттари в своей собственной работе и сыграет весьма активную роль в популяризации их работ в Брюсселе. В 1980-х годах Стенгерс посвящает Делёзу и Гваттари свой семинар в брюссельском Свободном университете. Начиная с 1990-х годов ее коллега Пьер Верстратен, весьма активный сартрианец, ведет свой вводный курс по философии на основе работы «Что такое философия?».

Благодаря этому курсу Даниэль Франко еще студентом знакомится с этой мыслью, а когда он сам начинает преподавать в Свободном университете, то в течение четырех лет читает курсы по Делёзу — с 1990 по 1994 год: «Делёз был необыкновенным мастером синтеза. Сегодня меня поражает его литературность. В каком-то смысле это бег в облаках»⁴⁷. Паскаль Шабо⁴⁸, специалист по Симондону, тоже прошел курс у Изабель Стенгерс и Пьера Верстратена, которые в 1998 году издадут работу о Делёзе⁴⁹. Поскольку Паскаль Шабо является прежде всего историком философии, первоначально специализировавшимся на Гуссерле, Делёз сыграл для него роль «освободителя»: его понятие множественности помогло ему отбросить идею фундирования, столь важную для феноменологии: «Встреча с универсумом Делёза стала для меня глотком кислорода»⁵⁰.

На Пьера Леви, который стал специалистом по «технологиям интеллекта», повлиял Мишель Серр, но и Делёз с Гваттари. Последнего он впервые встречает в начале 1990-х годов, их объединяет интерес к самым современным технологиям. Пьер Леви видит в новых информационных технологиях основания

45. Isabelle Stengers, *Cosmopolitiques*, 6 volumes, Paris: La Découverte, 1996–1997.

46. Изабель Стенгерс, интервью с Виржини Линар.

47. Даниэль Франко, интервью с автором.

48. Pascal Chabot, *La Philosophie de Simondon*, Paris: Vrin, 2003.

49. Pierre Verstraeten, Isabelle Stengers (sous la dir.), *Gilles Deleuze*, Paris: Vrin, 1998.

50. Паскаль Шабо, интервью с автором.

когнитивной экологии, которая достаточно близка к экософии Гваттари, выступающей основанием партиципативной техно-демократии. Задача теперь в том, чтобы мыслить не оппозицию человека и машины, а способы их соединения. Пьер Леви исследует прошлое кибернетики и видит в Уоррене Маккаллоке первого, кто установил связь между работой нейронов и логическими цепями, заложив таким образом основания коннекционизма. В то же время Леви вдохновляется идеей ризомы, которая становится у него не чем иным, как способом распространения знания, ветвящегося в самых разных направлениях, что возможно благодаря новым технологиям интеллекта.

Концепты Делёза и Гваттари также получили весьма важное развитие в новой антропологии науки, сформировавшейся в Центре социологии инновации, исследующем эмерджентные процессы научно-технической инновации, как их понимают Мишель Каллон и Бруно Латур. Открытия, позволяющие перевернуть понимание социальных связей, сами являются следствием множественных сетевых эффектов. В них включены лаборатории, публичные политики, частные инвестиции, отношения с возможными потребителями... Одно из центральных понятий этой антропологии науки — понятие сетей, которые берутся в новом и весьма широком смысле: «Сети являются одновременно реальными, как природа, разворачиваемыми, как дискурс, коллективными, как общество»⁵¹. Применение термина «сети» в антропологии науки, отличное от его обычного смысла, соответствует желанию придумать такое понятие, которое бы позволило избежать любого территориализированного взгляда на общество. Соответственно оно отстраняется от понятий поля, вторичного поля, институтов и т.п., которые все предполагают гомогенные ансамбли, определенные типами действий и теми или иными правилами игры. Второе качество этих сетей — подразумеваемое ими смешение людей и не-людей, субъектов и объектов.

Бруно Латур подхватывает это делезо-гваттарианское понятие, представляя сети в качестве двойной машины войны, противостоящей идее структуры и интеракционизму. Однако у этого сильного оператора есть определенные минусы, поскольку он предполагает пустоту на уровне содержания, которая приводит к довольно бедному взгляду на мир, в котором мы живем. Конечно, этот аппарат абстрагирован от всякого содержания, чтобы быть способным принимать новые элемен-

51. Бруно Латур, *Нового времени не было*, СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2006, с. 66.

ты, заботясь о недопущении предзаданных форм, которые бы помешали следовать за самыми разными акторами, контроверсами, конфигурациями. Бруно Латур больше относит себя к линии Эпикура, Спинозы и Ницше, чем к линии философов сознания, таких как Декарт, Кант и Гуссерль. Среди современных философов, даже если они не слишком помогают определить исследовательскую программу социальных наук, особенно важную роль играют двое: Мишель Серр и Жиль Делёз. Можно сказать, что понятие сетей достаточно близко к модели ризомы по Делёзу. В то же время делёзовское понятие не вполне схоже с понятием сетей, применяемым антропологией науки. Задача последней, в противоположность понятию Делёза, — провести ретерриториализацию. Во-вторых, понятие ризомы слишком подвижно, оно никогда не стоит на месте и едва ли может быть приспособлено к механизмам, используемым тогда, когда друг с другом соединяются наука, техника и рынок.

Впрочем, у Мишеля Каллона и Бруно Латура наблюдаемость научного факта связана с цепочкой переводов, обеспечивающих за счет множественных смещений возможность вывести первичную гетерогенность дискурса, лабораторий и использованных источников. Главное же, эта антропология науки расстается с нововременным проектом разделения, великого разрыва между естественным миром, то есть объектами, с одной стороны, и субъектами — с другой. Проект Нового времени обретает свою форму вместе с кантианством: «Вещи-в-себе становятся недоступными, в то время как трансцендентальный субъект симметричным образом бесконечно отдаляется от мира»⁵². Как только этот разрыв установлен, попытки преодолеть его неизменно проваливаются. Поэтому эта антропология науки ищет пути иной метафизики и сходится с философским поиском Делёза, стремящегося найти органическую связь между человеком и природой, для чего требуется критика гегельянства, лишь увеличивающего, со своей стороны, пропасть между субъектом и объектом, которую требуется преодолеть. Феноменологический проект разворачивается на фоне «непреодолимого»⁵³ напряжения между объектом и субъектом. Квази-объекты являются «одновременно реальными, дискурсивными и социальными»⁵⁴, что соответствует основополагающему постулату антропологии науки. Бруно Латур проповедует необходимость перевернуть обычную формулу Нового времени, согласно ко-

52. Там же, с. 121.

53. Там же, с. 124.

54. Там же, с. 131.

торой следовало начинать с процесса очищения, чтобы развесть то, что происходит от субъекта, и то, что берется из объекта, а на втором этапе наращивать число посредников, чтобы прийти к объяснению, находящемуся на пересечении двух крайностей. В противоположность этому методу, Латур предлагает преобразовать точку раскола/встречи в начальную точку исследования, которая ведет к крайностям, то есть субъекту и объекту: «Эта объяснительная модель позволяет рассматривать работу очищения в качестве частного случая медиации»⁵⁵.

«Post scriptum к обществам контроля» Делёза, первоначально опубликованный в 1990 году в *L'Autre Journal* Мишеля Бютеля, а затем включенный в сборник «Переговоры», многим исследователям общества, переживающего современные мутации, представляется важной теоретической схемой, поскольку он позволяет мыслить общество в макроскопическом масштабе и в то же время микромасштабе фирмы. Это, в частности, относится к Бернару Стиглеру, отталкивающемуся от этого текста в своих размышлениях о символической нищете. Стиглер осуждает разрыв между политикой и эстетикой, пагубным следствием которого является прекращение участия в эстетическом творчестве. У Делёза он заимствует идею исследования новых видов вооружения, приспособленных к новому обществу контроля, которое он предлагает называть гипериндустриальным. То есть война не закончилась, она сместилась: «Эта война стала по своей сути войной эстетической»⁵⁶. В современную эпоху, беря пример с Симондона и Делёза, необходимо увидеть процессы индивидуации как процессы одновременно психические и коллективные, «в которых я и мы — две стороны одного и того же процесса, а потому зазор между ними составляет его динамику»⁵⁷.

Философ Пьер-Антуан Шардель, который первоначально занимался герменевтикой и деконструкцией Деррида, обратился к Делёзу и Гваттари, чтобы найти ответы на вопросы, поставленные новыми технологиями. Он преподает гуманитарные науки в Национальном институте телекоммуникаций и создает там междисциплинарную группу по исследованию трансверсальных вопросов — одновременно этических, технологических, организационных и общественных (ETOS). В обществе, в котором постоянно нарастает стандартизация, все более остро стоит

55. Бруно Латур, *Нового времени не было*, с. 148.

56. Bernard Stiegler, *De la misère symbolique. 1. L'époque hyperindustrielle*, Paris: Galilée, 2004, p. 41.

57. Ibid., p. 96.

вопрос сохранения множественности как условия возможности творчества: «Здесь мы касаемся вопроса этического, связанного при этом с эстетикой, то есть эстетикой как предпосылкой этики, если вернуться к теме, столь дорогóй Рикёру»⁵⁸.

Рост актуальности

Один из признаков усиления влияния мысли Делёза и Гваттари и взрывного роста самых разных способов ее применения — всплеск числа статей, работ, конференций и других событий, отметивших десятую годовщину смерти Делёза в 2005 году. Центр Бобур отдал ему дань уважения дважды, организовав «Алфавит для Жилия Делёза» 2 ноября 2005 года, на котором о разных аспектах творчества Делёза рассказывали многочисленные специалисты, соратники и друзья: выступления были выстроены в алфавитном порядке, между ними демонстрировались аудио- и видеоматериалы, а все мероприятие в целом завершилось концертом Ришара Пина. В Национальной библиотеке Франции радио *France Culture* организовало большую конференцию, которую вел Жак Мюнье и в которой участвовали Клеман Россе, Жерар Фроманже, Анн Сованьярг, Тони Негри и Паола Маррати. Целый ряд книг подтверждает неослабевающую продуктивность этой мысли, приложимой к самым разным областям: искусству⁵⁹, голосу самого Делёза⁶⁰, психоанализу⁶¹, времени⁶², а также к исследованию источников его идей⁶³, не говоря уже о коллективных сборниках, посвященных тому или иному аспекту его философии⁶⁴, о переизданиях⁶⁵, курсах, изданных в виде CD⁶⁶ или же семинарах⁶⁷.

58. Пьер-Антуан Шардель, интервью с автором.

59. Anne Sauvagnargues, *Deleuze et l'art*.

60. Claude Jacglé, *Portrait oratoire de Gilles Deleuze aux yeux jaunes*, Paris: PUF, 2005.

61. Monique David-Ménard, *Deleuze et la psychanalyse*, Paris: PUF, 2005.

62. Yann Laporte, *Gilles Deleuze, l'épreuve du temps*, Paris: L'Harmattan, 2005.

63. Stéfan Leclercq (sous la dir.), *Aux sources de la pensée de Gilles Deleuze. 1*, Mons: Sils Maria, 2005.

64. Alain Beaulieu (sous la dir.), *Gilles Deleuze. Héritage philosophique*; André Bernold, Richard Pinhas (sous la dir.), *Deleuze épars*.

65. Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Qu'est-ce que la philosophie?*, Minuit-poche, 2005; Jean-Clet Martin, *La Philosophie de Gilles Deleuze*, Payot, coll. «Petite Bibliothèque»; Catherine Clément (sous la dir.), *Gilles Deleuze*, Paris: Arc/Inculce, 2005.

66. *Gilles Deleuze Cinéma*, 6 CD, «À voix haute», Gallimard, 2006.

67. К этой современной издательской деятельности в 2005 году можно добавить присутствие творчества Делёза и Гваттари в ряде университетских событий. 14–15 января 2005 года Манола Антониоли, Пьер-Антуан Шардель, Иван Лапейру и Эрве Реньо организуют международную конференцию «Жилия

Одна область оказалась особенно восприимчивой к концептам Делёза и Гваттари — урбанистика и архитектура. Философ города Тьерри Пако вспоминает о том, что в 1980-е годы сообщество урбанистов ориентировалось в основном на Фуко: «Хотя „Тысяча плато“ и была опубликована в 1980 году, в их среду эта работа тогда не проникла»⁶⁸. Лишь в 1990-е годы архитекторы, урбанисты и ландшафтные дизайнеры начнут использовать концепты Делёза и Гваттари: «С моей точки зрения, „Тысяча плато“ — волшебная книга, книга с открывающимися вкладками, которую можно постоянно перечитывать и которая при каждом новом прочтении выдает массу новых вопросов»⁶⁹. Впрочем, как это обычно бывает, популяризация и освоение этих концептов не свободны от определенных перекосов. Так, «барочную складку» применяют как попало к любым возможным ситуациям. Любая архитектура складывается, расправляется и снова складывается. Но с конца 1990-х годов начинается более серьезное освоение концепта детерриториализации, который теперь применяется эвристически, пусть даже и отходя от значения, которое вкладывают в него Делёз и Гваттари: «Чаще всего этот концепт понимается как форма отделения от места под влиянием глобализации, то есть как делокализация, которая происходит, к примеру, тогда, когда производство выводится из того или иного региона, перемещаясь в страны с более низкой заработной платой»⁷⁰. В своих курсах в Институте урбанизма в университете Париж-XII Тьерри Пако обсуждает вклад Делёза и Гваттари, поскольку два этих автора позволяют лучше понять то, чем могла бы быть экзистенциальная география человека в эпоху лишенных почвы сетей.

Крис Юнес, философ-урбанист и руководительница организации «Сеть — философия, архитектура, город», преподающая в Школе архитектуры Париж – Ла Вийет, училась в 1960-е годы у Делёза в Лионе. Сегодня она вместе со своими студентами способна оценить то значение, которое его работы приобретают в сфере осмысления городов, архитектуры и городских территорий в целом: «Я часто использовала его вместе со студентами применительно к архитектуре и городу. Если и есть философ,

Делёз, Феликс Гваттари и политическое» в университете Париж-VIII (Manola Antonioli, Pierre-Antoine Chardel, Hervé Regnault (sous la dir.), *Gilles Deleuze, Félix Guattari et le politique*, Paris: éd. du Sandre, 2006). В конце того же года, 2–3 декабря, Жан-Кристоф Годдар организует двухдневную конференцию по «Анти-Эдипу» в университете Пуатье.

68. Тьерри Пако, интервью с автором.

69. Там же.

70. Там же.

которого они постоянно цитируют, так это Делёз»⁷¹. Читением Делёза они увлекаются самостоятельно, их даже не нужно заставлять. В основном они берут из него ряд устойчивых сюжетов, которые служат им инструментами интерпретации современных мутаций, затрагивающих город как феномен: «Постоянно встречаются три момента: вопрос складки, вопрос ризомы, понятие гладкого и рифленого пространства»⁷². Трансформации города, пригорода, маятниковых движений из центра на периферию и обратно — все это еще больше обостряет вопрос потока, блуждания, перемещений в пространстве в логике движений детерриториализации и ретерриториализации. Ризома в то же время вдохновляет на создание разрастающейся фигуры города, которая подключена во всех своих точках, образуя всю ту невидимую систему, что структурирует территорию города в его расползании. Понятие экспериментирования, испытания опытом также полностью согласуется с актуальными исследованиями жилого пространства, с приоритетом применения, практики, а не теоретического конструирования.

Философ Жан Аттали, преподающий архитектуру, отводит важную роль мысли Делёза и Гваттари, но не как предмету комментирования, а скорее как инструментарию, позволяющему мыслить город⁷³. Он указывает на ее значимость в международной среде архитекторов: «Английский перевод книги Делёза „Складка“ (The Fold, 1993) получил заметный отклик в архитектурных школах США и Англии. Этот философский концепт подкрепил интерес к неметрическим геометриям, к компьютерному моделированию „гибких поверхностей“ и хаотических форм»⁷⁴. Нью-йоркский архитектор Питер Айзенман многие из своих концептов заимствует из «Тысячи плато», предлагая, к примеру, расширенное понятие диаграммы.

Творчество Делёза и Гваттари показало удивительную плодотворность и в эпистемологии тела, как ее понимает Бернар Андриё, который недавно издал объемный «Словарь тела»⁷⁵, а ранее опубликовал несколько работ, включая «Нейрофилософию» (1998) в серии *Que sais-je?* Он преподает в университете в Нанси, а учился в Бордо в 1978–1984 годах. Занявшись эпистемологией гуманитарных наук, он начинает осваивать работы

71. Крис Юнес, интервью с автором.

72. Там же.

73. Jean Attali, *Le Plan et le Détail. Une philosophie de l'architecture et de la ville*, éd. Jacqueline Chambon, Nîmes, 2001.

74. Ibid., p. 216.

75. Bernard Andrieu, *Le Dictionnaire du corps en sciences humaines et sociales*, Paris: CNRS, 2006.

Делёза, особое внимание уделяя его концепту «дивидуального», которое превращает в «дивида», подкрепляя им свою точку зрения на рассеянное тело и критикуя редукционизм некоторых направлений нейронауки. Он ощущает близость к концепции Делёза, в которой приоритет отдается не индивидуальной позиции, а процессу индивидуации, основанному на раздробленных, разделенных телах. У Делёза и Гваттари Андриё находит философию, близкую к биологии, к миру живого, — их вклад он считает фундаментальным, ничуть не уступающим достижениям того же Мерло-Понти, Рюйе или Прадина, поскольку все они выступают против редукционизма.

Творчество Делёза и Гваттари работает и в философских кругах, даже у философов, которые кажутся заведомо ему чуждыми. Это, к примеру, относится к главному редактору журнала *Esprit* Оливье Монжену, который больше опирается на Рикёра, Лефора, Мерло-Понти и Арендт. Делёз для него играет роль постоянного раздражителя, который заставляет выходить за пределы привычных схем: «У меня есть два автора, которых я постоянно перечитываю и которые возвращают меня к философии, — Рикёр и Делёз»⁷⁶.

Хотя Монжен и не разделяет политического радикализма Делёза или его антихристианства, он обнаруживает у него то, что особенно ценит в Рикёре, а именно восприимчивость к пространству, внешнему для философии, способность давать философские ответы на вопросы, коренящиеся за пределами философии. Конечно, Оливье Монжен не следует Делёзу в отказе от всякого опосредования: «Для него нет Христа, нет благого опосредования, даже священного. Это художественная мысль»⁷⁷. Его интерес к Делёзу заставил его выписать своего рода асимметричную параллель, поскольку он задается вопросом о том, не сводятся ли работы Делёза к выражению избытка, в противоположность творчеству Рикёра, которое воплощает в себе долг⁷⁸. Хотя два эти философа практически не пересекаются, в том числе из-за различия в стиле, их противоположность нельзя свести к столкновению гуманизма и теоретического антигуманизма. Оба дистанцировались от философской традиции и оба принимали стихию не-философского, занимаясь апоретической, напряженной рефлексией, в кото-

76. Оливье Монжен, интервью с автором.

77. Там же.

78. Olivier Mongin, «L'excès et la dette. Gilles Deleuze et Paul Ricoeur ou l'impossible conversation?», dans François Azouvi, Myriam Revault d'Allonnes (sous la dir.), *Paul Ricoeur*, Paris: Cahiers de l'Herne, 2004, p. 271–283.

рой главное — это конъюнкция «и», совместность мышления, переплетение. Оба отказались от Гегеля и не довольствовались кантианским формализмом, оба наделяют особым значением Бергсона, так что «созвучие Делёза и Рикёра, если о нем и можно говорить, по существу состоит в принятии „бытия к жизни“ (Спиноза) и в недоверии к „бытию к смерти“ (Хайдеггер)»⁷⁹.

В спинозистском пространстве Делёза остается два неосвоенных участка: вопрос трагического, зла не имеет для него значения, как и вопрос о «первичном утверждении», поставленный Жаном Набером. Тем не менее Делёз сумел подорвать генеалогическое древо, закон отца, чтобы расстаться с чувством нехватки и виновности в жесте, героизм которого вызывает эйфорию, пробуждая в то же время силы жизни в обществе, которое должно основываться на братской солидарности, — в обществе союза, а не генеалогической филиации.

79. Ibid., p. 282.

Заключение

С 1969 ГОДА и до смерти Гваттари в 1992 году два автора с различными образованием, характерами и восприятием работали вместе над созданием исключительных произведений. Все это время действовало то, что уже в самой первой их статье, опубликованной в 1970 году и посвященной Клоссовски, определялось, предвосхищая события, в качестве «дизъюнктивного синтеза», коллективной сборки высказывания, невероятного брака осы и орхидеи.

Наше исследование, возможно, позволило исправить некоторые искажения «перспективы», которые привели к тому, что роль Гваттари была недооценена, а его имя едва не исчезло, так что из них двоих оставался только Делёз. У нас была возможность увидеть, что Гваттари стоял не только «на входе», будучи поставщиком концептов и новых траекторий движения, но и «на выходе», являясь активистом социального, политического и психиатрического эксперимента — в Ла Борд, в CERFI или CINEL. Делёз и Гваттари создали абсолютно оригинальные «машины войны», испытав их прочность и ограничения в конкретных ситуациях. Эти «эксперименты» говорят об исключительном, невиданном качестве их совместной работы.

Что сделало возможной столь плодотворную встречу? Конечно, есть большой пучок причин, которые невозможно свести к какой-то одной. Как учесть момент дружбы или взаимного притяжения, которые являются важными составляющими этого совместного творчества? Основным фактором представляется их неизменное стремление ставить во главу угла движение, которое бы сопротивлялось всяческому превращению в рутину. Отсюда общий интерес к сложным и противоречивым отношениям между процессами субъективации и институциональными логиками. И отсюда же желание поставить на первое место линии ускользания и процедуры дестратификации.

Возможно, этот жест берет начало на одной и той же исторической территории, в травме Второй мировой войны, ко-

торую они пережили в слишком юном возрасте, чтобы принять в ней участие. Их сопротивление варварству оказалось отсроченным, и можно даже выдвинуть гипотезу, что их бунт мог быть отложенным следствием того потрясения, которым для Запада и его ценностей стал нацизм. Создавать новые концепты — абсолютный императив: травма нацистского варварства обязывает взяться за задачи мышления с нуля. Мышление требует быть достойным события, пережитого слишком рано, чтобы принять в нем активное участие. Этот императив обнаруживается в сердцевине того подхода к истории кино, который Делёз перенимает у Андре Базена¹.

Из пережитой исторической трагедии философия не должна выйти безоружной. Напротив, она должна утвердить свою функцию: «Это, разумеется, не к тому, что после Освенцима мы не можем больше мыслить и что мы все в ответе за нацизм»². Но остается чувство, которое нашло ярчайшее выражение у Примо Леви: «стыд за само бытие человеком». Не каждый в ответе за нацизм, но каждого он запятнал: «Произошла катастрофа: общество братьев или же друзей подверглось такому испытанию, после которого они не могут более смотреть в глаза друг другу и даже каждый сам себе, не ощущая „утомления“ и, быть может, опаски»³. После Освенцима у нас уже не может быть простодушия греков. Здесь мы обнаруживаем требование иной метафизики, которая установила бы отношение с хаосом ради порождения животворящих, а не смертоносных сил: «Это чувство стыда — один из самых мощных мотивов философии. Мы в ответе не за жертвы, но перед жертвами»⁴.

Эта насущная необходимость преобразовать мысль ощущается Делёзом как нельзя более живо, о чем говорит его переписка с Дионисом Масколо⁵. После выхода в 1987 году книги Масколо «Вокруг усилия памяти» Делёз пишет ему, что восхищен столь значительным обновлением отношений между мыслью и жизнью. Он пользуется случаем, чтобы задать вопрос о его утверждении, согласно которому «подобное потрясение коллективной чувственности не может не привести к новым установкам мышления»⁶. Делёзу видится какой-то секрет, который Масколо, возможно, скрывает. Масколо отвечает ему, что этот подме-

1. См. главу 22 настоящего издания.

2. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, с. 124.

3. Там же.

4. Там же, с. 125.

5. «Correspondance Dionys Mascolo-Gilles Deleuze», *Lignes*, № 33, mars 1998, p. 222–226; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 305–310.

6. Dionys Mascolo, *Autour d'un effort de mémoire*, Paris: Maurice Nadeau, 1987, p. 20.

ченный им секрет, «возможно, по своей сути не отличается от секрета мысли, не доверяющей мысли. Что всегда сопровождается тоской»⁷. Масколо добавляет, что нет желания секрета, однако из такой тоски рождается основание для возможной дружбы.

Делёз в своем ответе предлагает ему поменять порядок вещей и призывает его рассматривать дружбу в качестве первоосновы, а не в качестве чего-то вторичного и компенсаторного: «У вас, как и у Бланшо, это дружба. А из этого следует полная переоценка „философии“, поскольку вы и только вы можете понять слово *philos* буквально»⁸. Переживание этого опыта и память о нем требуют пересмотра, критического просеивания ряда канонических тезисов истории философии: «Как [хайдеггеровским] концептам не оказаться внутренне оскверненными в результате столь отвратительной ретерриториализации?»⁹ И чтобы подготовить становление свободы, нельзя уклоняться от необходимости творчества: «Нам не хватает сопротивления настоящему. Творчество концептов само по себе обращено к некоей будущей форме, оно взывает к новой земле и еще не существующему народу»¹⁰.

Чтобы избежать осквернения, надо экспериментировать с созданными концептами: «Мыслить — значит экспериментировать, но экспериментирование — это всегда нечто совершающееся сейчас»¹¹. Экспериментирование, по существу своему являющееся философским, не может довольствоваться какой-либо прошлой, настоящей или будущей территорией:

Меня никогда не трогали люди, говорящие, что нужно преодолеть философию. Пока будет необходимость создавать концепты, будет и философия, поскольку в этом ее определение. Их создают в зависимости от проблем. А проблемы развиваются... Заниматься философией — значит создавать новые концепты, отвечающие проблемам, которые ставятся сегодня. И тогда последний момент: что представляет собой развитие проблем? Исторические, социальные силы, но и становление мысли, благодаря которому сегодня ставятся уже другие проблемы, и ставятся иначе. Есть такая история мысли, которая не сводится к игре влияний. Есть такое становление мысли, которое остается тайной¹².

7. Дионис Масколо, письмо Жилью Делёзу, 30 апреля 1988 года, издано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 306.

8. Жиль Делёз, письмо Дионису Масколо, 6 августа 1988 года: Ibid., p. 307.

9. Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Что такое философия?*, с. 127. Перевод изменен. — Прим. пер.

10. Там же, с. 126.

11. Там же, с. 129.

12. *L'Abécédaire de Gilles Deleuze*.

И если травма Второй мировой войны коснулась Делёза и Гваттари лишь по касательной, своими последствиями, они зато стали полноправными участниками события мая 1968 года. Особенно остро ощущая задачи своего времени, они тут же поняли его значение — значение основополагающего разрыва. Вся траектория Гваттари в послевоенный период вела его к «подготовке» этого события, особенно в силу связи, установленной им между политическим и психоаналитическим пространством, и одним из пунктов этой траектории станет критика любых бюрократических искушений. Хотя Делёз, в отличие от своего будущего друга Гваттари, не был революционером и активистом, именно это событие подготовит их встречу, став залогом ее плодотворности. Если бы не май 1968-го, эта, встреча, возможно, не состоялась бы. Событие 1968-го стало тем срезом потоков, который был необходим для освобождения сочетания их творческих сил. Ни Гваттари, ни Делёз никогда не будут отрицать эту связь с прочувствованным ими тогда жизненным порывом.

Их первое совместное произведение, «Анти-Эдип», берет начало в майском движении, прочерчивая новые модальности мышления о мире, которые оно наметило. Вместе с Гваттари Делёз много позже, в 1984 году, напишет, что только ренегаты говорят, что событие можно преодолеть; оно проходит внутри индивидов — точно так же, как и внутри общества. Отвечая на искушение редукционизма, жертвой которого стали социальные науки, он говорит:

Май 1968-го относится скорее к порядку чистого события, свободного от всякой нормальной или нормативной причинности. Его история — «цепочка нестабильностей и упрощенных флуктуаций». В 1968 году было много волнений, но в конечном счете не это имеет значение. Значение имеет то, что это был феномен прозрения, словно бы общество вдруг увидело то, что было в нем невыносимого, а еще увидело возможность чего-то другого. Это коллективный феномен, выраженный в форме: «Требую возможного, иначе задохнусь...» Возможное не дано заранее, оно создается событием. Это вопрос жизни и смерти. Событие создает новую жизнь, оно производит новую субъективность¹³.

Итак, эта встреча оказалась возможной благодаря двум событиям, но в чем кроется ее плодотворность? Почему эта молния, вспыхнувшая на небе, предвещает новую парадигму? Задача двух этих мыслителей — продвинуться еще дальше в децентра-

13. Gilles Deleuze, Félix Guattari, «Mai 68 n'a pas eu lieu», *Les Nouvelles littéraires*, 3–9 mai 1984; переиздано в: Gilles Deleuze, *Deux régimes de fous*, p. 215–216.

ции человека, чтобы еще успешнее погрузить его в живую среду и обрести тем самым утраченное единство. Дегуманизировать человека, чтобы еще больше гуманизировать природу в рамках того, что Пьер Монтебелло называет «самой человеческой метафизикой космоса и самой космичной метафизикой человека после коперниковской революции»¹⁴. То есть задача не в том, чтобы реабилитировать старую метафизику, которая приписывает слишком большое значение тождественному, тождеству с образцом, а в том, чтобы создать новую метафизику, которая бы подняла на щит философию природы, оставляющую место для развертывания всевозможных различий, поскольку «бытие на самом деле стоит на стороне различия, а не единства или множества»¹⁵. В этом и заключается смысл поисков Делёза, чистого метафизика, каким он себя считал, который затянул своего друга Гваттари в авантюру, затеянную еще в самом начале 1950-х годов. И именно эти поиски и привели его к реабилитации забытых, униженных, побежденных, вышедших из моды традиций, а именно традиций Тарда, Ницше, Бергсона... Ведь именно они попытались построить новую метафизику, которая вместо того, чтобы разделять сознание и природу, стремилась найти ту его составную часть, благодаря которой, как считал Бергсон, сознание не является сознанием чего-то, но само является чем-то, что представляется немаловажным сдвигом по отношению к феноменологической программе Гуссерля.

Мир, по словам Ницше, — это «мир отношений»¹⁶: эта мысль, проходящая красной нитью по творчеству Делёза, утверждает еще в «Логике смысла», где совершается переход от «есть» к «и», причем именно «и» отдается приоритет, утверждаемый снова и снова. Так, в интервью *Cahiers du cinéma* 1976 года, посвященном Жан-Люку Годару, союз «и» по ту сторону *отношения* становится матрицей разнообразия, учреждением новой метафизики:

«И» не является уже больше союзом или каким-то особенным отношением, оно увлекает за собой все отношения, и существует столько отношений, сколько «И»; «И» не только расшатывает все отношения, оно расшатывает существительное, глагол и т.д. «И», это «и... и... и...», и есть творческое заикание... Множество как раз и есть «И»¹⁷.

14. Pierre Montebello, *L'Autre Métaphysique*, Paris: Desclée de Brouwer, 2003, p. 12.

15. Gilles Deleuze, «Bergson, 1859–1941», Merleau-Ponty (sous la dir.), *Les Philosophes célèbres*, Paris: Mazenod, 1956; переиздано в: *L'Île déserte et autres textes*, p. 33.

16. Nietzsche, *Œuvres complètes, Fragments posthumes*, XIV, 14 (93).

17. Жиль Делёз, *Переговоры*, с. 64.

В этих условиях мысль и материя, доселе в современном мышлении разделявшиеся, могут прийти к согласию. Как замечает Пьер Монтебелло, эта «иная метафизика» искала путь, отличный от того, по которому пошла феноменология, она повернулась спиной к интенциональности, чтобы вернуться к менее опосредованному, более прямому отношению между движением вещей и движением идей, тому отношению, которое должно осуществляться за счет временной приостановки сознания. «Представить преодоление человека на гребне космоса, вознести человека на высоту имманентной силы, пронизывающей универсум. Обрести творческий сгусток бытия в человеке, чтобы на втором шаге просветить и освободить его действие и его творческую способность внутри самой природы»¹⁸: вот в чем будет заключаться задача этой «иной метафизики».

18. Pierre Montebello, *L'Autre Métaphysique*, p. 305.

Список сокращений

- AGEMP — Объединенная ассоциация студентов-медиков (Association générale des étudiants en médecine)
- ALO — Ассоциация за свободный эфир (Association pour la liberté des ondes)
- AMPPG — Мексиканская ассоциация психоаналитической групповой психотерапии (Association mexicaine de psychothérapie psychanalytique de groupe)
- BAPU — Бюро психологической помощи в университетах (Bureaux d'aide psychologique universitaires)
- BDIC — Библиотека международной современной документации (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine)
- BNF — Национальная библиотека Франции (Bibliothèque nationale de France)
- BOG — «Бюллетень Левой оппозиции» (Bulletin de l'Opposition de gauche)
- CBPF — Бразильский научно-исследовательский центр физики (Centro Brasileiro de Pesquisas Físicas)
- CEDETIM — Центр исследований и инициатив международной солидарности (Centre d'études et d'initiatives de solidarité internationale)
- CERFI — Центр институциональных исследований и образования (Centre d'études, de recherches et de formation institutionnelles)
- CERFISE — Центр институциональных исследований и образования Юго-Востока (Centre d'études, de recherches et de formation institutionnelles Sud-Est)
- CERPHI — Центр исследования риторики, философии и истории идей (Centre d'études en rhétorique, philosophie et histoire des idées)
- CERS — Студенческий центр профсоюзных исследований (Centre étudiant de recherche syndicale)
- CGIL — Всобщая итальянская конфедерация труда (Confederazione Generale Italiana del Lavoro)
- CGT — Всобщая конфедерация труда (Confédération générale du travail)
- CINEL — Центр инициатив по новым пространствам свободы (Centre d'initiatives pour de nouveaux espaces de libertés)
- CNRS — Национальный исследовательский центр (Centre national de la recherche scientifique)
- CNU — Национальный совет университетов (Conseil national des universités)
- EHES — Высшая школа социальных исследований (École des hautes études en sciences sociales)
- FGEL — Объединенная федерация студентов-филологов (Fédération générale des étudiants en lettres)
- FGERI — Федерация групп по институциональным исследованиям (Fédération des groupes d'étude et de recherches institutionnelles)
- FNAR — «Гомосексуальный фронт революционных действий» (Front homosexuel d'action révolutionnaire)
- FIAC — Международная ярмарка современного искусства (Foire internationale d'art contemporain)
- FIRC — Фонд инноваций, исследований и творчества (Fondation innovation recherche création)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- GERMO — Группа по изучению рабочего движения (Groupe d'étude et de recherche du mouvement ouvrier)
- GIA — Группа информации по лечебницам (Groupe Information Asiles)
- GIP — Группа информирования о тюрьмах (Groupe d'information sur les prisons)
- GOP — «Рабоче-крестьянские левые» (Gauche ouvrière et paysanne)
- GP — «Пролетарские левые» (Gauche prolétarienne)
- GROBOFECA — Группа хороших левых женщин (Groupe des bonnes femmes de gauche)
- GTPSI — Рабочая группа по институциональной психотерапии и социотерапии (Groupe de travail de psychothérapie et de sociothérapie institutionnelles)
- IMES — Институт современных издательских архивов (Institut Mémoires de l'édition contemporaine)
- INA — Национальный аудиовизуальный институт (Institut national de l'audiovisuel)
- IRCAM — Институт исследования и координации акустики и музыки (Institut de recherche et coordination acoustique/musique)
- IRIS — Институт международных и стратегических отношений (Institut de relations internationales et stratégiques)
- JCR — «Революционная коммунистическая молодежь» (Jeunesse communiste révolutionnaire)
- LCR — Революционная коммунистическая лига (Ligue communiste révolutionnaire)
- MGEN — Страховой кооператив работников образования (Mutuelle générale de l'Éducation nationale)
- MLF — Движение за освобождение женщин (Mouvement de libération des femmes)
- MNEF — Национальная страховая организация французских студентов (Mutuelle nationale des étudiants de France)
- MRJ — Революционное движение молодежи (Mouvement révolutionnaire de la jeunesse)
- MSI — Итальянское социальное движение (Movimento sociale italiano)
- OG — «Левая оппозиция» (Opposition gauche)
- OPP — Организация политических заключенных (Organisation des prisonniers politiques)
- ORTF — Управление радио- и телевидения Франции (Office de radiodiffusion-télévision française)
- OSARLA — Организация солидарности с латиноамериканскими революциями (Organisation de solidarité à la révolution latino-américaine)
- PCI — Международная коммунистическая партия (Parti communiste internationaliste)
- PCMFLF — Марксистско-ленинская коммунистическая партия Франции (Parti communiste marxiste-léniniste de France)
- POUM — Рабочая партия марксистского единства (Parti ouvrier d'unification marxiste)
- PPF — Французская психиатрическая партия (Parti psychiatrique français)
- PSU — Объединенная социалистическая партия (Parti socialiste unifié)
- SCAJ — подкомиссия по распорядку дня, в Ла Борд (la sous-commission pour l'animation de la journée)
- SNESup — Национальный синдикат преподавателей высшей школы (Syndicat national de l'enseignement supérieur)
- SPI — Институциональное психотерапевтическое общество (Société de psychothérapie institutionnelle)
- SPK — Социалистический коллектив пациентов (Sozialistisches Patientenkollektiv)
- UEC — Союз студентов-коммунистов (Union des étudiants communistes)
- UJCM — Союз коммунистической марксистско-ленинской молодежи (Union de la jeunesse communiste marxiste-léniniste)
- UNAM — Национальный автономный университет Мексики (Universidad Nacional Autónoma de México)
- UNEF — Национальный союз французских студентов (Union nationale des étudiants de France)
- БТЕ — базовые терапевтические единицы
- ФКП — Французская коммунистическая партия

Указатель имен

- Агасински, Сильвиан 172
Адамов, Артюр 122
Адлер, Альфред 9, 48, 52, 70, 104,
254–257
Адлер, Лор 627
Адриан, Филипп 312, 313, 335, 534
Ажуриагерра, Жюлиан де 61
Азманн, Робер-Анри 356
Аим, Жан 61, 83
Айзенман, Питер 649
Айяла 16
Акерман, Шанталь 523
Акселос, Костас 9, 126, 131, 155, 156, 265
Алажуанин, Теофиль 122
Алкье, Фердинан 56, 126, 128, 129, 143,
148, 152–155, 160, 185, 229, 467
Аллегре, Ив 68
Аллио, Рене 498
Аллуш, Жан 281
Алье, Эрик 9, 10, 99, 209, 280, 335, 366,
372, 399, 529, 564, 609, 629, 630
Альтюссер, Луи 11, 155, 233, 287–289,
373, 374, 457, 589, 610
Альфандери, Клод 357
Андреотти, Джулио 360
Андріє, Бернар 9, 206, 649, 650
Анжер, Дидье 482
Анка, Пол 552
Анселл-Пирсон, Кейт 600
Ансельм, Мишель 348
Антониоли, Манола 9, 11, 174, 336, 616,
638, 639, 641, 647
Антониони, Микеланджело 176, 503,
520, 523
Аньелли, Джованни 363
Аньес Б. 340, 351, 552
Апергис, Жорж 533, 534
Априль, Оливье 9, 83, 84
Аптекман, Ален 9, 20, 130, 131
Аракагёк, Зафер 9
Арафат, Ясир 329, 330, 396
Аристотель 151, 442
Армель, Клод 342
Арно, Эрик 476
Арон, Раймон 45, 458
Арон, Робер 121
Арто, Антонен 205, 222, 242, 252, 254,
264, 265, 414, 511, 539, 557, 603
Артьер, Филипп 9
Аручев, Пьер 75, 112
Асада, Акира 603
Астье, Фредерик 451
Аткинсон, Ти-Грейс 582, 583
Аттали, Жак 476, 478
Аттали, Жан 649
Баадер, Андреас 370, 371, 394, 395
Бадью, Ален 214, 434, 438, 457–467, 626,
629
Базалья, Франко 226, 417, 418, 423, 424,
428, 430, 610, 614
Базен, Андре 498, 501, 502, 591, 592, 653
Байе, Ги 128
Байи-Сален, Пьер 356
Балве, Поль 59
Балестрини, Нанни 362
Балибар, Этьен 434
Бальмен, Пьер 139
Бамберже, Жан-Пьер 127, 386, 450
Баратье, Жак 69
Бардо, Брижит 130
Бардо, Пьер 172
Баржонне, П. 347
Барнс, Мэри 419
Барра, Мартин 586
Барро, Жан-Луи 222, 223
Барт, Ролан 97, 433, 440, 550, 555, 579, 587
Барт, Ханс 170
Батай, Жорж 166
Бах, Иоганн Себастьян 81, 552
Бахтин, Михаил 521
Башляр, Гастон 121, 127, 128, 144, 406
Базз, Джоан 585
Бежар, Морис 107
Бей, Хаким 598
Бейнар, Жан 357
Бек, Джозеф 419
Бек, Джулиан 223, 606
Беккет, Сэмюэл 15, 107, 264, 541, 556, 557,
626, 627

- Белаваль, Ивон 560
Беллоккьо, Марко 536
Беллур, Раймон 9–11, 150, 202, 495, 502, 504, 511, 512, 546, 547, 565, 566
Бенасайаг, Мишель 622
Бенатуй, Тома 9, 186, 633
Бенвенист, Эмиль 291
Бенде, Жером 513
Бене, Кармело 500, 555, 556
Бенсаид, Даниэль 347
Бенсмайя, Реда 9, 594
Бенуа, Жан-Мари 471
Берарди, Франко «Бифо» 10, 332, 363–367, 377, 614
Бергман, Ингмар 138, 176
Бергсон, Анри 28, 128, 129, 133, 136, 141, 143, 152, 153, 164–166, 174, 176–184, 214, 216, 280, 291, 412, 462, 467, 494, 504–508, 512, 518, 523, 564, 591, 609, 616, 633, 651, 656
Берже, Дени 9, 10, 48–51, 53, 636
Берио, Лучиано 563
Берлингуэр, Энрико 360, 367
Бернард Клервский 121
Берройс, Жаки 10, 619
Берроуз, Уильям 582
Бертюселли, Жан-Луи 497
Бесс, Жак 68, 69
Бетховен, Людвиг ван 44
Бизер, Эжен 172
Бирман, Жоэль 299
Бирс, Амброуз 138
Биттар, Жаку 608
Блан, Луи-Пьер 357
Бланшо, Морис 173, 203, 413, 414, 463, 479, 547, 654
Бланшо, Пьер 9, 287, 420, 448, 541
Блок-Лене, Франсуа 357
Блондель, Эрик 55, 172
Блонкур, Эли 51
Блюм, Леон 45, 118
Блюм, Робер 45
Блюменталь, Симон 49, 53
Бобати, Янник 629
Бобе, Луизон 136
Бог, Рональд 588
Бодлер, Шарль 119
Бодри, Мишель 83
Бодри, Пьер 511
Бодрийяр, Жан 271, 399, 467
Бойер, Жан-Клод 347
Бойс, Йозеф 538
Болонья, Серджо 362
Большё, Ален 9, 198, 593
Бональ, Дениз 534
Бонелли-Бассано, Новелла 10
Бонитцер, Паскаль 9, 497, 498, 500, 511
Боннафе, Люсьен 59–61, 356
Бонта, Марк 336
Бонтан 390
Борг, Жан-Люк 312
Боррей, Жан 438
Борхес, Хорхе Луис 312
Бюфре, Жан 126, 170
Бозер, Шарль 379
Бреден, Жан-Дени 374
Брессон, Робер 501, 521, 522
Бриер, Жак 10, 67, 68
Бриер, Жан 482
Бродель, Фернан 258, 321, 344, 610
Брюа, Жан 49
Буаниш, Арно 26
Буассе, Ив 497
Будиаф, Мохаммед 53
Булес, Пьер 550, 551, 563
Бундас, Константин 9, 587, 588, 590, 593, 597
Бунюэль, Луис 501, 503
Бург, Джулиан 592
Бургуа, Кристиан 9, 350, 351, 368, 373, 375, 529
Бурде, Клод 51, 373
Бурдьё, Пьер 397
Буррио, Никола 538
Буске, Жоэ 176, 201, 202, 229
Бьюкенен, Йен 595
Бьянко, Джузеппе 9, 143, 174, 615
Бьянко, Жан-Луи 476
Бэкон, Фрэнсис 552, 557, 558
Бэссетт, Гастон 61
Бюидан, Мирей 558
Бюканан, Бриветт 10, 49, 81, 83
Бюржлен, Жан 121
Бюрнье, Мишель-Антуан 248
Бюси-Глюксман, Кристиан 9, 563, 564, 629
Бютель, Мишель 10, 31, 52, 73, 74, 103, 109, 112, 627, 646
Бютор, Мишель 122, 127
Бюффе 390
Бюффьер, Жерар 104
Бюшанан, Тома 104
Бюэн, Ив 335
- Ваанен, Жанна 10
Вагнер, Рихард 533, 552, 563
Вайе, Шарль, доктор 356
Вайз, Джон Макгрегор 10
Валадьё, Поль 172
Валенса, Лех 397
Валь, Жан 56, 121, 128, 143–145, 151, 166, 167, 169, 170, 173, 174
Ван Гог, Винсент 141, 557, 631
Ваноли, Андре 357
Варела, Франциско 29, 431, 489, 574
Васконселлос, Хорхе 610
Ваттимо, Джанни 170, 615
Вебер, Анри 368, 434, 438
Вегенер, Альфред 519

- Ведель, Жорж 110
 Вейль, Эрик 441
 Вейнштейн, Ален 627
 Вен, Поль 10, 385, 400, 404
 Венгартен, Ромен 534
 Вендерс, Вим 498, 514
 Вензель, Жан-Поль 534
 Вено, Филипп 504
 Венсан, Андре 357
 Венсан, Жан-Мари 636
 Верди, Джузеппе 442
 Вермерш-Торез, Жанетт 227
 Верн, Жюль 26
 Вернан, Жан-Пьер 49, 433
 Верне, Даниэль 343, 376
 Верне, Марк 512, 513
 Верне-Страджотти, Мари-Терез 343
 Верни, Франсуаз 469
 Верстратен, Пьер 626, 643
 Вертов, Дзига 592
 Вештер, Антуан 482–484
 Виаль, Андре 120
 Виан, Борис 350
 Виансон-Понте, Пьер 468
 Вивес, Ангелс 59
 Вивьен, Клод 10, 52, 53, 56, 70, 71
 Видаль-Наке, Пьер 389
 Видор, Кинг 501
 Визман, Хайнц 172
 Вилар, Жан 88
 Виллани, Арно 10, 145, 146, 150, 156, 213, 217, 317, 465, 558, 559, 631, 632, 641
 Виллани, Тициана 10, 614
 Виллен, Доменик 494
 Вине, Роберт 307
 Винер, Норберт 601
 Винсигерра, Люсьен 629
 Виньола, Аделаида 534
 Вирилио, Поль 10, 199, 381, 483, 485–487, 492, 516, 622
 Вирмо, Ален 511
 Висконти, Лукино 503, 520
 Виталь, Жоаким 557, 561
 Витгенштейн, Людвиг 400, 444
 Витти, Моника 176
 Вламинк, Морис де 40
 Войнарович, Дэвид 535
 Вольтер 181, 560
 Вормс, Фредерик 10, 181, 184, 632
 Вуайне, Доминик 482
 Вулф, Вирджиния 540
 Вулф, Томас 540
 Вышнеградский, Иван Александрович 553
 Вюарне, Жан-Ноэль 172
 Вьюемен, Жюль 175, 386
 Гаванье, Пьер 357
 Галло, Макс 479
 Галлуци, Франческо 614
 Гандийяк, Морис де 9, 120–122, 127, 129, 139, 140, 155, 167, 227
 Ганс, Абель 501, 516
 Гарбо, Грета 275
 Гарно, Жервез 10
 Гароди, Роже 386, 387
 Гаррель, Филипп 523
 Гаше, Родольф 172
 Гаэд, Эдуар 172
 Гваттари, Брюно 9, 10, 90–92, 381, 382, 530
 Гваттари, Жан 9, 10, 35, 36, 42, 48, 95, 620
 Гваттари, Поль 35, 41
 Гваттари, Эмманюэль 9, 10, 91, 92, 530, 618
 Геббельс, Йозеф 516
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 143–145, 148, 151, 153–155, 168, 170, 177, 179, 186, 210, 321, 440, 441, 469, 515, 651
 Гейсмар, Ален 219–220, 389
 Гёльдерлин, Фридрих 537
 Геноско, Гари 589
 Герен, Даниэль 373
 Геру, Марциаль 128, 142, 170, 410, 560
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 44, 55, 310
 Гибер, Эрве 512
 Гидони, Пьер 110
 Гийе, Мишлин, см. *Као, Мишлин*
 Гийе, Николь 9, 10, 13, 79, 82, 83, 89, 90, 99, 103, 105, 274, 341
 Гийе, Пьер 89
 Гийерм, Ален 9
 Гийерм, Даниэль 365
 Гийом, Гюстав 286, 287, 320
 Гийонне, Рене 127
 Гильом де Сен-Тьерри 121
 Гинзберг, Аллен 254, 529, 585
 Гинзбург, Карло 375
 Гитлер, Адольф 95
 Гишар, Оливье 435
 Гласс, Филип 533, 552
 Глиссан, Эдуар 529, 543, 544
 Гловжевски, Барбара 335
 Глюксманн, Андре 468–470
 Гобар, Анри 309, 310
 Гоген, Поль 141
 Годдар, Жан-Кристоф 10, 218, 280, 281, 648
 Годжич, Влад 580
 Годмар, Антуан де 622
 Гойя, Франсиско 557
 Гольдман, Пьер 109, 379
 Гольдман, Саша 10, 483, 492, 618
 Гольдшмидт, Виктор 200, 218
 Гонсалес, Фернандо 9, 611
 Горбаневская, Наталья Евгеньевна 384
 Горц, Андре 107
 Гоше, Марсель 353

- Гранжуан, Фанни 139, 140
 Грасс, Жерар 341
 Грация, Мария 431
 Греле, Стани 637
 Гренье, Жан 122
 Гризе, Антуан 109, 111
 Гризе, Жерар 554
 Грин, Андре 265, 268, 269
 Гриоль, Марсель 255, 256
 Гриффит, Дэвид Уорк 518
 Гро, Фредерик 9, 411, 412, 627
 Гронден, Жан 593
 Гросберг, Лоренс 9, 601, 602
 Грюзон, Клод 357
 Грюмберг, Жан-Клод 534
 Грюнбергер, Бела 269
 Гудчайлд, Филип 602
 Гуссерль, Эдмунд 126, 143, 145, 177, 198, 199, 506, 643, 645, 656
 Гэ, Жан-Поль 622
 Гюсдорф, Жорж 61
- Д'Ашер, Доменик 554
 Дави, Мари-Мадлен 121–123, 387, 556
 Давид, Яша 312, 623
 Дагоне, Франсуа 175
 Дадун, Роже 266
 Даней, Серж 498, 501, 502
 Даниэль, Жан-Пьер 98
 Данто, Артур 582
 Даньелу, Жан 122
 Дарьё, Даниэль 513
 Дассо, Марсель 341
 Де Голль, Шарль 123, 130, 224, 475
 Де Сика, Витторио 520
 Дебре, Режи 376
 Дебюсси, Клод 553, 563
 Девевр, Брижит 390
 Девиль, Клод 50
 Дежарден, Ален 482
 Декам, Кристиан 9, 373, 440, 443, 604, 627
 Декам, Марк-Ален 9, 151
 Декарт, Рене 56, 144, 148, 153, 159, 175, 176, 188, 461, 645
 Декомб, Венсан 161
 Делакампань, Кристиан 318
 Деланда, Мануэль 596
 Делатр, Ален 128
 Делёз, Жорж 117, 118, 120
 Делёз, Фанни 9, 10, 176, 385, 440, 441, 501, 548, 549, 625, 628
 Делиньи, Фернан 98–101, 103, 425–427, 455
 Деломм, Жанна 172
 Делькур, Ксавье 469–471
 Делэ, Жан 122
 Денизе, Жан 357
 Депардон, Раймон 371
 Депинуа, Морис 61
- Депюссе, Жак 104
 Депюссе, Мари 10, 71–74, 82, 83, 89, 90, 94, 112, 530, 531
 Деррида, Жак 172, 258, 260, 433, 434, 444, 478, 569, 579, 580, 587, 588, 590, 601, 610, 626, 646
 Дефер, Даниэль 389–391, 403, 413
 Джеймисон, Фредрик 590, 596
 Джеймс, Генри 545
 Джелали 393
 Джервис, Джованни 418, 422, 423
 Джойс, Джеймс 73, 267, 487, 531, 618
 Джонс, Максвелл 419
 Дзангари 364
 Дидро, Дени 132
 Дикинсон, Эмили 593
 Дилан, Боб 585
 Диоген 201
 Диоген Лаэртский 200
 Дмитренко, Пьер 127
 Доббель, Даниэль 534
 Дойл, Артур Конан 546
 Долто, Франсуаз 341
 Домезон, Жорж 61, 63, 356
 Доменак, Жан-Мари 265, 273, 389, 390
 Донати, Арлетт 19, 20, 88, 91–95, 525
 Донзло, Жак 9, 272, 273, 390, 391, 397, 400
 Доннар, Жизель 374, 382, 383, 622
 Дорио, Жак 83
 Дос Пассос, Джон 517
 Досс, Флоранс 11
 Достоевский, Федор Михайлович 570
 Дотти, Марко 614
 Друа, Роже-Поль 437, 569, 622, 627, 628
 Дубле, Жан-Мари 9, 10, 353
 Дунс Скотт, Иоанн 408
 Дюамель, Жорж 522
 Дюбийяр, Ролан 104, 534
 Дюдан, Пьер 41
 Дюкро, Освальд 295, 309
 Дюллен, Шарль 68, 124
 Дюма, Пьер 379
 Дюмон, Рене 48, 481, 482
 Дюмонсель, Жан-Клод 9, 163, 164, 190
 Дюмулен, Югетт 98, 99
 Дюпавийон 476
 Дюпони де Лом, Элен 10
 Дюран, Эни 98
 Дюринг, Эли 9, 183, 632, 633
 Дюркгейм, Эмиль 128, 129, 207–209, 211, 257
 Дюфрен, Микель 567
 Дюфуа, Джорджина 477
 Дюшан, Марсель 222, 538
 Дяткин, Жильбер 103
- Ельмслев, Луи 245, 293, 294, 509
 Ергон, Марк 482

- Жаккар, Ролан 264
 Жаллон, Юг 11
 Жамбе, Кристиан 468, 471
 Жане, Пьер 119, 522
 Жанен, Ив 109
 Жанжирар, Жан 71, 78, 79, 89
 Жансон, Бландин 329
 Жанти, Роже 9, 61, 83, 262, 425, 427
 Жарри, Альфред 126, 127
 Жданов, Андрей 475
 Жданов, Артур 585
 Жегле, Клод 445
 Жене, Жан 346, 393
 Жиль, Жозе 466, 629
 Жильсон, Рене 512
 Жильсон, Этьен 121
 Жирар, Кристиан 605
 Жирар, Рене 271, 272
 Жирар, Филипп 48, 52, 233
 Жискард д'Эстен, Валери 347, 348, 380
 Жобер, Алэн 392
 Жозефина 528–530, 534, 618, 619
 Жоливе, Андре 535
 Жоливе, Мерри 535
 Жоливе, Режи 181
 Жост, Франсуа 512, 513
 Жоффруа Сент-Илер, Этьен 211, 212
 Жуане, Луи 390
 Журдей, Жан 534
 Жуффруа, Алэн 373
 Жюкен, Пьер 483
 Жули, Серж 219, 263, 376, 389
 Жюфф, М. 347
- Забунян, Дорк 10, 513
 Зауи, Пьер 637
 Захер-Мазох, Леопольд фон 13, 143, 155–158, 163, 206, 235, 503, 539, 543
 Зельдин, Теодор 351
 Земплени, Андрас 255
 Зиберберг, Ханс-Юрген 498
 Зильберман, Патрик 351, 353, 354
 Зимон, Герман 60
 Зурабишвили, Франсуа 10, 191, 201, 281, 282, 388, 449, 450
 Зюблена, Америко 104
- Иджинла, Байодун 594
 Ижлен, Жак 382
 Изард, Мишель 104
 Изард, Франсуаз 104
 Иллич, Иван 610
 Ипполит, Жан 121, 122, 126, 143–145, 148, 152, 154, 155, 166, 179, 183, 218, 467
 Ипполит, Маргерит 155
 Исодзаки, Арата 605
- Кавайес, Жан 151, 441
 Кагель, Маурисио 533
- Казалис, Жорж 373
 Казан, Элиа 502, 503
 Кайуа, Роже 122
 Калассо, Роберто 172
 Каллегари, Роберто 614
 Каллон, Мишель 644, 645
 Кальвес, Поль 49
 Кальман, Ж. 605
 Камаюэр, Одетт 118
 Камю, Альбер 43
 Кан, Пьер 109
 Кангилем, Жорж 61, 127, 144, 148, 154, 166, 168, 175, 309, 406, 433, 467
 Кане, Паскаль 511
 Кант, Иммануил 14, 135, 137, 143, 151–153, 159–161, 197, 403, 444, 450, 457, 462, 464, 509, 645
 Као, Мишлин 37, 42, 46, 66, 88, 89
 Карбонье, Арно 534
 Каркассон, Филипп 202, 503
 Картри, Мишель 9, 10, 48, 51, 52, 70, 71, 103, 254–256
 Карусо, Игорь 611
 Касамайор, Луи 390
 Кассаветис, Джон 517, 523
 Кассирер, Эрнст 561
 Кастель, Робер 261, 277, 422–424
 Кастель, Ф. дю 605
 Кастильо, Родольфо Альварес дель 611
 Кастлер, Альфред 389
 Касториадис, Корнелиус 350, 427
 Катала, Жан-Мишель 108, 109, 111
 Катрофелло, Эндрю 9, 591
 Кауфман, Элеанор 9, 592, 593
 Кафка, Франц 27, 156, 173, 202, 247, 264, 302, 305–308, 310–314, 451, 477, 531, 534, 543–545, 557, 596, 631
 Каш, Бернар 9, 49, 562, 564, 629
 Кашен, Ив 49
 Кейдж, Джон 222, 533, 563, 582
 Кекоевич, Татьяна 10, 618, 619
 Керн, Анн-Брижит 483, 623
 Керотре, М. де 81
 Керуак, Джек 254, 535, 540, 585
 Керуй, Оливье 9, 341, 351
 Керьян, Анн 9, 10, 219, 221, 338, 341, 342, 345, 347, 348, 354
 Кестемберг, Эвелин 63
 Кешлен, Филип 83
 Китон, Бастер 138
 Кларк, Джуди 584
 Кластр, Пьер 52, 256, 266, 301, 321, 331, 606
 Клейст, Генрих фон 21, 541
 Клеман, Алэн 122
 Клеман, Катрин 277, 316–318, 580
 Клеман, Эрик 172
 Клинтон, Билл 330
 Клисфен 302

- Клоарек, Ив 14, 20, 36–39, 42, 43, 47,
 48, 53–55, 66, 81, 89, 91, 93, 95, 234,
 525, 548
 Клодель, Поль 138
 Клоссовски, Пьер 121, 122, 172, 173, 387,
 388, 555, 652
 Кляйн, Мелани 206, 243
 Ко, Жан 127
 Ковель, Джоэл 582
 Кожев, Александр 122, 138, 154, 186
 Коз, Питер 580
 Кокран, Терри 594
 Колли, Джорджо 171
 Колмен, Жан 83
 Коломб, Анри 254
 Коломбель, Жанетт 176, 228
 Колюш 380, 381, 485
 Кон, Жорж де 130
 Конан, Мишель 338, 339
 Кон-Бендит, Габи 10, 52
 Кон-Бендит, Даниэль 52, 219, 221, 223,
 368, 373, 482, 483, 614
 Кондомина 353
 Конли, Том 594
 Конт, Антуан 394
 Контес, Жорж 446
 Копп, Анатолий 49
 Коппи, Фаусто 136
 Коппола, Фрэнсис Форд 503
 Корман, Энцо 312, 313, 335, 534, 620
 Кортесс, Пьер 127
 Кот, Катрин 104
 Кофман, Сара 172
 Коше, Ив 482
 Коэн-Левинас, Даниэль 629
 Кравец, Марк 107, 109
 Крамер, Роберт 498, 536
 Крафт-Эббинг, Рихард фон 157
 Кремонези, Лука 615
 Крессоль, Мишель 274, 275
 Крессон, Андре 144
 Кривин, Ален 116
 Критон, Паскаль 9, 452, 552–554
 Крицман, Лоуренс 9, 595
 Крозье, Мишель 338
 Круассан, Клаус 371, 377, 394–396
 Ксенофонт 138
 Кубрик, Стэнли 503
 Куллберг, Кристина 9, 544
 Купер, Дэвид 226, 418, 419, 423, 424, 428,
 610, 612
 Куперник, Сирил 265
 Куросава, Акира 498
 Кутюрá, Луи 560, 561
 Къежман, Жорж 366, 374, 379, 389
 Кьеркегор, Сёрен 70, 144
 Кэрролл, Льюис 201, 291, 414, 539
 Кьюве, Жорж 211, 212
 Кюни, Ален 556
 Лабарт, Андре С. 499
 Лаборд, Жерар 15
 Лабр, Жан 50
 Лависс, Эрнест 183
 Лагаш, Даниэль 135
 Лажиске, Элизабет 629
 Лакан, Жак 13–15, 18, 24, 52, 54–56, 61,
 62, 64, 66, 67, 70, 71, 75, 82, 85, 96,
 97, 104, 108, 135, 156–158, 207, 221,
 233–240, 243–246, 248–250, 253, 255,
 257, 266, 267, 273, 283, 285, 287, 293,
 299, 300, 313, 323, 397, 399, 418, 434,
 437, 555, 592, 609, 611
 Лакроз, Рене 129
 Лаку-Лабарт, Филипп 172
 Лалонд, Брис 481, 483, 484
 Лама, Лучано 361
 Ламбрикс, Жорж 273
 Ламменэ, Фелисите Робер де 504
 Ланг, Жак 311, 312, 373, 384, 397, 475–477,
 479, 620, 621
 Ланг, Моник 620, 621
 Ланг, Фриц 307
 Лангер, Мари 610
 Ланглуа, Дени 183, 393, 502
 Ланд, Ник 600, 601
 Ланцман, Жак 127, 131
 Ланцман, Клод 126, 127, 131, 496, 497
 Лапассад, Жорж 347
 Лапейру, Иван 647
 Лапланш, Жан 170, 235, 255
 Лапорт, Жан 144
 Лапорт, Роже 273, 274
 Лапужад, Давид 9, 170, 450, 565, 621, 634
 Ларде, Пьер 35, 36
 Лардро, Ги 466–468, 471, 629
 Ларуш, Гюстав 583
 Ларюэль, Франсуа 587
 Лас Верньяс, Раймон 433
 Латур, Бруно 644–646
 Лаури, Малкольм 631
 Лаутман, Жан 441
 Ле Бра, Габриэль 110
 Ле Гийян, Жермен 103
 Ле Гийян, Луи 63
 Ле Гофф, Жан-Пьер 280
 Ле Пен, Жан-Мари 110, 526
 Ле Перон, Серж 494
 Ле Ридер, Жак 166
 Ле Руа Ладюри, Эмманюэль 433
 Лебель, Жан-Жак 10, 221–223, 346, 373,
 528, 529, 582, 584, 585, 623, 624
 Лебовиси, Серж 70
 Леви, Бенни 53, 263, 389
 Леви, Бернар-Анри 372, 468, 469
 Леви, Примо 653
 Леви, Пьер 489, 643, 644
 Левилдье, Раймон 49
 Левинас, Эмманюэль 322, 484

- Леви-Стросс, Клод 71, 250, 255, 256, 289, 300, 301
 Лёвит, Карл 170
 Ледюк, Виктор 49
 Лейбниц, Готфрид Вильгельм 131, 138, 159, 176, 208, 209, 212, 410, 449, 450, 452, 454, 460, 526, 559–565, 603, 628, 631, 642
 Лейрис, Мишель 48, 121, 393
 Леклезю, Жан-Мари Гюстав 540
 Леклер, Серж 62, 207, 255, 266, 434, 580
 Леклерк, Анри 379, 389
 Лекур, Доменик 478
 Лельевр, Анри 379
 Лемарк, Франсис 41
 Лемуан, Ив 374
 Лемуан, Клод 9, 118, 133, 134, 228
 Ленин, Владимир Ильич 103, 107, 638
 Леннон, Джон 585
 Леонардо да Винчи 548
 Леруа, Пьер 390
 Леруа, Ролан 109
 Лестер, Марк 587
 Лётра, Жан-Луи 9, 514, 515
 Лефевр, Анри 48, 175, 221
 Лефор, Клод 650
 Ливит, Карл 172
 Линар, Виржини 10, 25, 30, 31, 42, 52, 56, 68, 70–73, 75, 76, 83, 89, 90, 92, 94, 221, 222, 226, 317, 364–369, 374, 376, 381, 382, 422, 424, 483, 485–487, 492, 526, 529–531, 582, 583, 585, 586, 604, 606, 618–620, 623, 624, 643
 Линар, Даниэль 220
 Линар, Робер 263, 274, 344, 438
 Линдон, Жером 328, 329, 351, 373, 470
 Линь Бяо 458
 Лиотар, Жан-Франсуа 172, 271, 310, 347, 350, 437, 438, 440, 443, 444, 447, 448, 459, 479, 494, 569, 582, 587, 592, 627, 642
 Липиц, Ален 482
 Лич, Эдмунд 300
 Ло Руссо, Франческо 364
 Лозье, Жерар 23, 526
 Лоне, Жан 127
 Лонкль, Франсуа 374
 Лоренсо (мадам) 356
 Лотренже, Сильвер 9, 10, 295, 579–584, 586, 598, 599
 Лотьё, Франсуа 622
 Лоузи, Джозеф 501–503, 512
 Лоуренс, Дэвид Герберт 254, 540, 542, 618
 Лоуч, Кен 536
 Луазо, Силвен 9, 569, 570
 Лукреций 172, 264
 Лула (да Силва, Луис Игнасиу) 608
 Луро, Рене 347
 Льюис, Джерри 138
 Лэйнг, Рональд 418, 419, 423, 584
 Лэнд, Дэвид 588
 Лэнс, Тони 76, 427
 Люксембург, Роза 107
 Люмет, Сидни 517
 Мабен, Ив 9, 581, 625, 628
 Мадараш, Норман 9, 610
 Маджори, Робер 9, 12, 19, 21, 29, 318, 412, 568, 621, 622, 626, 627
 Майнхоф, Ульрика 371
 Маккалок, Уоррен 644
 Маккей, Джон 592
 Малер, Густав 320
 Малик, Терренс 536
 Малинво, Эдуар 357
 Маль, Луи 497
 Мальбранш, Никола 128, 175
 Мальдине, Анри 13, 175, 236, 237
 Мамле, мадемуазель 356
 Манар, Пьер 10
 Манг, Филипп 9, 447, 459, 639–641
 Манганаро, Жан-Поль 9, 555
 Манс, Эдуар 557
 Маненти, Жозе 9, 98, 99, 103
 Манильс, Патрис 9, 633
 Манн, Даниэль 514
 Маннони, Мод 418, 425, 427
 Мансо, Мишель 435
 Мао Цзэдун 48, 115, 460, 466, 468, 497, 498
 Марголис, Хорхе 612
 Маржевски, Жан 357
 Маринье, Жан 120
 Марион, Силви 379
 Марк Аврелий 402
 Маркос, Сильвия 611
 Мендель, Эрнест 350
 Маркс, Карл 75, 103, 104, 116, 153, 155, 170, 173, 251, 252, 264, 269, 287, 343, 374, 375, 390, 436
 Маркузе, Герберт 264, 268
 Маронжу, Жан-Батист 622
 Маррати, Паола 647
 Марсель, Габриэль 170
 Марслен, Раймон 389
 Мартен, Жан-Кле 9, 213, 443, 629–631
 Мартен, Люсьен 10, 530
 Мартине, Жиль 51
 Мартино, Кристин 390
 Марье, Мишель 9, 132, 133
 Масколо, Дионис 653, 654
 Массе, Пьер 357
 Массуми, Брайен 588, 595
 Матта, Рамондо 10, 373
 Мачадо, Роберто 609
 Мачокки, Мария Антоньетта 368
 Машре, Пьер 155, 288

- Медам, Жан 112
 Мейер, Даниэль 51
 Мейер, Жак 357
 Мелвилл, Герман 201, 540, 542, 593
 Менделеев, Дмитрий Иванович 511
 Мендельсон, Софи 239
 Мендес Франс, Пьер 357
 Мениль, Ален 9, 503, 515
 Мерин, Жак 379
 Мерло-Понти, Морис 55, 120, 177, 179, 199, 650
 Мерсье, Рене 357
 Мессиян, Оливье 553, 554
 Метц, Кристиан 500, 508–510, 512–514
 Мийо, Катрин 9, 83, 244, 266, 267, 281
 Милберг, Жан-Пьер 107, 108
 Миллер, Генри 254, 540, 584, 585
 Миллер, Джеймс 395, 396
 Миллер, Жак-Ален 14, 97, 233, 283, 437, 438
 Миллер, Жерар 438, 439
 Миллер, Жюдит 434, 435, 459
 Миллон, Робер 61
 Мильнер, Жан-Клод 14, 233
 Мильнер, Макс 132
 Миньо (доктор) 356
 Миняр, Анни 105
 Миняр, Жан-Пьер 374, 379
 Мира-и-Лопес 60
 Миттеран, Франсуа 348, 376, 380, 383, 396, 397, 475–477, 479
 Мишле, Жюль 504, 570
 Мишо, Анри 245, 546, 547
 Мишо, Жинетт 10, 70, 71, 86, 89
 Можандр, Брижит 105
 Мозер, Лиан 9, 74, 75, 82, 105, 110, 112, 115, 116, 347, 355
 Мози, Робер 163, 514
 Моке, Ги 122
 Монжен, Оливье 9, 543, 650
 Монне, Анн Джаннини 48
 Монне, Жан 48
 Моно, Жак 260
 Монро, Мэрилин 275
 Монтан, Ив 393
 Монтебелло, Пьер 9, 214, 215, 656, 657
 Монтесано, Джанмарко 10, 30, 313, 365, 366, 369, 373
 Монтинари, Мадзино 171
 Моравиа, Альберто 373
 Морс, Марсель 121, 122, 131, 166
 Морен, Эдгар 426, 427, 483
 Мори, Эрве 9, 74, 110, 112, 116, 368
 Мориак, Клод 265, 392, 393, 395
 Мориак, Франсуа 265
 Моро, Альдо 373–375
 Моро, Пьер-Франсуа 634, 635
 Моррис, Меган 601
 Моруа, Пьер 397
 Моцарт, Вольфганг Амадей 138
 Мулен, Жаклин 89
 Мулье-Бутан, Ян 10, 365, 366, 368, 369, 373, 374, 636, 637
 Мунье, Эмманюэль 502
 Мурель, Жан 172
 Мурнау, Фридрих Вильгельм 519
 Мэдисон, Джеймс 638
 Мэй, Бенджамин 602
 Мюнье, Жак 647
 Мюрар, Лион 9, 10, 76, 95, 110, 116, 340, 343, 344, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 356
 Мюрар, Ньюа 353
 Мюяр, Жан-Пьер 9, 12–17, 18, 21, 103, 221
 Набер, Жан 651
 Надо, Морис 266, 350
 Надо, Стефан 9, 23
 Нанси, Жан-Люк 172, 626
 Нарбони, Жан 9, 494, 497–501
 Нёвэглиз, Поль 469
 Негри, Тони 9, 10, 332, 362, 365, 373–378, 596, 597, 614, 629, 636, 638, 647
 Ницше, Фридрих 14, 26, 27, 121, 136, 141, 143, 150, 160, 162, 164, 166–177, 185, 186, 191, 192, 195, 197, 198, 214, 216, 272, 344, 385–387, 399, 402, 406, 407, 443, 448, 449, 459, 465, 471, 543, 552, 558, 577, 585, 610, 614, 628, 640, 645, 656
 Ногер, Анри 395
 Нора, Симон 357
 Норамбуэна, Мигель 9, 612, 613
 Нозэль, Бернар 373
 Ньютон, Исаак 212
 Обраль, Франсуа 9, 379, 469–471
 Оверни, Пьер 61
 Одсн, Роже 512, 513
 Одрикур, Жан 456
 Одуар, Иван 130
 Ожак, Анри 357
 Ожалё, доктор 356
 Окенгем, Ги 341, 345–347, 350, 353, 442
 Оливейра, Мануэл ди 498
 Олковски, Доротея 588, 597
 Олтмен, Роберт 503, 517
 Олье, Дени 580
 Омон, Жак 9, 511–513
 Оран, Луи 100, 427, 428
 Ортиг, Мари-Сесиль 254
 Ортиг, Эдмон 254
 Орфила, Арнальдо 610
 Орье, Морис 147
 Остин, Джон 295, 309, 535
 Офре, Даниэль 9
 Офюльс, Макс 524
 Пазолини, Пьер Паоло 520
 Паини, Доминик 9, 501

- Пайо, Морис 83
 Пако, Тьерри 9, 11, 614, 648
 Палма, Норман 172
 Панаже, Жо (Роже) 9, 10, 46, 49, 105, 223, 224
 Панков, Жизела 83
 Паради, Брюно 561
 Парамель, Франсуаз 270, 271
 Паренте, Андре де Суза 9, 495, 512
 Парментье (сенатор) 374
 Парне, Клэр 118, 280, 450, 585
 Паррен, Брис 122
 Паскаль (судья) 390
 Пассе, Рене 483
 Пассероне, Джорджо 9, 443, 452, 615
 Пассрон, Жан-Клод 391, 393
 Паттон, Пол 9, 588, 589, 640, 641
 Паче, Ланфранко 373, 377
 Паше, Пьер 10, 52
 Пеги, Шарль 201, 407
 Пейрефит, Ален 228, 395
 Пелбарт, Петер Паль 588
 Пелланини, Этторе 90
 Пенину, Жан-Луи 106, 109
 Пепиат, Майкл 558
 Пердро, Николь 89, 90, 92
 Перикл 442
 Перре, Жан 104
 Перру, Франсуа 357
 Перьер, Жерар 482
 Пети, Раймон 45, 46, 48–50, 81, 100
 Петижан, Арман 623
 Петри, Флоранс 9, 342, 349–351
 Пиаф, Эдит 138, 552
 Пивидаль, Рафаэль 9, 151, 264, 266
 Пиво, Бернар 469
 Пикассо, Пабло 264
 Пина, Ришар 9, 447, 448, 550–552, 624, 625, 647
 Пиндар, Ян 602
 Пиночет, Аугусто 612
 Пиперно, Франко 362, 373, 377
 Пирс, Чарльз Сандерс 28, 295, 511
 Планшон, Роже 176
 Платон 137–139, 151, 175, 178, 194–197, 241
 Плевен, Рене 389, 392
 По, Эдгар Аллан 238
 Повер, Жан-Жак 350
 Пол Пот 352, 460
 Полак, Жан-Клод 9, 10, 13, 73–75, 83, 93, 94, 96, 103, 106, 109, 226, 335, 341, 373, 426, 616, 636
 Полан, Дана 596
 Полан, Жан 121, 122
 Полен, Раймон 151, 170
 Политцер, Жорж (Аруэ, Франсуа) 181, 512
 Помпиду, Жорж 437
 Помян, Кшиштоф 353
 Понж, Франсис 64
 Понсен, Катрин 85, 103
 Понсен, Клод 61, 85, 106
 Поперен, Жан 132
 Поппер, Карл 589
 Потра, Бернар 172, 633
 Потт-Бонвиль, Матьё 9, 411, 637, 638
 Поттеше, Фредерик 390
 Прадин, Морис 650
 Прадо, Бенто 609
 Прайс, Дэниэл 9, 591
 Прели, Жорж 75, 112, 350
 Пренан, Марсель 51
 Пригожин, Илья 478, 643
 Протеви, Джон 9, 336, 337
 Пру, Шарль 357
 Пруст, Марсель 129, 138, 139, 156, 161–165, 202, 236, 293, 400, 449, 497, 510, 514, 533, 539, 541, 551, 557, 573, 587, 591
 Пруст, Франсуаз 629
 Пу, Рене 104
 Пуланзас, Никос 440
 Пулидор, Раймон 139
 Пьер де Блуа 121
 Пэйо, Даниэль 593
 Пэн, Франсуа 9, 10, 76, 87, 94, 100, 313, 340, 341, 349, 368, 378, 379, 381–384, 528, 623
 Рабин, Ицхак 625
 Рабуэн, Давид 9, 561, 633, 634
 Равенсель, Бернар 622
 Рагон, Марк 622
 Райх, Вильгельм 264, 267
 Райх, Стив 552
 Райхман, Джон 580, 584
 Ранке, Отто 183
 Рансьер, Даниэль 390
 Рансьер, Жак 9, 434, 438, 520, 543
 Расин, Ив 83
 Рассел, Бертран 560, 565
 Растье, Франсуа 569
 Раушенберг, Роберт 538
 Ревель, Жюдит 10, 394, 403–405
 Рево д'Аллон, Оливье 9, 127–130, 151, 177
 Ревон, Кристиан 390
 Резвани, Серж 127, 131
 Рей, Жан-Мишель 172
 Рей, Роже 50
 Рей, Эвелин 131
 Рейк, Теодор 157
 Рейно, Фернан 532
 Рембо, Артюр 585, 603
 Рене, Ален 68, 107, 501, 523
 Рено, Ален 592
 Ренуар, Жан 87, 501, 502, 519
 Реньо, Франсуа 9, 137–139, 155, 413, 434, 438
 Реньо, Эрве 647

- Риветт, Жак 493, 523
 Ривьер, Пьер 394, 498
 Рикёр, Поль 167, 196, 204, 389, 515, 587, 588, 647, 650, 651
 Риман, Бернхард 455
 Рипер, Жан 357
 Рист, Алэн 482
 Рифеншталь, Лени 516
 Робен, Жак 10, 483, 487, 623
 Робер, Ив 41
 Роватти, Пьер Альдо 615
 Рогозенски, Жакоб 10, 641, 642
 Родис-Леви, Женевьева 175, 176
 Родовик, Дэвид Норман 592
 Роже, Алэн 10, 134–137, 155, 176, 459
 Роже, Жан-Анри 494
 Роз, Пьер 266
 Розенфельд, Орест 51
 Розье, Мишель 504
 Рокар, Мишель 88, 357, 477, 482, 483
 Роле, Жерар 399
 Ролен, Жан 529, 619
 Рольник, Сули 10, 606–609
 Ромё 70
 Росс, Клеман 647
 Росселлини, Роберто 502, 503, 508, 520
 Ростен, Мишель 10, 15, 75, 76, 95, 109, 116, 335, 340, 341, 347, 348
 Ротберг, Дениз 83
 Ротелли, Франко 429, 430
 Руа, Клод 48
 Руаяль Сеголен 476
 Рубье, Жан-Поль 115
 Рудинеско, Элизабет 10, 267, 268, 446, 447
 Руже, Жильбер 553
 Руис, Рауль 498
 Руло, Даниэль 76, 341, 342, 530
 Руо, Клод 351
 Рус, Ричард 172
 Руссель, Раймон 242, 386, 414
 Русскийон, Рене 272
 Руссо, Жан-Жак 138, 147, 152
 Рутье, Франсуаз 73
 Рэй, Николас 501
 Рюйе, Раймон 213
- Сад, маркиз де 143
 Садуль, Жорж 61
 Саид, Эдвард 396, 598
 Салански, Жан-Мишель 10, 447
 Санбар, Элиас 10, 327–330, 450
 Санд, Жорж 504
 Сантьяго, Уго 496
 Сартр, Жан-Поль 43, 44, 48, 50–52, 55, 67, 85, 121–126, 132, 137, 176, 273, 344, 346, 392, 393, 457, 488
 Сас, Томас 610
 Сафуан, Мустафа 62
- Светоний 546
 Себаг, Люсьен 48, 51, 52, 70, 71
 Себаг, Робер 71
 Сеглар, Доминик 10, 147, 148
 Секка, Марина 612
 Селин, Луи-Фердинанд 397
 Сенгор, Леопольд Седар 121
 Сен-Гру, Жан 357
 Сеньобос, Шарль 183
 Серван-Шрайбер, Мари-Клер 351
 Серж, Виктор 107
 Серизе, Жан 357
 Сёрл, Джон 309
 Серр, Мишель 432, 434, 560, 643, 645
 Серто, Мишель де 229, 590, 595
 Сефия, Видал 310
 Сибертен-Блан, Гийом 10, 161, 186, 198, 634, 635
 Сибони, Даниэль 498
 Сивадон, Даниэль 10, 11, 74, 93, 94, 226, 333, 335, 356, 488, 528, 636
 Сивадон, Поль 356
 Сигала, Клод 100, 425–427
 Сиксу, Элен 391
 Симан, Мишель 9, 137, 138, 502, 503
 Симон, Жюльет 626
 Симон, Симона 268
 Симондон, Жильбер 209–211, 246, 522, 643, 646
 Синьоре, Симона 393
 Скальцоне, Оресте 362, 374, 614
 Смит, Дэн 588
 Смит, Патти 585
 Соважо, Жак 219
 Сованьярг, Анн 10, 157, 180, 205, 456, 547, 576, 634, 635, 647
 Соллерс, Филипп 469, 470
 Сомье, Изабель 361
 Сонье-Сеите, Алис 439, 493
 Соссюр, Фердинанд де 85, 293, 294, 511, 580
 Спивак, Гаятри Чакраворти 598
 Спиноза, Барух 10, 14, 128, 133, 135, 136, 141, 143, 151–153, 166, 169, 172, 176, 184–192, 198, 204, 212, 214, 260, 281, 326, 330, 402, 403, 409, 435, 448, 449, 462, 547, 556, 559, 577, 591, 597, 633, 635, 645, 651
 Спитцер, Жерар 49–51, 53, 113
 Сталин, Иосиф Виссарионович 52, 460
 Стенгерс, Изабель 10, 317, 478, 609, 642, 643
 Стерн, Даниэль 488, 530
 Стефан, Андре 269
 Стиваль, Чарльз 587, 588, 595, 601
 Стивенсон, Роберт Льюис 540
 Стиглер, Бернар 646
 Струлти, Кьяра 430
 Сугимура, Масааки 10, 604–606

- Сузуки, Хиденобу 451, 602, 603, 605
 Суинберн, Алджернон Чарльз 557
 Сулье, Жерар 10, 366, 371–373, 376, 380, 382, 394
 Сурин, Кен 592
- Табатони, Пьер 586
 Такамацу, Шин 605
 Такен, Вероник 515
 Тангэ, Кэндзо 605
 Тард, Габриель 164, 208, 209, 211, 212, 216, 656
 Тарковский, Андрей Арсеньевич 524
 Тахава, Кеичи 604
 Тердиман, Дик 590
 Терзиефф, Лоран 69
 Тёрнер, Уильям 557
 Тибо, Мари-Ноэль 108
 Тинторетто 563
 Тито, Иосип Броз 46, 47
 Тодоров, Цветан 580
 Тойосаки, Куичи 603
 Том, Рене 478
 Тоннер, Жером 503
 Топалов, Кристиан 338
 Торми, Саймон 10, 602
 Торо, Ивон 443
 Торрубиа, Афелио 103
 Торрубиа, Орас 61, 83, 103, 262, 266, 356
 Тоскейес, Франсуа 59–63, 67, 76, 79, 83, 96, 102, 356
 Тотен, Жиль 224
 Тошимитцу, Имаи 535
 Трастур, Ги 10, 103, 108
 Трастур-Фенасс, Рене 103
 Тронти, Марио 332
 Троцкий, Лев Давидович 52, 107, 113, 374
 Трубецкой, Николай Сергеевич 85
 Трюффо, Франсуа 497, 498, 502
 Тубианá, Серж 10, 495–498, 502
 Тураками 604
 Турнье, Мишель 10, 117, 120, 122–125, 127, 130, 131, 139, 144, 145, 201
 Тьере, Жан-Батист 10, 87, 88
 Тюбианá, Мишель 10, 371, 373, 382
- Уайтхед, Альфред Норт 28, 144, 216, 217, 408
 Удар, Жак 127
 Уно, Куниичи 10, 23–25, 27, 28, 602–604
 Уорхол, Энди 538
 Уотерс, Линдси 594
 Ури, Жан 9, 10, 20, 54, 55, 61–70, 72, 73, 76, 78, 79, 81–85, 91–96, 98, 100, 103, 108, 226, 254, 274, 356, 417, 525, 529, 530, 617, 621, 622
 Ури, Фернан 39, 40, 42, 54, 102, 221
 Уэллс, Орсон 514
 Фаббри, Паоло 529
- Фабр, Сатюрнен 513
 Фавро, Эрик 429, 430
 Фадини, Убальдо 614
 Фай, Жан-Пьер 9, 10, 25, 97, 117, 118, 126, 366, 373, 380, 384, 391, 392, 397, 477, 478, 624
 Фанон, Франц 79
 Фарбия, Патрик 10, 620
 Фарси, Клод 88
 Фассбиндер, Райнер Вернер 497
 Федиди, Пьер 236, 237
 Фелис, Жан-Жак де 371, 390, 394
 Феллини, Федерико 176, 520
 Ферлингетти, Лоуренс 585
 Ферран, Ги 115
 Феррери, Марко 497
 Ферри, Люк 487, 592
 Ферро, Марк 498
 Фиман, Ги 494
 Финк, Ойген 170, 172
 Фихте, Иоаганн Готлиб 218
 Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 201, 540, 545
 Фишан, Мишель 560
 Фишо (мадам) 81
 Флам, Леопольд 172
 Фламан, Поль 121
 Флерье, Жан-Рене 351
 Флётью, Пьеретт 9, 545
 Флинкер, Карл 139, 547–549
 Форман, Ричард 582
 Форнер, Ален 107–109
 Фортес, Мейер 256, 301, 302
 Франжю, Жорж 503
 Франк, Филипп 307
 Франко, Даниэль 9, 643
 Франс, Анатолий 119
 Франсуа, Клод 552
 Фраппа, Брюно 426
 Фреге, Готлоб 291, 565
 Фрейд, Зигмунд 75, 103, 116, 119, 139, 157, 158, 170, 173, 180, 192, 204, 206, 207, 233, 235, 237–240, 244, 248, 253, 259, 263–265, 269–272, 277, 287, 307, 343, 344, 399, 436, 437, 444, 537, 611, 622
 Фриу, Клод 437
 Фроман, Рене 357
 Фроманже, Жерар 9, 10, 24, 25, 366–370, 373, 532, 534, 535, 547–550, 619, 620, 627, 647
 Фуко, Мишель 30, 155, 170–173, 203, 242, 249, 265, 271, 276, 277, 303, 323, 339, 342, 343, 346, 352, 371, 378, 381, 385–408, 410–415, 434, 435, 448–450, 460–462, 467, 469, 495, 498, 526, 547, 550, 555, 561, 569, 579, 582–584, 587–589, 592, 594, 601, 603, 609, 610, 632, 637, 648
 Фурке, Женевиэва 15, 75

- Фурке, Франсуа 9–11, 14, 15, 18, 19, 75, 76,
 110, 112, 113, 116, 220, 341, 343–345, 347,
 350–352, 355–358, 526
 Фурнье, Пьер 481
 Фуше, Кристиан 11
 Фьески, Жак 503
 Фюрто, Жан 272
 Фюссман 139

 Хайдеггер, Мартин 124, 126, 127, 138, 143,
 154, 170, 177, 192, 194, 321, 400, 414,
 464, 593, 651
 Халеви, Илан 327, 328, 622
 Хальбвакс, Морис 527
 Хальбвакс, Пьер 119, 373, 527
 Харауэй, Донна 597
 Харди, Томас 254, 540
 Хардт, Майкл 596, 597, 638
 Хендрикс, Джими 552
 Херцог, Вернер 514, 523
 Хирш, Этьен 54
 Хичкок, Альфред 503, 514
 Холланд, Юджин 9, 588, 590
 Холлидей, Джонни 87
 Хомский, Ноам 296
 Хрисипп 201, 202
 Хюбер (доктор) 419, 420

 Цитувидес, Савас 430

 Чаплин, Чарли 88, 514
 Че Гевара 116, 348, 627

 Шабан-Дельма, Жак 338, 347
 Шабо, Паскаль 9, 210, 643
 Шали, Жан 107
 Шампетье, Каролин 499
 Шапсаль, Мадлен 265, 435
 Шардель, Пьер-Антуан 9, 641, 646, 647
 Шарль, Даниэль 582
 Шартье, Жан-Поль 236, 237
 Шассе-Смиржел, Жанин 269, 270
 Шатле, Альбер 51
 Шатле, Ноэль 9, 265, 440, 441, 496, 624
 Шатле, Франсуа 48, 127–131, 149, 174, 175,
 177, 229, 264–266, 288, 347, 434–436,
 438–443, 460, 470, 478, 479, 496, 598,
 624
 Шато, Доминик 514
 Шахин, Юсеф 498
 Шаша, Леонардо 373
 Шварц, Лоран 51
 Шевалье, Пьер 444, 450
 Шевенман, Жан-Пьер 478

 Шейла 275
 Шекспир, Уильям 330, 546, 555, 557
 Шенихен, Вальтер 487
 Шено, Жан 9, 48, 366, 372, 373, 443, 482,
 527
 Шено, Элен 83
 Шерер, Рене 10, 347, 350, 373, 439, 442,
 443, 492, 622, 629
 Шидт, Ален 104
 Шидт, Эстель 104
 Шмид, Даниэль 496, 497
 Шрёдер, Барбе 497, 498
 Штернберг, Жак 514
 Штокхаузен, Карлхайнц 563
 Штрауб, Жан-Мари 498, 537
 Штраус, Лео 138
 Штроейм, Эрх фон 138, 501, 503
 Шуле, Филипп 578

 Эвальд, Франсуа 150, 202, 353, 398
 Эванс-Притчард, Эдвард Эван 256, 302
 Эзикман, Клодин 494
 Эйзенштейн, Сергей 501, 514, 516, 518,
 519, 554
 Эко, Умберто 373
 Эль Греко 563
 Элькаим, Мони 10, 373, 421–425, 575
 Элюар, Поль 61
 Эм де Лакотт, Сюзанн 9
 Эндрю, Дадли 9, 591, 592
 Эннион, С. 347
 Энодо, Корин 9, 443, 444
 Эпиктет 136, 402, 633
 Эпикур 547, 645
 Эпштейн, Жан 521
 Эрве, Ален 481
 Эрвье, Жиль 370
 Эрибон, Дидье 386, 393, 413
 Эрмье, Ги 108, 109, 11
 Эрреншмидт, Оливье 104
 Эстабле, Роже 155
 Эсташ, Жан 497, 523
 Эффель, Жан 48

 Юм, Дэвид 14, 141, 143–152, 154, 156, 165,
 181, 188, 254, 574, 600
 Юнес, Крис 10, 175–177, 227, 648, 649
 Юри, Пьер 357

 Якобсон, Роман 85, 245
 Янкевич, Владимир 19, 56, 478
 Янковичи, Гарри 557
 Яннис, Лукас 430
 Ярузельский, Войцех 397

Научное издание

Серия «Интеллектуальная биография»

ФРАНСУА ДОСС
ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ
И ФЕЛИКС ГВАТТАРИ
Перекрестная биография

Главный редактор В. В. Анашвили
Выпускающий редактор Е. В. Попова
Редактор К. Г. Заманская
Художник В. П. Вертинский
Оригинал-макет С. Д. Зиновьев
Верстка Я. Д. Агеев

Подписано в печать 30.03.2021. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 54,6. Тираж 1000 экз. Изд. № 131.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru.
Заказ №

ISBN 978-5-85006-347-4

